Уважаемые коллеги и читатели!

Вам представлен второй очередной номер Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии».

В процессе отбора представленных работ наши эксперты особо отметили статьи: доктора экономических наук, доцента И.А. Бачуринской и студента Санкт-Петербургского государственного экономического университета Ю.Д. Каплаух «Анализ проблем развития исторически сложившихся городских территорий в контексте Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга», кандидата экономических наук, доцента Уральского государственного экономического университета Г.М. Квон «Сущность пространственно-интегрированной методологии исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона», кандидата юридических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского филиала Российского государственного университета правосудия Л.С. Кирилловой «Корпоративная этика в регулировании трудовых отношений», адъюнкта Казанского юридического института МВД России Е.И. Рябцева «Использование искусственного интеллекта в целях предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних», доктора социологических наук, профессора Северо-Западного института управления – РАНХиГС при Президенте РФ, Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I А.А. Бесчасной и аспиранта Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики О.А. Корневой «Специфика использования мобильных приложений в социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья», кандидата экономических наук, доцента Н.И. Ларионовой, доктора социологических наук, профессора Л.А. Бургановой, кандидата экономических наук, доцента А.М. Сафиуллиной и кандидата социологических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета О.Ю. Кукушкиной «Межрегиональные миграционные процессы: оценка вклада цифрового разрыва».

Редакционный совет от всего сердца поздравляет с юбилеем наших коллег – докторов экономических наук, профессоров Хасанову Асию Шамилевну и Орлова Сергея Леонидовича, доктора философских наук, профессора Михаила Дмитриевича Щелкунова, а также ответственного редактора журнала Гуревича Виктора Александровича. От имени членов Редакционного совета поздравляем юбиляров с праздником и желаем крепкого здоровья, благополучия, новых успехов в научно-педагогической и творческой деятельности!

С уважением,
Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»,
Доктор экономических наук, профессор
В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Бачуринская И.А., Каплаух Ю.Д.
Анализ проблем развития исторически сложившихся городских территорий в контексте Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга 8
Демидова С.Е.
Факторы обеспечения технологического суверенитета 14
Дмитриева Т.А.
Подходы к оценке эффективности государственного управления устойчивым развитием территорий 20
Кашбразиев Р.В., Мамонтов А.В.
Особенности исламского банкинга в Иране 27
Квон Г.М.
Сущность пространственно-интегрированной методологии исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона 31
Низамутдинов И.К., Малаев В.В.
Сущность и особенности реализации современной промышленной политики в российской экономике 38
Оборин М.С., Клейн Д.А.
Развитие инструментов государственного управления в условиях применения программно-целевого подхода 44
Озаровская А.В.
Цифровая экономика сельского хозяйства 49
Поздеева О.Г., Виноградова Е.Ю.
Динамика и структура изменения доходов населения в промышленном регионе (на примере Свердловской области) 54
Сабитова Н.М., Шавалеева Ч.М.
Функции управления в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях 58
Хузина А.Ф.
Особенности оценки фискального пространства субъектов Российской Федерации 62
Шлычков В.В.
«Програмные» указы 2012-2020 гг. Президента РФ как источник формирования планов и программ социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе 68

Право

Асадуллин М.Р.
Профессиональная спортивная лига как специальный субъект спортивных правоотношений 74
Ахметьянова З.А., Шакиров И.И.
Принцип недопустимости злоупотребления правом 79
Гатауллин А.Г., Ибятов И.М.
Особенности конституционных гарантий основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации 85
Гилязова А.М.
К вопросу о принципах финансового стимулирования 91
Гудков Н.В.
Допустимость промежуточных решений в российском арбитражном процессе 95
Иванов А.В.
Проблема криминального насилия в условиях «традиционного общества» дореволюционной России и Советского Союза 98

Кириллова Л.С.
Корпоративная этика в регулировании трудовых отношений 102
Михайлова И.А., Лимарь А.С., Гилаев Р.И.
О деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий 109
Помощикова Н.В.
Критерии достижения целей уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, при их исполнении 115
Рыбушкин Н.Н., Дунин О.Н.
Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии 119
Рябцев Е.И.
Использование искусственного интеллекта в целях предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних 124
Рязанова М.Н., Ларионова Н.Б.
Конституционализация семейных ценностей в современном российском законодательстве 129
Сабиев С.Ш.
Критерии и пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере 133
Садреев Р.Р.
Установление сервитута на земельный участок как предмет исследования 138
Садриева Д.Н.
К вопросу об основных аспектах социального государства как конституционной идеи 143
Суворова С.В.
Учет личности при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера 147
Султанов Р.А.
Отдельные проблемы уголовно-правовой квалификации незаконного обналичивания денежных средств 151
Финкельштейн Э.Р.
Синергетический эффект в структуре межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти и системы принудительного исполнения 155
Хазиев А.Р.
К вопросу о роли правовой охраны муниципальных образований 159
Хурматуллина А.М.
Соотношение частных и публично-правовых начал в регулировании отношений в сфере охраны здоровья 163
Чепаров Р.Д.
Несовершенство юридической техники и отсутствие необходимости правового закрепления принудительных работ 167
Юн Л.В.
Конституционное правосудие как способ урегулирования экологического спора при помощи экологического правопонимания 174

Социология

Анучина О.В., Вафина Ю.А., Юсупова А.С.
Мем как механизм социального регулирования и управления практиками вовлеченности молодежи в общественную жизнь 177
Бесчасная А.А., Корнева О.А.
Специфика использования мобильных приложений в социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья 183
Ефлова М.Ю., Вьюгина М.А.
Сложности личной и профессиональной самореализации трудоустроенных женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком 190

Ивашиненко Н.Н., Патокина Н.Н., Теодорович М.Л.
Перспективы социально-экономического развития малых территорий: на примере Городца 194
Ильиных С.А.
Мегаполис: социологический срез культуры поведения на дорогах 206
Крейк А.И.
Актуальная социологическая диагно
стика синергийных взаимодействий
между подразделениями в организации 210
Ларионова Н.И., Бурганова Л.А., Сафиуллина А.М., Кукушкина О.Ю.
Межрегиональные миграционные процессы: оценка вклада цифрового разрыва 214
Мухаметшин Р.М.
Молодежь и цифровое потребление в контексте социализации новых поколений 220
Олумекор М.
Теоретические подходы к стратификации пожилых онлайн-покупателей 225
Островкин Д.Л., Сандлер Д.Г.
Реализация государственной молодежной политики в университете:
ключевые приоритеты и критерии ее эффективности 229
Равочкин Н.Н.
Досуговая практика «вписка» как результат медиатизации повседневности 236
Тузиков А.Р., Зинурова Р.И.
Кинематограф и патриотическое сознание российского студенчества
(на примере вузов Республики Татарстан) 242
Усманов Г.Р.
Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ 247
Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х.
Роль наставника при формировании индивидуального образовательного маршрута
молодого педагога 251
Хизбуллина Р.Р., Доробов М.С.
Факторы социально-трудовой адаптации и мотивации молодежи в современных условиях 255
Южанинов В.С.
Современные взгляды на понятие девиантного поведения молодежи и феномен девиации 259

Обзорные статьи

Абдуллин А.А.
Российский и зарубежный опыт регулирования инвестиций в инновации 264
Абросимова О.М., Абдикеев Н.М.
Реализация экосистемного взаимодействия
в едином цифровом пространстве промышленности 268
Александрова А.С.
Защита персональных данных в виртуальной и дополненной реальности:
правовой аспект 272
Врублевская М.В., Калинина О.В.
Актуальные вопросы систематизации принципов
управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях 277
Доробов М.С., Хизбуллина Р.Р.
Трудовая миграция современной молодежи 283
Каримова К.С.
Китайский юань как мировая валюта 287
Охрименко Е.И., Радыгина Е.Г.
Экологический туризм в регионах: проблемы и перспективы развития 291

Сныткин Д.В.
Эффективность государственного и муниципального управления: сущностные особенности и проблемные аспекты 296
Фарвазова М.Б., Закирова Э.Ф.
Смертная казнь: мировая практика 301
Фугалевич Е.В., Родзевич В.Н.
Применение инструментов Public Relations в государственном и муниципальном управлении: современные тренды 306
Харисова Ф.И., Хайруллина Л.И., Ван Мэн
Аспекты внутреннего аудита организаций в Китае на основе концепции ESG 311
Чаплашкин Н.В., Григорович Е.В.
Реальность применения сокращенной рабочей недели в России: от трудового законодательства к практическим примерам 317

УДК 353, 332

Анализ проблем развития исторически сложившихся городских территорий в контексте Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга

Бачуринская И.А.
Доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Каплаух Ю.Д.
Бакалавр кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В статье проведен анализ проблем развития территорий Санкт-Петербурга в разрезе положений Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга. Целью исследования является анализ проблем развития территорий планировочных поясов Санкт-Петербурга и путей их решения на базе государственных программ. Выделены основные планировочные пояса исторически сложившихся территорий Петербургской агломерации. На базе анализа формирования территорий Санкт-Петербурга и Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. выявлены проблемы развития каждого пояса и предложены меры по их решению. В качестве инструмента развития городских территорий в статье рассмотрено применение государственных программ, направленных на повышение качества городской среды и социально-экономическое развитие Петербургской агломерации в целом. Раскрыты пути решения проблем развития исторически сложившихся территорий в рамках каждой программы в современных условиях градостроительного развития, что имеет практическое значение для дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: исторически сложившиеся городские территории, развитие территории, социально-экономическое развитие, государственная программа

Вопросы территориального развития являются объектом повышенного интереса со стороны органов государственной власти и населения ввиду ограниченности, невосполнимости и многофункциональности земельных ресурсов. Исторически обусловлено, что эффективное использование территории является существенным фактором экономического роста. Качественное управление земельными ресурсами как основным элементом территории субъектов РФ позволяет оптимизировать использование территории, способствует развитию инфраструктуры и сохранению природной среды. По состоянию на 1 января 2023 г. земельный фонд Российской Федерации составляет 1 723 399,1 тыс. га или 17 233, 99 тыс. кв. км. На рисунке 1 можно увидеть, что земли лесного фонда занимают большую часть площади страны – 65,9 %, а часть земель населенных пунктов незначительна и составляет лишь 1,2 %. Несмотря на небольшую площадь, земли населенных пунктов густо заселены. По данным Росстата, 74,6 % от об-

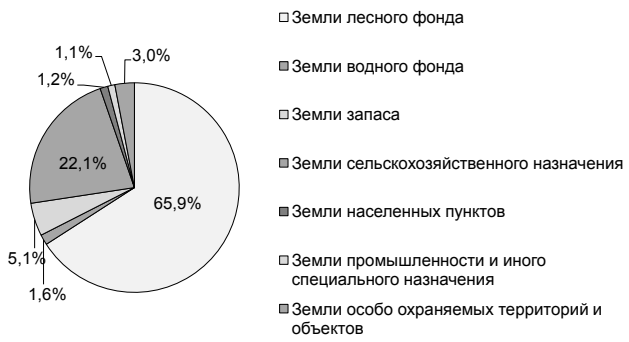

Рис. 1. Состав земельного фонда Российской Федерации, 2022 г. [3]

щего числа жителей РФ составляет городское население [1].

Одним из глобальных трендов территориального развития является укрупнение городов и агломераций. 80 % мирового ВВП в настоящее время создается городами [2]. На рисунке 2 представлена динамика темпа роста городского населения в России и мире. Темпы роста городского населения РФ незначительно опережают мировые показатели.

Согласно данным аналитического центра Москвы, население России, проживающее в городах численностью от 500 тыс. чел., в период с 1950 по 2015 гг. увеличилось в три раза, в то время как население, проживающее за пределами городов, сократилось в 2,5 раза. Стоит отметить, что основным отличием российской динамики урбанизации от международной является доля населения, проживающего за пределами городов: начиная с 2000-х гг. доля граждан РФ, проживающих за пределами городов, в 2 раза меньше мирового показателя. Из этого следует, что в современном мире города представляют собой ключевые экономические центры, обеспечивающие конкурентоспособность государства.

Стоит отметить, что на начальном этапе урбанизации основной упор был сделан на обеспечение населения безопасным жильем. Создание пространств для досуга и отдыха в большинстве случаев осуществлялось уже на застроенной территории. Однако влияние культуры на экономику и общественную жизнь становится все более значимым: с наступлением XXI в. отмечается рост материального благосостояния населения и повышение спроса на удовлетворение потребностей в духовной сфере; появляется потребность в обширном разнообразии креативных, творческих и развлекательных городских пространств для проведения досуга и отдыха. В процессе урбанизации наблюдается смещение акцента с количественных показателей (например, рост числа городов и численности городского населения) на качественные (например, повышение уровня жизни населения). Ключевым критерием при оценке уровня комфорта городского пространства является соответствие территории социальным и духовным потребностям человека. Становится очевидно, что спальные районы с многоквартирной высотной застройкой, основной целью возведения которых было обеспечение жильем рабочего населения, не могут в полной мере удовлетворить современные потребности в комфортном городском пространстве.

В 1990 г. впервые было упомянуто о делении территорий Санкт-Петербурга на три крупные средовые зоны:

1) центральные районы Ленинграда;
2) производственно-селитебный пояс;
3) новые жилые районы [4].

Для достижения социально-экономических целей по повышению уровня комфорта городской среды и улучшению уровня жизни населения необходимо рационально использовать уже существующие исторически сложившиеся территории с возможностью приведения их к современным требованиям комфортности городского пространства. Представленные выше статистические данные указывают на актуальность обеспечения рационального использования территорий крупных городских агломераций.

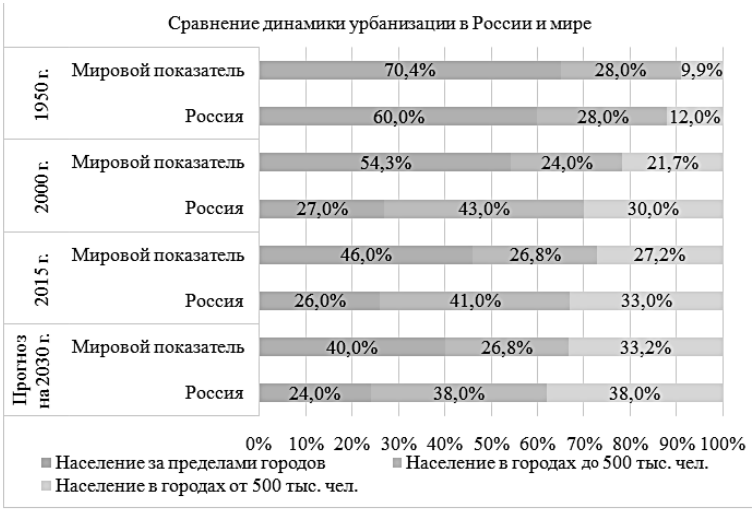

Рис. 2. Динамики урбанизации в России и мире, %

Источник: составлено авторами на основе данных аналитического центра Москвы [2].

В 2018 г. принято решение повысить индекс качества городской среды на 30 пунктов и уменьшить количество городов с неблагоприятной городской средой в 2 раза. В данных целях реализуется национальный проект «Жилье и городская среда», в рамках мониторинга по которому ежегодно рассчитывается индекс качества городской среды, созданный при сотрудничестве Минстроя РФ и института развития «ДОМ.РФ». За пятилетний период реализации проекта удалось достичь значительных результатов: доля городов с благоприятной средой увеличилась с 23 до 68 % [5]. Для регионов представленный рейтинг важен тем, что при распределении фе-

деральных субсидий на благоустройство территории учитываются результаты оценки и место региона в рейтинге. В 2024 г. в Послании Президента России Федеральному Собранию В.В. Путин отметил: «Решения в сфере финансовой поддержки регионов, рост экономики, должны работать на повышение качества жизни людей, причём во всех субъектах Федерации». Срок исполнения государственной программы был продлен до 2030 г. За этот период планируется благоустроить более 30 тыс. общественных пространств. Стоит отметить, что особую поддержку получат регионы, реализующие проекты реконструкции исторических центров городов, парков, скверов и набережных. Таким образом, реконструкция исторически сложившихся территорий представляет наиболее актуальный способ достижения стратегической цели по формированию комфортной городской среды во всех регионах России.

Начиная с 2018 г., в Санкт-Петербурге наблюдается стабильный рост индекса качества городской среды. В рамках методики расчета показателя Санкт-Петербург относится к группе «Крупнейшие города России». По итогам 2023 г., Санкт-Петербург набрал 270 баллов и занял 2 место из 16 возможных, уступая только Москве. Достичь такого высокого результата удалось благодаря обустройству комфортных современных общественных пространств. С момента начала реализации проекта «Жилье и городская среда» создано более 154 объектов, включая зеленые зоны, пространства для проведения досуга и отдыха, площадки для занятий спортом.

В целях поддержания стабильного роста экономики города в 2018 г. Законодательным собранием Санкт-Петербурга была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга» на период до 2035 г. (Стратегия-2035). Для достижения стратегических целей программы осуществляется реализация проектов по четырем направлениям:

1) развитие человеческого капитала;

2) повышение качества городской среды;

3) обеспечение устойчивого экономического роста;

4) обеспечение эффективности управления и развития гражданского общества.

В рамках направления «Повышения качества городской среды» устанавливаются приоритеты развития городской инфраструктуры с учетом широкого спектра особенностей территории. Согласно Стратегии-2035, в границах города выделяют шесть исторически сложившихся планировочных поясов, которые имеют уникальные характеристики застройки. Каждый район обладает рядом ресурсов и проблем, влияющих на потенциал развития территории. В таблице 1 представлены особенности исторически сформировавшихся планировочных поясов Санкт-Петербурга.

Исторически сложившиеся городские территории, представленные на рисунке 3, являются неотъемлемой частью городской среды. Рассмотрим более подробно историю формирования и особенности развития каждого пояса Санкт-Петербурга, выделяя их проблемы и перспективы в рамках Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга.

Исторический центр Санкт-Петербурга преимущественно был построен в XVIII в., обладает узна-

Таблица 1

Планировочные пояса исторически сложившихся городских территорий Санкт-Петербурга [6]

Название зоны	Площадь	Численность населения	Основной тип застройки
Исторический центр	58 км²	550 тыс. чел.	Европейский XVIII–XX вв. (высокая концентрация мест туристического притяжения: объекты культурного наследия и административно-делового назначения)
«Серый пояс»	108 км²	350 тыс. чел.	Объекты промышленного назначения и транспортной инфраструктуры; промышленные окраины XIX–XX вв.
Пояс основного расселения; «спальные» или «периферийные районы»	239 км²	3460 тыс. чел.	Жилые дома (многоквартирные; 1960–2010 гг.)
Внешний пояс активного градостроительного развития	230 км²	150 тыс. чел.	Современные жилые многоквартирные комплексы; массовая застройка по концепции обустройства «Город в городе»
Пояс пригородного расселения	811 км²	740 тыс. чел.	Территории, включенные в состав Санкт-Петербурга в разные периоды времени: – многоквартирные жилые дома 1960–2010 гг., – дачный фонд
Северное побережье Финского залива	267,9 км²	80 тыс. чел.	– Береговая зона; – дачный фонд; – малоэтажные дома; – индивидуальное жилищное строительство высокого ценового сегмента

ваемым, самобытным стилем и имеет значительную историческую, художественную и архитектурную ценность для общества. В эпоху XVIII–XIX вв. пространственное развитие Петербурга и его окрестностей основывалось на природных особенностях территории и ключевых транспортных маршрутах. Отсутствовала концепция деления территорий. Определять границы районов можно было по «образцовым» проектам жилых домов для разных слоев населения, разработанных Д. Трезини: «именитых» – для приближенных к императору, «зажиточных» – для торговцев и «подлых» – простого населения. Планировочная структура застройки того времени представляла собой радиально-лучевую модель: из центра города в зону периферии исходили главные транспортные пути, вокруг которых формировались поселения. Изначально Н.Ф. Гербелем была разработана пятилучевая модель улиц и магистралей центральной части города, которая сохранилась до наших дней и в настоящий момент представлена в виде: ул. Миллионная, Невский пр., ул. Гороховая, Вознесенский пр. и ул. Галерная. Однако, ввиду частых пожаров, при проектировании новых районов стали применять трехлучевую модель улиц П.М. Еропкина. Примечательно, что в XVIII в. был установлен регламент этажности, согласно которому количество этажей возрастало от периферии к центру.

С начала середины XIX в., в период индустриального подъема, все силы государства были направлены на наращивание производственных мощностей. По периметру исторического центра, на территории транспортных узлов наблюдалось увеличение концентрации предприятий промышленного назначения. Впоследствии сформировавшиеся производственные площади, окружившие культурный центр, получили название «серый пояс». В условиях современной экономики рыночного типа возросла потребность в более рациональном и экономически обоснованном использовании площади города. В начале XXI в. в Санкт-Петербурге был запущен процесс деиндустрализации: крупные промышленные предприятия начали перемещать из центральных районов в пригород. Расположенные вдоль рек и каналов заброшенные производственные площади способствовали разграничению исторических районов от новообразующихся. Как следствие, в настоящее время существует проблема нарушения целостности городского облика Санкт-Петербурга. Исторический культурный центр отделен от современного быстро растущего города, который застраивается согласно потребностям общества в пространствах для проведения активного досуга и отдыха, большими пустующими промышленными территориями – «серым поясом».

В целях рационального использования площадей исторически сложившихся территорий на освободившихся участках земли были запущены проекты джентрификации или редевелопмента. Термин «джентрификация» впервые был применен к социально-экономическому явлению в Англии и представлял собой миграцию средних слоев населения в центральные районы, где в тот период времени преобладал рабочий класс. Данная миграция приводила к росту цен на жилье, товары и услуги, и люди с невысоким уровнем дохода были вынуждены переселяться на окраины, где расходы были ниже. По отношению к территории джентрификация подразумевает благоустройство и обновление депрессивных районов города. Под «редевелопментом» понимается процесс преобразования территории, в ходе которого происходит смена ее функционального назначения, например, с промышленного на жилое или общественно-деловое.

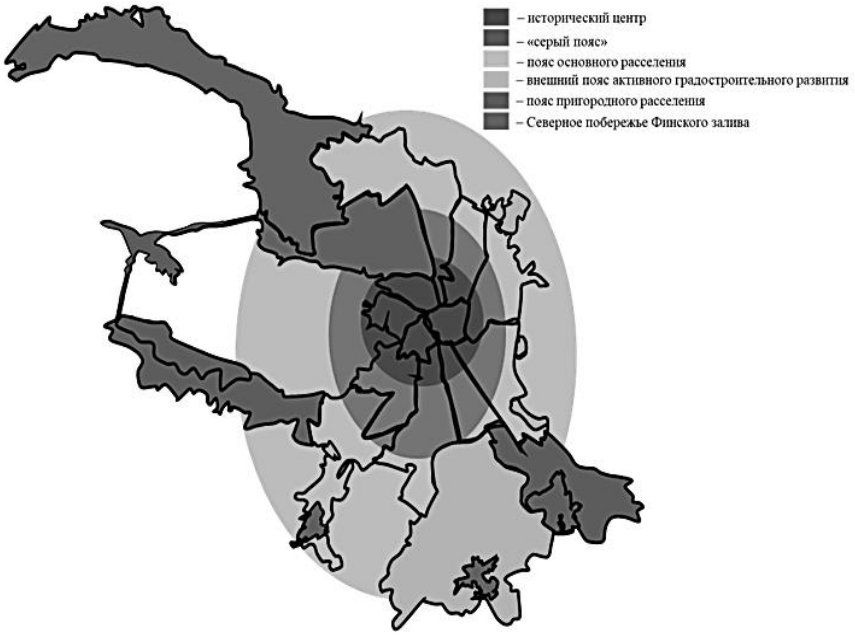

Рис. 3. Планировочные пояса исторически сложившихся городских территорий Санкт-Петербурга [6]

Пояс основного расселения («спальные» или «периферийные районы») активно формировался во второй половине XX в. Рабочую силу, задействованную на заводах и фабриках «серого пояса» необходимо было обеспечить жильем. Таким образом, вблизи промышленной зоны стали появляться жилые кварталы с высокой плотность населения. Основной проблемой таких районом в настоящее время является устаревание жилого фонда. В рамках государственной программы «Развитие застроенных территорий в Санкт-Петербурге» предполагается осуществить реконструкцию жилых домов, инженерных коммуникаций, возвести новые и реконструировать существующие

объекты социальной инфраструктуры, а также продолжить развитие улично-дорожной сети. Жителям аварийных домов будут предоставлены квартиры, площадь которых не будет менее их предыдущих, в тех же районах.

Внешний пояс активного градостроительного развития находится на значительном расстоянии от центра города и характеризуется дефицитом мест приложения труда. Из-за селитебно-трудовой несбалансированности на транспортно-пересадочные узлы накладывается дополнительная нагрузка в виде большого пассажиропотока. Для обеспечения имеющегося транспортного потока между районами периферии и центром необходимо развитие дорожной сети.

В рамках государственной программы «Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга» реализуется ряд мероприятий по преодолению недостатков транспортной системы, в частности: строительство новых транспортных артерий, ремонт и реконструкция существующей улично-дорожной сети и развитие метрополитена. В таблице 2 представлены основные проблемы развития территорий планировочных поясов Санкт-Петербурга и государственные программы, направленные на их решение.

Таблица 2

Актуальные проблемы развития территорий планировочных поясов Санкт-Петербурга в современных условиях градостроительного развития [6]

Название пояса	Основные проблемы развития	Государственная программа	Пути решения
Исторический центр	Наличие нерационально используемых территорий: Апраксин двор, Синопская набережная, территории, примыкающие к Александро-Невской лавре и др.	– «Развитие сферы туризма в Санкт-Петербурге», – «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга»	– создание городской гостевой среды: формирование исторических курортных зон, конгрессно-выставочных пространств на нерационально используемых территориях; – обновление инфраструктуры в сфере туризма
«Серый пояс»	Наличие большой площади заброшенных производственных предприятий	– «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга», – «Благоустройство и охрана окружающей среды в Санкт-Петербурге»	– редевелопмент территории: создание общественно-деловых пространств, объектов жилищного строительства и социальной инфраструктуры; – обустройство зеленых зон для проведения досуга и отдыха
Пояс основного расселения, «спальные» или «периферийные районы»	Устаревание жилого фонда	– «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга», – «Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга»	– развитие застроенных территорий: обновление инженерной, социальной и транспортной инфраструктуры; – развитие улично-дорожной сети: строительство новых транспортных артерий, реконструкция и ремонт существующих
Внешний пояс активного градостроительного развития	– острая потребность в объектах социальной инфраструктуры; – низкий уровень транспортной доступности из-за недостаточно развитой дорожной сети	– «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга», – «Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга»	– новое строительство с учетом комплексного развития территорий: создание мест приложений труда, обеспечение жителей объектами социальной инфраструктуры; – развитие улично-дорожной сети: строительство новых транспортных артерий, реконструкция и ремонт существующих
Пояс пригородного расселения	– отсутствие развитой инфраструктуры для общественно-деловой жизни; – низкий уровень транспортной доступности из-за недостаточно развитой дорожной сети	– «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга», – «Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга»	– развитие рекреационных зон; – формирование пространств общественно-деловой функции; – строительство новых транспортных узлов между пригородом и центром
Северное побережье Финского залива	– устаревание дачного и жилого фонда; – наличие неиспользуемых территорий санаторно-курортного назначения	– «Развитие сферы туризма в Санкт-Петербурге», – «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга», – «Благоустройство и охрана окружающей среды в Санкт-Петербурге»	– развитие туристического кластера: строительство центров туристического притяжения, развитие яхтенного туризма; – реконструкция заброшенных площадей санаторно-курортного назначения

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что исторически сложившиеся территории Петербурга можно разделить на шесть планировочных поясов: центральный, «серый пояс», пояс основного расселения, внешний пояс активного градостроительного развития, пояс пригородного расселения и северное побережье Финского залива. При разработке и реализации программ развития городской среды немаловажными факторами являются: историческая ценность территории, особенности планировочной структуры и интересы ее жителей. В качестве основных проблем развития территории планировочных поясов Санкт-Петербурга выступают: устаревание жилого фонда и инженерной инфраструктуры, недостаточно развитая дорожная сеть, дефицит объектов социальной инфраструктуры и нерациональное использование площадей «серого пояса» и центра. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. представляет собой эффективный инструмент, способствующий качественному переходу от устаревшей модели пространственного развития к современной, соответствующей потребностям общества.

В рамках Стратегии-2035 проводятся мероприятия по оптимизации использования исторически сложившихся городских территорий. Текущая модель пространственного развития города Санкт-Петербург находится в стадии перехода от моноцентрической, где экономическая деятельность города не охватывает районы периферии, к полицентрической, где уровень экономической активности удаленных территорий пропорционален уровню центральных районов и отсутствует дисбаланс между социальными, транспортными и инженерными инфраструктурными объектами.

Литература:

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 05.05.2023).
2. Главное о демографии городов России // Аналитический центр Москвы. – URL: https://acmos.ru/analytics/demography/ (дата обращения: 05.05.24).
3. Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 году» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/doc_nation_report_2022.pdf
4. Ершова С.А. Генеральные планы Санкт-Петербурга. 1703-2013 гг. – СПб.: Питер.ру, 2014. – 500 с.
5. 759 городов России признаны благоприятными для проживания. – URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/press/759-gorodov-rossii-priznany-blagopriyatnymi-dlya-prozhivaniya/
6. Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 № 771-164 «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года». – URL:https://npa.gov.spb.ru/SpbGovSearch/Document/26397.html (дата обращения: 05.05.2023).
7. Цзу Ч., Селькова А.В. Концепция человекоцентричного города как основа гуманистического градостроительства // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 2(131). – С. 240–247.

Analysis of the Development Issues of Historically Developed Urban Areas in the Scope of the Strategy of Socio-Economic Development of St. Petersburg

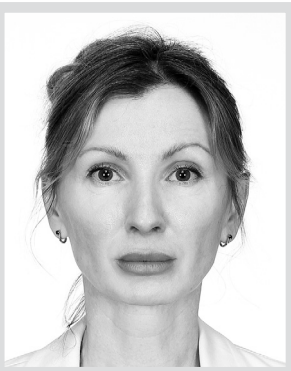
Bachurinskaya I.A., Kaplaukh Yu.D.
Saint-Petersburg State University of Economics

The article provides in-depth analysis of the issues of Saint-Petersburg areas development in the context of the Strategy of socio-economic development of the city. The research aims to study and analyze the problems of land-use zone designation of St.-Petersburg and the ways of solving them based on government programs. Basic land-use zones of historically shaped districts of the St.-Petersburg metropolitan area are identified. Based on the analysis of St.-Petersburg area shaping as well as the Strategy of the socio-economic development of the city up to 2035, the issues concetning each zone are revealed along with suggesting the steps to resolve them. Government programs aimed at enhancing urban environment and socio-economic development of the St.-Petersburg area in general are considered an effective tool of urban zone development. The ways of resolving the issues of the development of historically established territories within the framework of each program in modern conditions of urban development are revealed, which is of practical importance for further research in this direction.

Key words: historical urban areas, territory development, socio-economic development, state program

УДК 336

Факторы обеспечения технологического суверенитета

Демидова С.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета,
ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Достижение и сохранение технологического суверенитета обеспечивается через определение стратегического целеполагания и комплекса мер стимулирования развития приоритетных отраслей экономики. Формирование технологического суверенитета связано со множеством факторов, но в том числе с готовностью к инновациям и вложениями в научные исследования и разработки как государства, так и частного бизнеса. Низкий уровень инновационной активности и расходов на НИОКР являются тормозом экономического роста и могут препятствовать технологическому суверенитету. Меры государственного финансового стимулирования являются действенным инструментом при условии достаточности и обоснованности.

Научная значимость исследования заключается в систематизации теоретических подходов к содержанию понятия «технологический суверенитет», анализе документов стратегического планирования, взаимоувязанных по целям достижения технологического суверенитета.

Практическая значимость исследования заключается в оценке динамики уровня инновационной активности и финансирования НИОКР как факторов обеспечения технологического суверенитета.

Ценность и научная новизна исследования связана с системным представлением категории «технологический суверенитет» и анализом документов стратегического планирования, включающих цели достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет, инновации, государственная поддержка, бюджетное стимулирование, НИОКР

Геополитические и технологические сдвиги определили новое понимание мирохозяйственной архитектуры, ориентированного на суверенизацию экономического развития, что особенно актуально для России, столкнувшейся с беспрецедентным в истории количеством санкций – около 19 тыс. В целях обеспечения национальной и экономической безопасности важной задачей становится обеспечение технологического суверенитета. Национальные особенности поддержки политики и регулирования технологического суверенитета являются высокоактуальными на современном этапе [1; 2].

Анализ отечественных и зарубежных источников позволяет выделись следующие подходы к определению технологического суверенитета: компонент государственного суверенитета, обеспечивающий реализацию национальных целей развития и интересов [3]; способность через экономическую деятельность обеспечить народное хозяйство продукцией надлежащего качества [4]; обладание и контроль государства за совокупностью макротехнологий, составляющих единство технологических процессов [5]; обеспечение доминирующего положения в экономике и геополитике [6]; «суверенитет как автономия» [7]; стремление государства или

наднационального союза формировать и направлять глобальные социотехнические системы [1].

Наиболее полным, на наш взгляд, является определение технологического суверенитета как способность государства «предоставлять критически важные для благосостояния технологии, обеспечивающие конкурентоспособность и способность действовать, а также возможность разрабатывать их или получать их из других экономических областей без односторонней структурной зависимости» [8]. Выделение технологического суверенитета является результатом возрастающего требования к тому, чтобы государство могло сохранить свою способность действовать стратегически [9].

Объединив все аспекты рассмотренных подходов, следует принять за основу положения, характеризующие «технологический суверенитет» как обеспечение экономической безопасности страны, основанной на инновационной политике с ориентацией на внутренний ресурсный потенциал при сохранении участия в международном научно-техническом сотрудничестве. Условиями достижения «технологического суверенитета» являются распространение технологических новаций, обеспечение возможности получать доступ к технологиям, которые определены как критически важные, включенность в стратегическое целеполагание.

Технологический суверенитет нужно рассматривать как целевую функцию для ключевых технологий в критической инфраструктуре. Мировыми технологическими трендами, развитие которых будет определять перспективы каждой страны, являются: информационные технологии, искусственный интеллект (прикладной и генеративный); квантовые технологии; облачные вычисления; биомедицинские технологии (решения для продление активной жизни); транспортные технологии (сверхзвуковые лайнеры, БПЛА, электромобили); космические технологии (освоение ближнего космоса); энергетика (ядерные технологии, ВИЭ); климатические технологии (снижение углеродного следа) [10]. Стремительный технологический прогресс обусловлен инновационными волнами, особенность которых проявляется в том, что они трансформируют не только экономическую деятельность и финансовую сферу, но и общественные отношения. Цифровая инновационная волна, основанная на искусственном интеллекте, суперкомпьютерах, автоматизации, и волна глубоких научных инноваций, основанная на биотехнологиях и нанотехнологиях, определяют вектор прогрессивного развития страны на современном этапе и мирохозяйственных связей [11; 12].

Факторами обеспечения технологического суверенитета являются инвестиции в науку и инновации, технический прогресс, внедрение технологий и социально-экономическое воздействие инноваций – оценка развития этих показателей отражается в Глобальном инновационном индексе *GII* [13], характеризующем уровень готовности к использованию технологий в межстрановом разрезе (рис. 1). В новом технологическом укладе [14] именно внедрение и применение инновационных технологий связывается с конкурентоспособным ростом производительности труда как важнейшим фактором технологического развития.

Согласно рисунку 1, в 2023 г. Россия заняла 51 место из 132 возможных, данное место представляется достаточно низким для страны с высоким потенциалом, так, по объему внутреннего рынка, который в том числе оценивается *GII*, в блоке «развитие рынка» Россия занимает первое место.

Показатели других стран следующие. Китай занимает 12 место в рейтинге, Венгрия – 35, Турция – 39, Индия – 40, Саудовская Аравия – 41. В группе стран с доходом выше среднего на первом месте оказывается Китай, затем следуют Малайзия, Болгария и Турция, Россия занимает только 7 место.

Усилия и меры государственного стимулирования инвестиций в инновации будут играть ключевую роль в восстановлении экономического баланса, нарушенного геополитическими решениями, а также способствовать росту производительности, используя новые инновационные возможности в области информационных технологий, искусственного интеллекта, квантовых решений, здравоохранения, энергетики, «зеленых» технологий» и др.

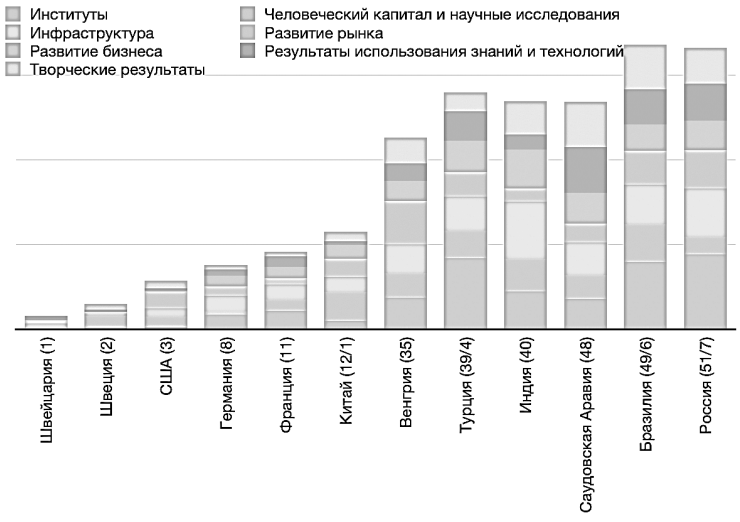

Рис. 1. Рэнкинг стран – лидеров рейтинга GII в 2023 г. в целом и по инновационным направлениям в сравнении с Россией (меньший показатель говорит о более высоком месте в рэнкинге, в скобках указано место страны/место страны в группе стран с доходом выше среднего)

Источник: составлено автором на основе данных Глобального инновационного индекса GII [13].

Для оценки заинтересованности и готовности к инновационной деятельности внутри страны необходимо рассмотреть показатели инновационной активности организаций (рис. 2).

Рис. 2. Уровень инновационной активности организаций в РФ, 2017–2022 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата [16].

Согласно рисунку 2 наблюдается снижение уровня инновационной активности российских организаций в 2022 г. на 0,9 % к 2021 г. и на 3,6 % к 2017 г. при повышательном тренде удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации. Однако в 2022 г. и этот показатель сократился относительно 2021 и 2020 гг. (на 0,2 %). Недостижение уровня инновационной активности 2017 г. связано с довольно высокой продолжительностью жизненного цикла продукции, характеризующей ее обновление и фактически новизну: в среднем по обрабатывающим производствам – 8,7 года [13], а в условиях турбулентности и высоких процентных ставок организации не готовы к принятию долгосрочных проектов с высоким риском. В целом отмечается относительная пассивность кооперации в сфере инновационной деятельности. Среди организаций обрабатывающих производств в 2022 г. взаимодействовали с научными организациями 1,9 %, с вузами – 1,4 %, исключение составляет высокотехнологичная отрасль – 7,5 и 6,1 % предприятий соответственно [15].

В структуре видов экономической деятельности в целом наблюдается снижение инновационной активности в 2022 г., за исключением сферы животноводства (+0,3 %), смешанного сельского хозяйства (+2,2 %), деятельности в области права и бухгалтерского учета (+0,3 %) [16]. Наибольшая доля инновационной активности связана с деятельностью в сфере научных исследований и разработок, в сравнении с 2017 г. уровень инновационной активности в 2022 г. снизился 23,1 п.п. и составил 43,6 %; по промышленному производству снизился на 2,2 п.п. и составил 15,6 %; по разработке компьютерного программного обеспечения, консультационным услугам увеличился на 2,7 п.п. и составил 14,1 % [16].

По данным GII в 2023 г. валовые расходы на НИОКР в процентах от ВВП составили в России 1,1 %, при этом в странах – лидерах рейтинга показатели в несколько раз выше: Швейцария – 3,2 %, Швеция – 3,3 %, США – 3,5 %, Великобритания – 2,9 %, Сингапур – 2,2 %, Финляндия – 3 %, Германия – 3,1 %. В Китае доля валовых расходов на НИОКР составляет 2,4 % ВВП [13].

Динамика объемов финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОКТР) из различных источников представлена на рисунке 3. В период 2018–2023 гг. наблюдалось существенное сокращение объемов расходов на финансирование НИОКТР из федерального бюджета в 2019 г. – на 52,2 % (к 2018 г.); в 2023 г. – на 29,8 % (к 2022 г.). Сокращение финансирования НИОКТР из всех источников в 2023 г. относительно 2022 г. составило более трети объема – 30,2 %. При этом в структуре расходов федерального бюджета на науку преобладают расходы на прикладные научные исследования (в среднем 61–65 % в 2020–2023 гг.) [17]. В 2025–2027 гг., в соответствии с бюджетными ассигнованиями, предусмотренными в федеральном законе о федеральном бюджете на 2025 г. и плановый период, также отмечается фактическое сокращение расходов на фундаментальные исследования (0,15 % ВВП в 2024 г., 0,12 % ВВП в 2025 г., 0,14 % в 2026 г.) [18].

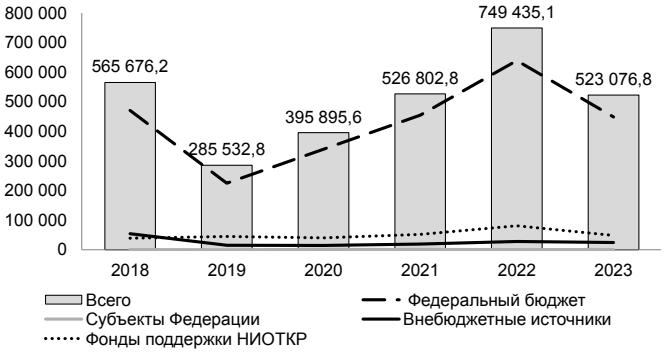

Рис. 3. Динамика объемов финансирования НИОКТР, 2018–2023 гг., млн руб.

Источник: составлено автором на основе данных ЕГИСУ НИОТКР (https://www.rosrid.ru).

В сравнении с зарубежными странами приведенная доля расходов на фундаментальные исследования является крайне низкой. Например, в Швейцарии внутренние затраты на фундаментальные исследования составляют около 1,34 % ВВП, США и Франция – 0,51 % ВВП. Венгрия – 0,38 % ВВП, Китай – 0,16 % ВВП [19], что отчасти объясняет высокий рейтинг стран по инновационному развитию.

Валовые внутренние расходы на НИОКР, которые оцениваются в межстрановом сопоставлении Главным управлением ОЭСР по науке, технологиям и инновациям, представлены на рисунке 4.

Лидерами в уровне валовых внутренних расходов на НИОКР являются Германия (2,35 % ВВП), США (2,27 % ВВП), Великобритания (2,11 % ВВП), Швейцария (1,92 % ВВП). Показатель в среднем по странам ОЭСР составляет 2,06 % ВВП, а в России – 1,77 % ВВП.

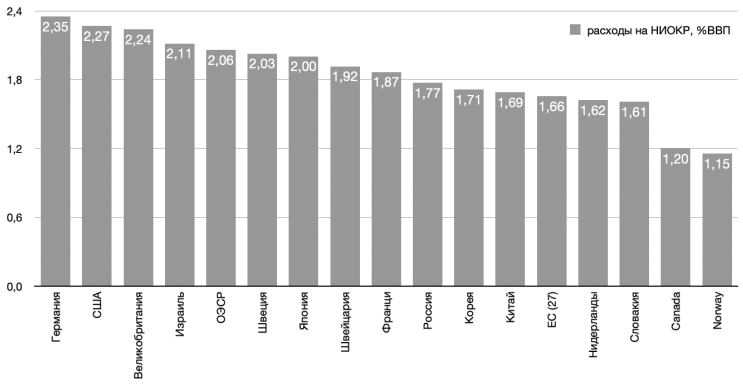

Рис. 4. Валовые внутренние расходы на НИОКР в процентах от ВВП

Источник: составлено автором на основе данных Main Science and Technology Indicators OECD [19].

Недостаточный уровень финансирования НИОТКР и фундаментальных исследований относительно других государств – лидеров в расходах на технологическое обновление продуцирует риск не достижения целей технологического суверенитета в обозримый перспективе.

Долгосрочное целеполагание обеспечения технологического суверенитета в Российской Федерации отражено в стратегических документах (табл. 1).

В контексте приоритетов наращивания научного, технологического, индустриального потенциала страны в 2024 г. разработана Стратегия научно-технологического развития России [24] и принципиально обновлена Стратегия развития искусственного интеллекта [25]. В логике документов стратегического планирования определены направления для разработки национальных проектов поддержки технологического суверенитета и государственных программ. Правительственная инициатива «Технологический рывок» включает семь направлений [26], по которым прорабатываются вопросы дополнительного финансирования [27], субсидирования мероприятий, субсидирования затрат регионов (на развитие зарядной инфраструктуры для электротранспорта), содействия инновационным разработкам и упрощения налогового регулирования.

Однако на субфедеральном уровне проблемы стратегирования не решены. На сегодняшний день не разработаны стратегии развития макрорегионов [28]. В 20 субъектах Федерации только реализуется пилотный проект по разработке программ научно-технологического развития (Санкт-Петербург, Красноярский и Пермский края, Республики Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Нижегородская, Новосибирская, Московская, Свердловская, Томская, Ульяновская, Белгородская, Иркутская, Кемеровская, Омская, Самарская, Тульская, Тюменская, Челябинская области). Действующие стратегии социально-экономического развития регионов также будут требовать пересмотра и уточнения, в них должны быть учтены вклад в «технологический рывок» и инновационный подходы.

Производство российских конкурентных продуктов должно опираться на уникальные отечественные разработки в области космических, атомных и новых энергетических технологий; инициативы поддержки технологического суверенитета должны быть направлены на сбережение здоровья граждан, продовольственную безопасность, развитие сквозных технологий в сферах производства станков и средств производства, робототехники, всех видов транспорта, беспилотных авиационных, морских и других систем, а также создание экономики данных, новых материалов.

Таблица 1

Формирование технологического суверенитете в документах стратегического планирования

Целеполагание	Положение, связанное с технологическим суверенитетом
Национальные цели [20]	технологическое лидерство
Национальный интерес [21]	устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе
Стратегический национальный приоритет [21]	научно-технологическое развитие
Инициативы Правительства для достижения национальных целей	технологический рывок, цифровая трансформация
Индикаторы, определенные в Послании Президента России [22] (достижение к 2030 г.)	– увеличение: объема несырьевого, неэнергетического экспорта не менее чем на 2/3; доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг на внутреннем рынке в 1,5 раза; внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 % ВВП; – снижение импорта товаров и услуг до 17 % ВВП
Национальные проекты [23]	Национальный проект технологического суверенитета

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Недостаточный уровень финансирования научных исследований и разработок и фундаментальных исследований, относительно развитых стран и стран-лидеров инновационного развития, продуцирует риск не достижения целей технологического суверенитета и технологического лидерства. Положительным фактором можно считать сформированность базиса документов стратегического планирования для обеспечения технологического суверенитета, однако на националь-

ном уровне остается открытым вопрос о ключевом стратегическом документе целеполагания – стратегии социально-экономического развития России, которая до настоящего времени не разработана.

С учетом показателей зарубежного опыта, сжатия инновационной активности и снижения финансирования НИОТКР представляется необходимым для обеспечения опережающего технологического рывка уточнить цель по внутренним затратам на исследования и разработки более чем 2 % ВВП на среднесрочном горизонте, чтобы обеспечить технологический рывок.

Важнейшей задачей также является системное вовлечение регионов в повестку научно-технологического развития страны через формирование каркаса документов стратегического планирования.

Происходящие изменения усиливают роль активной государственной поддержки в социально-экономических преобразованиях. Стремление к технологическому суверенитету обеспечивает защиту национальных интересов в области технологий и инноваций. Однако способность действовать независимо является результатом не только внутреннего потенциала страны, но и включенности в надежную сеть международного технологического сотрудничества и партнерства.

Литература:

1. Fuenfschilling L., Binz C. Global socio-technical regimes // Research policy. – 2018. – Vol. 47. – Iss. 4, – P. 735–749.
2. Miörner J., Heiberg J., Binz C. How global regimes diffuse in space–Explaining a missed transition in San Diego's water sector // Environmental Innovation and Societal Transitions. – 2022. – Vol. 44. – P. 29–47.
3. Довбий И.П., Минкин А.А., Кобылякова В.В., Кондратов М.В. Технологический суверенитет России: стратегические установки промышленной политики и концепты региональной повестки // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 3 (473). – С. 11–22.
4. Фальцман В. Технологический суверенитет России. Статистические измерения // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 83–91.
5. Львов Д.С., Гребенников В.Г., Маневич В.Е. и др. Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики: монография. – М. : Экономика, 1999. – 792 с.
6. Дементьев В. Е. Обновление технологической базы производства и технологический суверенитет страны // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 45-ой Юбил. междунар. науч. школы-семинара, д. Красновидово Московской области, 03–09 октября 2022 года. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2022. – С. 228–233.
7. Geenens R. Sovereignty as autonomy // Law Philos. – 2017. – № 36 (5). – P. 495–524.
8. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research Policy. – 2023. – Vol. 52. – Iss.6. – P. 104765.
9. Mazzucato M. Mission-oriented innovation policies: challenges and opportunities // Ind. Corp. Chang. – 2018. – № 27 (5). – P. 803–815.
10. McKinsey Technology Trends Outlook 2023. – URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech
11. Rosenberg N., Frischtak C.R. Technological innovation and long waves // Cambridge Journal of Economics. – 1984. – № 8(1). – P. 7–24. – URL: http://www.jstor.org/stable/23596671
12. Glessia S., Di Serio L.C. The sixth wave of innovation: are we ready? // RAI Revista de Administração e inovação. – 2016. – № 13(2). – P. 128–134.
13. Global Innovation Index 2023. WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf (дата обращения: 15.05.2024).
14. Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. – 2022. – № 1. – С. 93–115.
15. Роль инноваций в повышении технологического уровня производства. – URL: https://issek.hse.ru/news/910956729.html (дата обращения: 06.06.2024).
16. Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science
17. Наука, технологии и инновации России: 2023: крат. стат. сб. / В.П. Заварухин, О.А. Соломенцева, М.А. Солопова и др. – М.: ИПРАН, 2023. – 132 с.
18. Федеральный закон от 27.11.2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СПС Гарант.
19. Main Science and Technology Indicators OECD. – URL: https://www.oecd.org/sti/msti.htm (дата обращения: 06.06.2024).
20. Указ Президента России от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федера-

ции на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
21. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант.
22. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585
23. Поручения Президента Российской Федерации – URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759
24. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития России» // СПС Гарант.
25. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 г. «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // СПС Гарант.
26. Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии о реализации инициатив социально-экономического развития: технологический рывок. 27 марта 2024. – URL: http://government.ru/news/51199/
27. Балынин И. В. Развитие государственной финансовой поддержки отечественных производителей товаров, работ и услуг // Финансы. – 2022. – № 7. – С. 13–21.
28. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // СПС Гарант.

Factors of Ensuring Technological Sovereignty

Demidova S.E.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The achievement and maintenance of technological sovereignty depends on the definition of strategic goals and a set of measures to promote the development of priority economic sectors. The formation of technological independence is influenced by many factors, including a willingness to innovate, investment in research and development, both by the state and by private businesses. Low levels of innovation and R&D activity hinder economic growth and hinder the achievement of technological independence. Government financial incentives are an effective tool if they are sufficient and appropriate. The scientific significance of this research lies in its approach to the systematization of theoretical concepts related to "technological sovereignty". It also analyzes strategic planning documents that are linked by the goal of achieving technological independence. The practical relevance of this study is that it provides a way to assess the level of innovation and R&D funding as factors in ensuring technological sovereignty. This information can be used to develop policies and strategies that promote technological independence. The novelty and value of this research are in the systematic presentation of the concept of technological sovereignty and the analysis of relevant documents. This approach provides a comprehensive understanding of the topic and contributes to the field of research on this subject.

Key words: technological sovereignty, innovation, government support, budget incentives, R&D

УДК 353, 332

Подходы к оценке эффективности государственного управления устойчивым развитием территорий

Дмитриева Т.А.
Ассистент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В статье рассматриваются теоретические положения оценки эффективности в рамках возможности их применения в процессах государственного управления устойчивым развитием территорий. Цель исследования – выявление применимости подходов к оценке эффективности к устойчивому развитию территорий. Представлены три основных подхода к пониманию эффективности государственного управления, что отражает практическую значимость и позволяет решать вопросы в рамках государственного управления устойчивым развитием территорий. При этом отмечено, что современные теоретические взгляды на составляющие оценки эффективности в рамках оценки эффективности устойчивого развития территорий необходимо исследовать комплексно, рассматривая как процессы развития территории, так и общества, человека и их взаимодействие с природной средой. Рассмотрены актуальные элементы оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием территории: целеполагание, принципы и показатели. В рамках программно-целевого подхода к управлению сформирован перечень национальных проектов, федеральных проектов и программ, связанных с управлением устойчивым развитием территорий. По результатам анализа сделан вывод, что оценка эффективности государственного управления устойчивым развитием территории сведена как к анализу достигнутых показателей федеральных проектов и программ в рамках реализуемых национальных проектов, так и к определению уровня достижения запланированных показателей в разрезе конкретной территории. Сделан вывод о необходимости разработки системы интегральных показателей, в рамках оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием территорий на базе показателей качества жизни с учетом физических, экономических, социальных и экологических параметров.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность, устойчивое развитие, территории, государственная программа, проект

Эффективность является одним из основных показателей процесса управления, в связи с чем подходы к определению эффективности государственного управления применительно к устойчивому развитию территорий являются темой актуальной и практически значимой на современном этапе формирования отдельных аспектов государственного управления.

Наиболее часто экономическую эффективность трактуют как отношение результатов и затрат или ресурсов. Применительно к государственному управлению в рамках «школы административного управления» (представителями являются такие ученые, как А. Файоль, М. Вебер, Г. Эмерсон) понятие эффективности выражалось в отношении чистых положительных результатов и затраченных орга-

нами власти ресурсов на их достижение. При этом ресурсы могут быть: финансовые, имущественные, кадровые, информационные и иные. Однако, именно в сфере государственного управления результат не всегда измерим или не выражается в универсальных для каждого органа власти показателях. Поэтому в рамках бюрократического подхода и теории организационного развития применялся иной критерий – соответствие установленным правилам – как внешним (действующее законодательство), так и внутренним (локальные акты и регламенты).

В рамках концепции «Нового государственного менеджмента» (*New public management*) вопрос об экономической эффективности был поставлен вновь, но на новом уровне: речь шла об издержках общества (налоги и дополнительные платежи в случае неэффективности государства) в соотношении с получаемым результатом (предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций). И в этом смысле общество (граждане и бизнес) как «заказчик» государственных функций вправе требовать максимальной отдачи взамен уплаченных налогов. Задача же государства состояла в постоянном повышении эффективности бюджетных расходов и оптимизации административных процессов.

В новой институциональной теории и теории политических сетей эффективность трактуется как результативность сделок (минимизация трансакционных издержек). Отмечается, что государство эффективнее в плане издержек ведения переговоров [1].

Указанные подходы в рамках определения эффективности государственного управления прослеживаются в работах многих современных авторов [2–4]. Исследуются разные типы затрат – финансовых, имущественных, кадровых, информационных. С точки зрения государственного управления эффективность направлена на достижение стратегических целей социально-экономического развития государства и реализации общественных интересов, что указывает на применение целевого подхода к управлению.

Наиболее часто затраты ассоциируются с бюджетными средствами, что в современных условиях хозяйствования не является единственно возможным, так как в процессы государственного управления активно вовлекаются средства бизнеса в форме проектов государственно-частного партнерства и возможное субсидирование на территориях ОЭЗ и ТОРов как в виде денежных средств, так и в виде выделения объектов производственной инфраструктуры на территориях технологических парков.

Поэтому в рамках концепции «Хорошего (надлежащего) управления» («*Good Governance*»), сформулирован социальный подход к эффективности. В рамках данного подхода рассматриваются «результативность» и «действенность», выраженные в максимально эффективном использовании ресурсов для удовлетворения потребностей граждан, что наиболее актуально для государственного управления. При этом позиции минимизации затрат и реакции системы на внешние воздействия остаются в силе.

Подводем итог. В основном представлены три основных концепции понимания эффективности государственного управления: экономический, социальный и управленческий подходы.

При этом эффективность государственного управления устойчивым развитием территорий следует рассматривать комплексно, то есть она должна отражать результаты взаимообусловленных процессов развития территории, общества, человека и природы.

Как было отмечено выше, в рамках концепции «*Good governance*» подходы к оценке эффективности государственного управления меняются и теперь основой для данного процесса являются интересы граждан и бизнеса, в том числе – на уровне территории. К числу базовых принципов оценки эффективности государственного управления относятся:

• «результативность» (*efficiency*) – способность достигать запланированных и согласованных со всеми заинтересованными сторонами целей, выраженных в понятных, диагностичных и масштабируемых показателях;

• «эффективность» (*effectiveness*) – минимизация усилий и ресурсов, необходимых для достижения запланированного результата без ущерба его качеству при постоянном совершенствовании административных процессов и управленческих структур;

• «справедливость» (*equity*) – обеспечение представленности в принимаемых решениях интересов максимально широкого круга заинтересованных лиц при сохранении социальной стабильности и сбалансированном распределении общественных благ;

• «включенность» (*social involvement*) – участие общественных и негосударственных объединений в процедурах выработки, согласования и контроля исполнения государственных решений;

• «устойчивость» (*sustainability*) – несменяемость и предсказуемость установленных государством правил и процедур, обеспечение долговременного социального воздействия реализуемой политики [5].

Рассмотрим актуальные элементы оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием территории. Прежде всего, отметим, что исходной точкой данного процесса является целеполагание на уровне государства, а в случае устойчивого развития – и на межгосударственном уровне. 25 сентября 2015 г. государства – члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Каждая из 17 Целей содержит ряд показателей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет [6].

Цели устойчивого развития ООН уточнены через систему национальных целей в рамках территории

отдельных государств, и это позволяет рассмотреть их как основу для любой последующей оценки как деятельности глав субъектов РФ на конкретной территории, так и параметров устойчивости управления территориальными комплексами [7].

С учетом вышеперечисленного на настоящий момент заявлены цели на федеральном уровне [8].

Указанные цели обеспечивают процесс непрерывного целеполагания и определения приоритетов в рамках государственного управления устойчивым развитием территорий субъектов РФ. Помимо этого, сформирован национальный набор показателей целей устойчивого развития (далее – ЦУР), включающий 183 элемента, дополняющий национальные цели и обеспечивающий вариативность управления территорией в зависимости от насущных проблем и актуальных вызовов [9]. И в этом случае процесс целеполагания и оценки эффективности на каждой конкретной территории обеспечивается единой системой статистического учета и отчетности.

Помимо системы целей, оценка эффективности государственного управления устойчивым развитием территорий в Российской Федерации включает в себя подсистему стратегического планирования на федеральном уровне и уровне субъектов РФ.

Стратегические документы внедрены в аналитический контур ГАС «Управление» и обеспечивают синхронизацию сбора показателей для оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием территории в части соблюдения пропорций развития отдельных территорий, обеспечения экономической безопасности, развития отдельных регионов и обеспечения системы национальной безопасности.

На уровне отдельных субъектов РФ в случае отклонения от показателей федерального уровня и обеспечения опережающего развития приоритетных отраслей формируются стратегические документы, предназначенные для конкретной территории с учетом как национальной, так и международной повестки устойчивого развития. Результирующей операцией при этом служит оценка глав субъектов РФ по показателям, часть которых связана с устойчивым развитием территорий [10].

Показатели позволяют сформировать единую систему мониторинга и оценки качества государственного управления на конкретной территории, в том числе в разрезе устойчивого развития и обеспечения высокого уровня жизни населения.

Помимо описанной выше оценки глав субъектов РФ по показателям, распространены и неформальные механизмы обеспечения и оценки эффективности государственного управления на уровне территорий Российской Федерации. Речь идет прежде всего о рейтингах и стандартах, а также обзорах лучшей практики в сфере управления развитием территорий. Это в полной мере вписывается в современные тенденции государственного управления в части реализации принципов прозрачности («*transparency*») и подотчетности («*accountability*»). При этом указанные элементы не являются частью административного механизма, обеспечивая скорее методическую и информационно-аналитическую поддержку в системе принятия решений на уровне территории.

Так, в настоящее время существуют Индекс качества жизни (ВЭБ.РФ), Индекс качества городской среды (Минстрой РФ), Рейтинг качества жизни (Агентство стратегических инициатив). Помимо этого, в сфере обеспечения устойчивости территориального развития выпущены Стандарт комплексного развития территорий (Минстрой РФ, «ДОМ.РФ»), Региональный социальный стандарт (Агентство стратегических инициатив), Стандарт «умного города» (Минстрой РФ).

Наряду с этим Аналитическим центром при Правительстве РФ, Центром стратегических разработок выпускаются аналитические обзоры с оценкой лучших подходов к обеспечению устойчивого развития территорий отдельных субъектов РФ.

Таким образом, в настоящее время на федеральном уровне используется система показателей оценки эффективности деятельности органов власти субъектов РФ по обеспечению устойчивого развития территорий, соединяющая в себе два базовых подхода: использование «сбалансированной системы показателей» (*Balanced Scorecard — BSC*) и определения «ключевых показателей результативности» (*Key Performance Indicators — KPI*), что позволяет соединить в рамках системы оценки как уровень обеспечения развития общих для всей страны процессов, так и реализацию деятельности, актуальной для конкретной территории [11]. При этом рейтинги, стандарты и сборники лучших практик способствуют обмену опытом и использованию наиболее эффективных механизмов в практике управления конкретной территорией в составе Российской Федерации.

Наряду с вышеперечисленным, в настоящее время для обеспечения и оценки эффективного государственного управления устойчивым развитием территории используется программно-целевой подход, реализуемый через систему национальных и федеральных проектов и программ. Логика применения данного инструмента государственного регулирования и управления предполагает реализацию проектов и программ на территории всей страны с возможностью их дополнения и расширения с учетом потребностей конкретной территории. При этом параллельно могут быть запущены проект и программа как на уровне субъекта РФ, так и на территории муниципального образования [12].

К числу проектов и программ, имеющих наибольшее значение для обеспечения устойчивого

развития отдельных территорий, можно отнести следующие (табл. 1).

В связи с этим оценка эффективности государственного управления устойчивым развитием территории сведена как к анализу достигнутых показателей федеральных проектов и программ в рамках реализуемых национальных проектов, так и к определению уровня достижения запланированных показателей в разрезе конкретной территории [13]. В последнем случае используется один или несколько методологических подходов, перечисленных ниже.

Таблица 1

Перечень национальных проектов, федеральных проектов и программ, связанных с управлением устойчивым развитием территорий

Название национального проекта	Связанные с реализацией национального проекта федеральные проекты и программы
Национальный проект «Образование»	Современная школа
	Успех каждого ребенка
	Поддержка семей, имеющих детей
	Цифровая образовательная среда
	Учитель будущего
	Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)
	Новые возможности для каждого
	Социальная активность
	Экспорт образования
	Социальные лифты для каждого
Национальный проект «Жилье и городская среда»	Формирование комфортной городской среды
	Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда
	Ипотека
Национальный проект «Экология»	Чистая страна
	Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами
	Инфраструктура для обращения с отходами I-II классов опасности
	Чистый воздух
	Чистая вода
	Оздоровление Волги
	Сохранение озера Байкал
	Сохранение уникальных водных объектов
	Сохранение биологического разнообразия и развития экологического туризма
	Внедрение наилучших доступных технологий
Национальный проект «Демография»	Финансовая поддержка семей при рождении детей
	Содействие занятости женщин – создание условий дополнительного образования для детей в возрасте до трех лет
	Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни, включая здоровье и отказ от вредных привычек
	Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек
	Создание для всех категорий и групп населения условий для занятия физической культурой и спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовки спортивного резерва

Источник: разработано автором с использованием данных системы «Электронный бюджет» (https://budget.gov.ru).

1. Оценка побочных результатов: анализ широкого спектра прямых и отсроченных эффектов (позитивных и негативных) реализации программы в экономико-управленческом, социальном и экологическом измерениях.

2. Модель анализа результатов: измерение достигнутых показателей в динамике и взаимовлиянии.

3. Оценка, ориентированная на клиента: реализация в процессе исполнения программы принципов клиентоцентричности. При этом в качестве клиентов рассматриваются граждане, представители бизнеса и так называемые внутренние клиенты – сотрудники органов власти в процессе межведомственного взаимодействия.

4. Модель заинтересованных сторон (стейкхолдеров) – оценка принимаемых решений с точки зрения баланса интересов и обеспечения удовлетворения потребностей каждой группы в процессе реализации программы.

5. Комплексная оценка – оценивание не только результатов реализации программы, но и хода ее выполнения в части административных процедур, учета рисков и взаимодействия с населением посредством публичных процедур и отчетности.

6. Модель экспертной оценки – привлечение для оценки итогов исполнения программы экспертного сообщества с целью объективной и многосторонней оценки параметров деятельности в сфере реализации программных мероприятий.

Таким образом, указанные подходы позволяют, с одной стороны, оценить качество государственного управления устойчивым развитием территории, а с другой – обеспечить вовлечение в процесс выработки решений максимально широкого круга заинтересованных лиц с учетом необходимого уровня социального воздействия на элементы территориального развития.

Наконец, возможен и иной подход к оценке эффективности управления устойчивым развитием территории – с позиции оптимального и сбалансированного развития отдельных элементов внутренней среды территории, находящихся в различном исходном состоянии и требующих вариативности управленческого воздействия для обеспечения их устойчивого развития [14; 15]. Рассмотрим эти элементы ниже и перечислим наиболее значимые проблемы, с которым сталкиваются органы государственного управления при реализации стратегических целей и задач различного уровня.

А. Система управления территорией призвана обеспечить постановку целей и приоритетов территориального развития с учетом проблем и вызовов настоящего и будущего. Ключевой проблемой, напрямую влияющей на параметры устойчивости социально-экономического развития территории, является необходимость постоянной оптимизации структур управления и отдельных административных процессов. При этом зачастую оценка деятельности государственных служащих сводится к сбору данных по заранее сформированным показателям без учета целей перспективного развития территории. Значимым затруднением также является недостаточный уровень компетенций сотрудников органов власти на уровне территорий в сфере взаимодействия с заинтересованными сторонами в процессе выработки и согласования решений, например, согласования документов стратегического планирования или отдельных параметров застройки территории населенных пунктов [16; 17].

Б. Экономическая сфера и развитие отраслевых и межотраслевых производственных комплексов является важнейшим фактором устойчивого развития, здесь закладывается основа для решения социальных проблем на основе реализации инвестиционных стратегий и поддержки малого и среднего бизнеса. Одной из важных проблем, влияющих на устойчивое развитие территории, является формирование территориальной специализации и позиционирование субъекта РФ в экономическом пространстве страны. В этом отношении грамотная политика по привлечению инвесторов и сохранению традиционных видов экономической деятельности наряду с решением задач инновационного развития позволяет заложить основы долгосрочного процветания и опережающего решения социальных проблем на уровне территории. Наконец, в рамках концепции устойчивого развития следует задуматься и о модели экономического роста, постепенном переходе к «зеленой» экономике, «разумному», «зрелому» росту с учетом экологических параметров и необходимости учета долгосрочных эффектов развития производственной сферы [18].

В. Финансовые ресурсы территории, рассматриваемые в аспекте бюджетной обеспеченности и устойчивости поступления ресурсов, необходимых для реализации значимых проектов и программ. Этот элемент внутренней среды территории позволяет говорить о проблемах межбюджетных отношений, укорененности (*embeddedness*) бизнеса на территории и готовности предприятий к участию в реализации социальных проектов и инициатив в рамках *ESG*-практик [19].

Г. Инфраструктурный комплекс территории, включающий широкий спектр объектов и условий, необходимых для развития экономики и социальной сферы вызывает к жизни проблемы сбалансированности и соответствия потребностям населения. В этой связи наиболее частой проблемой, с позиции устойчивого развития, является реализация информационно-коммуникационных рисков в процессе инициирования и строительства (модернизации) инфраструктурных объектов, в том числе в рамках концессионных соглашений и проектов государственно-частного партнерства [20].

Д. Социальная сфера, рассматриваемая в контексте устойчивого развития, призвана обеспечить воспроизводство человеческого потенциала и заложить основы для кадрового обеспечения экономического развития. Одной из ключевых проблем в этом отношении является создание комфортных условий для жизни людей путем создания сети необходимых социальных объектов и обеспечения высокого качества услуг. Немаловажным аспектом является и создание комфортных условия для работы и отдыха по месту проживания через улучшение физических параметров жилой застройки и прилегающих пространств [21].

Е. Население в условиях реализации задач устойчивого развития территории становится субъектом демографического развития территории через преодоления тенденции оттока в более привлекательные регионы и процессов естественной убыли населения. Важнейшей проблемой в этой сфере является формирование активной гражданской позиции и культуры соучастия, позволяющих жителям конкретной территории стать полноценными субъектами территориального развития, участвуя в определении параметров и вектора последнего [22].

Ж. Земельные ресурсы с позиции устойчивого развития территорий рассматриваются в качестве основы для оценки успешности пространственного развития и формирования перспективных направлений использования доступных участков, в том числе – для редевелопмента в процессе ревитализации городских территорий [23–26]. Следует также отметить, что «на текущий момент нет единства мнений научного сообщества относительно методологии, методик и критериальной основы оценки эффективности городских земель, что требует пристального внимания к разработке единой методологической основы для формирования системы критериев и показателей оценки эффективности городских земель» [27].

3. Природная среда в контексте устойчивого развития является ключевым элементом внутренней среды территории, выступая драйвером «зеленого перехода» и любых инициатив, связанных с модернизацией системы управления на конкретной территории [28; 29]. Экологические проблемы зачастую требуют незамедлительного решения, но финансируются по остаточному принципу, тем самым усугубляя проблему ликвидации накопленного вреда природным объектам. При этом неблагоприятные экологические условия в значительной степени влияют на успешность решения проблем применительно к другим сторонам территориального развития, являясь своеобразным индикатором качества принимаемых решений.

На основе вышеизложенного становится ясно, что для обеспечения эффективного государственного управления устойчивым развитием территории как на уровне страны, так и на уровне отдельных субъектов РФ требуется система интегральных показателей, не зависящих от ведомственных задач и параметров статистического учета, но при этом учитывающая особенности конкретной территории, ее культурно-исторический бэкграунд и роль в пространственном развитии территории страны. Становится ясно, что таким интегрирующим элементом в современных условиях является качество жизни с учетом физических параметров среды, то есть качество среды населенных пунктов (качество городской среды), взятое в своем многообразии и комплексном измерении как совокупность экономических, социальных, экологических параметров, формируемых при непосредственном участии и в интересах максимально широкого круга заинтересованных лиц.

Литература:

1. Абезгильдин Р.Р. Взаимодействие политических сетей и институтов власти: актуальность проблемы // Управленческое консультирование. – 2016. – № 10. – С. 244–252.
2. Алексеева Н.А. Концепция эффективности в общественном секторе // Финансы и кредит. – 2008. – № 12. – С. 73–75.
3. Савруков А.Н. Методический подход и критерии оценки эффективности государственного управления в регионах // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. Вып. 7. – С. 388–402.
4. Чазова И.Ю., Исраилов М.В. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. – 2019. – Т. 29, вып. 6. – С. 776–785.
5. Якунин А.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. – М.: Научный эксперт, 2012. – 496 с.
6. Повестка дня в области устойчивого развития ООН. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 03.05.2024 г.).
7. Журова Л.И., Топорков А.М. Типология процессов устойчивого экономического развития экономических систем // Вестник ВУиТ. – 2018. – № 1. – С. 39–46.
8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.
9. Росстат. Национальный набор показателей ЦУР. – URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/national (дата обращения: 03.05.2024 г.).
10. Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // СПС Гарант.
11. Бочарова А.К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 68 с
12. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. – 2020. – № 2 (106). – С. 7–18.
13. Щеглова А.А., Брюханов Д.В. Сравнительный анализ показателей индекса человеческого развития в России, регионах и странах СНГ // Журнал прикладных исследований. – 2022. – № 7. – С. 18–25.
14. Лукьянова В., Недвижай С., Мухорьянова О. Теоретические аспекты устойчивого экономического развития региона. – Ставрополь: АГРУС, 2013. – 113 с.
15. Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. Оценка показателей устойчивого развития регионов России // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2(167). – С. 24–35.
16. Гагарина Г., Чайникова Л., Архипова Л. Роль анализа устойчивого развития регионов России в стратегическом планировании // Федерализм. – 2019. – № 4. – С. 5–21.
17. Котов А.И. Управление стратегическим развитием региона – решающий фактор устойчивого социально-экономического развития (на примере Санкт-Петербурга) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2020. – № 2–3. – С. 71–77.
18. Бобылёв С. Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3(61). – С. 23–29.

19. Сысоева Н.М. Социальная укорененность экономики периферийных регионов России // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Вып. 135: Географические исследования приграничено-периферийных районов в рыночных условиях. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 82–88.
20. Плахин А.Е. Оценка влияния инфраструктурных проектов на развитие территории // Вестник НГИЭИ. – 2017. – № 11(78). – С. 139–147.
21. Бухвальд Е.М. «Саморазвитие» регионов и приоритеты регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. – 2018. – № 2. – С. 32–45.
22. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышков Г.Б. Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 15–24.
23. Васильева Н.В. Принципы государственного регулирования землепользования в крупных городах // Архитектура университетского образования: построение единого пространства знаний: Сб. трудов IV нац. науч.-метод. конф. с межд. участием. Ч. 3. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 149–155.
24. Шаракин В.С. Актуальные проблемы управления проектами редевелопмента промышленных территорий в России // Вестник университета. – 2016. – № 5. – С. 46–51.
25. Куракова О.А. Организационно-правовые и экономические аспекты освоения промышленных зон, расположенных в черте города, в соответствии с концепцией устойчивого развития территорий // Вестник МГСУ. – 2019. – № 5 (128). – С. 525–537.
26. Сотников И.Н. Проблемы оценки эффективности использования городских земель // Вестник университета. – 2015. – № 8. – С. 153–158.
27. Бачуринская И.А., Васильева Н. В., Веденеева О.В. Социально-экономическое развитие территорий. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. экон. ун-тет, 2020. – 86 с.
28. Ефимова Е.Г., Мальцев А.А., Чупина Д.А. «Зеленая» повестка в современной практике стран и регионов: в поисках единого подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39. – № 1. – С. 55–72.
29. Кожевников С.А., Лебедева М.А. Проблемы перехода к зеленой экономике в регионе (на материалах Европейского Севера России) // Проблемы развития территории. – 2019. – № 4(102). – С. 72–88.

Approaches to Assessing the Effectiveness of Public Management of Sustainable Development of Territories

Dmitrieva T.A.
Saint-Petersburg State University of Economics

The article considers the theoretical provisions of efficiency assessment within the framework of the possibility of their application in the processes of state management of sustainable development of territories. The aim of the study is to identify the applicability of approaches to efficiency assessment to the sustainable development of territories. Three main approaches to understanding the effectiveness of public administration are presented, which reflects the practical significance and allows solving issues within the framework of public administration of sustainable development of territories. It is noted that modern theoretical views on the components of efficiency assessment within the framework of efficiency assessment of sustainable development of territories should be studied comprehensively, considering both the processes of development of the territory, society, man and their interaction with the natural environment. The article considers the actual elements of the assessment of the effectiveness of public administration of sustainable development of the territory: target setting, principles and indicators. The list of national projects, federal projects and programs related to the management of sustainable development of territories is formed within the framework of the program-target approach to management. According to the results of the analysis, it is concluded that the assessment of the effectiveness of public administration of sustainable development of the territory is reduced to the analysis of achieved indicators of federal projects and programs within the framework of implemented national projects, as well as to the determination of the level of achievement of planned indicators in the context of a particular territory. It is concluded that it is necessary to develop a system of integral indicators in the framework of assessing the effectiveness of public administration of sustainable development of territories on the basis of quality of life indicators, taking into account physical, economic, social and environmental parameters.

Key words: public administration, efficiency, sustainable development, territories, state program, project

УДК 339.7

Особенности исламского банкинга в Иране

Кашбразиев Р.В.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Мамонтов А.В.
Студент факультета международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность выбранной темы обусловлена растущим интересом к исламским финансам в международной экономической среде, в частности, к исламскому банкингу, а также активно расширяющимися в последние годы торгово-экономическими и финансовыми отношениями России и Ирана. Цель исследования – выявление значимых в контексте российско-иранского финансового сотрудничества особенностей исламского банкинга в Иране. Задачами исследования являются анализ банковской системы Исламской Республики и выявление существенных особенностей, представляющих интерес для российской стороны. Ценность исследования заключается в описании важных аспектов исламского банкинга Ирана, которые обладают потенциалом как практического характера, в разрезе двустороннего экономического взаимодействия, так и научного, учитывая крайне незначительное количество исследований по данной теме, что также характеризует высокую научную новизну работы. Результатом исследования является выделение следующих особенностей: интегрированность банковской системы, её соответствие исламскому праву шиитского толка, применение договора доверенности, наличие выплаты предварительной прибыли. Среди обозначенных особенностей выявлены наиболее важные с точки зрения российско-иранского финансового сотрудничества, а именно универсальный характер банковской системы Ирана и следование Базельским стандартам банковской деятельности.

Ключевые слова: исламский банкинг, торгово-экономические отношения, российско-иранское сотрудничество, банковская система Ирана, шиитская юриспруденция, банковские договоры

В последние годы в динамично развивающейся сфере мировых финансов становится заметно ощутимым всплеск интереса к теме исламского банкинга. Данный вид банковской деятельности становится все более убедительной альтернативой, привлекая широкое внимание государств и международных финансовых организаций своими уникальными принципами и практиками. На фоне огромного разнообразия стран, успешно внедривших исламский банкинг, в числе которых также можно упомянуть страны Европейского союза и североамериканского континента, заметным образом выделяется Исламская Республика Иран, которая приняла Закон «О банковской деятельности, свободной от ростов-

щичества» еще в 1983 г. – гораздо раньше, чем во многих других исламских странах [1, с. 210]. Тема исламского банкинга в Иране представляет особый интерес для исследования также в контексте российско-иранских отношений, поскольку страны в последнее время, несмотря на такие негативные факторы, как западные санкции, активно наращивают торгово-экономическое сотрудничество, динамику и объем которого можно визуализировать на рисунках 1 и 2.

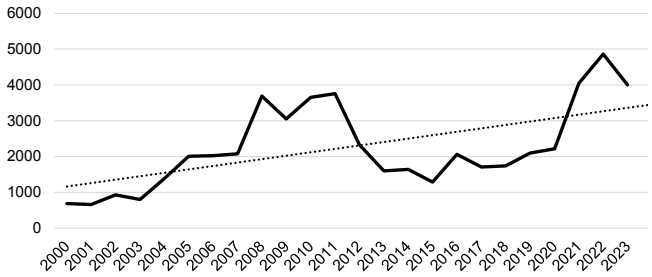

Рис. 1. Товарооборот России и Ирана в млн долл. (составлено авторами по данным [2; 3])

Как видно из рисунков 1 и 2, последние три года российско-иранский товарооборот стабильно превышает 4 млрд долл. и показывает положительную тенденцию с перспективой к росту. В 2021 г. объём взаимной торговли вырос на 81 % до 4,05 млрд долл., в 2022 г. также увеличился на 20 % и составил рекордные 4,86 млрд долл., в 2023 г. показатель был равен 4 млрд долл., продемонстрировав определенную устойчивость. Кроме того, по результатам 2023 г. Россия и Иран практически полностью перевели расчеты в национальные валюты [4]. Проведение трансграничных финансовых операций требует тесного сотрудничества в банковском секторе, и в этой области также можно наблюдать значительное развитие. В 2023 г. в Иране открылись представительства таких крупных российских банков, как ВТБ и Сбербанк, которые активно продвигают свои услуги [5; 6]. В этой связи понимание тонкостей и особенностей исламского банкинга в Иране становится необходимым.

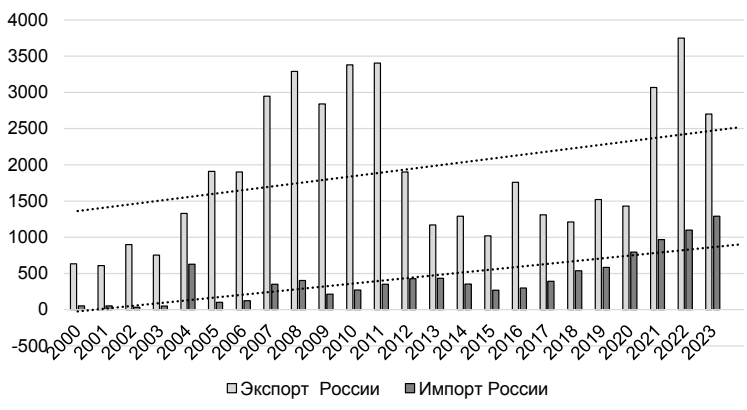

Рис. 2. Экспорт и импорт России в млн долл. (составлено авторами по данным [2; 3])

После Исламской революции 1979 г. банковская система Ирана подверглась коренным изменениям, центральным элементом которых значился фундаментальный принцип исламских финансов – запрет на ростовщичество и ссудный процент, известный в исламской юриспруденции как «риба». Изменения также обозначили две основные особенности банковской системы страны в сравнении с большинством стран исламского мира: запрет на традиционную банковскую деятельность и применение шиитской юриспруденции.

Первая особенность заключается в том, что в исламских странах, за исключением Судана, одновременно сосуществует традиционное и исламское банковское дело [1, с. 207]. Потребители банковских услуг вправе выбирать между двумя системами, опираясь на свои религиозные убеждения (см. рис. 3).

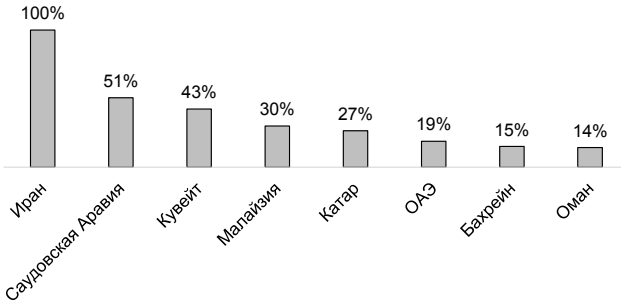

Рис. 3. Доля рынка исламского банкинга в различных исламских странах (составлено авторами по данным [7])

Как показано на рисунке 3, распределение доли видов банковской деятельности в исламских странах различно, но в Иране банковская система является интегрированной и универсальной, и все банки и финансово-кредитные учреждения обязаны соблюдать исламские законы [8]. По причине целостности и централизованности банковской системы в организационной структуре иранских банков с меньшей вероятностью можно наблюдать внутренние органы шариатского надзора. Обычно ролью таких подразделений является обеспечение большей уверенности акционеров и клиентов банка в том, что процессы, процедуры и все нормативные акты соблюдаются и реализуются в соответствии с нормами ислама. Однако принимая во внимание универсальность банковской системы Ирана и такие регулирующие подразделения, как Юридический совет Центрального банка, большинство банков в стране не испытывают необходимости в формировании внутренних органов шариатского надзора. По этой же причине ставки по биржевым контрактам определяются Центральным банком (через денежно-кредитный совет), в то время как в других исламских странах они устанавливаются рыночным способом. Стоит отметить, что так как иранская банковская систе-

ма в некотором смысле обособлена от банковских систем других исламских стран, она имеет меньше научного, образовательного и нормативного взаимодействия с финансовыми учреждениями и международными научными центрами, такими как Совет по исламским финансовым услугам (*IFSB*), Международный исламский финансовый рынок (*IIFM*), Организация бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (*AAOIFI*), Исламский институт образования и исследований (*IRTI*), Международный центр образования в области исламских финансов (*INCEIF*) и др. По той же причине в Иране нет исламских стандартов бухгалтерского учета, все процедуры отчетности разрабатываются и издаются Центральным банком в основном на основе Базельских стандартов. Это является важным аспектом, так как в некоторых исламских странах система бухгалтерского учета отличается от традиционных моделей. Стоит упомянуть, что в последнее десятилетие некоторые стандарты Совета исламских финансовых услуг были учтены Центральным банком Исламской Республики Иран и доведены до банков страны в виде предписаний [8].

Вторая особенность состоит в том, что все законы банковской деятельности в Иране соответствуют исламскому праву шиитского толка, а именно джафариитскому мазхабу, в то время как в других исламских странах используются суннитские правовые школы различных мазхабов. Юриспруденция шиитского толка имеет много общих черт по сравнению с суннитской, но наряду с ними существуют также и различия, касающиеся применения исламских финансовых инструментов. Например, в Иране использование договора «мудараба» ограничивается только коммерческой сферой деятельности, в то время как в юриспруденции суннитских мазхабов он является общим и неограниченным по части использования договором, который находит применение и в некоммерческие делах. Другим примером является договор о продаже долга, который в Иране обладает бóльшим потенциалом для использования в качестве базового контракта при управлении денежными средствами и активами в экономике, в том числе распределении ресурсов при проведении денежно-кредитной политики. Говоря о разнице во взглядах шиитских и суннитских правовых школ относительно исламского банкинга, стоит также затронуть договор «мурабаха». В Иране клиент, которому необходимо приобрести товар, может получить доверенность на заключение сделки у банка или сам банк, выступая доверенной стороной, может заключить сделку и затем получить часть прибыли за предоставление услуги посредника. Однако в суннитской юриспруденции данный договор имеет более строгие правила, по которым у клиента нет доверенности на покупку. Товар приобретается только банком или доверенным лицом со стороны банка, который покупает товар, выставляет счет и затем продает его клиенту. Другим спорным юридическим моментом является взимание комиссии или платы за проведение «карз аль-хасна» (беспроцентной ссуды). Дискуссии относительно правомерности и справедливости комиссии ведутся как в суннитских, так и шиитских правовых школах, тем не менее в Иране в большинстве банков плата за предоставление данной услуги взимается. Здесь также стоит отметить, что, в отличие от других исламских стран, в Иране пеня за просрочку считается частью дохода банка и не идет на благотворительную деятельность [1, с. 209].

Дальнейший анализ банковской системы Ирана показал, что существует ряд других особенностей, например, договор доверенности («агдэ вэкалат»). Он играет ключевую роль в распределении ресурсов и предоставлении банковских услуг [9]. Договор доверенности встречается в большинстве операций и услуг иранских банков, но одним из важнейших применений этого контракта является его использование в качестве инструмента долгосрочного инвестирования. В рамках данной модели банки выступают в роли посредников для вкладчиков, направляя их средства в разрешенные, с точки зрения ислама, виды деятельности. Банки выплачивают проценты вкладчикам на протяжении финансового периода. По завершении данного периода, после вычета платы за посредничество и окончательного расчета доходов и расходов банки определяют проценты для вкладчиков. В отличие от Ирана, в других странах в контексте исламского банкинга часто применяется ряд других финансовых инструментов, таких как «мудараба», «мушакара» или «вадиа».

Ещё одной важной отличительной особенностью банковской системы Ирана является выплата предварительной прибыли («суде алал-хесаб»), которая имеет важное экономическое значение, поскольку способствует решению проблемы ликвидности банков. Это деньги, которые выплачиваются владельцам вкладов до окончания финансового периода и до того, как окончательные проценты (прибыль) будут рассчитаны банком. В целях предотвращения ослабления стимула вкладчиков к размещению депозитов в банке объявляются «проценты по счету» в начале каждого периода, с последующим периодическим ее начислением. Важным аспектом этой прибыли является ее характер как ожидаемой, а не фиксированной ставки. Таким образом, банк определяет конкретную ставку для вкладчиков в соответствии со своими расчетами и ожиданиями, обеспечивая возможность более эффективного планирования и принятия решений. В отличие от иранской практики, в исламском банкинге в целом стимулирование вкладчиков поддерживается за счет других источников [1, с. 209].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что исламский банкинг в Иране обладает

рядом преимуществ, которые могут представлять интерес в разрезе российско-иранских экономических отношений, а именно в обслуживании международной торговли и организации международных платежей. Одним из ключевых преимуществ является интегрированность и универсальность банковской системы Ирана. Помимо высокого уровня надежности и подконтрольности, полное или частичное отсутствие внутренних органов шариатского надзора в банках способно значительно уменьшить административные барьеры при проведении трансграничных платежей. Банки могут более гибко реагировать на запросы клиентов, проводить операции быстрее и без лишних формальностей. Такой подход способствует ускорению и упрощению процесса международных финансовых операций, что в свою очередь может привлечь больше инвестиций и стимулировать экономический рост. Кроме того, иранские банки стараются следовать в своей деятельности Базельским стандартам, что также может способствовать упрощению процессов финансовых операций между странами.

Таким образом, исламский банкинг в Иране имеет ряд особенностей, заключающихся главным образом в политико-исторических аспектах страны и влиянии шиитского исламского права. Понимание этих отличий существенно как с практической стороны в контексте российского-иранского взаимодействия, так и для дальнейших исследований в этой области с учетом развития исламских финансов в России.

Литература:

1. Mousavian S.A, Measamy H., Islamic Banking in Iran: Principles and Practices. – Tehran, Monetary and Banking Research Institute of Central bank of the Islamic Republic of Iran, 2021. – 313 p.
2. База данных экспорта и импорта России (ВЭД). – URL: https://ru-stat.su/date-Y2014-2022/RU/trade/IR (дата обращения: 15.03.2024).
3. Товарооборот России и Ирана в 2023 году снизился на 17,3 %, до $4 млрд. – URL: https://www.interfax.ru/russia/948210.
4. Россия и Иран практически полностью перевели расчеты в национальные валюты. – URL: https://tass.ru/ekonomika/19938269.
5. ВТБ запустил сервис денежных переводов в Иран. – URL: https://www.forbes.ru/finansy/482699-vtb-zapustil-servis-deneznyh-perevodov-v-iran.
6. Сбербанк запустил для физлиц рублевые переводы в Иран. – URL: https://www.forbes.ru/finansy/496024-sberbank-zapustil-dla-fizlic-rublevyeperevody-v-iran.
7. ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/figure/Islamic-banking-vs-conventional-banking-assets-by-share-and-asset-by-growth-during_fig3_376685192.
8. Central bank of the Islamic Republic of Iran. – URL: https://www.cbi.ir/ (дата обращения: 18.01.2024).
9. Monetary and Banking Research Institute of Central bank of the Islamic Republic of Iran. – URL: https://www.mbri.ac.ir/IslamicBanking/IslamicBanking_Page?News_ID=283232.
10. Monetary and Banking Research Institute of Central bank of the Islamic Republic of Iran. – URL: https://www.mbri.ac.ir/IslamicBanking/IslamicBanking_PageLink?News_ID=100758.

Features of Islamic Banking in Iran in the Context of Russian-Iranian Economic Cooperation

Kashbrasiev R.V., Mamontov A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The relevance of the chosen topic is due to the growing interest in Islamic finance in the international economic environment, particularly in Islamic banking, as well as actively expanding trade, economic and financial relations between Russia and Iran in recent years. The purpose of the study is to identify the significant features of Islamic banking in Iran in the context of Russian-Iranian financial cooperation. The objectives of the study are to analyze the banking system of the Islamic Republic and identify significant features of interest to the Russian side. The value of the study lies in the description of important aspects of Islamic banking in Iran, which have the potential for both practical, in the context of bilateral economic cooperation, and scientific, given the very small number of studies on this topic, which also characterizes the high scientific novelty of the research. The result of the work is the identification of the following features: integrated banking system, its compliance with the Shiite Islamic law, the use of power of attorney agreement and the presence of payment of preliminary profits. Among the identified features, the most important from the point of view of Russian-Iranian financial cooperation, namely, the universal character of the Iranian banking system and adherence to the Basel standards of banking activities are identified.

Key words: Islamic banking, trade and economic relations, Russian-Iranian cooperation, Iranian banking system, Shiite jurisprudence, banking contracts

УДК 330.322.01

Сущность пространственно-интегрированной методологии исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона

Квон Г.М.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Автором предлагаются к рассмотрению основные положения пространственно-интегрированной методологии к исследованию преобразующих инвестиций с целью их реализации в экономическом пространстве региона. Актуальность темы обусловлена значимостью преобразующего инвестирования в развитии экономического пространства любой территориальной системы, требующего, в свою очередь, обоснования подходов к их реализации.

Цель исследования заключается в обосновании выбранного автором пространственно-интегрированного методологического подхода, объединяющего в своём составе совокупность других подходов, позволяющих отразить специфику преобразующих инвестиций. Задачи исследования обусловлены поставленной целью и предусматривают формирование методологии на основе проектного, риск-ориентированного и институционального подходов.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что методология, основанная на сочетании принципов и методов проектного, риск-ориентированного и институционального подходов, позволяет провести исследование преобразующих инвестиций в новом ракурсе: с одной стороны, раскрыть пространственный контекст инвестиционных проектов и рисков, а с другой – выявить в дальнейшем их положительное воздействие на пространственные структурные трансформации.

Результаты проведенного исследования предусматривают формирование пространственно-интегрированной методологии, отражающей специфику реализации преобразующих инвестиционных проектов в экономическом пространстве региона.

По результатам исследования сделаны выводы, что предлагаемая автором методология, объединяющая в себе три подхода, позволяет выявить специфику преобразующих инвестиций, обусловливающих определенное положительное воздействие на развитие экономического пространства с учетом существующих условий и социальных рисков.

Научная новизна работы заключается в том, что предложенная автором система подходов, в совокупности формирующая пространственно-интегрированную методологию, позволяет расширить и дополнить существующие подходы к исследованию преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона.

Ключевые слова: преобразующие инвестиции, пространственно-интегрированная методология, экономическое пространство региона, проектный, риск-ориентированный, институциональный подходы

Развитие взглядов на экономическое пространство требует учета его характеристик, однако однозначного определения данному понятию в научном дискурсе не существует. Значительное число подходов к его исследованию, отражающие позиции ведущих российских ученых (Е.Г. Анимицы и В.А. Сухих [1], Н.М. Сурниной [2], О.А. Биякова [3] , С.В. Захарова [4], А.Г. Каримова и Э.Р. Чувашаевой [5], В.А. Эковой [6] и др.), обобщено в работе Е.Б. Дворядкиной (в разделе коллективной монографии) [7].

Можно утверждать, что экономическое пространство «начинает становиться активной средой, влияющей на развитие объектов, в том числе экономических систем», что приводит к расширению «спектра топологических характеристик пространства, таких как неравномерность, наличие "полюсов", величина потенциала, напряженность, волновые свойства, включая диффузию» [8].

Исследование преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона требует разработки определенной методологии, учитывающей как характеристики экономического пространства, его многоаспектность, так и специфику самих инвестиций: преобразующее инвестирование предусматривает сознательный выбор объектов инвестирования; положительное воздействие (социальное и/или экологическое) является частью заявляемой стратегии организации. Оно нацелено на достижение социального, экономического и экологического эффектов; результат инвестиций имеет обязательную оценку (измерение), должна быть обеспечена хотя бы минимальная отдача и др. Сущностные характеристики преобразующих инвестиций, особенности их классификации отражены автором в более ранних работах [9; 10]. С учетом вышесказанного в данной работе автор считает возможным предложить пространственно-интегрированную методологию, объединяющую в себе совокупность различных подходов: проектный, риск-ориентированный и институциональный.

Обоснование проектного методологического подхода

Реализация преобразующих инвестиций происходит в форме проектов (программ) правительства, бизнеса, некоммерческих организаций, создающих на разных уровнях (национальном, региональном, муниципальном) определенное положительное (или отрицательное) воздействие. В этой связи специфика проектной методологии обусловливается именно оказываемым воздействием, которое встраивается в этапы (фазы) реализации преобразующего проекта, при оценке этого воздействия, при оценке эффективности проекта с учетом воздействия, а также при оценке рисков воздействия проекта.

Если рассмотреть проектный цикл при вложении любых, «традиционных» инвестиций, то он, как правило, включает ряд стандартных, общеизвестных фаз (этапов, стадий): предынвестиционная, инвестиционная, операционная (эксплуатационная), ликвидационная (или этап закрытия проекта) [11–13]. При рассмотрении преобразующих проектов (проектов воздействия), оказываемое воздействие необходимо включать в разные фазы (этапы) жизненного цикла инвестиционного проекта, создавая определенную карту воздействия, при этом на каждом этапе оценка этого воздействия играет определённую роль.

Пример карты воздействия представлен на рисунке 1.

Необходимо уточнить, что под воздействием следует понимать долгосрочные преднамеренные и непреднамеренные последствия всех вложений и действий. Социальное воздействие – это «всё, что связано с проектом, который затрагивает или касается какой-либо … группы заинтересованных сторон, всё, что ценится или важно для определенной группы людей» (воздействие на окружающую среду имеет социальные последствия, если средства жителей территории зависят от окружающей среды; это может быть воздействие на здоровье и благополучие людей, утрата культурного наследия, важных мест обитания или биоразнообразия) [14].

Учитывая специфику преобразующих инвестиций, необходимо отметить, что проектный подход требует обязательного проведения оценки социального воздействия, используя как традиционные методы оценки эффективности проектов (расчет *NPV, PI, IRR* и *DPP*) [11; 12], так и различные специальные методы [15].

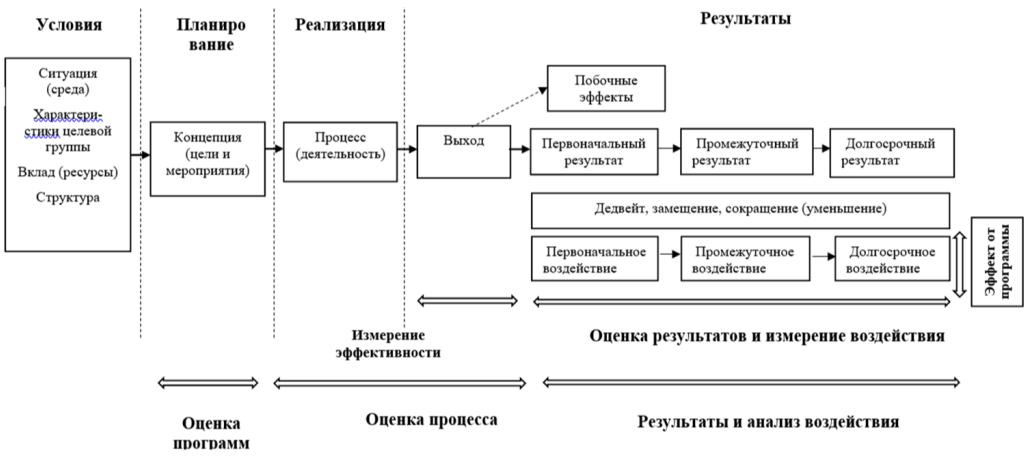

Рис. 1. Пример карты воздействия преобразующего инвестиционного проекта

Обоснование риск-ориентированного методологического подхода

Риск-ориентированный подход к исследованию преобразующих инвестиций обусловлен необходимостью учета новых социальных рисков, вызванных трансформацией рынка труда в постиндустриальной экономике, изменением структуры семьи, которые породили новые социальные потребности и требования.

Дуальность данного подхода выражается в том, что:

1) существуют риски, в том числе и «новые», на снижение (предотвращение и т.п.) которых и направлены преобразующие инвестиции;

2) переход к новой социальной политике, направленной на повышение качества жизни человека, снижение бедности, соблюдение прав человека создает новые риски и новое неравенство (рис. 2).

Под социальным риском, согласно определению Всемирного банка, можно понимать:

– «возможность того, что вмешательство создаст, усугубит (усилит) неравенство и/или социальный конфликт»;

– «отношение и действия основных заинтересованных сторон могут препятствовать достижению цели развития»;

– «цель развития или средства ее достижения не отвечают интересам ключевых заинтересованных сторон» [16].

В этой связи актуализируются вопросы разработки программ (стратегий) развития региональных (муниципальных) трудовых ресурсов: то есть реализация преобразующих проектов должна проходить с учетом стратегий социально-экономического развития территорий. Территориальный аспект рисков преобразующих инвестиций представлен автором в работе [10].

При использовании риск-ориентированного методологического подхода считаем необходимым проводить исследование оказываемого социального воздействия на экономическое пространство региона в связи с существующими на территории социальными проблемами, т.е. учитывать социальный риск и социальные последствия при реализации преобразующих проектов в рамках стратегии территориального (пространственного) развития. Здесь можно воспользоваться подходом *RSIA* (*risk and social impact assessment*), обозначающим оценку риска и оценку социального воздействия. Алгоритм проведения оценки представлен в работе [17] и предусматривает реализацию трех этапов.

Модель нами переработана в таблицу 1, что не меняет ее сути.

Возможность объединения данных подходов обусловливается схожими чертами социальных последствий и социальных рисков. Однако эта комбинация возможна при условии, что исследователь отказывается от превалирующего в научном дискурсе мнения, что «риск обычно используется для обозначения только негативных или нежелательных результатов» [17]. Общим для двух этих методов является получение на начальном этапе информации о том, какие последствия ожидают территорию в результате запланированного воздействия (вмешательства) с целью решения социальных проблем.

Обоснование институционального методологического подхода

Необходимость использования институционального подхода при исследовании преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона обусловлена повышением значимости институционального фактора в инвестиционном процессе в связи с произошедшими структурными изменениями в регионах за последние 30 лет. По мнению автора, недостаточ-

Двусторонний характер социальных рисков

«Старые» риски
(риски, на преодоление которых (снижение, предотвращение и т.п.) направлены преобразующие инвестиции

Существующие тенденции	Риски
1)Глобализация, меняющиеся демографические условия; стремительно меняющийся рынок труда, пост индустриализация	– снижение спроса на неквалифицированную работу; – возникновение новых требований к работникам; – сокращение постоянных рабочих мест; – увеличение нестабильности занятости; – увеличение истощения человеческого капитала; – необходимость переподготовки на протяжении всей жизни, – рост психологической загрузки и др.
2) Изменение структуры семьи и гендерных ролей, увеличение роли и уровня женщин на рынке труда	– позднее родительство; –высокий уровень разводов, – нарушение «традиционного» распределения гендерных ролей; – рост напряжённости в отношениях; –рост насилия в семье и др.
3) Увеличение продолжительности жизни	–повышение зависимости пожилых людей от детей и общества и др.

«Новые» риски – риски «перехода»
(риски, возникающие при переходе к новой социальной политике, направленной на повышение качества жизни человека, снижение бедности

Риски	Причины рисков
1)Риски приводящие к потери благосостояния	–совмещение работы и семейной жизни; семьи с одним родителем; – уход за пожилыми членами семьи (инвалидами); – обладание «низкими навыками» или отсутствие навыков; –недостаточный охват социальным обеспечением и др.
2) Риски «перехода»	– социальная неграмотность; – круг «собственной вины» или «парадокс входа-выхода»; – ограниченные сетевые связи; – моральная дилемма

Перспективы и направления преобразующих (социальных) инвестиций:
–содействие образованию, начиная с раннего детства и на протяжении всей жизни;
–снижение бедности между поколениями, защиту от быстрых изменений на рынке труда, преодоление неравенства при сохранении личной ответственности каждого члена общества за свое благополучие

Рис. 2. Двусторонний характер социальных рисков

Таблица 1

Алгоритм проведения оценки риска и социального воздействия (RSIA)

Шаги	Расшифровка	Уточнение
Этап 1 – Идентификация воздействия		
Шаг 1	Скрининг: предварительный анализ	Социально-политическая неоднозначность: 1. Индивидуальный уровень. 2. Институциональный уровень. 3. Социальный уровень
Шаг 2	Определение объема работ: оценка проблем	1. Осмысление проектных рисков и преимуществ. 2. Определение вероятных социальных последствий
Этап 2 – Оценка воздействия (социально-экономического, общественно-политического, социально-культурного)		
Шаг 3	Прогнозирование возможных воздействий	1. Индивидуальный уровень. 2. Институциональный уровень. 3. Социальный уровень
Шаг 4	Определение реакции заинтересованных сторон	
Этап 3 – Управление воздействием		
Шаг 5	Смягчение последствий и управление рисками	1. Невыносимая ситуация. 2. Терпимая ситуация. 3. Приемлемая ситуация

ность инвестиционной составляющей, т.е. неполное соответствие институциональных условий произошедшим (и происходящим) изменениям не позволяет в должной мере обеспечить стимулирование инвесторов страны и ее регионов (внутренних и внешних).

Здесь можно отметить, что институциональный механизм развития экономики является сложным и длительным процессом, он отличается в разных странах и практически не поддается заимствованию. По мнению Р.М. Нуреева, важность институционального анализа на макроуровне (а по нашему мнению, и на мезоуровне) «используется в мировой практике при решении важнейших проблем развития … экономики, межфирменного взаимодействия, организации государственного регулирования», при этом приемы данного подхода необходимы «для разработки широкого круга проблем – от организации конкурсов на использование ограниченных ресурсов до оценок воздействия на общественное благосостояние новых законов (оценки регулирующего воздействия)» [18].

В инвестиционном процессе значимость институционального фактора, который, согласно работе А.А. Медведь, «представляет собой систему национальных и международных институтов, необходимых для осуществления инвестиций населением, бизнесом и заграницей», определяется не только экономическими, но также и другими факторами (политическими, психологическими, социальными), которые влияют «на поведение экономических субъектов». Для российских регионов вопрос институализации происходящих инвестиционных процессов обусловлен структурными изменениями в экономике России, имевшими место в конце XX в. и приведшими к тому, что на национальном уровне «капитал должным образом институционально не регулируется», создавая «хаотизацию данного процесса» [19].

При исследовании преобразующих инвестиций институциональный подход предусматривает тот факт, что изменения в экономическом пространстве региона, которые могут произойти под влиянием инвестиций, происходят медленно. Существуют различные институциональные подсистемы (рыночные, индустриальные и др.), в которых функционируют преобразующие инвесторы и создаваемые на основе преобразующих инвестиций социальные предприятия: они вступают во взаимодействие с другими участниками (другими подсистемами), использующими другие нормы поведения (например, в политической и гражданской подсистемах). Здесь реализация концепции преобразующих инвестиций (осуществляемой при непосредственном участии государства и других заинтересованных сторон) может иметь негативные последствия. Вышесказанное обусловливает тот факт, что эффективного преобразования за короткий срок добиться практически невозможно.

Положительным моментом, при котором возрастают перспективы преобразующих инвестиций, является возникновение нового этапа в развитии экономического пространства – экономики знаний. В данном контексте преобразующие инвестиции, обеспечивающие восстановительную функцию проводимой социальной политики, реализуют ее через «институциональную взаимодополняемость» (комплементарность) своих функций, обеспечивающих в итоге мультипликативный эффект и повышение совокупной производительности труда общества. К функциям преобразующих инвестиций, согласно работе А. Хемерийка и Ф. Ванденбрук [20], можно отнести функции «запаса», «потока» и «буфера» (табл. 2).

Также нужно иметь в виду, что существуют определённые институциональные ограничения, затрудняющие реализацию преобразующих инвестиций, обусловленных рядом причин, к которым можно отнести, например, следующие:

– «внедрение» преобразующих инвестиций и реализация соответствующей социальной политики требуют бóльшего временного периода, в связи с чем приоритет может отдаваться другим, более ограниченным реформам в области социального обеспечения;

– общество может быть не заинтересовано в реализации преобразующих инвестиций (как ин-

Таблица 2

Функции социальных инвестиций

Функции	Суть	Направление социально-преобразующих инвестиций
«Запас»	Функция связана с обеспечением производительности, укреплением и поддержанием человеческого капитала на протяжении всей жизни	Вложения в «мероприятия», направленные на повышение качества человеческого капитала, его возможностей на протяжении всего жизненного периода: программы дошкольного образования, активизация рынка труда, системы профессиональной переподготовки, обеспечивающие возможность трудоустройства и высокий уровень занятости
«Поток»	Функция направлена на наиболее эффективное использование и распределение трудовых ресурсов на протяжении всей жизни в поддержку высокого уровня занятости представителей обоих полов	Обеспечивается облегчение «потока» современного рынка труда и гендерных изменений в жизненном цикле человека
«Буфер»	Функция направлена как на обеспечение защиты доходов, так и на обеспечение экономической стабилизации; на микроуровне «буфер» доходов помогает компенсировать и смягчать социальное неравенство, на макроуровне – стабилизируется деловой цикл	Поддержание надежных универсальных систем социальной защиты с минимальным доходом в качестве «буферов» социальной защиты и экономической стабилизации в стареющих обществах, что впоследствии служит фоновой перспективой для большинства индивидуальных вкладов

новации) в виду больших первоначальных вложений. Здесь, учитывая экологическое направление вложения преобразующих инвестиций, можно привести пример перехода линейной экономики, оказывающей большое давление на Землю (в ее планетарном понимании), на циркулярную, предусматривающую внедрение абсолютно новых технологий и новых подходов к развитию отдельных отраслей инфраструктуры [21]. Согласно исследованиям фонда Элен Макартур[1], это может вызвать протест со стороны крупных корпораций и поддержку их интересов на государственном уровне [22].

Интегрируя проектный, риск-ориентированный и трансформационный подходы к исследованию преобразующих инвестиций, локализованных в экономическом пространстве региона, в общую методологию, составим рисунок 3.

Данная схема обобщает мнение автора по методологии исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона. На наш взгляд, использование пространственно-интегрированной методологии исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона является корректным. Предлагаемая методология, объединяющая в себе три подхода, позволяет выявить специфику преобразующих инвестиций, обусловливающих определенное положительное воздействие на развитие экономического пространства при реализации преобразующих инвестиционных проектов с учетом особенностей регионального развития в условиях происходящих трансформационных процессов и специфики социальных рисков.

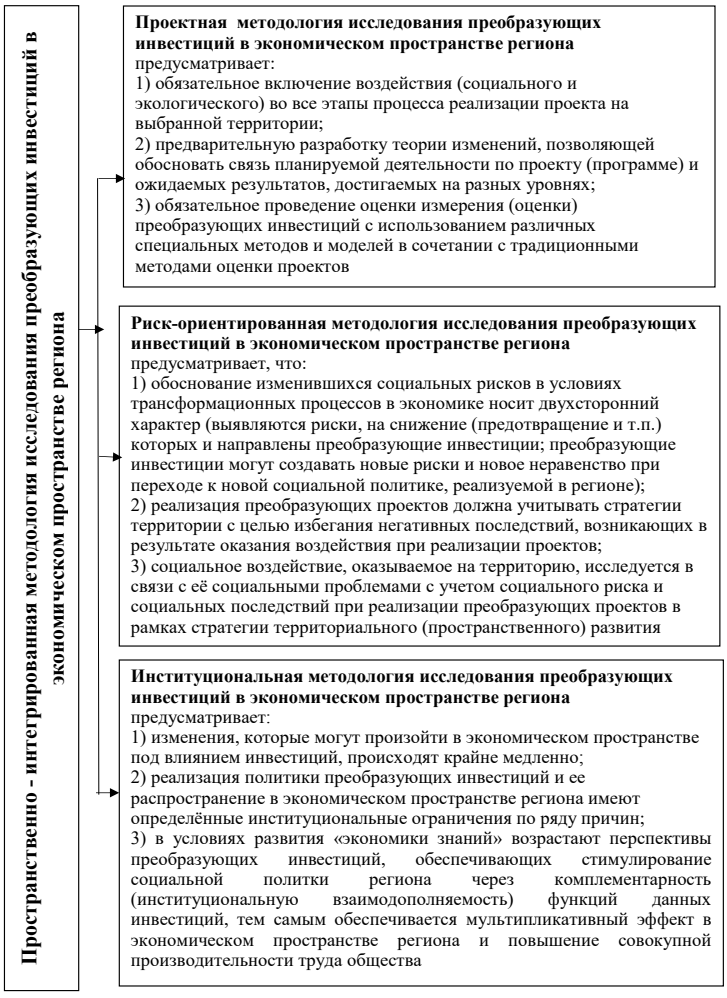

Рис. 3. Пространственно-интегрированная методология исследования преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона

[1] Фонд Эллен Макартур создан в 2010 г. для ускорения перехода к циркулярной модели экономики, обеспечивающей в долгосрочной перспективе социальную и экологическую устойчивость.

Литература:

1. Анимица Е.Г., Сухих В.А. Пространственно-временная парадигма в социоэкономике: региональный аспект. – Пермь: Перм. ун-т, 2007. – 139 с.
2. Сурнина Н.М. Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / [науч. ред. Е.Г. Анимица]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2003. – 281 с.
3. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 151 с.
4. Захаров С.В. Концептуальные подходы к изучению сущности понятия «пространственно-экономическая трансформация» // Менеджер. Вестник Донецкого государственного университета управления. – 2016. – № 2. – С. 112–119.
5. Каримов А.Г., Чувашаева Э.Р. К уточнению сущности и содержания категории «экономическое пространство» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 10-2. – С. 62–67.
6. Экова В.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию пространственной неоднородности социально-экономического развития региона // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12, вып. 3. – С. 13–16.
7. Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры / Под ред. Я.П. Силина; отв. за вып.: Н.Ю. Власова, Е.Б. Дворядкина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — 327 с.
8. Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. – Тюмень: ТИУ, 2019. – 176 с.
9. Дворядкина Е.Б., Квон Г.М. О сущностно-содержательных характеристиках преобразующих инвестиций // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 2. – С. 7–10.
10. Квон Г.М. Теоретические подходы к классификации преобразующих инвестиций в экономическом пространстве региона // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 28–32.
11. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция, исправленная и дополненная). Утверждены Минэкономики РФ, Минфином РФ и Госстроем РФ от 21 июня 1999 г. № ВК 477. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=8730.
12. Беренс В., Хавранек П.М. Руководство по подготовке промышленных технико-экономических исследований. – М.: Интерэксперт, 1995. – 343 с.
13. Управление проектами: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» / Под общ. ред. И.И. Мазура, В.Д. Шапиро. – М.: Изд-во «Омега Л», 2010. – 960 с.
14. Vanclay F., Esteves A.M., Aucamp I., Franks D. Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects. International Association for Impact Assessment (2015). – URL: https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/17534793/IAIA_2015_Social_Impact_Assessment_guidance_document.pdf
15. Квон Г.М. Оценка социального воздействия преобразующих инвестиций: проблемы и подходы // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 4. – С. 24–28.
16. Kytle B., Ruggie J. Corporate Social Responsibility as Risk Management: A Model for Multinationals (2005). – URL: http://www.ksg.harvard.edu/m-rcbg/CSRI/publications/workingpaper_10_kytle_ruggie.pdf
17. Hossein Mahmoudi and all. A Framework for Combining Social Impact Assessment and Risk Assessment // Environmental Impact Assessment Review. – 2013. – № 43. – P. 1–8. – DOI:10.1016/j.eiar.2013.05.003. – URL: https://www.researchgate.net/publication/236685861_A_Framework_for_Combining_Social_Impact_Assessment_and_Risk_Assessment
18. Нуреев Р.М. На пути к созданию новой макроэкономики: вклад институционализма // Журнал институциональных исследований. – 2013. – Т. 5. – № 1.– С. 6–20.
19. Медведь А.А. Институты в качестве факторов инвестиционного процесса в экономике Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 112 с.
20. Hemerijck A., Vandenbroucke F. ‘Social investment and the euro crisis: the necessity of a unifying social policy concept’ // Intereconomics. – 2012. – № 47(4). – URL: https://www.researchgate.net/publication/301821796_Social_investment_and_the_euro_crisis_the_necessity_of_a_unifying_social_policy_concept
21. Мухаметшин Р.З., Квон Г.М. Некоторые аспекты ресурсосбережения в условиях трансформационных процессов перехода к модели циркулярной экономики в новых для России реалиях // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 3(83). – С. 30–32.
22. Ellen MacArthur Foundation Financing the circular economy. Capturing the opportunity. 2020. – URL: https://www.ellenmacarthurfoundation.org/publications
23. Hamelmann C., Turatto F., Then V., Dyakova M. Social return on investment: accounting for value in the context of implementing Health 2020 and the 2030 Agenda for Sustainable Development. – Copenhagen: WHO Regional Office for Europe; 2017 – URL: https://who-sandbox.squiz.cloud/__data/assets/pdf_file/0009/347976/20170828-h0930-SROI-report-final-web.pdf

The Essence of the Spatially Integrated Methodology for the Study of Transformative Investments in the Economic Space of the Region

Kvon G.M.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The author proposes for consideration the main provisions of a spatially integrated methodology for the study of transformative investments with a view to their implementation in the economic space of the region. The relevance of the topic is due to the importance of transformative investment in the development of the economic space of any territorial system, which, in turn, requires justification of approaches to their implementation.

The purpose of the study is to substantiate the spatially integrated methodological approach chosen by the author, combining a set of other approaches that allow reflecting the specifics of transformative investments. The objectives of the study are determined by the set goal and provide for the formation of a methodology based on project-based, risk-oriented and institutional approaches.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that methodology, based on a combination of principles and methods of project, risk-oriented and institutional approaches, allows for a study of transformative investments in a new perspective: on the one hand, to reveal the spatial context of investment projects and risks, and on the other – to identify further their positive impact on spatial structural transformations.

The results of the study provide for the formation of a spatially integrated methodology reflecting the specifics of the implementation of transformative investment projects in the economic space of the region.

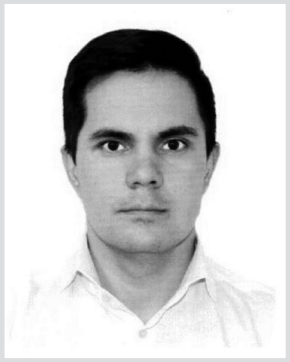
Based on the results of the study, it was concluded that the methodology proposed by the author, combining three approaches, allows us to identify the specifics of transformative investments that cause a certain positive impact on the development of the economic space, taking into account existing conditions and social risks.

The scientific novelty of the work lies in the fact that the system of approaches proposed by the author, which together forms a spatially integrated methodology, makes it possible to expand and complement existing approaches to the study of transformative investments in the economic space of the region.

Key words: transformative investments, spatially integrated methodology, economic space of the region, project, risk-oriented, institutional approaches

УДК 338.012

Сущность и особенности реализации современной промышленной политики в российской экономике

Низамутдинов И.К.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса
Казанского (Приволжского) федерального университета

Малаев В.В.
кандидат экономических наук,
доцент кафедры международных экономических отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета

Промышленная политика в российской экономике в условиях трансформации мировой экономической системы и формирования многополярного мира требует рассмотрения целей и новых методов повышения эффективности ее реализации. Целью исследования является рассмотрение особенностей реализации промышленной политики в российской экономике в рамках современных геополитических реалий, что требует решения задач анализа и конкретизации целей, инструментария и методов реализации эффективной промышленной политики. В рамках исследования определена необходимость трансформации целей реализации промышленной политики в условиях поддержания ее эффективности не только в рамках текущего этапа развития экономики, но и в долгосрочном периоде. Значимость исследования определена возможностью применения инструментария промышленной политики в конкретных стратегиях развития отраслей российской промышленности с учетом задействования конкурентного рыночного механизма в функционировании создаваемых отраслей промышленности в долгосрочном периоде времени.

Ключевые слова: промышленность, инновации, инвестиции, экономическое развитие, экономический рост

В соответствии с произошедшими эволюционными изменениями в понимании сущности промышленной политики можно отметить, что традиционная промышленная политика, которая непосредственно влияет на значимость в экономике отдельных предприятий и отраслей, в настоящее время называется вертикальной промышленной политикой. Если же в сферу промышленной политики входят общие действия по правовому, нормативному обеспечению производственной деятельности, по защите прав собственности, устранению барьеров или по содействию инновационному процессу, то данный вид промышленной политики получил название горизонтальной промышленной политики. При этом действия государства в рамках горизонтальной промышленной политики являются общими для большого количества организаций бизнеса, регулируя фактически процессы, протекающие на уровне всей отрасли, или регулируя взаимодействие между отраслями. Таким образом, новая промышленная политика может рассматриваться как сочетание уровней, направлений, принципов и видов промышленной политики государства (рис. 1).

Фактически необходимость проведения промышленной политики в рамках национальной экономики во многом связана с необходимостью раз-

Рис. 1. Структура промышленной политики

вития новых отраслей промышленности в рамках инновационного развития. При этом существует потребность координирования развития различных отраслей, предприятий, формирования направленности и значимости инвестиционных потоков, формирования новых технологических цепочек и повышения конкурентоспособности промышленности в условиях глобальной конкуренции. Также необходимо учитывать значимость координирующей функции промышленной политики, а именно сочетания финансирования ряда процессов промышленного развития или самих промышленных предприятий из государственного бюджета с необходимостью налаживания инвестиционного потока в рамках промышленных предприятий при задействовании собственных внутренних источников развития.

Конкуренция между организациями, получающими финансирование из бюджета, и организациями, получающими финансирование на основании рыночных процессов, не должна приводить к разбалансированности экономической системы и должна регулироваться с участием государства.

На основании вышеизложенного, учитывая проблемы развития национальной экономики в настоящее время, мы считаем, что в рамках проведения данного координирования и поддержания конкуренции можно будет выделить такой вид промышленной политики государства, как «консервативная промышленная политика», сочетающая инструментарий промышленной политики с необходимостью поддержания самой промышленной политикой таких функций рынка, как конкуренция и ценообразование. Данный вид промышленной политики является консервативным в смысле создания условий для развития импортозамещающих отраслей экономики. Если в условиях глобализации целью промышленной политики является формирование эффективного промышленного развития, то в условиях возможной деглобализации роль промышленной политики в рамках поддерживающего влияния на сохранение промышленного развития требует особого инструментария. Фактически консервативная промышленная политика, с одной стороны, требует совершенствования процессов развития импортозамещения на основе возможности развития выпадающих отраслей промышленности в условиях экономических санкций. С другой стороны, данная политика может быть ориентирована на использование традиционного инструментария рыночной экономики (что обусловлено необходимостью развития импортозамещения не только в рамках текущего момента, но и сохранением данных новых отраслей промышленности даже в условиях возможной отмены санкций). Использование рыночного инструментария позволит избежать создания «тепличных» условий для данных отраслей промышленности. Консервативная промышленная политика фактически должна представлять собой систему целей и возможных противовесов, не допускающих самой возможности извлечения сверхприбыли нерыночными инструментами за счет отсутствия конкуренции.

Возвращаясь к особенностям реализации промышленной политики, необходимо также отметить, что промышленная политика на уровне отдельного региона требует особого рассмотрения и формирования общей концепции развития территории. В связи с этим можно выделить ряд отдельных задач, которые должны лежать в основе проведения региональной промышленной политики:

– формирование долговременных перспектив и базовых направлений развития региона;

– прогнозирование изменений в ресурсной базе территории, анализ и обоснование ключевых проектов развития региона;

– реализация институциональных преобразований, определяющих перспективы развития территории во взаимосвязи с поставленными целями.

В соответствии с поставленными задачами на уровне реализации региональной промышленной политики необходимо обратить внимание на два главных момента.

1. На уровне региона вопросы социальной значимости результатов проведения промышленной политики имеют особо важное значение. Развитие новых промышленных центров, создание и трансформация промышленных предприятий непосредственно влияют на качество жизни населения в регионе, на уровень занятости, на привлекательность региона для последующего вложения инвестиций. Социальная политика в данном случае пересекается с промышленной политикой, обеспечивая возможности для экономического развития [1, с. 391–398].

2. Необходимо определить уровень развития ключевой инфраструктуры на территории региона в рамках обеспечения достижимости социально-

значимых целей. Финансирование ключевой инфраструктуры в данном случае требует ее развития свыше того уровня, который был бы достижим просто в условиях рыночной экономики (без вмешательства государства).

В этом случае необходимо выделить несколько базовых источников финансирования производства услуг ключевой инфраструктуры в рамках реализации проектов развития территории:

1. Бюджет государства.

2. Плата пользователей услуг ключевой инфраструктуры.

3. Средства предприятий, оказывающих данные услуги в рамках предоставления данным предприятиям различных монопольных привилегий.

В то же время необходимо понимать, что в данном случае приходится говорить об услугах, которые рынок не будет производить в достаточном количестве. В связи с этим платы пользователей за данные услуги не будет достаточно. Реальный выход из ситуации возможен только на основании использования всех трех источников финансирования (бюджет, плата пользователей, средства предприятий) для производства услуг ключевой инфраструктуры. Задействование третьего источника финансирования в рамках предоставления производителю ряда монопольных прав позволит повысить цены на данные услуги для тех потребителей, которым данные услуги необходимы (для тех, кто будет платить за них в обязательном порядке). Отрасли ключевой инфраструктуры требуют определения целей их развития, источников их финансирования и закрепления механизмов и инструментария их развития в рамках разрабатываемой концепции региональной промышленной политики.

Таким образом, если промышленная политика на федеральном и региональном уровнях отличается в зависимости от поставленных целей, то инструментарий промышленной политики в рамках региона укладывается в концепцию проведения региональной промышленной политики, а на федеральном уровне инструментарий задействует макроэкономические рычаги, а также рычаги налогово-бюджетной политики.

Условия и факторы, определяющие особенности проведения эффективной промышленной политики на федеральном и региональном уровне, очень разнообразны. Остановимся на инструментарии и основных методах реализации промышленной политики, а также на том, какие из данных методов и инструментов являются соответствующими современной экономической ситуации и могут быть применены в промышленном развитии на федеральном и региональном уровне.

В рамках проведенного исследования мы отметили, что применяемый инструментарий промышленной политики практически полностью зависит от тех целей, которые поставлены при реализации промышленной политики. Применяемые методы промышленной политики также значительно различаются в зависимости от поставленных целей. В настоящий момент времени российская экономика находится под серьезным санкционным давлением, что требует трансформации используемого инструментария. В рамках рекомендуемого нами нового вида «консервативной промышленной политики» нам необходимо, с одной стороны, добиваться развития промышленных отраслей, способных обеспечивать стабильное функционирование экономики, но, с другой стороны, формируя новые отрасли промышленности, одновременно необходимо не создавать для них «тепличных условий», препятствующих их эффективному развитию при возможной отмене санкций. Возможная консервация структуры промышленности при желании поддерживать неэффективные отрасли промышленности за счет денежных вливаний со стороны государства была бы крайне нежелательным последствием трансформации промышленной политики в настоящее время.

Обратим внимание на основные инструменты и методы промышленной политики, рассматривая их в соответствии с общими целями, стоящими перед государством в сфере промышленности.

При реализации классической промышленной политики можно констатировать наличие трех базовых методов ее реализации:

1. Ресурсные методы, предполагающие возможное использование кредитно-банковских методов и бюджетно-финансовых методов.

2. Институциональные методы, среди которых можно фактически по отдельности рассматривать нормативные и правовые методы промышленной политики.

3. Организационные и экономические методы промышленной политики.

При реализации промышленной политики в данном подходе выбор того или иного метода определяется поставленными задачами.

Соответственно, если основной целью, поставленной в рамках промышленной политики, является достижение макроэкономических приоритетов, сформированных на федеральном уровне, то для обеспечения развития экономической системы при упоре на применение бюджетно-финансовых методов основное внимание должно уделяться развитию науки и сферы образования, что потребует финансирования научных исследований.

При реализации кредитно-бюджетных методов приоритет при достижении целей промышленной политики состоит в инновационном кредитовании и развитии лизинга. Использование правовых и нормативных методов в рамках реализации промышленной политики предполагает формирование законодательной базы в области патентоведения и

охраны интеллектуальной собственности. В свою очередь экономические и организационные методы предполагают возможности использования налоговых льгот, организации лизинговых компаний, финансирование производства продукции со стороны государства посредством гарантированного спроса на произведенный продукт. Также в данном случае речь может идти о венчурном финансировании, организации корпоративных структур, обеспечивающих эффективное промышленное развитие.

Однако постановка соответствующих целей традиционной промышленной политики, связанных с развитием и сохранением экономического потенциала, не может быть реализована без решения ряда первоначальных задач на федеральном и региональном уровне.

Среди базовых из них в настоящее время можно выделить:

1. Самообеспечение промышленной продукцией в рамках национальной экономики. Решение данной задачи обеспечивает стабильность и независимость экономической системы, в том числе от возможного санкционного давления.

2. Формирование условий для стабильного экономического развития и устойчивого экономического роста в промышленном секторе экономике.

3. Перестройка структуры промышленности в связи с выбранными приоритетами развития и сложившейся экономической и политической ситуацией.

4. Создание условий для решения проблем занятости и адаптации населения к сложившимся условиям в промышленном секторе экономики.

5. Соответствие проводимой промышленной политики экологическим нормативам.

Решение данных приоритетных задач в свою очередь определяется возможным инструментарием промышленной политики и существующими возможностями для развития:

1. Формированием нормативных документов о развитии промышленности, о реализации процессов производства, об обеспечении гарантированного спроса со стороны государства на соответствующие продукты производства, о регулировании деятельности монополий и создании льготных налоговых режимов.

2. Формированием программ промышленного развития и реструктуризации промышленности на федеральном и региональном уровне.

3. Развитием венчурного и инвестиционного кредитования.

4. Совершенствованием инструментария пошлин, квот и налоговых льгот.

5. Формированием и совершенствованием системы социальных дотаций и гарантий, совершенствованием системы выплаты пособий в связи с безработицей.

6. Совершенствованием работы служб контроля за соблюдением экологических нормативов, применением соответствующих санкций при нарушении экологических нормативов при реализации промышленной политики.

В то же время необходимо учитывать, что инструменты промышленной политики могут достаточно часто трактоваться с различных позиций. Если речь идет о цели достижения модернизации национальной промышленности в рамках активизации применения инвестиционных инструментов, то под этой активизацией может пониматься как активизация инвестиционной деятельности отечественных компаний за рубежом (в рамках международного сегмента дружественных экономических систем с минимальными рисками вложения инвестиций без наличия политипического компонента данных рисков), так и активизация использования инструментария привлечения дополнительных инвестиций в национальную или региональную экономику (на этом и делался основной акцент в недавнем прошлом). Активизация инвестиционной деятельности национальных производителей за рубежом до недавнего времени рассматривалась однозначно как показатель успешности работы предприятий без учета будущих возможных политических рисков.

Данная инвестиционная активность дает возможность для трансфера производственных и управленческих технологий. Кроме того, она создает условия для уменьшения рисков выхода предприятия на внешний рынок и последующей работы на нем (позволяя уменьшать политические риски).

Однако подобный подход к инвестиционной активности значительно изменился в настоящее время в силу сложившейся международной политической и экономической ситуации. Более того, вложение ресурсов в приобретение западных активов в настоящее время не только ограничено объективными условиями, но и сами подобные активы за рубежом стали являться инструментом влияния на национальные промышленные компании.

При возвращении к анализу инструментария промышленной политики следует отметить, что если ряд элементов промышленной политики известен еще с XVII в., но наибольшей разработанности инструментария и методов применения промышленная политика смогла достигнуть только в XX в., когда в рамках ее реализации определялись, как базовые следующие главные цели:

• стимулирование развития национальной экономической системы посредством поддержки либо всей сферы промышленного производства, либо отдельных ключевых элементов промышленности (некоторых выбранных отраслей);

• гарантирование внешней безопасности и рост значимости национальной экономики в мире.

В соответствии с вышесказанным, можно утверждать, что если первоначально промышленная политика формировалась и реализовывалась имен-

но на общенациональном уровне, то впоследствии стали формироваться цели, методы и инструментарий промышленной политики на региональном уровне.

К классическим методам реализации промышленной политики относят:

1) протекционизм – возможно достижение поставленных целей методами регулирования налоговых льгот и пошлин, а также административным регулированием сферы международной торговли (в данном случае к методам регулирования, возможно, отнести также регулирование валютного курса);

2) стимулирование экспорта – возможно достижение поставленных целей через прямое субсидирование либо косвенно посредством валютного регулирования и регулирования цен на факторы производства внутри экономической системы (что может использоваться, но одновременно нарушает законы свободного ценообразования, что потребует дальнейших действий при отмене данного регулирования);

3) общее регулирование цен и тарифов в сфере регулирования деятельности «естественных монополий»;

4) финансирование науки, образовательных и исследовательских программ со стороны государства.

В то же время подобный инструментарий проведения промышленной политики имеет ряд недостатков, требующих учета при его использовании. К данным недостаткам традиционно относят возможности консервации монопольного доминирования на рынке ряда промышленных компаний, возможности коррупции, влияющей на распределение финансовой поддержки от государства, а также возможности возникновения дефицита на рынке в рамках определенных товарных групп. В свою очередь ограниченные возможности бюджета в проведении финансирования научных исследований сочетаются с большей эффективностью исследований, проводимых не государством, а финансируемых самими крупными промышленными компаниями, обладающими правами контроля и имеющими четкое представлении о будущей коммерциализации произведенного научного контента. Недостатком финансирования со стороны государства также можно считать политическую привязку в вопросе реализуемых научных проектов (на стадии их отбора).

Обращаясь к необходимости использования такого инструмента, как поддержка отдельных промышленных отраслей со стороны государства (что становится необходимым в условиях санкционного давления и необходимости формирования ряда новых отраслей промышленности), также необходимо отметить дополнительно ряд существующих недостатков. К ним можно отнести недостаточную заинтересованность государства и конкретных представителей власти, принимающих окончательное решение по вопросам финансирования (отсутствие личных стимулов к определению наиболее перспективных направлений развития промышленности и отдельных промышленных предприятий), что снижает эффективность применения данного инструмента. Также в этом случае стоит учитывать и возможную коррупцию как фактор неэффективного распределения финансовых ресурсов и различных льгот в рамках поддержки промышленного развития.

В целом по результатам рассмотрения и анализа текущих особенностей проведения эффективной промышленной политики в российской экономике можно утверждать, что именно текущие процессы трансформации современных геополитических условий формируют необходимость изменения как целей, так и инструментария реализации промышленной политики. При этом помимо трансформации целей и методов реализации промышленной политики необходимо уделить внимание в том числе и анализу долгосрочных аспектов функционирования российской промышленности в рамках формирования новых предложенных форм реализации промышленной политики государства.

Литература:

1. Malaev V.V., Nizamutdinov I.K. Social policy of the state in interrelation with the general economic policy instruments // Astra Salvensis. – 2017. – P. 391–398.
2. Малаев В.В., Хайруллина Г.Р. Рынок труда в финансовом секторе России // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 222–225.
3. Марцинкевич В.И. США: человеческий фактор и эффективность экономики. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
4. Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 36 с.
5. Сафиуллин А.Р., Сафиуллина К.Г., Гатауллина Л.Р. Промышленный профиль как основа конкурентных преимуществ территории // Вестник Казанского гос. аграрного университета. – 2015. – Т. 10. – № 2 (36). – С. 41–48.

The Essence and Features of the Implementation of Modern Industrial Policy in the Russian Economy

Nizamutdinov I.K., Malaev V.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

Industrial policy in the Russian economy in the context of the transformation of the global economic system and the formation of a multipolar world requires consideration of goals and new methods to increase the effectiveness of its implementation. The purpose of the study is to consider the specifics of the implementation of industrial policy in the Russian economy within the framework of modern geopolitical realities, which requires solving the tasks of analyzing and specifying goals, tools and methods for implementing effective industrial policy. The study identifies the need to transform the goals of industrial policy implementation in order to maintain its effectiveness not only within the current stage of economic development, but also in the long term. The significance of the study is determined by the possibility of applying the tools of industrial policy in specific strategies for the development of Russian industries, taking into account the involvement of a competitive market mechanism in the functioning of newly created industries in the long term.

Key words: industry, innovation, investment, economic development, economic growth

УДК 338.36

Развитие инструментов государственного управления в условиях применения программно-целевого подхода

Оборин М.С.
Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова

Клейн Д.А.
Аспирант кафедры менеджмента
Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова

Сложившаяся геополитическая и макроэкономическая ситуация предъявляет высокие требования к результативности государственного управления. Успешность применения программно-целевого подхода в последние годы обусловлена рациональностью выбора инструментов государственного управления в соответствии с особенностями организации и функционирования сложных объектов. Совершенствование инструментария взаимосвязано с кластерной политикой, объектами которой являются субъекты РФ, отрасли, сельские территории. Целью исследования является обоснование выбора инструментов государственного управления сложными природно-ресурсными объектами. Задачи исследования: изучить особенности применения программно-целевого подхода в государственном управлении; определить взаимосвязи между объектами государственного управления в условиях реализации программно-целевого подхода; разработать алгоритм применения кластерно-сетевого подхода в управлении сложными природно-ресурсными объектами. Ценность исследования состоит в развитии теории кластерно-сетевого взаимодействия в государственном управлении. Результатом, обладающим научной новизной, является алгоритм применения кластерно-сетевого подхода в управлении лесным хозяйством субъектов РФ.

Ключевые слова: программно-целевой подход, государственное управление, инструменты управления, кластерно-сетевой метод, лесное хозяйство

Совершенствование государственного управления обусловлено внешними вызовами и внутренними целями, связанными с социально-экономическим развитием страны и человеческого капитала, повышением качества жизни населения. Неравномерность пространственно-отраслевого размещения производства, сложность природно-климатических условий и объектов, на которые направлены инструменты регулирования, не позволяют обеспечить их результативность и универсальность использования. Проблема адаптации государственной политики к условиям субъектов РФ послужила вне-

дрению программно-целевого подхода. Текущие макроэкономические условия продолжают влиять на его развитие: совершенствуется институциональная среда и законодательство, оптимизируются формы мониторинга и контроля, формируется система методов, соответствующих закономерностям функционирования сложных объектов управления.

Начало развития программно-целевого подхода отмечено в 2011 г., когда соответствующие изменения заложили в процесс управления финансами, принцип программного бюджетирования, целью которого стал контроль эффективности расходов и целевые ориентиры как ключевой показатель [1]. Преимуществом подхода стало акцентирование на достижении цели, а не процедурах, которые размывали ответственность и усложняли контроль. Государственные программы стали результативным инструментом достижения целей социально-экономического развития и национальной безопасности, которые формируются по определенной системе (рис. 1).

Целевые координаты задаются системой нормативно-правых актов: стратегии различного уровня управления, связанные с экономическим, социальным и пространственным развитием, направления деятельности Правительства РФ как органа исполнительной власти. Задачами являются функциональная деятельность профильных министерств, ведомств, должностных лиц; совокупность мероприятий, связанных с достижением целевых показателей; мероприятия в рамках выполнения отдельных проектов в структуре государственных программ. Государственные программы состоят из целевых программ (проектов), национальных проектов, пилотных программ (проектов), приоритетных национальных проектов, ведомственных проектов. Основным ресурсом государственных программ являются бюджетные средства, но при выполнении проектов могут привлекаться средства инвесторов, привлеченных на условиях государственно-частного партнерства, и другие источники финансирования. Процедуры реализации и контроля заключаются в последовательном определении ответственных министерств (ведомств), закреплении за ними области задач, выбора объектов управленческого воздействия и соответствующих инструментов, которые в наибольшей степени соответствуют особенностям и закономерностям их функционирования [6; 7].

Процесс целеполагания, разработки и исполнения государственных программ является крайне сложным. Ряд проблем и ограничений может возникать при межведомственном взаимодействии, противоречии целей, недостаточной обеспеченности ресурсами, неразвитости институциональной среды и т.п. Другая грань состоит в сложности объектов воздействия, состояние которых оценивается совокупностью критериев и показателей, не всегда поддающихся прямому влиянию инструментов [8; 9]. Условно можно разделить объекты, на которые направлен программно-целевой подход государственного управления, на следующие [10–13]:

– население,

– субъекты РФ, локальные ландшафты, сельские территории,

– природно-ресурсные объекты, имеющие важное значение для благоприятных условий жизни населения страны.

Показатели состояния данных объектов взаимосвязаны и взаимообусловлены. Социально-демографические характеристики граждан, проживающих в различных субъектах РФ, уровень их жизни зависят от экономического состояния регионов, окружающей природной среды, качества социальных услуг, продуктов питания и т.п. [14; 15] Соответственно, окружающая природная среда, характеристики водных, земельных и лесных ресурсов обусловлены видами экономической деятельности, интенсивностью их воздействия, качеством и системностью проводимых природоохранных и восстановительных мер и др. [16–18]. Взаимосвязи между перечисленными объектами могут быть прямыми, обратными и опосредованными, что должно отражаться на инструментах и методах оценки результативности программно-целевого подхода (рис. 2).

Рис. 1. Системность разработки государственных программ как инструмента программно-целевого подхода (разработано авторами на основе [2–5])

Прямые связи между объектами характеризуют их влияние друг на друга: улучшение социально-экономического уровня региона и состояния окружающей природной среды и ресурсов закономерно повышают качество и условия жизни на-

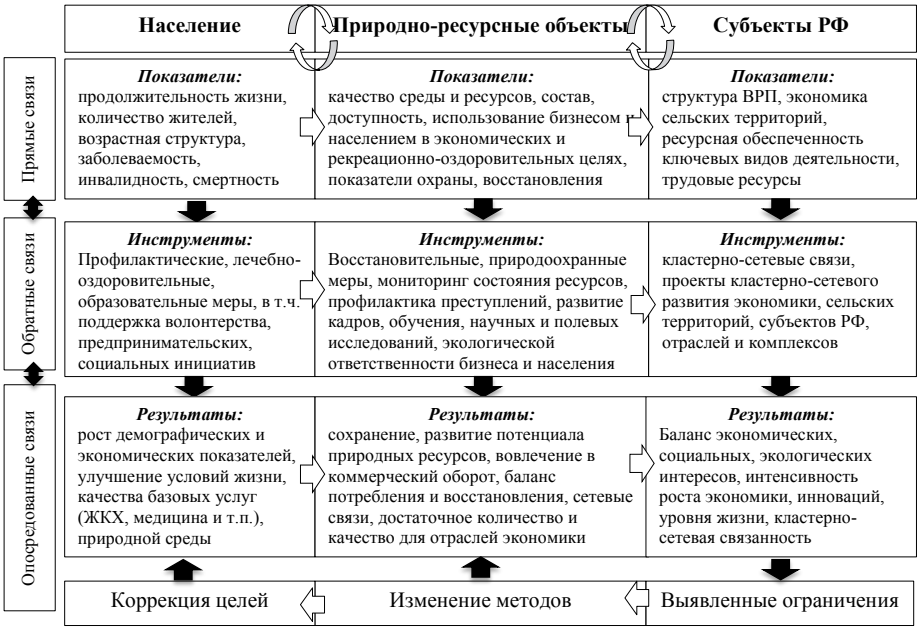

Рис. 2. Взаимосвязи между объектами государственного управления в условиях реализации программно-целевого подхода (разработано авторами)

селения. Обратные связи являются более сложными, так как реализуемые меры прямо не оказывают влияние на состояние объектов. Например, мониторинг состояния природных ресурсов не меняет ресурсную обеспеченность населения и отраслей экономики. Аналогично кластерно-сетевое развитие промышленности может не сказываться на качестве жизни населения. Самыми сложными являются опосредованные связи между применяемыми инструментами, реализуемыми мерами и полученными результатами. Это характерно для всех объектов государственного управления в рамках программно-целевого подхода.

Рассмотрим особенности его применения на примере лесного хозяйства. Лес является ценным ресурсом, обеспечивает население субъектов РФ и промышленность в целях производства разнообразного ассортимента продукции. Сохранение, восстановление и развитие лесных ресурсов связано в первую очередь с биологическими процессами и природными факторами, влияющими на породный состав, ценность древесины, условиями ее заготовки. Результативность некоторых мер проявляется достаточно быстро. Вследствие мониторинга состояния лесов сокращается количество и площадь пожаров, снижается число незаконных рубок, упорядочиваются арендные отношения с населением и предприятиями. Мероприятия по восстановлению лесов и лесопосадке дадут эффект через несколько лет, что существенно затрудняет оценку их результативности и качества проведения. Влияние совокупности природных и социальных факторов делает контроль нецелесообразным, так как площадь лесных насаждений может подвергнуться пожарам, насекомым-вредителям, болезням и т.п.

Экономические результат вовлечения лесных ресурсов в коммерческий оборот в России существенно ниже, чем в государствах с развитым лесным хозяйством и лесной промышленностью. Программно-целевые индикаторы, закрепленные в Лесном кодексе РФ, Стратегии развития лесного комплекса РФ до 2030 г. и других документах, сложно достичь, поскольку наиболее ценные породы леса сосредоточены в субъектах РФ с суровым климатом, являются труднодоступными в силу транспортно-логистической неразвитости, требующей значительных проектных инвестиций, трудовых ресурсов. Проблема доставки продукции лесозаготовительных предприятий до перерабатывающих комплексов сохраняется во многих субъектах страны, нарастают диспропорции финансово-экономического состояния этих видов деятельности, происходит сокращение рынка и снижение кадровой потребности в специалистах лесного хозяйства и лесозаготовки. Основными проблемами достижения результатов лесного хозяйства в субъектах РФ являются: слабая кластерная связанность территории, неизученность сетевых связей полиструктуры локальных кластеров субъекта РФ, отсутствие эффективных инструментов развития кластерно-сетевого взаимодействия в программных документах по управлению лесным хозяйством и лесной промышленностью. Устранению данных ограничений может помочь реализация алгоритма применения кластерно-сетевого метода в управлении сложными природно-ресурсными объектами (рис. 3).

Государственное управление на основе кластерно-сетевого метода позволяет глубоко исследовать специфическую среду локального взаимодействия субъектов лесного хозяйства, что позволит адресно влиять на интенсивность кластерно-сетевых связей, формировать устойчивую производственную основу и оптимизировать ресурсный обмен.

В ходе проведенного исследования были выявлены особенности применения программно-целевого подхода в государственном управлении, которые заключаются в последовательности целеполагания, инструментального обеспечения реализации запланированных показателей с учетом сложности объекта воздействия. Было определено, что основным ограничением результативности управления является малоизученность внутренних кластерно-сетевых связей полисубъектной структуры сложных природ-

Рис. 3. Алгоритм применения кластерно-сетевого метода в управлении сложными природно-ресурсными объектами на примере лесного хозяйства субъектов РФ (разработано авторами)

но-ресурсных объектов. Преодолеть данные ограничения можно на основе стимулирования и развития условий кластерно-сетевого взаимодействия, которое является относительно самостоятельным методом кластерной политики в сфере лесного хозяйства субъектов РФ.

Литература:

1. Щукина Т.В. Правовое регулирование программно-целевого подхода в системе государственного управления в условиях стратегического развития Российской Федерации // Вопросы экономики и права. – 2018. – № 124. – С. 7–11.
2. Волкова Е.Ю. Место программно-целевого подхода в системе стратегического управления экономикой РФ // Научные труды: Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. – 2021. Т. 19. – С. 167–191.
3. Садыкова А.И., Руцкой Р.А. Программно-целевой подход как инструмент обеспечения социально-экономического развития страны // Индустриальная экономика. – 2022. – № 5–8. – С. 712–717.
4. Сольская И.Ю., Градобоев Е.В. Теоретические аспекты реализации программно-целевого подхода к решению ключевых проблем социально-экономического развития Российской Федерации // Вопросы новой экономики. – 2020. – № 2 (54). – С. 53–60.
5. Сушенцова К.М. Применение программно-целевого подхода в государственном управлении // Матрица научного познания. – 2020. – № 10-1. – С. 67–71.
6. Артемов В.А. Методология программно-целевого подхода при финансировании инвестиций в контексте развития социальной сферы // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18. – № 1 (484). – С. 64–82.
7. Кожевников С.А., Патракова С.С. Эффективность программно-целевого и проектного подходов в решении жилищной проблемы в России // ЭКО. – 2023. – № 7 (589). – С. 71–94.
8. Кяримова А.Д. Программно-целевой подход инновационного развития: российский и зарубежный опыт // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28. – № 3. – С. 306–312.
9. Михайлов С.В., Бабкин А.В., Михайлов В.В. Программно-целевой подход к развитию предприятий ОПК в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 4-2. – С. 232–236.
10. Бондаренко Л.В. Концептуальные основы региональной политики социального развития сельских территорий и программно-целевой подход к ее реализации // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – № 7. – С. 60–68.
11. Вовченко Н.Г., Андреева О.В. Роль программно-целевого подхода в финансировании региональной экологической политики // Финансовая экономика. – 2019. – № 10. – С. 366–369.
12. Оборин М.С. Потенциал агропромышленных кластеров по производству сельскохозяйственной продукции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 2. – С. 49–55.
13. Осиновская И.В., Пленкина В.В. Формирование топливно-энергетического баланса на основе принципов программно-целевого подхода // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 9 (146). – С. 678–683.
14. Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н. Структура и содержание документов программно-целевого планирования в странах ОЭСР: традиционные подходы и новые решения // Вопросы устойчивого развития общества. – 2020. – № 7. –С. 159–171.
15. Ишназарова З.М. Региональное управление качеством жизни населения: программно-целевой подход // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 6–1. – С. 82–86.
16. Оборин М.С. Кластерное развитие промышленности регионов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2022. – № 4. – С. 97–114.
17. Подгорская С.В. Программно-целевой подход к управлению комплексным развитием сельских

территорий // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2020. – № 3 (62). – С. 132–138.

18. Старожилов В.Т. Новый программно-целевой подход парадигмы «ландшафтопользование» к пространственному развитию территорий // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 82-1. – С. 38–48.

The Development of Public Administration Tools in the Context of the Application of a Program-Oriented Approach

Oborin M.S.
Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
Perm State National Research University,
Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov

Klein D.A.
Perm State Agrarian and Technological University named after D.N. Pryanishnikov

The current geopolitical and macroeconomic situation places high demands on the effectiveness of public administration. The success of the application of the program-oriented approach in recent years is due to the rationality of the choice of public administration tools in accordance with the peculiarities of the organization and functioning of complex facilities. The improvement of the toolkit is interconnected with cluster policy, the objects of which are the subjects of the Russian Federation, industries, and rural areas. The purpose of the study is to substantiate the choice of public administration tools for complex natural resource objects. Research objectives: to study the features of the application of the program-target approach in public administration; to determine the relationship between the objects of public administration in the context of the implementation of the program-target approach; to develop an algorithm for the application of the cluster-network approach in the management of complex natural resource objects. The value of the research lies in the development of the theory of cluster-network interaction in public administration. The result, which has a scientific novelty, is an algorithm for applying the cluster-network approach in forestry management in the subjects of the Russian Federation.

Key words: program-target approach, public administration, management tools, cluster-network method, forestry

УДК 631.145

Цифровая экономика сельского хозяйства

Озаровская А.В.
Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института социально-экономических и энергетических проблем Севера
Федерального исследовательского центра
Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар)

В условиях сложившегося на сегодняшний день острейшего геополитического противостояния России странам Европейского союза, а также на фоне проведения специальной военной операции, все большую значимость для нашего государства приобретают вопросы национальной продовольственной безопасности. Введенные против Российской Федерации экономические санкции явились своего рода катализатором к переходу на замещение импортных продуктов питания продукцией отечественного производства. В связи с этим сельское хозяйство постепенно переходит в разряд динамично развивающихся отраслей российской экономики, а его цифровизация становится основным вектором развития аграрного бизнеса. В целях обеспечения уверенного роста продуктивности отраслей сельского хозяйства для аграрных предприятий становится крайне необходимой модернизация их производственной деятельности с применением цифровых продуктов и решений. Без внедрения современных инновационных технологий и перехода сельскохозяйственных отраслей к процессам цифровой трансформации невозможно говорить о повышении эффективности агропромышленного производства даже при наличии существующих на сегодняшний день мерах государственной поддержки данного сектора экономики. Поэтому цифровая трансформация сельского хозяйства является одной из особенно насущных и актуальных тем.

Целью данной статьи является исследование особенностей цифровой экономики в сфере сельскохозяйственного производства и комплекса мер государственной поддержки в части процессов цифровой трансформации агропромышленного комплекса. Научная значимость работы заключается в определении роли цифровой модернизации сельскохозяйственной отрасли в системе обеспечения продовольственной безопасности нашей страны и обосновании приоритетных направлений государственной поддержки информационно-цифровых технологий. Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегии повышения информационно-цифрового развития отраслей сельского хозяйства.

На основе полученных результатов сделаны следующие выводы: современным мерам государственной поддержки отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей свойственны четыре особенности, заключающиеся в ограниченном охвате мероприятий в сфере цифровой трансформации сельского хозяйства, нехватке специалистов по цифровым технологиям, направленности фокуса государственных решений на контроль деятельности аграриев и сложностях при получении субсидий. Сделано заключение о том, что, несмотря на существующие меры государственной поддержки, отрасль нуждается в новых цифровых решениях, которые дадут качественный толчок развитию всего сектора агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: сельское хозяйство, цифровая трансформация, цифровые технологии, агропромышленный комплекс, роботизация, меры поддержки

В рамках цифровой трансформации российской экономики внедрение современных информационно-цифровых технологий агропромышленными предприятиями должно способствовать обеспечению повышения эффективности воспроизводственных процессов во всех ведущих отраслях сельского хозяйства. Однако на сегодняшний день возможностью проведения цифровой модернизации своих производств обладают только единичные предпринимательские структуры. К ним относятся агропромышленные холдинги, имеющие достаточные объемы ресурсного обеспечения для инвестирования в цифровые технологии. Крупные сельскохозяйственные товаропроизводители успешно интегрируют в свою деятельность различные цифровые продукты и решения, применяя их в области управления растениеводством, животноводством, производственными процессами, аналитике данных и принятии управленческих решений.

В настоящее время крупными отраслевыми предприятиями применяются множество *IT*-технологий и решений, например, установка умных датчиков и использование интернета вещей, способных полностью контролировать различные параметры сельскохозяйственных бизнес-процессов. К числу других цифровых продуктов относятся автономные системы и робототехника, искусственный интеллект и машинное обучение, облачные платформе и аналитика данных. Подобные технологии предоставляют аграриям возможность доступа к различным информационным источникам, автоматизируют сельскохозяйственные бизнес-процессы, повышают эффективность и точность выполняемых работ, а также позволяют снижать финансовые расходы на содержание работников отрасли [1].

Но, несмотря на проявление в последние годы растущего интереса аграриев к цифровой модернизации сельскохозяйственного производства, процессы внедрения цифровых технологий тормозит множество объективных препятствий и барьеров, к числу некоторых из них можно отнести:

1. Ввод в производство и эксплуатацию в сельскохозяйственной промышленности устаревших технологий, причиной этому является низкий уровень *IT*-грамотности специалистов в сельском хозяйстве. Недостаточное количество квалифицированных кадров по *IT* специальностям в сфере. Также можно выделить недостаточную информированность агропромышленных структур о современных, постоянно меняющихся и развивающихся цифровых продуктах на рынке *IT* технологий.

2. Цифровое неравенство, а именно недостаток или полное отсутствие стабильного и быстрого доступа к сети широкополосного интернета. Данная проблема касается абсолютно каждого, взятого в отдельности, российского региона, объясняемая наличием диспропорций в социально-экономическом развитии между центральными и периферийными территориями. Процессы повышения эффективности применения информационных технологий неразрывно сопряжены с проблемой цифрового разрыва в региональном пространстве, заключающаяся в неравномерности доступа бизнеса к информационно-коммуникационным технологиям. Отсутствие доступа к сети Интернет является причиной сдерживания развития цифровых технологий в сельском хозяйстве, поскольку в подобных условиях у фермеров отсутствует возможность в эффективном сборе необходимой объективной информации.

3. Дефицит высококвалифицированных кадров обусловлен недостаточным количеством образовательных программ и профессиональных тренингов в области применения современных цифровых технологий в сельском хозяйстве.

4. Отсутствие возможности доступа к большим данным – технология «*Big Data*». В силу ограниченности ресурсов и отсутствия необходимой инфраструктуры для развития систем сбора больших данных многие фермерские хозяйства и агропромышленные предприятия не имеют возможности для хранения и использования данных, которые имеют большую ценность для дальнейшего анализа.

В стратегических документах социально-экономического и научно-технологического развития Российской Федерации в числе прочих ключевых приоритетов государства определены направления по формированию системного подхода государственной политики к развитию отрасли информационных технологий [3], обеспечению национальных интересов общества в области развития информационно-коммуникационных технологий [4], переходу российской экономики к внедрению цифровых продуктов и роботизированных систем [5]. В рамках стратегического планирования с целью сокращения отставания отечественного сельскохозяйственного производства от зарубежных стран, характеризующихся традиционно развитым сельским хозяйством, Правительство Российской Федерации стало уделять повышенное внимание разработке мер государственной поддержки предпринимателей в части стимулирования развития цифровых технологий в агропромышленном комплексе.

Основой цифровой трансформации российской экономики в целом является утвержденный в 2019 г. Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. При этом в рамках отдельного ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» предусмотрен комплекс мероприятий,

направленных на внедрение и развитие цифровых технологий и платформенных решений в аграрном секторе экономики, включающих в себя три ключевых направления. Первое из них предполагает создание и внедрение единой *online*-платформы «Цифровое сельское хозяйство». Целью данного решения является организация государственного управления отраслью в российских региональных и их отдельных муниципальных образованиях в режиме реального времени. Ключевым назначением данной *IT*-инфраструктуры является предоставление сельскохозяйственным товаропроизводителям возможности получения государственной поддержки на базе национальной информационной системы.

Второе направление предусматривает создание и внедрение модуля «Агрорешения», нацеленного на повышение продуктивности деятельности агропромышленных структур и увеличение уровня плодотворности труда отраслевых работников при одновременном сокращении материальных расходов предпринимательских структур. С целью формирования компетенций в области *IT*-технологий, в рамках третьего решения ведомственного проекта планируется создание системы непрерывного обучения и развития для специалистов сельскохозяйственных предприятий [7].

Однако, несмотря на повышенное внимание государственных властей к вопросам цифровой трансформации сельского хозяйства, в настоящее время меры государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей ограничены. Сюда относятся обеспечение аграриев сотовой связью и доступом к широкополосному интернету, целевые льготные кредиты, оптимизация процессов сдачи отчетности, субсидирование покупки робототехники и аппаратных комплексов с искусственным интеллектом, а также поддержка обучения работников АПК с помощью грантов.

Чтобы обеспечить основные объекты агропромышленных предприятий стабильной информационно-коммуникационной связью региональными и местными органами власти осуществляются работы по установке сооружений и базовых станций для проведения широкополосного интернета в периферийных сельскохозяйственных районах. В целях стимулирования аграриев к проведению работ по цифровой модернизации бизнеса для сельхозпроизводителей доступны льготные инвестиционные и краткосрочные займы на условиях их целевого использования. На базе федеральных информационных *online*-платформ, к которым относятся ФГИС «Аргус-Фито», ФГИС «Сатурн», ФГИС «Зерно» и «Семеноводство» [8], для аграриев оптимизированы процессы сдачи необходимой отчетности.

В начале этого года стартовал пилотный проект по запуску новых мер в части формирования кадрового резерва агропромышленного сектора. В рамках данного проекта образовательные организации, занимающиеся подготовкой *IT*-специалистов, востребованных для работы на предприятиях агропромышленного комплекса, могут претендовать на получение гранта. Продление и трансформация данной инициативы будет зависеть от анализа результатов тестового проекта. Средний размер гранта на одного обучающегося не превышает 60 тыс. руб. с учетом того, что программы подготовки специалистов, в которых сейчас нуждается агропромышленный сектор экономики, длятся около трех-шести месяцев [9].

С 2024 г. сельскохозяйственных товаропроизводителей с годовой выручкой от 800 млн руб., получающих субсидируемую поддержку и претендующих на получение льготного кредита, государство обяжет внедрять в свою работу технологии искусственного интеллекта. Эту меру предлагается распространить на программы государственной поддержки производителей сельхозтехники и масличных культур, финансирование каждой из которых превышает 1 млрд руб. [10]. Для получения единоразовой государственной поддержки аграриям необходимо будет внедрить только одну технологию из области искусственного интеллекта, если же предпринимательская структура хочет продолжить получение субсидируемой скидки, то предприятию необходимо будет внедрять ежегодно по одному решению.

Оценивая направленность мер государственной поддержки отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей с точки зрения цифрового государственного управления сельским хозяйством, можно выделить четыре главные особенности:

1. Ограниченный охват мероприятий в сфере цифровой трансформации сельского хозяйства. Данная особенность выражается в том, что переход на цифровую трансформацию сельскохозяйственного производства в России проводят в основном крупные агропромышленные холдинги, пользующиеся мерами государственной поддержки. Сложнее обстоит ситуация со средними и небольшими хозяйствами, не обладающими достаточными финансовыми ресурсами и находящимися в начале пути цифровизации своего производства. В данном случае требуется не только ресурсное обеспечение, но и изменение менталитета хозяйств, выражаемого в готовности организации к внедрению новых цифровых технологий и перестройке бизнес-процессов. Потенциал агропромышленных предприятий, готовых осуществлять капиталовложения в развитие внедряемых цифровых технологий, не раскрывается в полном объеме. Подобная тенденция объясняется тем, что цифровая модернизация сельскохозяйственного бизнеса основана на точечном подходе к внедрению готовых инновационных решений. При этом цифровые преобразования ограничиваются внедрением нововведений исключительно в про-

изводственные процессы, не затрагивая при этом сферы бизнеса, требующие больших операционных затрат, к которым, в частности, следует отнести процессы переработки и реализации сельхозпродукции.

2. Дефицит кадров на должности специалистов в сфере *IT*-технологий, что связано в первую очередь с низкой эффективностью инвестиционных вложений в развитие российской аграрной науки. Для того, чтобы устранить проблемы острой нехватки работников сельского хозяйства в области цифровых технологий, необходимо расширять масштабы внедрения готовых решений (от систем автоматического орошения и полива до беспилотного транспорта для обработки полей). Но на сегодняшний день процесс цифровой трансформации российской экономики тормозит зависимость отечественных товаропроизводителей от импортных технологий. Таким образом, можно предположить, что закрыть кадровый дефицит в отраслях сельского хозяйства за счет повышения производительности труда отраслевых работников в ближайшем будущем не получится.

3. Направленность фокуса цифровых государственных решений не на развитие агропромышленных предприятий, а на контроль их деятельности. Процессы цифровой трансформации российского агропромышленного комплекса хорошо прослеживаются по целевым показателям, установленным государственными органами власти. Несмотря на то что одним из приоритетных направлений ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» является предоставление владельцам сельскохозяйственного бизнеса свободного доступа к отраслевым данным через единую online-платформу «Цифровое сельское хозяйство», создание данной программной среды запланировано только на 2030 г. В то же время, наряду с совокупностью мер, применяемых государством для поддержки цифровых преобразований в деятельности агропромышленных товаропроизводителей, вся их хозяйственная деятельность прослеживается органами государственной власти через федеральные государственные информационные системы.

4. Усложненность процедуры оформления субсидируемой поддержки. Во-первых, не всегда заявители, претендующие на получение субсидии, владеют актуальной информацией о конкретных, действующих на сегодняшний день субсидиарных программах и перечне документов, необходимых для обеспечения данной процедуры. Следующей проблемой является сбор и предоставление большого объема информации, подтверждающей необходимость внедрения цифровых решений.

Таким образом, несмотря на совокупность мер, применяемых государственными органами власти для поддержки цифровых преобразований в деятельности агропромышленного комплекса, отраслям сельского хозяйства необходимы новые цифровые решения, способствующие развитию данной сферы в целом, в частности, финансирование и выделение грантов на проведение научно-исследовательских разработок, обучение специалистов цифровой компетентности, формирование единого центра, в котором сосредоточены новейшие технологии высокотехнологичного сельского хозяйства.

Литература:

1. Цифровизация сельского хозяйства. – URL: https://agrosturman.ru/blog/tpost/zs3kbc9a51-tsifrovizatsiya-selskogo-hozyaistva (дата обращения: 27.03.2024).
2. Аграрии будущего: как «цифра» изменит сельское хозяйство. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/6579a6d59a7947010b869cb6 (дата обращения: 27.03.2024).
3. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СПС КонсультантПлюс.
5. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
6. Паспорт национального проекта «Национальная программа» Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/?ysclid=lvnrw4l9t7254899203 (дата обращения: 27.03.2024).
7. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 48 с.
8. В каких системах нужно отчитываться в 2023 г. – URL: https://kontur.ru/press/news/37967-cifrovizaciya_selskogo_hozyaystva?ysclid=lvo77q144q102559209 (дата обращения: 27.03.2024).
9. Кадровый дефицит АПК закроют грантами. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6396255 (дата обращения: 27.03.2024).
10. Получателей господдержки в АПК обяжут внедрять искусственный интеллект. – URL: https://xn--e1alid.xn--p1ai/journal/publication/2987?ysclid=lvo8tk1mvw740169797 (дата обращения: 27.03.2024).

Digital Economics of Agriculture

Ozarovskaya A.V.
Federal Research Center Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

In the current conditions of the most acute geopolitical confrontation between Russia and the countries of the European Union, as well as against the backdrop of a special military operation, issues of national food security are becoming increasingly important for our state. The economic sanctions imposed against the Russian Federation were a kind of catalyst for the transition to replacing imported food products with domestically produced products. In this regard, agriculture is gradually becoming a dynamically developing sector of the Russian economy, and its digitalization is becoming the main vector for the development of agricultural business. In order to ensure strong growth in the productivity of agricultural sectors, it becomes imperative for agricultural enterprises to modernize their production activities using digital products and solutions. Without the introduction of modern innovative technologies and the transition of agricultural industries to digital transformation processes, it is impossible to talk about increasing the efficiency of agro-industrial production, even with the existing government support measures for this sector of the economy. Therefore, the digital transformation of agriculture is one of the particularly pressing and relevant topics.

The purpose of this article is to study the features of the digital economy in the field of agricultural production and a set of government support measures regarding the processes of digital transformation of the agro-industrial complex. The scientific significance of the work lies in determining the role of digital modernization of the agricultural industry in the food security system of our country and substantiating the priority areas of state support for information and digital technologies. The practical significance of the work lies in the fact that the research results can be used in developing a strategy for increasing the information and digital development of agricultural sectors.

Based on the results obtained, the following conclusions are drawn: modern measures of state support for domestic agricultural producers are characterized by four features, namely, limited coverage of activities in the field of digital transformation of agriculture, a lack of specialists in digital technologies, the focus of government decisions on controlling the activities of farmers and difficulties in obtaining subsidies . It was concluded that, despite existing government support measures, the industry needs new digital solutions that will give a qualitative impetus to the development of the entire agricultural sector

Key words: agriculture, digital transformation, digital technologies, agro-industrial complex, robotization, support measures

УДК 332.05

Динамика и структура изменения доходов населения в промышленном регионе (на примере Свердловской области)

Поздеева О.Г.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Виноградова Е.Ю.
Доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург)

Цель исследования – выявить тренды в изменении доходов населения, формирующиеся на региональном уровне под влиянием экономических и социальных процессов. Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих задач: провести анализ динамических и структурных изменений доходов населения, выявить сложившиеся тенденции и определить их влияние на развитие промышленного региона.

Научная значимость исследования заключается в подтверждении автором гипотезы об изменении структуры доходов населения, обусловленном повышением значимости проводимой государством активной социальной политики. Практическая значимость состоит в возможности использовать результаты исследования для оценки влияния изменений в доходах населения на экономическое развитие промышленного региона.

По результатам данного исследования были выявлены следующие тенденции: доходы населения растут, в структуре доходов увеличивается доля оплаты труда и социальных выплат при резком снижении доли доходов от предпринимательства, в структуре социальных выплат существенно вырос удельный вес пособий и социальных выплат, снизилась дифференциация в доходах населения и удельный вес бедного населения в Свердловской области.

Сделан вывод о необходимости повышения доходов населения с точки зрения сохранения трудовых ресурсов для промышленного региона.

Ключевые слова: доходы населения, дифференциация доходов, социальные выплаты, промышленный регион

В настоящее время государство уделяет большое внимание увеличению доходов населения и снижению дифференциации в доходах между наиболее богатым и наиболее бедным населением. Важность изучения динамических и структурных изменений в доходах населения предопределяется тем, что денежные доходы являются основой уровня жизни населения, «отражают степень развития общественно-

го производства и определяют его рост» [1, с. 478].

Среди отечественных ученых, которые уделяли внимание изучению доходов населения, можно выделить Т.В. Бородину, Е.В. Гугнину [1], В.Н. Бобкова, А.А. Гулюгину, И.Б. Колмакова, Е.В. Одинцову, Е.А. Черных [2], Ю.А.Симагина [3].

Проблемы неравенства и бедности в своих научных исследованиях рассматривали такие российские ученые, как Р.И. Капелюшникова [4], К.С. Джомо, В.В. Попов [5], Т.И. Гордиевич, П.В. Рузанов [6]. Вопросы неравномерности регионального развития, обусловливающее дифференциацию субъектов РФ по уровню жизни, рассмотрены одним из авторов ранее в соавторстве с Г.М. Квон [7].

В данной статье период исследования доходов населения составил 23 года – с 2000 по 2022 гг. В качестве статистической информации, характеризующей доходы наседания на региональном уровне, использовались данные Федеральной службы государственной статистики РФ.

Как видно из рисунка 1, динамика реальных доходов населения Свердловской области имеет устойчивый тренд к снижению темпов роста, причём с 2014 по 2017 гг. изменения характеризуются темпами снижения, а начиная с 2018 г. темпы роста выходят на уровень 100–101 %.

Рис. 1. Динамика реальных денежных доходов населения Свердловской области, в % к предыдущему году [8]

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Свердловской области, согласно рисунку 2, проявляют устойчивую тенденцию роста, однако темпы ежегодного прироста этих показателей снижаются, так, если в период с 2000 до 2008 гг. ежегодные темпы составляли 125–140 %, то в последующие годы они снизились на уровень 112–101 % ежегодно.

Рис. 2. Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Свердловской области [8]

Для статистического учёта в РФ принято выделять пять основных источников доходов населения: от предпринимательской деятельности, оплата труда, социальные выплаты, доходы от собственности, прочие денежные поступления. Именно между этими группами рассматривались структурные изменения в данном исследовании.

Данные рисунка 3 показывают, что на протяжении всего изучаемого периода наибольшая доля в доходах населения приходится на оплату наёмного труда, причем после 2015 г. удельный вес этого вида доходов увеличился.

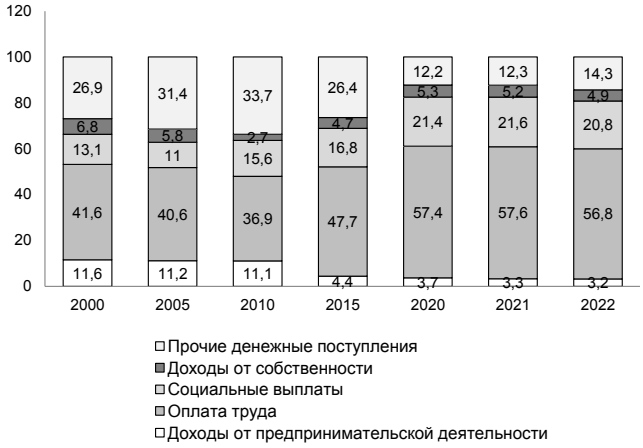

Рис. 3. Структура доходов населения Свердловской области [8]

В результате проведения активной государственной социальной политики, начиная с 2010 г., в структуре доходов населения существенно увеличивается доля социальных выплат. Если в 2000 г. на социальные выплаты приходилось 13,1 %, то в 2022 г. уже 20,8 % (рис. 3).

Как видно на рисунке 4, среди социальных выплат наибольший удельный вес характерен для пенсий, несмотря на некоторое снижение доли с 78,5 % в 2000 г. до 67,9 % в 2022 г. Также следует отметить сформировавшуюся тенденцию существенного увеличения доли пособий и социальной помощи с 17 % в 2020 г. до 29,8 % в 2022 г. с достижением пика в

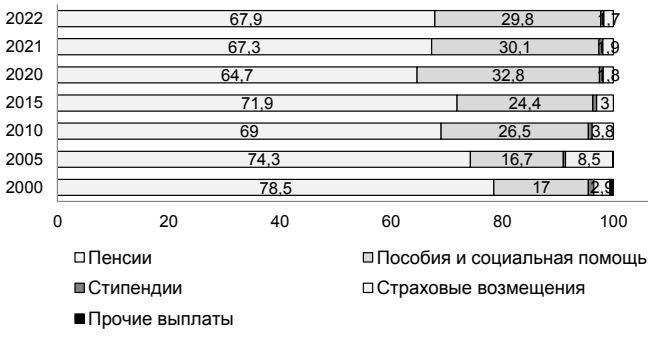

Рис. 4. Структура социальных выплат в Свердловской области, % [8]

2020 г. (32,8 %), обусловленного выплатами государства в связи с пандемией *COVID*-19. В тоже время значительно сократилась доля страховых возмещений и практически на одном уровне сохраняется удельный вес стипендий.

Ещё одна тенденция, которая достаточно очевидно проявлялась на протяжении исследуемого периода, – это снижение децильного коэффициента концентрации доходов в Свердловской области, начиная с 2008 г. с 18,3 до 13,8 в 2022 г. (рис. 5).

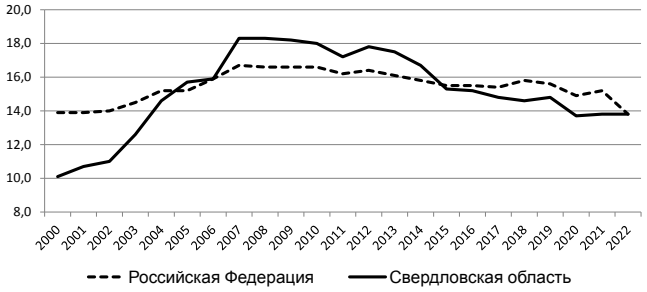

Рис. 5. Динамика коэффициента фондов в Свердловской области [8]

Снижение дифференциации доходов между наименее и наиболее обеспеченным населением произошел прежде всего в результате более быстрого роста доходов у малоимущих граждан, который был обеспечен ростом минимального размера оплаты труда, индексацией пенсий и других социальных выплат, расширением мер социальной поддержки социально незащищенных граждан.

Развитие экономики, сохранение уровня занятости населения, повышение социальных выплат, снижение дифференциации доходов оказали существенное влияние на снижение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Свердловской области с 28,8 % в 2000 г. до 8,3 % в 2022 г. (рис. 6).

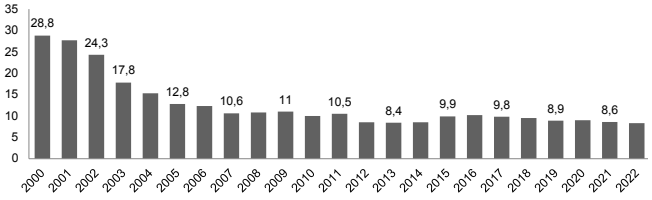

Рис. 6. Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Свердловской области (в процентах от общей численности населения субъекта) [8]

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить тенденции в изменении доходов населения Свердловской области, которые в основном носят положительный характер. Для промышленного региона, которым и является Свердловская область, доходы населения выступают важным фактором сохранения и привлечения трудовых ресурсов в экономику. Учитывая сложившийся дефицит трудовых ресурсов, обеспечение прежде всего промышленных предприятий работниками является для Свердловской области направлением, определяющим её экономическое развитие.

Литература:

1. Бородина Т.В., Гугнина Е.В. Анализ структуры и динамика доходов населения России // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 12. – С. 478–485.
2. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В., Черных Е.А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2020 год / Отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. – М.: «Фабрика офсетной печати», 2021. – 116 с.
3. Симагин Ю.А. Доходы населения в муниципальных образованиях России // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 16: Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2021. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9945 (дата обращения: 10.06.2024).
4. Капелюшников Р. И. Неравенство: как не примитивизировать проблему (критические заметки): препринт WP3/2016/06 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (1,5 Мб). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 40 с.
5. Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – № 3(31). – С. 146–159.
6. Гордиевич Т.И. Неравенство и бедность: современные тенденции // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 1(35). – С. 178–186.
7. Квон Г.М., Поздеева О.Г. Тенденции экономического развития регионов в условиях нестационарной экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2021. – № 5 (90). –С. 111–122.
8. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov..ru/statistics/ (дата обращения: 07.06.2024).

Dynamics and Structure of Changes in Income of the Population in the Industrial Region (Using the Example of the Sverdlovsk Region)

Pozdeeva O.G., Vinogradova E.Yu.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

At the present stage of economic development in Russia, one of its most important components is the income of the population. The active social policy of the state carried out in the last decade is aimed primarily at increasing the income of the population, which is the basis for improving the standard of living and improving the quality of life of the population.

The scientific significance of the study lies in the author's confirmation of the hypothesis of a change in the income structure of the population due to the increased importance of the active social policy pursued by the state. The practical significance lies in the possibility of using the results of the study to assess the impact of changes in household incomes on the economic development of an industrial region.

According to the results of this study, the following trends were identified: incomes of the population are growing, the share of wages and social benefits in the income structure is increasing with a sharp decrease in the share of income from entrepreneurship, the share of benefits and social benefits in the structure of social benefits has increased significantly, differentiation in income and the proportion of the poor in the Sverdlovsk region has decreased.

It is concluded that it is necessary to increase the incomes of the population in terms of saving labor resources for the industrial region.

Key words: income of the population, income differentiation, social benefits, industrial region

УДК 336.13

Функции управления в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях

Сабитова Н.М.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Шавалеева Ч.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Организация финансового менеджмента в публично-правовых образованиях значительно отличается от организации финансового менеджмента в корпоративном секторе экономики. В экономической литературе классически в качестве функций управления называются функции планирования, организации, регулирования, мотивации и контроля. Данные функции характерны и для процесса управления государственными и муниципальными финансами. Однако их реализация имеет свои особенности, которым в настоящее время в экономической литературе не уделяется должного внимания. В связи с этим рассмотрение проявления функций управления в государственном секторе экономики представляется актуальным. Целью статьи является анализ специфики реализации функций управления в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях. Сделан вывод об отличиях функций управления при управлении государственными и муниципальными финансами и обуславливающих их причинах. Полученные результаты могут быть использованы в процессе обучения студентов по направлениям «Экономика», «Государственное и муниципальное управление», а также в процессе проведения научных исследований.

Ключевые слова: публично-правовые образования, финансовый менеджмент, функции управления

Несмотря на активное использование в научном обороте понятия «финансовый менеджмент в государственном (муниципальном) секторе», в настоящее время нет единого подхода к содержанию данного понятия. Более того, российские авторы, рассматривая понятие «финансовый менеджмент в государственном (муниципальном) секторе», чаще всего сводят его к деятельности самого публично-правого образования, использованию средств бюджета без учета того, что государственный (муниципальный) сектор включает также организации [1].

Нам представляется, что понятия «финансовый менеджмент в государственном секторе» и «финансовый менеджмент в публично-правовых образованиях» следует разграничивать. Публично-правовые образования – только часть государственного сектора. Соответственно, не совсем корректно ограничивать понятие «финансовый менеджмент в государственном секторе» только бюджетной системой РФ,

это понятие применимо и к организациям государственного сектора. По нашему мнению, финансовый менеджмент в публично-правовых образованиях – это управление процессом формирования и использования финансовых ресурсов, финансовыми активами, долговыми обязательствами и долговыми активами публично-правого образования в целях исполнения его бюджетных обязательств, обеспечения бюджетной устойчивости.

Традиционно реализацию управленческого процесса в любом субъекте экономики представляют через механизм и функции управления. К числу функций управления в менеджменте классически относят функции планирования, организации, регулирования, мотивации и контроля [2]. Данные функции характерны и для управления финансами публично-правовых образований, но их реализация имеет свою специфику, к числу которых мы относим:

– отсутствие функции мотивации;

– определяющую роль функции регулирования;

– утверждение финансовых планов в виде нормативных и правовых актов;

– регламентированный порядок организации формирования и использования финансовых ресурсов;

– реализацию функции контроля на всех стадиях управления.

На наш взгляд, при управлении общественными финансами функция мотивации не имеет яркой выраженности. Процесс управления возложен на органы государственной и муниципальной власти, обеспечивающие управление в строгом соответствии с законодательством. В этой связи дополнительная мотивация органов управления не предполагается.

По нашему мнению, основополагающей при управлении государственными финансами является функция регулирования. В связи с тем, что в данном случае речь идет об управлении общественными финансами, процедура формирования и использования финансовых ресурсов регламентируется нормативными правовыми актами. Соответственно, регулирование процедур осуществляется до их реализации на практике. При этом функция регулирования включает как определение состава бюджетных поступлений, направлений их расходования, так и регулирование процесса исполнения (табл. 1).

Третья особенность в функциях финансового менеджмента в публично-правовых образованиях – утверждение финансовых планов в виде нормативных правовых актов, что предполагает обязательность их исполнения. При этом документы носят преимущественно среднесрочный характер. Основными финансовыми планами являются закон (решение) о бюджете и государственные программы.

Функция организации в процессе управления государственными (муниципальными) финансами включает процессы, связанные с формированием и использованием бюджетных средств. Условно можно выделить два этапа организации:

1 этап: организация администрирования и финансирования средств;

2 этап: организация казначейского исполнения.

Наиболее активная управленческая деятельность осуществляется на первом этапе организации, когда, в соответствии с законодательством, обеспечиваются мероприятия, направленные на достижение поставленных целей. Задача второго этапа организации – обеспечить фактическую реализацию мероприятий, запланированных на первом этапе (табл. 2).

Следующая функция управления – контроль – реализуется на каждом этапе управления государственными (муниципальными) финансами.

Таблица 1

Функция регулирования в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях

Направление финансовой деятельности публично-правовых образований	Регулирование
Формирование финансовых ресурсов	Регулирование (установление): – доходообразующих факторов (элементов налогообложения, условий формирования неналоговых доходов, безвозмездных поступлений); – форм и условий привлечения заимствований; – разграничения бюджетных поступлений по уровням бюджетной системы РФ; – процедуры администрирования бюджетных поступлений; – процедуры исполнения бюджета в части формирования бюджетных поступлений
Использование финансовых ресурсов	Регулирование: – установления и принятия расходных обязательств; – разграничения расходных обязательств; – форм бюджетных ассигнований, особенностей их финансирования; – процедуры исполнения бюджета в части бюджетных выплат
Управление финансовыми активами, находящимися в распоряжении публично-правового образования	Регулирование: – инструментов и условий инвестирования временно свободных средств бюджетов и средств резервных фондов
Управление долговыми обязательствами и долговыми активами публично-правового образования	Регулирование: – механизма управления долговыми обязательствами публично-правового образования; – форм и условий предоставления заимствований за счет средств бюджета; – условий предоставления государственных гарантий

Таблица 2

Функция организации в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях

Направление финансовой деятельности публично-правовых образований	Организация
Формирование финансовых ресурсов	1 этап – организация администрирования бюджетных поступлений: – обеспечение правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты налоговых доходов бюджета; – обеспечение поступления доходов от внешнеэкономической деятельности; – обеспечение поступлений от продажи и использования государственного имущества – имущества казны; – организация межбюджетных отношений в части привлечения безвозмездных поступлений; – организация взаимоотношений с кредиторами
	2 этап – организация казначейского исполнения
Использование финансовых ресурсов	1 этап – организация финансирования бюджетных выплат в рамках: – финансирования деятельности казенных, бюджетных, автономных учреждений, в том числе осуществление закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд; – социального обеспечения населения; – предоставления бюджетных инвестиций и субсидий юридическим лицам, не являющимся государственными учреждениями и государственными унитарными предприятиями; – предоставления межбюджетных трансфертов; – погашения и обслуживания государственного долга; – исполнения судебных актов по искам к публично-правовым образования
	2 этап – организация казначейского исполнения
Управление финансовыми активами, находящимися в распоряжении публично-правового образования	1 этап – организация инвестирования временно свободных денежных средств и средств резервных фондов: – отбор кредитных организаций для вложения временно свободных средств бюджета; – выбор инструментов инвестирования средств резервных фондов
	2 этап – организация казначейского исполнения
Управление долговыми обязательствами и долговыми активами публично-правового образования	1 этап – организация управления государственным долгом и долговыми активами: – организация текущего и досрочного погашения государственного долга; – недопущение превышения установленного размера предельного значения государственного долга; – выбор и оценка платёжеспособности заемщиков, определение условий предоставления займов, обеспечение возврата бюджетных средств; – при предоставлении государственных гарантий анализ платежеспособности принципала и оценку достаточности, ликвидности имущества, используемого в качестве обеспечения обязательств; – уплата обязательств по гарантии в случае необходимости и обеспечение исполнения обязательств принципала по удовлетворению регрессного требования гаранта к принципалу по государственной гарантии
	2 этап – организация казначейского исполнения

В рамках функции регулирования и планирования контроль обеспечивается в процессе экспертизы нормативных правовых актов; в рамках функции организации – в виде предварительного и последующего контроля за исполнением бюджета.

Таким образом, в общем виде состав и последовательность функций управления в системе финансового менеджмента в публично-правовых образованиях можно представить следующим образом: регулирование – планирование – организация – контроль (рис. 1).

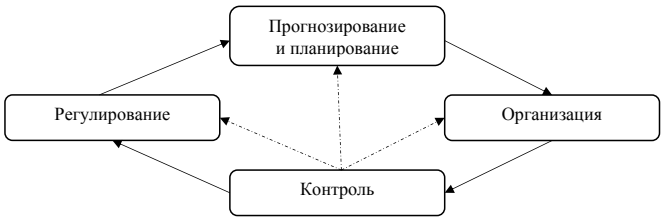

Рис. 1. Реализация функции финансового менеджмента в публично-правовых образованиях

Подводя итог, можно отметить, что процесс управления государственными и муниципальными финансами реализуется на основе традиционно выделяемых в экономической литературе функций управления. Однако их реализация имеет особенности, обусловленные спецификой финансовой деятельности публично-правовых образований. В первую очередь наличием властных полномочий у органов управления и законодательным регулированием процессов, связанных с планированием, формированием и использованием бюджетных средств. С одной стороны, наличие властных полномочий дает прерогативу и возможности использования любых инструментов в целях управления государственными и муниципальными финансами. С другой стороны, законодательно установленные правила не дают возможности оперативного манипулирования в случае необходимости.

Литература:

1. Файоль А. Общее и промышленное управление. – М.: ЦИТ, 1923. – 65 с.
2. Шавалеева Ч.М. Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – № 1. – С. 89–92.
3. Сабитова Н.М. Бюджетное устройство Российской Федерации: теория и практика. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 132 с.

Management Functions in the Financial Management System in the Public Sector of the Economy

Sabitova N.M., Shavaleyeva Ch.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The organization of financial management in public legal entities differs significantly from the organization of financial management in the corporate sector of the economy. In economic literature, the functions of planning, organization, regulation, motivation and control are classically called management functions. These functions are also characteristic of the process of managing state and municipal finances. However, their implementation has its own characteristics, which are currently not given due attention in the economic literature. In this regard, consideration of the manifestation of management functions in the public sector of the economy seems relevant. The purpose of the article is to analyze the specifics of the implementation of management functions in the financial management system in public legal entities. A conclusion is made about the differences in management functions in the management of state and municipal finances and the reasons that determine them. The results obtained can be used in the process of teaching students in the direction of "Economics", "State and Municipal Administration", as well as in the process of conducting scientific research.

Key words: public legal entities, financial management, management functions

УДК 336

Особенности оценки фискального пространства субъектов Российской Федерации*

Хузина А.Ф.
Младший научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Необходимость стимулировать экономическое развитие субъектов Российской Федерации приводит к потребности в оценке и изыскании дополнительных возможностей по росту расходов на реализацию национальных целей развития. В условиях санкционных и геополитических ограничений, а также значительной дифференциации экономического потенциала субъектов Российской Федерации исследование и адаптация концепции фискального пространства для нужд региональных органов власти является важной частью совершенствования налогово-бюджетной политики.

Научная значимость исследования заключается в адаптации методологических подходов к содержанию и оценке фискального пространства для региональных бюджетов.

Практическая значимость исследования включает комплексный подход к осуществлению оценки фискального пространства для бюджетов субъектов Российской Федерации и возможность выбора лучших механизмов его расширения.

Ценность исследования заключается в адаптации концепции фискального пространства для региональных бюджетов и осуществлении комплексной оценки как самого пространства, так и механизмов для его расширения в целях выявления резервов роста расходов бюджетов субъектов Российской Федерации на ключевые национальные цели развития.

Ключевые слова: фискальное пространство, региональные бюджеты, устойчивость, бюджетное регулирование, бюджетные ограничения

В современной практике существует несколько подходов к определению понятия «фискальное пространство». Тем не менее данные концепции применяются в первую очередь для оценки финансовых возможностей страны в целом (уровень национального правительства), исследования для отдельных субнациональных образований (регионов, штатов, муниципалитетов) не проводились. Изначально концепция фискального пространства была разработана МВФ и предусматривала возможности его увеличения на национальном уровне, не затрагивая внутристрановое бюджетное регулирование.

Для более полного определения категории «фискальное пространство» обычно выделяют следующие характеристики: 1) доступное финансирование в результате расширения мобилизации ресурсов и управленческих реформ [1], 2) резерв бюджета, который может быть использован без ущерба для его финансовой устойчивости [2], 3) сумма величин фискальных переменных – дополнительных доходов, оптимизации расходов, трансфертов и займов [3]; 4) объем пространства, которое можно получить за счет увеличения дефицита и долга без потери устойчивости [4]. При этом диапазон авторских трактовок довольно широк: от «разницы между фактическим уровнем государственного долга по отношению к ВВП и его предельным значением» [5], до «фи-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

нансирования, которое потенциально возможно для государства как результат конкретных действий по реализации политики, усиливающей мобилизацию ресурсов» [1].

В зарубежных исследованиях цель по оценке фискального пространства обосновывается необходимостью предоставления стране финансовой помощи от международных организаций, а необходимость расширения фискального пространства увязывается с задачами «уверенного экономического роста и повышения уровня жизни, наличия возможности для инвестирования в важную социальную и физическую инфраструктуру». Цели данного исследования могут предусматривать использование результатов оценки фискального пространства как для предоставления адресной целевой помощи нуждающимся регионам, так и для выявления резервов роста расходов за счет различных бюджетно-налоговых факторов.

В российских исследованиях практически не уделялось внимания рассмотрению концепции фискального пространства как на национальном уровне, так и для субфедеральных образований. Однако отдельные авторы [6–9] все же попытались сформулировать особенности оценки фискального пространства для региональных бюджетов.

На наш взгляд, необходимость адаптации концепции фискального пространства на региональный уровень обоснована следующими особенностями:

1) урезанная самостоятельность в проведении фискальной и долговой политики. Действия региональных органов власти должны соответствовать государственным (федеральным) целям и задачам налогово-бюджетной политики, а также не противоречить правовым нормам и бюджетным ограничениям, которые также определяются на федеральном уровне;

2) наличие исходных доходных и расходных ограничений (закрепление доходных источников и разграничение расходных обязательств), а следовательно, невозможность проводить самостоятельную и независимую налоговую политику. Наличие требований по финансовой поддержке муниципалитетов, закрепленных нормативно;

3) высокий уровень дифференциации регионов при едином экономическом и политическом пространстве, что обуславливает перераспределение мобильных факторов производства в более благополучные субъекты РФ и усиливает конкуренцию. Такая дифференциация предусматривает исходные неравные условия для фискального выравнивания (ограничение прав у разных групп регионов по группам долговой устойчивости, по доле межбюджетных трансфертов и т.п.) и фискальных возможностей самих субъектов РФ.

На региональном уровне концепция фискального пространства тесно связана с концепцией бюджетного федерализма и стратегией пространственного развития, поэтому оценка масштабов фискального пространства и меры по его расширению должны учитывать основные наработки и результаты исследования и по этим вопросам.

Данный момент является также актуальным для регионального развития в нашей стране: при существующей дифференциации регионов по уровню и качеству жизни, имеющимся климатическим и экологическим особенностям выравнивание экономического пространства становится важнейшей задачей региональной пространственной политики. Более того, при реальном конкурентном положении субъектов Российской Федерации поиск экономического преимущества становится критически важным для развития собственного фискального потенциала, сохранения населения и поддержки бизнеса.

Несоответствие аккумулируемых доходов и осуществляемых расходов, которые являются следствием различий между регионами в структуре и потребностях населения (потребности в услугах, уровень бедности и заболеваемости, климатические особенности, что влияют на стоимость предоставляемых услуг, и т.п.), может привести к неравномерному перераспределению факторов производства между регионами (их миграции), что также обуславливает потребность в фискальном выравнивании за счет устранения различных фискальных выгод [8].

Рассмотренные выше подходы и концепции фискального пространства можно систематизировать и определить особенности его расчета для бюджетов субъектов РФ (см. табл. 1). Мы предлагаем разграничить понятие «статичного фискального пространства», т.е. краткосрочной способности финансирования дополнительных или новых расходов за счет увеличения ресурсов или оптимизации расходов бюджета, не затрагивающих налоговую нагрузку и (или) основы бюджетного федерализма (это оценка фискального пространства на текущий момент в существующих фискальных условиях), и понятие «динамичного фискального пространства», т.е. средне- и долгосрочной способности финансирования дополнительных или новых расходов за счет увеличения ресурсов или оптимизации расходов бюджета, включающих институциональные изменения и корректировку налогово-бюджетной политики (так называемые направления расширения фискального пространства).

Учитывая все вышеизложенное, оценка статичного фискального пространства бюджетов субъектов РФ будет проводиться по следующим составляющим:

– во-первых, это оценка общеэкономических условий планирования и прогнозирования фискальных показателей;

– во-вторых, это оценка управления налоговыми расходами бюджетов (при сохранении стимулов к

Таблица 1

Систематизация особенностей оценки фискального пространства бюджетов субъектов РФ

Оценка статичного фискального пространства	Оценка динамичного фискального пространства
– повышение качества социально-экономического и бюджетного планирования и прогнозирования; – рост качества налогового администрирования; – отмена налоговых льгот и преференций; – повышение эффективности (результативности, экономности) расходов бюджета; – приоритизация (изменение структуры) расходов в сторону производительных с учетом мультипликативного эффекта; – использование максимально возможного объема расходов бюджета с учетом бюджетных ограничений; – привлечение максимально возможного объема заимствований с учетом бюджетных ограничений; – формирование максимально возможного уровня государственного долга с учетом бюджетных ограничений	– введение новых налогов или неналоговых доходов; – изменение структуры разграничения налоговых доходов между бюджетами бюджетной системы в пользу региональных бюджетов; – изменение структуры закреплённых расходных обязательств между бюджетами бюджетной системы в пользу региональных бюджетов; – увеличение объема МБТ, получаемых бюджетами субъектов РФ; – сокращение объема МБТ, предоставляемых бюджетами субъектов РФ; – изменение показателей бюджетных ограничений для бюджетов субъектов РФ по уровню дефицита, госдолга, заимствований и т.п.

экономическому росту и адекватной налоговой нагрузки);

– в-третьих, это оценка возможности максимизации объема расходов бюджетов (в т.ч. с целью их ориентации на производительные направления и учета мультипликативного эффекта);

– наконец, в-четвертых, это оценка возможностей по привлечению дополнительных средств в виде займов и (или) трансфертов при сохранении средне- и долгосрочной долговой устойчивости.

Предполагая, что общие фискальные условия бюджетного федерализма остаются неизменными в текущих условиях (структура разграничения доходов и закрепления расходных обязательств между бюджетами бюджетной системы, а также установленные единые подходы к предоставлению МБТ), отметим первую существенную проблему исходной оценки фискального пространства региональных бюджетов – это ошибки в социально-экономическом прогнозировании, на основании которого формируются бюджетные параметры и делается выбор некорректного сценария для расчета таких фискальных параметров регионального бюджета (см. табл. 2).

Анализ ошибок социально-экономического прогнозирования проведен по случайно выбранным субъектам РФ (по два региона из каждой группы бюджетной обеспеченности) для показателя ВРП, который является базовым при формировании сценариев социально-экономического развития и в последующем бюджетных показателей. Оценка качества прогнозирования проводилась в сравнении с наилучшим прогнозным сценарием, хотя в действительности расчет бюджетных показателей осуществлялся по консервативному (наихудшему) сценарию, что фактически значительно ухудшает значения ошибок в прогнозировании ВРП. Разрыв значений между прогнозируемыми значениями ВРП по этим двум сценариям значительный. Например, различия в прогнозных сценариях по ВРП Республики Тыва на 2024 г. – 2,1 %, а Камчатского края – 12,6 %.

Во-первых, отметим, что только 3 субъекта за 2022 г. имеют 1-ю степень качества управления ре-

Таблица 2

Оценка качества прогнозирования ВРП выбранных субъектов РФ

Регионы по уровню бюджетной обеспеченности	БО* 2022 г. до выравнивания	БО* 2022 г. после выравнивания	Качество управления региональными финансами 2022 г.	Ошибка в прогнозировании ВРП (лучший сценарий), %			
				2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Тюменская область	2,156	2,156	1 степень	4,4	2,3	28,3	10,3
Республика Татарстан	1,16	1,16	1 степень	10	-4,2	27,5	24,6
Иркутская область	0,983	0,983	1 степень	15,6	4,1	8,7	18,7
Амурская область	0,871	0,918	3 степень	-15,6	36,7	25,1	18
Оренбургская область	0,749	0,787	2 степень	н/д	7,3	16,2	21,2
Томская область	0,623	0,677	3 степень	-32,5	2,4	10,5	25,1
Республика Башкортостан	0,609	0,67	2 степень	10,5	11,7	6,6	1,6
Республика Хакасия	0,594	0,673	3 степень	8,6	8,6	6,7	17,1
Камчатский край	0,327	0,68	3 степень	2,4	20,1	15,3	8,1
Республика Тыва	0,213	0,65	3 степень	16,6	15,1	12,4	11,9

Примечание: *БО – бюджетная обеспеченность.

гиональными финансами, и это субъекты с наивысшим уровнем бюджетной обеспеченности – Республика Татарстан, Тюменская область и Иркутская область. Несмотря на это, для данных субъектов как минимум два года из 4-х характеризуются значительными ошибками в прогнозировании ВРП – ошибка в +27,5 и 24,6 % для Республики Татарстан, в 28,3 % для Тюменской области и в 15,6 и 18,7 % для Иркутской области. Более стабильный уровень ошибок в прогнозировании ВРП характерен для Республики Тыва (от 16,6 до 11,9 %), и можно отметить ежегодное снижение значения такого показателя. Наиболее значительный разброс в ошибках по оценке ВРП характерен для Томской области (от -32,5 до +25,1 %) и Амурской области (от -15,6 до +36,7 %).

Такие расхождения в прогнозных и фактических значениях по показателю ВРП сужают исходные возможности по планированию и эффективному использованию фискального пространства регионов и приводят в дальнейшем к некачественному прогнозированию доходов и планированию расходов региональных бюджетов. Подобные расхождения приводят к сложностям в планировании направлений использования дополнительно получаемых доходов, которые могли бы своевременно быть направлены на перспективные инвестиционные проекты, имеющие мультипликативный эффект для региональной экономики.

При неизменности условий бюджетного федерализма возможности по оценке фискального пространства за счет управления доходами региональных бюджетов очень ограничены. Определенный резерв можно оценить за счет роста качества налогового администрирования и отмены региональных налоговых льгот и преференций (см. табл. 3).

Однако необходимо отметить, что такое повышение налогового бремени снижает стимулы для производства и бизнеса, ухудшает благополучие граждан и их финансовые возможности, в результате чего сокращается величина ВРП, замедляется экономический рост и снижается уровень собираемости налогов.

Значительной проблемой при оценке фискального пространства в части налоговых льгот необходимо назвать различия в данных отчетных документов Минфина России, что вызывает сложности в корректной оценке возможных резервов дополнительных доходов региональных бюджетов. Тем не менее проведенные оценки позволяют отметить критичное несоответствие между объемом налоговых расходов и общим фискальным положением (бюджетной обеспеченностью) для Республики Башкортостан, что ставит вопрос об эффективности применяемых налоговых льгот и преференций для экономического развития данного субъекта РФ.

Еще одним резервом оценки фискального пространства является максимизация объема расходов регионального бюджета при соблюдении бюджетных ограничений, установленных законодательно (см. табл. 4). Так, Бюджетным кодексом РФ определяется максимально возможный объем дефицита бюджета субъекта РФ (ст. 92.1 БК РФ) – общее ограничение в 15 % утвержденного общего годового объема доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений и 10 % – для субъекта РФ, в отношении которого осуществляются меры, предусмотренные п. 4 ст. 130 БК РФ (ограничение на долю дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет, превышающую 40 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта РФ). Расчет проводился на основании данных приказа Минфина России № 504[1].

Отметим, что законодательством предусматриваются послабления для расчета предельного объема дефицита бюджета, а значит, и максимально допустимого объема расходов регионального бюджета в части:

– объема поступлений от продажи акций и иных форм участия в капитале;

– объема поступлений от реализации государственных запасов драгоценных металлов и драгоценных камней;

– бюджетных кредитов на финансовое обеспечение снижения остатков средств на счетах по учету средств бюджета субъекта РФ;

Таблица 3

Оценка масштаба фискального пространства по налоговым расходам выбранных субъектов РФ

Регионы по уровню бюджетной обеспеченности	Объем фискального пространства по доходам, млн руб.			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Тюменская область	н/д	18 363,7	21 825,8	22 684,0
Республика Татарстан	н/д	5 665,6	10 954,8	12 047,5
Иркутская область	н/д	8 264,8	7 342,1	6 766,1
Амурская область	258,6	1 117,4	2 041,5	2 261,4
Оренбургская область	1,7	1 369,8	1 407,4	1 621,2
Томская область	0,0	1 199,9	1 328,4	1 191,6
Республика Башкортостан	127,4	6 809,6	13 232,6	19 977,7
Республика Хакасия	0,0	841,6	1 314,9	1 499,9
Камчатский край	237,1	2 144,1	2 283,7	2 003,4
Республика Тыва	317,5	458,0	941,3	969,9

Источник: составлено автором на основе данных Минфина России.

[1] Приказ Минфина России от 13.11.2023 г. № 504 "Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации".

Таблица 4

Оценка масштаба фискального пространства по расходам выбранных субъектов РФ

Регионы по уровню бюджетной обеспеченности	Объем фискального пространства по расходам, млн руб.			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Тюменская область	51 131,5	7 447,9	53 635,2	44 524,7
Республика Татарстан	51 304,0	0	59 906,1	0
Иркутская область	9 153,7	4 851,8	45 701,6	42 702,8
Амурская область	9 581,1	8 431,6	2 150,4	0
Оренбургская область	7 633,7	3 969,7	26 776,5	13 671,9
Томская область	4 423,8	0	6 545,3	10 824,8
Республика Башкортостан	1 514,8	0	1 162,6	8 758,9
Республика Хакасия	5 627,9	0	14 409,4	12 451,9
Камчатский край	242,8	390,5	413,8	0
Республика Тыва	1 453,6	1 662,7	5 263,5	0

Источник: составлено автором на основе данных Минфина России.

– инфраструктурных бюджетных кредитов из федерального бюджета;

– разницы между средствами, получаемыми от возврата средств с банковских депозитов, и средствами, размещаемыми на банковских депозитах.

Такие резервные расходы могут быть направлены в первую очередь на финансирование инвестиционных программ и поддержку проектов по развитию человеческого капитала.

Можно отметить, что более финансово обеспеченные субъекты РФ имеют больший объем фискального пространства, что вполне рационально с экономической точки зрения. Помимо этого отдельно необходимо выделить Оренбургскую область и Республику Хакасия, у которых за рассматриваемый период наблюдается значительный положительный объем фискального пространства по расходам, что предполагает возможность для роста производительных расходов за счет заимствований и/или целевых безвозмездных поступлений, который будет стимулировать региональный экономический рост.

Важной проблемой оценки масштабов фискального пространства региональных бюджетов в части фискальной устойчивости можно назвать привлечение заимствований на финансирование текущих расходов бюджета, а не на инвестиции. Интересным становится также определение реальных показателей долговой и фискальной устойчивости для каждого конкретного субъекта РФ, которые могут значительно отличаться от установленных в Бюджетном кодексе РФ ограничений.

Бюджетное законодательство предусматривает ограничение, которое позволяет определить масштаб статичного фискального пространства по долгу, а именно – установление верхних пределов государственного долга субъекта РФ (ст. 107), согласно которому (см. табл. 5):

– объем госдолга субъекта РФ не должен превышать общий объем доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений (базовое ограничение);

– объем госдолга субъекта РФ не должен превышать 50 % общего объема доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений – для субъектов с долей дотаций в объеме собственных доходов консолидированного бюджета более 40 % (особое ограничение).

Базовое ограничение может быть превышено на сумму инфраструктурных бюджетных кредитов; особое же ограничение также может быть превышено на сумму инфраструктурных бюджетных кредитов, но не должно превышать 100 % общего объема доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений. Расчет проводился на основании данных приказа Минфина России № 504, согласно которому только для республики Тыва использовано особое ограничение (см. табл. 5).

Таблица 5

Оценка масштаба фискального пространства по госдолгу выбранных субъектов РФ (базовое ограничение)

Регионы по уровню бюджетной обеспеченности	Объем фискального пространства по госдолгу, млн руб.			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Тюменская область	201 610,42	147 873,76	229 724,50	217 543,84
Республика Татарстан	155 829,27	108 709,19	183 600,28	263 080,02
Иркутская область	126 440,27	109 918,22	173 647,38	195 186,01
Амурская область	21 542,33	31 247,98	36 208,62	33 093,70
Оренбургская область	52 207,55	43 881,16	79 502,25	80 282,23
Томская область	16 946,29	3 150,78	7 279,83	16 137,86
Республика Башкортостан	133 244,14	102 126,88	130 930,52	142 855,88
Республика Хакасия	327,10	-6 673,19	6 687,48	15 898,37
Камчатский край	21 726,31	18 582,84	22 972,84	20 824,88
Республика Тыва	969,29	735,71	1 277,55	94,33

Источник: составлено автором.

Важно отметить, что фискальное пространство в части максимизации государственного долга не может рассматриваться в качестве краткосрочного инструмента, поскольку бюджетное законодательство предусматривает также ежегодные ограничения на объем заимствований и на предельный размер дефицита бюджета, что априори будет влиять на реальный масштаб фискального пространства по госдолгу.

Подводя итоги, можно отметить, что даже регионы с низкой бюджетной обеспеченностью обладают фискальным пространством в текущих налогово-бюджетных условиях, а значит, имеют возможности по стимулированию своего экономического роста, перераспределению расходов на производительные направления и задачи национального развития.

Литература:

1. Fiscal Space for what? analytical Issues from a Human development Perspective // Paper for the G-20 work-shop on Fiscal Policy. – URL: http://www.kw.undp.org/content/dam/aplaws/publication.
2. Хеллер П. Фискальное пространство – что это такое и как его получить? // Финансы и развитие. – 2009. – Июнь. – С. 32.
3. Игонина Л.Л. О подходах к оценке бюджетно-налоговой политики // International journal of applied and fundamental research. – 2015. – № 3. – P. 54–58.
4. Stone Ch. Fiscal Stimulus Needed to Fight Recessions Lessons From the Great Recession. Center on Budget and Policy Politic Priorities. – Washington, 2020. April 16. – URL: https://www.cbpp.org/research/fiscal-stimulus-needed-to-fight-recessions.
5. Fiscal Space: A New Gauge of Sovereign Risk // Mode of access. – URL: https://www.economy.com/dismal/ article_free.asp?cid=226883.
6. Дьякова Е.Б., Перекрестова Л.В. Категории фискального пространства и бюджетной емкости в теории бюджетного регулирования // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2011. – № 12(36). – Ст. 24.
7. Крисоватый А.И., Сидорович Е.Ю. Онтологические предпосылки использования институционального подхода в исследовании природы фискального пространства // Инновационное развитие экономики. – 2016. – № 3–2(33). – С. 67–72.
8. Хомяк М.С. Анализ методологических подходов к оценке объёма и структуры межбюджетных трансфертов в рамках бюджетного пространства регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 2(32). – С. 17–23.
9. Перекрестова Л.В., Дьякова Е.Б., Сушкова И.А. Основы концепции регионального фискального пространства // Актуальные вопросы экономических наук. – 2011. – № 22-2. – С. 106–114.

Features of Assessing the Fiscal Space of the Constituent Entities of the Russian Federation

Khuzina A.F.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The need to stimulate the economic development of the constituent entities of the Russian Federation leads to the need to assess and find additional opportunities to increase costs for the implementation of national development goals. In the context of sanctions and geopolitical restrictions, as well as significant differentiation of the economic potential of the constituent entities of the Russian Federation, research and adaptation of the concept of fiscal space for the needs of regional authorities is an important part of improving fiscal policy.

The scientific significance of the study lies in the adaptation of methodological approaches to the content and assessment of fiscal space for regional budgets. The practical significance of the study includes an integrated approach to assessing the fiscal space for the budgets of the constituent entities of the Russian Federation and the possibility of choosing the best mechanisms for its expansion.

The value of the study lies in adapting the concept of fiscal space for regional budgets and carrying out a comprehensive assessment of both the space itself and the mechanisms for its expansion in order to identify reserves for the growth of budget expenditures of the constituent entities of the Russian Federation for key national development goals.

Key words: fiscal space, regional budgets, sustainability, budget regulation, budget constraints

УДК 338.2

«Программные» указы 2012–2020 гг. Президента РФ как источник формирования планов и программ социально-экономического развития страны в краткосрочной перспективе

Шлычков В.В.
Доктор экономических наук, профессор,
главный редактор Рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии» (Казань)

В единой системе государственного управления современной России отсутствует федеральный орган отвечающий за прогнозирование и комплексное планирование социально-экономического развития страны и данная функция распределена между отдельными ведомствами, министерствами и субъектами РФ. В то же время, в последние годы сформировалась практика разработки краткосрочных планов развития на основе целей, сформулированных в «программных» указах вновь избранного главы государства, определяющих вектор социально-экономического развития на период его полномочий. При этом в основу планирования закладываются запросы основной части избирателей, высказанные ими в ходе прошедшей выборной компании Президента РФ, а также положения избирательной программы выбранного кандидата. Этот механизм трансформации народного волеизъявления в нормативно-правовые акты на сегодняшний день заместил практику формирования планов краткосрочного развития, основанных на решениях очередных съездов КПСС и нуждается в научном анализе и объективной оценке, что и явилось целью и задачей данной статьи. Раскрытие заявленной темы позволит определить основные принципы и алгоритмы работы указанного выше механизма и повысить качество и актуальность процесса формирования федеральных программ, а также максимально гармонизировать общественные запросы с действиями государственного аппарата управления. Применяя факторный анализ, экономико-математические и статистические методы, автор анализирует ход исполнения «программных» указов Президента РФ 2012–2020 гг. и достигнутые отдельные показатели. В статье также обосновывается положительная роль «программных» указов на процессы планирования и социально-экономического развития России.

Ключевые слова: «майские указы», социально-экономическое развитие, показатели роста, вектор развития, цели развития

Провозглашенный в 1991 г. Россией курс на создание на фундаменте РСФСР самостоятельного и независимого демократического государства предполагал не только отказ от административной и переход к рыночной экономике, но развитие институтов демократии и формирование многопартийной политической системы. В условиях реальной конкуренции политических агентов в борьбе за голоса избирателей выборы органов государственно-муниципальной власти обновленной России, а не решения очередного съезда КПСС стали оказывать и начали постепенно усиливать свое влияние на формирование проводимой государством социально-экономической политики, фактически трансфор-

мировавшись в механизм фиксации волеизъявления российского народа по ключевым проблемам общественного развития через поддержку программ соперничающих между собой политических партий или отдельных кандидатов, претендующих на избрание в органы федеральной и регионально-муниципальной власти. И прежде всего это относится к выборам на пост Президента РФ, конституционные полномочия которого в значительной мере позволяют определять вектор социально-экономического развития страны и власть которого увенчивает единую систему государственно-муниципального управления современной России.

В тоже время параллельно, по мере формирования и развития российской государственности и обновленной политической системы начали развиваться и новые виды коммуникаций власти и населения, являющиеся по своей сути своеобразными формами общественного договора, в рамках которого каждая из сторон декларирует свои стратегические планы и гарантирует их выполнение как минимум в пределах текущего политического цикла. То есть претендующий на избрание политический субъект заявляет о намерении последовательно реализовывать обозначенную в избирательной программе социально-экономическую политику в течение срока своих полномочий, а поддержавшее его большинство граждан, в свою очередь, обеспечивает всестороннюю общественную поддержку этому процессу. И именно к подобного рода новым практикам, на взгляд автора, можно отнести сформировавшуюся традицию опубликования сразу после инаугурации вновь избранного Президента РФ пакета программных указов, в которых определяются приоритеты и основные направления деятельности Президента и Правительства РФ на период полномочий первого, а также фиксируются отдельные целевые показатели развития страны на кроткосрочную перспективу.

«Майские указы» 2012 – первый шаг на пути создания механизма согласования сформированного общественного запроса на корректировку вектора социально-экономического развития России с кратко- и среднесрочными государственными программами развития

Вступивший в 2012 г. в должность Президента РФ Владимир Путин, заручившись голосами 63,6 % россиян, впервые в современной истории России трансформировал поддержанную большинством населения свою предвыборную программу в систему государственно-правовых актов, подписав 11 программных указов и 218 поручений Правительству РФ [1], в которых сформулировал основные приоритеты развития страны на ближайшие годы в вопросах государственной экономической и социальной политики, здравоохранения, образования и науки, жилищной политики и проблемах ЖКХ, реформирования Вооружённых Сил и внешнеполитической деятельности, а также установил целевые показатели уровня зарплат бюджетников и состояния предпринимательского климата в регионах. И именно введение в действие прописанных в этих указах положений потребовало корректировки текущих и перспективных планов социально-экономического развития страны и стали ориентирами в работе органов исполнительной власти всех уровней и финансово-хозяйственной деятельности российских экономических агентов на период до 2020 г., которые должны были, в частности, обеспечить:

– рост в 1,5 раза реальной зарплаты и производительности труда;

– создание 25 млн высокопроизводительных рабочих мест, где зарплата выше средней по отрасли;

– переоснащение армии новейшими видами вооружений на 70 %;

– достижение 20-го места в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса;

– рост ожидаемой продолжительности жизни в стране к тому же сроку до 74 лет;

– увеличение объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 27 % валового внутреннего продукта (ВВП);

– рост продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.;

– увеличение доли публикаций российских ученых в иностранных научных изданиях до 2,44 % [2].

Для осуществления надзора за ходом выполнения указов 11 июля 2012 г. была образована Комиссия по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития Российской Федерации во главе с Президентом РФ, которая совместно с Контрольным управлением его Администрации и региональными органами исполнительной власти стала контролировать их исполнение всеми задействованными субъектами. Кроме того, независимый общественный надзор за деятельностью привлеченных к реализации национальных проектов экономических агентов и органов государственной власти, на регулярной основе стал проводить Центр по независимому мониторингу исполнения указов президента «Народная экспертиза», созданный при Общероссийском народном фронте.

При этом по предварительным подсчетам Министерства финансов РФ, на исполнение указов планировалось направить из бюджета более чем 2 трлн руб., однако фактически объём федеральных дотаций по майским указам в 2014 г. составил 120 млрд руб. и 80 млрд руб. в 2015 г. [3].

Давая оценку выполнения указов 2012 г., можно констатировать, что были достигнуты следующие результаты:

– ожидаемая продолжительность жизни в России в 2017 г. составила 72,68 года, при 70,5 лет в 2012 г. и целевом показателе в 2018 г. – 74 года;

– средняя номинальная начисленная заработная плата в России на начло 2018 г. 40 тыс. 443 руб., при 26 тыс. 629 руб. в 2012 г. (+51,8%). Однако необходимо иметь ввиду, что реальная заработная плата выросла в последнем отчетном 2016 г. по сравнению с 2011 г. только на 5,4 % вместо целевых 50 %;

– рост производительности труда по сравнению с 2011 г. в 2016 г. составил 3,7 % при целевом показателе – 50 %;

– продукция высокотехнологичных и наукоемких отраслей ВВП в 2017 г. достигла 21,7 % при запланированных параметрах в 30 %;

– количество высокопроизводительных рабочих мест в 2017 г. – 17,6 млн при целевом показателе 25 млн к 2020 г. [4];

– доля российских научных публикаций в международных научных журналах выросла с 2,08 % в 2010 г. до 2,45 % в 2016 г., превысив плановый показатель в 2,44 %;

– в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса России в 2017 г. было отведено 35-е место, при 120 месте в 2012 г. и целевом показателе в 2018 г. на уровне 20-ого места [5].

Само Правительство РФ по окончанию своих полномочий в 2017 г. отчиталось о выполнении указов от 2012 г. (получивших в обществе и СМИ наименование «майских») на 91,7 % [6], что можно было бы в принципе признать относительно хорошим результатом. Однако беспристрастные статистические данные говорят о том, что большинство заявленных целей все же так и не были достигнуты, «недобранные» и «усредненные» 8,3 % сыграли негативную роль для значительного числа национальных проектов, фактически зафиксировав срыв их полного исполнения. При этом, начиная с 2013 г., вообще начался процесс замедления экономического роста, в последствие отягощённый издержками мирового нефтяного кризиса 2014 г. и введением коллективным Западом первых масштабных антироссийских экономических санкций в связи с вхождением Крыма и Севастополя в состав России в качестве субъектов Федерации. Но несмотря на указанные выше недочеты, майские указы 2012 г., безусловно, оказали положительное воздействие на протекающие в российском обществе социально-экономические процессы и создали прецедент конвертации сформировавшегося в обществе запроса на корректировку реализуемой текущей государственной социально-экономической политики в конкретные и системные нормативно-правовые решения власти, влекущие за собой изменения вектора этой политики и смену приоритетов развития.

Указ от 7.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» как продолжение процесса преобразования народного волеизъявления в реализуемые государственные программы и проекты социально-экономического развития

В развитие формирующейся традиции корректировки проводимого социально-экономического курса с учетом итогов прошедшей избирательной компании сразу после избрания В.В. Путина на четвертый президентский срок 7 мая 2018 г. им был подписан Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [7], который обозначил 9 общенациональных целей:

– обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;

– повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет;

– обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;

– снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;

– улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно;

– ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа;

– обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере;

– вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 %;

– создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Для их достижения были определены следующие показатели:

• увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет;

• увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7;

• увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом

Достигнуть их планировалось, реализуя национальные проекты по следующим направлениям:

• демография;

• здравоохранение;

• образование;

• жилье и городская среда;

• экология;

• безопасные и качественные автомобильные дороги;

• производительность труда и поддержка занятости;
• наука;
• цифровая экономика;
• культура;
• малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы;
• международная кооперация и экспорт.

При этом общий объем бюджетного финансирования национальных проектов за шесть лет должен был составить 25,7 трлн руб. [8]. В целях сокращения образующегося в связи с эти бюджетного дефицита власти России пошли на непопулярную меру – увеличение НДС с 18 до 20 %.

Указ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» как основание для корректировки государственной социально-экономической политики

Однако стремительно начавшаяся мировая эпидемия *COVID*-2019 потребовала изменения горизонтов планирования, безотлагательного перераспределения общественных ресурсов и немедленного пересмотра приоритетов. Реализуемые государством антиковидные меры привели к резкому увеличению бюджетных расходов на поддержку региональных бюджетов, национального бизнеса и населения в целом, что в свою очередь спровоцировало пересмотр национальных проектов в части снижения уровня их финансирования и увеличения запланированных сроков реализации. В результате 21 июля 2020 г. Президентом РФ был подписан Указ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», который сократил количество национальных целей развития с 9 до 5 (сохранение населения, здоровье и благополучие людей; создание возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация), что позволило в условиях геоэкономической турбулентности учесть опыт реализации Указа № 204 и сконцентрировать усилия на решение хотя и меньшего количества, но при этом ключевых для социально-экономического развития страны задач.

Указом № 474 были сформулированы следующие скорректированные задачи:

– вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования;

– формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся;

– создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций;

– достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования» [9].

Кроме того, глава государства увеличил горизонт планирования до 2030 г. и изменил установленные в 2012 г. сроки достижения отдельных целей в сторону их увеличения (создание 25 млн рабочих мест должно было быть завершено к 2030 г., увеличение продолжительности жизни до 78 лет должно было быть достигнуто не к 2024 г., а к 2030 г. и т.д.), а задачу вывести Россию «в число пяти крупнейших экономик мира» вообще исключил из актуальной повестки дня, что было мотивировано «неблагоприятной международной экономической конъюнктурой» [10].

В новом нормативном акте главы государства три технологические национальные цели развития, ранее заявленные в майском указе, были трансформированы в единую миссию, сформулированную национальным проектом «Цифровая трансформация», в рамках которого ключевые отрасли экономики и социальной сферы, а также система госуправления должны были добиться «цифровой зрелости». При этом от цели довести до уровня в 50 % количество организаций, осуществляющих технологические инновации, также было решено отказаться. Однако в июльском Указе впервые были установлены новые показатели: по увеличению бюджетных ассигнований в отечественные решения в ИТ-сфере (который необходимо было нарастить в четыре раза по сравнению с показателем 2019 г.), рост инвестиций в основной капитал (плюс 70 % к 2030 г.) и рост экспорта несырьевых и неэнергетических товаров (к 2030 г. так же на 70 %). В то же время новый документ полностью проигнорировал задачу выхода к 2024 г. на 5 % темпы годового прироста производительности труда, что послужило основанием для закрытия соответствующего национального проекта. Наряду с вышеупомянутым Указом № 474 был скорректирован и срок сокращения уровня бедности до 6,5 % от общей численности населения с 2024 г. на 2030 г. Одновременно июльским указом был введен новый целевой показатель по созданию устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами, гарантирующей 100 % сортировку и двукратное снижение объема отходов, направляемых на полигоны, а запланированная ранее задача введение новых производственных мощностей, способных уже 2024 г. сортировать до 60 % образующихся отходов, была повышена до уровня в 80 %.

Выводы:

1. За последние десятилетия по мере укрепления российской государственности и модернизации

политической системы демократический процесс выборов органов государственно-муниципальной власти России постоянно усиливает свое влияние на формирование и дальнейшую реализацию социально-экономического курса страны в краткосрочной перспективе.

2. За истекшие годы мы наблюдаем создание и поэтапную настройку работы механизма согласования обозначенных в ходе избирательных компаний и актуальных в конкретный исторический период интересов большинства российского общества с принимаемыми в последствии поддержанной им властью нормативно-правовыми актами и управленческими решениями, имеющими кратко- и среднесрочный периоды планирования.

3. Наибольшее воздействие на реализуемую российскую социально-экономическую политику оказывают выборы Президента РФ, конституционные полномочия которого позволяют в значительной степени определять вектор и приоритеты процесса развития страны в краткосрочной перспективе. И именно сформулированные в «программных» указах Президента РФ положения на сегодня фактически стали ориентирами в деятельности органов власти и хозяйствующих субъектов.

4. Сформировавшаяся практика опубликования Указов вновь избранного Президента РФ, определяющих перспективы социально-экономического развития с учетом выявленных в ходе прошедшей избирательной компании актуальных запросов большинства россиян, позволяет, с одной стороны, максимально учитывать реальные общественные настроения, а с другой – является законным основанием для необходимых и неизбежных в условиях усиления геополитической и геоэкономической турбулентностей корректировок государственной политики, легитимируя эти изменения волеизъявлением избирателей и количеством отданных за избранную власть голосов граждан страны.

5. Традиция «майских указов» фактически пришла на смену советскому опыту формирования пятилетних планов социально-экономического развития, исходя из решений очередного съезда КПСС, являвшихся в силу ст. 6 Конституции СССР обязательными для исполнения всеми органами власти и управления. Однако сложившаяся на сегодня практика имеет принципиальное отличие, заключающееся в том, что она учитывает запросы как минимум большинства населения страны, а не позицию незначительной его части, являющихся членами той или иной политической партии.

6. Необходимо отметить, что «ажиотаж» первых лет, возникший сразу после опубликования Указов 2012 г., в российском информационном пространстве с 2017 г. начал постепенно затухать и федеральные СМИ сократили количество публикаций на данную тему, что объясняется не только смещением актуальной повестки на *COVID*-2019 и проблемы СВО, но и неудачами практической реализации «майских» и последовавших за ними аналогичных указов Президента РФ. В настоящее время невозможно найти сводного отчета Правительства РФ, позволяющего дать комплексную оценку хода выполнения программных указов 2018 г. и 2020 г., и в официальных документах фигурируют только отдельные и, как правило, «положительные» показатели, что говорит о желании власти отвлечь внимание общества от существующих проблем и неудач процесса достижения заявленных целей.

7. На сегодня именно «программные» указы вновь избранного Президента РФ являются главным нормативно-правовым источником формирования и корректировки социально-экономической политики на краткосрочную перспективу, а также большинства реализуемых программ и планов развития.

Литература:

1. Сайт Президента России. – URL: http://kremlin.ru/
2. О мерах по увеличению доли высокотехнологичной и наукоёмкой продукции в валовом внутреннем продукте. – URL: http://government.ru/orders/selection/406/30532/
3. Черных А., Вислогузов В., Бурлакова Д., Бутрин Д., Баданов Р. Не май месяц. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/2613180
4. Прирост высокопроизводительных рабочих мест по субъектам Российской Федерации. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pr_vprm_2012-2023.xlsx
5. Шарифулин В. Майские указы. Досье. – URL: https://tass.ru/info/5182355
6. О ходе выполнения указов Президента России от 7 мая 2012 года №596-606. – URL: http://government.ru/orders/selection/406/
7. Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС Гарант.
8. Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728
9. Бюджет // Министерство финансов РФ. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/
10. Песков объяснил корректировку национальных целей развития РФ неблагоприятной конъюнктурой. – URL: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9014561

The «Program» Decrees of 2012–2020. The President of the Russian Federation as a Source of Forming Plans and Programs for the Socio-Economic Development of the Country in the Short Term

Shlychkov V.V.
The Review of Economy, the Law and Sociology (Kazan)

In the unified system of public administration of modern Russia, there is no federal body responsible for forecasting and integrated planning of the socio-economic development of the country and this function is distributed among individual departments, ministries and subjects of the Russian Federation. At the same time, in recent years, the practice of developing short-term development plans based on the goals formulated in the "program" decrees of the newly elected head of state, defining the vector of socio-economic development for the period of his powers, has been formed. At the same time, the planning is based on the requests of the majority of voters expressed by them during the last election campaign of the President of the Russian Federation, as well as the provisions of the electoral program of the selected candidate. This mechanism of transformation of the people's will into normative legal acts has today replaced the practice of forming short-term development plans based on the decisions of the regular congresses of the CPSU and needs scientific analysis and objective assessment, which was the purpose and objective of this article. The disclosure of the stated topic will make it possible to determine the basic principles and algorithms of the above-mentioned mechanism and improve the quality and relevance of the process of forming federal programs, as well as maximally harmonize public requests with the actions of the state administration apparatus. Using factor analysis, economic, mathematical and statistical methods, the author analyzes the course of execution of the "program" decrees of the President of the Russian Federation 2012–2020 and the individual indicators achieved. The article also substantiates the positive role of "programmatic" decrees on the processes of planning and socio-economic development of Russia.

Key words: "May decrees", socio-economic development, growth indicators, development vector, development goals

УДК 347.191

Профессиональная спортивная лига как специальный субъект спортивных правоотношений

Асадуллин М.Р.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры политологии и связей с общественностью
Уфимского университета науки и технологии

Актуальность темы исследования заключается в том, что роль соревновательной составляющей спорта, как решающего и определяющего его элемента, нельзя преувеличить, что обуславливает необходимость исследования правового положения лиги как ключевого организатора спортивных мероприятий.

Научная значимость работы заключается в исследовании иностранного опыта формирования профессиональных лиг, классификации отечественных спортивных лиг, выявления ее признаков. Практическая значимость заключается в потенциальных возможностях применения полученных материалов для формирования советующих регламентов и договоров.

Ценность проведенного исследования заключается в выявлении определяющей задачей всякой спортивной лиги проведение спортивных соревнований (хотя они выполняют и некоторые общественные функции, например, финансируют молодежные команды).

По результатам проведенного исследования определено, что спортивная лига является специальным субъектом спортивных правоотношений, осуществляющим на профессиональной основе функцию организатора спортивных соревнований, обладающим коммерческими правами на соревнование, объём которых устанавливается соглашением о делегировании прав, заключаемым с общероссийской спортивной федерацией.

Ключевые слова: профессиональная спортивная лига, правовая организация соревнований, организационно-правовая форма, делегирование полномочий

Получая распространение, спорт стал популярным и престижным, в результате чего возникла также индустрия спорта (от производства спортивной формы до производства модной одежды и теле-видеопередач), спорт сегодня – это элемент «масс-культуры» и текущей жизни, он всё больше привлекать внимание законодательных органов соответствующих государств, в том числе и в нашей стране.

Отметим, хотя спортивные организации РФ и находятся в юрисдикции РФ, они остаются самостоятельными специфическими социальными образованиями. Традиционное правовое регулирование в виде создания моделей поведения на основе норм права возможно и в их отношении, но ограниченно в части определения организационно-правовых форм, регистрационных процедур и практически не затрагивает результатов их деятельности как автономных гражданских сообществ. И во временном аспекте хорошо заметно, что вся история спорта говорит о том, что первичные образцы правил здесь складываются вначале в рамках того или иного сообщества (от компании мальчишек, желающих играть по более-менее понятным правилам, до населения городка, решившего у себя проводить региональные соревнования). Можно сказать и так, что спортивные занятия и соревнования вначале формируются как бытовая практика («игра») с хорошей или не очень внутренней организацией и лишь со временем могут побудить к правовому регулированию того или

иного законодателя. Кстати, сам по себе факт проведения официальных соревнований ещё не говорит о том, что оно уже как-то законодательно урегулировано. Например, первые официальные лыжные гонки были организованы в 1896 г. клубом любителей-лыжников (ещё до создания клуба!) [1]. При этом часть видов спортивных упражнений (игр) так и остаётся вне поля внимания государственных структур.

Так, со временем организация спортивных соревнований потребовала профессионального подхода и специального набора компетенций. Когда профессиональный спорт вышел за пределы сферы физической культуры и стал частью экономики, где находятся значительные материальные и финансовые активы, возникла необходимость в выделении самостоятельной функции организатора спортивных соревнований. Радикальному изменению самого отношения к проведению спортивных состязаний способствовало также и повышение внимания зрителей к спортивным мероприятиям.

В правовой самоорганизации спортивного движения имеются функции, которые не относятся к «исключительному» ведению спортивных федераций. Согласно ст. 16 Федерального закона от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ о спорте) [2], спортивная федерация может не только сама организовывать и проводить соревнования, но и поручать это другим организациям. Так, для обеспечения реализации функции по организации спортивных соревнований были созданы специальные субъекты в спорте – лиги.

Стоит отметить, что спортивные лиги рассматриваются в качестве примера олигопсонии [3], которая толкуется как ситуация, «когда на рынке действует небольшое число покупателей, противостоящих большому числу продавцов. При этом на рынке данного товара доля олигопсонистов настолько огромна, что они могут влиять на его стоимость» [4, с. 147].

В исследуемой индустрии подобная ситуация также встречается, когда спортсмен реализует свои услуги определённому (узкому) числу организаций, не более 20-30 в конкретном виде спорта. Как и при олигопсонии, где созависимые (конкурирующие) хозяйствующие субъекты стремятся сдерживать цены, профессиональные лиги зачастую координируют конкурентные отношения между командами. Так, в качестве примера подобного механизма можно назвать ситуацию, где спортсмену предоставлено право вести переговоры лишь с одной командой лиги и, соответственно, квоты на новых игроков также распределены между командами. Таким образом исключается концентрация в одной команде ведущих игроков (напоминает картель).

Основная задача спортивных лиг заключается в проведении официальных спортивных соревнований путем принятия соответствующего решения постоянно действующим коллегиальным органом управления общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду спорта и заключения между ними договора (ст. 19.2 ФЗ о спорте, согласно ст. 36 Олимпийской Хартии, с организатором Олимпийских игр заключается контракт). Следовательно, цель создания спортивной лиги – организация и проведение спортивных соревнований. Особенностью лиг является включение в них спортивных организаций из других государств (например, в хоккее – Казахстана и Китая) и ориентация на исключительно профессиональный спорт. Основная специфика спортивных лиг заключается в том, что коммерческой организации (например, КХЛ действует в статусе ООО) дозволяется выполнять не свойственные ей функции, что требует взвешенной оценки и постоянного мониторинга.

Обратимся к международному опыту, поскольку, как показывает практика, модель управления лигой, определённая законодательством конкретного государства, влияет на объём её полномочий. Основными моделями спортивных лиг, как отмечено выше, считаются североамериканская и европейская [5, с. 94].

Для североамериканской модели[1] характерно то, что профессиональным лигам предоставлена преобладающая роль в сфере организации и проведения спортивных соревнований. В отличие от иных участников данных отношений, они выступают в качестве основных регуляторов. Так, к примеру, с НХЛ заключаются соглашения об участии обусловленных игроков в Олимпийских играх. Североамериканские лиги зачастую относятся к закрытому типу, что означает наличие постоянного набора клубов, принимающих участие в чемпионате лиги (количество команд не изменяется, никто не выбывает и не вступает в лигу на основании занятого места). В том числе этот принцип относится и к ротации команд (смена одной команды на другую). К.А. Андреева перечисляет критерии команды для получения членства в лиге: «финансовое положение клуба, географическое расположение. Так, по принципу территориальной эксклюзивности создаются лиги в США (город имеет право быть представленным в лиге не более, чем одной командой)» [6, с. 17].

Североамериканские лиги стремятся к выравниванию возможностей профессиональных клубов – участников соревнований, то есть спортсменам, представляющим один спортивный клуб, выплачивается фиксируемая сумма. Другая особенность данной модели заключается в проведении процедуры драфта для поддержания в лиге конкуренции, что множит интерес инвесторов (спонсоров) к поддерж-

[1] Мировую известность получили такие североамериканские спортивные лиги, как Высшая лига бейсбола (*MLB*), Национальная баскетбольная ассоциация (*NBA*), Национальная хоккейная лига (*NHL*) и Национальная футбольная лига (*NFL*).

ке как соревнований, так и самих клубов-участников. И.В. Солнцева и Н.А. Осокина верно отмечают, что «именно равные условия существования, в том числе финансовые возможности, гарантируют цикличность превосходства команд в каждой из североамериканских лиг» [7, с. 172].

Профессиональные лиги североамериканской модели отличает и ярко выраженная коммерческая цель – извлечение прибыли, тем самым спортивные результаты здесь считаются скорее средством её получения.

Таким образом, для североамериканской модели свойственны: упорядочивание спортивной и экономической силы клубов; малая доля участия спортивных федераций как регуляторов спорта (как национальных, так и международных).

Для европейской модели, напротив, характерна слабая степень регулирующего воздействия профессиональных лиг. То есть при ведущей роли национальных и международных спортивных федераций лиги, находясь у них в определённой зависимости, решают лишь дополнительные (вспомогательные) задачи. Для них характерна пирамидальная, иерархичная структура управления [8]. Лиги подчиняются международным спортивным федерациям и национальным спортивным федерациям по многим ключевым вопросам, в том числе трансфере спортсмена, агентской деятельности и др. Уставом Международной федерации футбола (ФИФА) лига определяется как «внутренняя организация, подчиненная национальной федерации» [9].

Формируемые Европейским союзом предписания для спортивных федераций практически в неизменном виде распространяются по всем уровням пирамиды. Следовательно, лиги лишаются права произвольно истолковывать указанные положения, а их собственные решения (например, в УЕФА) должны соответствовать европейскому законодательству. Это, безусловно, связано с особенностями законодательства Европейского союза, которое влияет на все сферы организации общественной жизни, в том числе и на спорт. Регулирование продажи прав на трансляции тоже находится под контролем Европейского союза (параметры трансляции спортивных мероприятий закреплены в директиве о «Телевидении без границ», утверждённой Европейской комиссией) [10].

Особая пирамидальная структура европейской модели влияет не только на управление, но и на проведение самих соревнований. В.Н. Зуев, описывая систему продвижения в классе (*promotion*), уточняет, что «футбольный клуб, который благополучно играет на региональном уровне, может выйти в национальный или европейский чемпионат. Отклонение от принятых на общеевропейском уровне правил приводит к дисквалификации той федерации или клуба, которые вышли за пределы выстроенной пирамиды» [11].

Следовательно, управление в спортивных лигах европейской модели отличается пирамидальным строением, на всех уровнях которого происходит унификация и субординация исполнения принимаемых решений; имеет место несоответствие спортивного и финансового уровня клубов, некое «расслоение» финансового и спортивного уровня клубов, отсутствие эффективного сочетания зрительского интереса и коммерческой привлекательности клуба.

В отличие от Европы и Северной Америки, где инициатива создания спортивных лиг исходила от участников соревнований, а не от государств, в России идея создания спортивных лиг была перенесена в существовавшую десятилетиями централизованную модель управления. Заметим, что в отличие от лиги в Северной Америке, отечественные профессиональные спортивные лиги не имеют такой системы, поскольку ключевым субъектом, отвечающим за правовую самоорганизацию в спорте, считается спортивная федерация. Как верно отмечает М.О. Буянова, «спортивные лиги не могут собственным решением утверждать регламенты соревнований» [12]. В России встречаются как американская, так и европейская модели. Так, для таких видов спорта, как хоккей и баскетбол, применяется североамериканская модель. Характерные черты североамериканской модели позаимствовали КХЛ и Единая лига ВТБ (например, они закрытые, в КХЛ имеется разделение на дивизионы и конференции, в КХЛ с 2009 по 2016 гг. проводилась Ярмарка юниоров (Драфт юниоров)). Для остальных командных игровых видов спорта присуща европейская модель. Поэтому в большей степени отечественные спортивные лиги подпадают под критерии европейской модели.

Возникающие при этом отношения закрепляются соответствующим договором о делегировании прав на проведение чемпионатов, первенств и кубков России. Однако по такому договору невозможно делегировать следующие полномочия: утверждение и изменение положения (регламента) такого спортивного соревнования; определение условий допуска профессиональных спортивных клубов к участию в нём; определение состава его участников; определение порядка выявления его лучшего участника или лучших участников; утверждение и изменение графика его проведения.

Заметим, границы компетенций профессиональных спортивных лиг очерчиваются «исключительными» полномочиями органов государственной власти и общероссийских спортивных федераций. Вместе с тем им предоставлено право определять условия проведения спортивных соревнований и принимать в связи с этим соответствующие правовые, технические, спортивные, дисциплинарные и медицинские регламенты. При этом предписания, которые разрабатывают лиги (правила спорта, регламенты соревнований, подготовка судей и их

аттестации, порядок разрешения разногласий), не должны разниться с положениями общероссийских спортивных федераций.

Для принятия совместных согласованных решений по организации и проведению официальных спортивных соревнований, эффективного взаимодействия спортивных федераций и лиг в состав постоянно действующего коллегиального руководящего органа профессиональной спортивной лиги, объединяющей как российские, так и иностранные профессиональные клубы, был введён представитель соответствующей общероссийской спортивной федерации. При этом в составе постоянно действующего коллегиального руководящего органа общероссийской спортивной федерации в случае создания в развиваемом ею виде спорта такой профессиональной спортивной лиги должен быть один её представитель.

Стоит отметить, что объём полномочий, связанный с организацией спортивных мероприятий, зависит и от вида спортивной лиги, которые можно классифицировать по различным критериям.

Во-первых, по географическому признаку можно выделить международные и национальные спортивные лиги. По мнению Р.Р. Байбекова, корректнее было бы деление на лиги «1) учреждённые в соответствии с зарубежным законодательством; 2) учреждённые в соответствии с российским законодательством» [13]. Вместе с тем сегодня законодатель допускает создание в профессиональном спорте спортивных лиг, объединяющих как российские, так и иностранные профессиональные спортивные клубы. В настоящее время такими лигами являются Континентальная хоккейная лига и Единая баскетбольная лига. Основным правомочием профессиональных спортивных лиг, объединяющих как российские, так и иностранные профессиональные спортивные клубы, является организация международных профессиональных спортивных соревнований, включаемых в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий.

Во-вторых, в зависимости от способа формирования участников соревнований различаются открытые и закрытые спортивные лиги. К примеру, если в хоккее, равно как и в баскетболе, в соответствии с теорией закрытого соревнования, нет выбывающих и нет клубов, чья победа гарантировала бы им участие в вышестоящих соревнованиях, то в футболе Международной федерацией футбола запрещается ротация клубов.

В-третьих, в зависимости от уровня профессионализма спортивные лиги можно разделить на профессиональные и любительские спортивные лиги (ч. 1 ст. 5 ФЗ о спорте). Обсуждается законопроект о формировании «любительских спортивных лиг» [14], целесообразность которого более чем сомнительна и из-за смешения терминологии, и из-за попытки перенесения сложившихся понятий на другие явления. Ведь те или иные массовые мероприятия у любителей проводились и будут проводиться без использования термина «лига» и опоры на весьма жёсткие положения профессионального спорта. К любительской спортивной лиге, к примеру, можно отнести и «Ночную хоккейную лигу», которая решает задачу популяризации хоккея и организации всероссийских любительских соревнований.

Таким образом, спортивная лига является специальным субъектом спортивных правоотношений, осуществляющим на профессиональной основе функцию организатора спортивных соревнований, обладающим следующими признаками: а) является объединением участников соревнований; б) обладает коммерческими правами на соревнование в соответствии с заключённым с общероссийской спортивной федерацией договором о делегировании прав. Определяющей задачей всякой спортивной лиги является проведение спортивных соревнований (хотя они выполняют и некоторые общественные функции, например, финансируют молодежные команды). При этом непроведение спортивных соревнований может быть основанием для лишения организации статуса профессиональной спортивной лиги.

Литература:

1. Лыжники сами устанавливали правила, ориентируясь на известные образцы. – URL: https://www.altaisport.ru/post/24691(дата обращения – 29.12.2023).
2. Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
3. Алтухов С.В. Государственное управление и рыночное саморегулирование экономики профессионального спорта в Российской Федерации: дисс. ... канд эконом наук. – М., 2007. – 147 с.
4. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 202 с.

5. Рогачев Д.И. Признаки профессионального спорта и основные модели его регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 4. – С. 88–95.
6. Андреева К.А. Конкуренция в спортивных лигах: теоретические подходы // Современная конкуренция. – 2016. – № 2. – С. 5–25.
7. Солнцев И.В., Осокин Н.А. Использование североамериканского подхода в управлении спортивными лигами в России: опыт Континентальной хоккейной лиги // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 172–181.
8. Parrish R. The birth of European Union sports law // Entertainment Law. – 2003. – № 2. – P. 20–39.
9. FIFA Statutes. May 2022 Edition. – URL: https://digitalhub.fifa.com/m/3815fa68bd9f4ad8/original/FIFA_Statutes_2022-EN.pdf (дата обращения: 11.12.2023).
10. The European Model Of Sport Consultation Document Of Dg X. – URL: http://ec.europa.eu/sport/documents/library/doc248_en.pdf. (дата обращения: 11.12.2023).
11. Зуев В.Н. Глобальные институты регулирования: учеб. – М.: Инфра-М, 2016. – 572 с.
12. Буянова М.О. К вопросу о предмете спортивного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 1. – С. 158–174.
13. Байбеков Р.Р. Спортивные лиги в России и за рубежом: признаки и особенности правового регулирования // Российский юридический журнал. – 2022. – № 6. – С. 135–143.
14. Право спортивных федераций на проведение любительских мероприятий решили узаконить. – URL: https://www.pnp.ru/politics/pravo-sportivnykh-federaciy-na-provedenie-lyubitelskikh-meropriyatiy-predlozhili-uzakonit.html (дата обращения: 6.12.2023).

Professional Sports League as a Special Subject of Sports Legal Relations

Asadullin M.R.
Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to the analysis of the legal status of the league as a special subject of sports legal relations. Attention is drawn to foreign experience: the North American and European models are evaluated. It is revealed that the North American model is characterized by: the ordering of the sports and economic strength of clubs; a small share of the participation of sports federations as regulators of sports (both national and international). The European model sports league is distinguished by a pyramidal structure, at all levels of which there is unification and subordination of the execution of decisions, the discrepancy between the sports and financial levels of clubs. In Russia, there are both North American and European models for the formation of a sports league. It is noted that the amount of authority associated with the organization of sports events depends on the type of sports league. It is concluded that the sports league is a special subject of sports legal relations, which performs the function of an organizer of sports competitions on a professional basis, has commercial rights to the competition, the scope of which is established by an agreement on the delegation of rights concluded with the All-Russian sports Federation.

Key words: professional sports league, legal organization of competitions, organizational and legal form, delegation of authority

УДК 340, 347

Принцип недопустимости злоупотребления правом

Ахметьянова З.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Шакиров И.И.
Студент юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы исследования аргументируется конституционными основами обеспечения законности осуществления прав и свобод человека и гражданина, что составляет основу требования добросовестности при осуществлении субъективных прав и нормативного закрепления запрета нарушения прав и свобод других лиц при их реализации. Отраслевые исследования предполагают качественное и позитивное изложение критериев недопустимости злоупотребления правом. Данная риторика традиционно рассматривается с позиций истории и теории права и исключает вообще какую-либо возможность злоупотреблять субъективными правами как при реализации таковых, так и при их защите в гражданском или уголовном судопроизводстве. Однако практика высвечивает несколько иную правоприменительную проблему: не всегда принцип самостоятельного и беспрепятственного осуществления субъективных прав, являющийся одним из базовых в праве, безупречно действует и применяется при разрешении юридических дел. В исследовании показано значение добросовестности субъекта права при реализации им своих субъективных прав, а также высказаны идеи реального воплощения этой нравственно-правовой концепции.

Целью настоящего исследования является выявление и формулирование фундаментальных теоретических основ меры свободы субъектов права при реализации ими своих возможностей, которая не абсолютна, имеет определенные пределы, выход за которые превращает такое поведение в правонарушение. Именно этими позициями определяются задачи исследования: обозначить составляющие рассматриваемого правового принципа, показать негативные социальные последствия злоупотребления правом, а равно аргументировать значимость фундаментальных ценностей гражданского общества и недопустимости развития роста числа правонарушений при реализации субъектами принадлежащих им прав.

Методы исследования базируются на всеобщем (диалектическом) методе познания, а также на общенаучных и специально-юридических методах научного анализа.

Научная и практическая значимость работы состоит в том, что показано значение принципа недопустимости злоупотребления правом, который в условиях максимально возможной свободы реализации участниками общественных отношений принадлежащих им субъективных прав

и тем самым создающей иллюзию их безграничности, позволяет обозначить границы, пределы, препятствующие возможным злоупотреблениям со стороны таких лиц. В исследовании на основе историко-философского, формально-логического и компаративистского подходов при анализе критериев недопустимости злоупотребления правом показана взаимосвязь принципа недопустимости злоупотребления правом с иными принципами права.

Ценность проведенного исследования и научная новизна выражается в теоретико-правовом и философском обосновании необходимости и целесообразности применения принципа недопустимости злоупотребления правом с учетом его универсальности. Именно этот принцип оптимально сочетается с принципами законности, гуманности и справедливости, что обеспечивает его превентивное и социальное назначение, а также во взаимодействии с принципом беспрепятственного осуществления субъективных прав и недопустимости произвольного вмешательства в осуществление управомоченным лицом своего права позволяет участникам общественных отношений разумно и эффективно реализовывать и отстаивать свои субъективные права.

В качестве основных результатов исследования можно обозначить аргументацию и обоснование значимости и целесообразности применения принципа недопустимости злоупотребления правом как при реализации участниками общественных отношений принадлежащих им прав, так и при осуществлении их защиты. По результатам исследования сформулированы соответствующие выводы: необходимо дальнейшее совершенствование механизма реализации принципа недопустимости злоупотребления правом, который предполагает следующие направления: во-первых, создание единой нормативно-правовой основы для межотраслевого применения данного принципа; во-вторых, изучение правовых последствий злоупотребления правом с целью предотвращения возможных злоупотреблений при осуществления субъективных прав всеми участниками общественных отношений.

Ключевые слова: субъективное право, злоупотребление правом, правовой принцип, принцип недопустимости злоупотребления правом

Принцип недопустимости злоупотребления правом, как и любой другой принцип права, – это система, состоящая из определенных элементов, позволяющих глубже раскрыть значение этого правового принципа. По нашему мнению, такие элементы представляют собой определенные идеи и отдельные принципы, синтез которых позволяет объяснить и сформулировать суть такого правового явления.

Под злоупотреблением правом понимаются действия субъектов правоотношений, совершаемые формально в рамках предоставленных им субъективных прав, но с нарушением пределов их осуществления, то есть это заведомо недобросовестное осуществление субъективного права. По мнению М.М. Агаркова, это «поведение лица, которое не переходит очерченных законом границ, но переступает границу, которая будет расценена судом по соответствующему делу как правильная» [1, с. 426]. Основная специфика злоупотребления правом состоит в том, что действия субъекта формально опираются на принадлежащее ему право, однако при конкретной его реализации они приобретают такую форму и характер, что это приводит к нарушению прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Под принципом недопустимости злоупотребления правом понимаются главные правовые идеи, которые, являясь самостоятельными структурными элементами этого принципа, отражают отдельные аспекты данного явления в совокупности, выражают его содержание [2, с. 776–777]. В них фиксируются объективные закономерности возникновения и реализации правоотношений, опосредованные государством и получившие свое материальное воплощение в соответствующих правовых нормах.

Идеи-принципы, характеризующие сущность принципа недопустимости злоупотребления правом, по своему характеру являются нормативными, общезначимыми и обязательными и содержат ряд требований, обращенных к каждому участнику общественных отношений.

Ведущей идеей, лежащей в основе рассматриваемого правового принципа, является идея добросовестности реализации субъектом принадлежащего ему субъективного права (п. 3 ст. 1 ГК РФ). В соответствии с ней признается недопустимым осуществление права в противоречии с его назначением; безнравственное или нецелесообразное осуществление субъективного права; причинение вреда

лицу, обществу, государству в процессе реализации субъективного права.

Благодаря этой идее сформулирован еще один тезис, составляющий моральную основу рассматриваемого правового принципа: все частные права должны соответствовать всеобщему благу. Осуществление прав и исполнение обязанностей должно отвечать принципам доверия. В этой связи неслучайна взаимосвязь между юридическим принципом недопустимости злоупотребления правом и моральными принципами доверия и добрососедства, которые издавна лежали в основе общечеловеческих взаимоотношений между людьми. Принципы права – такие социальные явления, непосредственно связывающие содержание права с его социальными основами – теми закономерностями общественной жизни, на которых данная система построена [3, с. 9].

Слово «принцип» в переводе с латинского означает буквально основу, первооснову, руководящую идею, исходное положение какого-либо явления. Как верно отмечается в литературе, еще римские авторы обращали внимание на то, что «принцип есть самая важная часть всего» [4, с. 158].

В философском значении принцип есть теоретическое обобщение наиболее типичного, констатирующее и выражающее закономерность, положенную в основу познания [5, с. 31] вообще или в основу какой-либо области знания. По мнению А.Л. Вязова, принципы – это «основные понятия, позволяющие объединить законы и категории той или иной научной дисциплины в единую систему знаний» [6, с. 24].

Кроме того, необходимо обратить внимание и на такую существенную особенность принципа права, как его закрепление в тексте статей нормативных правовых актов.

При любом подходе, а тем более при анализе принципа недопустимости злоупотребления правом, которым следует руководствоваться при реализации субъективного права, этот принцип выражается в определенной системе идей, рельефно показывающих специфику средств, способов и форм упорядочения, организации общественных отношений [7, с. 58–59].

Детализирующие идеи-принципы, являясь содержательными компонентами, образуют принцип недопустимости злоупотребления правом. В основе данного принципа лежит идея о недопустимости осуществления права без наличия на это соответствующего интереса управомоченного субъекта, то есть осуществления права, не направленного на удовлетворение потребностей носителя этого права. С этой идеей связан принцип недопустимости использования таких форм реализации субъективного права, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права. К примеру, пределы осуществления гражданских прав обозначены в ст. 10 ГК РФ, в соответствии с которой не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, совершение действий в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной в соответствии с п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

С принципом недопустимости злоупотребления правом тесно связан и принцип взаимной ответственности.

В публично-правовых отношениях, возникающих между человеком и государством, этот принцип следует рассматривать как детализирующий, производный от принципа недопустимости злоупотребления правом [8, с. 8]. В настоящее время в большинстве демократических государств он закреплен законодательно.

В середине прошлого столетия принцип недопустимости злоупотребления правом нашел законодательное закрепление в конституциях многих государств, а также и в актах международного права. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в ст. 29 устанавливает, что при осуществлении своих прав и свобод человек должен испытывать только такие ограничения, которые установлены законом исключительно с целью надлежащего признания и уважения прав и свобод и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общественного благополучия в демократическом обществе.

Некоторые авторы, анализируя структуру принципа права, различают в ней идеи и требования принципа. В научной литературе такая структура подчас изображается в виде иерархии элементов, в которой детализирующие принципы – верхний уровень, а требования – нижний, вторичный элемент [9, с. 40–41].

Будучи конституированными в качественно определенную систему, вышеуказанные требования образуют своеобразную структуру, показывают ее содержательные элементы и способы их взаимосвязи. Это, следует полагать, не единственная плоскость анализа, связанного с системно-структурным подходом к содержанию принципа права.

Требования воплощаются, находят свое выражение в диспозициях норм права, то есть в нормах, обладающих классической структурой (гипотезой, санкцией и диспозицией). Это, в свою очередь, заставляет исследователей, занимающихся вопросами принципов права, подробнее остановиться на исследовании сущности этого принципа [10, с. 195]. Однако глубокое и всестороннее изучение принципа

недопустимости злоупотребления правом необходимо проводить в контексте анализа юридической природы принципа права в целом.

Различие между принципами права и правосознания невелико и не антагонистично, хотя оно все-таки является и служит идейным источником формирования новых принципов права, правотворчества и правосудия. Критерий различия достаточно четкий. Принципы права общезначимы, нормативны и обязательны, их осуществление гарантировано государством, они имеют уже прочно сложившиеся экономические, политические, моральные устои [11, с. 32]. Правосознание же охватывает новые правовые требования к законодателю в части принятия законов, внесения изменений в действующее законодательство и собственно к поведению участников общественных отношений, которое должно регулироваться этими законами. Правосознание не могло бы исполнить такой роли, если бы не шло впереди действующих юридических установлений и если бы его принципы не содержали в некоторых случаях более адекватные действительности положения или не выражали назревшие общественные потребности более мобильно, чем уже сложившаяся правовая система.

Как показывает анализ правовых норм, принцип недопустимости злоупотребления правом в ряде случаев имеет вполне конкретное юридическое воплощение в сфере реализации прав и обязанностей (ст. 10 ГК РФ). В других же ситуациях он сформулирован в виде декларации, носит, скорее, отвлеченный характер и не является прямым и непосредственным руководством к действию. Пожалуй, это один из немногих правовых принципов, обладающий таким бинарным характером в сфере правореализации.

Следует заметить, что рассматриваемый принцип уже давно нашел закрепление в законодательстве некоторых государств. Так, Конституция Японии (1947 г.) в ст. 12 декларирует, что субъект должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений правами и свободами и несет ответственность за использование их в интересах общественного благополучия. В ст. 67 Конституции Союзной Республики Югославии (1992 г.) указывалось, что злоупотребление правами и свободами человека и гражданина антиконституционно и наказуемо. В ст. 7 Гражданского кодекса Испании 1889 г. оговаривается, что закон не охраняет злоупотребление правом или антисоциальное осуществление этого права [12, с. 203].

Принцип недопустимости злоупотребления правом пронизывает нормы гражданского, уголовного, административного и других отраслей права. Поскольку им охватывается достаточно широкий круг правоотношений, он пронизывает нормы практически любой отрасли права, поскольку в каждой из них есть нормы, наделяющие участников правоотношений субъективными правами и юридическими обязанностями.

Основной целью принципа недопустимости злоупотребления правом является обеспечение нормальной жизнедеятельности общества и каждого человека. Такое свойство принципа права, как нормативность, по отношению к принципу недопустимости злоупотребления правом выражается в том, что при осуществлении субъективного права уполномоченный субъект не должен своими действиями причинять вред другим участникам правоотношений, третьим лицам. Он должен осуществлять свое право осмотрительно, добросовестно.

Принцип недопустимости злоупотребления правом определяет дух правореализации, ее характер. Безусловно, в основе правореализации должны лежать объективная потребность в реализации нормы права, наиболее оптимальный способ достижения поставленных целей в результате этой деятельности, достижение таких результатов от правореализации, которые в более или менее одинаковой степени удовлетворяли интересы всех участников общественных отношений.

Требования добросовестности и разумности при осуществлении субъективного права, лежащие в основе принципа недопустимости злоупотребления правом, служат универсальными рамками (пределами) реализации субъективных прав.

Доказывать общественную и социальную значимость данного принципа достаточно просто в силу юридической природы злоупотребления правом, при котором очевидны негативные общественно вредные последствия такого поведения. Этот принцип имеет и прямое действие, поскольку в ходе рассмотрения юридических споров в суде данный принцип может напрямую применяться в ходе их разрешения [13, с. 196–197]. Лицу, злоупотребляющему своим субъективным правом, может быть отказано в юридической защите.

Правовым принципом может быть только такое положение, которое не противоречит другим принципам права и правовой защиты, юридической практике. В этой связи можно привести пример из судебной практики Франции, где в ходе судебного разбирательства судьи пришли к выводу, что действие принципа недопустимости шиканы (разновидности злоупотребления правом) не ограничивается сферой имущественных прав. Он также применяется и в области прав личных. Так, к примеру, во Франции недопустимой признается диффамация – разглашение сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица, причем как ложных, так и соответствующих действительности [14, с. 127]. Соответствующие нормы предусматривает и действующее российское законодательство (ст. 152 ГК РФ).

В ходе правореализационной деятельности принцип недопустимости злоупотребления правом взаимодействует со многими другими принципами, и прежде всего, с принципами законности, справедливости, гуманизма. Взаимодействует он также с принципом беспрепятственного осуществления субъективных прав и недопустимости произвольного вмешательства в осуществление управомоченным лицом своего права, с правилом «разрешено все, что прямо не запрещено законом», иными основными началами, сформулированными в ст. 1 ГК РФ.

Таким образом, принцип недопустимости злоупотребления правом является своеобразным «индикатором», характеризующим степень демократизма и правовой защищенности граждан и других участников общественных отношений. Данный принцип отражает важную закономерность общественной жизни, он делает возможным вероятное определение меры свободы при осуществления субъектом своего права, а следовательно, и уровень правовой защищенности субъекта перед государством и другими участниками общественных отношений.

Подобно любому правовому принципу, в основе принципа недопустимости злоупотребления правом лежит ведущая идея, определяющая сущность и содержание этого принципа. Таковой является идея добросовестного осуществления субъективного права, не причиняющего вреда другим участникам общественных отношений. Другой идеей, наполняющей сущность и содержание рассматриваемого принципа является идея о невозможности охраны (защиты) законом антисоциального варианта осуществления субъективного права.

Литература:

1. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424–436.
2. Чубукин Р.А. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в гражданском праве Российской Федерации // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2022: сб. материалов конф.: в 2 т. Т. 1. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-тет им. М.В. Ломоносова, 2022. – С. 776–779.
3. Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 15 с.
4. Карташев В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 158–166.
5. Григорян Г.В. Философские основания принципа недопустимости злоупотребления правами // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1 (28). – С. 27–35.
6. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном российском праве и правопонимании: теоретико-правовое исследование: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2001. – 155 с.
7. Родионова Ю.Е. Принцип недопустимости злоупотребления правом: теоретические аспекты // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Межд. науч. конф. памяти проф. Ф.М. Рудинского / Под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Рязань, 2017. – С. 58–60.
8. Савельева О.А. Недопустимость злоупотребления правом как новый принцип государственного контроля и надзора в РФ // Отечественная юриспруденция. – 2022. – № 1 (49). – С. 6–11.
9. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. – 252 с.
10. Матвеева Е.С. Отражение принципа недопустимости злоупотребления правом в материальном и процессуальном праве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 194–199.
11. Иванцов Р.Л. Принципы советского права: дисс. … канд. юрид. наук. – Ленинград, 1988. – 218 с.
12. Гражданские и торговые кодексы зарубежных стран: сборник законодательства. Современное зарубежное частное право: учеб. пособие / Под ред. С.Н. Медведева. – Ставрополь, 1999. – 412 с.
13. Герцен Т.В. Принцип недопустимости злоупотребления правом // Синергия Наук. – 2022. – № 77. – С. 194–200.
14. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. – М.: Белые Альвы, 1996. – 400 с.

The Principle of Inadmissibility of Abuse of Law

Akhmetyanova Z.A., Shakirov I.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the research topic is argued by the constitutional principles of ensuring the legality of the exercise of human and civil rights and freedoms, which from the basic of the requirement of good faith in the exercise of subjective rights and the normative establishment of the prohibition of violating the rights and freedoms of other persons in their implementation. Industry research requires a qualitative and positive presentation of the criteria for the inadmissibility of abuse of rights. This rhetoric is traditionally viewed from the perspective of history and theory of law and generally excludes any possibility of abusing subjective rights, both in the implementation of such rights and in their defense in civil or criminal proceedings. However, practice highlights a slightly different law enforcement problem: the principle of independent and unimpeded exercise of subjective rights, which is one of the basic ones in law, does not always function flawlessly and is applied when resolving legal cases. The study shows the importance of the good faith of the subject of law when he exercising rights, and also expresses ideas for the real implementation of this moral and legal concept.

The purpose of this study is to identify and formulate the fundamental theoretical foundations of the measure of freedom of subjects of law when they realize their capabilities, which is not absolute, has certain limits, beyond which such behavior turns into an offense. It is these positions that determine the objectives of the study: to identify the components of the legal principle under consideration, to show the negative social consequences of abuse of law, as well as to argue for the importance of the fundamental values of civil society and the inadmissibility of the development of an increase in the number of offenses when subjects exercise their rights.

Research methods are based on the general (dialectical) method of cognition, as well as on general scientific and special legal methods of scientific analysis.

The scientific and practical significance of the work lies in the fact that it shows the importance of the principle of inadmissibility of abuse of law, which, in conditions of the maximum possible freedom for participants in social relations to exercise their subjective rights and, thereby creating the illusion of their limitlessness, allows us to identify boundaries and limits that prevent possible abuses from such persons. The study, based on a historical-philosophical, formal-logical and comparative approach, when analyzing the criteria for the inadmissibility of abuse of law, shows the relationship of the principle of the inadmissibility of abuse of law with other principles of law.

The value of the research and scientific novelty is expressed in the theoretical, legal and philosophical justification of the need and expediency of applying the principle of inadmissibility of abuse of law, taking into account its universality. It is this principle that is optimally combined with the principles of legality, humanity and justice, which ensures its preventive and social purpose, and also in interaction with the principle of unhindered exercise of subjective rights and the inadmissibility of arbitrary interference in the exercise by an authorized person of his right allows participants in public relations to intelligently and effectively implement and defend your subjective rights.

The main results of the study include the argumentation and justification of the significance and expediency of applying the principle of inadmissibility of abuse of rights both when participants in social relations exercise their rights and when protecting them. Based on the results of the study, the corresponding conclusions were formulated: it is necessary to further improve the mechanism for implementing the principle of inadmissibility of abuse of law, which involves the following directions: firstly, the creation of a unified regulatory framework for the cross-sectoral application of this principle; secondly, the study of the legal consequences of abuse of law in order to prevent possible abuses in the exercise of subjective rights by all participants in social relations.

Key words: subjective right, abuse of right, legal principle, principle of inadmissibility of abuse of right

УДК 342.72/.73

Особенности конституционных гарантий основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Гатауллин А.Г.
Доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ибятов И.М.
Аспирант кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В доктрине права высказано множество мнений о конституционных гарантиях защиты прав и свобод человека и гражданина, которые выступают одним из основных условий их обеспечения, однако и в настоящее время возникают проблемы при изучении данного института. Так, актуальным на сегодняшний день продолжает оставаться выявление сущности данной категории, а также исследование видов гарантий прав человека, поскольку до сих пор в науке конституционного права не выработано их единой классификации. В связи с изложенным целью и задачами работы выступили установление содержания и видов конституционных гарантий прав человека на основе анализа действующего законодательства и мнений ученых-правоведов. Научная новизна заключается в основанном на актуальном законодательстве РФ и современной судебной практике раскрытии содержания конституционных гарантий основных прав и свобод человека и гражданина. При этом при постижении сущности конституционных гарантий прав человека в России была аккумулирована классификация их видов, которая может стать вспомогательной базой в дальнейших научных изысканиях. В результате продемонстрированы меры по обеспечению прав человека и гражданина в РФ, сделан вывод о том, что понятие конституционных гарантий прав человека включает в себя необходимые условия и механизмы для их соблюдения и реализации, в том числе общегосударственные и специализированные юридические гарантии. Были выделены особенности обеспечения различных видов конституционных прав и свобод: личных, политических, социально-экономических. Установлено, что конституционные гарантии направлены на обеспечение безукоризненного исполнения государством своих обязанностей при реализации прав гражданами. Определены категории конституционных гарантий прав человека, включая различные виды защиты прав и свобод: конституционную, государственную, судебную и личную. Раскрыто, что эффективное обеспечение конституционных прав возможно лишь путем взаимодействия государства и индивида.

Ключевые слова: права человека, гарантии прав человека в России, конституционные гарантии, классификация гарантий прав человека, юридические гарантии, общие гарантии, специальные гарантии

Исследование темы обеспечения прав человека и гражданина хорошо проработано в юридической литературе, однако данная проблематика продолжает привлекать внимание исследователей и в настоящее время. Указанные вопросы изучались не только в период советской эпохи, но и в современном российском праве. Отсутствие однозначного определения понятия «гарантии» приводит к разногласиям при исследовании их структуры и классификации. Для лучшего понимания сути понятия необходимо в первую очередь определить концепцию гарантий прав человека и гражданина. В.И. Даль, например, трактует гарантию как «ручательство, обеспечение и заверение» [1].

Гарантии прав человека и гражданина подразумевают обеспечение граждан возможностью пользоваться своими правами и свободами в соответствии с законами. Для этого требуется, чтобы государство в лице своих органов выполняло свои обязанности. Оно создает благоприятные условия для реализации прав и свобод человека и гражданина, предоставляя собой способы и приемы их осуществления.

Гарантии, установленные государством, создают положительную среду для деятельности человека и гражданина. Однако их реализация зависит от воли и желаний самих граждан. Поэтому в доктрине права существуют разные точки зрения на гарантии: одни рассматривают их как часть правовой системы, другие – как самостоятельные стандарты.

Как отмечал А.С. Мордовец, «гарантии представляют собой комплекс социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных условий и средств, обеспечивающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов» [2]. Таким образом, гарантии являются основой системы, включающей различные условия для удовлетворения потребностей человека, что позволяет государству выполнять свои обязанности по обеспечению этих потребностей.

Для более глубокого понимания гарантий необходимо прояснить их цель и предмет. По мнению А.В. Зарицкого, «гарантии касаются общественных отношений, связанных с защитой прав индивида и с удовлетворением его интересов» [3].

Для полного восприятия гарантий следует проанализировать их классификацию, поскольку она позволяет рассмотреть данное понятие со всех сторон. В юридической науке гарантии делятся на общие и специальные, их содержание раскрывается с учетом конкретных обстоятельств, влияющих на юридическую реальность.

Общие гарантии охватывают определенные условия, такие как политические, экономические или духовные, которые обеспечивают реализацию прав человека и необходимы для того, чтобы требования индивида к обществу не были лишь формальными. Например, общими гарантиями является ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, которая закрепляет, что в Российской Федерации признаются и обеспечиваются права и свободы человека и гражданина с учётом универсальных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией РФ [4]. Правоведы называют такие гарантии «материальными».

Специальные гарантии требуют определенных условий и основ. Например, для социально-экономических гарантий Конституция РФ гарантирует свободу законной экономической деятельности, поддерживает конкуренцию и защищает равенство всех форм собственности (ст. 8, ст. 34 Конституции РФ) [4].

Н.В. Витрук, И.Е. Фарбер и Б.С. Эбзеев рассматривают социально-экономические, политические и идеологические гарантии как общие, в то время как юридические гарантии, вытекающие из нормативных правовых актов, они относят к специальным гарантиям [3]. Под политическими же гарантиями понимается развитие гражданского общества с целью создания условий для достойного существования человека. Сюда относятся меры, направленные на улучшение всей политической системы.

Некоторые авторы подчеркивают важность духовных гарантий, которые должны способствовать созданию условий для развития свободы мировоззрения личности и формирования ее духовных и нравственных ориентиров.

Встречается также деление гарантий на организационные, связанные с деятельностью государственных и общественных организаций в области законодательной и правоприменительной практики, а также контроля и других процедур.

В научных кругах продолжаются споры относительно классификации организационных гарантий. Так, Н.В. Витрук считает, что они автономны как общие и юридические, В.А. Патюлин утверждает, что они являются частью общих гарантий, другие исследователи, например, А.П. Иванов и Д.М. Чечот включают их в юридические гарантии.

Юридические гарантии включают в себя установление прав и свобод человека в нормативных актах, которые осуществляются через правоохранительную деятельность государства. По мнению Е.А. Козловой, все правовые меры реализации и защиты прав индивида выступают юридическими гарантиями [5]. Н.В. Витрук также считает, что юридические гарантии представляют собой закрепленные в законодательстве средства, которые непосредственно обеспечивают законную реализацию, защиту и охрану прав [6].

Действующая Конституция РФ 1993 г. в гл. 7 подчеркивает важность демократических принципов в сфере судопроизводства, особенно касательно человеческого отношения к лицам, подвергающимся юридической ответственности в судебном порядке [4].

Эти принципы, закрепленные в Конституции РФ, развиваются и осуществляются через законодательство, которое раскрывает права и свободы граждан.

Правоведы считают, что юридические гарантии включают нормы и институты процессуального и материального права, которые требуются для защиты субъективных прав личности и определения ее юридического статуса.

Согласно В.В. Петрову, эффективное действие юридических гарантий возможно только при абсолютном соблюдении принципа соответствия гарантии, этот принцип подчеркивает, что для самих юридических гарантий необходимо обеспечение гарантий от государства, принятие соответствующих нормативных правовых актов [7]. Однако это кажется недостижимой идеей.

В своих исследованиях В.С. Нерсесянц отмечает, что понятие правового государства существует только на бумаге, поскольку законы и нормы, включенные в Конституцию РФ, не являются реальными, существующими в жизни, гарантиями прав и свобод [8]. Поэтому идеальной моделью действия юридических гарантий является правовое государство.

Важно отметить, что не все нормы всегда гарантируют полное исполнение прав и свобод человека, а также их защиту при нарушении. Законодательство предусматривает систему гарантий, которая начинает действовать после проверки работы соответствующими органами. Только в этом случае конституционные положения о прямом действии прав и свобод человека и гражданина будут строго соблюдаться. Права и свободы определяют смысл и применение законов, работу законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и, в свою очередь, обеспечиваются судебной защитой.

Интерпретируя юридические гарантии как систему инструментов для защиты прав и интересов, их можно разделить на три основные категории: 1) гарантии охраны прав человека, 2) гарантии защиты прав и 3) организационные гарантии, упомянутые ранее [9].

Согласно Н.В. Витруку, гарантии охраны прав включают в себя установленные законом пределы прав и законных интересов, юридические факты, связанные с их реализацией, процедурные формы реализации и защиты прав, а также меры по стимулированию правомерного и инициативного осуществления этих прав, включая применение методов контроля и надзора для предотвращения нарушений прав личности [6]. Гарантии защиты прав человека включают в себя обеспечение права на защиту, восстановление нарушенных прав, возмещение ущерба и меры ответственности, закрепленные в законодательных актах.

Понятие гарантий часто ассоциируется с концепциями «социальной защиты», «правовой защиты», «системы обеспечения», «условий», «факторов» и иногда может приобретать более широкое или, наоборот, узкое значение. Примером могут служить законодательные акты в области правоохранительной деятельности.

Так, положения Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» [10] и Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закона РФ «О статусе судей в РФ») [11] предусматривают гарантии социальной и правовой защиты для лиц, осуществляющих правосудие. Например, к социальным гарантиям относят обязательное страхование судей, выплаты в пенсионный фонд и фонд государственного социального страхования, а ответственность за сопротивление, угрозы или насилие в отношении судей является формой правовой защиты.

В данном случае гарантии играют ключевую роль в обеспечении социальных прав. По содержанию статей указанных нормативных правовых актов термин «гарантии» кажется выходящим за рамки внимания законодателя и сводится к условиям через содержание юридической ответственности, то есть к мерам государственного принуждения.

Гарантии можно также классифицировать по видам отраслей права, которые реализуются через соответствующие нормативные правовые акты. Таким образом, они могут быть разделены на конституционно-правовые, административно-правовые, административно-процессуальные, гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, финансово-правовые, трудовые, семейно-правовые, земельно-правовые, экологические, международные и другие гарантии.

Исходя из области применения, гарантии могут быть разделены на внутригосударственные и международные, в зависимости от юридического статуса личности – на общие, специальные и индивидуальные.

Об общих и специальных гарантиях уже упоминалось выше, индивидуальные же гарантии объединяют в себе набор мер и условий различного характера: организационного, процедурного, материального, правового и других, которые обеспечивают исполнение прав личности в конкретных жизненных обстоятельствах на основе закона. Часто законодатель формулирует индивидуальные гарантии как целостный институт, например, институт гарантий личной безопасности судьи (например, положения ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации») [11].

Стоит обратить внимание, что любая классификация является условной, поскольку гарантии могут рассматриваться с различных точек зрения – юридической или социально-экономической. Поэтому, исходя из широкого понимания, конституционные

гарантии включают нормы, установленные в законодательстве, которые являются неотъемлемой частью Конституции РФ и защищают правовую систему от произвольных изменений законов государства [12].

Конституционные гарантии в узком же понимании представляют собой методы и инструменты защиты своих прав, которые прописаны и действительны в сфере права [12].

Конституция Российской Федерации в ст. 71 устанавливает, что регулирование прав и свобод человека и гражданина полностью принадлежит к компетенции Российской Федерации [4]. Это обеспечивает общий юридический статус для всех граждан, проживающих на территории России.

Гарантом обеспечения прав и свобод человека и гражданина, согласно российскому законодательству, является Президент России. Под его руководством действует Совет по развитию гражданского общества и правам человека, целью которого является «оказание содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина и содействие развитию институтов гражданского общества» [13]. Кроме того, для защиты прав и свобод граждан была создана должность Уполномоченного по правам человека в России, который осуществляет свою деятельность в соответствии с Федеральным конституционным законом [14]. Значительную роль в обеспечении прав и свобод человека играют Конституционный Суд РФ, одной из целей деятельности которого выступает защита основных прав и свобод человека и гражданина [15], а также другие судебные органы.

Разбирая классификацию конституционных гарантий, можно выделить определенную систему способов их реализации. Они включают в себя судебные, внесудебные (исполнительную и законодательную власть), общественные и личные способы. Судебная защита прав является ключевой в этой системе, так как судебная власть играет важную роль в защите прав и свобод человека. Ее функция заключается в предотвращении незаконных и необоснованных ограничений прав и свобод граждан.

Законодательство Российской Федерации гарантирует всем гражданам право на обращение в суд для защиты своих прав и свобод от любых действий органов публичной власти, общественных объединений и должностных лиц. В случае исчерпания внутренних юридических механизмов можно обратиться за защитой прав и свобод человека к межгосударственным органам в соответствии с международными соглашениями. Кроме того, установлено, что никому не может быть отказано в праве на судебное разбирательство в соответствии с законом.

Каждый человек имеет право на защиту своих интересов и никакие ограничения не должны помешать ему достигать справедливости. Граждане России имеют возможность обратиться за помощью к государственным и муниципальным органам для защиты своих прав и свобод. Это дает возможность каждому обращаться как индивидуально, так и коллективно, чтобы противостоять произволу и давлению.

Помимо обязанности государства защищать права и свободы граждан, каждый человек имеет право самостоятельно защищать свои интересы с использованием всех законных средств. Существует множество методов самозащиты, включая обжалование действий чиновников, обращение к СМИ, привлечение правозащитных организаций и общественных объединений. Граждане также имеют право приобретать определенные виды оружия (такие как охотничье, газовое и другое) для защиты своих прав. Однако использование оружия разрешено лишь в случаях крайней необходимости для самозащиты и защиты собственности, при соблюдении строгих ограничений (в том числе запрет на применение оружия в отношении женщин, инвалидов и несовершеннолетних, за исключением случаев нападения вооруженных групп). При применении оружия с нанесением телесных повреждений требуется немедленно уведомлять правоохранительные органы. Гарантиями является и то, что условия получения оружия также подчинены строгому контролю [16].

Поэтому темой исследований в правовой доктрине остается понимание конституционных гарантий. Например, Ю.И. Гревцов предлагает создание различных гарантий для последовательного осуществления основных конституционных норм [17].

Необходимо учитывать, что формулировки и положения нормативных актов имеют различные варианты из-за обширной базы русского языка. Например, ч. 5 ст. 29 Конституции РФ прямо говорит, что гарантируется свобода массовой информации [4].

Некоторые люди просто указывают на объект охраны, например, ст. 35 Конституции РФ, которая говорит о том, что закон защищает право частной собственности [4]. Представляется, что использование формулировки «гарантируется» привлекает больше внимания, чем «каждый имеет право» или «каждый вправе», однако это не означает, что какие-то гарантии превалируют над другими, поскольку закрепление в Конституции РФ указывает на невозможность их игнорирования [18].

Стоит упомянуть и то, что Конституция Российской Федерации устанавливает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, что является неотъемлемой частью любого демократического общества. Права людей не могут рассматриваться как абсолютные, поскольку живем мы в обществе и реализуем их только в контексте общественных отношений.

Ограничения прав и свобод человека и гражданина допустимы только на уровне федерального

закона и лишь в тех случаях, когда это необходимо для защиты основ конституционного строя, морали, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также для обеспечения обороны и безопасности государства (ст. 55 Конституции РФ). В связи с этим запрещается распространение материалов, которые могут провоцировать расовую или национальную ненависть, также запрещено распространение порнографии, а также данных, способных нанести ущерб интересам обороны и безопасности государства. Закон может запретить въезд или проживание в определенных районах страны, если имеется серьезная угроза для жизни и здоровья населения. Также закон защищает права и интересы граждан от действий тех, кто злоупотребляет своими правами и свободами. Кроме того, Конституция РФ предусматривает возможность временных ограничений прав и свобод в чрезвычайных ситуациях, устанавливая при этом границы и сроки их действия (ст. 56 Конституции РФ).

Соответственно, можно сделать вывод о том, что гарантии прав остаются одним из ключевых элементов юридической доктрины, определяющим взаимоотношения между человеком, гражданином и государством. Однако для полной реализации конституционных прав человека необходимо системное взаимодействие, так как только юридические или экономические средства недостаточны.

К сожалению, в современном обществе встречаются случаи игнорирования и нарушения Конституционных гарантий прав и свобод граждан, что подрывает общественную уверенность в принципах правового государства. Человек, живущий в социально-правовом государстве, ожидает от властей действий по обеспечению его прав, свобод и социальных благ. Однако только усилия государства недостаточны для их реализации, важную роль играет активность самого человека. Конституция РФ стремится повысить самостоятельность гражданина в использовании его прав и свобод, а также сохранить свободный доступ к правосудию. И хотя законодательство развивает принцип гарантированности прав и свобод, все еще существуют пробелы при их достижении, поэтому представляется необходимым обеспечение условий способствующих их восполнению в дальнейшем.

При описании термина «гарантии» следует учитывать его основное свойство – создание условий для обеспечения определенного права. Эти условия должны быть созданы государством через его исполнительные, законодательные и судебные органы, которые непосредственно гарантируют соблюдение норм права, поэтому гарантирование прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, так как человек, его права и свободы признаются высшей ценностью.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / Совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л.В. Беловинский]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
2. Матузов Н.И. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 640 с.
3. Зарицкий А.В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): дисс. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 1999. – 195 с.
4. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации (дата обращения: 02.04.2024).
5. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. – М.: Проспект, 2015. – 578 с.
6. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979. – 207 с.
7. Социалистическое правовое государство: концепции и пути реализации / Под ред. В.С. Нерсесянца, Э.А. Чиркина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 318 с.
8. Нерсесянц В.С. Вопросы правопонимания в контексте прав человека, сложности и противоречия в обеспечении прав человека в национальной, экологической, демографической, миграционной сферах // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 90-91.
9. Конституционное право: учеб. / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Юристъ, 2004. – 605 с.
10. Федеральный Конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 16.04.2022 г. № 1-ФКЗ) // СПС Гарант.
11. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 27.11.2023 г. № 544-ФЗ) // СПС Гарант.
12. Большая Российская энциклопедия в 35 т. / Науч. ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) и др. – М.: Большая росс. энцикл., 2014. – 767 с.
13. Указ Президента РФ от 01.02.2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» (ред. от 19.02.2021) (вместе с «Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека») // СПС Гарант.
14. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2023) // СПС Гарант.

15. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СПС Гарант.
16. Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (в ред. 25.12.2023 г. № 664-ФЗ) // СПС Гарант.
17. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции? // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 94–98.
18. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право РФ: учеб. – М.: Норма, 2007. – 784 с.

Features of Constitutional Guarantees of Fundamental Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Russian Federation

Gataullin A.G., Ibyatov I.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

In the doctrine of law, many opinions have been expressed about constitutional guarantees of the protection of human and civil rights and freedoms, which are one of the main conditions for their provision, however, problems are currently arising when studying this institution. Thus, the identification of the essence of this category continues to be relevant today, as well as the study of the types of human rights guarantees, since so far their unified classification has not been developed in the science of constitutional law. In connection with the above, the purpose and objectives of the work were to establish the content and types of constitutional guarantees of human rights based on the analysis of current legislation and the opinions of legal scholars. The scientific novelty lies in the disclosure of the content of constitutional guarantees of fundamental human and civil rights and freedoms based on the current legislation of the Russian Federation and modern judicial practice. At the same time, when understanding the essence of constitutional guarantees of human rights in Russia, a classification of their types has been accumulated, which can become an auxiliary base in further scientific research. As a result, measures to ensure human and civil rights in the Russian Federation are demonstrated, and it is concluded that the concept of constitutional guarantees of human rights includes the necessary conditions and mechanisms for their observance and implementation, including national and specialized legal guarantees. The peculiarities of ensuring various types of constitutional rights and freedoms were highlighted: personal, political, socio-economic. It has been established that constitutional guarantees are aimed at ensuring the impeccable fulfillment by the state of its duties in the exercise of rights by citizens. The categories of constitutional guarantees of human rights are defined, including various types of protection of rights and freedoms: constitutional, state, judicial and personal. It is revealed that the effective provision of constitutional rights is possible only through the interaction of the state and the individual.

Key words: human rights, guarantees of human rights in Russia, constitutional guarantees, classification guarantees of human rights, legal guarantees, general guarantees, special guarantees

УДК 347.73

К вопросу о принципах финансового стимулирования

Гилязова А.М.
Ассистент кафедры внутренних болезней
Института фундаментальной медицины и биологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что рассматриваются характерные особенности принципов финансового стимулирования. Цель исследования состоит в решении задач социально-экономического развития, в реализации проектов социально-экономической значимости, повышении бюджетной эффективности. По результатам исследования в статье выделены особенности правового регулирования общественных отношений в сфере финансового стимулирования на различных уровнях: федеральном, региональном, местном, что позволило автору сформулировать и раскрыть конституционные и отраслевые принципы финансового стимулирования: законности, гласности, единой финансовой политики, запрета дискриминации, справедливости, развития, эффективного использования экономических ресурсов, комплексности.

Ключевые слова: финансовое стимуривование, законность, принцип гласности, единая финансиовая политика, коплекстность

Рассмотрение вопроса о принципах финансового стимулирования требует раскрытия понятия «финансовое стимулирование». Позиция одних ученых сводится к тому, что «финансовое стимулирование связано с объемом и качеством выполняемой работы либо результатов деятельности» [1], т.е. понятие финансового стимулирования рассматривается как мера поощрения за выполненную работу. Другая группа ученых отмечают, что «для государства цель финансового стимулирования заключается в решении задач социально-экономического развития. Достижение результатов осуществляется посредством создания условий правового, организационного и экономического характера, лежащих в основе любого финансового механизма» [2]. При таком подходе финансовое стимулирование рассматривается как средство (инструмент) достижения поставленных целей, связанных с развитием социально-экономической сферы.

На наш взгляд, понятие «финансовое стимулирование» необходимо отграничивать от понятия «поощрение», рассматриваемого в праве в качестве метода правового регулирования, применение которого требует наличие конкретных юридических фактов (условий) для поощрения [3], например, индивидуального правового акта в виде Указа Президента Российской Федерации о награждении гражданина государственной наградой. В этой связи считаем, что финансовое стимулирование следует рассматривать как правовое средство выполнения государством своих функций, получения прибыли и достижения желаемой цели в социально-экономической сфере.

Говоря о принципах финансового стимулирования, следует выделять конституционные и отраслевые принципы. Рассмотрим следующие конституционные принципы стимулирования.

Конституционный принцип законности вытекает из ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации и означает, что «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Как отмечают В.С. Афанасьев и Н.Л. Гранат, «законность – это принцип, метод и режим реализации норм права, содержащихся в законах и подзаконных актах, всеми участниками общественных отношений» [4]. Н.В. Витрук понятие законности опреде-

ляет в виде «идеи, требования и системы (режима) реального выражения права в законах государства в самом законотворчестве, в подзаконном нормотворчестве» [5]. Иными словами, законность предполагает соответствие поведения субъектов общественных отношений предписаниям правовых норм, т.е. обеспечения правомерного поведения всех их участников [6]. При этом крайне важно «обеспечить правильное применение этого закона на практике, точное исполнение его всеми обязанными лицами» [7].

Соблюдение конституционного принципа гласности вытекает из положений ч. 4 ст. 29 Конституции РФ получать информацию любым законным способом. Данный принцип является важнейшим гарантом обеспечения реализации принципа демократизма законотворчества [8]. Названный принцип является признаком правового государства и гражданского общества [9], его наличие гарантирует доведение до всеобщего сведения законодательных решений, информирование населения об осуществлении органами государственной власти и органами местного самоуправления своих полномочий также в части принимаемых ими законов и других нормативных правовых актов. Принцип гласности также служит основой для осуществления общественного контроля за функционированием публичных органов власти. При этом речь идет не только об осуществлении контроля, но также о возможности народа оказывать влияние на власть в форме, закрепленной законом.

Как отмечает Е.В. Холодная, «открытость и доступность информации, достоверность и полнота информации, своевременность предоставления информации необходимы для обеспечения гласности деятельности органов государственной власти, и отсутствие хотя бы одного из составляющих может негативным образом сказаться на возможности реализации предоставляемых государством прав» [10].

Таким образом, соблюдение конституционного принципа гласности позволяет достичь ожидаемых результатов от реализуемых мер по финансовому стимулированию.

Конституционный принцип единой финансовой политики, т.е. единство финансовой политики на всех уровнях Российской Федерации вытекает из положений Конституции РФ.

Гарантией принципа единства финансовой политики служит ряд положений Конституции РФ, содержащихся в гл. 3 «Федеративное устройство». К примеру, они выражены в запрете на установление таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ч. 1 ст. 74), в возможности введения ограничения перемещения товаров и услуг только в соответствии с федеральным законом, при необходимости обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей (ч. 2 ст. 74), в установлении в Российской Федерации единой денежной единицы – рубля, в закреплении денежной эмиссии за одним органом – Центральным банком Российской Федерации (ч. 1 ст. 75), закрепление одним нормативным актом – федеральным законом системы налогов, общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации (ч. 3 ст. 75).

Конституционный принцип запрета дискриминации вытекает из ч. 2 ст. 19 Конституции РФ и также находит свое выражение в нормативных актах в сфере финансового стимулирования, к примеру, в ст. 24 Модельной конвенции о налогообложении и капитале. Анализ содержания положений указанной Конвенции позволяет говорить о том, что принцип запрета дискриминации (недискриминации) проявляется в рамках действия национального режима или режима наибольшего благоприятствования. Если рассматривать их применительно к вопросу о финансовом стимулировании, то в основном указанные режимы действуют в пределах межгосударственных объединений. Так, разделом XV Договора о ЕАЭС гарантировано предоставление национального режима любым юридическим и физическим лицам, в том числе филиалам и представительствам, учрежденным или созданным на территории Союза, т.е. условия для осуществления хозяйственной деятельности, предоставляемые лицам (включая граждан, индивидуальных предпринимателей, поставщиков и получателей услуг, учредителей, дочерних и прочих контролируемых лицами сторон), должны быть не хуже мер, принятых в отношении лиц своей страны. Примером применения национального режима может служить распространение статуса резидента на иностранные организации, местом управления которыми является Российская Федерация (п. 1 ст. 246.2 НК РФ).

Принцип справедливости. Несмотря на то что данный принцип не нашел прямого отражения в тексте Конституции Российской Федерации, он вытекает из ст. 54 Конституции РФ, где «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет». На принцип справедливости не раз ссылался Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях [11]. Принцип справедливости в сфере финансового стимулирования означает восстановление утраченного вследствие чрезвычайных ситуаций положения хозяйствующих субъектов. Так, в период распространения новой коронавирусной инфекции государством были приняты дополнительные стимулирующие меры, направленные на поддержку хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в наиболее пострадавших сферах. Правительством РФ была предоставлена отсрочка по уплате налогов, авансовых платежей по налогу и страховых взносов субъектам, деятельность которых связана с транспортом, куль-

турой, организацией досуга и развлечений, физкультурой, спортом, туризмом, гостиничным бизнесом, общественным питанием, организаций дополнительного образования, организацией конференций и выставок, предоставлением бытовых услуг населению (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты), здравоохранением, розничной торговлей непродовольственными товарами, производством печатной продукции [12].

Принцип развития вытекает из положений статьи Федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – Закон № 116-ФЗ), который направлен на развитие различных отраслей экономики: обрабатывающих отраслей, высокотехнологичных отраслей, туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции (ст. 3 Закона № 116-ФЗ). Содержание названного принципа сводится к государственному финансированию создания объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур за счет средств бюджетов разных уровней, к примеру, посредством внесения взноса в уставный капитал управляющей компании особой экономической зоны (ст. 6.1 Закона), применение на территориях промышленно-производственных, технико-внедренческих и портовых особых экономических зон таможенной процедуры свободной таможенной зоны (ст. 36). На уровне субъектов Российской Федерации предусмотрена возможность получения субсидии на завершение объектов долевого строительства, инженерно-технической инфраструктуры, социальной инфраструктуры [13], предоставление налоговых льгот участникам свободной экономической зоны [14]. Примером финансового стимулирования сферы образования на местном уровне может служить Приказ Управления образования и науки Липецкой области от 21.09.2020 г. № 1084 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий индивидуальным предпринимателям на возмещение затрат по обеспечению получения дошкольного образования» [15].

Принцип эффективного использования экономических ресурсов отражает степень воздействия финансовой системы на общественное воспроизводство. Финансовое стимулирование предполагает анализ факторов эффективного использования экономических ресурсов (знания [16], труд, земля, капитал при их ограниченности) [17] и выбор оптимальных форм и методов, обеспечивающих в каждом конкретном случае реализацию поставленных целей.

Принцип комплексности (комплексного подхода) означает, что в ходе правового регулирования сферы финансового стимулирования используется совокупность системно взаимосвязанных мер государственной поддержки хозяйственной деятельности. Так, субъектам малого и среднего предпринимательства Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» установлены следующие виды государственной поддержки: финансовая, гарантийная, имущественная, где финансовая поддержка предполагает предоставление субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов малого и среднего предпринимательства; гарантийная поддержка направлена на обеспечение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к кредитным и иным финансовым ресурсам; имущественная поддержка осуществляется в виде передачи во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества, в том числе земельных участков, зданий, строений, сооружений, нежилых помещений, оборудования, машин, механизмов, установок, транспортных средств, инвентаря, инструментов, на возмездной основе, безвозмездной основе или на льготных условиях [18]. В Бюджетном кодексе Российской Федерации для юридических лиц, не являющихся государственными и муниципальными учреждениями или унитарными предприятиями, предоставлена возможность одновременного предоставления как бюджетных инвестиций (ст. 80 БК РФ), так и субсидий (ст. 78 БК РФ).

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что правовое регулирование общественных отношений, возникающих в сфере финансового стимулирования: 1) характеризуется широким арсеналом используемых методов; 2) выстроено на различных уровнях: федеральном, региональном, местном; 3) осуществляется в соответствии с принципами: законности, гласности, единой финансовой политики, запрета дискриминации, справедливости, развития, эффективного использования экономических ресурсов, комплексности.

Литература:

1. Ледовских В.О. Финансовое стимулирование участников агроассоциации // Экономический вестник Российского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. Ч. 2. – С. 140–143.
2. Тараканов В.В., Калашников А.А. Механизм финансового стимулирования инвестиционной деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016. – № 1(34). – С. 98–105.

3. Кокурина О.Ю. Об особенностях правовых поощрений // Научный вестник МГТУ ГА. – 2011. – № 170. – С. 37–43.
4. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. – 478 с.
5. Общая теория права. Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород: Высшая школа МВД, 1993. – 544 с.
6. Долгопят А.О. Понятие и содержание принципа законности // Бизнес в законе. – 2008. – № 4. – С. 242–244.
7. Долгопят А.О. Понятие и содержание принципа законности // Проблемы экономики и юридической практики 2009. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-printsipa-zakonnosti-1
8. Чухвичев Д.В. Законодательная техника: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2008. – 415 с.
9. Иванов К.К. Принцип гласности в российском законотворчестве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-glasnosti-v-rossiyskom-zakonotvorchestve (дата обращения: 02.02.2021).
10. Холодная Е.В. Гласность и открытость как условие законности деятельности органов государственной власти // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1(102). – С. 75–78.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» (ред. от 07.11.2020) (вместе с «Правилами предоставления отсрочки (рассрочки) по уплате налогов, авансовых платежей по налогам и страховых взносов») // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление Правительства Астраханской области от 12 ноября 2019 г. № 431-П «О создании унитарной некоммерческой организации «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства Астраханской области». – URL: https://docs.cntd.ru/document/561615179 (дата обращения: 01.02.2021).
14. Закон от 10.02.2006 г. № 5-ЗРТ «Об установлении налоговой ставки по налогу на прибыль организаций для организаций-резидентов особой экономической зоны промышленно-производственного типа, созданной на территории Елабужского района Республики Татарстан, и особой экономической зоны технико-внедренческого типа «Иннополис», созданной на территориях Верхнеуслонского и Лаишевского муниципальных районов Республики Татарстан» // Республика Татарстан. – 2006. – № 31–32.
15. Документы администрации Липецкой области. – URL: http://deptno.lipetsk.ru/economic_of_educat/subsidii.htm (дата обращения: 09.03.2021).
16. Базылев Н.И., Луцкова Т.М. Знания как экономический ресурс и фактор социального развития // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2010. – № 2 (79). – С. 12–17.
17. Макарова Л.И. К вопросу об ограниченности экономических ресурсов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 6 (388). – С. 19–26.
18. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. – 2007. – № 164.

On the Question of the Principles of Financial Incentives

Gilyazova A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the topic of the article is due to the fact that the characteristic features of the principles of financial incentives are considered. The purpose of the study is to solve problems of socio-economic development, to implement projects of socio-economic importance, and to increase budget efficiency. According to the results of the research, the article highlights the features of legal regulation of public relations in the field of financial incentives at various levels: federal, regional, local, which allowed the author to formulate and disclose the constitutional and sectoral principles of financial incentives: legality, transparency, unified financial policy, prohibition of discrimination, justice, development, effective use of economic resources, complexity.

Key words: financial incentives, legality, the principle of transparency, unified fiscal policy, complexity.

УДК 347.9

Допустимость промежуточных решений в российском арбитражном процессе

Гудков Н.В.
Аспирант кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, руководитель группы контракт-менеджмента АО «ГК «Электрощит» – ТМ Самара»

Современный арбитражный процесс пронизан тенденциями упрощения и ускорения судебных процедур. Их воплощение ставит перед участниками процесса вопросы о возможности вынесения промежуточных решений по требованиям, содержащимся в одном исковом заявлении. В настоящее время такая возможность прямо не урегулирована процессуальным законодательством. Целью исследования является выявление необходимости законодательного закрепления возможности вынесения промежуточных решений. Задачами исследования являются анализ понятия и признаков промежуточного решения и сравнение их со схожими процессуальными конструкциями. В ходе исследования автор соотносит промежуточные решения с выделением исковых требований в отдельное производство и вынесением дополнительных решений. Практическая значимость работы заключается в обосновании возможности вынесения промежуточных решений арбитражными судами. В заключении автор делает вывод о недостаточности регулирования рассматриваемого правового института и необходимости законодательного закрепления возможности вынесения промежуточных решений.

Ключевые слова: судебное решение, промежуточное решение, дополнительное решение, выделение исковых требований

Вопрос о вынесении промежуточных решений арбитражными судами в России не является до конца решенным и остается дискуссионным. Действующее арбитражное процессуальное законодательство не содержит норм, прямо разрешающих вынесение подобных решений, однако тенденции ускорения рассмотрения споров заставляют задуматься о легитимации данного института.

Целью настоящей статьи является установление необходимости и возможности законодательного закрепления конструкции вынесения промежуточных судебных решений арбитражными судами по нескольким требованиям, содержащимся в одном исковом заявлении.

Арбитражное процессуальное законодательство наряду с гражданским не оперирует термином «промежуточное судебное решение». В отличие от АПК РФ в УПК РФ содержится определение промежуточного решения. Под ним понимается любое определение и постановление суда, которым не заканчивается рассмотрение уголовного дела по существу. В цивилистическом процессе похожая характеристика дается судебным определениям, тем не менее говорить о тождественности рассматриваемых постановлений ошибочно.

Под промежуточным решением в науке понимается такой вид судебного постановления, которым разрешается вопрос «сути права, а не размера» [1, с. 380], судебный акт, вынесенный по одному материально-правовому требованию, который может явиться основанием для вынесения решения по другому требованию [2, с. 279-285]. В зарубежных правопорядках возможность вынесения промежуточных решений закреплена процессуальным законодательством (Нидерланды, Англия, Германия, Литва). Российский дореволюционный процесс

также позволял выносить промежуточные решения – суд был вправе отделить вопросы об основаниях возникновения права на возмещение убытков от вопросов о размере присуждаемого взыскания [3, с. 408].

Отмечается, что материальным правом созданы предпосылки для вынесения промежуточных решений. Например, нормы ГК РФ о расторжении договора найма жилого помещения или ст. 352 Кодекса торгового мореплавания, прямо оперирующая термином «промежуточное решение» [4]. Помимо этого, под промежуточными решениями можно понимать решения, вынесенные в защиту интересов неопределенного круга лиц, на основании которых конкретные субъекты могут заявить собственные требования.

Однако даже в приведенных нормах отсутствует единообразный подход к сущности рассматриваемого института, что порождает невозможность правильного его применения.

Необходимость выделения промежуточного решения, связанная с ускорением рассмотрения дела, обусловлена наделением таких постановлений свойствами законной силы судебного решения. Особенно стоит выделить их преюдициальность, поскольку посредством принятия такого решения суд признает право за стороной, тем самым сторона сможет реализовать свои правомочия, которые дает ей это право. Такие правомочия могут содержать как требования об определении размера взыскиваемых денежных сумм, так и иные требования, вне зависимости от того, заявляла ли их сторона в конкретном судебном процессе.

Вынесение промежуточного решения является иллюстрацией некого «поэтапного» рассмотрения дела, когда суд рассматривает заявленные требования в определенном порядке, не переходя к следующему требованию, не разрешив предыдущее. Подобный подход можно рассмотреть на примере признания сделки недействительной и применения мер её недействительности. Для ускорения рассмотрения дела суд может вынести промежуточное решение о признании сделки недействительной, а требование о применении мер недействительности рассмотреть и разрешить отдельно. Попыткой закрепления похожего механизма стало принятие ст. 160 АПК РФ, согласно которой арбитражный суд вправе рассмотреть в разных заседаниях требования об установлении оснований ответственности ответчика и мер ответственности, применяемых к нему [5]. Однако указанная норма не позволяет выносить несколько решений, и разрешение спора по существу будет закреплено единственным решением суда. Представляется, что вынесение промежуточного решения в данной ситуации могло бы способствовать ускорению процесса и расширению действия принципа процессуальной экономии.

Рассматривая возможность вынесения нескольких решений по нескольким заявленным требованиям, невозможно не провести сравнение между концепцией промежуточных решений и институтом выделения исковых требований в отдельное производство. Согласно ч. 4 ст. 130 АПК РФ, выделение требований в отдельное производство допускается до принятия судебного акта, которым дело разрешается по существу. Таким образом, арбитражный суд вправе разделить требования и вынести решения по каждому из них отдельно. Тем не менее при применении данной нормы временной критерий для отнесения таких решений к промежуточным не будет соблюден, поскольку суд должен рассматривать возникшие производства параллельно, а не последовательно, и вынесение решения по одному из требований не будет предпосылкой и основанием для постановления решений по остальным выделенным требованиям [6, с. 252-256].

Спорным вопросом в данном контексте также является возможность применения рассматриваемой процессуальной нормы к определенным исковым требованиям. Например, возможно ли разделить требования по иску о взыскании убытков, причиненных в результате поставки некачественного товара? Рассматривая шире, возможно ли вынести решение только в части признания права нарушенным, а требование о размере взыскание разрешить отдельным судебным актом? Целесообразность таких промежуточных решений подвергается сомнению. К тому же возможность вынесения промежуточных решений не должна нарушать требование полноты судебного решения, в соответствии с которым суд должен рассмотреть и разрешить каждое требование, заявленное истцом [6, с. 32-33].

При допущении возможности вынесения промежуточных решений, которыми не определяется размер присужденного, необходимо разграничить такие решения с дополнительными решениями, предусмотренными ст. 178 АПК РФ. Согласно данной норме, арбитражный суд, принявший решение, до вступления этого решения в законную силу по своей инициативе или по заявлению лица, участвующего в деле, вправе принять дополнительное решение в случае, если: 1) по какому-либо требованию, в отношении которого лица, участвующие в деле, представили доказательства, судом не было принято решение; 2) суд, разрешив вопрос о праве, не указал в решении размер присужденной денежной суммы, подлежащее передаче имущество или не указал действия, которые обязан совершить ответчик [7, с. 199].

Несмотря на схожесть оснований вынесения, дополнительное и промежуточное решения имеют различное назначение. Вынесение дополнительного решения является инструментом для исправления судебных ошибок. Возможность вынесения допол-

нительных решений не позволяет суду выносить решения по каждому требованию отдельно и поочередно. В этом смысле дополнительное решение является для суда маркером его упущений при рассмотрении дела по существу. Промежуточное решение же должно быть инструментом для облегчения процесса и его ускорения и никак не должно быть связано с судебными ошибками.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что промежуточное решение – это не новелла для арбитражного процесса. Его допустимость обусловлена как материально-правовыми требованиями, так и процессуальными предпосылками. Решение, содержащее вывод о признании права нарушенным, но не определяющее размер присужденного, может стать как основанием для заявления новых требования, так и предпосылкой для примирения сторон в вопросе возмещений. Считаем, что АПК РФ должен быть дополнен нормой о возможности принятия промежуточных решений по основаниям, рассмотренным в настоящей работе. С точки зрения юридической техники, это может быть реализовано как введением отдельной статьи, так и изменением ст. 160 АПК РФ путем предоставления суду права не только рассматривать разные требования в отдельных заседаниях, но и выносить по ним отдельные последовательные решения.

Литература:

1. Шварц М.З. К вопросу о видах судебных решений // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Межд. науч.-практ. конф., посвященной памяти Н.А. Чечиной (г. Санкт-Петербург, 9-10 февраля 2007 г.): сб. науч. ст. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. – С. 377–394.
2. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 389 с.
3. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства в 2 т. Т. 1. – СПб. 1875. – 449 с.
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СПС КонсультантПлюс.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС КонсультантПлюс.
6. Мацкевич П.Н. Институт рассмотрения дела в раздельных судебных заседаниях арбитражного суда // Вестник гражданского процесса. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 241–261.
7. Шевченко И.М. О необходимости промежуточных судебных решений в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 4. – С. 30–34.
8. Евстафьев Е.А. Промежуточные и частичные судебные решения: их признание и значимость в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (442). – С. 197–201.

Admissibility of Interim Decisions in the Russian Arbitration Process

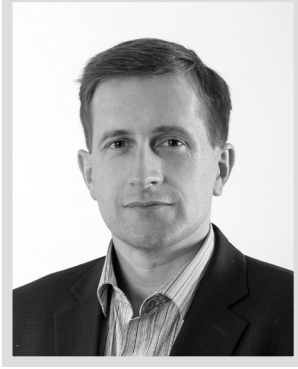
Gudkov N.V.
Samara National Research University,
JSC «GC «Electroshield» – TM Samara»

The modern arbitration process is permeated with trends to simplify and speed up judicial procedures. The implementation of these trends raises questions for the participants of the process about the possibility of making interim decisions on the claims contained in one lawsuit. Currently, this possibility is not directly regulated by procedural legislation. The purpose of the study is to identify the need to legislate the possibility of making interim decisions. The objectives of the study are to analyze the concept and features of an interim decision and compare them with similar procedural constructs. In the course of the study, the author correlates interim decisions with the separation of claims into separate proceedings and the issuance of additional decisions. The practical significance of the article is in substantiating the possibility of making interim decisions by arbitration courts. The author concludes that the regulation of the legal institution under consideration is insufficient and that it is necessary to legislate the possibility of making interim decisions.

Key words: court decision, interim decision, additional decision, separation of claims

УДК 343.92

Проблема криминального насилия в условиях «традиционного общества» дореволюционной России и Советского Союза

Иванов А.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета

Задачи статьи заключаются в анализе насильственной преступности, характерной для дореволюционного общества Российской империи. Рассматриваются типичные виды криминального насилия, причины и условия, их порождающие, влияние «традиционного общества» на общий уровень насильственной преступности, приводятся примеры из судебно-следственной практики. Исследуются некоторые проблемы влияния «традиционного общества» на общеуголовную преступность в СССР.

Ключевые слова: традиционное общество, криминальное насилие, дореволюционное крестьянство, насильственная преступность

«Традиционное общество» представляет собой один из типов существования человеческого общества и характеризуется следующими основными признаками:

1. Основу такового общество составляет сельское население.

2. Общество разделено на сословия (касты, варны и пр.).

3. Пропагандируются идеи коллективизма, отношение к индивидуализму является отрицательным.

4. Традиционное общество обладает «низкой мобильностью», его члены, как правило, всю жизнь остаются в рамках своего сословия.

5. Государственный режим является авторитарным, демократические начала не развиты. Личность главы государства сакрализуется, наделяется «сверхъестественными способностями».

6. Значительное влияние на общество имеют религиозные организации.

7. Общее мировоззрение такого общества определяется народными традициями и авторитетом «старших лиц».

8. Наличие «патриархальной семьи», в которой женщина, относительно мужчины, всегда занимает второстепенную роль. Родители относятся к детям как к своей собственности.

9. Резкое неприятие обществом всего «нового», не вписывающегося в традиционный уклад. Негативное отношение к «чужакам».

10. Невысокие темпы социально-экономического развития, примитивное хозяйство, которое десятилетиями (и даже столетиями) находится на одинаковом уровне.

Традиционное общество господствовало до становления капитализма, буржуазные революции породили новый тип общества – «индустриальный». В настоящее время тип «традиционного общества» сохраняется во многих странах Африки и Ближнего Востока.

Подавляющее большинство подданных Российской империи (далее – РИ) составляли крестьяне, жившие в рамках патриархального общества. Согласно Первой (и единственной) всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 г., доля крестьянского населения составляла 77,5 % от общей численности жителей [1]. Однако значительная часть российского пролетариата фактически оставалась крестьянами, поскольку уезжала в города только «на заработки». Казаки (2,3 % населения РИ) также относились к традиционному обществу. Российское население стало трансформироваться в общество индустриального типа только в 30-е гг. XX в., по-

сле начала сталинской индустриализации. Процесс урбанизации советского общества привел к тому, что к концу 50-х гг. XX в. число горожан и сельчан, практически, сравнялось, а с 70-х гг. большинство советских граждан составляли уже горожане.

Криминальное насилие в патриархальном обществе было широко распространено как в отношении посторонних лиц, так и в отношении своих близких. Например, самосуд над задержанными преступниками представлял собой обыденное явление. Л.Н. Толстой в повести «Фальшивый купон» описывает расправу крестьян над пойманным конокрадом. Крестьянин, убивший конокрада ударом камня, впоследствии «с совершенным спокойствием» поясняет судье, что «мир порешил убить, а я только прикончил. Что ж понапрасну мучить». Обвиняемый относился к совершенному им убийству как к справедливому акту возмездия, в котором участвовала вся крестьянская община. Он «проявил милосердие», лишив жизни вора и избавив его от мучительной расправы [2]. Насилие в крестьянской семье также практиковалось с большой интенсивностью. Дореволюционный русский этнограф и художник О.П. Семёнова-Тян-Шанская в начале XX в. наблюдала за бытом «среднестатистического» российского крестьянина и описала свои наблюдения в отдельной книге [3].

Основными видами криминального насилия у крестьян дореволюционной России были следующие:

1. Насилие, применяемое главой семьи в отношении жены. «В трезвом виде бил редко, в пьяном часто и чем попало... Бьют и палкой, и рогачом (ухват), и сапогами, и ведром...». Разновидностью «семейного насилия» являлось склонение женщин к половому сожительству путем угроз, использования материальной зависимости (например, т.н. «снохачество», т.е. сожительство отца мужа с женой последнего).

2. Насилие, применяемое главой семьи в отношении других взрослых родственников (отца, брата и пр.). «В одной деревне молодой парень убил своего отца оглоблей».

3. Насилие взрослых над детьми. «Отец более бил за воровство, а мать за крик или порчу костюма. Били рукой, кнутом и хворостиной, драли за уши и за вихры». При этом считалось вполне допустимым применение физического насилия к чужим детям для «вразумления».

4. Насилие между крестьянскими детьми. «Драться с другими детьми тоже начал, как только стал на ноги... Что касается до бранных слов, то дети, начиная с самых маленьких, знакомы почти со всем репертуаром крестьянских бранных слов».

5. Насилие, применяемое в отношении посторонних лиц: бытовые драки, самосуды над пойманными преступниками и пр. Домашнее насилие в крестьянской среде отражалось и в народных поговорках: «бей жену к обеду, к ужину опять, без боя за стол не сядь; кто жены не бьет – мил не живет» и пр. [4].

Уровень латентности криминального насилия в дореволюционном крестьянском обществе был высоким. В большинстве случаев потерпевшие лица не обращались в органы власти, так как это противоречило существовавшим традициям. При наличии соответствующих обращений волостные суды, как правило, наказывали виновных в рамках действующего в то время законодательства. Типичными наказаниями для семейных дебоширов являлись штраф, арест и порка розгами. Так, крестьянина Ф., регулярно избивавшего свою жену, волостной суд приговорил к двадцати ударам розгами. Такому же наказанию за аналогичное преступление был подвергнут крестьянин И. Кроме того, суд брал с виновного письменное обязательство о недопущении в будущем подобного поведения [5, с. 76]. Современники представляли эффективность подобного рода обязательств недостаточной и полагали, что они могут оказать обратное воздействие на виновного, лишь «озлобляя» его. Наказания в виде порки по решению суда применялось и к детям за оскорбление или рукоприкладство в отношении родителей. При вынесении судебных решений суд учитывал статус женщины: преступление, совершенное в отношении замужней женщины, каралось строже, чем в отношении девицы или вдовы.

Произошедшие революции и Гражданская война закономерно усилили жестокость «патриархального общества» и склонность его членов к совершению насильственных преступлений. М. Горький в статье «О русском крестьянстве» (1922 г.) приводит пример о том, как крестьянин, явившись в милицию, заявил, что совершил убийство своего соседа из мести за украденную им корову. При этом он спрашивал, какое ему по закону полагается наказание за то, что он присвоил корову убитого. На вопрос о том, какое наказание он ждет за совершенное убийство, крестьянин ответил, что не считает это преступлением, так как «человек теперь дёшев». В другом случае, когда речь шла о жертвах голода 1921 г., писателю ответили, что «вымрут слабые», а оставшиеся в живых от этого только выиграют, так как «освободится земля» [6]. Подобных примеров жестокости и проявления криминального насилия М. Горький в статье приводит достаточно, объясняя «жестокость революции – жестокостью народа». С другой стороны, крестьянское общество терпимо относилось к насилию, происходящему в своей среде, считая его вполне допустимым явлением. Советский писатель П.С. Романов приводит пример, как во время сельского праздника (дело происходило в первые годы Советской власти) толпа крестьян наблюдала за совершением убийства и не пыталась вмешиваться в происходящее. На вопрос сотрудника милиции,

почему они не пытались препятствовать преступлению, крестьяне пояснили, что ошибочно считали произошедшее дракой двух односельчан (на самом деле неизвестный преступник совершил убийство прохожего с целью ограбления). Вмешательство в «чужую драку», согласно неписаным нормам «традиционного общества», считалось недопустимым, так как крестьяне полагали, что если один человек другого «за дело учит», это является их личным делом [7].

Начавшиеся в конце 20-х гг. прошлого века процессы индустриализации и урбанизации СССР привели к преобразованию аграрной страны в страну индустриальную. Десятки миллионов сельских жителей переселились в города. «Традиционное общество» сменило общество «индустриальное». Однако некоторые неизжитые патриархальные традиции способствовали росту уровня криминального насилия у городского населения. Одним из следствий этого явилось возникновение т.н. «казанского феномена», то есть массовой преступности организованных молодежных банд, обладавших четкой структурой и поддерживающих среди своих участников жесткую дисциплину. Казань (как и другие города Татарской АССР) в 1960–1970 гг. стремительно развивалась, превратившись в крупный индустриальный центр со множеством промышленных предприятий и научных учреждений. Одновременно с этим происходило и стремительное увеличение численности населения. Так, если в 1949 г. число жителей Казани составляло около 670 тыс. чел., то уже в 1979 г. в городе родился миллионный житель. В значительной степени подобный прирост населения обеспечивался переездом в Казань сельских жителей. Бывшие сельчане привозили с собой «патриархальные традиции», в том числе, стремление защитить свою территорию от «чужаков», решение проблем путем насилия. Традиционные для дореволюционной деревни бои «деревня на деревню» трансформировались в бои «район на район», «квартал на квартал», «улица на улицу». Негативное влияние на обострение криминальной обстановки оказало отставание городской инфраструктуры от потребностей молодежи: для разумного времяпрепровождения не хватало кружков, подростковых клубов, спортивных секций и пр. Кроме того, в то время еще не существовало «Интернета», посредством которого можно было бы самостоятельно организовать себе досуг с помощью компьютерных игр, участия в «чатах», «блогах». Возрастной состав населения также сыграл неблагоприятную роль: почти половину жителей Казани составляли подростки и люди молодого возраста, не обладавшие достаточным жизненным опытом. В результате совокупности этих и некоторых других факторов (например, формальной работы с молодежью со стороны пионерских и комсомольских организаций) молодежные банды в Казани получили широкое распространение, а «казанский феномен» сохранялся до начала 90-х гг. прошлого века [8].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить следующее. «Традиционное общество» детерминирует криминальное насилие по отношению как к своим членам, так и к посторонним лицам, при этом многие формы такого насилия, с точки зрения самого общества, вообще не рассматриваются в качестве преступлений (побои наносимые мужем своей супруге или детям). В настоящее время наиболее жестокие формы такового насилия сохранятся в странах Ближнего Востока и Африки, например, «побивание камнями» неверных жён. Преобразование «традиционного общества» в общество современного типа способствует снижению бытовой преступности. Например, массовые криминальные эксцессы в современной России, как правило, совершают именно представители «традиционного общества», приехавшие из стран Средней Азии, сохранивших у себя «патриархальный уклад» [9]. Террористические акты в настоящее время также, в подавляющем большинстве случаев, являются результатом действий выходцев из «традиционного общества».

Литература:

1. Первая и последняя: как проходила всеобщая перепись населения Российской империи. – URL: https://rgo.ru/activity/redaction/articles/pervaya-i-poslednyaya-kak-prokhodila-vseobshchaya-perepis-naseleniya-rossiyskoy-imperii/ (дата обращения: 20.03.2024).
2. Толстой Л.Н. Фальшивый купон. – URL: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0302.htm (дата обращения: 22.03.2024).
3. Семенова-Тян-Шаньская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. – URL: http://az.lib.ru/s/semenowatjanshanskaja_o_p/text_1914_zhizn_ivana.shtml (дата обращения: 22.03.2024).
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. Муж – жена. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/73/МУЖ (дата обращения: 24.03.2024).

5. Безгин В.Б. Социальная история российского села конца XIX – начала XX века: гендерный аспект. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2016. – 120 с.
6. Горький М.А. О русском крестьянстве. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/О_русском_крестьянстве_(Горький) (дата обращения: 25.03.2024).
7. Романов П.С. Загадка. – URL: https://poesias.ru/proza/romanov-pantelejjmon/romanov1024.shtml (дата обращения: 26.03.2024).
8. Леденцов М. Казанский феномен. – URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/kazanskiy-fenomen120124/ (дата обращения: 28.03.2024).
9. Массовая драка трудовых мигрантов в Москве попала на видео. – URL: https://moslenta.ru/news/lyudi/massovaya-draka-trudovykh-migrantov-v-moskve-popala-na-video-05-03-2024.htm (дата обращения: 28.03.2024).

The Problem of Criminal Violence in the Conditions of the "Traditional Society" of Pre-Revolutionary Russia and the Soviet Union

Ivanov A.V.
Kazan branch of Russian State University for the Humanities

The objectives of this article are to analyze violent crime characteristic of the pre-revolutionary society of the Russian Empire. Typical types of criminal violence, the causes and conditions that give rise to them, the influence of "traditional society" on the overall level of violent crime are considered, and examples of forensic investigative practice are given. Some problems of the influence of "traditional society" on ordinary crime in the USSR are explored.

Key words: traditional society, criminal violence, pre-revolutionary peasantry, violent crime

УДК 349.2

Корпоративная этика в регулировании трудовых отношений

Кириллова Л.С.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Актуальность темы связана с современной трансформацией трудовых отношений: появляются новые области взаимодействия работника и работодателя, работника и коллектива, которые не укладываются в привычные правовые рамки. Трудовое законодательство пока обходит вопрос личных прав работника стороной, поэтому основную роль правового регулятора берут на себя нормы корпоративной этики. Целью исследования являлась выработка представления о месте и роли норм корпоративной этики в механизме регулирования трудовых отношений. Задачи исследования: рассмотреть понятие «корпоративная этика»; рассмотреть Кодексы корпоративной этики как локальные нормативные акты; изучить Кодексы корпоративной этики организаций реального сектора экономики; проанализировать судебную практику по спорам, связанным с нарушением корпоративной этики. Рассмотренные примеры могут быть использованы при разработке кодексов этики, что обуславливает практическую значимость публикации. По итогам проведенного исследования сделаны выводы, что для того, чтобы нормы корпоративной этики перешли из декларативных норм в правила поведения работников, необходимо принять Кодекс этики как локальный нормативный акт. В этом случае у работодателя будет возможность привлечь работника к дисциплинарной ответственности за нарушение соответствующих норм, вплоть до увольнения.

Ключевые слова: трудовые отношения, корпоративная этика, Кодекс корпоративной этики, локальный нормативный акт, дресс-код, «мягкое право»

Человеческий труд имеет двойственную природу. С одной стороны, человек занимается трудовой деятельностью для создания продуктов и услуг; с другой – в процессе труда он вступает во взаимодействие с людьми, раскрывает свой потенциал, приобретает новые навыки. В связи с этим выделяют экономическую и социальную функцию труда.

Обозначенная черта отражается на предмете трудового права и переплетении в нем экономических и социальных начал. Если на заре своего становления трудовое право преследовало целью защиту экономических интересов (защита экономически слабого работника от экономически сильного работодателя), то в последние годы все большее значение стала приобретать социальная составляющая трудовых отношений.

Происходящие изменения в предмете отражаются на механизме регулирования трудовых отношений. В нем появляются новые регуляторы, которые оказывают воздействие на поведение субъектов трудовых отношений, часто через «мягкое», рекомендательное регулирование [1]. Одним из таких регуляторов выступают нормы корпоративной этики.

Под корпоративной этикой понимают «систему моральных принципов и норм нравственного поведения, а также коллективные ценности, оказывающих регулирующее воздействие на отношения внутри одной организации и на взаимодействия

с другими организациями и деловыми партнёрами» [2, с. 29–30]; «совокупность базовых традиций, норм и правил производственного поведения, сформированных учредителями и собственниками этой компании и совершенствующихся по мере ее развития, которые оказались достаточно эффективными, чтобы передаваться новым членам в качестве правильного образа производственного поведения» [3, с. 154]; свойственные какой-либо конкретной фирме (корпорации) и обязательные для всех ее членов правила и нормы поведения по отношению к внешнему миру и своим сотрудникам [4, с. 98].

Можно вывести следующие ключевые моменты, определяющие сущность норм корпоративной этики:

1) корпоративная этика, представляя собой свод морально-нравственных норм и принципов, создает в первую очередь систему нравственного регулирования трудовых отношений;

2) нормы корпоративной этики затрагивают как внутренние процессы в организации (отношения между членами коллектива, отношения между руководителями и работниками), так и внешние коммуникации (отношения с контрагентами, клиентами, государством и обществом);

3) в формировании норм корпоративной этики могут участвовать как работодатель, так и сами работники. В отличие от локальных правовых норм, в разработке которых работники участвуют опосредованно через учет мнения представительного органа, повлиять на содержание норм корпоративной этики работники могут «напрямую» через принятие или непринятие провозглашенных корпоративных ценностей;

4) если правовые нормы, содержащиеся в локальных нормативных актах, направлены на упорядочивание процесса труда, то нормы корпоративной этики призваны оказывать влияние на социальную сторону трудового процесса, транслировать ценности организации работникам, ориентировать их на единые корпоративные цели и тем самым повышать корпоративную идентичность. Иными словами, локальные правовые нормы отвечают на вопрос, что и как делать, а нормы корпоративной этики – почему следует поступать именно так;

5) эффективная корпоративная этика является инструментом обеспечения интересов сторон трудовых отношений, так как транслирование миссии и ценностей организации позволяет согласовать индивидуальные цели работника с производственными целями работодателя.

Таким образом, под корпоративной этикой можно понимать систему корпоративных ценностей организации, формирующих механизм нравственно-правового регулирования отношений внутри организации и ее взаимодействие с другими организациями и деловыми партнёрами.

Корпоративную этику необходимо отличать от профессиональной этики. Корпоративная этика включает правила, действующие в рамках организации. В свою очередь, профессиональная этика распространяется на представителей конкретной профессии (например, Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. [5]).

Нормы корпоративной этики, как правило, закрепляются в Кодексах корпоративной этики. В некоторых организациях они именуются Правилами корпоративной этики, Политиками по культуре взаимодействия внутри компании, Положениями о корпоративной культуре и др. Потребность в подобных кодексах появилась в связи с тем, что «удовлетворенность трудом и мотивация занятых все в большей мере зависят от того, насколько условия и организация труда совместимы с системой ценностей работников» [3, с. 421]. Устоявшиеся корпоративные нормы могут помочь достичь обозначенных целей, способствуя предсказуемости поведения людей и управляемости человеческими ресурсами. В условиях возрастания автономии работников, ослабления привычных управленческих связей важно, чтобы работники придерживались единой системы ценностей и принципов, принимая решения, исходя из интересов организации и коллектива.

Для того, чтобы нормы корпоративной этики перешли из механизма нравственного регулирования в механизм правового регулирования, необходима их юридизация. Для этого работодателю необходимо принять Кодекс корпоративной этики как локальный нормативный акт.

Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) [6] не предъявляет требования к порядку разработки и утверждения Кодексов корпоративной этики, поэтому работодатель вправе самостоятельно решить, как он будет разрабатывать документ.

В соответствии со ст. 8 ТК РФ, локальные нормативные акты могут разрабатываться тремя способами:

1) работодателем самостоятельно;

2) работодателем с учетом мнения представительного органа работников в случаях, предусмотренных ТК РФ, иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями;

3) работодателем по согласованию с представительным органом работников в случаях, предусмотренных коллективным договором, соглашениями.

Ввиду отсутствия специального законодательного регулирования, Кодексы корпоративной этики должны приниматься с учетом или по согласованию с представительным органом работников только в случаях, предусмотренных коллективными договорами или соглашениями (ч.ч. 2 и 3 ст. 8 ТК РФ).

Если акты социального партнерства подобных указаний не содержат, то работодатель вправе принять Кодекс корпоративной этики самостоя-

тельно. Обычно такое нормотворчество проходит три стадии:

– подготовка проекта локального нормативного акта, которая включает в себя принятие решения о подготовке проекта, выработку текста проекта, согласование проекта с соответствующими службами, доработка проекта;

– утверждение локального нормативного акта руководителем организации (иным уполномоченным лицом или органом) или путем издания распоряжения об утверждении;

– доведение локального нормативного акта до сведения работников. Ознакомление работников с локальными нормативными актами должно происходить под подпись (ст. 22 ТК РФ).

В случае если Кодекс корпоративной этики является не просто декларативным документом, а регламентирует правила поведения работников и предусматривает ответственность за их нарушение, то он является частью правил внутреннего трудового распорядка и должен приниматься с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в порядке, предусмотренном ст. 372 ТК РФ [7].

Содержание Кодекса корпоративной этики определяется работодателем (при необходимости с привлечением иных субъектов), исходя из целей организации. В частности, в нем могут содержаться такие разделы, как:

– корпоративные ценности организации (защита окружающей среды, охрана труда);

– нормы корпоративного поведения (взаимоотношения работников с коллегами, клиентами и т.д., требования к личному поведению работников, правила дресс-кода);

– противодействие коррупции (конфликт интересов, регулирование получения работником подарков, совместная работа родственников);

– раскрытие информации (общение в социальных сетях, коммуникации, обмен информацией);

– механизм применения кодекса (поощрения работников, ответственность за нарушение норм Кодекса).

Примеры таких разделов можно встретить в Кодексах корпоративной этики ПАО «Сбербанк» [8], ПАО «Газпром» [9], Группы «РУСАЛ» [10].

Кодексами корпоративной этики, как правило, регулируются вопросы, оставшиеся за пределами законодательного регулирования. Например, это все, что касается защиты личных неимущественных прав работника [11] (защита права работника на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности, защита права на неприкосновенность частной жизни работника и др.). Как отмечает Л.В. Зайцева, сегодня в российском трудовом законодательстве в принципе отсутствуют реальные механизмы защиты личных неимущественных прав работников [12]. В таких условиях роль основного регулятора могут взять на себя Кодексы корпоративной этики.

Например, один из разделов Кодекса корпоративной этики Группы «РУСАЛ» посвящен обеспечению уважения, достоинства и справедливого отношения. Положения раздела детально раскрываются в Политиках в области прав человека. «Принимая Политику, Группа «РУСАЛ» обязуется выполнять ее положения, а также придерживаться основных ценностей, включая этические принципы и стандарты, зафиксированные в Кодексе корпоративной этики РУСАЛа. При осуществлении деятельности Группа уважает права человека и достоинство Сотрудников, представителей местных сообществ, Деловых партнеров и поставщиков Группы, а также Коренных малочисленных народов» [13]. Работники, права которых были нарушены, могут круглосуточно обращаться в конфиденциальную анонимную службу доверия «СигнAL».

В случае выявления рисков и/или возникновения нарушений в области прав человека Группа оперативно разрабатывает план мероприятий по устранению негативных последствий, а также предпринимает меры по совершенствованию практик обеспечения защиты прав человека.

Если работодатель принял Кодекс корпоративной этики как локальный нормативный акт, который регламентирует правила поведения работников и предусматривает ответственность за их нарушение, то он является обязательным для исполнения работниками. В соответствии с ч. 2 ст. 21 ТК РФ, работник обязан добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором, соблюдать трудовую дисциплина. Дисциплина труда, в свою очередь, определяется ТК РФ, иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором.

Вместе с тем присутствует точка зрения, что к трудовым относятся только обязанности, непосредственно связанные с трудовой функцией работника. Нарушение же норм этики к нарушению трудовых обязанностей не относится [14].

Представленная точка зрения находит отражение в судебной практике. Так, Волгоградский областной суд посчитал, что дисциплинарным проступком могут быть признаны только такие противоправные виновные действия (бездействие) работника, которые непосредственно связаны с исполнением им трудовых обязанностей. Нарушение норм морали и этики в профессиональном поведении выходит за рамки дисциплинарного проступка, в связи с чем работодателем не может быть применена дисциплинарная ответственность к такому работнику [15].

Такие решения – скорее исключение из правил. В большинстве источников разного уровня признается возможность привлечения работника к дис-

циплинарной ответственности за нарушение норм Кодекса корпоративной этики. Проиллюстрируем на примерах.

Одним из распространенных разделов Кодекса корпоративной этики является раздел о дресс-коде. Введение работодателем требований к внешнему виду, стилю или форме одежды работников принципиально не противоречит трудовому законодательству при условии, что такие требования предусмотрены трудовым договором или локальным нормативным актом, с которым работник ознакомлен под подпись [16].

Например, в Кодексе корпоративной этики «Совкомбанка» закреплены следующие требования к дресс-коду: белый верх одежды, в дополнение к нему предусматривается однотонный пиджак, жакет, кардиган черного, темно-синего или синего цвета; однотонные юбки или брюки черного, темно-синего или синего цвета; классическая обувь черного, темно-синего или синего цвета; аккуратная прическа и наличие бейджа с указанием ФИО и должности [17].

При установлении правил дресс-кода может использоваться разная степень конкретизации требований: от общих описательных формулировок внешнего вида до конкретных требований к одежде, прическе, маникюру и т.п. Чем конкретнее требования к внешнему работников, тем меньше риска их неоднозначного понимания при возникновении трудового спора и легче обоснование претензий к работнику.

Так, работнику Е. был объявлен выговор за нарушение трудовой дисциплины, выразившийся в повторном нахождении на рабочем месте в одежде, не соответствующей общепринятому деловому (или корпоративному) стилю, установленного Кодексом этики и служебного поведения работников учреждения. Проверкой, проведенной работодателем, установлено, что Е. систематически находился на рабочем месте в спортивной одежде, что подкреплялось фотографиями. Вдобавок Е. неоднократно игнорировал замечания к внешнему виду, в связи с чем работодатель пришел к выводу о нарушении Е. дисциплины труда. Е. обжаловал привлечение к дисциплинарной ответственности в суде.

Отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции установил, что факт совершения Е. дисциплинарного проступка нашел свое подтверждение. Истец в нарушение условий трудового договора и локального нормативного акта не соблюдал общепринятый деловой стиль одежды, закрепленный Кодексом этики, с которым был ознакомлен под роспись. Суд апелляционной инстанции также указал, что внешний вид истца (жилет спортивного стиля, штаны свободного покроя, спортивная обувь) явно не соответствует таким общепринятым критериям делового стиля, предусмотренным Кодексом этики, как официальность, сдержанность, традиционность. Не поддержал работника и суд кассационной инстанции [18].

Корпоративная этика может предусматривать обязательные требования не только к внешнему виду, но и к состоянию рабочего места работника. В одном из споров работнице выплатили только 80 % премии из-за нарушения Кодекса этики и служебного поведения. Нарушение выразилось в неисполнении обязанности по содержанию рабочего места в чистоте и необходимости его уборки после окончания рабочего дня [19].

Другой пример нарушений норм корпоративной этики, которые могут привести к дисциплинарной ответственности работника, это хамство, грубость, использование ненормативной лексики на работе.

О возможности привлечения работников к дисциплинарной ответственности за грубое поведение говорит Роструд в своем Письме от 14 февраля 2022 г. № ПГ/01665-6-1 О [7]. Ведомство спросили, правомерны ли действия работодателя, который привлек к дисциплинарной ответственности работника за нарушение норм этики делового общения с коллегами. При этом трудовые обязанности работник выполнял надлежащим образом, а требования к деловому общению локальными актами работодателем не закреплены. Ведомство ответило, что с целью улучшения психологического климата в трудовом коллективе работодатель может предотвратить грубость на рабочем месте, утвердив отдельный локальный нормативный акт, предусматривающий правила поведения работников в организации и их ответственность в случае неэтичного поведения (например, положение деловой этики и служебного поведения в организации).

Примеры привлечения работника к дисциплинарной ответственности за грубое поведение на работе можно встретить в судебной практике. Так, работница обратилась в суд с иском о признании незаконным и подлежащим отмене приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности. Поводом для привлечения работницы к дисциплинарной ответственности стало ее некорректное поведение во время проведения собеседования, выразившееся в оскорблении кандидата на трудоустройство и коллег, которые были названы «подлыми тварями». Согласно Правилам внутреннего трудового распорядка организации-ответчика, работники обязаны проявлять взаимную вежливость, уважение, терпимость, соблюдать трудовую дисциплину, профессиональную этику; сотрудники, независимо от должностного положения, обязаны проявлять вежливость, уважение, терпимость как в отношениях между собой, так и в отношениях с клиентами и посетителями. Также в организации действовал Кодекс этики и служебного поведения работников, в соответствии с которым в служебном поведении сотрудник должен воздерживаться от грубости, проявлений пренебре-

жительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений. Суды признали приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности законным. При этом были отклонены доводы кассационной жалобы о том, что нарушение норм морали и этики выходит за рамки дисциплинарного проступка [20].

Проблема привлечения работников к дисциплинарной ответственности за грубое поведение на работе – в оценочном характере нарушаемых норм. Например, в рассматриваемом выше примере к работникам предъявлялись требования проявлять взаимную вежливость, уважение, терпимость. Подобные требования можно встретить и в иных кодексах этики. Вместе с тем мало кто раскрывает, что именно следует понимать под «вежливостью», «уважением» и т.п., а ведь содержание указанных корпоративных ценностей может носить субъективный характер. Поэтому, как и в случае с дресс-кодом, регулируя пределы допустимого поведения работника, рекомендуется отказаться от неоднозначных оценочных категорий, конкретизировав, какие именно действия работника считаются недопустимыми. Для примера: в Кодексе корпоративной этики ПАО «Сибур» работникам рекомендуется воздерживаться от любого вида высказываний и действий дискриминационного характера; действий, которые носят характер или могут быть восприняты как сексуальные домогательства; грубости, использования пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний, предъявления неправомерных, незаслуженных обвинений; угроз, оскорбительных выражений или реплик, действий, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение; распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство работников и подрывающих их репутацию [21].

Не все нарушения Кодекса корпоративной этики могут повлечь возможность привлечения работника к дисциплинарной ответственности.

В некоторых случаях максимально возможное «наказание» для работника – общественное воздействие. В этом случае норма будет носить рекомендательный характер и влечь правовые последствия в виде позитивного стимулирования соответствующего поведения работников [22]. Рекомендательный характер также будут носить нормы, реализация которых важна с точки зрения интересов организации, но закрепление которых в качестве обязательных ущемляет права работника.

Примером подобного правила может служить запрет «служебных романов». Опасность подобной ситуации обусловлена следующими причинами:

1) риск конфликта интересов, в частности, если речь о романах между руководителем и подчиненным;

2) риск разглашения коммерческой тайны;

3) репутационные риски работодателя;

4) ухудшение психологического климата и разрушение этико-моральных ценностей в коллективе.

В зарубежной практике известны случаи расторжения трудовых договоров по причине служебных романов. Так, в 2019 г. CEO «Макдоналдс» и *Intel* были уволены из-за служебного романа; в 2005 г. глава *Boeing* был вынужден подать в отставку по этой же причине; в 2012 г. директор *Best Buy* ушел из компании после того, как стало известно о его близких отношениях с сотрудницей [23]. В РФ закрепление запрета на служебные романы в локальном акте может быть признано ухудшающим положение работника. Подобные отношения не являются публичными и относятся к частной жизни лица, которая не может быть объектом обсуждения без согласия гражданина. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 24 Конституции РФ).

Способом предотвращения близких отношений среди сотрудников может стать закрепление соответствующих рекомендаций. В этом случае обеспечение должного поведения будет происходить не за счет угрозы привлечения к ответственности, а за счет приверженности корпоративному духу и корпоративным ценностям.

Наличие в Кодексах корпоративной этики норм рекомендательного характера позволяет отнести их к источникам «мягкого права». Акты мягкого права «формально не относятся к источникам права, не содержат юридически обязательных положений, подкрепленных санкциями, но имеют некоторую юридическую значимость (иногда существенную) и иногда – правовые последствия» [24, с. 172]. Благодаря рекомендательному характеру, нормами корпоративной этики могут регулироваться отношения, которые находятся за пределами правового регулирования. Данный факт позволяет уменьшить «зоны неопределенности» и создать единообразные ориентиры приемлемого поведения.

Таким образом, наблюдающаяся гуманизация изменяет облик современных трудовых отношений. Работники имеют иные социальные оценки того, как должна выглядеть работа и какое место она должна занимать в жизни человека. Они стремятся играть основную роль в создании конечного продукта и достижении результатов компании, получать новые возможности для реализации своих способностей. Важной составляющей становится автономия в принятии решений, когда работник должен иметь определенную свободу при исполнении работы, самостоятельно ставить цели и задачи и контролировать результат. Поэтому работодатели, понимая происходящие изменения, уделяют большое внимание построению корпоративной культуры и сегодня регулирование трудовых отношений осуществля-

ется наряду с правовыми нормами также нормами корпоративной этики. Подобные нормы также могут носить обязательный характер и подлежат соблюдению работниками как основы качественного выполнения трудовых обязанностей.

В условиях борьбы за ценные кадры и конкурентной заработной платы именно корпоративная этика может стать тем решающим фактором, который позволит обеспечить длительные трудовые отношения с работником.

Литература:

1. Щербакова О.В. Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – 33 с.
2. Зеленина Т.Р. Корпоративная этика как основа организационной культуры // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 73-7. – С. 29–33.
3. Человеческий капитал в модернизации России: Институциональный и корпоративный аспекты. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 416 с.
4. Зайцев Г.Г. Корпоративная этика и ее роль в формировании высокой эффективности производства в современных условиях // Экономика нового мира. – 2016. – № 4. – С. 97–108.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2003. – № 3.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
7. Письмо Роструда от 14.02.2022 г. № ПГ/01665-6-1 // Нормативные акты для бухгалтера. – 2022. – № 12.
8. Кодекс корпоративной этики и делового поведения ПАО Сбербанк. – URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/redirected/com/ethics_interactive/ (дата обращения: 15.04.2024).
9. Кодекс корпоративной этики ПАО «Газпром». – URL: https://www.gazprom.ru/f/posts/60/091228/2014-02-25-codex-of-corporate-ethics-2022-09-20-edit-2023.pdf (дата обращения: 15.04.2024).
10. Кодекс корпоративной этики ОК РУСАЛ. – URL: https://rusal.ru/press-center/press-releases/Кодекс%20корпоративной%20этики%202023.pdf?ysclid=luu9enf4dv353817841 (дата обращения: 14.04.2024).
11. Кириллова Л.С. О личных неимущественных правах работника // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1. – № 2 (101). – С. 107–114.
12. Зайцева Л.В. Границы свободы выражения мнения в трудовых отношениях: российская практика в контексте решений Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. – 2019. – № 4 (32). – С. 87–102.
13. Политика в области прав человека ОК РУСАЛ. – URL: https://rusal.ru/sustainability/approaches/Политика%20в%20области%20прав%20человека.pdf?ysclid=lv1d52ieyj652479351 (дата обращения: 16.04.2024).
14. Бекетова Н.А. Неэтичное поведение сотрудника: как справляться с грубиянами и хамами // Кадровик-практик. – 2023. – № 1.
15. Определение Волгоградского областного суда от 12 июля 2023 г. № 33-7646/2023 // СПС Консультант Плюс.
16. Письмо Роструда от 18.03.2021 г. № ПГ/04981-6-1 // Бюджетные организации: акты и комментарии для бухгалтера. – 2021. – № 5.
17. Кодекс корпоративной этики ПАО «Совкомбанк». – URL: https://prod-api.sovcombank.ru/upload/policy/9/6190dc763e80b.pdf (дата обращения: 15.04.2024).
18. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 г. № 88-1532/2021 по делу № 2-1474/2020 // СПС Консультант Плюс.
19. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 г. по делу № 88-7163/2023 // СПС Консультант Плюс.
20. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2022 г. № 88-17408/2022 по делу № 2-978/2022 // СПС Консультант Плюс.
21. Кодекс корпоративной этики ООО «СИБУР» и Предприятий ПАО «СИБУР Холдинг». – URL: https://www.sibur.ru/upload/iblock/696/ax40d6sqbbmgk5z24a62bemnsm6cqghq.pdf (дата обращения: 13.04.2024).
22. Богуславская К.Ю. Взаимодействие норм права и норм морали в правовом регулировании трудовых отношений: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Барнаул, 2006. – 23 с.
23. Казнить нельзя: можно ли запрещать служебные романы и чем это грозит. – URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/392077-kaznit-nelzya-mozhno-li-zapreshchat-sluzhebnye-romany-i-chem-eto-grozit?ysclid=ln95itz8zf930061176 (дата обращения: 10.04.2024).
24. Демин А.В. «Мягкое право» в системе социального регулирования // Вопросы правоведения. – 2014. – № 1. – С. 149–174.

Corporate Ethics in the Regulation of Labor Relations

Kirillova L.S.
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan branch of Russian State University for the Humanities

The relevance of the topic is related to the modern transformation of labor relations: new areas of interaction between employee and employer, employee and team appear that do not fit within the usual legal framework. Labor legislation has so far ignored the issue of an employee's personal rights, so the main role of the legal regulator is assumed by the norms of corporate ethics. The purpose of the study was to develop an idea of the place and role of corporate ethics in the mechanism for regulating labor relations. Research objectives: to consider the concept of "corporate ethics"; consider Codes of Corporate Ethics as local regulations; study the Codes of Corporate Ethics of organizations in the real sector of the economy; analyze judicial practice on disputes related to violations of corporate ethics. The considered examples can be used in the development of codes of ethics, which determines the practical significance of the publication. Based on the results of the study, it was concluded that in order for the norms of corporate ethics to move from declarative norms to rules of employee conduct, it is necessary to adopt the Code of Ethics as a local normative act. In this case, the employer will have the opportunity to bring the employee to disciplinary liability for violating the relevant standards, up to and including dismissal.

Key words: labor relations, corporate ethics, code of corporate ethics, local regulations, dress code, "soft law"

УДК 343.97

О деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий

Михайлова И.А.
Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

Лимарь А.С.
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина

Гилаев Р.И.
Оперуполномоченный отделения уголовного розыска отдела полиции
Главного управления МВД России по Красноярскому краю (Красноярск)

Цифровые технологии, лежащие в основе современных общественных отношений, сменили традиционный формат государственных программ. Телекоммуникационные технологии, с одной стороны, позволяют сократить организационные, временные, финансовые, кадровые и иные издержки, повышают доступность и качество услуг, оказываемых с применением подобных технологий, создают основу для аккумуляции персональных, коммерческих, государственных и иных данных, охраняемых законодательством Российской Федерации. Однако внедрение в различные сферы общественных или публичных отношений новых технологий закономерно порождает развитие преступности в данной области. Как следствие, деятельность правоохранительных органов по противодействию цифровой преступности выступает актуальным направлением современной правоохранительной политики.

Целью статьи является исследование мер предупреждения преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Авторами проведен анализ мероприятий, осуществляемых подразделениями МВД, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности Российской Федерации по противодействию таким преступлениям. Определены ресурсы, используемые правоохранительными органами для противодействия киберпреступлениям, выявлены некоторые проблемные вопросы предупреждения и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности, мошенничества, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По результатам исследования авторами предложены меры по совершенствованию системы противодействия киберпресту-

плениям, которые могут быть использованы для дальнейшей научной разработки данной проблематики, а также в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: информационная безопасность, правоохранительные органы, противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Общественно опасные деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (киберпреступления), представляют серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 61]. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» закреплено, что к числу основных мер обеспечения национальной безопасности в информационной сфере относится, в частности, развитие потенциала правоохранительных органов [2].

Обеспечение информационной безопасности – одно из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов. Однако на заседании Коллегии Генпрокуратуры в 2020 г. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов заявил, что «правоохранительные органы в России практически не могут противостоять киберпреступности, раскрывается лишь 9 % таких преступлений» [3].

Представляется, что одной из основных причин сохранения высокого уровня преступности в сфере IT-технологий является отсутствие в подразделениях МВД России достаточного числа сотрудников, обладающих специальными познаниями в этой сфере.

Методы, способы и средства совершения преступлений с использованием информационных технологий становятся более изощренными [4, с. 55]: используются средства анонимизации и смены фактического IP-адреса, подменные номера телефонов и иные данные для регистрации на интернет-платформах, временные СИМ-карты для мошеннических звонков, а для получения денежных средств от жертвы зачастую используют подставные счета, оформленные на третьих лиц, или вовсе «отмывают» их через виртуальные кошельки. Противодействие таким преступлениям требует высокой квалификации сотрудников, обладающих специальными познаниями в сфере *IT*-технологий.

В «Доктрине информационной безопасности РФ» особое внимание уделяются тому факту, что информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства [4, с. 55]. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению киберпреступлений транснационального характера осложняется тем, что злоумышленник находится за пределами юрисдикции Российской Федерации, а средства шифрования коммуникационной связи выдают соответствующую подменную информацию о фиктивном нахождении преступника.

В целях совершенствования деятельности органов внутренних дел по противодействию указанной группе преступлений в 2022 г. в системе МВД России было создано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации (УБК МВД России) [5].

Помимо органов внутренних дел МВД России деятельность по предупреждению и пресечению преступлений в исследуемой сфере осуществляет Следственный комитет Российской Федерации. В структуре СК РФ действует специализированный отдел по расследованию особо тяжких преступлений международного характера, в том числе связанных с хищениями и вымогательством в сети Интернет.

Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности, совершаемым с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, находится в ведении специализированного Центра информационной безопасности органов ФСБ России, который занимается не только технической защитой компьютерных сетей, но и ведет активную оперативную работу в интернете.

А.А. Кашкаров отмечает, что «предупреждение преступлений экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, должно иметь комплексный характер. Такого рода деятельность не должна основываться исключительно на блокировке интернет-сайтов и страниц в социальных сетях» [6, с. 353].

Функционирование правоохранительных органов, однако, представлялось бы крайне сложным без содействия иных административных ресурсов, осуществляющих контрольно-надзорные и иные функции в телекоммуникационных сетях. Среди них нельзя не отметить систему ГосСОПКА, Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ) и ФинЦЕРТ.

Основной кибертехнологией, позволяющей бороться с киберугрозами современности, является функционирующая государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (далее – ГосСОПКА).

По своей сути, ГосСОПКА – это система сертифицированных отечественных средств и тех-

нологических решений для автоматизированного обнаружения, предупреждения, ликвидации и расшифровки кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры (КИИ) Российской Федерации. Кроме того, ГосСОПКА включает в свой состав программные продукты для обмена информацией и криптографической защиты каналов связи. Превентивная защита субъектов критической инфраструктуры осуществляется не только за счёт непосредственного действия указанных технологических средств и ведомственных сил, реагирующих на инциденты, но и также посредством формирования единой системы обмена информацией о кибератаках между участниками ГосСОПКА.

Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ) обеспечивает координацию деятельности субъектов в рамках государственной системы ГосСОПКА. Аналогичную функцию сбора данных о киберинциденте, их аккумуляции и передачи между правоохранительными службами, но исключительно в финансовой сфере, выполняет ФинЦЕРТ – система информационного обмена между участниками финансового рынка, правоохранительными органами, провайдерами и операторами связи, системными интеграторами, разработчиками антивирусного программного обеспечения и другими компаниями, работающими в сфере информационной безопасности [7].

По вопросам получения цифровых сведений о злоумышленнике, запрашивают данные о провайдере злоумышленника, осуществляется взаимодействие правоохранительных органов с Роскомнадзором, который предоставляет сведения о месте нахождения и персональных данных лица, на чьё имя зарегистрирован домен в сети Интернет (если преступление совершенно, к примеру, на подменном интерне-портале или ином личном сайте злоумышленника). Роскомнадзор также имеет возможность предпринять меры по блокировке сайтов в сети Интернет по требованию правоохранительных служб в случае, если на них содержится информация, противоречащая законодательству Российской Федерации

В государственной системе Российской Федерации внедрены, тестируются и даже действуют в рамках подведомственности Роскомнадзору и ФСБ РФ такие государственные сервисы, а также автоматизированные информационные системы, базирующиеся на технологиях машинного обучения и искусственного интеллекта, как:

1. «Чистый интернет» (сервис автоматизации поиска запрещенного контента, провокационного материала и зарубежной пропаганды).

2. «Бот-ферма» (генерация биографии фейковым аккаунтам и имитация их активности в соцсетях. Боты будут нужны в первую очередь для сбора информации из закрытых групп для пресечения преступлений экстремистской и террористической направленности).

3. «Вепрь» (автоматизированный поиск материалов о терроризме и экстремизме, о критике властей и несистемной оппозиции, пропаганде ЛГБТ, наркомании, уклонении от армии, поиск суицидального материала, оскорбительные арт-акции, зарубежные призывы к свержениям и т.п.).

4. «Окулус» (на основе нейросетей анализирует фото, видео и тексты на сайтах, в соцсетях и мессенджерах на предмет запрещенной информации).

5. «Кабинет оперативного взаимодействия» (система используется для защищенного общения сотрудников Роскомнадзора с силовыми ведомствами – Генпрокуратурой, ФСБ, СК РФ, ФСО, Росгвардией и МВД. В групповых чатах, например, публикуются отчеты о выявленных агитационных и пропагандистских материалах зарубежного характера, а также о готовящихся иностранных цифровых диверсиях, что позволяет службам своевременно отреагировать для устранения кибер- и физических угроз).

Определив ресурсы, используемые правоохранительными органами для предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следует отметить, что современные формы таких преступлений отличаются повышенной экономической опасностью. Онлайн-мошенничество, мошенничество в сети Интернет, интернет-вымогательство и иные преступления такого рода не имеют географических границ, что обуславливает возможность условно совершения преступления в отношении потерпевшего из Московской области лицом, находящимся в ином субъекте РФ. Более того, преступление может вовсе совершаться за пределами Российской Федерации в отношении российских граждан или российскими преступниками в отношении граждан иностранных государств, что осложняет процесс выявления преступления.

Именно поэтому в нынешних условиях борьбы с киберпреступностью к расследованию таких дел должны привлекаться узкоспециализированные следователи, специалисты и эксперты из *IT*-сферы и области технического функционирования компьютерных систем.

Таким образом, сохраняющаяся тенденция роста преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в 2023 г. их зарегистрировано на 29,7 % больше, чем в 2022 г.), свидетельствует о наличии определенных проблем и необходимости совершенствования мер противодействия данным преступлениям.

Следует отметить многообразие форм преступлений в сфере *IT*-технологий: корыстные киберпреступления; идеологические киберпреступления; киберпреступления, ориентированные на дестабилизацию и подрыв государственной или обществен-

ной стабильности; киберпреступления, совершаемые с целью изъятия, изменения, копирования или удаления охраняемых законом сведений; киберпреступления, совершаемые для нарушения нормального функционирования телекоммуникационных сетей и соответствующего аппаратно-программного обеспечения; киберпреступления, посягающие на жизнь и здоровье граждан или ставящие их под угрозу; киберпреступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, направленные на нарушение нормального физиологического и психического развития несовершеннолетних, и другие. Согласно статистическим данным, буквально каждый второй гражданин Российской Федерации сталкивался с мошенничеством в онлайн-среде, больше половины граждан страдало от утечки персональных данных в цифровой среде и порядка 82 % физических лиц сталкивалось с попытками преступных посягательств в сфере телекоммуникационных сетей в целом [8], учащаются случаи несанкционированного вмешательства хакеров и иных злоумышленников в критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, что свидетельствует о всесторонности криминальной проблемы.

В то же время, отмечается низкая раскрываемость преступлений в исследуемой сфере общественных отношений. Одна из причин тому – отсутствие надлежащей техники и технологий [9, с. 86], а также профессиональных кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий на службе в ОВД, которые могли бы расследовать киберпреступления. Ситуация с расследованием киберпреступления значительно осложняется, если сотрудник ОВД сталкивается с преступным посягательством транснационального характера, когда злоумышленник находится за пределами юрисдикции Российской Федерации, или средства шифрования коммуникационной связи выдают соответствующую подменную информацию о фиктивном нахождении преступника. Немаловажная причина низкой раскрываемости преступлений в исследуемой сфере правоотношений – небольшой размер мошеннических хищений в большинстве случаев (от 10 до 30 тыс. руб.), несоизмеримый с теми временными и техническими затратами, которые потребуются сотрудникам ОВД для расследования преступления. Небольшой размер мошеннических хищений, как сдерживающий механизм, срабатывает и у самого потерпевшего, который, осознавая, как долго будет осуществляться расследование и беря во внимание крайне низкий уровень раскрываемости преступлений такого рода, решает не обращаться в правоохранительные службы для защиты нарушенных прав. Как следствие, большинство дел о телефонном или интернет-мошенничестве прекращаются на стадии предварительного расследования, а споры, которые доходят до суда, обычно заканчиваются отказом в удовлетворении иска.

На основании отмеченных актуальных проблем в деятельности органов внутренних дел представляется возможным сформулировать некоторые предложения по совершенствованию действующей системы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере *IT*-технологий:

1. В государственную систему обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы ГосСОПКА внедрить технологию резервирования каналов связи и обеспечить географическое распределение центров обработки данных, благодаря использованию цифровой технологии облачного хранения. Формирование *IT*-инфраструктуры таким способом позволит обеспечить, с одной стороны, единство субъектов критической информационной инфраструктуры, а с другой – их информационную независимость в случае кибератак. Это также позволит обеспечить сохранность данных о киберинциденте для последующего расследования преступления.

2. Одна из проблем противодействия киберпреступности – отсутствие оперативной информации по совершаемым киберинцидентам, так как органы МВД и СК РФ не подключены к системе ГосСОПКА, ФинЦЕРТ и НКЦКИ. Как следствие, указанные правоохранительные ведомства не получают информацию о совершённом киберпреступлении в сфере телекоммуникационных технологий и не могут предпринять меры по проверке данных и расследованию преступления. Предлагается интегрировать ОВД и СК РФ в систему ГосСОПКА, ФинЦЕРТ и НКЦКИ для более эффективного межведомственного взаимодействия по борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникации.

3. В силу отсутствия специальной профессиональной подготовки значительная часть сотрудников ОВД не готова к расследованию преступлений в сфере телекоммуникационных технологий. Объясняется это тем, что действующая образовательная система не ориентирована на подготовку будущих сотрудников ОВД и СК РФ, готовых расследовать узконаправленные компьютерные и иные киберпреступления. Обычно такая подготовка в рамках образовательной программы не является профильной и ей уделяется незначительное время, а сама теоретическая основа подготовки не отвечает реалиям криминогенной обстановки. Современная кадровая политика в ОВД и СК РФ должна быть ориентирована на профессиональную подготовку будущих специалистов вне специализированных отделов по борьбе с киберпреступностью, однако готовых расследовать наиболее типичные формы мошенничества в сети Интернет.

4. Еще одна проблема – слабое техническое и технологическое оснащение непрофильных органов

МВД и СК РФ в рамках борьбы с преступностью в сфере телекоммуникационных технологий. Решение технологического «голода», в частности, и в структуре МВД и СК РФ видится в государственно-частном партнёрстве, где современные компьютерные и информационные технологии для изобличения всех сведений о киберинциденте могут быть разработаны или взяты с учётом служебных модификаций у частных российских компаний, предоставляющих услуги и реализующих продукты телекоммуникационной безопасности. Как следствие, частные цифровые разработки отечественного производства могут быть интегрированы в деятельность правоохранительных органов, что позволит повысить уровень технологической и технической возможности государственных ведомств в борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникационных технологий.

5. Значительная часть преступных киберпосягательств имеет транснациональный характер, поэтому в целях совершенствования системы противодействия таким преступлениям важное значение имеют дипломатические инициативы Российской Федерации по обеспечению международного содействия (информационного, ведомственного, юрисдикционного, технического и технологического, кадрового, методического, научного) с международными структурами стран БРИКС и ШОС, открытых к взаимодействию.

Литература:

1. Яшин А.В., Фролова Т.А. Современные проблемы противодействия киберпреступлениям в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 58–62.
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
3. Генпрокурор РФ заявил о бессилии правоохранительных органов перед киберпреступниками. – URL: https://www.interfax.ru/russia/699548.
4. Антонян Е.А., Бархатова Е.В. Противодействие киберпреступности // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2019. – № 7(64). – С. 54–57.
5. Приказ МВД России от 29.12.2022 г. № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
6. Кашкаров А.А. О некоторых особенностях предупреждения распространения информации экстремистской и иной деструктивной направленности в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 352–357.
7. ФинЦЕРТ: структурное подразделение Банка России. URL: https://www.cbr.ru/information_security/fincert/.
8. 82% россиян сталкивались с попытками мошенничества. – URL: https://nafi.ru/analytics/82-rossiyan-stalkivalis-s-popytkami-moshennichestva/ (дата обращения: 18.04.2024).
9. Акапьев В.Л., Дрога А.А., Савотченко С.Е. Профилактика преступленийв сфере информационных технологий // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 4(40). – С. 84–89.

On the Activities of Law Enforcement Agencies to Counteract Crimes Committed in the Field of Information and Telecommunication Technologies

Mikhailova I.A., Limar A.S.
Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin
Gilaev R.I.
The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnoyarsk Territory

Digital technologies underlying modern social relations have replaced the traditional format of state programmes. Telecommunication technologies, on the one hand, make it possible to reduce organisational, time, financial, personnel and other costs, increase the availability and quality of services provided using such technologies, create a basis for the accumulation of personal, commercial, state and other data protected by the legislation of the Russian Federation. However, the introduction of new technologies

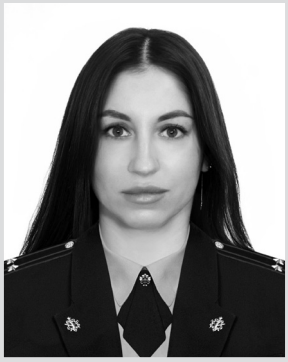
into various spheres of social or public relations naturally gives rise to the development of crime in this area. As a consequence, the activities of law enforcement agencies to counteract digital crime is a relevant area of modern law enforcement policy.

The purpose of this article is to study measures to prevent crimes committed in the sphere of information and telecommunication technologies. The authors have analysed the measures taken by the units of the Ministry of Internal Affairs, the Investigative Committee, and the Federal Security Service of the Russian Federation to counter such crimes. The resources used by law enforcement agencies to counteract cybercrimes are identified, some problematic issues of prevention and investigation of extremist and terrorist crimes, fraud committed with the use of information and telecommunication technologies are revealed. Based on the results of the study, the authors proposed measures to improve the system of countering cybercrime, which can be used for further scientific development of this issue, as well as in the practical activities of law enforcement agencies.

Key words: information security, law enforcement agencies, countering crimes committed using information and telecommunication technologies

УДК 343.847

Критерии достижения целей уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, при их исполнении

Помощикова Н.В.
Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (Рязань)

Актуальность темы исследования обусловлена основными направлениями уголовно-исполнительной политики по совершенствованию эффективности исполнения уголовных наказаний, в частности, без изоляции от общества. Выражением эффективности обозначенной группы наказаний выступает достижение целей, стоящих перед наказанием при его исполнении. Автором с помощью содержательных свойств наказаний, не связанных с изоляцией от общества, определены критерии и показатели достижения целей их исполнения, свидетельствующие об эффективности уголовно-исполнительной деятельности. Сформулирован вывод о том, что обеспечение достижения целей исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, позволяет проследить соотношение между целями в процессе их исполнения и наступившими результатами.

Ключевые слова: цели исполнения наказаний без изоляции от общества, критерии, показатели, рецидив

Изучение вопросов достижения целей исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества имеет важное значение при определении выбора наиболее целесообразных мер воздействия на осужденных для реализации этих целей, совершенствования деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания указанной подсистемы и действующего законодательства.

В научной литературе отмечается, что степень достижения целей исполнения наказаний должна устанавливаться с помощью критериев – определенных измерителей полноты достижения целей [1, с. 15]. Г.А. Злобин, В.И. Плохова по этому поводу отмечали, что проблема выбора критериев является одной из наиболее важных и сложных [1, с. 15; 2, с. 64]. От выбора критериев зависит степень научной достоверности – насколько существование и исполнение какого-либо вида наказания, не связанного с изоляцией от общества, приводит к достижению целей, насколько оно эффективно.

А.Е. Наташев, Н.А. Стручков выделяли две группы критериев в процессе исполнения наказания [3, с. 177]:

1) характеризующие достижение цели исправления осужденных;

2) определяющие реализацию частнопредупредительного воздействия наказания при его исполнении.

Что же касается критериев достижения общепредупредительной цели наказаний, то в данном случае ученые отмечают его наименьшее практическое значение, поскольку наказания без изоляции от общества характеризуются незначительным удельным весом режима и условий отбывания наказания.

Ф.Р. Сундуров полагал, что к критериям исполнения наказания следует отнести совершенство организации исправительного процесса, уровень предупреждения новых преступлений, совершаемых осужденными, степень устрашающего воздействия на осужденного и других граждан [4, с. 72].

Рассматривая обеспечение целей исполнения уголовных наказаний, ряд ученых предлагали выделять критерии достижения отдельных видов наказаний. Так, С.М. Фролова, исследуя исполнение исправительных работ, основным критерием называла отсутствие рецидива преступлений и поведение осужденных после отбывания наказания [5,

с. 131]. Ю.Б. Мельникова, Т.Д. Устинова, кроме рецидива, отмечали процент замены исправительных работ лишением свободы [6, с. 20]. Другие ученые, наоборот, предлагали рассматривать критерии достижения целей исполнения всей системы наказаний в целом (М.Д. Шаргородский [7, с. 64–65]).

И.И. Карпец пришел к выводу, что немаловажное значение имеет сама организация исполнения наказания, что позволяет установить, какие средства исправления используются учреждениями и органами для воздействия на осужденного, как организуется работа по его исправлению [8, с. 21]. Схожего мнения придерживались Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов, отмечая, что совершение преступлений в процессе исполнения наказания является одним из показателей, по которым можно оценивать эффективность или неэффективность не только уголовных наказаний, но и деятельность учреждений и органов, их исполняющих [9, с. 5].

Исследование проблем достижения целей исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, по сравнению с лишением свободы имеет свою специфику, которая, по мнению А.Е. Наташева и Н.А. Стручкова, выражается не только в изучении воздействия наказания на осужденного, но и в выборе основных средств их исправления [3, с. 166].

В соответствии с целями исполнения наказаний степень их достижения может изучаться в следующих направлениях: исправление осужденных, предупреждение совершения ими и другими лицами новых преступлений, восстановление социальной справедливости и обеспечение общественной безопасности.

Учитывая специфические свойства наказаний, не связанных с изоляцией от общества, выраженные в непенитенциарном режиме исполнения и отбывания наказаний, условиях антиизоляции, минимальном по сравнению с лишением свободы объеме репрессий, особых средствах обеспечения непенитенциарного режима и особом порядке применения средств исправления к осужденным [10, с. 214–217], опираясь на представленные точки зрения ученых, позволим себе сформулировать критерии, свидетельствующие о достижении целей исполнения уголовных наказаний обозначенной группы, а также их показатели:

1. Критерии, позволяющие проанализировать реализацию цели исправления осужденных при исполнении наказаний без изоляции от общества. К основным показателям полагаем целесообразным отнести уровень рецидивной преступности в период после отбытия наказания и до снятия судимости. Поясним нашу мысль. Так, Г.А. Груничева, рассуждая о реализации цели исправления преступника, акцентировала внимание на юридическом исправлении [11, с. 88]. Против такого суждения выступила Н.Ф. Кузнецова. Она утверждала, что следует говорить не только о юридическом исправлении осужденного, когда он не совершает нового преступления, а о более сложном явлении – нравственном исправлении, когда ценности человеческого общежития осужденный соблюдает глубоко и осознанно, а не из-за боязни нового наказания [12, с. 23].

Зададимся вопросом: какой период времени целесообразно учитывать при фиксации повторных преступлений среди лиц, отбывших наказание? Данный момент представляется важным с точки зрения оценки достижения целей исполнения уголовных наказаний. В данном случае нам импонирует точка зрения И.В. Шмарова о том, что критерии исправления осужденных имеют условное значение и должны рассматриваться как гипотеза, которая подлежит всесторонней проверке в условиях полной свободы [13, с. 70], т.е. при отсутствии воздействия контролирующего органа на поведение осужденного, отбывшего наказание. Для нашего исследования полагаем разумным определить срок, аналогичный сроку погашения судимости, а именно один год после отбытия наказания.

2. Критерии, позволяющие проследить достижение цели восстановления социальной справедливости, частно- и общепредупредительных целей исполнения наказаний без изоляции от общества. Основными показателями выступают: сведения, характеризующие противоправное и правомерное поведение осужденного в период отбывания наказания, последствия такого поведения; количество направленных в суд представлений о замене неотбытой части наказания более строгим; уровень рецидивной преступности в период отбывания наказания; поведение осужденного, направленное на возмещение вреда, причиненного совершенным им преступлением.

Обратимся к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, в 2023 г. дополнительные ограничения установлены в отношении 14639 осужденных к ограничению свободы, в 2022 г. – 14200 чел. В 2023 г. было заменено наказание на лишение свободы в отношении 55039 чел., в 2022 г. – 57249 осужденных [14]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что осужденными в период отбывания наказания систематически нарушался установленный порядок и условия, в связи с чем они были признаны злостно уклоняющимися от отбывания наказания. Таким образом, частно-превентивная цель в процессе исполнения наказаний без изоляции от общества не всегда достигается.

Нерешенным на сегодняшний день остается вопрос об установлении объективных показателей критериев достижения общепредупредительной цели исполнения наказания. В юридической литературе отмечается, что эта цель может быть достигнута несколькими способами: угрозой от примене-

ния наказания в случае совершения преступления; в ходе судебного разбирательства и назначения виновному наказания; при исполнении наказания, через частное предупреждение [13, с. 84].

Ученые не пришли к единому мнению по вопросу о показателях достижения цели восстановления социальной справедливости. По мнению многих исследователей, основным показателем выступает соотношение количества совершенных преступлений и количество преступлений, за которые виновные лица реально понесли наказание [15, с. 61; 16, с. 89; 17, с. 61]. Рассуждая о реализации цели восстановления социальной справедливости, мы склонны согласиться с позицией И.В. Соколова о том, что прежде всего подразумевается защита прав потерпевшей стороны, а именно: необходимость восстановления как личных имущественных, так и неимущественных прав, а также компенсация ущерба, причиненного обществу и его гражданам [18, с. 175]. В качестве показателей достижения цели восстановления социальной справедливости в результате совершения преступления можно считать возмещение материального ущерба в порядке гражданского производства, моральное удовлетворение потерпевшего от осознания факта наказания виновного.

3. Критерии, содействующие достижению цели обеспечения безопасности общества. Рассуждая об основных показателях, речь идет прежде всего об успешности социализации осужденных, выражающейся в его социальном положении, отношениях с семьей и родственниками, трудоустройстве, а также в поведении осужденного по месту жительства и работы, соблюдении им общественного порядка.

Кроме сформулированных критериев и их показателей, центральное место в проблеме достижения целей исполнения наказаний без изоляции от общества занимает вопрос об условиях, при выполнении которых можно говорить, были ли цели достигнуты, эффективно ли исполнено наказание. В данном случае немаловажное значение имеет организация самого процесса по их исполнению и деятельности учреждений и органов, направленной на исправление осужденного, предупреждение совершения им и другими лицами новых преступлений, восстановление социальной справедливости, что свидетельствует об эффективности исполнения данных видов наказаний.

Об особой роли учреждений и органов, исполняющих наказания, еще в 1960-х гг. говорил А.Л. Ременсон. Ученый писал: «Назначение наказания само по себе, без надлежащей организации его исполнения, не в состоянии выполнить не только специально-предупредительную задачу, но и общепредупредительную» [19].

Большой вклад в изучение эффективности организации деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, внес И.В. Шмаров. Ученый справедливо отмечал, что «от результатов деятельности органов, исполняющих наказание, от того, насколько эффективно они выполняют свои задачи, во многом зависит состояние рецидивной преступности в стране» [13, с. 4].

По нашему мнению, в рамках организации деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции от общества целесообразно прежде всего говорить о своевременности принятия приговора к исполнению, осуществлении надлежащего контроля за осужденными, взаимодействии с общественными организациями, своевременном принятии мер к лицам, нарушившим порядок и условия отбывания наказания, проведении воспитательной и профилактической работы, направленной на предупреждение совершения осужденными новых преступлений.

Литература:

1. Плохова В.И. К вопросу о понятии критериев эффективности уголовного наказания // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. – 1976. – Вып. 49. – С. 14–19.
2. Злобин Г.А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступности. – 1965. – Вып. 1. – С. 50–74.
3. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. – М.: Юрид. лит., 1967. – 190 с.
4. Сундуров Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности / Науч. ред.: Волков Б.С. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. – 216 с.
5. Фролова С.М. Эффективность исправительных работ как вида уголовного наказания, применяемого к несовершеннолетним: дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2013. – 215 с.
6. Мельникова Ю.Б, Устинова Т.Д. Эффективность применения исправительных работ // Советская юстиция. –1986. – № 21. – С. 19–20.

7. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1973. – 160 с.
8. Карпец И.И. Об эффективности уголовного наказания // Социалистическая законность. – 1966. – № 5. – С. 19–23.
9. Ольховик Н.В., Прозументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 160 с.
10. Головастова Ю.А., Помощикова Н.В. Сущность системы уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, при их исполнении // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5(154). – С. 213–219.
11. Груничева Г.А. Эффективность наказания в виде лишения свободы: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 186 с.
12. Курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. Т. 2. – 464 с.
13. Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. – М.: Юрид. лит., 1968. – 183 с.
14. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей 2023 г. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041 (дата обращения: 12.05.2024).
15. Курочка Е.В. Проблемы наказания в уголовном праве России: дисс. ... канд юрид. наук. – Саратов, 2000. – 158 с.
16. Цыденова Е.В. Эффективность уголовного наказания за наркопреступления: на материалах Дальневосточного и Сибирского федеральных округов: дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2006. – 208 с.
17. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью / Под ред.: Никифоров Б.С. – М.: Юрид. лит., 1968. – 255 с.
18. Соколов И.В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания: дисс. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2012. – 252 с.
19. Ременсон А.Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права // Советское государство и право. – 1964. – № 1. – С. 93–99.

Criteria for Achievement of the Goals of Criminal Punishments not Related to Isolation From Society, at their Execution

Pomoshchikova N.V.
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

The relevance of the research topic is due to the main directions of penal policy to improve the efficiency of the execution of criminal penalties, in particular, without isolation from society. The effectiveness of the designated group of punishments is expressed by the achievement of the goals set for the punishment during its execution. The author, using the substantive properties of punishments that are not associated with isolation from society, has identified criteria and indicators for achieving the goals of their execution, indicating the effectiveness of criminal enforcement activities. The conclusion is formulated that ensuring the achievement of the goals of the execution of criminal penalties that are not related to isolation from society allows us to trace the relationship between the goals in the process of their execution and the results achieved.

Key words: goals of execution of sentences without isolation from society, criteria, indicators, relapse

УДК 343.341.2

Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии

Рыбушкин Н.Н.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Дунин О.Н.
Кандидат юридических наук,
ассистент кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии установлена действующим УК РФ с 01.04.2019 г. Толкование данной нормы вызывает трудности у правоприменителя ввиду ее новизны и особенностей юридической техники, используемой при конструировании данного состава, который содержит признаки объективной стороны, закрепляющей скорее признаки субъекта, чем признаки деяния. Целью исследования выступает определение признаков объективной стороны занятия высшего положения в преступной иерархии. Задачами исследования выступают: выявление признаков объективной стороны занятия высшего в преступной иерархии признаваемых таковыми в судебной практике, в доктрине, предложение авторской характеристики признаком объективной стороны данного состава преступления. Объективная сторона занятия высшего положения в преступной иерархии может выражаться только в совершении активных действий, к числу которых могут быть отнесены: урегулирование споров между ОПГ, сбор денежных средств на нужды преступного мира, дача указаний лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: лицо, занимающие высшее положение в преступной иерархии, организованная преступность, вор в законе, положенец

Организованная преступность была и остается одним из серьезнейших вызовов для безопасности общества и государства, а одним из приоритетных направлений противодействия организованной преступности выступает совершенствование уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за различные формы организованной преступной деятельности. Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» Уголовный кодекс РФ был дополнен новой ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [1], которая, с одной стороны, значительно расширила возможности государства по уголовно-правовому противодействию организованной преступности, а с другой – поставила перед теорией и практикой целый ряд принципиально новых вопросов, вызванных к жизни определенным новаторством в юридической технике, примененной законодателем при формулировании рассматриваемой новеллы.

Основанием уголовной ответственности, в соответствии со ст. 8 Уголовного кодекса РФ, является совершение *деяния*, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, и именно в форме деяний сформулированы объективные стороны всех составов преступлений особенной части действующего уголовного закона. Формулировка же «занятие высшего положения в преступной иерархии», по крайней мере, на первый взгляд переносит акцент на *деятеля*, что противоречит целому ряду принципиальных положений, на которых основывается Уголовный кодекс РФ: от основания уголовной ответственности до смещения от психологической теории вины к концепции опасного состояния личности. Комментируя указанный сдвиг, В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков отмечают, что в современных условиях в угоду прагматизму законодатель начинает отходить от традиции, когда «статус (*занятие высшего положения*) становится организующим фактором и приобретает общественную опасность». Раскрывая данное положение, авторы начинают с толкования данной нормы в более традиционном, сглаженном прочтении, перенося акцент на поведение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, отмечая, что такое положение проявляется в управленческой деятельности, выполнении третейских функций и проч., однако в дальнейшем приходят к выводу, что для наступления ответственности достаточно пассивного наличия статуса, обладания реальной возможности оказывать влияние на организованную преступную деятельность [2, с. 467].

Думается, с последним заключением едва ли следует соглашаться, по нашему мнению, потенциальная *возможность* совершения деяния ни в коем случае не может составлять объективную сторону какого бы то ни было преступления, поскольку такая трактовка расширяет основания уголовной ответственности, полностью перечеркивая требования ст. 8 Уголовного кодекса РФ.

Следующая проблема, вытекающая из признания наличия одного лишь статуса в качестве достаточного основания уголовной ответственности, – проблема с определением времени совершения деяния и обратной силой уголовного закона, следствием подобной трактовки выступает признание преступным наличие статуса занятия высшего положения в преступной иерархии, который мог быть приобретен задолго до вступления в силу ст. 210.1 Уголовного кодекса РФ.

На появление в российском уголовном законе ст. 210.1, по всей видимости, оказал влияние грузинский опыт противодействия воровскому сообществу. В 2006 г. в Уголовный кодекс Грузии была внесена ст. 223.1, которая установила уголовную ответственность в том числе за следующее деяние: пребывание лица в положении «вора в законе» [3]. Примечательно, что представители воровского сообщества, несмотря на декларируемый принцип отказа от сотрудничества с правоохранительными органами, пытались в судебном порядке оспаривать конституционность уголовно-правового запрета. Однако Европейский суд по правам человека не обнаружил противоречий между ст. 223.1 УК Грузии и нормами международного права [4].

Определенные трудности у специалистов уголовного права вызывает толкование самой категории «высшее положение в преступной иерархии», поскольку данный термин относится к категориальному аппарату скорее криминологии, чем уголовного права. С.Д. Белоцерковский напрямую относит к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии «воров в законе»[1], помимо них в преступную иерархию, по его мнению, включаются «положенцы» и «смотрящие» [5, с. 13]. С.В. Кондратюк же и вовсе определяет занятие высшего положения не в качестве статуса, а в качестве определенной процедуры «подготовки и проведения собрания (воровской сходки), на котором претенденту присваивается статусное положение в преступной иерархии» [6, с. 10].

Толкование ст. 210.1 УК РФ невозможно без уяснения содержания категорий «вор в законе», «положенец», «смотрящий». Воры в законе представляют собой специфическую категорию профессиональных преступников, обладающих высоким уровнем влияния в преступном мире. Важнейшим отличительным признаком лиц данной категории выступает то обстоятельство, что источником их авторитета выступает не принадлежность к конкретной ОПГ, а личностные качества, проявленные, как правило, в процессе отбывания наказания в виде лишения свободы и признаваемые иными представителями профессионального преступного мира. Статус вора в законе первоначально присваивается в результате «воровского подхода», то есть признания лица в качестве вора несколькими другими ворами, данный факт доводится до сведения иных представителей преступного мира, после чего запускается процесс признания либо непризнания нареченного вора в качестве такового.

На данном этапе большое значение имеют авторитет воров, совершивших «воровской подход», принадлежность их к определенным воровским кланам (воры из враждебных кланов могут не признавать вора, коронованного своими оппонентами), личные качества нового «вора в законе» и его известность в криминальном мире. Нередки ситуации, когда относительно конкретных персоналий в воровском мире отсутствует консенсус: является данное лицо «вором в законе» либо же не является.

[1] Следует отметить, что сами представители преступного сообщества не употребляют словосочетание «вор в законе», ограничиваясь категорией «вор».

Таким образом, принадлежность статуса «вора в законе» даже в рамках преступного мира не подлежит однозначному установлению, тем более что статус «вора в законе» может слагаться либо путем самоотвода, либо, как правило, путем принудительного лишения. Думается, столь неопределенная категория не может закладываться в качестве кримино–образующего признака.

Не лучше обстоят дела и с так называемыми «положенцами» и «смотрящими», если «положенцы» представляют собой назначенных ворами временно замещающих их функции в отсутствии самих воров, то статус «смотрящего» представляет из себя скорее должность, чем звание, и значимость данного статуса сильно зависит от значимости той сферы, администрирование которой собственно «смотрящий» и осуществляет. «Смотрящие» за городами и крупными исправительными учреждениями, безусловно, могут претендовать на занятие высшего положения в преступной иерархии, чего нельзя сказать про «смотрящего» за конкретной улицей или поселком.

Следует отметить и тот факт, что в криминальном мире России не на всех территориях одинаково присутствовало влияние «воров в законе». Например, в Казани влияние воровского сообщества в 80–90-е гг. было достаточно ограниченным, а общее положение в преступной иерархии определялось не столько признанием в воровской среде, сколько личным авторитетом и влиянием стоявшей за конкретным лидером ОПГ.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что, по нашему мнению, занятие высшего положения в преступной иерархии есть не обладание конкретным статусом с априори трудноопределимыми границами, а совершение определенных действий, в которых и находит свое отражение влияние и власть конкретного лица в криминальном мире.

В доктрине уголовного права сформулированы различные позиции относительного того, какие конкретно действия могут совершать лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии. А.В. Рагулин и В.В. Фефелов отмечают, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осуществляет руководство конкретной преступной организацией [7, с. 70]; Д.А. Григорьев добавляет к вышеперечисленным наличие криминального «звания», деятельность по управлению кассой – «Общаком», наличие криминальных связей [8, с. 54–55]; О.В. Безлепкина и Р.Б. Границкий относят к компетенциям лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, пропаганду специфических «воровских» ценностей [9, с. 133]; А.В. Сенатов перечисляет среди прочего распределение сфер преступного влияния и разрешение конфликтов между членами преступных организаций [10, с. 78]; Е.В. Косьяненко и М.С. Кармановский отмечают возможное наличие статусных татуировок [11, с. 69]; И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина констатируют отсутствие в науке и практике единых критериев для отнесения лиц к категории занимающих высшее положение в преступной иерархии [12, с. 167].

Представляется, что простого руководства организованным преступным формированием, координации действий различных организованных групп, участия в разделе сфер влияния еще недостаточно для признания наличия статуса высшего положения в преступной иерархии, поскольку данное деяние вполне охватывается ч. 1 ст. 210 УК РФ, равно как не означает наличие подобного статуса факт участия в собраниях организаторов ОПС, ответственность за которое установлена ч. 1.1 ст. 210 УК РФ.

Вынесение занятия высшего положения в преступной иерархии в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 за пределы сугубо организаторских функций свидетельствует о некотором «довеске» к простой организационной деятельности, который, по замыслу законодателя, и выступает криминообразующим признаком занятия высшего положения в преступной иерархии. Следует отметить, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, по нашему мнению, может и вовсе не принадлежать к конкретному организованному преступному формированию (группировке).

Несмотря на указанные выше трудности с толкованием признаков «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии», суды достаточно охотно выносят приговоры по ст. 210.1 УК РФ.

Так, по делу гражданина Н., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, суд усмотрел следующие признаки, характеризующие его как занимающего высшего положения в преступной иерархии: «Н. … лицом в статусе “вора в законе” был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, так называемым “положенцем”, за которым определена зона преступного влияния в пределах территории Республики Татарстан». Данная информация была доведена до представителей криминального мира «прогонами». Также статус гражданина Н. подтверждался специфическими татуировками. В процессе осуществления полномочий положенца Н. назначал «смотрящего за общим» – человека, ответственного за обеспечения осужденных в исправительных учреждениях продуктами и сигаретами; урегулировал конфликт между группировками «Суконовские» и «Высотовские»; организовывал сборы денежных средств в «общак»; участвовал в защите интересов осужденных ИК-5, с которых осуществлялись сборы в пользу иного «вора в законе»; принимал участие в разрешении конфликта между группировками «Мебелька» и «БСР» [13]. Нетрудно заметить, что часть признаков характеризуют только пассивный статус лица, а часть находит отражение в конкретной деятельности.

Такая же двойственность признаков, характеризующих пассивный статус и характеризующих отдельные действия, содержится в следующем деле. Подсудимый К. был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, выполняя следующие функции: обеспечение безнаказанности преступной деятельности криминальных групп и участников уголовно-преступной среды путем устрашения, дискредитации неугодных лиц, установления и поддержки коррупционных связей; выступление в качестве третейского судьи при разрешении споров между представителями уголовно-преступной среды; аккумулирование и учёт преступных доходов, контроль, обеспечение пополнения и распределение «общака» и др. Среди прочего К. своими указаниями прекратил голодовку осужденных, наладил снабжение осужденных сотовыми телефонами. Согласно показаниям свидетелей, именно К. контролировал «зону» и отсылал «прогоны», его мнение было главенствующим, а требования для осужденных обязательны для исполнения. Также подсудимый обладал статусом «вора в законе», что подтверждал лично, имел специфические татуировки (парное изображение многоконечных звезд, в центре которых имеется изображение разностороннего креста, заключенного в круг, от которого исходят двенадцать лучей разной длины) [14].

В некоторых случаях, как представляется ошибочно, суд признает лицо виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, не за совершение конкретного деяния, а за признание наличия статуса – высшего положения в преступной иерархии. Так, Д. был признан занимающим высшее положение в преступной иерархии на основании наличия татуировок в виде восьмиконечных звезд, наличия криминальной клички и признания в том, что он является «вором в законе» [15]. Думается, что такая трактовка занятия высшего положения в преступной иерархии как «чистого» статуса грубо нарушает требование ст. 8 УК РФ, согласно которому только совершение *деяния* является основанием уголовной ответственности.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, следует подразделить на две группы. Во-первых, признаки, характеризующие субъекта преступления: факт назначения «вором в законе», наличие характерных татуировок, «прогоны», доводящие информацию о статусе до представителей преступного мира, личное. Данные признаки характеризуют социальный статус лица, не находят выражение в совершении деяния, и поэтому их наличия недостаточно для признания лица виновным в совершении преступления. Во-вторых, признаки, характеризующие объективную сторону: участие в разрешении споров между группировками, назначение помощников, сбор денежных средств на «общее», пропаганда «воровской идеологии», дача указаний лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Данные признаки выражаются в совершении конкретных деяний, и именно совершение данных деяний должно квалифицироваться по ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Литература:

1. Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СПС Консультант.
2. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 465–476.
3. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-borby-s-organizovannoy-prestupnostyu-v-gruzii (дата обращения: 08.05.2024).
4. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15 июля 2014 г. по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 11.
5. Белоцерковский С.Д. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения / // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 9–14.
6. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дисс. … канд. юрид. – Тольятти, 2022. – 255 с.
7. Рагулин А.В., Фефелов В.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 67–70.

8. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-opredelit-litso-zanimayuschee-vysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii (дата обращения: 13.05.2024).
9. Безлепкина О.В., Границкий Р.Б. Проблемные вопросы практического применения ст. 210.1 УК РФ // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7 (187). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-prakticheskogo-primeneniya-st-210-1-uk-rf (дата обращения: 08.05.2024).
10. Сенатов А.В. Признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Вестник Кузбасского института. – 2020. – №1 (42). – С. 75–79.
11. Косьяненко Е.В., Кармановский М.С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. – 2022. – № 2 (58).). – С. 66–70.
12. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex Russica. – 2020. – № 10 (167). – С. 159–168.
13. Приговор Верховного суда Республики Татарстан по Уголовному делу № 2-22/2021 от 25 марта 2022 г. – URL: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=1641887&case_uid=926e3f6f-eeb5-41ea-8707-215574a9cc8c&delo_id=1540006
14. Приговор Саратовского областного суда от 30 ноября 2021 г. по делу № 2-15/2021. – URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18506365&case_uid=ba0e4aad-064f-4902-bc41-520b4bf33188&delo_id=1540006
15. Приговор Московского городского суда 18 ноября 2021 г. по делу № 2-19/21 // Документ опубликован не был.

The Actus Reus of Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy

Rybushkyn N.N., Dunin O.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

Responsibility for occupying a higher position in the criminal hierarchy has been established by the current Criminal Code of the Russian Federation since 01.04. 2019. The interpretation of this norm causes difficulties for the law enforcer due to its novelty and the peculiarities of the legal technique used in the construction of this composition, which contains signs of the objective side, which consolidates the characteristics of the subject rather than the signs of the act. The purpose of the study is to determine the signs of the objective side of occupying a higher position in the criminal hierarchy. The objectives of the study are: identifying signs of the objective side of the occupation of the highest in the criminal hierarchy recognized as such in judicial practice, in doctrine, proposing the author's characterization as a sign of the objective side of this crime. The objective side of occupying a higher position in the criminal hierarchy can only be expressed in the commission of active actions, which may include: resolving disputes between organized crime groups, collecting funds for the needs of the criminal world, giving instructions to persons serving sentences in prisons.

Key words: a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, organized crime, thief in law, poser

УДК 343.85

Использование искусственного интеллекта в целях предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних

Рябцев Е.И.
Адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Анализ современных исследований позволяет утверждать, что использование искусственного интеллекта в целях предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних находится на стадии развития. Целью работы являлось изучение уголовной практики преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними. Задачи работы: изучить нормативно-правовую базу и научные труды по теме исследования, рассмотреть имеющиеся способы противодействия преступлениям экстремистской направленности с использованием искусственного интеллекта. Научная значимость работы заключается в качественном теоретическом анализе современных источников по проблеме предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних. Практическую значимость работы составляет возможность использования результатов исследования сотрудниками органов внутренних дел. Научной новизной исследования являются предложенные автором направления работы по внедрению технологий искусственного интеллекта по предупреждению преступлений данной категории. Автор приходит к выводу о необходимости контроля публикуемой несовершеннолетними информации в сети Интернет, что может являться одной из главных составляющих в предупреждении преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, искусственный интеллект, противодействие преступлению, несовершеннолетние

Одной из глобальных угроз современного мира является активное распространение экстремизма и рост преступлений экстремистской направленности в отношении различных социальных групп. Так, по данным *INTERFAX.RU*, в 2022 г. МВД РФ зарегистрировало более 1,5 тыс. преступлений экстремистской направленности, что на 48,2 % больше по сравнению с 12 месяцами 2021 г. [1]. Кроме того, количество в 1566 преступлений экстремистской направленности за один лишь 2022 г. является рекордным за последние пять лет. Несмотря на то, что Российской Федерацией за последние десятилетия принято большое количество нормативных актов, направленных на преодоление данного явления, проблема экстремизма остается актуальной.

Стоит отметить, что явление экстремизма в своем проявлении является многогранным, что затрудняет не только выявление преступлений экстремистской направленности, но и их толкование и классификацию.

Согласно примечанию 2 к ст. 282.1 УК РФ, под преступлениями экстремистской направленности понимаются «преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и пунктом “е” части первой статьи 63 УК РФ» [2]. Из этого следует, что к деяниям экстремисткой на-

правленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Значимым прорывом российского законодательства в области антиэкстремистской политики стало принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». На сегодняшний день именно этот правовой источник является базовым в противодействии экстремизму на территории нашей страны. Так, в ст. 3 определены основные направления противодействия экстремистской деятельности, к которым относятся как профилактические меры, способствующие предупреждению, выявлению и устранению причин и условий экстремистской деятельности, так и выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, а также физических лиц [3].

Однако в УК РФ отсутствует конкретный перечень преступлений экстремистской направленности, вследствие чего имеются затруднения в классификации данных преступлений. Так, многими авторами любое проявление экстремизма в преступлении классифицируется как преступление экстремистской направленности. В то же время в литературе предпринимаются попытки систематизации преступлений данной направленности. Е.В. Алехин, исходя из имеющейся структуры УК РФ, разделяет преступления экстремистской направленности условно на три группы:

1. Преступления экстремистской направленности против личности:

• преступления против жизни и здоровья (предусмотрены п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ);

• преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ);

• преступления против семьи и несовершеннолетних (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

2. Преступления экстремистской направленности против общественной безопасности и общественного порядка:

• преступления против общественной безопасности (п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ);

• преступления против здоровья населения и общественной нравственности (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

3. Преступления экстремистской направленности против конституционного строя и безопасности государства (ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ) [4].

Предложенная классификация не является исчерпывающей, но позволяет систематизировать данные о преступлениях экстремистской направленности.

Особую опасность экстремизм представляет в сфере противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступления экстремистской направленности. Анализ уголовной практики позволяет прийти к выводу, что подавляющее большинство преступлений экстремистской направленности совершается лицами подросткового и молодежного возраста. Так, Д.Г. Скориков, проведя криминалистический анализ преступлений экстремистской направленности, пришел к выводу о преимущественном совершении этих преступлений лицами в возрасте от 14 до 26 лет [5]. По данным Е.Е. Колбасиной, исследовавшей насильственные преступления, совершаемые неформальными молодежными группами, максимальная криминальная активность субъектов приходится на подростковый и ранний молодежный возраст, что составляет 76 % такого рода преступлений [6].

Несовершеннолетние представляют из себя особо уязвимый слой общества в силу отсутствия у них устойчивой жизненной позиции, что делает подростков подверженными влиянию политических, экономических, социальных установок. Кроме того, личности подростков присуще явление акцентуации – гипертрофированной выраженности некоторых черт характера, приводящей к повышенной уязвимости личности, нарушению социальной адаптации [7]. К таким чертам характера относятся максимализм, категоричность, сверхэмоциональность, а также обострение форм восприятия действительности в целом. Эти особенности используются лидерами экстремистских организаций.

В настоящем исследовании применялся комплексный подход, основанный на анализе данных из различных источников: официальной статистики правоохранительных органов, медиаотчетов, современных научных публикаций по криминологии.

Следует отметить, что преступления экстремистской направленности среди несовершеннолетних неоднородны с точки зрения механизма совершения, что особенно затрудняет классификацию такого рода противоправных деяний. Однако в литературе предпринимаются попытки дифференциации указанных деяний на определенные группы. Так, на основании эмпирического анализа уголовной практики А.А. Григорян делит преступления экстремистской направленности, совершенные несовершеннолетними, на следующие группы:

• преступления экстремистской направленности информационного характера (призывы к осуществлению экстремистской деятельности, разжигание ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, совершаемые с помощью телекоммуникационных сетей либо в различных общественных местах);

• преступления экстремистской направленности дискредитационного характера (хулиганства, вандализм, без причинения вреда жизни и здоровью);

• преступления экстремистской направленности против жизни и здоровья [8].

Н.Б. Бааль выделяет как отдельную категорию экстремизм в сфере молодежных субкультур, характеризующийся главным образом конфликтом между молодежными субкультурами как носителями противоположных ценностей, мировосприятия и моделей поведения. Данный молодежный экстремизм автором классифицируется по методам воздействия, целям и средствам, используемым при осуществлении акций [9].

Представляют значительные трудности предупреждение и профилактика преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних. В силу юного возраста и, как следствие, неустойчивой психики такие методы, как ужесточение мер государственного принуждения, репрессии неприменимы и неэффективны. Напротив, необходимо воздействовать на вовлекающих в экстремистские организации лица, используя убеждающие методы, а также вести конструктивные диалоги во взаимодействии. В случае же следования несовершеннолетним экстремистских взглядов важна принудительная психологическая работа [10]. Из этого следует, что ведущим методом в профилактике преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних является психологическая помощь, а ведущими специалистами, осуществляющими профилактическую работу, становятся педагог-психолог и социальный педагог.

Одним из методов профилактики преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних С.Д. Гринько считает также преемственное патриотическое воспитание на всех ступенях получения образования, которое в настоящее время, к сожалению, многими учебными заведениями недооценивается [11]. Детям в процессе патриотического воспитания прививаются такие качества, как любовь к Родине, забота о своей семье и стране, что в конечном итоге приводит к созданию прочной базы для духовно-нравственных и социальных ценностей.

В настоящее время быстрому распространению экстремистских движений среди несовершеннолетних в России способствует сеть Интернет [12]. Несовершеннолетние наиболее вовлечены в информационное пространство, проводят там значительную часть своего времени, что приводит к особой вовлеченности в наиболее освещенные в сети Интернет события. Учитывая вышесказанное о лабильной психике и эмоционально-волевой сфере несовершеннолетних, данная категория лиц зачастую демонстрирует очень бурную реакцию на происходящие события. Именно поэтому несовершеннолетние являются категорией, легко подверженной влиянию идеологий экстремистских организаций, которые широко распространены в социальных сетях под видом групп патриотического и религиозного содержания. Кроме того, содержание информации, публикуемой в Сети, трудно регулируется извне: правоохранительные органы, представляющие интересы государства, не имеют возможности обеспечить полноценную защиту общества и граждан от противоправных публикуемых материалов, в том числе от информации, реализуемой в экстремистских целях. Вследствие этого целесообразным представляется создание искусственного интеллекта (далее – ИИ), контролирующего поток материалов в сети Интернет и не допускающего публикаций экстремистского содержания.

ИИ – совокупность средств и методов решения интеллектуальных задач на основе моделирования процессов выявления, представления и манипулирования знаниями с использованием средств вычислительной техники [13]. В настоящее время искусственно созданные интеллектуальные системы узко специализированы и используются, в том числе и как средство противодействия преступности. Так, с помощью ИИ представляется возможным идентифицировать личность, моделировать события преступления, выявлять серийные преступления, осуществлять криминологический прогноз совершения преступлений, выявлять противоречивые и ложные суждения в показаниях и многое другое.

В России используется множество технологий на основе ИИ, позволяющих бороться с преступностью. Так, создана система «Криминалист», которая имеет возможность анализировать базы данных не только МВД, ФСБ, ФСИН, Росфинмониторинга и др., но и материалы открытых источников: СМИ, социальных сетей. Кроме того, в г. Москве 95 % жилых домов оборудованы камерами видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, что позволяет раскрывать около 70 % зарегистрированных преступлений. Также представлен проект ИИ, позволяющий собирать данные о наземной, воздушной и морской обстановке, а также составлять алгоритм реагирования в ответ на нарушение государственных границ [14].

Зарубежные же правоохранители опираются на следующие крупные системы: *PredPol (Predictive Policing*) позволяет, исходя из исторических данных о ранее совершенных нарушениях, прогнозировать совершение преступлений в конкретных местах в определенные промежутки времени; *COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions*) оценивает риски совершения повторных преступлений у ранее осужденных; ShotSpotter определяет место происшествия и обнаруживает выстрелы из огнестрельного оружия. Кроме того, в Японии используется система, позволяющая не просто отслеживать определенные правонарушения или идентифицировать личность, но и предотвращать преступления. Такие технологии

используются в супермаркетах: ИИ «научили» регистрировать подозрительное поведение покупателей, что значительно снизило процент краж [15].

Анализ научных исследований и публикаций в журналах позволяет утверждать, что использование интеллектуальных систем в качестве предупреждения преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних находится на стадии развития. В настоящее время не существует единой системы, направленной на профилактику конкретно данного типа преступлений. Вследствие этого видим целесообразным предложить направления работы ИИ по предупреждению преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних.

Ранее нами отмечалось, что важнейшим методом профилактики данного типа преступлений у несовершеннолетних является психологическое консультирование, именно поэтому приоритетным направлением работы интеллектуальных систем по данному вопросу считаем психологическую поддержку подростков. Принимая во внимание тот факт, что у многих преступников вспышки агрессивного поведения появляются задолго до совершения ими противоправного деяния, считаем необходимым внедрение системы ИИ, выявляющего группу риска по агрессивному поведению среди детей и подростков и использующего в качестве вспомогательного инструмента психологические опросы и тесты. Задача ИИ в данном случае заключается в сборе и анализе ответов опрошенных несовершеннолетних, выявлении детей, нуждающихся в психологической помощи, а также уведомлении об этом законных представителей ребенка.

По данному направлению исследователями медицинского университета Цинциннати (штат Огайо, США) планируется создание психологического опросника, включающего 28 вопросов и позволяющего выявить как склонных к жестокости агрессоров, так и терпящих унижения жертв [16].

Не менее важным направлением интеллектуальных систем по предупреждению преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних является мониторинг публикуемого материала в социальных сетях. Необходимо создавать не просто контролирующую систему, но и блокировать подозрительный материал экстремистского содержания. Однако работа ИИ по данному направлению может столкнуться с рядом трудностей:

• важно обучить интеллектуальные системы определять слова в публикуемых постах в соответствии с контекстом с целью дифференциации действительно потенциально опасной информации от повседневного общения;

• невозможность проверки приватных чатов, что нарушает политику конфиденциальности;

• в случае успешного предотвращения преступления экстремистской направленности при помощи ИИ встает вопрос о действиях системы правосудия: каким образом несостоявшийся преступник должен нести наказание.

Стоит отметить, что отечественные ученые разрабатывают интеллектуальные системы по анализу психологического портрета россиян, исходя из их публикационной активности в социальных сетях. Так, Институтом системного программирования им. В.П. Иванникова Российской академии наук (ИСП РАН) объявлен тендер в размере 36 млн руб. на проведение научно-исследовательских работ по применению ИИ в психологической диагностике личности по данным социальных сетей [17]. Кроме того, по данным Главного радиочастотного центра РФ, проходит внутреннее тестирование система «Вепрь», позволяющая анализировать и прогнозировать распространение экстремистских материалов, а совместно с автоматизированной системой «Окулус» выявлять деструктивные публикации среди фото- и видеоматериалов [18].

Кроме того, считаем важным внедрение технологий по осуществлению прогнозов экстремистской активности в конкретном регионе страны, которые будут включать возможность предоставления правоохранительным органам информации о предстоящих акциях протеста, митингов среди несовершеннолетней группы населения.

Несомненно, в настоящее время экстремизм представляет из себя особую угрозу, так как он способен нарушить гармоничную жизнь общества. Несмотря на имеющееся законодательство РФ, определяющее экстремизм и экстремистскую деятельность, проблема экстремизма остается актуальной ввиду отсутствия конкретного переченя преступлений экстремистской направленности, что затрудняет их классификацию. Особую же опасность экстремизм представляет в среде несовершеннолетних: явления акцентуации психики делают подростков эмоциональными и легко подверженными убеждающим методам, что в конечном итоге и приводит к вовлечению несовершеннолетних в ряды экстремистских организаций. В настоящее время, как отмечалось, современные подростки наиболее вовлечены в информационную среду, вследствие чего необходим контроль за публикацией несовершеннолетними в сети Интернет материалов при помощи технологий искусственного интеллекта.

Литература:

1. Число экстремистских преступлений в России в 2022 году выросло почти на 50 %. – URL: https://www.interfax.ru/russia/884032 (дата обращения: 22.12.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 (в ред. Федерального закона от 25.12.2023 № 63-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
4. Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4. – С. 26–31.
5. Скориков Д.Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2014. – 30 с.
6. Колбасина Е.Е. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых неформальными молодежными группами: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 28 с.
7. Абдурасулов Д.А., Аверина Ю.М. Поведение и характерологические особенности личности современных подростков // Наука третьего тысячелетия: материалы Межд. (заочной) науч.-практ. конференции. – Нефтекамск: Науч.-издат. центр «Мир науки», 2020. – С. 924–930.
8. Григорян А.А. Криминалистическая классификация преступлений экстремистской направленности, совершенных лицами несовершеннолетнего и молодежного возраста // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4–2. – С. 121–127.
9. Бааль Н.Б. Молодёжный политический экстремизм в современном российском обществе // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 27–28.
10. Алхастов А.М. Актуальные проблемы молодёжного экстремизма: юридический анализ, современные способы противодействия // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 130–134.
11. Гринько С.Д. Профилактика молодежного экстремизма // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 1. – С. 133–135.
12. Грачёв Ю.А., Никишкин А.В., Ветрова Е.В. Противодействие молодёжному экстремизму – основа безопасности развития современного гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2(82). – С. 131–137.
13. Информатика: учеб. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 264 с.
14. Дроздов В. Ю. Использование искусственного интеллекта для предупреждения преступности // Закон и право. – 2021. – № 9. – С. 114–117.
15. Нейронное дело: как ИИ помогает в борьбе с преступностью. – URL: https://iz.ru/1569903/alena-svetunkova/neironnoe-delo-kak-ii-pomogaet-v-borbe-s-prestupnostiu (дата обращения: 16.01.2024).
16. Умное оружие и мониторинг соцсетей: сможет ли ИИ предотвращать теракты. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6169691a9a794774ed3f51d6 (дата обращения: 17.01.2024).
17. В РФ решили привлечь технологии ИИ к анализу личности по соцсетям. – URL: https://tass.ru/ekonomika/13051299 (дата обращения: 17.01.2024)
18. Систему «Вепрь» для выявления угроз в интернете запустят во второй половине 2023 года. – URL: https://tass.ru/obschestvo/17091419 (дата обращения: 17.01.2024).

The Use of Artificial Intelligence in Order to Prevent Extremist Crimes Among Minors

Ryabtsev E.I.
The Kazan Legal Institute MIA of Russia

The analysis of modern research suggests that the use of artificial intelligence in order to prevent extremist crimes among minors is at the stage of development. The purpose of the work was to study the criminal practice of extremist crimes committed by minors. Objectives of the work: to study the regulatory framework and scientific papers on the topic of the study, to consider the available ways to counter extremist crimes using artificial intelligence. The scientific significance of the work lies in the qualitative theoretical analysis of modern sources on the problem of preventing extremist crimes among minors. The practical significance of the work is the possibility of using the results of the study by employees of the internal affairs bodies. The scientific novelty of the research is the directions of work proposed by the author on the introduction of artificial intelligence technologies for the prevention of crimes of this category. The author comes to the conclusion that it is necessary to control the information published by minors on the Internet, which may be one of the main components in the prevention of extremist crimes.

Key words: extremism, extremist crimes, artificial intelligence, crime prevention, minors

УДК 342.415

Конституционализация семейных ценностей в современном российском законодательстве

Рязанова М.Н.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Ларионова Н.Б.
Старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

В статье теория конституционализации, набирающая популярность среди российских исследователей, спроецирована на термин «семейные ценности», который активно развивается в российском законодательстве. Авторы акцентировали внимание на интегративном понимании правовых ценностей, получивших закрепление в конституционно-правовых нормах. В результате были проанализированы теоретико-правовые и философско-правовые подходы, по-разному трактующие семейные ценности в конституционно-правовом измерении. Основными методами проведения данного исследования необходимо признать формально-логический и аналитический методы. В качестве иллюстрации отдельных примеров развития теоретической мысли авторы обращались к таким частнонаучным методологическим подходам, как аксиология права, праксеология права и правовой прагматизм. В комплексе данные методы позволили выявить тенденции использования категории «семейные ценности» в российском законодательстве. В качестве ключевого вывода авторы констатируют неоднозначность смыслового воплощения семейных ценностей в действующих нормативно-правовых актах. Его изначально широкое содержание трансформировалось в категорию «традиционные семейные ценности». Последняя является предметом усмотрения не только законодателя, но и субъектов правоприменения.

Ключевые слова: конституционализация, конституционное право, конституция, семейные ценности, правовые ценности, правовая аксиология, российское законодательство

Теория конституционализации является сравнительно новым методологическим направлением как в теоретико-правовых исследованиях, так и в отраслевых научных изысканиях, проводимых российскими учёными. Формирующаяся концептуальная основа предопределила неоднозначность авторских позиций по комплексу вопросов, сопровождающих анализ многих объектов правового регулирования в процессе их институционализации, формализации и конституционализации, как триады развития конституционно-правовых отношений.

Семейные ценности, получившие закрепление в действующей редакции Конституции РФ, в полной мере демонстрируют проблемы теории конституционализации, вобравшей в себя не только аксиологические и иные философско-правовые на-

работки, но и концептуальные основы политико-правового устройства российского общества. Их формализация в конституционных нормах расценивается большинством авторов в качестве возведения в категорию конституционно-правовых ценностей, предопределяющих как развитие законодательства, так и управленческой практики [1; 2].

Вместе с тем формулирование в нормативных положениях Конституции РФ определённых ценностей вовсе не означает наличие соответствующих процессов по их конституционализации, поскольку этому предшествует длительный период правовой институционализации, проводимой различными средствами и способами. Согласно распространённому научному мнению, конституционализация выражается в совокупности взаимосвязанных процессов формирования конституционной реальности для группы общественных отношений, представляющих значимость в проводимой государством правовой политике [3, с. 9; 4, с. 36]. При этом сугубо политическая основа конституционализации вытекает из назначения конституционно-правовых норм, выражающих в формальном ключе те или иные тенденции государственно-общественного развития.

Напротив, концепт «конституционализация» расценивается российскими авторами в вариативном разнообразии и применительно к:

1) формированию конституционно-правовых институтов [5];

2) укреплению конституционного правопорядка [6];

3) закреплению определённого вида конституционных правоотношений [7];

4) универсиализации правовых вопросов [8];

5) конституционно-правового проектирования общества [9] и др.

Семейные ценности гармонируют с каждым из указанных теоретических подходов, что позволяет рассматривать их в призме нескольких методологических приёмов.

Так, с позиции правовой аксиологии они являются разновидностью правовых ценностей, возведённых на конституционно-правовой уровень с целью приведения отраслевого законодательства и правоприменительной практики к единому знаменателю при правовой регуляции семейных отношений [10, с. 48].

В праксеологическом значении семейные ценности выступают инструментом повышения эффективности правового регулирования целого ряда общественных отношений, сопряжённых с конституционно-правовыми основами российского общества и поддержания нравственности [11, с. 69].

В теории правового прагматизма, построенной во многом на базе социологической школы права, семейные ценности признаются объективно фиксируемым ограничителем при правовом воздействии на различные социальные отношения, что вынуждает законодателя формализовать и соблюдать их в процессе правотворчества в качестве общепризнанной правовой традиции [12, с. 47].

Собственно, в Конституции РФ анализируемое понятие содержится лишь при перечислении системных функций федерального Правительства. В соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, оно определено в качестве одного из видов государственной политики, направленной на «сохранение традиционных семейных ценностей», во взаимосвязи с такими задачами, как «поддержка, укрепление и защита семьи».

Между тем процессу формализации семейных ценностей непосредственно в указанной норме Конституции РФ предшествовала их правовая институционализация в российском законодательстве. Например, в 2013 г. Федеральным законом от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» были установлены меры по защите детей от информации, которая используется в качестве пропагандистского инструмента отрицания «традиционных семейных ценностей». В частности, в структуре Кодекса РФ об административных правонарушениях появилась ст. 6.21, запрещающая пропаганду среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений, как государственная реакция на нарушение не только данной правовой ценности, но и целой совокупности прав и законных интересов граждан.

Гораздо ранее термин «семейные ценности» был задействован в управленческих актах Рособразования для создания и внедрения в учебные программы сборников с материалами о проблемах формирования ценностей семьи среди молодёжи, а также о семейном образе жизни и родовой культуре семьи [13].

Аналогичным образом рассматриваемое понятие использовалось преимущественно в ненормативных правовых актах федерального Правительства и иных федеральных органов исполнительной власти, которые содержали управленческие указания в области конструирования определённого направления публичной политики, что главным образом предназначалось для субъектов РФ.

Поэтому на протяжении последующих лет семейные ценности плотно вошли в региональную правотворческую практику, развивающую рекомендации федерального центра, что прямо вытекает из совместного ведения РФ и субъектов РФ и в вопросах семейно-правового регулирования, и в развитии других отраслевых направлений (административное, жилищное, экологическое право, регулирование сферы культуры, образования и т.д.). В частности, в региональном законодательстве рассматриваемое понятие использовалось при регуляции следующих видов правоотношений:

– социальная реклама;

– социально-значимые программы в средствах массовой информации;

– различные формы материальной поддержки граждан;

– проведение общественных акций, в том числе памятных и праздничных дней.

Вместе с тем уже в 2014 г. семейные ценности становятся понятийно-категориальным аппаратом, использованным в юридической технике президентских указов. Например, в Указе Президента РФ № 808, утверждающем основы государственной культурной политики, сформулирован принцип по защите института брака, который в 2023 г. был расширен до защиты «традиционных семейных ценностей».

После внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 г. категория «семейные ценности» обозначена среди целей функционирования федерального Правительства в новом Федеральном конституционном законе от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» на фоне сохранения в его нормативных положениях других ценностей правового характера (например, культурные ценности). В силу этого можно сделать вывод о распространении конституционно-правовой задачи исполнительной власти на нормы организационно-правового характера, что наглядно подтверждает сущность конституционализации как определённой конституционной реальности, в рамках которой функционируют институты власти.

Выведение семейных ценностей на политико-правовой уровень становится очевидным в Указе Президента РФ № 400 от 02.07.2021 г. при формулировании стратегии национальной безопасности, в рамках которой разрушительное воздействие на них обозначено в качестве проблемы, стоящей перед российским государством и требующей своего разрешения. Сохранение «традиционных семейных ценностей» в данном нормативно-правовом акте также названо задачей, решение которой направлено на защиту российской культуры, исторической памяти и духовно-нравственных ценностей.

Впрочем, любая деятельность, связанная с защитой «традиционных семейных ценностей», не считается по российскому законодательству разновидностью политической деятельности, что потребовало детализации в отдельных федеральных законах (например, в Федеральном законе от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», регламентирующем контроль за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием).

Тем самым конституционализация семейных ценностей на современном этапе демонстрирует их постепенную правовую формализацию не только в законодательных нормах, но и в многочисленных подзаконных актах, в том числе направленных на реализацию требований законодательства. Примером может служить Приказ Генпрокуратуры № 744 от 13.12.2021 г., устанавливающий организационные особенности осуществления прокурорского надзора в области соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц с учётом не только необходимости их защиты от информации, подрывающей семейные ценности, но и базовых функций российской семьи.

Вместе с тем в источниках российского семейного права и непосредственно в Семейном кодексе РФ рассматриваемая конституционно-правовая ценность не получила какого-либо развития. Это обстоятельство подтверждает, что в сложившихся ранее семейно-правовых нормах уже были заложены соответствующие нормативные условия, не требующие дополнительной трансформации по причине внесения конституционных поправок.

Как видно по приведённым примерам из российского законодательства, термин «семейные ценности» получил неодинаковое смысловое воплощение. При его изначальном расширительном содержании в ранних нормативно-правовых актах сегодня наметилась тенденция к сужению рассматриваемой категории до «традиционных семейных ценностей», остающейся своеобразным усмотрением и законодателя, и правоприменителя.

Таким образом, конституционализация семейных ценностей в законодательстве Российской Федерации представляет собой совокупность процессов, призванных сформировать конституционный правопорядок, основанный на группе правовых ценностей, которые выполняют функции целей, принципов, задач правового регулирования, обосновывающих наличие запретов, ограничений и иных обязаний для участников конституционных правоотношений.

Литература:

1. Каюмов Р.В. Анализ поправок в области традиционных семейных ценностей, прав и свобод человека и гражданина, вносимых в Конституцию // Отечественная юриспруденция. – 2020. – № 3 (42). – С. 12–14.

2. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 3 (136). – С. 67–74.
3. Кравец И.А. Понятие и способы конституционализации правового порядка. Конституционализация: что это такое? // Российский юридический журнал. – 2003. – № 4 (40). – С. 9–18.
4. Артемова Д.И. О понятии конституционализации в российской и зарубежной юридической науке // Юрист. – 2024. – № 2. – С. 35–41.
5. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 31. – С. 104–119.
6. Безруков А.В. Конституционализация правопорядка: сущность, реализации, условия // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 12–14.
7. Примова Э.Н. Конституционализация правового пространства России: от исторического опыта к современным реалиям // Образование и право. – 2023. – № 2. – С. 56–59.
8. Червонюк В.И. Имплементация конституционно-правовых понятий в отраслевое (действующее) законодательство (позитивное право) как форма его конституционализации // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 4. – С. 13–18.
9. Гаврилов Д.А., Гаврилова Ю.А. Конституционализация публичного правопорядка в современной России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 6. – С. 13–17.
10. Орловская О.Ю. Традиционные семейные ценности: право на защиту // Актуальные исследования. – 2024. – № 12-3 (194). – С. 47–49.
11. Фиошин А.В. Семейное право и традиционные нравственные ценности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 4 (18). – С. 66–72.
12. Тарусина Н.Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76. – № 1 (194). – С. 33–52.
13. Приказ Рособразования от 27.11.2008 г. № 1734 «О выделении ассигнований из федерального бюджета на выполнение работ (оказание услуг) в 2008 году по итогам запроса котировок по проекту «Подготовка сборника материалов по проблемам формирования ценности семьи и семейного образа жизни, преемственности поколений и родовой культуры семьи у молодежи» (МРКО-7)». Документ официально не опубликован // СПС Консультант Плюс.

Constitutionalization of Family Values in Modern Russian Legislation

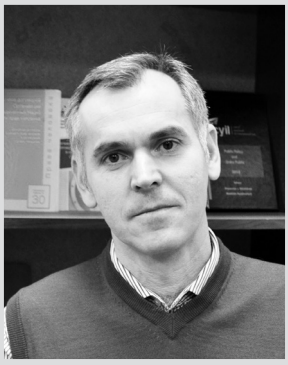
Ryazanova M.N., Larionova N.B.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

In this article, the theory of constitutionalization, popular among Russian authors, is projected onto the term "family values." It is actively developing in Russian legislation. Authors focused on the integrative understanding of legal values in constitutional legal norms. As a result, different theoretical-legal and philosophical-legal approaches to family values in constitutional law were analyzed. The main methods for conducting this research should be recognized as formal-logical and analytical methods. To illustrate individual examples of the development of theoretical thought, authors turned to such private scientific methodological approaches as axiology of law, praxeology of law and legal pragmatism. Taken together, all these methods allowed authors to identify trends in the use of the category "family values" in Russian legislation. The key conclusion comes down to the ambiguity of the semantic embodiment of family values in current regulations. Its initially broad content has been transformed into the category of "traditional family values," which remains a subject of discretion not only for the legislator, but also for law enforcement entities.

Key words: constitutionalization, constitutional law, constitution, family values, legal values, legal axiology, Russian legislation

УДК 343.13

Критерии и пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере

Сабиев С.Ш.
Старший преподаватель кафедры публичного и уголовного права Российского нового университета (Москва)

В условиях цифровизации общественных отношений в последнее время наблюдается рост преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере. Возникают определённые проблемы в правоприменительной деятельности из-за специфики расследования преступлений. Эти факторы обуславливают актуальность исследования заявленной темы.

Целью исследования является создание уголовно-процессуальных механизмов, направленных на защиту лиц, осуществляющих деятельность в кредитно-финансовой сфере. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: разработать свойства и определить внешние и внутренние границы уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере, соответствующие назначению уголовного судопроизводства.

Научная значимость данного исследования заключается в том, что установление критериев и определение пределов исследуемого явления позволяют создавать эффективную уголовно-процессуальную форму, а сформулированные предложения могут стать основой для дальнейшего исследования вопросов о развитии и дифференциации уголовно-процессуальных форм.

Практическое значение исследования состоит в создании условий, направленных на обеспечение надежности и стабильности общественных отношений, складывающихся в кредитно-финансовой сфере.

В качестве основных результатов проведённого исследования можно выделить, что при дифференциации учитываются совокупность критериев, каждый из которых должен соответствовать задачам, конституционным положениям и принципам УПК РФ. Сделаны выводы о том, что общим критерием дифференциации уголовно-процессуальной формы по исследуемому вопросу является степень защищённости конституционно значимых отношений, возникающие в кредитно-финансовой сфере.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация, внешние и внутренние пределы, критерии

В теории уголовного процесса учение о дифференциации уголовно-процессуальной формы прошло длинный путь развития от неприятия дифференциации как таковой [1, с. 51] до признания ее допустимости и даже обязательности, но с определенными ограничениями, пределами, в рамках которых протекает процесс дифференциации [2].

Согласно философскому определению, дифференциация – это сторона процесса развития [3, с. 170], в связи с чем неверно ассоциировать дифференциацию только с упрощением или только усложнением. Процесс развития предполагает и то, и другое. Если мы признаем, что процессуальная форма, как и любые правила, может развиваться, то,

безусловно, можно говорить о дифференциации как о черте, свойстве, так и об определенной тенденции, то есть направленности во взглядах или действиях [4] ее инициатора.

Как и любая отрасль права, уголовный процесс развивается с изменением общественных отношений. Дифференциация является частью этого развития. Необходимость дифференциации в настоящий момент практически не оспаривается.

Однако для достижения целей дифференциации требуется разработка таких критериев и пределов дифференциации, которые бы соответствовали общему назначению уголовного судопроизводства, обозначенному в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В научных работах, как правило, в первую очередь рассматриваются вопросы о критериях дифференциации, во вторую – о ее пределах. Наиболее правильным, на наш взгляд, будет первоначально установить границы, рассматриваемого явления, после чего уже в заданных границах обосновать критерии.

Традиционно дифференциация проводится в двух направлениях: создание системы дополнительных процессуальных гарантий, приводящее к усложнению процессуальной формы, а также в направлении упрощения отдельных процедур [5, с. 42]. Кроме того, выделяют направление по созданию эквивалентных (альтернативных) процедур [6, с. 40]. В зависимости от выбранного направления различаются и пределы дифференциации.

Вместе с тем пределы дифференциации по созданию процедур с повышенной системой процессуальных гарантий или альтернативных процедур недостаточно исследованы научным сообществом. Их пределы определяются необходимостью создания упрощенных процедур, вызванной «материальными и организационными соображениями; необходимостью быстроты и простоты судопроизводства» [7, с. 134].

Пределы упрощения процессуальной формы в науке разработаны намного лучше, однако единства по этому вопросу не сложилось.

На взгляд О.В. Качаловой, ускоренным формам уголовного судопроизводства должны соответствовать ряд факторов, среди которых: задачи уголовного процесса, уменьшение социальной напряженности, процессуальная экономия, вынесение справедливого приговора [8].

По мнению Т.В. Трубниковой, упрощение возможно, пока оно не создает препятствий в реализации права участников уголовного процесса на судебную защиту и в то же время гарантирует реализацию права общества на судебную защиту значимых публичных интересов [7, с. 133, 135].

Стоит согласиться с тем, что судебная защита – один из важнейших государственных способов защиты прав, свобод и законных интересов субъектов права, но не единственный. Более того, безоговорочная объективность суда также вызывает сомнения [9, с. 40–45].

В этой связи более структурированной и точной видится позиция Е.В. Мищенко. Однако и она требует корректировки с учетом «усложненного» и «альтернативного» направлений дифференциации, а также с учетом проанализированных позиций ученых.

Е.В. Мищенко выделяет внешние и внутренние пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы. В качестве внешних границ, по ее мнению, необходимо рассматривать следующие положения: дифференциация уголовно-процессуальной формы осуществляется в пределах общей уголовно-процессуальной формы; дифференциация осуществляется в пределах особенностей правового регулирования, ее порождающих. Внутренние же пределы ограничены предметом правового регулирования, теми уголовно-процессуальными отношениями, которые упорядочиваются с помощью такой формы, а также особым механизмом правового регулирования [10, с. 19, 150].

Структурно такая позиция видится оптимальной, однако смысловое содержание внешних и внутренних границ требует корректировки.

Ограничение внешних пределов дифференциации задачами уголовного судопроизводства, его принципами и конституционными положениями универсально и подходит для «усложненного», к которым мы, в частности, относим положения гл. 52 УПК РФ, и «альтернативного» направлений дифференциации.

Кроме того, помимо внешних пределов дифференциации, обусловленных задачами уголовного судопроизводства, его принципами и конституционными положениями, существуют и внутренние пределы. Внутренними они являются в силу того, что требуют создания процессуальной формы, ограниченной исключительно задачами и особенностями специфических уголовно-процессуальных отношений.

Сами внутренние пределы дифференциации должны соответствовать внешним, которые установлены в том числе и Конституцией РФ. Исключения из этого правила возможны, если такая необходимость объективно усматривается из специфики общественных отношений.

Исходя из предложенных групп пределов дифференциации, можно сформулировать пределы дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере. Специфика общественных отношений в кредитно-финансовой сфере заключается в том, что проведение предварительного расследования с использованием мер государственного принуждения создает определенные риски, угрозу дезорганиза-

ции как отдельных сегментов кредитно-финансовой сферы, так и деятельности отдельных юридических и физических лиц. Безусловно, развитие кредитно-финансовой сферы является в настоящее время приоритетом для государства. Существует также и общественный запрос на улучшение условий деятельности в кредитно-финансовой сфере [11].

Особенность уголовных дел в кредитно-финансовой сфере, а вместе с тем и уголовно-процессуальной формы по данным делам, проявляется в ряде проблем правоприменения: специфика предмета и порядка доказывания, особый круг субъектов доказывания (налоговые органы, органы финансового контроля и др.), взаимодействия указанных органов с органами, осуществляющими расследование [12, с. 178].

Таким образом, внутренними пределами дифференциации уголовно-процессуальной формы является совокупность общественных отношений, возникающих в кредитно-финансовой сфере, которые имеют конституционную значимость и требуют защиты.

Если порядок судопроизводства по некоторым делам должен обладать соответствующими особенностями, то для каждого вида или рода преступлений не может быть установлен свой, особый порядок производства [13, с. 103]. Для проведения дифференциации необходимы определенные основания, критерии, позволяющие объективно оценить, какие категории уголовных дел нуждаются в дифференцированном порядке расследования.

Обычно в науке выделяют такие основания дифференциации уголовно-процессуальной формы: степень сложности расследования дела, степень общественной опасности преступления, размер предусмотренного наказания, общественно-политическое значение дела, полнота реализации публичных начал, личность подозреваемого (обвиняемого) [6, с. 41].

Каждый из предложенных критериев характеризует преступление односторонне, при этом второй и третий критерий взаимообусловлены. Учитывая, что иногда преступления небольшой и средней тяжести сложнее расследовать, чем тяжкие и особо тяжкие, например: преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, где последствием может стать смерть человека, а порой и не одного, вызывают сильный общественный резонанс [14], в связи с чем требуют повышенных процессуальных гарантий как для потерпевших, так и для подозреваемых (обвиняемых). Следовательно, критерий тяжести не является безусловным, здесь на первый план выходит критерий общественно-политического значения дела, который относится к уже упомянутым преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ. Критерий полноты реализации публичных начал хоть и имеет под собой правовое основание, однако вопрос формы уголовного процесса ставится здесь в зависимость от желания конкретного субъекта. Это относится, например, к положениям ч.ч. 2, 3 ст. 20 УПК, отдельные положения которой вызывают критику научного сообщества [15].

Такое несовершенство имеющихся критериев является основой для поиска предложений по их систематизации и выявлению в науке уголовного процесса.

Например, И.С. Дикарев под основаниями дифференциации понимает совокупность факторов, то есть существенных обстоятельств, которые обуславливают необходимость и возможность дифференциации, которые он разделяет на объективные (сложность расследования, тяжесть преступления, особые правовые режимы, действующие в конкретном месте, наличие предписаний, устанавливающих особые требования) и субъективные (поведение подозреваемого (обвиняемого), возраст, должностное положение, состояние здоровья подозреваемого (обвиняемого)) [16].

Кроме того, Т.В. Трубникова и Ю.К. Якимович одним из основных критериев дифференциации называют предмет и задачи производства, а также тип материально-правовых отношений, на котором то или иное производство основывается. На основе данного критерия все уголовно-процессуальные производства делились ими на основные, дополнительные и особые [17].

В свою очередь, В.И. Рохлин, Т.В. Николаева, говоря о критериях дифференциации форм предварительного расследования, считают безусловным критерием дифференциации тяжесть, при этом подчеркивают необходимость разделения критериев на обязательные (тяжесть преступления, психическое и физическое состояние лица, когда имеются сомнения в его вменяемости) и факультативные (сложность в расследовании, иные обстоятельства) [18].

Следовательно, мы приходим к выводу, что проведение дифференциации исключительно по одному определенному критерию неприемлимо, ввиду субъективности, отсутствия самодостаточности каждого из существующих в доктрине критериев. Подтверждение изложенному находим, к примеру, при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: учет критерия личности обвиняемого (подозреваемого) находит свое отражение в ч. 1 ст. 420 УПК РФ, в котором установлен возраст лица; ст. 421 УПК РФ устанавливает обстоятельства, подлежащие установлению в отношении несовершеннолетнего преступника. Критерий степени сложности расследования и разрешения дела обусловлен более расширенным списком обязательных участников (участие законного представителя, педагога, психолога и т.д.), а критерии степени общественной опасности и размера наказания находят свое воплощение в ст. 427 УПК РФ. Мы видим, что все критерии учтены в отсутствие каких-либо противоречий.

Автор статьи полагает, с учетом пределов дифференциации уголовно-процессуальной формы по делам в кредитно-финансовой сфере, критерием дифференциации является степень (уровень) защищенности совокупности конституционно значимых общественных отношений, складывающихся в кредитно-финансовой сфере. Если законодатель считает, что в ходе расследования может быть причинен вред указанным отношениям и уровень их защиты низкий или достаточный, то уголовно-процессуальная форма дифференцируется в направлении усложнения (ч.ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ, ч. 3 ст. 20 УПК РФ) или упрощается (ч. 7 ст. 241 УПК РФ).

Данный критерий является «общим» и не исключает дифференциацию отдельных следственных и процессуальных действий, процедуры принятия решений по иным критерием, но с обязательным учетом «общего».

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Дифференциация уголовно-процессуальной формы ограничена внешними и внутренними пределами. Внешние пределы дифференциации определены задачами, принципами уголовного судопроизводства и конституционными положениями, универсально подходят для всех направлений дифференциации. Внутренние пределы ограничены исключительно задачами и особенностями специфических уголовно-процессуальных отношений.

2. Проведение дифференциации исключительно по одному конкретному критерию недопустимо, ввиду субъективности, отсутствии самодостаточности каждого из существующих в науке критериев. Поэтому при дифференциации необходимо учитывать совокупность нескольких критериев, при этом критерии должны согласовываться друг с другом.

3. Критерием дифференциации по уголовным делам о преступлениях в кредитно-финансовой сфере является степень (уровень) защищенности совокупности конституционно значимых общественных отношений, складывающихся в данной сфере.

Литература:

1. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.
2. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 297 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – URL: http://www.efremova.info/word/tendentsija.html#.WI-CNaiUGM8 (дата обращения: 01.02.2024).
5. Клещина Е.Н. Тенденции и перспективы развития уголовно-процессуальной формы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2015. – № 2 (34). – С. 41–43.
6. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2001. – 211 с.
7. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 131–138.
8. Качалова О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1(62). – С. 141–149.
9. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – 409 с.
10. Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 458 с.
11. Совещание о ситуации в банковской сфере // Официальный сайт Президента РФ. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64955 (дата обращения: 02.02.2024).
12. Гончар В.В., Захаров Д.Н. Вопросы совершенствования деятельности правоохранительных органов в области предупреждения, раскрытия и расследования киберпреступлений в кредитно-финансовой сфере // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 177–180.
13. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Юридическая литература, 1981. – 144 с.
14. Судья не избежала столкновения // ИД «Коммерсантъ». – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5306835 (дата обращения: 02.02.2024).
15. Александров А.С., Александрова И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6). – С. 5–19.

16. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обусловливающие // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.
17. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. Ю.К. Якимович. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 888 с.
18. Рохлин В.И., Николаева Т.Г. Понятие формы досудебного производства и проблемы его дифференциации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(30). – С. 13–16.

Criteria and Limits of Differentiation of the Criminal Procedural form in Cases of Crimes in the Credit and Financial Spheres

Sabiev S.Sh.
Russian New University

In the context of digitalization of public relations, recently there has been an increase in crimes committed in the credit and financial sphere. Certain problems arise in law enforcement due to the specific nature of crime investigations. These factors determine the relevance of the study of the stated topic.

The purpose of the study is to create criminal procedural mechanisms aimed at protecting persons operating in the financial sector. To achieve this goal, the following tasks are solved: to develop the properties and determine the external and internal boundaries of the criminal procedural form in cases of crimes in the credit and financial sphere, corresponding to the purpose of criminal proceedings.

The scientific significance of this study lies in the fact that establishing criteria and defining the limits of the phenomenon under study allows us to create an effective criminal procedural form, and the formulated proposals can become the basis for further research into questions about the development and differentiation of criminal procedural forms.

The practical significance of the study is to create conditions aimed at ensuring the reliability and stability of social relations emerging in the credit and financial sphere.

The main results of the study can be identified that differentiation takes into account a set of criteria, each of which must correspond to the objectives, constitutional provisions and principles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Conclusions are drawn that the general criterion for differentiation of the criminal procedural form on the issue under study is the degree of protection of constitutionally significant relations arising in the credit and financial sphere

Key words: criminal procedural form, differentiation, external and internal limits, criteria

УДК 340; 34.01

Установление сервитута на земельный участок как предмет исследования

Садреев Р.Р.
Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье определяется значение и роль земельного сервитута в российском праве. Целью статьи является исследование сервитута как института гражданского и земельного права, рассмотрение процедуры установления сервитута на земельный участок с точки зрения методологии юридической науки. В статье проводится анализ различных подходов к пониманию сервитута, изучены сроки действия сервитута, затронута проблема платы за сервитут, а также особенности его государственной регистрации. Кроме того, автором раскрыта методологическая база исследования сервитута, рассмотрены такие общенаучные методы научного познания, как методы систематизации, анализа, аналогии, обобщения, а также некоторые частно-научные и частноправовые методы.

Ключевые слова: методология юридической науки, собственность, земельный участок, сервитут, публичный сервитут, право ограниченного пользования, вещное право

Методологическую базу исследования статьи составляют общенаучные методы познания, а именно метод систематизации, анализа, аналогии, обобщения. Основополагающим принципом научного познания является принцип объективности, предполагающий сосредоточение внимания на внутренней природе изучаемого явления. Применительно к установлению сервитута на земельный участок принцип объективности означает, что на исследование земельного сервитута и получение знаний о нем не должны влиять субъективные факторы, знания должны быть объективны. Это достигается путем наблюдения и анализа фактических данных, собранных с использованием статистических данных, обобщения судебной практики. Законы и правила, которые регулируют порядок установления земельного сервитута, изучаются во всей совокупности. Метод систематизации означает применение системного подхода при изучении порядка установления сервитута на земельный участок. А это, в свою очередь, предполагает рассмотрение и изучение данной проблемы в контексте правовой системы в целом. Для этого необходимо изучить связанные федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, правовые обычаи, которые оказывают влияние на правовое регулирование установления земельного сервитута. Метод анализа играет важную роль в изучении установления сервитута на земельный участок. Для достижения глубокого понимания данного явления и его правовой природы проводится анализ юридических актов, судебной практики, а также научных исследований, связанных с этой темой. Это позволяет выявить основные тенденции, проблемы и перспективы в установлении сервитута. Для более полного понимания установления сервитута на земельный участок можно использовать метод аналогии. Сравнение с другими аналогичными правовыми явлениями, такими как аренда или право пользования, помогает выделить общие и отличительные черты, что способствует более глубокому изучению данной проблемы. Метод обобщения позволяет выявить общие закономерности, тенденции и последствия установления сервитута, а также предложить рекомендации для правовой практики.

При изучении темы установления сервитута на земельный участок в юридической науке также могут использоваться специальные (частнонаучные) и частноправовые методы, такие как формально-юридический метод и сравнительно-правовой метод.

Формально-юридический метод основывается на анализе и определении юридических понятий, правовых норм и правовой логики. В контексте установления сервитута на земельный участок этот метод позволит систематизировать юридическую информацию, определить соответствие данных действий требованиям закона и разработать юридические критерии для установления сервитута.

Сравнительно-правовой метод предполагает сравнение правовых систем, норм и правовых актов разных стран или регионов для выявления сходств, различий и особенностей. Применительно к установлению сервитута на земельный участок данный метод позволяет изучить правовые нормы и практику других стран или регионов, где регулируются аналогичные отношения, а также выявить лучшие практики и примеры, которые могут быть применены в рассматриваемой теме.

Специальные (частнонаучные) методы и частноправовые методы дополняют общенаучную методологию юридической науки, позволяя более глубоко и конкретно исследовать тему установления сервитута на земельный участок и вывести научные выводы и рекомендации.

При исследовании установления сервитута на земельный участок могут быть использованы также методы правового толкования и моделирования, историко-правовой метод. Метод правового толкования используется для анализа и интерпретации нормативных правовых актов и других источников права, которыми регулируется порядок установления сервитута на земельный участок. С помощью этого метода проводится разъяснение значения и содержания правовых норм, определение обоснованности и применения соответствующих норм права для установления сервитута. Таким образом, метод правового толкования помогает разрешить неоднозначность и неясность в праве, возникающие при установлении сервитута на земельный участок.

Метод моделирования используется для создания юридических моделей исследуемого явления. В данном случае моделирование поможет представить порядок установления сервитута на земельный участок в виде юридической модели, которая будет включать в себя все необходимые элементы и условия данного процесса. Моделирование позволит лучше понять и представить все этапы, процедуры и последствия установления сервитута, а также предоставит возможность тестирования различных сценариев и вариантов.

Историко-правовой метод предполагает изучение и анализ исторического развития норм и правовых институтов, связанных с установлением сервитута на земельный участок. В данном контексте этот метод позволяет выявить эволюцию правовых норм, изменения в подходах и практике установления сервитута, а также выделить причины и обстоятельства, которые повлияли на формирование современной системы регулирования данного правового института.

Римское право, благодаря своему высокому уровню развития, стало основополагающей научной дисциплиной, влияние которой простирается на многие века вперед и определяет направления развития мировой юридической науки. Римские юристы преодолели примитивное представление о праве как наборе отдельных принципов (казусов) и подошли к юридическим отношениям с философской перспективы, применяя утонченные логические методы и создавая научную основу для античной юриспруденции.

Ученые связывают возникновение сервитутов и правовое регулирование сервитутных отношений с периодом формирования индивидуальной собственности, что делает сервитуты особым институтом подотрасли вещного права. Институт сервитутов возник в римском праве и впоследствии совершенствовался с учетом национального законодательства. Многие моменты развития сервитутных отношений рассматривались в исследованиях, посвященных истории права.

Вот некоторые из них:

1. Необходимо четко определить права собственника и всех остальных членов общества, так как последовательное осуществление индивидуальной собственности, которая является основной формой владения, вызывает эту необходимость [1].

2. Увеличение численности населения и, как результат, увеличение близкого соприкосновения владения земельными участками разных лиц [2].

3. Увеличение городской застройки и плотность населения приводят к тому, что здания становятся более концентрированными и располагаются на более коротком расстоянии друг от друга [3].

Из-за принятия во внимание указанных аспектов, которые были подчеркнуты учеными, многие владельцы столкнулись с невозможностью использовать свою собственность в полной мере, упуская возможность получить преимущества, которые может предоставить собственное имущество. Основным фактором, приводящим к возникновению сервитута, является экстремальная необходимость или безвыходность ситуации, которую можно решить только путем установления сервитута [4]. Таким образом, зародилось право ограниченного пользования чужим имуществом – сервитут.

Сервитут – это один из традиционных элементов гражданского и земельного права, который обозначает обязанность или условие, связанное с использованием недвижимости и ограничивающее ее полные права владельца. Фактором, приводящим к возникновению сервитута, является ситуация, которая может быть решена только путем установления права пользования имуществом другого лица, по-

добно тому, как это было введено в древнем римском праве.

Понятия сервитута в гражданском праве явно демонстрируют, что сервитуты прочно связаны с правом на использование имущества другого лица, конкретно, на использование вещей, принадлежащих этому лицу. Это, соответственно, оказывает влияние на методологию изучения этой темы.

Эффективное использование научных методов позволяет проводить всесторонние, комплексные исследования действительности в контексте исторического и сравнительного права. Такие исследования помогают выявить пути улучшения текущей ситуации, обнаружить новые знания и определить их перспективные направления в дальнейшем.

Методология, являясь совокупностью методов и средств, направленных на решение поставленных проблем в определенной сфере жизни и деятельности, также представляет собой отдельное явление, которое можно рассмотреть независимо от конкретного исследовательского процесса. Из этого вытекает, что некоторые авторы указывают на то, что методология находится одновременно и вне области частнонаучного знания, и внутри него [5, с. 87].

Методология науки является теоретическим и практическим подходом к достижению научного познания и включает в себя набор приемов и методов, которые помогают исследователям получить знания о мире. Она позволяет систематизировать и организовать процесс научного исследования, определить цели и задачи и выбрать наиболее эффективные стратегии и методы работы. Это позволяет достичь более точных и надежных результатов и обеспечить прогресс в научном познании [6, с. 428].

Рассмотрим процедуру установления сервитута на земельный участок с точки зрения методологии юридической науки.

Существует множество точек зрения относительно природы прав на землю, но авторы в большинстве своем сходятся во мнении, что сервитут, как отмечалось выше, является вещным правом. Сервитут представляет собой вещное право лица на ограниченное пользование чужим земельным участком или его частью.

Российская правовая доктрина и законодательство признают такой правовой механизм, как «публичный сервитут», где помимо изъятия земельного участка для общественных нужд, а также с целью защиты определенных общественных интересов, могут существовать ограничения в правах частных собственников земельных участков. Первоначально частный и публичный сервитуты отличались тем, что первый вид сервитута использовался для защиты интересов отдельных граждан и юридических лиц, в то время как второй служил защите интересов неопределенного круга лиц, например, жителей определенного населенного пункта или его части [7, с. 57–58].

Сегодня среди ученых не прослеживается единой точки зрения относительно классификации публичного сервитута в рамках смежных правовых категорий и явлений. А.В. Копылов не видит связи между публичными сервитутами и теми сервитутами, которые были известны в римском частном праве. Он рассматривает сервитут в качестве ограничения права собственности в силу закона [8, с. 62].

В Главе 17 «Право собственности и другие вещные права на землю» российского Гражданского кодекса РФ [9] подробно описываются различные виды земельных сервитутов. Однако, некоторые авторы, в частности, Т.С. Краснова, считают, что публичный сервитут не следует рассматривать как обременение права собственности, а скорее как его предел или ограничение. В их интерпретации публичный сервитут является неотъемлемой частью права собственности на землю, которое обеспечивает публичные интересы и нужды общества. Публичный сервитут определяет пределы использования права собственности на землю в интересах общества, но при этом не является препятствием для его осуществления [10, с. 7–8].

Таким образом, по своей юридической сути сервитут не предполагает прекращение права пользования частью земельного участка, которая находится под его действием. Однако реализация права на застройку земли, предоставленного в соответствии с законодательством Российской Федерации, может привести к тому, что пользоваться участком легально не будет возможным.

Согласно п.п. 7, 8 «Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 г.» (далее – «Обзор...»), сервитут может быть установлен только в случае, если нет других вариантов удовлетворить потребности лица, в пользу которого устанавливается сервитут, и при этом собственник земельного участка, на который накладывается сервитут, имеет полную свободу использовать его в соответствии с его предназначением и в соответствии с разрешенным использованием [11].

Так, в одном из рассмотренных судебных дел истец А. обратился в суд к Б. с требованием об установлении сервитута, так как через земельный участок, находящийся в собственности ответчика, проходит дорога, ведущая в том числе к участку истца. При этом к земельному участку А. имеется иная дорога, но состояние хуже, а протяженность больше по сравнению с дорогой, проходящей через земельный участок ответчика.

Поскольку представленными доказательствами, в том числе заключением землеустроительной экспертизы, была подтверждена возможность прохода и проезда к земельному участку истца без использования земельного участка ответчика, а положения п. 1 ст. 274 ГК РФ допускают установление серви-

тута для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок только в том случае, когда такие нужды собственника земельного участка (иной недвижимости) не могут быть установлены без установления сервитута, суд пришел к правомерному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного требования.

Срок действия сервитута зависит от соглашения между сторонами, в то время как срок публичного сервитута определяется решением о его установлении на основе указанного срока в соответствующем ходатайстве. Согласно законодательству РФ, публичный сервитут на земельный участок, находящийся в зоне, зарезервированной для государственных или муниципальных нужд, не может превышать срока резервирования этих земель. Это указано в п. 7 ст. 23 и ст. 39.45 Земельного кодекса РФ [12].

Согласно ст. 39.24 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ), сервитут, установленный на земельном участке, не может продолжаться дольше, чем срок действия договора аренды или безвозмездного пользования этого участка, заключенного с арендатором или землепользователем.

Срок действия публичного сервитута определяется в соответствии с целями его установления, как указано в российском действующем земельном законодательстве (ст. 39.45 ЗК РФ). Например, для размещения объектов электросетевого хозяйства этот срок составляет от 10 до 49 лет.

Разрешается выделять ограниченный срок, не превышающий одного года, на осуществление инженерных исследований и подготовку документации по планировке территории, включая размещение линейных объектов.

Если использование земельного участка значительно ограничено установлением публичного сервитута, владелец этого участка имеет право требовать соразмерную компенсацию от органа государственной власти или органа местного самоуправления, которые установили сервитут. Размер платы, порядок и срок ее внесения указываются в соглашении.

Стоит отметить, что публичный сервитут может быть предоставлен и безвозмездно, например, в том случае, если земельный участок принадлежит правообладателю, который одновременно является одной из сторон договора о технологическом присоединении к инженерно-техническим сетям.

Если возникает спор относительно размера платы за сервитут, то этот спор может быть разрешен в судебном порядке. Согласно п. 12 «Обзора...» в рамках судебного процесса также может быть назначена экспертиза, которая поможет определить соответствующую сумму платы за сервитут.

Принимая решение об определении характера платы за сервитут (единовременной выплате в полном объеме или периодических платежах в течение всего срока действия сервитута), в целях наибольшего соблюдения баланса интересов истца и ответчика необходимо учитывать не только содержание заявленных истцом требований, но и конкретные условия и объем сервитута.

Например, Общество обратилось в арбитражный суд с исковым заявлением об установлении сервитута для обеспечения проезда через соседний земельный участок, принадлежащий предпринимателю. При рассмотрении спора предприниматель не возражал против обременения его имущества сервитутом на условиях, предложенных Обществом, вместе с тем заявил требование об определении платы за пользование принадлежащим ему земельным участком. Общество, предлагая плату в размере 2 000 руб. ежемесячно, полагало, что такая плата соразмерна ограничению права предпринимателя. Ответчик, возражая против предложенного размера платы, указывал, что такой размер не учитывает расходы, которые необходимо понести предпринимателю для оборудования въезда автотранспортных средств Общества на земельный участок, а также интенсивность движения автотранспортных средств истца и ответчика. 16 Арбитражный суд, оценив доводы истца и ответчика, с учетом заключения эксперта, установил плату за сервитут в размере 50 000 руб., подлежащих уплате Обществом предпринимателю единовременно, и 8 000 руб., которые подлежат уплате ежемесячно не позднее 5-го числа каждого месяца. При этом суд апелляционной инстанции исходил из следующего. Согласно п. 5 ст. 274 ГК РФ, п. 6 ст. 23 ЗК РФ собственник земельного участка, обремененного сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут, если иное не предусмотрено федеральными законами. Определяя размер платы, суд первой инстанции основывался на заключении эксперта, определившего размер той материальной выгоды, которую получает Общество в связи с установлением сервитута. Также судом учтены интенсивность движения транспортных средств по земельному участку предпринимателя, площадь использования обремененного в результате установления сервитута участка, а также необходимость оборудовать предпринимателем отдельный въезд для автотранспортных средств Общества.

Правила о регистрации сервитута и его установлении определены в различных нормах законодательства Российской Федерации, включая Гражданский кодекс РФ, Земельный кодекс РФ и Закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [13]. В общем случае для того, чтобы сервитут считался установленным, необходима его государственная регистрация, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством, в частности, когда серви-

тут устанавливается в отношении части земельного участка, принадлежащего государству или муниципалитету на срок, не превышающий трех лет, и по соглашению сторон не проводятся работы по подготовке документов, необходимых для осуществления государственного кадастрового учета и регистрации прав на часть земельного участка, в отношении которого устанавливается данный сервитут. Граница действия сервитута в этом случае определяется в соответствии со схемой границ сервитута на кадастровом плане территории, прилагаемой к соглашению об установлении сервитута.

Необходимо отметить, что отношения по установлению сервитута на земельный участок сложны и многогранны, а также имеют высокое научно-практическое значение. В правоприменительной практике в Российской Федерации и Республике Татарстан возникает много вопросов, связанных с необходимостью установления и прекращения земельного сервитута, оплаты и его государственной регистрации.

В целях снижения правовой конфликтности считаем, что необходимо более тщательно изучать основы возникновения и законодательного регулирования правоотношений в указанной сфере, для чего требуется обращаться как к общенаучным, так и к специальным методам исследования. Отношения по установлению сервитута на земельный участок могут быть наиболее эффективно, достойно урегулированы только при сотрудничестве экспертов в сфере гражданского и земельного права, законодателей, правоприменителей и научного сообщества.

Литература:

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXIX (57). Сахар – Семь мудрецов – URL: https://runivers.ru/lib/book3182/10188/
2. Абрамович К.Г. О крестьянских сервитутах в Губерниях Западных, Прибалтийских и Царстве Польском. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1895. – 700 с.
3. Морецолль Т. Учебник римского права. – М.: тип. А. Мамонтова: Унив. тип. (Катков и К°), 1867. – 103 с.
4. Ерофеев Б.В. Земельное право России. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 89 с.
5. Лебедев С.А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // Вопросы философии. – 1980. – № 6. – С. 79–88.
6. Большая российская энциклопедия / Под ред. В.И. Бородулина, А.И. Гусева и др. В 30 т. – URL: https://old.bigenc.ru/
7. Позднякова С.И. Установление сервитутов на землях, занятых линейными объектами // Аграрное и земельное право. – 2009. – № 4. – С. 56–59.
8. Копылов А.В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном гражданском праве. – М.: Статут, 2020. – 136 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32.
10. Краснова Т.С. Отдельные аспекты учения о сервитуте в современном российском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 6–18.
11. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – ноябрь. – № 11.
12. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 44.
13. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.

Establishment of an Easement for a Land Plot as a Subject of Research

Sadreev R.R.
University of Management «TISBI» (Kazan)

This article defines the meaning and role of land easement in Russian law. The purpose of the article is to study the easement as an institution of civil and land law, to consider the procedure for establishing an easement on a land plot from the point of view of the methodology of legal science. The article analyzes various approaches to understanding the easement, examines the validity period of the easement, touches on the problem of payment for the easement, as well as the features of the state registration of the easement. In addition, the author reveals the methodological basis of the easement research, examines such general scientific methods of scientific cognition as methods of systematization, analysis, analogy, generalization, as well as some private scientific and private legal methods.

Key words: methodology of legal science, property, land plot, Easement, public easement, the right of limited use, property law

УДК 342.41

К вопросу об основных аспектах социального государства как конституционной идеи

Садриева Д.Н.
Соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Исследование идеологических основ конституционализма, одной из которых выступает конституционная идея социального государства, является одной из наиболее значимых в публично-правовых исследованиях и связана с решением целого комплекса исследовательских задач, включая выявление и систематизацию типичного понятийного ряда, раскрывающего сущность данного конституционно-правового явления. Целью проведенного исследования выступает осмысление и уточнение содержания понятия социального государства, которое обладает устойчивым и одновременно динамическим характером. Практический аспект исследования заключается в том, что конституционная идея социального государства выступает в качестве ведущего фактора становления и развития социального правового государства, совершенствования текущего законодательства в социальной сфере. Новизна работы выражается в том, что систематизация и анализ предложенных доктринальных подходов к пониманию социального государства позволили автору определить и обобщить те основные черты и признаки, которые наиболее полно и всесторонне отражают сущность конституционной идеи социального государства и ее практическое воплощение в правовой действительности. Ценность проведенного научного исследования обусловливается тем, что автор проанализировал основные теоретические подходы к пониманию социального государства как элемента конституционной идеи, установил основные направления, определяющие ее практическую реализацию, сформулировал собственное понимание сущности социального государства.

Ключевые слова: конституционная идея, социальное государство, социальные права и свободы человека и гражданина, социальная функция, социальная политика

Проблема взаимоотношений общества, личности и государства не может быть разрешена без обращения к идеям конституционализма, одной из которых выступает система теоретических суждений о социальном государстве.

В этой системе представлений центральное место занимают определения, посвященные социальному государству.

Так, О.В. Лукшин понимает под социальным такое государство, главной задачей которого является достижение такого общественного прогресса, который основывается на закрепленных правом принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности [1, с. 8]. С точки зрения С.Г. Василевича, социальным можно назвать государство, правовым императивом деятельности которого выступает создание условий для всестороннего развития личности, реализации ею всего комплекса прав и свобод, надлежащего выполнения конституционных обязанностей, оказание социально-экономической помощи гражданам, которые по объективным причинам (возраст, инвалидность, многодетность и т.п.) не в состоянии на равных условиях конкурировать на рынке труда с трудоспособными лицами [2, с. 100]. Наконец, В.Е. Чиркин полагает, что социальное государство представляет

собой активное, интервенционистское, регуляционное государство, вмешивающееся в сферу социально-экономических отношений и отношений в области культуры, духовной жизни, в конечном счете в общих (общественных) целях, хотя и не всегда на деле равно соблюдающее (и по своему положению не могущее одинаково соблюдать) интересы всех слоев общества и индивидов [3, с. 28].

Значимость представлений о социальном государстве выражается в том, что они в том или ином объеме раскрывают основное предназначение и обобщают отличительные признаки социального государства.

Прежде всего, следует согласиться с позицией А.А. Ходусова, который считает, что социальное государство предполагает наличие и постоянное расширение социальной сферы, когда каждому члену общества обеспечивается предоставление тех или иных государственных гарантий, пособий и льгот [4, с. 120].

Также отметим, что подобные гарантии, пособия и льготы должны иметь в социальном государстве социально ориентированный характер. В то же время наличие социальных гарантий, пособий и льгот не исчерпывает всей структуры и содержания социальной сферы, которая включает в себя также формы непроизводственной деятельности, с помощью которых члены общества удовлетворяют свои жизненно важные потребности и интересы, отрасли социальной сферы, определяющие качество и образ жизни человека, к которым, по мнению Е.В. Горшениной, относятся образование, культура, искусство, здравоохранение, туризм, отдых, физическая культура, спорт, пассажирский транспорт, связь, коммунальное хозяйство [5, с. 47], а также различные социальные услуги, оказываемые населению, включая образовательные, медицинские, бытовые, рекреационные, досуговые и пр.

Не менее важным компонентом системы теоретических суждений о социальном государстве и одновременно его отличительным признаком выступает предметное правовое регулирование или законодательное регулирование социальной сферы, которую А.Б. Борисова определяет в качестве совокупности отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние и потребление [6, с. 895].

Основой законодательного регулирования социальной сферы выступает Конституция Российской Федерации, которая, как известно, не только провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, но и закрепляет социально-экономические права и свободы человека и гражданина.

Вместе с тем по данному вопросу в системе суждений о конституционной идее социального государства высказываются и другие позиции.

Так, И.В. Леонов считает, что социальное государство представляет собой идеальный тип государства, деятельность которого основана на признании, соблюдении и гарантированной защите политических и социально-экономических прав и высших духовно-нравственных ценностей [7, с. 12]. Полагаем, что данная точка зрения в большей мере характеризует демократическое социальное государство, в котором объединяются политико-юридические и социально-экономические признаки государственности.

Считаем, что для законодательного регулирования социальной сферы структурообразующим элементом все же выступают социальные и (или) социально-экономические права и свободы человека и гражданина, без которых невозможна реализация рекомендательной формулы, предусмотренной ст. 25 (ч. 1) Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. о том, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.

В свою очередь, А.А. Контарев отмечает, что социальное законодательство можно определить как систему социальных гарантий государства, предоставляемых гражданам в соответствии с социокультурными, политическими, юридическими и идеологическими принципами, на которых базируется его правовая система [8]. В этом случае включение в основы законодательного регулирования социальной сферы системы исходных принципов правового регулирования соответствующих общественных отношений является правомерным, однако отождествление социальных гарантий, выступающих объектом законодательного регулирования, с самим социальным законодательством как результатом законотворчества мы считаем неверным.

Выделение среди отличительных критериев социального государства социальных и (или) социально-экономических прав и свобод способствует локализации в системе государственных долженствований особой группы конституционных обязанностей, в том числе их признавать, соблюдать и защищать, а также обеспечивать охрану труда, здоровья, оказывать медицинскую помощь, государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливать, регулярно индексировать и своевременно выплачивать пенсии и пособия по нетрудоспособности, предоставлять жилье, обеспечивать получение образования и пр. Как отмечают в этой связи П.П. Петров и другие авторы, сущность социального государства определяется не политическим режимом, а признанием и закреплением со

стороны государства социальных обязанностей перед гражданами [9, с. 7].

Еще одним отличительным признаком социального государства выступает выделение особой социальной функции или функции социальной защиты.

По мнению Р.В. Косова, содержание данной функции государства сводится к обеспечению нормальных условий жизни для граждан, поступательного развития общества и созданию эффективной системы социальной защиты, что выражается в комплексе мероприятий по оказанию социальных услуг и социальной поддержке граждан [10, с. 7]. О.В. Родионова считает, что социальная функция предполагает особую деятельность государства, направленную на минимизацию различий в доступе членам государства к общественным благам, с целью обеспечения стабильности (самосохранения) социума [11, с. 15].

Государство, реализующее социальную функцию, формирующее социальное законодательство и несущее свои социальные обязательства перед гражданами, создает организационно-правовые и иные предпосылки для выработки и реализации государственной социальной политики, предметным полем которой, как отмечают П.Н. Байматов и А.В. Сигарев, являются занятость населения, образование, охрана здоровья, социальное обеспечение, обеспечение жильем [12, с. 198; 13, с. 10–12]. В то же время С.П. Шапошников правомерно выделяет среди актуальных задач государственной социальной политики создание законодательно утвержденной системы механизмов и инструментов осуществления социальных функций, системы индикаторов социально-экономического состояния общества в целях оказания социальной помощи для своих граждан, контрольных механизмов за исполнением социальной функции и пр. [14, с. 7–8].

Таким образом, реализация конституционной идеи социального государства отражается в том, что оно образует и неуклонно расширяет социальную сферу, формирует социальное законодательство, осуществляет функцию социальной защиты, возлагает и исполняет социальные обязательства, вырабатывает и реализует социальную правовую политику, учреждает гарантии, пособия и льготы, обеспечивающие охрану и защиту социальных и (или) социально-экономических прав и свобод, оказывает социальные услуги населению.

Социальное государство представляет собой государство, одним из основных направлений деятельности которого выступает целенаправленное преобразование социокультурной среды для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека и общества.

Литература:

1. Лукшин О. В. Социальное государство: понятие, развитие и реализация идеи // Право: современные тенденции: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, октябрь 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 2–6.
2. Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 95–100.
3. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 24–37.
4. Ходусов А.А. К вопросу о сущности и проблемах социального государства // Вестник Московского государственного областного ун-та. – 2018. – № 4. – С. 114–125.
5. Горшенина Е.В. Система основных социально экономических индикаторов для уровня жизни в регионе // Вопросы статистики. – 1996. – № 4. – С. 47–55.
6. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.
7. Леонов И.В. Современное социальное государство: сущность, признаки, проблемы формирования. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 96 с.
8. Контарев А.А. О социальном законодательстве в контексте правопонимания // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 2. – С. 119–122.
9. Петров В.П., Семёнова В.Э., Шкенев К.А. Основы социального государства: учеб. пособие. – Н.Новгород: ННГАСУ, 2016. – 283 с.
10. Косов Р.В. Основы социального государства: учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2011. – 80 с.
11. Родионова О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации // Известия вузов. Правоведение. – 2010. – № 3. – С. 15–26.
12. Байматов П.Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение – индикатор социальности государства // Право и политика. – 2014. – № 2. – С. 197–206.
13. Сигарев А.В. Социальное государство как конституционно-правовая проблема // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 12. – С. 10–12.
14. Шапошников С.П. Социальное государство: теоретико-правовая модель: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – СПб., 2010. – 18 с.

On the Issue of the Main Aspects of the Welfare State as a Constitutional Idea

Sadrieva D.N.
Kazan (Volga Region) Federal University

The study of the ideological foundations of constitutionalism, one of which is the constitutional idea of a social state, is one of the most significant in public law research and is associated with solving a whole range of research tasks, including identifying and systematizing a typical conceptual series that reveals the essence of this constitutional and legal phenomenon. The purpose of the conducted research is to comprehend and clarify the content of the concept of a social state, which has a stable and at the same time dynamic character. The practical aspect of the study is that the constitutional idea of a social state acts as a leading factor in the formation and development of a social rule of law state, improving current legislation in the social sphere. The novelty of the work is expressed in the fact that the systematization and analysis of the proposed doctrinal approaches to understanding the welfare state allowed the author to identify and summarize those main features and features that most fully and comprehensively reflect the essence of the constitutional idea of the welfare state and its practical implementation in legal reality. The value of the conducted scientific research is due to the fact that the author analyzed the main theoretical approaches to understanding the welfare state as an element of the constitutional idea, established the main directions determining its practical implementation, formulated his own understanding of the essence of the welfare state.

Key words: constitutional idea, social state, social rights and freedoms of man and citizen, social function, social policy

УДК 343.241

Учет личности при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера

Суворова С.В.
Директор ООО «Институт правовой защиты» (Самара)

Тема настоящего исследования является актуальной с точки зрения необходимости адекватного реагирования государства на совершаемые преступные деяния в виде назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера с учетом личности виновного. Цель исследования заключается в оценке учета судами личности подсудимого при решении вопроса о назначении ему наказания или иной меры уголовно-правового характера. Научная значимость статьи состоит в новом подходе к изучению личности виновного, ее практическая значимость – в возможном учете положений статьи в работе судов. В статье проанализировано значение личности виновного при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера через призму эффективной реализации принципа справедливости. Определены сущность и содержание личности виновного, общие критерии назначения наказания, оценены различные формулировки в судебных решениях. Подвергнуты критическому анализу отдельные обстоятельства, принятые во внимание судами при назначении наказания, с учетом действующего уголовного законодательства и разъяснений Верховного Суда РФ. В результате проведенного исследования сделан вывод о необходимости учета личности виновного в качестве важного критерия при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Ключевые слова: личность виновного, наказание, принцип справедливости, индивидуализация наказания

Актуальность темы обусловлена необходимостью соответствия назначаемых за совершение преступлений наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, а также личности виновного. Именно личность виновного как элемент индивидуализации наказания и иных мер уголовно-правового характера, с нашей точки зрения, недостаточно учитывается судами в процессе уголовного судопроизводства. Целью настоящего исследования является анализ возможности учета личности виновного в качестве критерия такой индивидуализации.

Одним из важнейших принципов уголовного права следует признать принцип справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми. Содержание справедливости данного принципа законодатель заключил в формулу соответствия назначаемого наказания и иной меры уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Названные критерии находят свое отражение в ч. 3 ст. 60 УК РФ, при этом, исходя из анализа юридической конструкции данного предписания, можно сделать вывод о том, что характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного раскрываются в том числе через обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Как справедливо заключает Е.В. Благов, характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного являются родовыми критериями общих начал назначения наказания, а смягчающие и отягчающие обстоятельства – видовыми [1, с. 57]. Ф.Р. Сундуров обращает внимание на пер-

сонифицированную индивидуализацию наказания, т.е. тот вид индивидуализации, который зависит от индивидуальных свойств виновного [2, с. 39].

УК РФ предусматривает 10 обстоятельств, смягчающих наказание, перечисленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ, допуская судейское усмотрение при учете иных обстоятельств, и 17 обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренных законодателем в ч. 1 ст. 63 УК РФ, исключая возможность расширения перечня обстоятельств судом. Не все из них имеют прямое отношение к характеристике личности виновного, например, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (как обстоятельство, смягчающее наказание) или наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (как обстоятельство, отягчающее наказание). Между тем личность виновного имеет, с нашей точки зрения, важнейшее значение как критерий назначения наказания, поскольку отсутствие его учета или недостаточный учет не позволит говорить о справедливости примененного наказания или иной меры уголовно-правового характера. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – Постановление № 15) перечислил характеристики личности, которые подлежат учету при назначении наказания – данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников) [3]. При этом лишь один из перечисленных факторов нашел свое отражение в уголовном законодательстве – наличие малолетних детей у виновного как обстоятельство, смягчающее наказание (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Вместе с тем суды зачастую формально подходят к оценке личности виновного. А.А. Брестер и Е.А. Юришина обращают внимание на тенденцию к повторению в судебных решениях определенных фраз – «изучив данные о личности», «учитывая наличие несовершеннолетних на иждивении», «учитывая отсутствие (наличие) непогашенной судимости» (хотя Постановление № 15 содержит прямой запрет на учет данного обстоятельства – прим. автора) и пр., придерживаясь мнения о неубедительности таких формулировок. Также отмечается переписывание ст. 60 УК РФ без обоснования принятого судом решения, что не дает понимания причин, по которым тому или иному осужденному назначается определенная мера наказания [4, с. 538, 550].

Однако индивидуализация наказания сквозь призму реализации уголовно-правового принципа справедливости предполагает более точное обоснование назначенного наказания с опорой на конкретные характеристики личности виновного, связанные с совершением преступления и позволяющие прогнозировать продолжение преступной деятельности, и наоборот; определить мотив и цель совершенного им преступления и оценить вероятность достижения цели наказания или иной меры уголовно-правового характера с учетом этих характеристик.

Согласно Л.Л. Кругликову, под личностью виновного надлежит понимать собирательное понятие, объемлющее общественную сущность человека, его биологические и психологические особенности [5, с. 134]. Общественная сущность человека как составляющая личности виновного позволит оценить суду роль виновного в общественной жизни, ответить на вопрос, насколько назначенное ему наказание способно повлиять на его общественный статус, а также определить негативные последствия наказания для окружения виновного. Биологические особенности виновного характеризуют его как человека определенного пола, возраста, имеющего определенные заболевания. Все эти признаки, с одной стороны, могут соотноситься с причинами совершения лицом преступления, а с другой – позволяют индивидуализировать наказание, избегая чрезмерно серьезного воздействия на виновного в соответствии с принципом гуманизма. Что касается психологических особенностей виновного, то их подробный анализ позволит понять мотив и цель совершения преступления, а также соотнести назначенное наказание с личностью виновного. Как напоминают Ю.В. Грачева и Л.Р. Сафин, «суд назначает наказание конкретному лицу с присущими только ему психобиологическими и социальными особенностями, а сознание человека индивидуально, у каждого своя система взглядов, убеждений, привычек, отношение к работе, семье, окружающим и другим ценностям жизни» [6, с. 297]. Соответственно, для достижения целей наказания (в частности, исправления осужденного) необходимо учитывать все эти факторы.

А.А. Алиев рассматривает личность виновного как уникальный, реальный и конкретный объект познания для учета ее свойств в уголовно-правовой плоскости (в частности, для назначения наказания). Автор считает, что личность виновного складывается не только из присущих лицу признаков, образующих смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, но и из его криминального опыта, способности к исправлению, способности отбывать то или иное наказание и т.д. [7].

На наш взгляд, способность к исправлению относится к категориям вероятностного характера, причем трудно прогнозируемым. Что касается самой субъективной возможности отбытия наказания, то здесь следует согласиться с А.А. Алиевым, отметив, что не каждый виновный способен перенести тяготы того или иного наказания, учитывая состояние его здоровья и прочие обстоятельства. Однако

анализ судебной практики свидетельствует, что при назначении наказания суды далеко не всегда учитывают то же состояние здоровья.

При этом в судебных решениях встречаются ссылки на обстоятельства, которые не имеют никакого отношения к характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, а также к личности виновного, например, мнение потерпевшего (приговор Шахунского районного суда Нижегородской области от 15.02.2022 г. [8], приговор Шабалинского районного суда Кировской области от 14.02.2022 г. [9]). В приведенных судебных решениях мнение потерпевших выражалось в ходатайствах о неназначении подсудимому строгого наказания и учитывалось судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Несмотря на отсутствие такого обстоятельства в перечне указанных обстоятельств, суды активно на него ссылаются, что не может не вызывать вопросы. Так, в апелляционном постановлении от 17.11.2020 г. Шумихинский районный суд Курганской области указал, что положения УК РФ не предполагают возможности учета мнения потерпевшего при назначении наказания, а перечень обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, исчерпывающе определен законоположениями ст.ст. 6 и 60 УК РФ и мнение потерпевшего в данный перечень не входит [10].

С другой стороны, как отмечает А.В. Иванчин, в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, суд обязан учесть при вынесении приговора данные, негативно характеризующие виновного (например, сведения о его привлечении к административной ответственности), сведения, характеризующие повышенную степень общественной опасности содеянного (например, его продолжаемый или длительный характер) [10, с. 144]. Противоположной позиции придерживается Л.В. Иногамова-Хегай, акцентируя внимание на закрытом характере перечня отягчающих обстоятельств [11, с. 168].

С нашей точки зрения, суд должен учесть при назначении наказания, а также иных мер уголовно-правового характера все данные, характеризующие личность виновного, которые важны с точки зрения целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Другой критерий обстоятельств, подлежащих учету по уголовным делам, – принципы уголовного права.

Личность виновного представляет собой высокостабильный критерий при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, содержание которого максимально подробно подлежит раскрытию в ходе судебного разбирательства и, соответственно, в приговоре суда с целью эффективной реализации уголовно-правового принципа справедливости и других принципов уголовного права.

Что касается показателя целей, то для наказания всегда важно учитывать данные о личности во взаимосвязи с характеристиками преступления, иначе невозможен вывод о соответствии назначенного наказания его целям, установленным в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Для понимания сбалансированности данных о личности и деянии, с точки зрения выбора иной меры уголовно-правового характера, нужно признать, что цели наказания и цели иных мер уголовно-правового характера – не одно и то же. Такой подход допускает возможность более широкого учета данных о личности, включая характеристики, не связанные с преступлением.

Литература:

1. Благов Е.В. Критерии общих начал назначения наказания как определенные обстоятельства // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (63). – С. 57–60.
2. Сундуров Ф.Р. Индивидуализация наказания как одно из направлений российской уголовно-правовой политики // Вестник Казанского юридического института МВД России.– 2010. – № 2. – С. 39–42.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». – URL: https://vsrf.ru/documents/own/8470/ (дата обращения: 11.11.2023).
4. Брестер А.А., Юришина Е.А. Критерии, лежащие в основе принятия решения о наказании: эмпирический анализ правоприменительной практики // Вестник СПбГУ. Право. – 2018. – Т. 9. – Вып. 4.– С. 535–553.
5. Уголовное право России. Часть общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2012. – 568 с.
6. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Меры уголовно-правового характера. Наказание. Применение уголовного закона. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних / Под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2024. – 576 с.

7. Алиев А.А. Личность виновного как критерий назначения наказания. // Власть закона. – 2023. – № 2 (54). – С. 167–175.
8. Приговор Шахунского районного суда Нижегородской области от 15.02.2022 г. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/8oZSf4Uul8bJ/ (дата обращения: 11.11.2023).
9. Приговор Шабалинского районного суда Кировской области от 14.02.2022 г. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/PV5CZIa1ZF6x/ (дата обращения: 11.11.2023).
10. Апелляционное постановление Шумихинского районного суда Курганской области от 17.11.2020 г. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/rZJ56kSyvxHP/ (дата обращения: 11.11.2023).
11. Иванчин А.В. Учет критериев назначения наказаний, предусмотренных ч. 3 ст. 60 УК РФ, в судебной практике // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2021. – № 10. – С. 140–151.
12. Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая: учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: Проспект, 2017. – 224 с.

Taking Into Account the Personality When Imposing Punishment and Other Measures of a Criminal Nature

Suvorova S.V.
Institute of Legal Protection LLC (Samara)

The topic of this study is relevant from the point of view of the need for an adequate response by the state to criminal acts committed in the form of sentencing and other measures of a criminal nature, taking into account the identity of the perpetrator. The purpose of the study is to assess the consideration by the courts of the defendant's personality when deciding whether to impose a punishment or other measure of a criminal nature. The scientific significance of the article lies in a new approach to the study of the identity of the perpetrator, its practical significance lies in the possible consideration of the provisions of the article in the work of the courts. The article analyzes the importance of the identity of the perpetrator in the imposition of punishment and other measures of a criminal nature through the prism of the effective implementation of the principle of justice. The essence and content of the culprit's personality, general criteria for sentencing are determined, and various formulations in court decisions are evaluated. The individual circumstances taken into account by the courts when imposing a sentence are critically analyzed.

Key words: the identity of the perpetrator, punishment, the principle of justice, individualization of punishment

УДК 343

Отдельные проблемы уголовно-правовой квалификации незаконного обналичивания денежных средств

Султанов Р.А.
Адъюнкт кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России

В статье рассмотрены проблемные вопросы уголовно-правовой квалификации незаконного обналичивания денежных средств. В настоящее время данная тематика является актуальной для исследования, поскольку должны развиваться и уголовно-правовые механизмы защиты обеспечения прав заемщиков, участников финансово-кредитной сферы. Целью статьи является рассмотрение применения ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ. Данные преступления, в которых цифровая валюта используется для незаконного обналичивания денежных средств, – это уже не редкость, поскольку «удобство» цифровых валют для совершения незаконного обналичивания как раз и состоит в том, что они могут использоваться как средство платежа вне зависимости от их признания таковым государством или межгосударственным образованием.

В результате проведенного исследования проведение разграничения ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ следует, исходя из вида кредита. Позиция законодателя в этой части: разделить ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ через функциональный аспект деления кредитной системы. Ценность проведенного исследования заключается в возможности использования представленного теоретического материала в практической деятельности.

Ключевые слова: обналичивание, денежные средства, незаконная банковская деятельность, преступление, займ, потребительский кредит

Исходя из данных МВД России, совершение преступлений путем использования цифровой валюты и информационно-телекоммуникационных технологий – достаточно частое явление. Данная позиция нашла свое отражение в статистических данных. Так, в 2021 г. было зарегистрировано 517 722 преступления указанной группы, из них 288 312 тяжких и особо тяжких, в том числе совершенных с использованием или применением:

- компьютерной техники – 27 519;
- программных средств – 7 216;
- фиктивных электронных платежей – 954;
- сети Интернет – 351 463;
- средств мобильной связи – 217 552 [1].

Сеть Интернет обладает такой характеристикой, как анонимность. Эта же характеристика присуща и цифровой валюте.

В российской науке цифровые валюты и их классификация представлены в работе Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой [2, с. 115]. В ней авторы разделяют понятие цифровой валюты – криптовалюты и платежного токена, указывая на их технологические различия, которые должны предполагать и разный правовой режим. Они относят к криптовалюте «криптообеспеченные и необеспеченные стейблкоины», не относя тем самым к ней фиатнообеспеченные и товарообеспеченные стейблкоины. Большинство авторов рассматривают цифровую валюту как созданную вне контроля государства ценность и предлагают определять в качестве введенных в обращение частными лицами расчетных знаков, частных денег, договорных денег (когда они выполняют платежную функцию по совместному решению сторон) [3, с. 95].

При этом основной опасностью цифровой валюты можно отметить возможность ее использования в преступных целях. Как безналичным платежным средствам им присуща высокая скорость проведения операций, а также анонимность как признак цифровой среды.

В силу указанного, цифровая валюта и, реже, цифровые финансовые активы могут выступать как предметами, так и средствами совершения преступлений. При этом количество таких преступлений из года в год растет, что, по нашему мнению, требует не только правильной квалификации деяния, но и эффективного противодействия им и создания алгоритмов расследования. Это связано с их повышенной опасностью, поскольку они характеризуются низкой раскрываемостью, причинением ущерба в крупном размере, а также могут осуществляться с целью финансирования терроризма.

Таким образом, преступления, в которых цифровая валюта (например, криптовалюта) используется для незаконного обналичивания денежных средств, – это уже не редкость, поскольку «удобство» цифровых валют для совершения незаконного обналичивания как раз и состоит в том, что они могут использоваться как средство платежа вне зависимости от их признания таковым государством или межгосударственным образованием.

Под незаконным обналичиванием нами понимается перевод денежных средств из безналичной формы в бумажные деньги при отсутствии законных оснований для совершения таких операций.

Анализируя изменения, внесенные в российское законодательство после принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], можно отметить, что прямо в Уголовном кодексе РФ [5] про цифровые валюты не говорится, они фактически приравниваются к компьютерной информации. Таким образом, теоретическая неопределенность статуса цифровой валюты выступает проблемой при квалификации деяния как преступного по соответствующей норме Уголовного кодекса РФ. Это накладывает свой отпечаток на уголовно-правовую квалификацию незаконного обналичивания денежных средств.

Согласно положениям Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. [6], при разработке новых продуктов и технологий страны должны оценивать риски финансирования терроризма и отмывания денежных средств при помощи этих технологий или продуктов.

В научной среде подходы к определению правовой природы цифровой валюты менялись вместе с изменениями законодательства. Цифровая валюта, а именно криптовалюта, была признана объектом гражданских прав задолго до появления Закона о цифровых активах. Позже она признавалась и финансовым активом. Относительно правовой природы цифровой валюты в настоящее время в науке сложилось две теории:

1) вещная;

2) обязательственная.

Цифровую валюту и цифровые финансовые активы можно отнести к новым финансовым продуктам, с появлением которых они быстро стали как предметом, так и средством совершения преступлений. Необходимость анализа поставленного в настоящей статье вопроса возникла в связи с распространенностью таких преступлений и существующими проблемами их расследования, в том числе порядка производства следственных действий и закрепления доказательств, а также квалификации деяний по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ. Основной опасностью цифровой валюты можно отметить возможность ее использования в преступных целях. Как безналичным платежным средствам им присуща высокая скорость проведения операций, а также анонимность как признак цифровой среды.

Выше представленные действия следует квалифицировать как по ст. 172 УК РФ как незаконную банковскую деятельность, так и по ст. 159 УК РФ как мошенничество. Также широкое распространение цифровой валюты может негативно повлиять на сферу налогообложения, т.е. на публичные интересы. Поскольку государство не сможет контролировать расчеты, оно не сможет и взимать с них налоги. В результате может сформироваться такая мощная теневая экономика, которая в своем развитии обгонит экономику, контролируемую государством.

Таким образом, появление цифровой валюты и ее широкое распространение является вызовом современным банковским и платежным системам, которым государство пытается противостоять. Одним из основных механизмов противостояния цифровой валюте является создание таких условий, при которых потребность в ней отпадает – снижение комиссий за услуги банка, увеличение скорости переводов денежных средств, защиту сбережений от инфляции.

Поскольку правила оборота цифровой валюты устанавливаются информационной системой, в которой и осуществляется оборот, государственное регулирование отношений, связанных с цифровой валютой, невозможно, поскольку это означает вмешательство в работу каждой из существующих и будущих информационных систем, что не допускается нормами действующего законодательства. В связи с этим для преступников больший интерес представляет именно цифровая валюта, поскольку ее использование анонимно, что безопасно с точки зрения раскрытия личности преступника, и позволяет быстро получить «живые» деньги путем обмена цифровых монет на фиатные деньги, производить

бесконтрольное обналичивание, а также практически отсутствующее правовое регулирование правил функционирования информационной системы.

С точки зрения использования в качестве предмета и средства преступления цифровая валюта является наиболее популярной, поскольку операции с ней полностью анонимны и не контролируются государством, поэтому на практике подобные преступления являются самыми распространенными.

Остановим внимание на примере разграничения порядка и оснований применения ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ. Законодатель разделяет ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ через функциональный аспект деления кредитной системы.

Исходя из соотношения санкций рассматриваемых норм, ст. 171.5 УК РФ является привилегированной по отношению к ст. 172 УК РФ.

Обращаясь к рассмотрению объекта ст. 171.5 УК РФ, отметим, что, учитывая местоположение ст. 171.5 в УК РФ, непосредственным объектом является незаконная предпринимательская деятельность в сфере предоставления отдельных банковских услуг – потребительского кредита [7, с. 650].

На наш взгляд, непосредственным объектом ст. 171.5 УК РФ следует признать нормальный порядок деятельности кредитных организаций.

В этой связи следует поддержать позицию В.И. Гладких, полагающего, что местоположение рассматриваемой нормы должно быть после ст. 172 УК РФ [8, с. 235–238].

Объективная сторона ст. 171.5 УК РФ заключается в предоставлении потребительского кредита (займа).

Субъект в ст. 171.5 УК РФ определен как индивидуальный предприниматель или должностное лицо, наделенное управленческими полномочиями, руководитель. Учитывая это, все сотрудники, осуществляющие свою трудовую деятельность в организации, находятся за пределами уголовно-правового запрета. В связи с чем может возникнуть ситуация, что заем потребителю был предоставлен, например, оператором микрокредитной организации (в настоящее время такую услугу можно получить даже онлайн).

Субъектом ст. 171.5 УК РФ могут являться физические лица, действующие в интересах кредитной или не кредитной финансовой организации, обладающие признаками руководителя.

На основании изложенного сделаем следующие выводы.

1. Сложная архитектоника – это то, что присуще, по мнению специалистов, ст. 171.5 УК РФ. В связи с чем остается открытым вопрос конструирования субъективных и объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК РФ, а также особенности конкуренции данной нормы со ст. 172 УК РФ.

В ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ целесообразно разграничивать виды кредита в связи с тем, что выдача кредитов – это правомочие, в том числе и коммерческих банков, то есть незаконное кредитование потребительских кредитов подпадает под сферу действия ст. 171.5 УК РФ. Другие банковские операции, которые были совершены без регистрации или специального разрешения, следует квалифицировать в качестве незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ). Таким образом, можно заключить, что ст.ст. 172 и 171.5 УК РФ разделяются через функциональный аспект деления кредитной системы.

Объективная сторона ст. 171.5 УК РФ заключается в предоставлении потребительского кредита (займа).

Штатные сотрудники находятся за пределами уголовно-правового запрета. По нашему мнению, указание на индивидуального предпринимателя в диспозиции ст. 171.5 УК РФ является излишним.

2. Полагаем, что для эффективного противодействия и квалификации совершения преступлений в области деятельности кредитных организаций, в том числе с использованием цифровой валюты, необходимо в первую очередь добиться установления подробного законодательного регулирования деятельности информационных систем и деанонимизации совершаемых с цифровой валютой операций.

Эта деятельность должна носить комплексный характер, необходимо четкое правовое регулирование деятельности операторов информационных систем, в которых происходит эмиссия цифровой валюты и операции с ней.

Полагаем, что это связано именно с установленным нормативным контролем государства за цифровыми финансовыми активами, в связи с чем их использование в преступной деятельности в настоящее время не представляет интереса для преступников. Прямо в Уголовном кодексе РФ про цифровые валюты не говорится – они фактически приравниваются к компьютерной информации. Таким образом, теоретическая неопределенность статуса цифровой валюты выступает проблемой при квалификации деяния как преступного по соответствующей норме Уголовного кодекса РФ.

Все вышеизложенное накладывает свой отпечаток на уголовно-правовую квалификацию незаконного обналичивания денежных средств.

Литература:

1. Официальный сайт МВД РФ. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/, свободный (дата обращения: 11.01.2024).
2. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. – М.: Принт, 2020. – 304 с.
3. Кучеров И.И. Криптовалюта (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств). – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2018. – 204 с.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Указ Президента РФ от 23.11.2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 29.03.2023) // СЗ РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 792 с.
8. Гладких В.И. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 3 (56). – С. 235–238.

Selected Problems of Criminal Legal Classification of Illegal Cash Withdrawals

Sultanov R.A.
The Kazan Legal Institute MIA of Russia

This article discusses problematic issues of criminal law qualification of illegal cash withdrawal. Currently, this topic is relevant for research, since criminal law mechanisms for protecting the rights of borrowers and participants in the financial and credit sphere should also be developed. The purpose of the article is to consider the application of Articles 172 and 171.5 precisely that they can be used as a means of payment regardless of their recognition as such by a state or an interstate entity.

The so-called full-time employees remain outside the criminal law prohibition, which may give rise to problems in the implementation of this norm, as well as other persons whose interests are realized in the field of consumer lending (heirs, collectors, etc.). In our opinion, the reference to an individual entrepreneur unnecessary. The value of the conducted research lies in the possibility of using the presented theoretical material in practical activities.

Key words: cashing out, cash, illegal banking activities, crime, loan, consumer loan

УДК 67.410.1

Синергетический эффект в структуре межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти и системы принудительного исполнения

Финкельштейн Э.Р.
Аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, заместитель начальника отдела исполнения административного законодательства Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД МВД по РТ, майор полиции

Защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций является важнейшей задачей правоприменительного процесса. Актуальность темы обусловлена прежде всего проблемами исполнительного производства судебных и внесудебных актов. Целью исследования является поиск новых форм и методов в системе принудительного исполнения, которые позволят повысить уровень фактического исполнения. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что реализация требований исполнительных документов достигается путем организации межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти и органов принудительного исполнения, что, в свою очередь, дает системный синергетический (результирующий) эффект в исполнительном производстве.

Ключевые слова: исполнительное производство, синергетический эффект, Федеральная служба судебных приставов, органы принудительного исполнения

Исполнительное производство представляет собой процесс принудительного исполнения судебных актов и актов административных органов, строящееся на принципах законности и своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения [1].

Указанные основополагающие принципы исполнения требований исполнительного документа, с одной стороны, самостоятельны в своем назначении и применении, с другой стороны – неразрывно связаны. Невозможно обеспечить законное исполнение судебного решения, не соблюдая сроки совершения исполнительных действий, и в то же время применение мер принудительного характера и проведение исполнительных действий должно осуществляться в строгом соответствии с нормами действующего законодательства. В противном случае нарушаются одновременно два обязательных условия процесса принудительного исполнения.

Таким образом, соблюдение заложенных в исполнительное производство принципов является неотъемлемой частью достижения целей фактического исполнения требований исполнительного документа и инструментом выполнения основных задач в обеспечении защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций [2].

Мониторинг достижения ключевых показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП) в 2023 г. показал, что эффективность взыскания в отчетном периоде по исполнительным производствам (от количества исполнительных производств) составила 15,8 % вместо прогнозируемых 32 % [3], что указывает на существование проблем в системе принудительного исполнения.

На сегодняшний день универсальной модели фактического исполнения исполнительного документа не существует, в связи с этим актуальным является поиск новых форм и методов повышения уровня исполняемости требований судебных решений и актов иных уполномоченных органов.

На наш взгляд, инновационным подходом к реализации права на эффективный доступ к принуди-

тельному исполнению в отношении недобросовестного должника [4] может являться создание синергии в процессе исполнительного производства.

Синергетический эффект описан во многих областях современной науки. Например, в экономике данное явление рассматривается как механизм повышения результативности инновационной деятельности за счёт использования различных видов финансовых инструментов в интегрированных организациях [5]. Представители естественных наук применяют синергетический эффект в различных методах в аналитической химии [6]. Юристы рассматривают с позиции синергетики подходы к определению понятия «гражданский оборот» [7].

Термин синергия (синергетический эффект) для целей применения его в рассматриваемом вопросе наиболее удачно, по нашему мнению, сформулирован в «Современном экономическом словаре» 1999 г. и определяется как «возрастание эффективности деятельности в результате соединения, интеграции, слияния отдельных частей в единую систему за счет так называемого системного эффекта, эмерджентности» [8].

В исполнительном производстве как стадии гражданского процесса, представляющем совокупность исполнительных действий и мер, направленных на принудительное исполнение вступивших в законную силу судебных актов и актов иных уполномоченных органов, синергетический эффект целесообразно рассматривать с точки зрения эффективного межведомственного взаимодействия органов, принимающих участие в исполнительном производстве.

Межведомственное взаимодействие в исполнительном производстве начинается с момента предъявления исполнительного документа в территориальный орган ФССП.

Так, в силу ст. 30 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП), исполнительный документ может быть предъявлен нарочно или почтовым отправлением в службу судебных приставов непосредственно взыскателем, а также направлен судом или иным уполномоченным органом. Исполнительные документы могут оформляться в форме электронного исполнительного документа и в виде бумажного носителя.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 12 ФЗИП, исполнительный документ может быть изготовлен в форме электронного документа, подписанного судьей или должностным лицом, принявшим соответствующий акт, усиленной квалифицированной электронной подписью, и направлен в ФССП с использованием инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, в электронной форме.

На сегодняшний день система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ) с территориальными органами ФССП по предъявлению исполнительных документов введена практически во всех судебных органах, а также в органах, осуществляющих контрольные функции (налоговые инспекции, Пенсионный фонд), и органах административной юрисдикции (административные комиссии, подразделения МВД России).

Синергетический эффект, достигнутый путем интеграции аналитических информационных систем различных ведомств на стадии предъявления исполнительного документа в форме электронного документа, характеризуется прежде всего достижением эффективных результатов в части исключения фактов утери исполнительных документов в ходе пересылки и направления в службу судебных приставов поддельных исполнительных листов, а также своевременного обмена информацией о возбуждении исполнительного производства (отказе в возбуждении исполнительного производства).

Не менее интересным примером синергетического эффекта в исполнительном производстве является интеграция баз данных органов исполнительной власти с автоматизированной системой ФССП России в части исполнения запросов и решений судебных приставов-исполнителей в ходе ведения исполнительного производства.

Так, например, соглашение об информационном взаимодействии с Пенсионным фондом Российской Федерации позволяет получить сведения о застрахованных лицах, содержащихся в индивидуальных лицевых счетах, о заработной плате или доходе должника [9]. Соглашение о взаимодействии с Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии определяет порядок исполнения запроса судебного пристава-исполнителя о предоставлении сведений о принадлежащих должнику объектах недвижимого имущества [9].

В данном случае полученный синергетический эффект обеспечивает скорейшее поступление информации о доходах и имуществе должника, на которые возможно обратить взыскание, что способствует более эффективному и быстрому исполнению требований исполнительного документа, особенно, если речь идет об исполнении исполнительных документов, подлежащих немедленному исполнению (алименты, обеспечительный арест, административное приостановление деятельности).

Далее рассмотрим результирующий эффект, который достигается посредством комплексного подхода к вопросам исполнения требований исполнительного документа.

На сегодняшний день законодательство об исполнительном производстве содержит достаточно объемный перечень исполнительных действий и мер принудительного исполнения для достижения цели завершающего этапа гражданского процесса – реального исполнения требований исполнитель-

ного документа. Однако практика показывает, что количество жалоб в судебные органы, связанных с непринятием судебными приставами-исполнителями мер для полного, правильного и своевременного исполнения требований исполнительных документов, остается значительным. По данным Судебного департамента Российской Федерации, за 2023 г. количество поступивших административных дел об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава исполнителя в суды общей юрисдикции составило 308 089, что равно 14,2 % от общего количества административных дел (за аналогичный период 2022 г. – 238 728, +29 %) [10].

Прежде всего, как мы полагаем, такое положение дел связано с возрастающей нагрузкой на судебного пристава-исполнителя. Так, по данным ФССП, «в 2023 г. в среднем у одного судебного пристава-исполнителя на исполнении находилось 5 тыс. исполнительных производств, что в 18,8 раза превышает норму нагрузки судебного пристава-исполнителя» [11; 12].

Приведенные статистические сведения свидетельствуют о том, что при существующем объеме исполнительных производств результат фактического исполнения не может обеспечиваться только за счет сил и средств одного судебного пристава-исполнителя.

С данной точки зрения, синергетический эффект в исполнительном производстве обеспечивается эффективным межведомственным взаимодействием органов исполнительной власти и органов принудительного исполнения именно в ходе исполнения.

Так, в силу ст. 6 ФЗИП, сотрудники органов внутренних дел, в соответствии с утвержденным порядком, оказывают содействие в ходе исполнительного производства [13]. На практике МВД России, его территориальные органы оказывают содействие судебному приставу-исполнителю в обеспечении правопорядка при проведении исполнительных действий, связанных с вселением (выселением), освобождением помещений, отобранием ребенка, административным приостановлением деятельности. Кроме того, органы полиции незамедлительно информируют службу судебных приставов об обнаружении находящихся в розыске должника-гражданина или гражданина-ответчика, а также разыскиваемых ФССП России несовершеннолетних.

Также судебный пристав-исполнитель осуществляет взаимодействие с органами Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России) при установлении временного ограничения в праве на выезд за пределы Российской Федерации [14] (в настоящее время посредством СМЭВ), что в свою очередь является инструментом достижения цели фактического исполнения требований имущественного и неимущественного характера.

Кроме того, судебный пристав-исполнитель взаимодействует с Министерством иностранных дел Российской Федерации, Федеральной миграционной службой и ФСБ России в ходе исполнения судебных актов об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в порядке, утвержденном Приказом Минюста России № 100, МИД России № 7509, ФМС России № 375, ФСБ России № 271 от 19.05.2014 г. Реализация данного вида административного наказания не представляется возможным без участия вышеуказанных заинтересованных ведомств.

При исполнении судебных актов в отношении осужденных граждан судебный пристав-исполнитель взаимодействует с Федеральной службой исполнения наказаний в части производства удержания задолженности из доходов должника, содержащегося в исправительном учреждении [9].

Таким образом, доступ к праву на полное, правильное и своевременное исполнение судебного решения в обеспечении защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также акта иного уполномоченного органа возможно реализовать только посредством организации эффективного межведомственного взаимодействия заинтересованных ведомств и структур, что дает системный синергетический эффект, обеспечивающий создание принципиально новых компетенций в исполнительном производстве.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 25.12.2023) // СПС КонсультантПлюс.
2. Бакурова Н.Н. Принципы исполнительного производства: публично-правовой аспект // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 31–38.
3. Результаты деятельности ФССП. – URL: https://old.fssp.gov.ru/2768042/

4. Глобальный кодекс принудительного исполнения. Принят в г. Мадриде 02.06.2015 – 05.06.2015 на 22-ом Всемирном конгрессе Международного союза судебных исполнителей. Библиотека «Вестника исполнительного производства». Статут, 2016. С. 91–103, 162–171 // СПС КонсультантПлюс.
5. Коречков Ю.В., Джиоев О.В. Синергетический эффект интеграционных процессов и мультипликация инвестиций в интегрированных организациях // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – Т. 7. – № 2. – URL: http://naukovedenie.ru/PDF/44EVN215.pdf
6. Барановская В.Б. Синергетический эффект комбинирования методов в аналитической химии высокочистых веществ и возвратного металлосодержания сырья. – М.: Геологическая библиотека, 2016. – 329 с.
7. Крушевская М.В. Синергетический подход к определению сущности гражданского оборота // Юрист. – 2020. – № 2. – С. 34–38.
8. Современный экономический словарь / Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. – М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1998. – 476 с.
9. Реестр соглашений о взаимодействии ФССП с органами законодательной, исполнительной и судебной власти. Соглашение об информационном взаимодействии между Пенсионным фондом Российской Федерации и Федеральной службой судебных приставов от 11.06.2020 г. № МТ-09-31/сог/85/28/20-МВ. – URL: https://fssp.gov.ru/docs/interaction
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022-2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/?id=79
11. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 году // Официальный сайт ФССП. – URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/itogovyj-doklad-o-rezultatah-deyatelnost
12. Постановлением Минтруда России, Минюста России от 15.08.2002 г. № 60/1 «Об утверждении Норм нагрузки судебных приставов» // Бюллетень Минтруда РФ. – 2002. – № 9.
13. Приказ Минюста России № 178, МВД России № 565 от 29.08.2018 г. «Об утверждении Порядка оказания сотрудниками органов внутренних дел содействия судебным приставам-исполнителям в ходе исполнительного производства, в том числе при осуществлении розыска должника, его имущества или розыска ребенка, а также при розыске на основании судебного акта по гражданскому делу гражданина-ответчика» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.09.2018 г. № 52111) // СПС КонсультантПлюс.
14. Приказ ФССП РФ № 100, ФСБ РФ № 157 от 10.04.2009 г. «Об организации взаимодействия Федеральной службы судебных приставов и Федеральной службы безопасности Российской Федерации при установлении (отмене) временного ограничения на выезд должников из Российской Федерации» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2009. – № 4.

Synergetic Effect in the Structure of Interdepartmental Interaction Between Executive Authorities and the System Enforcement

Finkelshtein E.R.
Kazan (Volga Region) Federal University,
The State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan

The protection of violated rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations is the most important task of the law enforcement process. The relevance of the topic is due, first of all, to the problems enforcement proceedings of judicial and extrajudicial acts. The purpose of the research is to search for new forms and methods in the enforcement system that will improve the efficiency of actual enforcement. Based on the results of the research, the main conclusion was made that the implementation of the requirements of executive documents is achieved by organizing interdepartmental interaction between executive authorities and enforcement authorities, which in turn gives a systemic synergistic (resulting) effect in enforcement proceedings.

Key words: enforcement proceedings, synergetic effect, Federal Bailiff Service, enforcement authorities

УДК 342.553

К вопросу о роли правовой охраны муниципальных образований

Хазиев А.Р.
Аспирант кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

На сегодняшний день в науке муниципального права роли правовой охраны муниципальных образований не уделено существенного внимания. При этом отметим, что она имеет свои особенности в рамках функционирования и развития муниципалитетов. Автор акцентирует свое внимание на том, что необходимо различать охрану и защиту муниципальных образований.

Цель проводимого исследования заключается в выявлении ряда ключевых проблем, обозначении возможных путей решения. К задачам исследования относится анализ понятия правовой охраны муниципальных образований и выявление ее особенностей на муниципальном уровне власти.

Практическая значимость работы заключается в том, что правовая охрана муниципальных образований является одним из важнейших элементов муниципального уровня власти и с ее помощью возможно разрешить правовые споры, возникающие на местном уровне власти.

В качестве основных результатов можно обозначить то, что предложена авторская дефиниция правовой охраны муниципальных образований, внесены некоторые предложения по усовершенствованию российского законодательства на муниципальном уровне власти.

Ключевые слова: правовая охрана, муниципальное образование, органы местного самоуправления, защита прав муниципалитетов

В современной юридической науке вопросам правовой охраны муниципальных образований в полной мере не уделяется существенного внимания. Неоднозначная интерпретация обозначенного вопроса в рамках проводимого исследования позволяет говорить о правовой неурегулированности, в частности, на муниципальном уровне власти. При этом обозначенная в данном исследовании проблематика обусловлена рядом ключевых особенностей, в связи с чем необходимо провести более углубленное изучение и анализ.

Необходимо понять, что же понимается под правовой охраной муниципальных образований, выявить проблемы, возникающие в ходе функционирования и последующего развития муниципальных образований, и обозначить пути их решения.

В толковом словаре С.С. Ожегова охрана понимается как субъект, охраняющий кого-либо [1], а в словаре Д.Н. Ушакова – как защита границ от каких-либо покушений [2]. В современной юридической науке нет однозначного определения правовой охраны.

Л.Н. Берг под правовой охраной понимает «...сохранение и ненарушаемость установленных пределов для социальных отношений, в которых каждый субъект вправе свободно выразить волю и реализовать свои права...» [3, с. 22].

М.Ю. Осипов правовую охрану понимает как систему юридических нор, устанавливающих меры защиты и меры ответственности [4, с. 11].

Проанализированные определения позволяют применить их и к сфере местного самоуправления в целом, и муниципальным образованиям, в частности, и выявить некоторые ниже обозначенные особенности.

Правовая охрана муниципальных образований как один из необходимых элементов эффективного функционирования и последующего развития муниципалитетов обладает своими индивидуально-определенными особенностями:

1. Административно-территориальный признак, обусловливающий распространение действия правовой охраны на соответствующей территории, обозначенной определёнными в законе границами.

2. Субъектный состав в лице муниципальных образований, должностных лиц, населения, проживающего в них.

3. Устанавливаемые органами местного самоуправления и реализуемые меры правовой охраны муниципалитетов, свидетельствующие о предупреждении, пресечении правонарушений, в том числе преступлений.

4. Правовое регулирование правовой охраны муниципальных образований, выступающее одновременно и проблемой в связи с тем, что не в полной мере формально находит свое отражение, поставленный в исследовании вопрос, в связи с чем возникает правовая неопределенность.

5. Отсутствие юридической ответственности в силу того, что комплекс мероприятий необходимо проводить до наступления неблагоприятных действий, повлекших за собой ущерб / вред, причиненный одному или нескольким субъектам права.

О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев к обязательным признакам каждого муниципального образования относят собственную территорию, границы которой формально закреплены нормами законодательства субъектов Федерации, исходя из положений Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) [1], компетенцию, определяемую через вопросы местного значения, и полномочия, экономическую основу, определяемую через доходы и расходы, получение прибыли от осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности и др. [5, с. 93].

Муниципальные образования в лице представительного органа имеют право на создание контрольно-счетного органа. Однако в ФЗ № 131-ФЗ не определены его полномочия. При этом они находят свое формальное закрепление в Федеральном законе от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований», в котором указано, что контрольно-счетный орган организует и осуществляет контроль за законностью и эффективностью использования денежных средств, управляет и распоряжается государственной собственностью, осуществляет контроль за законностью межбюджетных трансфертов.

Г.Н. Чеботарев к полномочиям контрольно-счетного органа муниципального образования относит экспертизу проектов местного бюджета, контроль за соблюдением определенного порядка управления и распоряжением имущества, находящегося в собственности муниципалитетов [6, с. 157].

В нормах Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не закреплен комплекс, мер необходимый для реализации правовой охраны муниципальных образований. Данный факт также свидетельствует о правовой неурегулированности исследуемого вопроса.

В российском законодательстве на сегодняшний день не отражено определение правовой охраны муниципальных образований, тем самым создавая дополнительные трудности в урегулировании данного вопроса как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Отсутствие юридической ответственности в рамках правовой охраны муниципальных образований позволяет говорить о возможности пресечения и предупреждения правонарушений, в том числе преступлений. Важно при этом разграничивать понятие «охрана» и «защита» в связи с тем, что последняя получает свое непосредственное распространение в случае нарушения прав муниципальных образований.

В связи с этим предлагаем обозначить важные индикаторы, позволяющие дифференцировать понятие охраны от защиты:

– когда речь идет об охране, предполагается, что правонарушение или преступление еще не совершено субъектом права;

– нет признаков состава административного правонарушения или преступления, по которым имелась бы неоспоримая возможность привлечения виновного лица к юридической ответственности;

– меры которые необходимо предпринять органами местного самоуправления в рамках определенных за ними специальных полномочий.

Е.С. Шугрина, дифференцируя понятия «защита» и «охрана», подчеркивает, что под последней необходимо понимать «обеспечивающую нормальную реализацию субъективных прав и свобод деятельность, в рамках которой крайне важно предупредить и не допустить предполагаемые нарушения» [7, с. 393].

Изучив основные, базисные особенности правовой охраны муниципальных образований, считаем необходимым остановить свое внимание на ряде ключевых проблем, возникающих на муниципальном уровне власти:

1. В рамках Федерального закона № 131-ФЗ нормативно не урегулирован вопрос, связанный с правовой охраной муниципальных образований. Данное обстоятельство в последующем оказывает неблагоприятное влияние на осмысление и интерпретацию проводимых научных исследований.

2. Органы местного самоуправления, наделенные полномочиями, закрепленными за ними в российском законодательстве, не осуществляют правовую

охрану в рамках осуществляемой ими профессиональной деятельности. В частности, не проводится комплекс мер, направленный на предупреждение неблагоприятных последствий для муниципального образования.

3. В ст. 2 ФЗ № 131-ФЗ формально не закреплено определение правовой охраны муниципального образования, что создает дополнительные трудности в рамках правового регулирования анализируемого вопроса.

4. Изучив нормы закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, возникает еще одна не менее важная проблема. В сельских поселениях, где нет представительного органа муниципального образования, вопросы местного значения решаются на сходе граждан. В связи с этим возникает вопрос: правовая охрана муниципальных образований также будет урегулирована при помощи указанной формы непосредственной демократии или же нет?

Исходя из обозначенных, на наш взгляд, ключевых проблем, необходимо предложить возможные пути их решения.

В нормы Федеральных законов от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 23.06.2016 №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [7; 8] внести изменения в ст. 2, дополнив определением правовой охраны муниципальных образований, закрепив, что правовая охрана муниципальных образований представляет собой контроль и надзор, осуществляемый как должностными лицами муниципальных образований, так и другими органами публичной власти.

Органам местного самоуправления, в том числе главам муниципальных образований, местных администраций необходимо установить и в последующем реализовывать совместные меры с правоохранительными и налоговыми органами, должностные лица которых непосредственно наделены компетенцией и полномочиями по пресечению правонарушений, в том числе преступлений.

Помимо этого, в курсы повышения квалификации муниципальных служащих необходимо включить блок вопросов, относящихся к правовой охране муниципальных образований с целью эффективного исполнения в последующим ими своих должностных полномочий.

Необходимо внести в Федеральный закон № 131-ФЗ ст. 14.2, раскрывающую специальные полномочия, которыми будут наделены органы местного самоуправления в лице их должностных лиц по правовой охране муниципальных образований.

При этом в практическом аспекте данный вопрос регулируется материалами судебной практики. Так, например, согласно конституционным нормам, одним из видов гарантий является право на судебную защиту. Несмотря на то что органы местного самоуправления в рамках своей профессиональной деятельности не осуществляют правовую охрану муниципальных образований, они имеют право обратиться в судебные органы власти с исковыми требованиями по поводу нарушения их компетенции другими нормативными правовыми актами.

«...Органы местного самоуправления, главы муниципальных образований имеют право обратиться в суды общей юрисдикции с административными исками об оспаривании нормативных правовых актов, а также актов, обладающих нормативными свойствами, не только по основаниям нарушения их компетенции, но и по основаниям нарушения, оспариваемым правовым актом других прав местного самоуправления...» [9].

На практике также могут возникнуть и другие вопросы, связанные с правовой охраной муниципальных образований, когда она осуществляется не вполне должным образом в связи с коррупционной составляющей должностных лиц органов местного самоуправления. В связи с данным фактом Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что: «лица, злоупотребляющие должностными полномочиями либо превышающие свои должностные полномочия, посягают на регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления и других субъектов права, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства...» [10].

Анализ материалов судебной практики еще раз подтверждает тот факт, что вопросы правовой охраны муниципальных образований не урегулированы в полном объеме, в том числе и на практике. Должностные лица органов местного самоуправления в первую очередь должны обеспечивать защиту муниципалитетов, при этом не нарушая нормы законов.

Резюмируя изложенное, отметим, что на сегодняшний день остается большое количество не до конца урегулированных актуальных вопросов, относящихся к правовой охране муниципальных образований. Несмотря на то что муниципальные образования стремятся эффективно разрешить правовые споры, связанные с вопросами местного значения, считаем необходимым более детально регламентировать обозначенный в ходе исследования вопрос на федеральном, региональном и местном уровнях власти. Решение выявленных в ходе изучения проблем в сфере правовой охраны на муниципальном уровне власти помогут в обеспечении, защите и охране как самих муниципалитетов, так и других субъектов права, проживающих в Российской Федерации.

Литература:

1. Толковый словарь Ожегова. С.И., Шведова Н.Ю. 1949-1992. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/149294
2. Толковый словарь Ушакова Д.Н. 1935-1940. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/917826
3. Берг Л.Н. Правовая охрана: основания классификации, виды // Юридическая наука и правоохранительная критика. – 2017. – № 2 (40). – С. 22–27.
4. Осипов М.Ю. К вопросу о понимании феномена «правовая охрана» // Advances in Law Studies. – 2023. – Т.11. – № 1. – С. 11–15.
5. Шугрина Е.С. Муниципальное право: учеб. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 576 с.
6. Муниципальное право России: учеб. для бакалавриата / отв. ред. Г.Н. Чеботарев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 416 с.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 23.03.2024) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822
8. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (Ч. I). – Ст. 3851.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. – 2019. – № 6.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. – 2009. – № 207.

On the Issue of the Role of Legal Protection of Municipalities

Khaziev A.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

To date, in the science of municipal law, the role of legal protection of municipalities has not been given significant attention. At the same time, we note that it has its own characteristics within the framework of the functioning and development of municipalities. The author focuses his attention on the fact that it is necessary to distinguish between the protection and protection of municipalities.

The purpose of the research is to identify a number of key problems and identify possible solutions. The objectives of the study include analyzing the concept of legal protection of municipalities and identifying its features at the municipal level of government.

The practical significance of the work lies in the fact that the legal protection of municipal entities is one of the most important elements of the municipal level of government and with its help it is possible to resolve legal disputes that arise at the local level of government.

The main results can be identified as the fact that the author's definition of the legal protection of municipalities was proposed, and some proposals were made to improve Russian legislation at the municipal level of government.

Key words: legal protection, municipality, local government, protection of the rights of municipalities

УДК 342.7

Соотношение частных и публично-правовых начал в регулировании отношений в сфере охраны здоровья

Хурматуллина А.М.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируются сложившиеся подходы к регулированию отношений, возникающих в сфере охраны здоровья. Автором приводятся примеры отражения частно-правовых и публично-правовых начал в законодательстве в сфере охраны здоровья. В условиях цифровизации, широкого внедрения новых технологий в различные сферы деятельности государства, безусловно, происходит трансформация соотношения частных и публично-правовых начал в регулировании права на охрану здоровья и медицинскую помощь, изменение его нормативного содержания, составляющих элементов. Кроме того, автор анализирует правовые позиции судов, посвященных защите права на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая свидетельствует об отражении преимущественно публично-правовых начал в природе рассматриваемых отношений.

Ключевые слова: охрана здоровья, конституция, публично-правовые начала, частно-правовые начала, закон, суд, права, государство

Развитие российского законодательства и отраслей российского права стирает границы между ранее выделяемыми и противопоставляемыми друг другу публичным и частным правом. Деление на частное и публичное право было известно российской дореволюционной юридической науке [1, с. 92]. Для советского периода характерно преимущественно развитие публичного права, правовое регулирование осуществлялось с позиции публично-правовых интересов. С 1980-х гг. в связи с развитием института частной собственности в юридической отечественной литературе вновь возникает дискуссия о разграничении частного и публичного права. Представители «формальной» теории к частным правам относили те, которые естественным образом появились до образования государства, либо брали за основу то, как охраняется право, а Е.Н. Пименова обосновала критерий разграничения права на частное и публичное, основываясь на том, какими способами осуществляется правовое регулирование [2, с. 95]. В современной отечественной теории права концепция разграничения обозначенных разновидностей права обозначена в диссертации О.Ю. Кравченко, по ее мнению, в основе их разграничения лежит критерий интереса. О.А. Курилкина в работе также противопоставляет частное право публичному [3, с. 59]. Н.С. Скакун разграничивает данные категории в зависимости от присущих им особенностей, отмечает, что для частного права характерны: «свободное волеизъявление, договорная форма регулирования; равенство сторон; диспозитивные нормы; ориентация на частные интересы, в то время как публичное право характеризуется: односторонним волеизъявлением; субординацией субъектов и правовых актов; преобладанием императивных норм; ориентацией на общественный интерес» [4, с. 84], при этом частное право предопределяется публичным. Вместе с тем в условиях формирования «новых» отраслей права, стоит вести речь не об их противопоставлении, а напротив, их тесном взаимодействии и необходимости проведения исследовании особенностей правых институтов с позиции применения комплексного подхода.

В литературе на сегодняшний день нет единого мнения о правовой природе прав и обязанностей граждан в сфере охраны здоровья. Ряд авторов рассматривают их с позиции гражданско-правовых начал. Речь идет о получении медицинской помощи в рамках реализации программы ОМС, об оказании гражданину платных медицинских услуг, на которые распространяется действия Закона о защите прав потребителей. Напомним, в то же время Правительство Российской Федерации, т.е. орган исполнительной власти общей компетенции утверждает правила предоставления платных медицинских услуг, закрепляет существенные условия договора, права и обязанности исполнителя, заказчика, потребителя, форму договора [5]. Целесообразнее, на наш взгляд, было бы возложить функцию определения указанного порядка на орган отраслевой компетенции, т.е. Министерство здравоохранения Российской Федерации. Говоря о реализации публичных начал в регулировании отношений в сфере охраны здоровья, можно отметить, что в марте 2024 г. на рассмотрение Государственной Думы России был внесен законопроект, авторы которого предлагают внести ясность в терминологию Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», а также планируется «вывести» взаимоотношения врача и пациента по оказанию медицинских услуг из-под действия Закона России от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

В основах законодательства о здравоохранении 1969 г. отношения, складывающиеся между пациентом и медицинской организацией, преимущественно рассматривались с публичной-правовой точки зрения, а именно административно-правовой. Согласно указанным основам речь шла о договоре, носящий административно-правовой характер, поскольку наблюдалось «неравноправное положение участников; регулирование отношений актами органов государственного управления; наступление административной ответственности за неисполнение договорных условий; рассмотрением споров, как правило, в административном порядке» [6, с. 134]. Сегодня административно-правовые аспекты в регулировании обозначенной сферы встречаются преимущественно в вопросах управления системой здравоохранения, особенно между органами исполнительной власти в сфере здравоохранения федерального уровня и субъектов России и медицинских организаций по руководству этими учреждениями, при осуществлении федеральными службами и их территориальными органами функции государственного надзора за безопасностью медицинской деятельности, получения лицензии на осуществление медицинской деятельности. Кроме того, установлена административная ответственность за правонарушения, посягающие на здоровье населения (гл. 6 КоАП РФ).

Обращения с жалобой на действия, бездействия, решения органов исполнительной власти в сфере здравоохранения, медицинских организаций, рассматриваемые в рамках административного судопроизводства, также распространены в практике. В качестве примера можно отметить Закон Республики Хакасия № 11-ЗРХ от 6 марта 2020 г. «О запрете оборота на территории Республики Хакасия бестабачной никотинсодержащей продукции…», который стал предметом рассмотрения в Верховном Суде Республики Тыва в рамках административного судопроизводства, инициированное Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Тыва. Причиной для обращения в суд с административным исковым заявлением стало отсутствие в законодательстве Российской Федерации права субъектов Российской Федерации на введение полного запрета на производство и оборота никотиносодержащей продукции. Парламент республики, принявший данный закон отметил, что целью оспариваемого Закона являлась защита прав граждан на жизнь и охрану здоровья, прежде всего здоровья несовершеннолетних, как высших и наиболее значимых конституционных ценностей в рамках полномочий, предоставленных субъектам Российской Федерации положениями п.п. «б», «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, относящих защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение общественной безопасности, координацию вопросов здравоохранения, защиту детства к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Вместе с тем Судом было выявлено, что на момент принятия оспариваемого закона федеральное законодательство не предусматривало право субъектов Российской Федерации на введение полного запрета на производство и оборот бестабачной никотиносодержащей продукции, в связи с чем указанные нормативные акты судами признаны недействующими в силу нарушения принципа разграничения компетенции между органами государственной власти России и органам государственной власти субъектов Российской Федерации [7].

Также в качестве примера можно привести решение Верховного Суда Республики Татарстан п. 7 ч. 2 ст. 6 Закона Республики Татарстан «Об охране здоровья граждан», признанный противоречащим федеральному законодательству (ст. 8 Конституции РФ. Федеральному закону от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «О лекарственных средствах») в связи с тем, что Кабинет Министров Республики Татарстан определяет порядок ввоза и вывоза лекарственных средств на территорию Республики Татарстан [8].

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в отечественной литературе рассматривается в качестве элемента системы конституционных ценностей [3], как неотъемлемый элемент конституци-

онно-правового статуса личности [9], как объект судебной защиты [10, с. 737]. В рамках судебной защиты рассматриваемого конституционного права огромную роль играет Конституционный Суд Российской Федерации.

В качестве примера приведем Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.2023 г. № 47-П, принятое в связи с жалобой гражданина С.А. Елисеева, по мнению которого положения Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О службе…»), позволяющие уволить сотрудника органов внутренних дел, временная нетрудоспособность которого подтверждена документами, выданными медицинской организацией частной системы здравоохранения, являются неконституционными, поскольку нарушается принцип справедливости и равенства, установленный ст. 19 Конституции РФ. Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является ч. 1 ст. 65 ФЗ «О службе...» в той мере, в какой она является основанием для освобождения сотрудника от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью на основании документа, выданного медицинской организацией частной системы здравоохранения, и увольнения данного лица со службы. Учитывая провозглашенные в законе принципы предоставления медицинской помощи в части обеспечения качества и ее доступности, Конституционный Суд Российской Федерации признал ч. 1 ст. 65 ФЗ «О службе…» не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, «в какой данное законоположение полностью исключает возможность освобождения сотрудника органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью на основании документа, выданного частной медицинской организацией, имеющей лицензию на проведение экспертизы временной нетрудоспособности, даже при наличии исключительных обстоятельств, объективно требующих обращения в такую медицинскую организацию за получением медицинской помощи, и тем самым позволяет увольнять этого сотрудника в связи с отсутствием его на службе, вызванным временной нетрудоспособностью, по основанию, связанному с его виновным поведением» [11].

Также можно привести правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, выраженные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. (№ 50 г. Москва), в котором отмечено, что «сохранение и укрепление здоровья граждан является обязанностью государства» [12]. Стоит отметить, что в условиях цифровизации, широкого внедрения новых технологий в различные сферы деятельности государства, трансформация соотношения частных и публично-правовых начал в регулировании права на охрану здоровья и медицинскую помощь несомненна. Государство посредством введения специального правового регулирования в рамках экспериментального правового режима (напомним, в рамках реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь предусмотрено введение двух экспериментальных правовых режимов: в сфере телемедицины и по сбору информации о состоянии здоровья пациента) стимулирует развитие условий и гарантий обеспечения на охрану здоровья и медицинскую помощь. Безусловно, существенная роль в регулировании отношений в сфере охраны здоровья отведена органам исполнительной власти: Правительству России и Министерству здравоохранения Российской Федерации. Ими регламентированы критерии качества оказания медицинской помощи, в том числе в условиях действия эскпериментального правового режима, порядок ознакомления с медицинской документацией, правила оказания платных медицинских услуг, что, несомненно, свидетельствует об отражении преимущественно публично-правовых начал в природе рассматриваемых отношений.

Таким образом, можно говорить о преобладании публично-правовых начал в сфере охраны здоровья. Результатом избранной законодателем концепции ориентации на общественный (публичный) интерес должно стать увеличение гарантийных механизмов, усиление контрольно-надзорного обеспечения реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь, установление единообразия в правоприменении, отсутствие бюрократических злоупотреблений суда и контрольно-надзорных органов.

Литература:

1. Богатырева Н.Г. Соотношение частного и публичного права // Молодой ученый. – 2017. – № 21.1. – С. 92–94.
2. Пименова Е.Н. Основные теории разграничения частного и публичного права // Актуальные проблемы права: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2011 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. – С. 95-97.

3. Курилкина О.А. Юридические лица публичного права // Юристъ-Правоведъ. – 2011. – № 3. – С. 59–61.
4. Скакун Н.С. Частное и публичное право // Вестник магистратуры. – 2018. – № 9-2(84). – С. 81–84.
5. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 г. № 736 // СЗ РФ. – 2023. – № 20. – Ст. 3565.
6. Ямпольская Ц.А. О теории административного договора // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 132–136.
7. Решение Верховного суда (ВС) Республики Тыва от 19.10.2020 г. № 3а-38/2020 «О признании недействующим Закона Республики Тыва от 06.04.2020 г. № 583-ЗРТ «О запрете оборота на территории Республики Тыва бестабачной никотиносодержащей продукции, предназначенной для потребления никотина способами, отличными от курения табак» // Официальный интернет-портал правовой информации.
8. Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 19 августа 2003 г. № 3п-1-100/2003 // СПС Гарант.
9. Шленева Е.В. Конституционное право на охрану здоровья в Российской Федерации: дисс. …канд. юрид. наук. – Архангельск, 2004. – 186 с.
10. Плотникова Е.С. Правовые позиции высших судов в сфере обеспечения и защиты конституционного права на охрану здоровья и репродуктивных прав // Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46, № 4. – С. 736–741.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 2023 г. № 47-П // Российская газета. – 2023. – № 247.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 50 // Российская газета. – 2019. – № 276.

The Ratio of Private and Public Law Principles in the Regulation of Relations in the Field of Health Protection

Khurmatullina A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the existing approaches to regulating relations arising in the field of health care. The author provides examples of the reflection of private law and public law principles in legislation in the field of health protection. In the context of digitalization and the widespread introduction of new technologies into various spheres of state activity, there is certainly a transformation in the relationship between private and public law principles in regulating the right to health care and medical care, a change in its normative content and constituent elements. In addition, the author analyzes the legal positions of the courts dedicated to the protection of the right to health care and medical care, which indicates the reflection of predominantly public law principles in the nature of the relations under consideration.

Key words: health care, constitution, public law principles, private law principles, law, court, rights, state

УДК 343.25

Несовершенство юридической техники и отсутствие необходимости правового закрепления принудительных работ

Чепаров Р.Д.
Аспирант 2 курса юридического факультета,
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируются проблемы ошибочного отнесения принудительных работ к основным видам уголовных наказаний, согласно научной классификации. Отмечается, что понятие «альтернатива лишению свободы» указывает на отсутствие самостоятельности принудительных работ, поскольку они предусмотрены в санкциях статей Особенной части УК РФ лишь наряду с лишением свободы. В работе рассматривается некорректность юридической техники, обусловленная тем, что по смыслу закона принудительные работы могут быть применены как самостоятельно, так и взамен лишения свободы, однако позиция Верховного Суда России предусматривает лишь один вариант их назначения. В исследовании предлагается объединить части первую и вторую ст. 53.1 УК РФ, поскольку их раздельное правовое регулирование способно ввести любого юриста и правоприменителя в состояние заблуждения. В статье обосновывается позиция, касающаяся определения приблизительно одинаковых размеров заработной платы осужденных для установления максимально пропорциональных размеров удержаний из нее. Аргументируется мнение, согласно которому принудительные работы следует исключить из УК РФ, поскольку по большей части они тождественны, а в редких случаях – даже строже, чем лишение свободы, а также способны быть заменены на более гуманный институт условного осуждения.

Ключевые слова: принудительные работы, трудовая правоспособность, принудительный труд, классификация видов наказаний, основной вид наказания, исправительные центры, изоляция от общества, исправление осужденного, альтернатива лишению свободы, удержание заработной платы, условное осуждение

По научной уголовно-правовой классификации принудительные работы отнесены к группе наказаний, ограничивающих трудовую правоспособность осужденных [1, с. 123]. Принудительные работы по своей правовой природе находятся в относительном противоречии с положением Конституции РФ, в которой закрепляется прямой запрет на осуществление и использование принудительного труда человека. Однако из любого общего правила нередко бывает исключение. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом в той степени, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя России, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Кроме того, в различных международных конвенциях о запрете рабства и принудительного труда заключенных еще между СССР и иностранными государствами отступление от правила, содержащего запрет на принудительный труд, было доступно. Связано это с назначением лицу уголовного наказания по приговору суда.

Используя исторический метод исследования, в частности, при рассмотрении УК РСФСР 1960 г., можно сказать, что принудительные работы по нему назначались осужденным в рамках условного осуждения к лишению свободы. Указанное обстоятельство методологически обусловлено приоритетным

отношением Советского государства к важности и неотъемлемости труда каждого человека для строительства крепкого социалистического государства. И.Я. Фойницкий отмечал, что каторга в истории России была не столько уголовным наказанием, сколько местом нужного правительству принудительного труда [2, с. 251]. Такого же мнения придерживался и Н.С. Таганцев [3, с. 148]. Принудительные работы были введены в УК РФ Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». По своему содержанию принудительные работы во многом совпадают с условным осуждением к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, которое предусматривалось в ст. 232 УК РСФСР 1960 г. [4, с. 246]. Хотя их вступление в силу в действующем уголовном законе России состоялось лишь с 01.01.2017 г.

Принудительные работы – основной вид наказания в уголовном праве России. Наказание в виде принудительных работ применяется как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, а также за совершение тяжкого преступления впервые. Важно отметить, что если лицо, впервые совершившее тяжкое преступление, приговорено к лишению свободы более чем на 5 лет, то принудительные работы ему назначаться не могут [5, с. 317]. Относительно формулировки «впервые совершивший тяжкое преступление» закон указывает на отсутствие у лица, привлекаемого к уголовной ответственности в виде принудительных работ, ранее совершенных преступлений, причем абсолютно любой категории. Указанное условие, соответственно, не распространяется на случаи применения к осужденному принудительных работ за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, в связи с чем не имеют значения категории ранее совершенных осужденным преступлений. Кроме того, принудительные работы могут применяться в случае замены лишения свободы, если суд сочтет возможным исправление осужденного без реальной изоляции человека от общества, оценивая характер и степень общественной опасности совершенного деяния, личность виновного и другие обстоятельства преступления, а также если суд посчитает, как указал В.М. Лебедев, невозможным применение к виновному условного осуждения [6, с. 102]. При этом наказание в виде принудительных работ в случае назначения наказания в виде лишения свободы на срок более 5 лет не применяется. Именно в данных положениях, с учетом приемов юридической техники, усматривается диалектическое противоречие принудительных работ сущности основного вида наказания, вследствие чего классификация видов наказаний в науке уголовного права изменяет свое смысловое содержание. Основной вид наказания, по сути своей, предусматривает полную самостоятельность при назначении судом, и соответственно, он не может присоединяться к другим видам наказаний.

В науке уголовного права основная классификация наказаний проводится по критерию разграничения их видовой принадлежности, причем в зависимости от роли и условий их назначения. Существуют три формы, по которой классифицируются наказания. Во-первых, основные наказания, во-вторых, наказания, которые могут назначаться как в качестве основных, так и в качестве дополнительных, и, в-третьих, дополнительные наказания, суть которых заключается в том, что они могут назначаться всегда лишь в дополнение к основному наказанию. Уголовный закон России содержит исчерпывающий перечень наказаний, каждые из которых подразделяются на три эти формы. Применительно к принудительным работам отмечается, что они по закону могут быть назначены только в качестве основного наказания, однако законодательная формулировка, предусматривающая понятие «альтернатива лишению свободы», содержит скептическое утверждение в плане их отнесения к категории основных видов наказаний. Объясняется это обязательным наличием принудительных работ в санкциях норм уголовного права только наряду с лишением свободы. Возникает вопрос о самостоятельности принудительных работ, если они не предусмотрены отдельно от лишения свободы. При этом в тех случаях, когда в силу требований закона осужденному не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (например, ч. 1 ст. 56 УК РФ), принудительные работы не назначаются [7]. Таким образом, это единственный вид наказания, который предусматривает альтернативу, следовательно, категорически относить принудительные работы к основным видам наказаний в теории уголовного права нерационально с методологической точки зрения. Более того, принудительные работы могут быть назначены взамен лишения свободы, что указывает на еще большее отсутствие признака самостоятельности указанного наказания, а поэтому не следует относить его к основному наказанию. Глобальная проблема находит свое выражение в деструктуризации длительного научного процесса установления прежними учеными и законодателями системы и видов наказаний в определенной логической последовательности. Деструктуризация эта обусловлена включением в УК РФ принудительных работ с неоднозначными формулировками, по которым их не получается отнести ни к основному наказанию, ни тем более к дополнительному, так как оно не присоединяется ни к одному из основных наказаний.

Ошибочной, на наш взгляд, признается позиция А.В. Бриллиантова о применении принудительных

работ лишь при условии обязательного предварительного назначения осужденному лишения свободы [8]. В связи с тем, что прерогатива суда на замену лишения свободы принудительными работами, с учетом мнения суда о возможности исправления осужденного без реальной изоляции, предусмотрена лишь ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, то это вовсе не означает, что принудительные работы применяются только при обязательном условии предварительного назначения лишения свободы. Так, часть первая вышеуказанной статьи допускает применение принудительных работ непосредственно к осужденному без первоначального привлечения к лишению свободы, однако только при наличии данного вида наказания в санкции статьи Особенной части УК РФ.

В защиту указанного положения следует привести научное издание под редакцией А.И. Чучаева «Комментарии к Уголовному кодексу РФ», с учетом изменений по состоянию на 01.08.2018 г., профессор Ф.Р. Сундуров указывает: «Принудительные работы как основной вид наказания применяются либо взамен лишения свободы на определенный срок, либо ***самостоятельно***, то есть тогда, когда они предусмотрены санкциями статей Особенной части УК РФ» [4, с. 246].

В противоречии с нашим мнением и правовой позицией Ф.Р. Сундурова находятся объективные правотолкование и правоприменение. Позднее, в декабре 2018 г., в Постановление Пленума Верховного суда РФ (далее по тексту – ВС РФ) от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» внесены изменения. Изменения эти касаются вопросов применения относительно нового института уголовного права, а именно: института принудительных работ. Указанное постановление разъясняет правила назначения судом наказания осужденным в виде принудительных работ. Согласно п. 22.2 Постановления Пленума, в соответствии с положениями п. 7.1 ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса РФ, при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить вопрос о том, имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами. При наличии таких оснований суд должен привести мотивы, по которым пришел к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. В резолютивной части приговора вначале следует указать на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем – на замену лишения свободы принудительными работами. Таким образом, делается вывод об обязательном указании в приговоре до применения принудительных работ ссылки на назначение осужденному лишения свободы. В противном случае принудительные работы не могут быть применимы в правовом поле России. Данное обстоятельство отражается и на судебной практике нашего государства, в частности, Приговором Свердловского районного суда г. Костромы Костромской области от 02.10.2023 г. по делу № 1-438/2023 [9], а также Приговором Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 08.09.2023 г. по делу № 1-509/2023, в котором суд за совершение осужденным квалифицированного состава грабежа заменил наказание в виде лишения свободы сроком на один год принудительными работами на этот же срок, с учетом требований, предусмотренных ч. 2 ст. 53.1 УК РФ [10].

Трудно согласиться с разъяснением Пленума ВС РФ, который рассматривает лишь единый «безальтернативный» подход к применению права в данном случае. При этом законодатель вводит понятие «альтернатива» в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ, которое, по сути своей, противоречит сложившейся общепринятой позиции судов РФ. Полагаем, данную формулировку следует признать некорректной, поскольку альтернатива предусматривает право выбора того или иного варианта поведения. Применительно к принудительным работам такая альтернатива должна предоставить суду право разрешить вопрос о назначении осужденному наказания либо в виде лишения свободы, либо в виде принудительных работ. Однако сложившаяся правоприменительная практика не соответствует теоретическому подходу в науке. Судебные разъяснительные акты, принимаемые в противоречии с законами и подзаконными актами, не должны выступать инструментом создания правовых норм, поскольку не признаны официальными источниками права в России. Отсутствует логика в установлении законоположения об альтернативности принудительных работ по отношению к лишению свободы в связи с тем, что в любом случае суд при вынесении решения вначале назначает лишение свободы на определенный срок и только после этого, при совокупной оценке всех обстоятельств уголовного дела, может разрешить вопрос о возможности исправления осужденного без реальной изоляции от общества и заменить первоначальное наказание. Альтернатива подразумевает выбор одного из нескольких наказаний без обязательного предварительного указания одного из них. Поэтому несовершенство юридической техники, выраженное в формулировке «альтернатива лишению свободы», вводит в заблуждение относительно самостоятельности принудительных работ при реализации судом своей основной функции – правосудия. Предлагается оформить диспозицию ст. 53.1 УК РФ без излишнего ее разделения на части первую и вторую. Например, ч. 1 предлагается изложить в следующей редакции, а именно: «Принудительные работы применяются в сочетании с лишением свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за соверше-

ние преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, и при условии, если суд, назначив лишение свободы, сочтет возможным исправление осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, и примет решение о постановлении замены осужденному наказания в виде лишения свободы принудительными работами». Данная трактовка уголовного закона позволила бы устранить заблуждение и привела бы к однозначному уяснению всеми смысла, который вложен законодателем в юридический текст рассматриваемой нормы.

По общему правилу, принудительные работы устанавливаются по обвинительному приговору суда на срок от двух месяцев до пяти лет.

Основываясь на толковании ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, можно предположить, что продолжительность принудительных работ тождественна назначенному сроку лишения свободы. Вместе с тем установленный в ст. 53.1 УК РФ общий порядок применения принудительных работ не соблюдается самим законодателем при построении санкций правовых норм Особенной части УК РФ. Так, он включает принудительные работы в санкции, в которых отсутствует лишение свободы (например, части первые всех статей УК РФ о специальных видах мошенничества, в том числе ч.ч. 1 и 2 ст. 200.1 УК РФ), либо устанавливает срок принудительных работ, превышающий максимально возможный срок лишения свободы (например, ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 145.1 УК РФ). В связи с этим Особенная часть УК РФ в этой части нуждается в приведении в соответствие с Общей частью [11, с. 300].

Осужденные отбывают наказание в виде принудительных работ в специально предназначенных для этих целей учреждениях – исправительных центрах, находящихся на территории соответствующего субъекта РФ, где осужденные были осуждены или проживали [12, с. 215]. Исправительные центры создаются на базе федеральных казенных учреждений. При этом осужденные осуществляют трудовую деятельность в местах, куда они направлены администрацией исправительного центра. По результатам работы им ежемесячно выплачивается заработная плата для удовлетворения потребностей, размер которой точно не определен.

Следовательно, еще одной проблемой исполнения принудительных работ является неурегулированный размер заработной платы, которую получают осужденные ежемесячно, отбывая данный вид уголовного наказания. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее по тексту – УИК РФ) содержится положение, которое гласит, что администрацией исправительного центра осужденному должно выплачиваться не менее 25 % от начисленной ему заработной платы. Кроме того, из каждой заработной платы происходят удержания, устанавливаемые приговором суда, в размере от 5 до 20 %. При этом на законодательном уровне не урегулирован вопрос о том, куда направляется остаток денежных средств осужденных к принудительным работам, если максимальный процент удержаний может составлять 20 %, а от начисленной заработной платы осужденному выплачивается не менее 25 %. Таким образом, отсутствует указание о том, куда направляются денежные средства в размере 55 % (100 % – 20 % (удержаний) = 80 %, в свою очередь, 80 % – 25 % (минимальная сумма, которая выплачивается осужденному) = 55 %), а это крупная сумма, не выплачиваемая осужденному. Более того, это при условии, что государство обязывает осужденного самостоятельно выплачивать из собственных средств расходы исправительного центра, связанные с оплатой коммунальных услуг и содержанием имущества в пределах фактических затрат, произведенных в конкретном месяце, в связи с чем полагаем исключить норму в УИК РФ, которая гласит: «В исправительных центрах осужденным к принудительным работам выплачивается не менее 25 % от начисленной им заработной платы».

Разумеется, суд, учитывая все обстоятельства уголовного дела, а именно: характер общественной опасности, степень вины осужденного, его личность, а также другие обстоятельства, на основе принципов разумности и справедливости назначает осужденному, совершившему более суровое преступление, даже в рамках одной категории, пропорциональный содеянному размер удержаний из заработной платы по сравнению с осужденным, совершившем наименее тяжкое преступление. В связи с изложенным, возникает вопрос о размере заработной платы, из которой производятся удержания, ведь суд заведомо не знает о ее размере, когда устанавливает в резолютивной части приговора проценты удержаний из нее. Как правило, осужденные к принудительным работам привлекаются к малоквалифицированным и низкооплачиваемым видам деятельности [1, с. 124], но не установлены ни минимальный, ни максимальный размеры причитающихся за труд осужденных выплат. Указанное обстоятельство вводит некоторую неопределенность в том смысле, что осужденный, которому суд назначил размер удержаний из заработной платы в размере 20 %, может привлекаться к труду, определенному исправительным центром, при низком уровне заработной платы, а осужденный, которому суд назначил 5 % удержаний, обладает заработной платой в большем размере. Полагаем, это условие исполнения принудительных работ необоснованно, поскольку осужденный в таком случае претерпевает ограничения в двойном размере. В связи с этим предлагаем установить приблизительно одинаковый размер заработной платы для всех категорий осужденных к принудительным работам независимо от

места работы и вида трудовой деятельности. Предлагается установить минимальный и максимальный размеры заработной платы осужденным, которые по смыслу должны незначительно превышать минимальный размер оплаты труда (далее по тексту – МРОТ), равный на сегодняшний день 19 242 руб. Представляется, что такое решение необоснованно, так как минимальная заработная плата обычного рабочего человека не должна быть ниже МРОТ в России. При этом из каждой заработной платы работника как минимум 13 % от суммы удерживается для перечисления в государственный бюджет страны в качестве налога на доход. Однако размер оплаты труда осужденного к принудительным работам, установленный не ниже уровня МРОТ, компенсирует значительное количество затрат осужденного на ежемесячное возмещение из его собственных средств расходов исправительного центра на оплату коммунальных услуг и содержание имущества в пределах фактических затрат, произведенных в определенном месяце.

На основании вышеизложенного, суду следует принимать решение о размере удержаний только после того, как он сам определит размер заработной платы осужденного к принудительным работам, поскольку лишь в данной ситуации будут справедливы и заработные платы, устанавливаемые в соответствии со всеми доказанными обстоятельствами уголовного дела, и размеры удержаний, исчисленные пропорционально полученным доходам осужденных и степени их вины. Утверждение о том, что чем выше заработная плата осужденного, тем больше размер удержаний из нее должен быть предусмотрен, подчиняется всем законам логики и не подлежит оспариванию.

В то же время следует отметить, что осужденные, которые не имеют собственных денежных средств, возмещение расходов исправительных центров не осуществляют. Основываясь на системном методе научного исследования, из данного утверждения вытекает существенное противоречие. УК РФ закрепляет право на получение заработной платы осужденными к принудительным работам с учетом удержаний в доход государства денежных средств в размере от 5 до 20 %, тогда остается невыясненным то обстоятельство, каким образом по УИК РФ осужденный, получая заработную плату за труд, не имеет собственных денежных средств. Разумеется, осужденные полученные денежные средства не перечисляют полностью строго на счет исправительного центра в целях своего содержания, поскольку им также необходимо содержать себя, постоянно удовлетворяя потребности в воде, пище, одежде, лекарственных средствах и пр. Однако это не означает, что осужденный должен, не раздумывая, расходовать денежные средства специально с той целью, чтобы не возмещать затраты исправительного центра. Рекомендуется на уровне закона или подзаконного акта предусмотреть норму расходов осужденных к принудительным работам во избежание осуществления ими завышенных и необоснованных личных затрат. Следовательно, не менее важным на практике остается вопрос, в первую очередь, о размере заработной платы осужденного к принудительным работам и, во вторую очередь, о лимите остатка денежных средств на счете осужденного в качестве оплаты услуг исправительного центра. При этом данное основание не лишает возможности осужденного к принудительным работам обращаться в суд с ходатайством о снижении размера удержаний из заработной платы в случае ухудшения его материального положения [13].

Более весомой проблемой выступает положение, закрепляющее непредоставление ежегодного оплачиваемого отпуска осужденным к принудительным работам, которые не обеспечены работой. Мы сталкиваемся с серьезным противоречием, когда юридическое содержание наказания противопоставляется самому существу принудительных работ. То есть принудительные работы могут отбываться осужденными без выполнения работ, и это создает определенный парадокс в правовой системе России. В чем заключается смысл указывать на непредоставление ежегодного отпуска осужденному, не выполняющему трудовую деятельность, когда само наказание фактически не исполняется. В такой ситуации осужденный находится в условиях изоляции от общества в исправительном центре, а не выполняет работы, поэтому принудительные работы здесь приравниваются к лишению свободы и ничем от них не отличаются. Более того, условия лишения свободы в отдельных случаях даже менее строгие, чем при отбывании принудительных работ, например, при отбывании наказания в колониях-поселениях, колониях общего режима.

Рассматривая вопрос о необходимости правового закрепления в уголовном законе РФ принудительных работ, следует отметить следующее. Во-первых, принудительные работы могут отбываться осужденным без выполнения работы, но в условиях его нахождения в исправительном центре. Лишение свободы также отбывается в специальных исправительных учреждениях различного типа режимов, поэтому в таком случае отсутствует разграничение принудительных работ и лишения свободы. Кроме того, при исполнении принудительных работ происходит удержание в доход государства денежных средств из заработной платы в размере от 5 до 20 % в зависимости от решения суда. Однако при лишении свободы данные проценты удержаний УИК РФ не предусмотрены, что является подтверждением того факта, что лишение свободы на незначительный срок – наказание менее строгое по сравнению с принудительными работами. Также сроки этих ви-

дов наказаний во многом пересекаются, и их расчет в случае замены совпадает, то есть один день лишения свободы приравнивается к одному дню принудительных работ. В связи с изложенным отпадает потребность в правовом регулировании принудительных работ.

Еще одним аргументом отсутствия необходимости в принудительных работах в системе наказаний РФ признается нецелесообразное расходование бюджетных средств государства на формирование исправительных центров, поскольку, по существу, они практически не отличаются от исправительных колоний, причем наказание в виде принудительных работ, по статистике, применяется реже лишения свободы. Согласно статистическим данным РФ, полученным на основе методов наблюдения и сравнения, по состоянию на 2023 г. число осужденных к принудительным работам составляет 17 333 чел., а к лишению свободы – 170 976 чел. [14], что почти в десять раз больше. Расходование бюджетных денежных средств следует реализовывать в рамках социальных программ по поддержанию населения, развитию основных институтов гражданского общества, в частности, охраны здоровья, развития культуры, спорта, а не в рамках создания излишних мест отбывания различных, но в то же время аналогичных по смыслу видов наказаний и избыточности уголовно-правовых норм в анализируемой сфере правовой плоскости.

В теории уголовного права существует способ замены лишения свободы не только другими, более мягкими видами наказаний, но и таким уголовно-правовым институтом или мерой уголовно-правового характера, как условное осуждение. Причем последнее в большей степени снисходительно по отношению к принудительным работам. Условное осуждение может быть назначено в случае замены лишения свободы на срок до 8 лет. Принудительные же работы могут быть применены только как замена лишения свободы сроком на 5 лет, однако предусматривают строгие условия отбывания. В связи с этим нелогичной признается правовая конструкция условного осуждения, предоставляющая возможность осужденным к реальному лишению свободы на срок, например, 7 лет, быть освобожденными из мест лишения свободы, соблюдая возложенные на них судом запреты и ограничения, причем они не могут претендовать на изначальное назначение взамен лишения свободы принудительных работ. Однако лицо, которому лишение свободы назначено на срок 3 года, может подвергаться лишениям и ограничениям, свойственным для принудительных работ, в случае замены лишения свободы в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 53.1 УК РФ. Следовательно, отсутствует логика в снижении ответственности лицам с большими сроками реальной изоляции, чем предусматривать строгие условия принудительных работ лицам с наименьшими претерпеваниями неблагоприятных последствий от реальной изоляции от общества. Кроме того, судебная статистика РФ подтверждает принцип гуманизма. В 2023 г. к условному осуждению при лишении свободы привлечено 137 340 чел. [14], что в значительной мере больше, чем применение принудительных работ.

Таким образом, принудительные работы в уголовном праве России имеют немалое количество некорректных формулировок, обусловленных несовершенством юридической техники, а также их применение судами ограничено в той связи, что законодательством предусмотрено множество других способов назначить осужденному законное, обоснованное и справедливое наказание. Помимо этого, отсутствует необходимость правового закрепления принудительных работ в УК РФ, в том числе в связи с их противоречием целостной системе наказаний из-за процедурной сложности их применения и существенной схожести с лишением свободы. Из этого следует, что решение об исключении данного вида наказаний вполне разумно, и оно послужит фактором, устраняющим избыточность норм уголовного права.

Литература:

1. Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: учеб. пособие. – М.: Статут, 2015. – 256 с.
2. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М.: Городец: Добросвет, 2000. – 504 с.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. – Тула: Автограф, 2001. – 816 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 1536 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов) / Под ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2022. – 992 с.

6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Т. 1. Общая часть / В.М. Лебедев [и др.] / Под ред. В.М. Лебедева. – М: Изд-во Юрайт, 2023. – 316 с.
7. Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный). – URL: https://internet.garant.ru/#/document/480971939/paragraph/206/doclist/1862/5/0/0/принудительные%20работ:4
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / А.В. Бриллиантов [и др.] / Под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2021. – URL : https://internet.garant.ru/#/document/77251536/paragraph/1493/doclist/1862/10/0/0/принудительные%20работ:5
9. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы Костромской области от 02 октября 2023 г. по делу № 1-438/2023. – URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/336764465/paragraph/1/doclist/8878/1/0/0/Приговор20Свердловского20районного20суда20г.20Костромы20Костромской20области20от200220октября202023%20г.20по20делу20N201-4387C2023.:2 (дата обращения: 21.05.2024).
10. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 08 сентября 2023 г. по делу № 1-509/2023. – URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/336621220/paragraph/1/doclist/8879/1/0/0/Приговор20Центрального20районного20суда20г.20Тольятти20Самарской%20области20от200820сентября20202320г.20по20делу20N201-5097C2023.:2 (дата обращения: 20.05.2024).
11. Сафин Л.Р. Наказания, не связанные с изоляцией от общества: проблемы теории, законодательства и судебной практики. – М.: Проспект, 2023. – 456 с.
12. Смоляров М.В. Понятие, цели и виды уголовных наказаний. Практический комментарий. – М.: Право Доступа, 2023. – 392 с.
13. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьёв А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – URL: https://internet.garant.ru/#/document/57227409/paragraph/732/doclist/1894/9/0/0/принудительные%20работ:10 (дата обращения: 12.05.2024).
14. Судебная статистика РФ. – URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/12/s/8?ysclid=lw0ewkuslo773569268 (дата обращения: 18.05.2024).

Imperfection of Legal Technology and Lack of Need for Legal Reinforcement of Forced Labor

Cheparov R.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

The scientific article analyzes the problems of erroneously classifying forced labor as the main types of criminal penalties according to the scientific classification. It is noted that the concept of «alternative to deprivation of liberty» indicates the lack of independence of forced labor, since they are provided for in the sanctions of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation only along with deprivation of liberty. The scientific work examines the incorrectness of the legal technique, due to the fact that, within the meaning of the law, forced labor can be applied both independently and as a substitute for imprisonment, but the position of the Supreme Court of Russia provides for only one option for their purpose. The scientific study proposes to combine parts one and two of Art. 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, since their separate legal regulation can lead any lawyer and law enforcement officer into a state of confusion. The article substantiates the position regarding the determination of approximately equal amounts of wages of convicts in order to establish the maximum proportional amount of deductions from it. The opinion is argued that forced labor should be excluded from the Criminal Code of the Russian Federation, since for the most part they are identical, and in rare cases even stricter than imprisonment, and can also be replaced by the more humane institution of probation.

Key words: forced labor, labor capacity, forced labor, classification of types of punishment, main type of punishment, correctional centers, isolation from society, correction of a convicted person, alternative to imprisonment, withholding of wages, suspended sentence

УДК 342.56

Конституционное правосудие как способ урегулирования экологического спора при помощи экологического правопонимания

Юн Л.В.
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Глобальный экологический кризис, появившийся в XXI столетии, свидетельствует об актуальных проблемах, возникших в сфере экологических прав человека и гражданина. На сегодняшний день в период эволюции государств он влияет на права человека и гражданина, выступает признаком корреляции экологических и иных фундаментальных прав всего мира, реализуется в многочисленных экологических правонарушениях, катастрофах, стихийных бедствиях, наводнениях, засухах, пожарах, вырубках лесов, причиняет массовый ущерб конституционным правам граждан, их здоровью и имуществу. Автор останавливает свое внимание на том, что право на получение достоверной информации не всегда возможно использовать в связи с тем, что возникают непредвиденные обстоятельства. Цель данного исследования заключается в анализе проблем, касающихся конституционного правосудия как способа урегулирования экологического спора при помощи экологического правопонимания.

Практическая значимость работы заключается в том, что экологическое правопонимание может быть использовано при разрешении правовых споров, возникающих в рамках конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: экологическое правопонимание, Конституционный Суд Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина

Конституционное правосудие играет важную роль при рассмотрении экологических споров, одной из ключевых целей которого является охрана, защита и соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина. К большому сожалению, в судах общей юрисдикции не всегда возможно урегулировать возникший правовой спор, в силу чего гражданам и юридическим лицам приходится обращаться за восстановлением своих нарушенных прав, в том числе в сфере экологии в Конституционный Суд России. Конституционное правосудие существенно отличается от других видов правосудия тем, что в рамках него возможно получение толкования нормативных правовых актов, сформулированных правовых позиций, которые, в свою очередь, являются «сердцем» итоговых решений. Правовые позиции, сформулированные в рамках конституционного правосудия, помогают восстановить нарушенные права многих субъектов права, тем самым свидетельствуя о таком масштабном желании обратиться в Конституционный Суд России.

В конституционных нормах конституционное судопроизводство понимается как самостоятельный вид судопроизводства, при помощи которого реализуется судебная власть [1].

Конституционное судопроизводство, безусловно, является абсолютно самостоятельным, особенностью которого является принятие коллегиального решения при рассмотрении возникшего правового спора.

По справедливому мнению О.Е. Кутафина, «...конституционное правосудие представляет собой ключевой организационно-правовой механизм

поиска и урегулирования баланса интересов, соответствия нормотворческой и правоприменительной практики в разных сферах жизнедеятельности конституционным принципам и высшим юридическим ценностям социума и государства...» [2, с. 180].

Действительно, необходимо подчеркнуть, что баланс частных и публичных интересов находит свое отражение в конституционном судебном процессе, когда каждая из сторон предоставляет многочисленные виды доказательств по рассматриваемому делу с целью урегулирования правового конфликта.

В настоящий период времени эффективное правосудие не должно базироваться только на законодательных нормах. Органы судебной власти могут использовать закрепленные идеи и правила поведения, находящиеся во всех формах системы международного и внутригосударственного права и применяемые в государстве [3, с. 5].

В ходе осуществления конституционного правосудия могут возникать абсолютно разные по своему содержанию, форме и структуре проблемы между участниками конституционного судопроизводства. Одной из ключевых и особенно важных проблем, возникающих при осуществлении конституционного правосудия, является получение информации о состоянии окружающей среды. Зачастую невозможность получения информации о состоянии окружающей среды приводит к нарушению других фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, тем самым создавая целый негативный «пласт» для развития правового нигилизма и минимизации правового сознания, в том числе и экологического.

В высший судебный орган конституционного контроля обратилось юридическое лицо «Валмакс» с жалобой о проверке конституционности норм Федерального закона от 19.07.1998 г. № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе» и «Положения об информационных услугах в сфере гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды». Изучив поступившие в высший судебный орган конституционного контроля материалы дела, суд пришел к выводу о том, что обжалуемые заявителем нормы не соответствуют конституционным нормам, в той мере, в какой они, в силу неоднозначности своего нормативного содержания, не позволяют определить критерии, исходя из которых на хозяйствующий субъект может быть возложена обязанность заключить договор по оказанию информационных услуг [4].

В рамках рассмотрения вышеуказанного спора судом было установлено, что в законодательстве четко не установлены критерии, согласно которым на юридическое лицо возможно наложение соответствующей обязанности. В силу данного обстоятельства обжалуемый нормативный правовой акт был признан не соответствующим конституционным нормам.

Данный судебный спор еще раз является прямым подтверждением того, что в судах общей юрисдикции не всегда верно применяются нормы материального права для разрешения спора по существу, урегулирования конфликта и восстановления нарушенных прав. Правоприменители чаще всего ссылаются не на те нормы, которые необходимы в том или ином споре. Данный факт свидетельствует о том, что происходит затягивание спора, так как субъекту права, или как в нашем случае юридическому лицу приходится длительный период времени ожидать пока его права будут восстановлены и обращаться в другие судебные органы.

Эффективному разрешению возникшего спора в ходе конституционного правосудия способствует сформировавшееся у правоприменителей высшего судебного органа конституционного контроля экологическое правопонимание. Важно отметить, что при формировании правовых позиций по разрешению споров в сфере экологии крайне важно, чтобы правоприменители обладали высоким уровнем экологического правопонимания, при помощи которого возможно более детально изучить и разрешить возникший правовой спор между участниками конституционного судопроизводства.

«...На стыке XX и XXI столетий сформировалась цепочка взаимосвязанных правовых понятий: ...экологическое государство, экологизация права и правового сознания...» [5, с. 5], – справедливо отмечают ведущие российские ученые И.А. Умнова-Конюхова и М.А. Вакула.

Для эволюции экологической культуры и профессиональной квалификации специалистов в сфере охраны окружающей среды обеспечивается всеобщее экологическое образование. Кроме того, знания в сфере экологии реализуются через информационные ресурсы и другие учреждения [6].

В июле 2020 г. в Конституцию РФ были внесены поправки, отражающие в том числе и развитие экологической культуры [7]. «...Высший орган исполнительной власти России осуществляет меры, связанные с развитием различных форм и стандартов образования, установленных государством, обеспечением повышения квалификации должностных лиц в сфере охраны окружающей среды ...» [8, с. 157].

Важно также юридически изучить и разработать нормативные правовые акты для формирования эколого-правовой культуры, которые в будущем составят базу с целью организации результативной системы эколого-правового сознания и воспитания [9, с. 4].

Профессор С.А. Боголюбов отмечает, что «...экологическое образование является непрерывным процессом обучения, воспитания и развития личности, имеющим направление по формированию системы научных и практических знаний, аксиологических ориентаций и поведения, обусловли-

вающих ответственное отношение к окружающей среде...» [10, с. 267–270].

Исходя из этого, считаем необходимым обозначить критерии экологического правопонимания.

В рамках конституционного судопроизводства судьи могут прийти к выводу о наличии в нормах федеральных законов и других нормативных правовых актах правовых пробелов и при помощи функции толкования разъяснить их заявителю. Ключевой целью минимизации пробелов является восстановление нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Экологическое правопонимание может быть применено в Конституционном Суде Российской Федерации в связи с тем, что судьи изучают и анализируют нормы законов и иных нормативных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации в случае возникновения правового спора, а также проектов нормативных правовых актов по запросу органов государственной власти Российской Федерации.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить важность корреляции конституционного правосудия и экологического правопонимания для более детального и результативного рассмотрения споров в рамках конституционного судопроизводства, в т.ч. в сфере экологии.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 [с учетом изменений] // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Остапович И.Ю. Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения: учеб. пособие. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 230 с.
3. Ершов В.В. Право и правосудие как парные категории // Российское правосудие. – 2014. – № 1(93). – С. 5–17.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.09.2021 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона «О гидрометеорологической службе», пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Валмакс»» // СЗ РФ. – 2023. – № 41. – Ст. 7064.
5. Вакула М.А., Умнова-Конюхова И.А. Экологическое право в XXI веке: актуальные проблемы, вызовы и решения. – М.: РУДН, 2021. – 260 с.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 26.03.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
8. Комментарий к Конституции РФ (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. (колл. авторов; с обращ. к читателям Президента РФ В.В. Путина; под ред. акад. РАН Т.Я. Хабриевой). – М.: «ИНФРА-М», 2021. – 193 с.
9. Аббасов П.Р. Актуальные проблемы правового регулирования экологического образования // Управление в современных системах. – 2020. – № 4(28). – С. 3–10.
10. Боголюбов С.А. Актуальные проблемы экологического права. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 498 с.

Constitutional Justice as a Way to Resolve an Environmental Dispute Using Environmental Legal Understanding

Yun L.V.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The article discusses a comparative legal analysis of the legal protection of the charters of municipalities by legislative and executive authorities at the federal level of government. The author emphasizes that the powers related to the legal protection of the charters of municipalities relate only to the powers of state authorities of the Russian Federation. In the course of the ongoing research, a number of key problems were identified, possible solutions were identified, and proposals were made to improve the legislation of the Russian Federation at the federal level of government.

The practical significance of the work lies in the fact that environmental legal understanding can be used in resolving legal disputes that arise within the framework of constitutional proceedings.

Key words: municipal formation, Charter, legal protection, legislative and executive authorities of the Russian Federation

УДК 316.35

Мем как механизм социального регулирования и управления практиками вовлеченности молодежи в общественную жизнь

Анучина О.В.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Вафина Ю.А.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Юсупова А.С.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации

В настоящее время мемы приобретают вид доминирующего в молодежной среде медиаконтента, который выполняет функции регулирования социальной активности, идентификационных стратегий, включенности молодого поколения в общественные процессы через интернет-коммуникацию. Однако, несмотря на свою высокую популярность, мемы все еще остаются малоизученными, наблюдается недостаток как эмпирических, так и теоретических исследований. Целью настоящей статьи является изучение мема в контексте его регулирующего воздействия на практики вовлеченности молодежи в общественную жизнь через интернет-коммуникацию. В данной статье производится анализ теоретико-методологических основ изучения мемов как доминирующего в молодежной среде медиаконтента, декомпозицируются полидискурсивность, многофункциональность мема как современного медиатекста; рассматриваются социологические концепции, представившие объяснительные модели механизмов восприятия общественного мнения, оказывающего влияние на уровень социальной вовлеченности. Кроме того, представлены результаты социологического исследования, проведенного авторами среди студенческой молодежи города Казани, которые подтверждают гипотезу о влиянии мемов на вовлеченность молодежи в общественную жизнь.

Ключевые слова: интернет-мемы, молодежная культура, мем, полидискурсивность, интернет-коммуникация

Значимость исследования мемов в зеркале молодежной культуры в информационном пространстве высока, так как они являются неотъемлемой частью интернет-культуры, выражают идентификационные стратегии, ценности, восприятие социальных реалий, новостной повестки, пропущенной сквозь систему диспозиций молодого поколения. Наблюдается социальный запрос на изучение влияния мемов на поведенческие практики молодых людей, их конструктивистский потенциал, возможности в маркировке социальных фактов и переживании социальных изменений, а в событийном контексте 2024 г. – мема как инструмента изменения коллективной идентичности в процессе информационных войн.

Изучение популярных в молодежной среде мемов поможет сформировать представления о габитусе социальной вовлеченности, гражданской идентичности молодежи РФ, выявить социокультурные, психологические детерминанты поведенческих практик. Объект данного исследования – студенческая молодежь города Казани на примере студентов Казанского национального исследовательского технологического университета и Казанского государственного энергетического университета. Предмет исследования – интернет-мемы в коммуникации студентов. Цель: выявление отношения студенчества г. Казани к мемам и потенциала мемов в повышении вовлеченности молодежи в общественную жизнь. Ниже будут представлены результаты данного социологического исследования.

Мемы как атрибуты коммуникации молодежи самовоспроизводятся через социальные взаимодействия и являются важной контент-единицей, детерминирующей дискурсивные практики в цифровом пространстве, многофункциональным информационным продуктом, формирующим культуру информационного общества. Помимо потенциации силы слабых связей сетевых взаимодействий, сплочения отдельных групп «потребителей» мемов, одной из важнейших характеристик мема является дискурсообразующее начало и полидискурсивность. Один и тот же мем обсуждается на совершенно разных площадках, что обуславливает взаимодействие трудно сочетаемых дискурсов (наложение, пересечение, тождество, дополнение, включение), разнообразие реализации мемов в интернет-коммуникации. Полидискурсивность медиамемов выражается в создании разнообразных способов мышления на одном ментальном пространстве, общей картины. Открытый обмен мнениями в процессе обсуждения мемов в медиапространстве позволяет выявить общественную реакцию, сформировать представления об отношении к тому или иному вопросу, отследить предрасположенность молодых пользователей интернета к определенному восприятию и оценке конкретных социальных реалий, получить обратную связь. По этой схеме мемы, которые изначально предполагают народное творчество, модифицируются, а их создатели-заказчики могут детерминировать определенное поведение молодежи. Например, на просторах интернета обнаружены многочисленные мемы, представляющие попытку объяснить особенности каждого из поколений *X, Y, Z* и даже *M*. Продолжая данное исследование, коллектив авторов обязательно произведет контент-анализ комментариев под этой группой мемов.

Мем может оказаться опасным инструментом в руках, например, разжигателей сетецентрических, информационных войн, например, в текущем противостоянии нашей страны и коллективного Запада – отмечает ряд отечественных авторов, например, А.Ю. Бубнов [1], С.А. Шомова [2], П.О. Садков, С.П. Новокшонова, А.Е. Шлемов, А.А. Пермяков [3] и др. А.Ю. Бубнов А.Ю. исследует потенциал мема как «объединяющего политического символа», описывает модели их распространения и анализирует мемы в поле информационной войны украинского кризиса. Примером «кооптированного типа медиавируса», по Д. Рашкоффу [4], в его трудах выступает медиамем федерального значения «вежливые люди» в борьбе за возвращение Крыма. Общественно-политический журнал «Изборский клуб» посвятил целый выпуск теме влияния мемов на российскую молодежь, опубликовав экспертный доклад С. Баранова «Мемы в информационной войне против русского народа», статьи В. Коровина «Россия и Запад в меметической войне», В. Даренского «О ментальной борьбе и семантическом оружии» и др. [5], что еще раз подтверждает актуальность более глубокого изучения данной темы.

Медиамемы могут целенаправленно вкореняться, пронизывать интернет-пространство для продвижения однобокой, четкой идентификации реальности, что освобождает от ответственности потребителя этого контента, позволяет избежать необходимости понимания и выражения собственного мнения, то есть запускаются схемы «упрощения» общественного мнения. В целом, сегодня во многих сферах, например, в маркетинге популяризовался тренд на создание примитивного, пастеризованного и «быстрого» контента именно для молодежной аудитории. Национальное репрезентативное исследование «Опыт блогеров», проведенное приложением вертикальных видео «Yappy» в мае 2024 г., входящее в «Газпром-Медиа Холдинг», доказало, что 70 % опрошенных (из 63 городов России) считают короткие видео абсолютным трендом на рынке видеоконтента. Лишь 30 % блогеров дополнительно развивают длинный формат для более взрослой аудитории. Другие тренды, запущенные на данном рынке для привлечения молодежи, – интеграция с искусственным интеллектом, дорисовка дополненной реальности, стриминг, прямые эфиры с известными артистами и др. [6].

Здесь возникает необходимость обратиться к основным положениям ряда социологических концепций, например, теории симулякров Ж. Бодрийяра с «чистым означающим без означаемого», где общественное мнение отражает гиперреальность. Согласну Ж. Бодрийяру, общественного мнения не существует, так как оно трансформировалось в «гиперреальную политическую субстанцию». Поступающий современному человеку объем информации необъятен и идентифицировать в нем копии невозможно. Общественное мнение в трактате «Символический обмен и смерть» французский социолог объясняет так: «нет больше общественного мнения, отдававшего свой голос "представительным" представителям, а весь этот процесс дезартикулирован» [10]. Общество воспроизводит «массовое представительство», некое общее мнение данного времени-пространства здесь и сейчас, а члены общества не транслируют и не вырабатывают индивидуальных выборов. Ж. Бодрийяр проводит аналогию с валовым национальным продуктом, который просто должен воспроизводиться вне корреляции с общественной целесообразностью. Г. Беккер в теории стигматизации обозначает прямую корреляцию между общественным мнением и влиятельными социальными группами, маркирующими других членов социума [11]. Социолог У. Липпман определил общественное мнение как «оценку значимого происходящего; представления людей о самих себе», согласие или несогласие с преобладающими публичными позициями. Такое общественное чувство включает в себя оценку текущих событий и коллективную перспективу, консолидацию «коллективного социального», что крайне важно культивировать в молодежной среде на фоне духовно-информационной войны [7] в новой парадигме геополитики.

Одним из самых популярных способов передачи информации в интернет-пространстве среди молодежи выступает мем, поскольку молодежная аудитория не только оперативнее осваивает новые технологии, но и включается в интернет-коммуникацию, принимает и генерирует визуальный контент. Для современной молодежи мем представляет собой такое же средство передачи информации, объективной оценки новостной повестки как телевидение для старшего поколения.

В 1976 г. научная работа Р. Докинза «Эгоистичный ген» ознаменовала закрепление и институциализацию в академическом сообществе понятия «мем» [12]. Специфика «мема как медиавируса» в переходе из виртуального пространства в объективную реальность («базовую») и дальнейший переход к ее изменению представлена в трудах Д. Рашкоффа [4]. Захватывая коммуникативное пространство, мем осуществляет трансфер определенной новостной повестки, которая, в частности, может быть сконструирована. Именно Д. Рашкофф, книга которого отмечена премией М. Маклюэна, впервые раскрыл особенности захвата коммуникативного пространства мемом и представил условия автономии человека в эпоху цифровых технологий в книгах «Настоящий шок», «Программируй или будь запрограммированным», «Принуждение», «Выживание богатейших: фантазии технологических миллиардеров о побеге», «Команда «*Human*» и в фильмах «*Generation Like*», «Торговцы крутизной».

Способность молодого поколения противостоять попыткам управленческих воздействий на конструирование определенной позиции через медиамемы зависит от множества факторов, в частности, уровня развития гражданского общества. Одним из способов воздействия на общественное восприятие молодежи является запуск мемов, которые могут потенциально отвлекать внимание от критических вопросов, создавать искусственные проблемы, а затем продвигать необходимые решения. Схемы искажения общественного мнения с помощью мемов подразделяются на эмоциональные, стихийные, рационально-сознательные.

Информационные и коммуникационные технологии открывают широкие возможности для информирования и активного участия молодежи в жизни общества. Мемы как часть медиаконтента позволяют оперативно распространять разнообразную информацию, а благодаря интерактивным средствам общения способствуют вовлечению молодежи в общественные процессы. С другой стороны, мемы могут продвигать в молодежной среде, например, материалистические ценности потребительской культуры, ценности «толерантности» в интерпретации западной культуры, развивать нереалистичные социальные ожидания, гедонизм, стремление к постоянному отдыху, развлечениям и др. Это приводит к снижению социальной активности молодежи, значимости духовных убеждений, возрастанию популярности разделения индивидуальных траекторий развития и общественной жизни, атомизации общества.

Информационные технологии – ключ к вовлечению молодежи в жизнь общества. Основные возможности информационно-коммуникационных технологий в информировании молодежи: 1) оперативность и доступность информации (новостные агрегаторы и онлайн-издания обеспечивают молодежь актуальной информацией о событиях в мире и стране, а также о возможностях для участия в общественной жизни); 2) многообразие источников (предоставляется доступ к различным точкам зрения и источникам информации, позволяя молодежи формировать собственное мнение и критически оценивать происходящее); 3) персонализация контента (алгоритмы социальных сетей и рекомендательные системы персонализируют информационный поток, обеспечивая молодежь наиболее релевантной и интересной для неё информацией). Дополнитель-

но отметим такие преимущества, как интерактивность, доступность практически для всех, широкий охват, привлекательность, например, увлекательность образовательного процесса. В молодежной политике активно используются все вышеупомянутые возможности для привлечения молодых людей к общественной жизни, например, единый ресурс с актуальной информацией о программах, конкурсах, грантах, геймификация, разработка приложений, посвященных вопросам самоуправления, волонтерства, лидерства, онлайн-мероприятия, вебинары, дистанционные образовательный платформы, прямые трансляции, создание тематических групп в социальных сетях, развитие электронных сервисов, создание личного кабинета и др.

Рассмотрим семиотический подход к мемам. Семиотикой называют науку о знаках и коммуникативных системах, которые используются в общении. Для того чтобы передавать информацию через язык, необходимо использовать систему знаков, которая не ограничивается только графическими и звуковыми единицами. Знаки – это материальные замены объектов, явлений и идей в процессе обмена информацией. В их число входят: условные (зеленый свет светофора, предложение) или графические (рельеф, дорожный знак). Эти знаки имеют возможность существовать в рамках систем подобных знаков и быть понятыми в контексте определенного культурного контекста. Аналогия между знаками и мемами позволяет увидеть их как продукт определенной культуры и времени, содержащий не только само изображение, но и смысл, понятный определенной группе людей в определенный момент истории. Семиотический подход помогает понять влияние мемов на общественное мнение и формирование образов объектов и явлений через них.

Кроме названных подходов, считаем необходимым рассмотреть еще два. Это лингвистический подход, который рассматривает мем как часть языкового материала людей и в котором выделяют определённые лингвистические критерии. Такими критериями могут выступать многозначность мема, его семантическая ценность, нейтральность в плане стилистики, частота употребления, сочетаемость с другими коммуникационными инструментами. При анализе мема с точки зрения лингвистического подхода основным вопросом является понимание того, какие эмоции он дарит общающимся и что они при этом чувствуют, то есть необходимо понять функцию мема во время коммуникации.

Однако для нашего исследования наибольший интерес представляет функциональный подход, который в настоящее время получил широкое распространение. Исследователи, работающие в рамках данного подхода, выделяют ряд функций мема в общественной жизни. В работе «Функции интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд» Н.А. Зиновьев описал такие функции, как репрезентации идеи, трансляции идеологии, репрезентации индивида, репрезентации сообщества, коммуникации в сообществе, интеграции сообщества, идентификации, информирования [8].

Развивая эту тему, Е.Н. Лысенко предложил свою классификацию функции мемов [9]. Она является более расширенной и описывающей управленческие возможности мема. Автор выделил следующие функции: информационную, репрезентативную, трансляционную и интегративную.

С помощью информационной функции происходит накопление определенной информации, которая закрепляется в умах и в памяти, а затем передается последующим оппонентам. Далее полученная информация перерабатывается и представляется в виде определенной реальности. То есть мем возникает в виде образа, который мы на данный момент не наблюдаем, и это служит для развития когнитивных процессов. Так проявляется репрезентативная функция.

Благодаря трансляционной функции мем передает мнение индивида, оценку критерия. Мем может очень точно продемонстрировать точку зрения, передать настроение. Кроме того, мем является средством объединения людей, оказывает интегративную функцию. С помощью него люди могут объединяться по схожим интересам. Если проследить эволюцию мема, то можно сказать, что от развлекательной единицы в сети Интернет он трансформировался в средство общения и выражения мнений. Мемы стали для людей способом комментировать социальные и политические события, выражать общие чувства и даже организовывать общественные движения. Благодаря мемам сложные темы становятся более доступными и понятными для широкой аудитории. По результатам опроса, проведенного PR-агентством *Mediacom.Expert* с помощью онлайн-сервиса *Anketolog.ru*, 67 % опрошенных считают, что мемы способны сделать информацию или рекламу привлекательнее для потребителя, а 60 % участников опроса согласны, что это перспективный вид коммуникации [13].

Если обратиться к анализу мемов, наиболее популярных в 2024 г., то можно отметить, что, как и в предыдущие годы, мемы продолжают отражать наши общественные настроения, тревоги и устремления. От экологических проблем до глобальной политики, от поп-культуры до повседневных бытовых ситуаций – мемы охватывают все аспекты нашей жизни.

В прикладной части работы применялся социологический опрос студентов с применением метода анкетирования с целью выявления влияния мемов на вовлеченность молодежи в общественную жизнь. Участвовало 250 респондентов. Анкетирование было проведено в марте 2024 г. на площад-

ках двух образовательных учреждений: Казанского государственного энергетического университета и Казанского национального исследовательского технологического университета.

В опросе приняли примерно одинаковое количество мужчин (48 %) и женщин (52 %). Больше половины участников (54 %) учатся на первом курсе, остальная часть (37 %) уже на середине своего образовательного цикла, и 8 % респондентов уже завершили обучение в вузе и они старше 25 лет. Факт того, что «мем» является передатчиком и хранителем культурной информации подтвердили 97 % участников. Более половины ответивших респондентов положительно относятся к интернет-мемам (64 %), одна треть опрошенных соблюдают нейтралитет (31 %), а у остальных участников мемы вызывают стойкий негатив (5 %). Большая часть респондентов каждый день сталкиваются с мемами в интернет-пространстве и в социальных сетях (55,4 %). Одна треть опрошенных встречаются с ними периодически (38,4 %). Буквально один раз в полгода видят их 4,2 % опрошенных. Источником мемов для молодых людей в основном являются социальные сети – Вконтакте, *Yappy, Tik Tok* и *Telegram*.

Эволюция мемов показывает, как цифровые технологии изменили способ взаимодействия и общения людей. Мемы стали мощным инструментом для выражения личного мнения, социальной критики и даже политической активности.

По результатам опроса самыми популярными являются фото-мемы. Данную тенденцию можно объяснить тем, что у современной молодежи мышление характеризуется клиповостью, неспособностью концентрировать свое внимание на одном предмете в течение длительного периода времени. Скорость жизни в пространстве интернета ускоряется в разы, становится необходимо быстро реагировать на сообщения, новую информацию, свободного времени становиться все меньше. Этим можно объяснить привлекательность фото-мемов для молодых людей. 47,7 % опрошенных заявили, что влияние мемов огромно и нужно учитывать модные тенденции и отслеживать появление деструктивных, аморальных и тех мемов, которые могли бы разжечь межнациональные и межличностные конфликты, но с другой стороны, нашлись и те 42,9 %, которые считают, что мемы имеют незначительное влияние на жизнь современного общества. И плюс к этому 10 % совсем отвергают влияние данного феномена. Более половины опрошенных (55 %) подтвердили юмористический и комический эффект мемов, как способ понятия настроения. Для одной пятой части респондентов мемы являются средством передачи своих мыслей и эмоционального состояния на данный момент времени (20 %). 25 % подтвердили, что они в мемах видят отражение своей собственной жизни и ассоциативно поддерживают мысль сопричастности к мемам и их героям. Способность мемов формировать необходимое мнение о событиях в политике, культуре и обществе подтвердили более половины опрошенных (64,9 %), и только незначительное меньшинство опровергли эту возможность (9 %).

Частота использования мемов молодым поколением с каждым годом только растет. По функциональному предназначению: и улучшение эмоционального фона, и способы нахождения общего языка с близкими и друзьями, и способы объединения в группы по интересам, и способ установления границ между своими и чужими. Когда происходит процесс описания мема, активно используют сленговые выражения и различного рода гиперболы и сокращение или видоизменение слов и фраз.

Мемы играют важную роль в жизни студентов, ведь они являются не только источником развлечения, но и служат важным инструментом общения, выражения собственного «Я». Также мемы используются для трансляции идей, действий, формирования эмоций, которых человек испытывает в данный период жизни, что служит средством создания социальных связей между людьми. Мемы стали неотъемлемой частью жизни современного человека, особенного молодого. С момента своего появления они сильно эволюционировали и выполняют в настоящее время ряд важных функций, таких как отражение интересов человека или группы, общественного настроя, формирование общественного мнения по той или иной проблеме.

Литература:

1. Бубнов А.Ю. Интернет-мемы как оружие информационных войн. – URL: https://histrf.ru/magazine/article/internet-memy-v-informacionnyh-voynah-ot-razvlecheniya-k-kognitivnomu-oruzhiyu (дата обращения: 02.05.2024).
2. Шомова С.А. Мемы как они есть: учеб. пособие. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. – 323 с.

3. Садков П.О., Новокшонова С.П., Шлемов А.Е., Пермяков А.А. Интернет-мемы как оружие информационной войны. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65631/1/978-5-7996-2404-0_2018-64.pdf (дата обращения: 12.05.2024).
4. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. – М.: Ультракультура, 2003. – 368 с.
5. Даренский В. О ментальной борьбе и семантическом оружии // ОИзборский клуб. – 2018. – № 4 (60). – С. 68–74. URL: https://izborsk-club.ru/magazine_files/2018_04.pdf (дата обращения: 11.05.2024).
6. Овчаров Д. «Короткие видео – абсолютный тренд»: Yappy исследовало опыт российских блогеров // Газпром-Медиа. – 2024. – URL: https://www.gazprom-media.com/ru/media/korotkie-video-absolyutnyy-trend-yappy-issledovalo-opyt-rossiyskih-blogerov (дата обращения: 2.06.2024).
7. Лисина О.В. Проблемы противодействия молодежному киберэкстремизму в условиях интернетсоциализации: вопрос нравственного здоровья подрастающего поколения // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 1. – С. 46–49.
8. Зиновьева Н.А. Функции интернет-мемов в обществе: социологический взгляд // Материалы XIII Всероссийской конференции. Санкт-Петербургский государственный университет. – URL: http://openbooks.ifmo.ru/ru/le/2282/2282.pdf (дата обращения: 11.03.2024)
9. Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ. Социология. – 2017. – Т.10. Вып. 4. – С. 410–424.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. и вст. ст. с. Н. Зенкина. – М.: «Добросвет», 2000. – 260 с.
11. Becker H. Outsiders: studies in sociology of deviance. – N.Y., 1963.
12. Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н.О. Фоминой. – М.: АСТ; Corpus, 2013. – 501 с.
13. Официальный сайт Института общественного мнения. – URL https://iom.anketolog.ru/2023/08/17/memy-v-marketinge (дата обращения: 11.05.2024).

Meme as a Mechanism of Social Regulation and Management of Practices of Youth Involvement in Public Life

Anuchina O.V., Vafina Yu.A.
Kazan National Research Technological University
Yusupova A.S.
Kazan State Power Engineering University,
Kazan Cooperative Institute Branch of Russian University of Cooperation

Currently, memes are becoming the dominant media content in the youth environment, which performs the functions of regulating social activity, identification strategies, and the involvement of the younger generation in social processes through Internet communication. However, despite their high popularity, memes are still poorly understood, and there is a lack of both empirical and theoretical research. The purpose of this article is to study the meme in the context of its regulatory impact on the practice of youth involvement in public life through Internet communication. This article analyzes the theoretical and methodological foundations of the study of memes as the dominant media content among young people, decomposes the polydiscursivity and multifunctionality of the meme as a modern media text; examines sociological concepts that present explanatory models of the mechanisms of perception of public opinion that influence the level of social engagement. In addition, the results of a sociological study conducted by the authors among the student youth of the city of Kazan are presented, which confirm the hypothesis about the influence of memes on the involvement of young people in public life.

Key words: Internet memes, youth culture, management, social management, social activity, youth, discourse, hyperreality, hypertext, meme, media virus, polydiscursivity, influence, Internet, identity, digital space, Internet communication, identification strategies, student youth, public opinion, youth policy

УДК 316.4; 364.07

Специфика использования мобильных приложений в социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья

Бесчасная А.А.
Доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – РАНХиГС при Президенте РФ,
профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

Корнева О.А.
Аспирант кафедры управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Появление и распространение мобильных цифровых устройств значительно повышает доступность многих услуг и расширяет возможности человека в решении множества проблем. Особенно востребованными эти преимущества становятся при обеспечении социальной адаптацией уязвимых групп населения, в частности, людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ЛОВЗ), вызванной недоступностью многих услуг, среды обитания и общественной жизни в целом.

В качестве цели написания научной статьи выступает определение потенциала и специфики применения информационно-коммуникационных технологий в социальной работе с людьми с ограниченными возможностями. Достижение данной цели происходит через реализацию задач анализа разнообразия применения мобильных приложений в социальном обслуживании ЛОВЗ и определения их специфики в связи с разными пользовательскими запросами.

Научная значимость исследования выражается в систематизации накопленных знаний и зарубежного опыта использования мобильных приложений с целью совершенствования социальной адаптации ЛОВЗ. В результате данного обзора были сформулированы практико-ориентированные модели мобильных приложений по обеспечению оптимальных условий социальной адаптации ЛОВЗ.

Итогом исследования стало формулирование концептуальных моделей мобильных приложений, отражающих специфику акторов социальной адаптации – клиентов и сотрудников социальных служб. Первое приложение «Социальная адаптация» повышает доступность ЛОВЗ к информации и коммуникации. Оно предназначено для решения повседневных проблем ЛОВЗ в сфере социальной адаптации. Второе приложение «Социальный работник» способствует коммуникации и обмену знаниями сотрудников организации социальной сферы. Третье приложение «Многофункциональное приложение для социальной адаптации людей с ОВЗ» предназначено для координации усилий государственных, частных и некоммерческих субъектов оказания помощи в социальной адаптации ЛОВЗ.

Ключевые слова: социальная работа, социальная адаптация, информационно-коммуникативные технологии, мобильные приложения

Социальная адаптация – одно из базовых условий формирования гармоничных взаимодействий индивида с обществом. Через механизмы адаптации происходит удовлетворение потребностей человека и институционализация этой деятельности. В процессе развития технологий наблюдается постоянное совершенствование способов социальной адаптации и развитие социальных институтов [1]. Вопрос организации социальной адаптации является крайне актуальным в отношении людей, нуждающихся в социальной помощи и защите, особенно это касается лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ЛОВЗ). Технические средства с момента своего возникновения, с одной стороны, «брали на себя» часть забот по организации социального обслуживания с обеспечением адаптации инвалидов (протезы, коляски, телефонная связь и т.д.), а с другой стороны, возникала необходимость упорядочивания их использования. Аналогичным образом обстоит дело в настоящее время. Проникшие во все сферы жизни информационно-коммуникационные технологии имеют высокий потенциал оптимизации трудовых усилий социальных работников вместе с повышением эффективности оказания социальной помощи. Удобство, простота использования, оперативность, дешевизна, вневременная и практически повсеместная доступность – это преимущества мобильных приложений, которые делают их инструментами социальной адаптации людей с ОВЗ.

Одно из наиболее перспективных направлений интеграции ИКТ в систему социальной работы с людьми с ОВЗ и их социальной адаптации связано с использованием мобильных приложений. Интерес к научному изучению практики разработки и использования специализированных приложений для профилактики, лечения и адаптации людей с ОВЗ значительно вырос в последние годы, особенно в последние пять лет, что наглядно отражается в динамике научных публикаций. В самом общем смысле, эту тенденцию необходимо рассматривать в русле концепции «мобильного здравоохранения» (*m-health*), которая, в свою очередь, является развитием концепции «электронного здравоохранения» (*e-health*) [2].

Использование мобильных приложений для социальной адаптации является более конкретной и специфичной задачей, чем реализация концепций *e-health, m-health* или даже *e-Social work*. На наш взгляд, есть несколько основных причин, по которым мобильные приложения могут выступать в качестве одного из наиболее перспективных направлений информатизации социальной работы в решении задач социальной адаптации, особенно в условиях ресурсной ограниченности этого сектора общественной жизни.

Во-первых, развитие глобальной ИТ-инфраструктуры к настоящему времени обеспечило широкое распространение и высокую доступность мобильных коммуникационных технологий. По данным глобального исследования «*We are Social*», в 2020 г. в мире насчитывалось 4,5 млрд пользователей интернета, 5,2 млрд уникальных пользователей мобильной связи и 3,8 млрд активных пользователей социальных медиа [3]. Указанные цифры говорят о том, что смартфон является естественной частью повседневной жизни большинства населения. Безусловно, не все социальные группы в равной мере имеют такой доступ, и люди с ОВЗ являются одной из тех групп, для которых этот уровень проникновения может быть ниже, чем в среднем [4].

Во-вторых, мобильные устройства и приложения – это технологии индивидуального использования. Они не требуют сложных специализированных информационных систем и устройств коллективного пользования, хотя и могут интегрироваться с ними. Каждый пользователь может самостоятельно управлять своим устройством и использовать приложение по мере необходимости, без сложных организационных и административных процедур согласования. Это предполагает реализацию так называемой концепции *BYOD* (*bring-your-own-device*), то есть использование личного цифрового устройства для профессиональных задач, которая имеет свои преимущества и недостатки [5].

В-третьих, мобильные приложения являются одной из самых простых технологий с точки зрения разработки и внедрения. В настоящее время существует развитая глобальная индустрия разработки мобильных приложений, что в совокупности с низкой стоимостью разработки делает возможным инновационное использование этой технологии, в том числе на уровне отдельных организаций [6].

Данные факторы обусловливают активное развитие сферы специализированных мобильных приложений для решения различных задач в области здравоохранения и социальной работы и проведение научных исследований по вопросам их использования. В таблице 1 представлен анализ зарубежных исследований опыта применения мобильных приложений для решения задач социальной адаптации людей с ОВЗ.

Данный анализ позволяет охарактеризовать текущий уровень научно-практических знаний об использовании мобильных приложений для социальной адаптации людей с ОВЗ.

Таблица 1

Обзор зарубежных исследований по изучению практики использования мобильных приложений в социальной адаптации людей с ОВЗ

Авторы исследования	Страна	Предмет исследования	Результаты исследования
М. Джонс и др. [7]	США	Использование приложений *m-health*	40 % используют приложения для фитнеса, 27 % – для диеты, 17 % – для образа жизни, 20 % – другие. Средний индекс удовлетворенности – 3,5 по 5-балльной шкале, простоты – 3,25
Д. Фелс и др. [8]	Канада	Приложение *MyHealthMyRecords* для управления ситуациями людьми со сложными хроническими состояниями. Основано на видеофиксации и видеокомментариях	Позволяет выявлять коммуникационные барьеры, ситуации, связанные с физической и ментальной болью, доступностью объектов и мест. Сделан вывод о предпочтительности приложения для смартфона вместо планшета
Т. Уоллес и Дж. Моррис [9]	США	Приложение *EyeRemember* для напоминаний информации и подсказок о контактах для людей с повреждениями мозга	Приложение использует *Bluetooth* метки пациента, чтобы сообщать человеку информацию о семье, знакомых или социальных работниках, когда они рядом. Выступает в качестве внешнего источника памяти и обеспечивает систематическую тренировку когнитивных функций
Д. Кайри и др. [10]	Канада	Разработка и тестирование приложения *OnRoule* для облегчения социального участия маломобильных людей	Приложение повышает доступность локальных ресурсов (мест и событий) и чувство социальной включенности, содержит данные о других пользователях, выполняя функции социальной сети. Факторы, определяющие ценность приложения для пользователей: баланс между объемом и релевантностью информации; простота в использовании; долгосрочная устойчивость приложения и его потенциал для социального участия
Д. Майордомо-Мартинес и др. [11]	Испания	Приложение для информирования маломобильных туристов о доступности пляжей	Детальность информации о различных аспектах доступности, простота использования, актуализация информации и обратная связь обеспечивают ценность приложения для качества жизни людей с ОВЗ
Д. Майордомо-Мартинес и др. [12]	Испания	Приложение для информирования маломобильных граждан о доступности магазинов в городе	Приложение основано на сборе информации о конкретных точках продаж. Разрабатывается на основе идентификации потребностей и опыта пользователей. Приложение обеспечивает обратную связь
Д. МакМахон и др. [13]	США	Приложение *Red Laser* для людей с интеллектуальными нарушениями для определения потенциальных пищевых аллергенов	Приложение визуально подсказывает, как навести камеру смартфона на товар, чтобы считать штрихкод, и высвечивает дополнительную информацию о товаре
И. Панкау [14]	Польша	Роль мобильных приложений *Mowiąca Map* для облегчения навигации незрячих в городе	Приложение, использующее *GPS* и другие источники информации для звуковых подсказок незрячим, обеспечивая навигацию и движение по городу. Приложение информирует не только о маршруте, но и о различных препятствиях на пути, дает описания местности
Э. Редклифф и др.[15]	США	Доступность приложений *mHealth* для людей с ОВЗ	Большинство приложений *mHealh* ориентированы на здоровых людей и малоадаптированы для людей с ОВЗ. Наибольшие трудности испытывают люди с нарушениями зрения
П. Теодору и А. Мелионес [16]	Греция	Разработка и адаптация приложения для навигации для незрячих людей	Главные условия успешного использования приложения – разработка с учетом анализа повседневных практик людей с нарушениями зрения, а также обучение использованию приложения

Специфика российских информационных технологий заключается в их поисковом характере и применении на узкой и ограниченной аудитории. С одной стороны, проблемы и перспективы использования ИТ в социальной работе, в том числе для адаптации лиц с ОВЗ, – признаваемая в профессиональном сообществе тема и направление исследований [17]. С другой стороны, информатизация социальной работы связывается обычно с другими видами ИТ, не относящимися к мобильным приложениям.

Мобильные приложения являются одним из наиболее простых для разработки и внедрения видов ИТ-продуктов, которые по этой причине могут

широко использоваться в различных сферах общественной жизни. Тем не менее успешная реализация проектов внедрения приложений – многоступенчатый процесс, требующий привлечения специалистов различного профиля, анализа потенциальной аудитории пользователей, точного определения цели и сферы применения приложения, тщательной разработки технического задания и создания комплекса условий по внедрению, использованию и поддержке приложения.

Заказчиками в разработке мобильных приложений в сфере социальной работы и организации сопровождения социальной адаптации людей с ОВЗ могут выступать:

1. Органы власти.
2. Государственные учреждения социальной работы.
3. Некоммерческие организации.
4. Коммерческие структуры, специализирующиеся на социальных услугах.
5. Коммерческие разработчики приложений.
6. Независимые разработчики.

Разработка приложений относится к слаборегламентированной сфере, что способствует ее быстрому развитию, но также создает предпосылки для низкого качества, отсутствия долгосрочной поддержки, рисков информационной безопасности и других проблем. В 2018 г. в России был принят «Предварительный стандарт для оценки качества мобильных приложений» [18]. Хотя он не утверждает обязательных требований к разработчикам и критикуется в отраслевом сообществе (в частности, за громоздкость и размытость отдельных требований), может использоваться как разработчиками, так и заказчиками для определения основных требований, которым должно соответствовать приложение. Стандарт перечисляет 85 конкретных характеристик приложения, которые определяют его качество и которые разбиты на несколько категорий: функциональность, удобство использования, производительность и надежность, безопасность, сопровождаемость, переносимость, информация о мобильном приложении.

Работа с заказчиками – основополагающая часть разработки приложений. На этом этапе необходимо точно определить целевые аудитории, для которых предназначено приложение, цели его использования, основные функции и процессы, которые должны быть реализованы в приложении. Именно эта информация содержится в брифе – небольшом документе, который описывает потребности заказчика и на основании которого разрабатывается техническое задание.

Опыт работы автора статьи О.А. Корневой в комплексном центре социального обслуживания в сочетании с анализом научных источников позволяют определить цели и функции возможных мобильных приложений для социальной адаптации людей с ОВЗ. Такие цели и функции могут быть условно разбиты на три категории, с точки зрения целевых аудиторий:

– приложения, которые устанавливаются на устройства людей с ОВЗ и непосредственно используются для их социальной адаптации без активного взаимодействия с учреждениями социальной работы;

– приложения, которые используются социальными работниками и/или администраторами социальной работы внутри отдельной организации;

– приложения, которые предполагают активное взаимодействие различных стейкхолдеров (людей с ОВЗ, социальных работников, НКО, органов власти и др.) в тех или иных сочетаниях.

Данное ранжирование потенциальных пользователей мобильных приложений позволяет соответственно сформулировать три концептуальные модели приложений. В связи с наличием общей цели и общего объекта обслуживания концептуальные модели приложений имеют частично пересекающийся функционал. Ниже описаны концепции каждого приложения, которые содержат информацию, необходимую для подготовки брифа и технического задания на разработку.

Приложение 1 «Социальная адаптация»

Общая характеристика. Приложение предназначено для установки на устройства и самостоятельного использования людьми с ОВЗ для решения повседневных проблем в сфере социальной адаптации. По этой причине приложение имеет «ограниченную функциональность» по сравнению с полнофункциональными приложениями и предназначено прежде всего для удовлетворения информационных потребностей. Ключевая информация, необходимая людям с ОВЗ для организации своей повседневной жизни, объединяется в одном месте в едином интерфейсе. Работа приложения требует создания и поддержания в актуальном состоянии справочной базы данных силами заказчика. *Цель* создания приложения: повышение самостоятельности и независимости людей с ОВЗ в решении своих социально-адаптационных проблем. *Целевые группы:* люди с различными типами ОВЗ, не связанными с серьезными нарушениями психического и интеллектуального развития, проживающие в определенной территориальной локации (город, район), обслуживаемой центром социального обслуживания или другим заказчиком. Предполагается, что приложение будет устанавливаться на устройство человека с ОВЗ (смартфон, планшет) и пользователь сможет самостоятельно использовать его для решения отдельных проблем социальной адаптации. Возможно тиражирование приложения и распространение на другие целевые группы, проживающие в районах обслуживания других социальных учреждений.

Основные функции, реализуемые в приложении:

Информационные (получение информации о работе социальных служб; получение актуальной информации о работе медицинских учреждений; поиск лекарств; информация о социально значимых организациях и учреждениях; информация об органах власти; поиск возможностей трудоустройства; доступная среда; информация об общественном транспорте и его доступности для людей с ОВЗ; полезная информация для социальной адаптации);

Коммуникационные (экстренная кнопка; связаться с социальным работником; заявка на помощь);

Организационные (планирование распорядка дня, приема лекарств, оздоровительных процедур, других действий; напоминание о запланированных действиях).

Приложение 2 «Социальный работник»

Общая характеристика. Приложение предназначено для организаций социальной работы, которые непосредственно вовлечены в процессы социальной адаптации людей с ОВЗ. Приложение устанавливается на личные или служебные устройства работников и используется для упрощения и повышения эффективности отдельных повседневных задач. Приложение предназначено для использования работниками конкретной организации, то есть выполняет функции корпоративного приложения для решения наиболее востребованных информационно-коммуникационных задач. *Цель* разработки приложения – повышение эффективности выполнения социальными работниками функций по социальной адаптации людей с ОВЗ. *Целевые группы:* социальные работники, непосредственно взаимодействующие с людьми с ОВЗ, являются основной целевой группой пользователей. Однако предполагается также использование приложения административными работниками учреждений социальной работы.

Основные функции приложения.

Информационные (организационная карта; новости организации; справочная информация о внешних организациях, с которыми часто взаимодействуют социальные работники; справочная информация об организациях и возможностях, полезных для задач социальной адаптации; правовые ресурсы; база знаний; профессиональные ресурсы);

Работа с потребителями социальных услуг (личные карточки с данными о клиентах социальной организации, их контакты, статус здоровья, история оказанных услуг; построение маршрута; планирование задач; статистика выполнения задач);

Коммуникационные (корпоративный чат; тематические форумы; информационные рассылки от руководства; обращение к руководителю; связь с клиентом).

Приложение 3 «Многофункциональное мобильное приложение по организации социальной адаптации людей с ОВЗ»

Общая характеристика приложения. Это приложение является наиболее сложным и должно рассматриваться как часть более сложной информационной и организационной системы, обеспечивающей взаимодействие основных стейкхолдеров, вовлеченных в процесс социальной адаптации людей с ОВЗ. Приложение в этом случае всего лишь обеспечивает удобный мобильный интерфейс для доступа к этой системе. *Цели* разработки приложения: повышение эффективности взаимодействия и координации усилий стейкхолдеров социальной адаптации людей с ОВЗ; рост информированности и вовлеченности бизнеса, НКО, общественности в задачи социальной адаптации; расширение масштабов социальной помощи, оказываемой людям с ОВЗ.

Целевые группы: люди с ОВЗ; родственники и опекуны людей с ОВЗ; социальные работники и органы социальной защиты; органы власти; НКО; волонтеры; бизнес.

Основные функции приложения.

С функциональной точки зрения приложение имеет две главные особенности. Во-первых, оно обеспечивает доступ к единой базе данных, которая находится на серверах ответственной организации и является главным содержательным элементом организационно-технической системы, создаваемой для координации различных участников социальной работы. Во-вторых, приложение предполагает разный интерфейс и функционал для различных ролей, которые указываются при регистрации пользователей. При регистрации пользователь указывает, к какой из трех ролей он относится, в зависимости от чего получает доступ к разному набору функций. Эти роли определяются по целям и характеру использования: «*Получить помощь», «Получить и оказать помощь», «Оказать помощь*».

В дополнение к трем ролям и соответствующему набору функций работа приложения предполагает наличие роли администраторов, которые создают и поддерживают базу данных, осуществляют мониторинг поступающих запросов и объявлений о доступных возможностях, обеспечивают согласование запросов и возможностей различных сторон, верифицируют счета для внебюджетных платежей, используемых при оказании помощи.

Все три приложения являются потенциально реализуемыми, имеют несовпадающий функционал и могут разрабатываться и внедряться как по отдельности, так и в комплексе. Однако они различаются по степени сложности в реализации, характеру возникающих проблем и условиям, которые должны быть выполнены для их успешного внедрения. Наиболее общими и универсальными проблемами являются недостаточная оснащенность как людей с ОВЗ, так и социальных работников мобильными устройствами, а также их недостаточная функциональная и психологическая готовность к их исполь-

зованию. Вместе с тем среди обеих групп имеются значительные группы, отличающиеся высокой степенью готовности и энтузиазмом в освоении новых способов решения адаптационных задач. Это делает возможным и перспективным реализацию предложенных проектов в экспериментальном режиме на базе крупного центра социального обслуживания или профильной НКО, расположенной в одной из столичных агломераций. Реализация проекта комплексного приложения для социальной адаптации является наиболее сложным в организационном и технологическом плане и возможна в ситуации уже сложившегося успешного опыта сотрудничества социальных служб, органов власти, бизнеса и некоммерческого сектора в социальной работе.

Литература:

1. Корнева О.А., Бесчасная А.А. Понятие «социальная адаптация» в междисциплинарном дискурсе // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 66–78.
2. Кобринский Б.А. Единое информационное пространство: e-health и m-health // Врач и информационные технологии. – 2016. – № 4. – С. 57–66.
3. Digital 2020 Global Digital Overview. We are Social; Hootsuite, 2020. – URL: https://www.slideshare.net/DataReportal/digital-2020-global-digital-overview-january-2020-v01-226017535
4. Morris J., Sweatman M., Jones M. Smartphone use and activities by people with disabilities: 2015-2016 survey // Journal of Technologies for Persons with Disabilities. – 2017. – Vol. 5. – P. 50–66.
5. Chen H., Li Y., Chen L., Yin, J. Understanding employees' adoption of the Bring-Your-Own-Device (BYOD): the roles of information security-related conflict and fatigue // Journal of Enterprise Information Management. – 2021. – Vol. 33. – № 3. – P. 770–792.
6. Кузнецова А.С. Цифровая интеграция людей с ограниченными возможностями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Управление. Вычислительная техника, информатика. Медицинское приборостроение. – 2021. – № 11/1. – С. 68–81.
7. Jones M.L., Morris J., DeRuyter F. Mobile healthcare and people with disabilities: results from a preliminary survey // Computers Helping people with special needs. 16th International Conference, ICCHP 2018 Proceedings. Part II / Ed. by K. Miesenberger, G.Kouroupetroglu. – Cham: Springer, 2018. – P. 457–463.
8. Fels D.I., Lakha S.F., Holtzman C.B. et al. Videobooking: a person-centered record of living with chronic conditions and associated disabilities // Computers Helping people with special needs. 16th International Conference, ICCHP 2018 Proceedings. Part II / Ed. by K. Miesenberger, G.Kouroupetroglu. – Cham: Springer, 2018. – P. 489–492.
9. Wallace T., Morris J.T. Development and testing of EyeRemember: A memory aid app for wearables for people with brain injury // Computers Helping people with special needs. 16th International Conference, ICCHP 2018 Proceedings. Part II. – Cham: Springer, 2018. – P. 493–500.
10. Kairy D., Mostafavi M.A., Blanchette-Dallaire C. et al. A mobile app to optimize social participation for individuals with physical disabilities: content validation and usability testing // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18. – DOI: 10.3390/ijerph18041753
11. Mayordomo-Matrinez D., Sanchez-Aarnoutse J.-C., Carrillo-de-Gea J.M. et al. Design and development of a mobile app for accessible beach tourism information for people with disabilities // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol.16. – DOI: 10.3390/ijerph16122131
12. Mayordomo-Matrinez D., Carrillo-de-Gea J.M., Garcia-Mateos G. et al. Sustainable accessibility: a mobile app for helping people with disabilities to search accessible shops // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol.16. – DOI: 10.3390/ijerph16040620
13. McMahon D.D., Cinak D.F., Gibbons M.M. et al. Using a mobile app to teach individuals with intellectual disabilities to identify potential food allergenes // Journal of Special Education Technology. – 2013. – Vol. 28. – № 3. – P. 21–32.
14. Pankau J. E-access to the city? Mapping applications for people with disabilities // Ethics in Progress. – 2019. – Vol. 10. – № 2. – P. 118–134.
15. Radcliffe E., Lippincott B., Anderson R., Jones M. A pilot evaluation of mHealth app accessibility for three top-rated weight management apps by people with disabilities // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 18. – DOI: 10.3390/ijerph18073669
16. Theodorou P., Meliones A. Towards a training framework for improved assistive mobile app

acceptance and use by blind and visually impaired people // Education Sciences. – 2020. – Vol. 10. – DOI: 10.3390/educsci10030058
17. Бухтиярова И.Н. Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6-1. – С. 122–125.
18. ПНСТ 277-2018 «Сравнительные испытания мобильных приложений для смартфонов». – М.: Стандартинформ, 2018. – 16 с.

The Specifics of Using Mobile Applications in the Social Adaptation of People With Disabilities

Beschasnaya A.A.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University
Korneva O.A.
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University

The emergence and spread of mobile digital devices significantly increases the availability of many services and expands human capabilities in solving many problems. These advantages become especially in demand when providing social adaptation to vulnerable groups of the population, in particular people with disabilities, caused by the unavailability of many services, the environment and public life in general.

The purpose of writing a scientific article is to determine the potential and specifics of the use of information and communication technologies in social work with people with disabilities. This goal is achieved through the implementation of the tasks of analyzing the diversity of mobile applications in social services and determining their specifics in connection with different user requests.

The scientific significance of the study is expressed in the systematization of accumulated knowledge and foreign experience in the use of mobile applications in order to improve the social adaptation of people with disabilities. As a result of this review, practice-oriented models of mobile applications were formulated to ensure optimal conditions for social adaptation of low-income families.

The result of the study was the formulation of conceptual models of mobile applications reflecting the specifics of the actors of social adaptation – clients and employees of social services. The first application "Social Adaptation" increases the accessibility of people with disabilities to information and communication. It is designed to solve everyday problems of low-income workers in the field of social adaptation. The second application "Social Worker" promotes communication and knowledge sharing among employees of the social sphere organization. The third application, A multifunctional application for the social adaptation of people with disabilities, is designed to coordinate the efforts of public, private and non-profit entities to assist in the social adaptation of disabilities.

Key words: social work, social adaptation, information and communication technologies, mobile applications

УДК 316.628.2

Сложности личной и профессиональной самореализации трудоустроенных женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком

Ефлова М.Ю.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Вьюгина М.А.
Аспирант кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность выбранной темы обусловлена проблемой «стеклянного потолка», с которой сталкиваются современные работающие матери, совмещающие трудовую деятельность с заботой о детях, а также печальной статистикой бракоразводных процессов в Российской Федерации. Цель исследования – в раскрытии сложности совмещения родительства и карьерных амбиций, поиске дополнительных вариантов поддержки семей с детьми. Задачами исследования являются рассмотрение особенностей реализации профессионального и личностного потенциала женщины и мамы, анализ итогов проведенного авторами социологического опроса семей Республики Татарстан об оценке необходимости развития сети семейных коворкингов и запуска проекта «Семейные Пространства – Гаилә Мөхите». Актуальность исследования характеризуется недостаточностью социологической рефлексии в отечественной научной литературе кейсов о коворкингах для семей с детьми как удачной практики решения потребности реализации профессионального и личностного потенциала женщины. Результаты исследования определены практической значимостью и востребованностью, возможностью масштабирования проекта в других регионах в рамках реализации одной из национальных целей развития России – «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», утвержденных соответствующим Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309.

Ключевые слова: карьера, материнство, самореализация женщин, семейные ценности, институт семьи, семейный коворкинг

В современных реалиях совмещение женщиной профессиональной деятельности и родительства (материнства) является достаточно распространенным сценарием. Однако двойная занятность женщин (на работе и дома) порой является препятствием для продвижения по служебной лестнице [1]. Матери, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, являются одной из наиболее уязвимых групп населения. В этот период происходит изменение образа жизни, что сопровождается физическими и психологическими трудностями. Порой женщины испытывают давление со стороны семьи и общества, которые выражаются в укоренившихся установках – «место женщины на кухне», «женщина должна заниматься

семьей и детьми, а мужчина – работой», «худший руководитель – женщина», что может приводить к возникновению психологических проблем. Это, в свою очередь, негативно сказывается на атмосфере в семье и развитии ребенка. Особое влияние на молодую маму оказывает невозможность чувствовать себя полноценной частью общества: низкий доход, социальная изоляция и иммобильность, вынужденное дистанцирование от общественной жизни. Ограниченные возможности раскрытия своего личностного потенциала приводят к стрессу, снижению удовлетворенности жизнью и проблемам со здоровьем [2].

Женщины сталкиваются с дилеммой: либо посвятить себя карьере и отказаться от материнства или отложить его, либо жертвовать карьерой, чтобы уделять больше времени мужу и ребенку. В традиционной российской семейной модели распределение домашних обязанностей между мужчинами и женщинами происходит неравномерно. Несмотря на технологический прогресс и растущую активность женщин в трудовой сфере, большинство бытовых вопросов: уборка, уход за детьми и приготовление пищи по-прежнему остаются преимущественно на их плечах. Женщины также в большей степени проявляют заботу о членах своей семьи, нежели мужчины: планируют профилактические мероприятия (санаторные поездки, посещение специалистов и прочее), сопровождают членов семьи в медицинских учреждениях.

Важно отметить, что по-прежнему актуальна проблема «стеклянного потолка» – гендерной асимметрии, когда, несмотря на свои профессиональные качества, женщина сталкивается с невидимыми барьерами, которые препятствуют росту по служебной лестнице [3]. Это может проявляться в виде повышения коллеги-мужчины при равных компетенциях и обязанностях или просто в виде «застоя» в карьере, когда женщина не может продвигаться дальше, в то время как коллеги-мужчины или коллеги-женщины без детей продолжают восхождение по карьерной лестнице. «Стеклянный потолок» – это барьер из стереотипов, которые общество проецирует на женщин-матерей, мешающих получить повышение, потому что они могут ставить семью выше карьеры, быть излишне эмоциональными или не способными эффективно управлять своими подчиненными.

Однако можно отметить и изменения – сегодня уже мужчина может уйти в отпуск по уходу за ребенком или взять больничный по уходу за детьми наравне с супругой. Открываются для женщин профессии, которые ранее были недоступны [4]: водитель большегрузных автомобилей и сельскохозяйственной спецтехники, машинист электропоезда (электрички), боцман и матрос, верхолаз и другие. Упрощается решение бытовых вопросов благодаря развитию и совершенствованию технологий.

Все большее число женщин нацеливается на карьерный рост, в том числе развитие профессиональных компетенций. Утвержденная в России «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» ориентирована на поддержку возможностей для профессиональной самореализации россиянок и их успешного материнства. Следует отметить отдельно реализацию направления, ориентированного на рост значимости женской роли в развитии общества и повышение качества их жизни, включающего в себя решение, в частности, следующих задач:

– поощрение организаций, запускающих программы поддержки работающих матерей и продвижения по карьерной лестнице таких женщин;

– создание условий для сохранения традиционных семейных ценностей и баланса между личной жизнью и деловой средой;

– развитие необходимой по уходу и присмотру за детьми дошкольного и младшего школьного возраста инфраструктуры [5].

Подчеркнем, что создание дополнительных возможностей совмещения оплачиваемой работы с семейными и родительскими неоплачиваемыми обязанностями также поможет даже если не устранить, то хотя бы снизить гендерный дисбаланс на рынке труда и образования, сократить разрыв в заработной плате между мужчинами и женщинами на государственном и локальном уровнях. К таким мерам можно отнести индексацию заработной платы за время отпуска по уходу за ребенком, гибкий график работы для «семейных сотрудников», совершенствование сети групп продленного дня, яслей и детских садов, программ, мотивирующих женщин к скорому возвращению на работу после рождения ребенка, сохранение пособия по уходу за детьми для работающих родителей [6].

Также важно изменить стереотипы и общественное отношение к женщинам, которые сочетают профессиональную и семейную жизнь, чтобы они не испытывали давления и стигматизации. Вышеперечисленные меры должны сопровождаться изменениями в культуре организации и обществе в целом, чтобы женщины имели равные возможности для профессионального роста вне зависимости от их семейного статуса.

В Конституции Российской Федерации прописаны положения о демографии, защите семьи и детей, которые практически реализуются органами власти всех уровней. Институт семьи выполняет важные социальные функции в государстве, что актуализируется в ежегодных Посланиях Президента Российской Федерации. Помощь семьям с детьми – важная задача и государственной молодежной политики. В целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей 2024 г. в России объявлен Годом семьи [7].

В то же время статистика бракоразводных процессов в нашей стране печальна: распадается более 70 % семейных союзов (в России в 2023 г. оформлено 683 тыс. разводов, на 10 % снизилось количество создаваемых семей) [8]. Безусловно, принимаются меры по уменьшению влияния факторов, приводящих к разводам. Однако показатели остаются стабильно высокими [9]. Причин здесь несколько: психологическая неготовность к семейной жизни, финансовая неустойчивость, отсутствие жилья и другие. Также один из факторов – совмещение родительства с профессиональной деятельностью: работой, учебой. Наибольший процент разводов приходится на первые годы жизни молодой семьи (в первые 5 лет супружества происходит 30 % разводов) [10]. Когда рождается ребенок, на родителей ложатся дополнительные финансовая и психологическая нагрузки. Ощутимые пособия по уходу за детьми выплачиваются до возраста полутора лет (женщина получает пособие в размере 40 % от своей заработной платы), не всегда удается вовремя получить место в детском саду (чаще всего после трехлетнего возраста), не с кем оставить маленького ребенка.

Молодые родители – экономически активная часть населения. Работа видится не только источником дохода, но и возможностью «найти себя», реализоваться в жизни, социализироваться в профессиональном сообществе, начать свой бизнес.

В Республике Татарстан оказывается поддержка молодым семьям: льготная программа «Семейная ипотека», бесплатная социальная, психологическая, юридическая помощь и другое. К примеру, поддержана инициатива М.А. Вьюгиной (выпускницы Кадрового резерва Раиса Республики Татарстан) по созданию семейных коворкингов – рабочих пространств, куда родитель на несколько часов может прийти с ребенком, отдать его на занятия, сам же может заняться рабочими вопросами. Коворкинг – это способ организации работы людей с разными видами деятельности в одном пространстве [11]. В узком смысле это помещение, где люди могут работать (находиться) вместе, как в офисе. То есть это место, где есть возможность удаленно работать или учиться, а дети находятся в непосредственной близости от мамы. Взрослый всегда может проверить своего ребенка, так как они рядом друг с другом, в соседних помещениях. Малыш не испытывает стресса от разлуки с мамой.

Анализ кейсов семейных коворкингов для родителей и детей недостаточно освещен в научной литературе, в связи с тем, что пока подобные пространства рассматриваются, в первую очередь как бизнес-проекты, а не как необходимый и важный элемент семейного воспитания и образования или в качестве помощи молодым мамам в совмещении их карьеры с родительством.

Авторами статьи в 2023 г. проведен опрос среди молодых родителей Республики Татарстан (n = 500), в числе которых 67 % опрошенных работали, 20 % находились в официальном отпуске по уходу за ребенком, 12 % – временно не работали. Абсолютное большинство респондентов (99 %) посчитали важным совмещение работы (учебы) с воспитанием ребенка, 87 % респондентов ответили, что им необходимо иметь возможность заняться рабочими вопросами в то время, как ребенок находится на занятии (рис. 1).

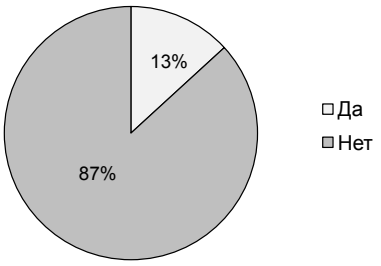

Рис. 1. Ответ на вопрос: «Актуально ли для Вас, если бы в месте ожидания родителями своих детей имелось рабочее пространство/место для встреч или переговоров/кофе-зона?»

Идея с семейными коворкингами активно реализуется за рубежом, в России – в Москве и Санкт-Петербурге, начинает воплощаться в регионах страны. В Татарстане оставить ребенка под присмотром можно было лишь в крупных торговых центрах. С 2022 г. такие семейные пространства открылись в молодежных центрах, культурно-досуговых учреждениях Казани, Зеленодольска и Елабуги. В совокупности по трем центрам уже 360 родителей посещают семейные коворкинги. Открытие подобных семейных пространств запланировано и в других муниципальных районах Татарстана. Проект «Семейные Пространства – Гаилә Мөхите» о развитии в республике сети семейных коворкингов показал свою актуальность и востребованность, получил одобрение Раиса Республики Татарстан: соответствующим ведомствам поручено оказать поддержку в дальнейшей его реализации и масштабировании [12].

В завершение отметим, семейные коворкинги представляют собой новые инфраструктурные решения, которые помогут молодым семьям, особенно матерям совмещать занятость, учебу и заботу о детях, укрепить семейные союзы, обеспечить их экономическую стабильность, повысить качество жизни молодежи. Они создают комфортную среду для развития и поддержки семей, что также соответствует Национальным целям развития России до 2036 г. [13], в частности, национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи». Расширятся возможности для гармоничной самореализации женщин, при этом оставляя в фокусе внимания традиционные российские духовно-нравственные и семейные ценности.

Литература:

1. Опасно судить о женщине только исходя из ценностей материнства: правда ли дети мешают женской карьере. – URL: https://www.forbes.ru/forbeswoman/411475-opasno-sudit-o-zhenshchine-tolko-ishodya-iz-cennostey-materinstva-pravda-li-deti?ysclid=lty9tipgsf495054878 (дата обращения: 17.03.2024).
2. Большинство россиян считают, что женщина может совмещать успешную карьеру и материнство. – URL: https://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-schitayut-chto-zhenshchina-mozhet-sovmeshchat-uspeshnuyu-kareru-i-materinstvo/?ysclid=lty7pul776263305587 (дата обращения: 17.03.2024).
3. Стеклянный потолок: что это и как он влияет на карьеру женщин. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/6407102b9a7947d598f06a60?from=copy (дата обращения: 02.03.2024).
4. Ограничения на труд женщин пересмотрены. – URL: https://mintrud.gov.ru/labour/relationship/365 (дата обращения: 12.02.2024).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 г. № 4356-р «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 годы» // СПС Гарант.
6. Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 620-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и статью 11-1 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СПС Гарант.
7. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС Гарант.
8. Доклад «Социально-экономическое положение России». – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf (дата обращения: 11.03.2024).
9. Росстат назвал регионы с наибольшей долей разводов. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov (дата обращения: 11.03.2024).
10. Дубоносова Ю.А., Яковлева А.В. Причины и факторы разводов в молодых семьях: теоретический анализ // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 269–271.
11. Коворкинг для мам – новый формат рабочего пространства. – URL: https://www.ibgroup.ru/news/2018/11/27/324/?ysclid=ltydyi98zg255402529 (дата обращения: 25.02.2024).
12. Рустам Минниханов оценил проекты, представленные участниками Кадрового резерва Раиса Республики Татарстан. – URL: https://rais.tatarstan.ru/index.htm/news/2187328.htm (дата обращения: 01.03.2024).
13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Гарант.

Difficulties of Personal and Professional Self-Realization of Employed Women on Parental Leave

Eflova M.Y., Viugina M.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of the chosen topic is due to the problem of the «glass ceiling» faced by modern working mothers who combine work with caring for children, as well as the sad statistics of divorce proceedings in the Russian Federation. The purpose of the study is to reveal the complexity of combining parenthood and career ambitions, and to search for additional support options for families with children. The objectives of the study are to consider the specifics of the realization of the professional and personal potential of a woman and a mother, to analyze the results of a sociological survey of families of the Republic of Tatarstan conducted by the authors on the assessment of the need to develop a network of family coworking and launch the project «Family Spaces – Gayle Mokhite». The relevance of the study is characterized by the lack of sociological reflection in the domestic scientific literature of cases on coworking for families with children as a successful practice of solving the need to realize a woman's professional and personal potential.

Key words: career, motherhood, women's self-realization, family values, family institution, family coworking

УДК 316.334.52

Перспективы социально-экономического развития малых территорий: на примере Городца*

Ивашиненко Н.Н.
Доктор экономических наук, кандидат социологических наук,
профессор кафедры социологии проектной деятельности и
проконкурентного регулирования факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Патокина Н.Н.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии проектной деятельности и
проконкурентного регулирования факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Теодорович М.Л.
Доктор социологических наук,
заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и
проконкурентного регулирования факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

В статье представлены результаты одного из этапов социологического исследования, направленного на определение факторов территориального развития малых городов. В качестве объекта исследования был выбран г. Городец Нижегородской области как типичный представитель малых территорий, в то же время, обладающий и своей спецификой. Цель данного этапа работы – определение направлений социально-экономического развития города с учетом возрастающей актуальности проблемы оттока населения из малых городов. С управленческой точки зрения важно определить ключевые аспекты, влияющие на привлекательность локальных территорий как мест длительного проживания и выстраивания карьеры. Социологический анализ проблем позволил определить факторы, оказывающие влияние на отношение населения к территории. Воздействие на данные факторы позволяет повысить привлекательность города и сформировать поле для дальнейшего развития. В качестве эмпирической базы исследования были использованы результаты серии экспертных интервью с представителями администрации города, бизнеса и третьего сектора.

Ключевые слова: малые города, территориальное развитие, социально-экономическое развитие, социальное управление, социально-экономическая активность, местное самоуправление

* Статья написана в рамках подготовки диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора социологических наук.

Функционирование малых городов находится в центре внимания исследователей на протяжении многих лет. Фокус анализа внутренней миграции постепенно смещается с экономической детерминированности на системно-структурный и, далее, социокультурный уровень. Концепции рассмотрения притягивающих/выталкивающих факторов [1] сменяются представлениями о взаимосвязанности посылающей и принимающей территории [2] и начинают сдвигаться в сторону не столько оценки наличия ресурсов, сколько в сторону их актуализации заинтересованными акторами.

Малые российские города по-прежнему не сравнимы с мегаполисами по объему и концентрации экономических и социальных ресурсов [3–5]. В то же время центробежная миграция возникает и все чаще связывается исследователями с появлением новых требований к качеству жизни и социальным взаимодействиям, которые не может обеспечить крупный город [6–8].

В фокус нашего исследования помещен не столько анализ социально-демографической и экономической ситуации малого города, сколько позиция основных акторов по отношению к развитию города, их видение текущей ситуации и перспектив ее развития.

Городец в качестве объекта исследования был выбран как типичный малый город на территории Нижегородской области с численностью населения чуть менее 30 тыс. чел. При этом в Городце, как и в большинстве других малых городах России, наблюдается тенденция к сокращению численности населения, что вызвано как естественной убылью населения, так и миграционной. Так, в 2013 г. население Городца составляло 30570 чел., из них: 6314 человек старшего возраста, 10960 – среднего возраста (36–60 лет), 7509 и 5787 молодежь (18–35 лет) и детское население соответственно. За 2014 г. численность населения Городца выросло на 39 чел., однако в 2015 г. уже наблюдалось её уменьшение на 33 чел.

По состоянию на 1 января 2016 г. численность постоянного населения города Городца составила 30530 чел., за 2015 г. естественная убыль населения города составила 43 чел. Отмечен миграционный прирост населения, который составил 13 чел.

По состоянию на 1 января 2017 г. численность постоянного населения Городца – 30493 чел. В 2016 г. также миграционный прирост населения города составил 43 чел., естественная убыль – 80 чел. Рост миграционного показателя в г. Городец уже в 2017 г. сменился на миграционную убыль населения и составил 178 чел., при естественной убыли в 127 чел.

В 2018 г. тенденция демографического сжатия применительно к рассматриваемой территории сохранилась – население города уменьшилось и составило 30188 чел.: 6856 (старший возраст), 10386 (средний возраст), 6571 (молодежь), 6375 (детское население). При этом в 2018 г. характеристика демографических показателей следующая: естественная убыль населения города составила 157 чел., миграционная убыль – 177 чел. В 2020 г. численность населения города составила 29712 чел., естественная убыль – 288 чел., миграционная – 64 чел.

Таким образом, применительно к территории г. Городца наблюдается процесс демографического сжатия, что характерно и для основной части малых городов нашей страны. Перспективы развития, а в некоторых случаях – сохранения территории неразрывно связаны с людьми, проживающими на ней, отток населения свидетельствует о необходимости выявления факторов, инициирующих и поддерживающих этот процесс, так же как и препятствующих ему.

Сокращение численности населения закономерно сопровождается изменением и экономического ландшафта.

Город Городец, как и Городецкий муниципальный округ в целом обладает экономическим потенциалом и относится к территориям со стабильно высоким уровнем социально-экономического развития. Одним из основных источников инвестиций в основной капитал является прибыль хозяйствующих субъектов. По итогам социально-экономического развития города Городца прибыль прибыльных организаций (по кругу крупных и средних организаций) за 2016 г. составила 627,7 млн руб., или 67,6 % к уровню 2015 г.; за 2017 г. прибыль выросла в два раза к уровню 2016 г. и составила 1512,8 млн руб.

В 2018 г. наблюдается сокращение прибыли, которая составила 1243,4 млн руб., или 89,4 % к уровню 2017 г.; за 2019 г. – 1437,1 млн руб., рост к 2018 г. 11 %. По итогам 2020 г. прибыль прибыльных организаций (по крупным и средним организациям) составила 1311,4 млн руб. или 70,5 % к уровню 2019 г.

Таким образом, мы наблюдаем замедление темпов роста экономики, сопровождающееся уменьшением численности населения. Указанные тенденции могут быть взаимосвязаны между собой, включая также в себя и иные факторы, которые еще предстоит проанализировать.

В статье представлены результаты качественного этапа исследования – экспертного опроса представителей администрации, бизнес-сообщества и некоммерческих организаций города, проведенного в декабре 2023 г. Всего методом структурированного интервью средней продолжительностью 70 мин. было орошено 15 чел., по 5 в каждой из экспертных групп.

Факторы, формирующие положительное отношение населения к территории проживания

Ведущим фактором, определяющим отношение населения к территории проживания, выступает оценка общей социально-экономической ситуации в городе. Традиционно этот показатель фокусирует

на себе основное внимание и во многом определяет фон анализа перспектив развития. На момент проведения исследования Городец характеризовался представителями всех экспертных групп как достаточно благополучная территория с видимым успешным трендом развития в последние 3–4 года. Эксперты отмечают негативное влияние ковида и непростые геополитические обстоятельства, но тем не менее уровень оптимизма достаточно высок.

«*Если брать ковидное время, было тяжело. Видно было по городу, город не развивался. Если сейчас брать даже предновогодние праздники, сейчас видно, что предприниматели у нас все готовятся, украшают город. В центре города у нас стало красиво. Поэтому можно судить, значит у предпринимателей получше что-то получается. Еще много точек открылось таких маленьких, сувенирные лавки, какая-то продукция такая небольшая. Мне кажется, что больше стало предпринимателей*» (Представитель бизнеса).

«*Если мы говорим о периоде 3–5 лет, то я оценю это как позитивный рост. Если бы мы разговаривали 5 лет назад, я бы его больше оценил как больше негативный. Тогда эти проекты начинали формироваться, но неизвестно было – будут ли они реализованы. За 3–5 лет социально-экономическое развитие в городе более позитивное*» (Представитель бизнеса).

«*Вот сейчас, в данный момент, с приходом нового главы администрации я оцениваю выше среднего, то есть у нас сейчас большое есть продвижение во многих сферах: и строительство, и организация новых площадок, все для людей, вот недавно новые автобусы пришли. Вообще здорово, я очень рада за жителей округа. Буквально 2 года назад было какое-то упаднические настроение, сейчас такой подъем прям*» (Представитель НКО).

«*Я думаю, сейчас можно сказать больше, чем удовлетворительная, с моей точки зрения, поскольку сейчас вложение вливаний в Городецкий округ было сделано, я думаю, на твердую 4*» (Представитель НКО).

«*Я оцениваю как хорошую ситуацию, потому что сейчас на территории округа действует много проектов. В том числе привлечение финансирования федерального, областного уровня. Очень много общественных пространств делается в принципе. В городе Городце и Заволжье одинаково развитие идет. Мне кажется, что экономическая ситуация достаточно стабильная и только улучшается*» (Представитель администрации).

«*Если брать по 10-бальной шкале, то я бы оценила на 6–7, поскольку есть и градообразующие предприятия, предприятия народно-художественных промыслов. Достаточно развита, если говорить о туризме, сфера гостеприимства. Ситуация неплохая, но есть к чему стремиться*» (Представитель администрации).

Наблюдаемый оптимизм во многом сформировался на контрасте с опасениями и негативными ожиданиями, которые не подтвердились. В качестве индикаторов роста эксперты отмечают инвестиции и видимые для города изменения, проявляющиеся в росте строительства, появлении малых точек продаж и сервисов, новых автобусов и просто украшении города.

Начало специальной военной операции и последующие санкции, с точки зрения экспертов, скорее больше повлияли на сферу сельского хозяйства муниципального округа в целом (проблемы с дизельным топливом, диспаритет цен).

В качестве основных драйверов развития Городца эксперты воспринимают сферу туризма, гостиничный бизнес, предприятия общественного питания, продажу сувенирной продукции, включая ее производство (появились, например, небольшие, конкурирующие друг с другом предприятия по выпечке пряников). В этом плане проект администрации города, направленный на создание единого туристического кода в Городце, стал толчком для этих изменений и объединения усилий разнонаправленных интересов.

В Городце по-прежнему функционируют крупные промышленные предприятия, созданные 10–12 лет назад, началось восстановление нижней судоверфи, хотя, конечно, многие предприятия, прекратившие свою работу много лет назад, так и остаются закрытыми, появляются мелкие производства под нужды рынка, например, небольшие мебельные. Также открываются торговые точки, несмотря на то что крупные сетевые марки присутствуют в городе («*EUROSPAR*», «Пятерочка», «Магнит») и постоянно открываются новые пункты выдачи основных маркетплейсов.

«*Предприятия, как они были на том уровне пять лет назад, не то, что сейчас какое-то новое производство, что на моей памяти; восстанавливают только нижнюю судоверфь – завод, он как-то немножко начал дышать, видно, что там идет реконструкция, он был черный, сейчас мы видим реконструкцию каких-то зданий у них, чувствуется, и народ стал туда устраиваться на работу, это – ремонт судов, тоже это радует, потому что эта сфера была у нас заброшена, хотя судостроение и ремонт – это была одна из отраслей Городца, такая судоверфь, радует, что хоть какая-то часть начинает возрождаться. Но опять в этом году нижняя судоверфь подняла голову, а верхняя судоверфь – ремонтная база, она закрылась, и как тут считать, один плюс, а другой на минус, получилось среднее*» (Представитель НКО).

Благоустройство Городца за последние несколько лет – это первое, о чем говорят эксперты, если речь заходит о ключевых переменах в городе. Несмотря на то что пока заметно улучшен центр горо-

да (реконструируется старинные дома, отремонтирована набережная и т.д.), сохраняется позитивный настрой относительно того, что перемены затронут и периферию и благоустройство продолжится.

«*Для меня, конечно, город сказочно красивый. Сделали красивые парки. Но не хватает тротуаров для людей, для мамочек с колясками. Сейчас у нас очень красиво к Новому году украсили. Это первый год. Музейный квартал украсили полностью. У нас никогда такого не было в городе*» (Представитель бизнеса).

«*В целом благоустройство района состоит следующим образом: туристический район постоянно благоустраивается и меняется, все районы на окраине остаются незамеченными. Я надеюсь, в дальнейшем это как-то сдвинется, и будет не только строительство храмов, но и парки какие-то для отдыха будут предусмотрены*» (Представитель бизнеса).

«*Город становится красивее. Не всегда, конечно, успевают дороги вовремя почистить. Даже по подготовке к Новому году появились очень красивые инсталляции на центральных улицах, к нам уже приезжали гости, посмотрели, оценили. В этом отношении город лучше становится*» (Представитель НКО).

При этом преображение происходит не только за счет привлечения региональных и федеральных денег на восстановление исторической части для повышения туристической привлекательности, но и за счет зарождающейся активности предпринимателей.

«*В целом у нас город развивается, постоянно ищет свои ниши в принципе весь город, можно так сказать. Наконец-то вышли на путь туризма, надеюсь, он будет развиваться, потому что благодаря вливанию туристических средств, мы будем облагораживать внешне город, чего я очень сильно хочу, может, наконец, начнут улицы украшать к НГ. Вообще не украшают, только силами отдельных предпринимателей и негосударственных структур, которые готовы тратиться на украшения к НГ своих фасадов*» (Представитель бизнеса).

Оценка социально-экономического положения жителей города неоднозначна: с одной стороны, эксперты отмечают постоянный рост цен, отставание зарплат от скорости инфляции, особенно непросто семьям с детьми, т.к. их повседневные расходы заметно повышаются с рождением ребенка. Многие семьи большую часть своих доходов тратят на еду и одежду, что, конечно, может являться индикатором бедности населения. С другой стороны, представители бизнеса отмечают рост покупательской способности, рост трат на развлечения, представители администрации и некоммерческого сектора говорят о некотором повышении заработанных плат, особенно в бюджетной сфере занятости, и высокой оплате труда на производстве. По данным официальной статистики, опубликованным в Информационном бюллетене о социально-экономическом развитии Городецкого муниципального округа, среднемесячная зарплата работников крупных и средних организаций составила в 2023 г. 44 650 руб., или 116,2 % к уровню соответствующего периода 2022 г., по промышленным предприятиям – 49 067 руб., рост на 20,9 % [9].

«*Зарплату вроде как в бюджетных учреждениях поднимают, но цены успевают вперед расти. Я думаю, что 70 % населения ответят, что на продукты питания и предметы первой необходимости им хватает, а вот чтобы купить что-то больше – холодильник, с одной зарплаты его уже не купишь, а если что-то типа машины, квартиры, то это вообще копить надо годами. Процентов 70–75 на предмет первой необходимости, не голодают, одежду, что-то могут себе позволить, средний такой вот уровень*» (Представитель НКО).

«*Я считаю, что улучшается экономическая ситуация, открываются, если мы берем мою отрасль, открываются точки общепита, я смотрю, магазинов много появилось новых, покупательская способность выросла, однозначно, у людей. У меня, например, больше гуляют банкетов, по сравнению с предыдущими годами, когда были трудности. Но трудности были с пандемией, во-первых, а во-вторых, с финансами. На сегодняшний момент цены растут, цены за услуги растут, и люди все-равно активно пользуются. Это еще связано с тем, что за границу ехать некуда. По России сейчас начали путешествовать люди, больше туристов, больше туристических групп и, соответственно, пользователей услуг гостиничных и общепита*» (Представитель бизнеса).

«*Я только вижу позитивное настроение. Конечно, не каждой семье легко и просто. Все равно уровень зарплат медленно растет. Особенно, у кого еще дети учатся, то, конечно, грустно от того, что небольшой доход. У тех категорий, которые не имеют высшего образования, и работают на обслуживании. Там зарплаты небольшие. Но тут еще другая сторона – или муж, или жена работают еще на тех производствах, в которых оплачивается труд достойно... По уровню застройки, благоустройства своего жилья, территорий, где проживают, видишь, что народ имеет возможности и средства для того, чтобы повысить и укрепить свое и жилище, и свою семью*» (Представитель НКО).

«*То есть доходы-то вроде бы немного увеличиваются в разных областях. Но, к сожалению, инфляция делает своё дело*» (Представитель администрации).

Таким образом, в целом относительно благоприятная социально-экономическая ситуация в Городце становится фоном для дальнейшего развития территории и повышения ее привлекательности для населения и бизнеса. Другие факторы, определяю-

щие привлекательность малого города, связаны с комфортностью проживания в нем, развитием социальной сферы и проблемами, которые могут быть типичны именно для малых городов.

Одна из главных географических особенностей Городца – это близость к областному центру (дорога до Нижнего Новгорода на автомобиле не занимает больше часа) и экология (природа, сосновые леса, зона отдыха на Горьковском водохранилище, которое называют Горьковским морем). Экологическая составляющая часто имеет первостепенное значение, если речь заходит о сравнении больших и малых городов, и малые территории, часто проигрывая мегаполисам по другим характеристикам, выигрывают именно в плане лучшей экологии и близости к природе. Поэтому эксперты оценивают Городец как город, комфортный для проживания прежде всего семей с детьми и людей предпенсионного и пенсионного возраста. В городе все, что необходимо для жизни, есть: развита торговля, есть местные производители продуктов, что особенно сегодня ценится, т.н. фермерское качество, при этом все поблизости; благоустроены территории, зоны отдыха, скверы и набережная, квартал музеев.

«*Я проживаю в Городце буквально последние полгода. Но мне настолько понравился этот город, что я решила уехать из Нижнего Новгорода и переехать жить сюда. Почему? Потому что людям моего возраста, мне кажется, здесь очень комфортно. Потому что, в принципе, здесь все условия для проживания, но с точки зрения какой-то комфортной среды они все присутствуют. Здесь хорошие магазины, которые, по большому счету, по ассортименту, продуктовые чуть не уступают Нижнему Новгороду. Те же сетевики… Здесь куча мелких магазинов, которые представляют свою продукцию. Наш молочный завод, свой магазин, где абсолютно продукция свежая. Свои маленькие мини-мясокомбинаты какие-то, которые великолепную продукцию предоставляют*» (Представитель администрации).

«*Здесь есть, где погулять, например, если хочется развеять тоску, скажем так, то есть куда пойти в Городце. Музейный квартал, куча музеев. Если приезжают гости, то у меня нет проблем, чем их развлекать… Потом здесь, если чуть-чуть загородиться, то великолепная природа, сами понимаете, река Узола, Горе-море, все что угодно. То есть с точки зрения, например, досуга и организации своей жизни там купить продукты и прочее, тоже все замечательно. Но это люди моего поколения*» (Представитель НКО).

«*Я всю жизнь живу в Городце, не скажу, что 10 из 10, но к 8 баллам я бы приблизила [об уровне комфортности для жизни]. Удобно с маленькими детьми. Все рядышком, доступно, поэтому неплохо*» (Представитель администрации).

Важна и такая специфика малого города, как возможность сохранять тесные социальные связи, что облегчает поиск решений при возникновении проблемных ситуаций.

«*Мне, как человеку, родившемуся в этом городе, в принципе, жить здесь комфортно по одной простой причине, что любую свою проблему я могу решить одним звонком, что не будет никогда в большом городе. Преимущества маленького города, что все с друг другом учились, все друг друга знают и все это легко решаемо*» (Представитель бизнеса).

К положительным изменениям социальной инфраструктуры следует отнести развивающееся строительство: активными темпами идет строительство новых микрорайонов. Несмотря на это, проблемы с доступностью жилья сохраняются, и речь скорее не о стоимости, а о том, что строящихся домов не хватает всем желающим приобрести недвижимость. Так, средняя стоимость 1 кв.м жилья на первичном рынке в Городецком муниципальном округе составляла в 4 квартале 2023 г. 77794 руб., на вторичном – 91103 руб., что является невысоким уровнем цен в сравнении с другими муниципалитетами Нижегородской области [10]. Так, например, в соседнем городском округе г. Бор на тот же период времени 1 кв.м жилья на первичном рынке стоил в среднем 107213 руб. за квадратный метр, на вторичном – 104233 руб., тогда как в Нижнем Новгороде – на первичном рынке 155850 руб. за квадратный метр, на вторичном – 141959 руб. К тому же Городец попадает под программы сельской ипотеки. В городе есть и так называемое элитное жилье, которое уже менее доступно.

«*Очень большое строительство идет. Строительство новых микрорайонов, строительство новых домов. Но даже при том, что это идет, я просто знаю, что не всегда могут люди купить жилье, не в том смысле, что нет денег, а в том смысле, что его не хватает… есть потребность в жилье, в квартирах есть потребность, но большая хорошая программа переселения, я знаю, была сделана*» (Представитель НКО).

«*Жилье доступно, цены невысокие в принципе на недвижимость, даже свое жилье здесь построить сравнительно недорого, это я говорю, как человек, который четвертый год строит свой дом*» (Представитель бизнеса).

«*Новый жилищный фонд, конечно, у нас строится, опять же проблема с жильем какая? Может квартиры – то и есть, даже можно сказать, что некоторый выбор есть, но доход населения средний, а квартиры с бешеной скоростью дорожают, поэтому молодая семья не может себе это позволить. С ипотекой на несколько лет берут, но опять же не те наши получатели, которые не должным образом ведут себя, а те, которые умеют работать, трудятся и зарабатывают, платят через ипотеку,*

ипотека тоже доступна нам, как и по всей России, можно оформить и жить» (Представитель НКО).

«*Однозначно, дешевле жилье. Если брать сейчас рынок жилья, то здесь можно квартиры купить как в старом фонде, так и строится новое жилье. И на порядок дешевле, чем в Нижнем. И достаточно комфортабельное жилье, никаких проблем в этом нет*» (Представитель администрации).

«*У нас строится новый микрорайон на въезде в город со стороны Заволжья, микрорайон ул. Крупинова, я скажу, что можно приобрести квартиру и в рассрочку, молодежь покупает, надо сказать, квартиры. Особо, чтобы бедственное положение, – такого нет, но иметь возможность приобрести, конечно, не у каждого получается*» (Представитель НКО).

В Городце также реализуются программы по переселению из ветхого фонда, в каждом новом доме, по словам экспертов, предусмотрено несколько квартир для таких семей. Есть программы льготного кредитования работников бюджетной и социальной сферы.

«*Из практически ветхого фонда жителей переселили по данной программе, поэтому у нас вырос целый микрорайон, где были льготные программы для бюджетников, где дома по льготному тарифу были построены для работников социальной сферы и образования, спорта и культуры, целый городок у нас стоит*» (Представитель НКО).

«*Кстати, надо сказать, что каждый дом, который сдастся, у нас всегда имеет фонд для переселения сколько-то квартир, условно 4–5 в каждом доме есть на разных этажах, а остальное, молодежь сейчас, конечно, стремится вместе уже с родителями, та, которая образует уже семьи, с родителями стараются какое-то жилье, пусть однокомнатную, но приобретают*» (Представитель НКО).

«*Что касается жилищной сферы, я раньше в жилищном отделе работала. В жилищной сфере, мне кажется, у нас сейчас достаточно хорошо, потому что и программа переселения действует у нас. Я знаю, что одна завершилась, вроде бы как следующая на подходе… У нас даже продаются квартиры в восьмиэтажном доме. Строится на территории Городца восьмиэтажный дом, на моей памяти – это впервые*» (Представитель администрации).

Особенностями строительства является и то, что в новых микрорайонах развивается инфраструктура. На сегодняшний день в Городце идет завершение строительства новой школы на 825 мест, строится детский сад, уже сегодня функционируют два физкультурно-оздоровительного комплекса (ФОК), укреплена береговая линия, что в перспективе может стать драйвером новой прибрежной застройки.

«*Городок, там 50 домов, которые были построены, и теперь вокруг этих 50 домов частного сектора строятся большие дома многоэтажные, многоквартирные, которые продолжают пополнять необходимость жителей в жилье. Строится детский сад, про школу я сказал, строится какой-то МФЦ, будет и образовательная деятельность, и культурная деятельность, и спортивная деятельность – все в одном большом центре. Здесь, я думаю, все хорошо*» (Представитель НКО).

«*Это строительство школы, которую я упомянул на 825 мест, это строительство нового детского садика, тоже долгожданный проект, потому что микрорайон новый, он развивается, многоэтажная застройка, и в основном проживает очень много молодых семей, которые имеют маленьких, которые ходят в детский сад и школу*» (Представитель бизнеса).

«*Строительство укрепления берега в этот год завершилось, это тоже дает перспективу дальнейшего развития и застройки этой набережной*» (Представитель бизнеса).

Всеми экспертами подчеркивается развитие социальной инфраструктуры города сегодня, речь идет прежде всего о спорте и сфере культуры. Помимо двух физкультурно-оздоровительных комплексов с бассейнами, идет реконструкция спортивных сооружений, в которых функционируют не только секции для детей и молодежи, но и проводятся различные соревнования, в том числе и межрегионального уровня.

«*Смотрите, я работаю в отрасли физкультуры и спорта уже больше 20 лет, и за 20 с лишним лет никогда не проводились ни ремонты, ни реконструкции спортивных сооружений. За последние несколько лет было построено несколько больших спортивных сооружений… реконструкция стадиона в Городце в этом году началась и практически на выходе уже, то есть обновляются объекты… то есть те объекты, и то движение, что я вижу за эти годы, можно смело сказать, что большие вливания денежных средств в Городецкий округ идут и как бы развитие идет*» (Представитель НКО).

«*Спорт более или менее, два ФОКа, то есть детям есть, где заниматься... Конечно, не последней степени оснащенности, но что-то есть, то есть сказать, что обездолены, нет. Стадион ремонтируют в этом году, что-то видно в этой сфере, социальной*» (Представитель администрации).

«*Сейчас скажу, что за последние годы изменилось в Городце и что является показателем: первое, по социальному направлению – это строительство ФОКа, два ФОКа у нас появилось – один новый и один старый. Долгожданная реконструкция стадиона в Городце, которую мы ждали достаточно долго, в Заволжье проведена реконструкция стадиона, который более 30 лет не видел никаких финансовых потоков и вливаний… Мы это все видим и понимаем, какие финансирования городу выделяются на развитие. Это здорово, это прекрасно, это дает возможность все-таки нашей молодежи, нашим ребятам учиться и развиваться, заниматься*

спортом, каким-то досугом и участвовать в жизни города» (Представитель бизнеса).

Основа туристической привлекательности Городца – обновление, постоянное развитие музейного комплекса и исторической части города. Помимо этого, экспертами отмечается и деятельность домов культуры, которые сохранились в городе, и муниципалитете в целом, при них развита различная кружковая деятельность, что также может является фактором, формирующим привлекательность территории для населения, особенно семей с детьми.

«*Открылись новые музейные комплексы. Они не становятся, как мы привыкли, пришли, прошли по выставочным залам, и посмотрели… появляются те музеи, которые мы называем интерактивные – это показатель того, что это очень интересно нашей молодёжи, нашим школьникам, потому что это совершенно другой формат, они в нем общаются, они сами там, как главные герои принимают во всем участие*» (Представитель бизнеса).

«*Самые успешные – это, наверное, культура. Городец же, как маленькая музейная столица, поэтому культура, наверное, успешнее всех, и открытие новых музеев, и сельские дома культуры, которые тоже хорошо развиваются и жизнь кипит, культура, наверное, у нас самая социально развитая*» (Представитель НКО).

«*Учреждения культуры, надо сказать, что работают не просто качественно, а мы гордимся тем, что там широко развиваются и кружковая деятельность, то есть готовят они своих местных артистов художественной самодеятельности и хореографические направления развиваются очень неплохо*» (Представитель администрации).

Немаловажным фактором, повышающим привлекательность территорий, является развитость системы образования. В городе нет проблем с местами в детские сады или школы, тем более что строятся новые, хотя в ряде школ по-прежнему сохраняется обучение в две смены; модернизируются библиотеки. Важным преимуществом малого города перед мегаполисом выступает наличие множества бесплатных или за невысокую плату детских кружков и секций с качественными услугами, где педагоги заинтересованы в своей работе.

«*Но при всём при том надо отметить, что у многих и молодых специалистов есть какая-то заинтересованность, они хотят что-то дать, какие-то интересные программы. То есть если сравнить, что просто ребёнка взять, покормить, погулять, посадить, рисовать, нет, я скажу, что там очень интересный подход. Плюс бесплатные кружки. То есть мой ребёнок, например, может перейти дорогу, сходить бесплатно на плавание, в кружок, той же гитары, то есть в каких-то творческих мастерских поучаствовать. Конечно, есть и платные кружки, но всё это, как сказать, доступно. И эта сфера занятий дополнительных, логопеды какие-то, я скажу, что можно всё это найти в городе, и уровень такой неплохой*» (Представитель администрации).

«*Честно скажу, что если говорить про детей, то вообще никаких проблем нет. Для меня удивительно… здесь я сталкиваюсь с тем, что всё для детей бесплатно. То есть у нас есть ФОК* «*Александр Невский*»*, приходят дети и у них абсолютно бесплатная секция баскетбола, волейбола, плавания, какой-то борьбы и так далее, и так далее. Дальше модельные библиотеки. Приходят дети. Кружки. Кружки совершенно бесплатные, музыкальная школа, художественная школа. Чисто символическая плата. Досуговые центры, кружки радиолюбителя, воздухоплавание, там всё бесплатно. По мне, наоборот, здесь для детей созданы изумительные условия, в том числе и в школе. Я просто вижу, например, проводят для школьников постоянно какие-то мероприятия*» (Представитель администрации).

Немаловажно, что в Городце и в соседнем Заволжье присутствуют учебные заведения среднего профессионального образования, готовящие специалистов по таким направлениям подготовки, как дошкольное образование и коррекционная педагогика, поварское и кондитерское дело, судовождение, сварщик, мастер строительных работ (Городецкий губернский колледж), экономические и автомеханические специальности (Заволжский автомоторный техникум), а также медицинские специальности (филиал в г. Заволжье Нижегородского медицинского колледжа). Однако в городе нет филиалов высших учебных заведений, что, по мнению ряда экспертов, является основным фактором оттока молодежи из Городца. После окончания вузов большинство не возвращается в родной город.

«*В Городце присутствует Губернский колледж. Всегда функционировал Заволжский автомоторный техникум, где готовят достаточно много ребят. Да, но понимаете, это среднее профессиональное образование, а высших учебных заведений у нас нет, и филиалы, которые у нас были до 20 года, – они тоже все позакрывались. Раньше у нас филиал Политехнического института был, еще какие-то, а сейчас только в НН. Они уезжают, получают образование и стараются уже закрепиться там*» (Представитель бизнеса).

Из положительных изменений, напрямую влияющих на комфортность проживания на территории, можно считать и изменение подхода к оказанию государственных и муниципальных услуг: в Городце открыт новый Многофункциональный центр. Специфика организации сферы социального обслуживания населения и помощи малообеспеченным категориям граждан на территории города, по словам представителей администрации, больше определяется нормами и стандартами федерально-

го законодательства. Однако многими экспертами подчеркивается улучшение ситуации с размерами выплат, среди населения нет негативных отзывов и недовольства.

«*У нас есть МФЦ, причем в МФЦ и в Заволжье, и в нашем Городце, недавно оно получило новое здание, для себя построенное, поэтому люди идут с обращениями и в том числе там даже вопросы трудоустройства можно получить, узнать, оказывают ли помощь. Я сама зашла просто по стечению обстоятельств. Мне очень понравилось, там много окон, никакой особо очереди нет, волнения у людей нет, помощь оказывается своевременная*» (Представитель НКО).

«*Когда семьи к нам поступают и мы видим, что семья с низким доходом, направляем всех в управление социальной защиты, где им высчитывают помощь, вроде никто не отказывает, сейчас такого негатива нет, сейчас же подняли выплату и дополнительные выплаты есть, и выплаты такие, как материнский капитал. Семьи чувствуют поддержку, если ты родил, то будет вот этот капитал тебе выплачен, почему нет, пользуются… никто, вроде, не жалуется, что копейки. И многодетным выплачивают достаточно хорошие пособия*» (Представитель НКО).

«*Я так понимаю здесь поддержка в основном федерально-региональная. То есть мы, на месте, никак на это влиять не можем. В последние годы могу сказать лучше стало. Больше видов поддержки и материнский капитал, и семьи малообеспеченные. Поддерживается. Единственное критерии к некоторым пособиям такие, что там рубль два и ты вылетаешь. Может где-то жестковатые немножко*» (Представитель администрации).

Проблемное поле Городца

Если говорить о факторах, которые, напротив, будут тормозить социально-экономическое развитие малых территорий, то у Городца здесь также есть своя специфика. Особенности рынка труда малых городов России – это высокий уровень безработицы. В Городце ситуация обстоит иным образом. Официальная статистика регистрируемой безработицы на конец 2023 г. в муниципальном округе в целом показывает рекордно низкие числа: 0,26 % или 121 чел., в 2022 г. этот показать был на уровне 0,63 % или 290 чел. [9]. Рынок труда Городца, по словам экспертного сообщества, является трудодефицитным. На сегодняшний день нехватку работников испытывает прежде всего промышленный сектор, при этом уровень зарплат на отдельных предприятиях, например, ООО «Язаки Волга» выше, чем средняя заработная плата в муниципальном округе как минимум в два раза. Эксперты назвали суммы около 100 тыс. руб. (при сохранении достаточно высокой интенсивности труда). Сложности испытывает и сфера услуг, есть дефицит педагогических кадров, вакантны должности в городской администрации, в районных отделениях федеральных органов власти.

«*Сложно найти работников, так скажем. Сейчас такая общая тенденция. И я, когда посещаю заседания предпринимателей и промышленников Городецкого округа, практически через один встает вопрос с кадрами, будь то промышленное производство, будь то общепит, сфера услуг, везде есть потребность в кадрах, и уже такая общая тенденция, что за кадрами надо бегать…*» (Представитель бизнеса).

«*И все в один голос говорят, что трудовых ресурсов не хватает. То есть для того, чтобы зашёл инвестор с каким-то предложением, условно говоря, на территории города создать очень серьёзное предприятие, завод, фабрику, этот инвестор столкнётся с тем, что некому будет работать на нем. Потому что в Городце практически безработицы как таковой нет. Если говорим о том, что у нас стоят на учете в Фонде занятых 150 чел., кто-то понимает, что это какие-то, как вам сказать, традиционные безработные, это ни о чем*» (Представитель администрации).

«*Проблем с рабочими местами нет… брать какую-то службу в администрации, у нас вакансии есть. В налоговой службе, да, тоже федеральная налоговая служба. Вакансий есть очень много, пожалуйста, приходите, экономисты, юристы. Значит, разговаривали с руководителями крупных предприятий, востребованы не только рабочие специальности, но в том числе и инженеры, также экономисты, бухгалтеры, технологи, конструкторы. Нет, как бы трудовой рынок, он абсолютно представлен любыми специальностями, есть, где работать*» (Представитель администрации).

«*В соцзащите, в нашей сфере, будем говорить, и кончая высококвалифицированными специалистами с высшем образованием, там у нас не низкооплачиваемые, я думаю, для района ЗП в размере 40 тыс., сельского, будем говорить, не Нижний Новгород, то это – достаточно хорошая ЗП. Вакансии есть. У нас, наоборот, – дефицит трудовых кадров, не в работе у населения, а в трудовых кадрах. Потому что опять же отток работоспособного населения в виде молодежи, 45 плюс идет на пенсию дальше в 50–60 лет, эти места не пополняются, и больше у нас, я думаю, кадровый голод. И ЗП, все-равно рабочие места есть в районе*» (Представитель НКО).

Причинами дефицита кадров, по мнению представителей экспертного сообщества, являются несоответствие ожиданий заработной платы и того, что предлагает рынок труда. С одной стороны, есть и завышенные требования у работников, нежелание заниматься интенсивным тяжелым трудом, т.к. относительно высокие заработные платы может предложить сельское хозяйство или промышленная отрасль. С другой стороны, например, вакансии в городской администрации или образовательных уч-

реждениях характеризует невысокий уровень оплаты труда.

«*Тут, знаете, какая проблема, наверное, мое видение, вакансии есть, но тот уровень заработной платы, который предлагают имеющиеся вакансии, он не соответствует требованиям и желаниям современного человека. Потому, что я знаю, что в администрации и других учреждениях есть нехватка кадров, именно профессиональных кадров, людей, которые имеют определенный опыт, знания и образование в той или иной сфере. Нехватка есть, но, к сожалению, желающих идти, имеющих образование и может быть какой-то опыт, нет. Людям проще пойти зарабатывать иными способами*» (Представитель администрации).

«*Сейчас, в общем-то, просто так нигде деньги не платят. Интенсивность труда высокая, но и зарплата очень-очень даже приличная. Даже не то, что для Городца. Вообще даже в сравнении с Нижним Новгородом... Очень интенсивный труд. То есть простоять на ногах, целую смену. Должна быть развита моторика. Устают, тяжело. Да, зарплата вроде бы неплохая. Даже до 100 тыс. зарабатывают. Но для того, чтобы заработать 100 тыс., нужно проработать 12 ч. Пожалеют себя, я так понимаю, жалко*» (Представитель администрации).

«*Если касаемо меня сложности – повара, официанты – в летний период их вообще не сыскать, потому что кто-то уходит в навигацию, кто-то еще что-то, но проблемы есть серьезные. Да и линейный персонал, я не скажу прям… даже 19 тыс. минималка при слабой загруженности, они даже не вырабатывают свои часы, очереди нет. Оплата труда администратора на уровне Нижнего Новгорода. Я в ассоциацию отельеров вхожу, и соответственно… у нас те же самые зарплаты*» (Представитель бизнеса).

Также многие эксперты говорят о нежелании людей работать, желании легких и больших денег без особых трудовых затрат, к тому же всегда есть категории граждан, которые предпочитают получать пособия от социальных служб. При этом со слов и представителей администрации, и бизнеса, проблем найти дополнительный заработок в городе не существует, тем более сейчас есть возможность работать удаленно, онлайн. Дистанционно работают и люди с ограниченными возможностями.

«*Это просто нежелания людей, которые привыкли сидеть дома и получать какие-то крохи с той же службы занятости и говорить о том, что нет работы, это неправда, работа есть везде. Тем более, у нас большое сельское хозяйство, не хватает тоже рук, и знаю средняя зарплата около 45 или 50 в сельском хозяйстве. Плюс в сельском хозяйстве, если говорить о дополнительном заработке, всегда нужны руки на ту же переборку картофеля, овощных или еще что-то*» (Представитель НКО).

«*Я думаю те, кто хотят найти, они найдут. Не скажу, что работать негде. Найти можно. Другое дело, что у людей есть ожидания от уровня заработной платы. Возможно, не соответствует тому, что есть*» (Представитель администрации).

«*Конечно, не как в больших городах, вообще я мало кого знаю, кто работал на две работы или подрабатывал. В основном если у людей на своем же месте получается, взять подработку, то есть полторы смены или как-то. А так, чтобы на двух работах, мне кажется редко. Либо, может, кто-то онлайн*» (Представитель администрации).

«*Вот у нас, например, люди с инвалидностью, имеющие высшее образование, все в основном ушли на дистанционные работы, например, банк Тинькофф особенно трудоустраивает, там ведение базы*» (Представитель НКО).

Проблемное поле Городца, помимо дефицита кадров, включает в себя и ряд других вопросов, требующих решения. К факторам, тормозящим социально-экономическое развитие города, снижающим его привлекательность для жителей, можно отнести проблемы в сфере здравоохранения, ЖКХ, транспорта и неразвитость досуговой инфраструктуры для молодежи.

Наибольшее недовольство населения Городца вызывают проблемы с состоянием дорог, несвоевременной уборкой снега, мусора, асфальтированием, отдаленные уголки города могут быть не благоустроены.

«*Самое недовольство – это ЖКХ, это всегда, я не знаю почему, вот я сколько работаю на данной должности, всегда ЖКХ, но люди всегда недовольны чем-то, а чем недовольны-то, что они видят каждый день – это дороги, это расчистка, это асфальтирование, это посыпка где-то, благоустройство, которое, к сожалению, не в состоянии, наверное, сфера ЖКХ в полном объеме оперативно отреагировать*» (Представитель НКО).

«*Я думаю, самые проблемные – это ЖКХ и дороги у населения. Расчистка снега, ямы на дороге, заросшие деревья, изношенная инфраструктура. Я бы не назвала их критическими. Все как-то делается, пусть и не в первоочередном порядке, дороги чистятся. Аварий больших в последнее время не видела, ну, на объектах инфраструктуры*» (Представитель администрации).

«*У нас это, конечно, сейчас в соцсетях, все это видно и понятно. Единственный вопрос, он, мне кажется, всегда и у всех, это у нас жилищно-коммунальное хозяйство. Например, вчера прошел снегопад, все, конечно, недовольны, что дороги нечистые. То есть эти проблемы, они, наверное, по всей России. Вывоз мусора, чистка дорог, то есть они, наверное, всегда будут. Но боремся мы с ними. Я сейчас смотрю, у нас даже площадки под мусорными баками сделали какие-то такие стилизован-*

ные, даже чисто эстетически, на них приятно посмотреть» (Представитель администрации).

«*Тротуары, качество дорог вызывают недовольство. Я сама езжу на автомобиле и не всегда удовлетворяет качество дорог, где можно проехать. Сам Городец вроде бы сделали, а спальные районы, где я живу, у нас дорога не полностью сделана*» (Представитель бизнеса).

Специфической чертой старого города являются проблемы ЖКХ, связанные с изношенностью жилого фонда, находящегося в исторической части города, где некоторые здания имеют статус памятников архитектуры или истории, что накладывает определенные ограничения на их реконструкцию.

«*Есть проблема с тем самым фондом, который находится в исторической части города. Он не соответствует требованиям жизни современного человека, например, отсутствие канализации. Очень много памятников истории, архитектуры, которые не обладают должным функционалом, которые не обеспечивают продуктивную жизнь современного человека*» (Представитель администрации).

Проблемные вопросы жилищно-коммунального хозяйства обычно наиболее болезненно воспринимаются жителями и вызывают критику. Однако состояние сферы здравоохранения, комфортность и доступность медицинского обслуживания должны заслуживать особого внимания. Основной проблемой является нехватка узких специалистов, изношенность зданий поликлиник и больниц, оборудования. Особенностью Городца является также неразвитость стоматологических услуг и отсутствие возможности записываться на прием онлайн, по-прежнему необходимо занимать очереди ранним утром. В городе присутствуют частные медицинские учреждения, но основной массе населения платная медицина может быть недоступна.

«*Основное, наверное, недовольство вызвано работой нашей Центральной районной больнице, нехваткой персонала, нехваткой доступа к врачам и то, что люди занимают очередь в 4 утра и электронная запись в принципе никак не реализована, хотя в регистратуре постоянно говорят, что вы можете взять талончики в Госуслугах – это все ложь*» (Представитель бизнеса).

«*Но есть огромная проблема, что не хватает такой социальной составляющей, как квалифицированная медицинская помощь, не хватает стоматологических услуг определенных. То, что есть в крупных городах в изобилии у нас это с огромными очередями и проблемами*» (Представитель бизнеса).

«*По здравоохранению, конечно, тут не все хорошо, недовольных много, похвалиться нечем. Именно в Городце. Тем более с села все приезжают и детей в детскую поликлинику, которой остро не хватает, которая в старом здании, наверное, еще XIX в. Тут что-то нужно решать именно в городе*» (Представитель администрации).

«*Если еще брать социальную сферу – здравоохранение, то будет низкий уровень, во-первых, нет узких специалистов, попасть к терапевту, к неврологу, невролог тоже один на район работает в ЦРБ, талонов нет никогда, это целый квест надо пройти, чтобы попасть… Представлено здравоохранение в Городце именно двумя крупными частными учреждениями, которые как-то поддерживают население, но не у всех же есть доходы ходить. Я недавно была в частной клинике, прием 1200 руб., зарплата тоже не позволяет постоянно ходить, поэтому про здравоохранение скажу, что это низкий уровень у нас в Городце*» (Представитель НКО).

Организация транспортного обслуживания, транспортная доступность – другая острая проблема малых территорий. С одной стороны, в Городце ситуация не столь неутешительна, как, может быть, в других подобных городах, в прошлом году обновили автопарк автобусов. Однако были сокращены маршруты из-за нерентабельности, есть перебои с расписанием, а город все же достаточно большой по протяженности и нет возможности везде ходить пешком. Данная ситуация вызывает сильное недовольство горожан и находит широкое обсуждение в социальных сетях.

«*То, что транспорт новый появился, это приятно, что автобусы не вот тебе задрыги стоят, что едешь и думаешь: заглохнет он посредине дороги или все-таки доедет до места назначения, а сейчас все-таки новенькие такие, водители такие культурные – это положительное*» (Представитель НКО).

«*Транспорт у нас появился новый, но как сняли с маршрутов автобусы, когда еще транспорта не было нового, некоторые маршруты у нас сняли за нерентабельность, но в то же время надо эти маршруты вернуть обратно, потому что я, например, в деревне живу, у нас был маршрут в 8:15 – его отменили, и теперь дети выезжают в 7:15 к 9 ч., то есть они приезжают за час, и где-то этот час им надо побыть, они болтаются где-то там*» (Представитель НКО).

«З*наю, что в социальных сетях люди жалуются на перебои с общественным транспортом. Поскольку у нас все равно город по сравнению с Нижним Новгородом маленький, но пешком не везде пройдешь. Соответственно, конечно, уехать, если нет личного автомобиля, достаточно сложно*» (Представитель администрации).

Если сфера ЖКХ и здравоохранения традиционно критикуются в России, особенно представителями среднего и старших возрастов, то неразвитость досуга и сферы развлечений для молодежи является спецификой именно малых территорий и одним из факторов, выталкивающим молодежь из родного го-

рода. С одной стороны, малый и средний город никогда не могут быть конкурентами в этом вопросе с мегаполисом, но с другой – отсутствие должного внимания к данному вопросу способствует оттоку молодых людей. Городец с этой точки зрения не исключение: многие эксперты отмечают неразвитость городской инфраструктуры именно для молодежи, досуг молодежи ограничен.

«*Когда я разговаривала с молодёжью, что молодёжи, опять же, не хватает. Они говорят, я спрашиваю, зачем Вы уезжаете в Нижний Новгород? Что здесь, в Городце, Вас не устраивает, если Вы здесь родились, вроде бы, здесь живут Ваши родители, здесь Ваши друзья, в конце концов, это малая родина. Мне говорят, что неинтересно, нет дискотек, нет танцев, нет караоке, нет Макдональдса, негде потусоваться… Из-за этих соображений только уезжают*» (Представитель администрации).

«*Я говорю, из-за того, что социальный досуг молодежи и образование молодежи – это немного страдает, отток из маленьких городов молодежи сейчас по всей России, как раньше из деревень эта урбанизация идет, то население, которое у нас сейчас проживает, оно больше представлено гражданами 45 плюс, демографическую если посмотреть составляющую*» (Представитель НКО).

«*Если будем говорить про комфортность именно проживания, то я могу только за город сказать, если село не брать в учет, то в городе достаточно комфортно для семей уже состоявшихся, для молодежи инфраструктура не развита, поэтому у молодежи идет отток, в плане каких-то клубов, развлекательных программ и каких-то досуговых моментов, для молодежи не очень*» (Представитель НКО).

Таким образом, в ходе социологического исследования выявлены специфические факторы, которые формируют привлекательность города для населения. Помимо общего социально-экономического фона, который является скорее макрофактором, влияющим на Городец, и сегодня относительно благоприятен (развитие туризма, промышленного сектора экономики и торговли, рост покупательской способности, относительно невысокие цены на недвижимость, низкие показатели безработицы), стоит обратить особое внимание на важность социальной сферы и комфортности проживания в Городце. Поэтому благоустройство, возвращение исторической самобытности городу, становится важным фактором не только повышения туристической привлекательности малых территорий, создания комфортной для проживания городской среды, но также и фактором повышения включенности граждан в городскую жизнь. Первоначально активная роль в обновлении облика города принадлежала региональным и местным властям, что и привело к росту туристических потоков. Этому также способствовало и географическое положение Городца на Волге, и его древняя история, что легло в основу разработки единого туристического кода. Но что не менее важно, повысилась социальная активность бизнеса, который включился не только в развитие новых перспективных рыночных ниш, но и в процессы благоустройства территорий. Проблемное поле Городца имеет свою специфику, несколько отличную от других малых городов, однако необходимо учитывать ее, определяя направления развития территории и повышения ее привлекательности для населения и бизнеса.

Литература:

1. Everett S.L. A Theory of Migration // Demography. – 1966. – Vol. 3. – № 1. – P. 47–57. – DOI. 10.2307/2060063.
2. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A. Worlds in Motion: International Migration at the End of the Millennium. – Oxford, 1998. – 362 p.
3. Баландина Н.Г., Морозов Д.Д. Социально-экономические проблемы малых городов России // Вектор экономики. – 2022. – № 6(72). – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2022/6/regionaleconomy/Balandina_Morozov.pdf.
4. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 110–127.
5. Уханова Ю.В., Жданова А.Э. Малые города в России как комфортное пространство для жизни: миф vs реальность (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11. – № 4. – С. 112–133.
6. Медяник Ю.В. Тенденции социально-экономического развития малых и средних городов (на примере города Лениногорска Республики Татарстан) // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, №10. – С. 2489–2504.

7. Малые города в социальном пространстве России: монография / А.Ю. Ардальянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский [и др.]; отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М. К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 545 с.
8. Ивашиненко Н.Н., Теодорович М.Л., Патокина Н.Н. Локальные сообщества как драйверы развития малых городов // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 3. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/30SCSK323.pdf.
9. Официальный сайт администрации Городецкого муниципального округа Нижегородской области. – URL: https://gorodets.nobl.ru/documents/other/166903 (дата обращения: 23.02.2024).
10. Официальный сайт ГБУ Нижегородской области «Институт развития агломерации Нижегородской области». – URL: https://gradrazvitie.ru/srednyaya-rynochnaya-stoimost-1-kv-metra-zhilya-na-pervichnom-i-vtorichnom-rynkax-v-razreze-gorodskix-okrugov-i-municipalnyx-rajonov-administrativnyx-centrov-nizhegorodskoj-oblasti-za-2023-god/ (дата обращения: 03.03.2024).

Prospects of Socio-Economic Development of Small Territories: the Example of Gorodets

Ivashinenko N.N., Patokina N.N., Teodorovich M.L.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the results of one of the stages of sociological research aimed at determining the factors of territorial development of small towns. The city of Gorodets, Nizhny Novgorod Oblast, was chosen as the object of the study as a typical representative of small territories, at the same time, having its own specifics. The purpose of this stage of work is to determine the directions of socio-economic development of the city, taking into account the increasing relevance of the problem of population outflow from small towns. From the managerial point of view, it is important to identify the key aspects affecting the attractiveness of local territories as places of long-term residence and career building. Sociological analysis of the problems allowed us to determine the factors that influence the attitude of the population to the territory. The impact on these factors allows to increase the attractiveness of the city and form a field for further development. The results of a series of expert interviews with representatives of the city administration, business and the third sector were used as an empirical base of the research.

Key words: small towns, territorial development, socio-economic development, social management, socio-economic activity, local self-government

УДК 316.334.56

Мегаполис: социологический срез культуры поведения на дорогах

Ильиных С.А.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Статья посвящена рассмотрению культуры поведения на дорогах жителей мегаполиса. Научный интерес к мегаполису объясняется тем, что в его пространстве наиболее рельефно проявляются не только социально-экономические, социокультурные, экологические, но и проблемы безопасности, в том числе в сфере дорожного движения. В отношении мегаполиса актуальнее говорить не только о безопасности, но о культуре поведения жителей. Рассматривается типология рисков, которые возникают на дорогах. Описана структура культуры поведения жителей, которая включает когнитивный, деятельностный компоненты. Представлены результаты эмпирического исследования жителей мегаполиса. Научной новизной проведенного исследования является то, что низкий уровень когнитивного компонента у детей сопряжен с несформированностью аксиологического компонента. В совокупности это может приводить к рискованному поведению. Культура поведения взрослого населения проявляется в низкой дисциплине всех участников дорожного движения – пешеходов и водителей. Плохо усвоенная культура поведения на дорогах в детском возрасте проявляется впоследствии.

Ключевые слова: город, мегаполис, культура поведения, бытовая культура, риски, правила дорожного движения

Мегаполис был и продолжает оставаться предметом пристального внимания представителей самых разных научных направлений. Интерес вызывают вопросы становления городов-миллионников, развития промышленности, социокультурной сферы. Мегаполис интересен и своей пространственной спецификой – ландшафтом, особенностями расселения. Культурное пространство мегаполиса весьма, с одной стороны, плюралистично, многообразно, но, с другой стороны, индивидуально с позиции данного города и в сравнении с другими мегаполисами.

Столь разнообразные вопросы исследуются антропологами, социологами, философами. Например, М. Вебер положил начало исследованию города в рамках социологии [1]. Г. Зиммель осветил вопрос больших городов [2]. Концепция городского образа жизни предложена Л. Уэртом [3, с. 498]. Подход в русле антропологии города разрабатывали Р. Линд и Х. Линд [4], Р. Редфилд [5], У. Уорнер [6].

Мегаполис исследуется также и с позиции его становления. Если коснуться кратко этого вопроса, то процесс «оттока» людей в города – явление вполне закономерное, имеющее многовековую историю. Такая тенденция обозначилась не сегодня, а существовала уже со времён античности. Первоначально город складывался как некая оппозиция селу, а городской образ жизни противопоставлялся сельскому. В период Средневековья город уже оформляется как специфическая социокультурная среда [7]. Появляется конгломеративность [8]. Рост городов, безусловно, связан с процессом урбанизации, которую Ю.Ц. Тыхеева разделила на три этапа: 1) городская революция; 2) самостоятельное развитие городов; 3) безудержный рост городов, появление городов гигантских размеров – мегаполисов [9].

Научный интерес к мегаполису объясняется еще и тем, что в его пространстве наиболее рельефно проявляются актуальные проблемы современного общества. Это не только социально-экономические, социокультурные, экологические, но и проблемы безопасности, в том числе в сфере дорожного движения. В отношении мегаполиса актуальнее, как отмечалось выше, говорить не только о безопасности, но и о культуре поведения жителей на дороге в силу того, что мегаполисы предстают как «человейники». Жизнедеятельность в мегаполисах, размещающих на своей территории миллионы людей, многогранна, активна и очень динамична.

Культура поведения жителей мегаполиса отражает «образ жизни» горожанина. Если оценивать мегаполис как город в полном понимании этого слова, следует учитывать, что это не просто территориальные границы, площадь и показатели численности населения, а сложнейший феномен, одной из сторон которого является процесс становления приезжего как жителя мегаполиса.

Отметим, что в процессе становления приезжего жителя как горожанина он оказывается в окружении двух культур – профессиональной и бытовой. Бытовая культура охватывает самые разные стороны жизни человека, начиная от культуры потребления и заканчивая культурой поведения на дорогах. Именно бытовая культура вбирает в себя культуру безопасности, в том числе и в сфере дорожного движения. Культура безопасного поведения на дорогах, по Е.И. Толочко, представляет собой часть бытовой культуры [10].

Итак, у жителя мегаполиса, обладающего как профессиональной, так и бытовой культурой, одной из составляющих является культура поведения на дорогах. Безусловно, жители средних, малых городов, жители сел также обладают таковыми культурами. Однако, в условиях мегаполиса с его насыщенностью сферы дорожного движения, интенсивностью контактов в единицу времени гораздо острее встает проблема развитости культуры поведения на дорогах, культуры безопасного поведения. Именно в мегаполисе в условиях повседневности многократно повышаются личные риски, опасные ситуации на дорогах и снижается личная безопасность жителей мегаполиса. О рисках разного рода на дороге высказывается А.Р. Абдульзянов [11].

В самом общем виде выделяются три типа основных рисков на дороге. Технический риск определяется некачественным дорожным покрытием, плохим техническим состоянием транспортного средства. Ситуативный риск включает «личностно-ситуативные» и «организационно-ситуативные» аспекты. Первые связаны с состоянием отдельного участника дорожного движения. Вторые обусловлены организационными особенностями дорожного движения в конкретный момент времени. Коммуникативный риск представляет собой поведение двух и более участников дорожного движения. Это может быть нарушение правил дорожного движения как пешеходами, так и водителями.

Как нам представляется, коммуникативные риски в условиях мегаполиса проявляются значительно чаще, а их последствия более драматичные. Это обусловлено как минимум тремя факторами: во-первых, численностью жителей, многократно превышающей численность средних и малых городов, тем более, сел, во-вторых, интенсивностью дорожного движения, в-третьих, «густотой» автомобильных дорог.

Рассматривая культуру поведения на дорогах, выделим ее компоненты. Сюда относятся аксиологический, когнитивный, деятельностный компоненты. Аксиологический компонент – это ценность человеческой жизни, безопасность, здоровье. Когнитивный компонент – это знание правил дорожного движения и правил поведения в транспорте. Деятельностный компонент – это действия как водителей, так и пешеходов в соответствии с правилами дорожного движения. Так, исследователи выделяют несколько типов поведения пешеходов, в том числе агрессивный и некритический. Пешеходы с агрессивным поведением осуществляют переход проезжей части перед близко идущим транспортным средством, не подчиняются сигналам регулировщика дорожного движения. Пешеходы с некритическим типом поведения не умеют или не желают оценивать ситуацию, происходящую на проезжей части. Среди таких пешеходов преобладают лица с плохим зрением и слухом, пожилого возраста, те, кто плохо передвигается, и так далее [12].

Отметим, что сформированность этих компонентов обеспечивает не только безопасность отдельной личности – пешехода или водителя, но и больших групп – пассажиров транспорта, жителей оживленных улиц, детей, лиц с ограниченными возможностями, пожилых людей. Еще раз обратим внимание на то, что именно в условиях мегаполиса каждый компонент значительно влияет на риски, опасные ситуации на дорогах, ввиду гораздо более высокой интенсивности передвижения, взаимодействия жителя со сферой дорожного движения.

Итак, социологический подход к анализу культуры поведения на дорогах состоит в исследовании разного рода рисков, влияющих на безопасность движения, а также компонентного состава культуры поведения.

Для исследования культуры поведения на дорогах мегаполиса в 2023 г. под руководством автора было проведено социологическое исследование жителей города Новосибирска. Опрос проведен методом анкетирования. Использована двухступенчатая стратифицированная выборка. Всего опрошено 384 респондента. Выборочная совокупность отражала

имеющиеся в генеральной совокупности пропорции по основным возрастным группам взрослого населения жителей города Новосибирска.

Перейдем к результатам исследования. Представим лишь некоторые. В теоретической части статьи мы указывали, что сформированность компонентов культуры поведения на дорогах обеспечивает безопасность больших групп, в том числе детей. Поэтому в ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, насколько эффективна система обучения детей правилам дорожного движения (ПДД). Вопрос о знании ПДД детьми не случаен, поскольку в мегаполисе вопросы личной безопасности детей многократно усиливаются. Результаты представлены на рисунке 1.

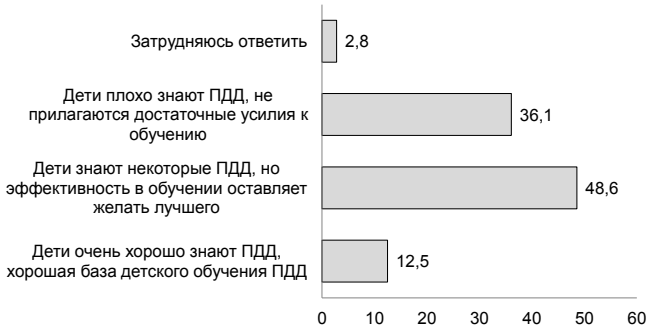

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, насколько эффективна система обучения детей ПДД?», %

48,6 % опрошенных утверждают, что дети знают некоторые ПДД, но эффективность в обучении оставляет желать лучшего. Лишь 12,5 % опрошенных отметили хорошую базу детского обучения ПДД. 80 % респондентов утверждают, что необходимо обучать детей ПДД с раннего возраста. Как видим, подавляющее большинство опрошенных высказываются о недостаточной культуре поведения детей на дороге, которая в конечном итоге не обеспечивает их безопасность. В силу возраста дети еще не сосредоточены на аксиологическом компоненте, слабость которого, возможно, провоцирует рискованное поведение. Все это сопровождается еще и незнанием правил дорожного движения.

Представим результаты исследования еще одного вопроса, который позволяет вывить основные факторы, влияющие на безопасность дорожного движения с позиции рисков на дороге взрослого населения. Данные результаты представлены на рисунке 2.

Можем видеть, что коммуникативный и ситуативный факторы риска отмечаются чаще всего. Показательно, что низкую дисциплину пешеходов отмечают чаще, чем низкую дисциплину водителей: 33,3 против 22,2 %. А это означает, что все три компонента культуры поведения на дорогах – аксиологический, когнитивный, деятельностный – оказываются на низком уровне. На такой технический

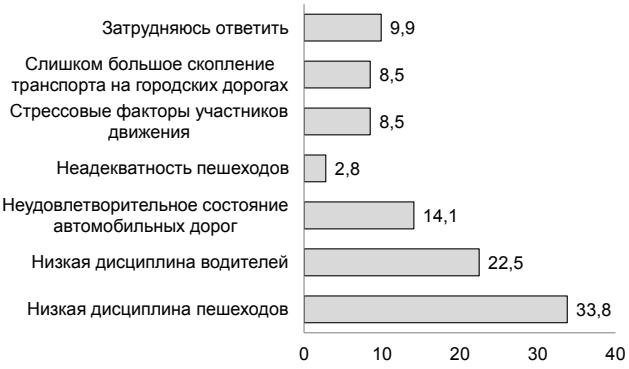

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какие факторы оказывают влияние на безопасность дорожного движения?», %

фактор, как состояние автомобильных дорог, указывают в 2,3 раза реже по сравнению с низкой дисциплиной пешеходов.

Еще одним техническим фактором, обеспечивающим безопасность на дорогах, являются специальные ограждения. Было выявлено, что 65,3 % опрошенных соглашаются с тем, что специальные ограждения на дорогах влияют на безопасность пешеходов как участников движения. Лишь 8,3 % так не считают.

Таким образом, исследования культуры поведения на дорогах мегаполиса в социологическом разрезе представляют интерес в связи с тем, что затрагиваются вопросы личной безопасности сотен тысяч жителей одновременно. В представленной статье культура безопасности на дорогах получила теоретическую и эмпирическую интерпретацию с позиции рисков и ее аксиологического, когнитивного, деятельностного компонентов. Выявлено, что несформированность аксиологического компонента культуры безопасности у детей может приводить к рискованному поведению. Отягощает эти обстоятельство то, что у детей низкий уровень когнитивного компонента. Что касается культуры поведения взрослого населения, то основными факторами риска на дорогах являются низкая дисциплина всех участников дорожного движения. Вероятно, плохо усвоенная культура поведения на дорогах в детском возрасте не может не сказаться впоследствии. При этом существенную роль для культуры безопасного поведения играет культура поведения пешеходов. Аксиологический, когнитивный и деятельностный компоненты важно формировать с самого раннего детства. Сложность исследуемой проблематики диктует необходимость ее дальнейшего изучения.

Литература:

1. Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 576 с.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3/4 (34). – С. 23–34.
3. Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
4. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown: A study in American culture. – New York: HarcOurt and Brace, 1929. – 550 p.
5. Redfield R. The Folk Society // The American Journal of Sociology. – 1947. – Vol. LII. – P. 293–308.
6. Warner W.L. Yankee City. – New-Haven, 1963. – 432 p.
7. Власова Е.А. Мегаполис как семантико-символическая система: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2013. – 25 с.
8. Середина М.И. Современные мегаполисы мира и их социальные проблемы // Сервис PLUS. – 2011. – №1. – С. 23–27.
9. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве (философско-антропологические основания урбанологии): автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2003. – 35 с.
10. Толочко Е.И. Культура безопасного поведения на дорогах как многоаспектная социально-педагогическая проблема // Человек и образование. – 2015. – №1. – С. 173–179.
11. Абдульзянов А.Р. Факторы, влияющие на безопасность дорожного движения в регионе // Регионология. – 2017. – № 4(101). – С. 642–655.
12. Баранчикова М.В., Зейналов Ф.Н. Пешеходы как объекты виктимологической профилактики дорожно-транспортных преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2(44). – С. 20–23.

Megapolis: a Sociological Cross-Section of the Culture of Behavior on the Roads

Ilynykh S.A.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to the consideration of the culture of behavior on the roads of the inhabitants of the metropolis. Scientific interest in the megalopolis is explained by the fact that not only socio-economic, socio-cultural, environmental, but also safety problems, including in the field of traffic, are most clearly manifested in its area. With regard to the metropolis, it's more relevant to talk not only about safety, but also about the culture of behavior of residents. The article discusses the typology of risks that arise on the roads. The article describes the structure of the culture of behavior of residents, which includes cognitive and activity components. The article contains the results of an empirical study of the inhabitants of a megalopolis. The scientific novelty of the study is that the low level of the cognitive component in children is associated with the immaturity of the axiological component. Taken together, this can lead to risky behavior. The culture of behavior of the adult population is manifested in the low discipline of all road users – pedestrians and drivers. Poorly learned road behavior in childhood manifests itself later.

Key words: city, metropolis, culture of behavior, household culture, risks, traffic rules

УДК 303+316.354.2+316.455

Актуальная социологическая диагностика синергийных взаимодействий между подразделениями в организации

Крейк А.И.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Актуальным является совершенствование социологического инструментария для диагностики уникального нематериального ресурса – синергии. Цель данного исследования – осуществить апробацию модифицированной авторской методики оценки факторов синергийного взаимодействия (ОФСВ). Для этого автор ставил перед собой следующие задачи: а) провести диагностику выбранного подразделения организации, используя модифицированную методику ОФСВ; б) на основании проведенной диагностики выявить прикладные возможности искомого инструментария. Проведенное исследование продемонстрировало научный и прикладной потенциал разработки синергийной тематики в социологии. Основной результат проведенного исследования – возможность использования модифицированной методики ОФСВ в качестве социологического инструментария для диагностики организаций. Вывод: использованный автором диагностический инструментарий позволяет получить актуальную дополнительную информацию в сравнении с первоначальным вариантом методики. Ценность проведенного исследования заключается в том, что был успешно апробирован разработанный автором никогда ранее не использованный диагностический социологический инструментарий.

Ключевые слова: синергия, управление организациями, согласованные взаимодействия, диагностический инструментарий, социологическая методика

В настоящее время в мировой управленческой практике с середины 60-х гг. XX в. стал все более активно учитываться и использоваться феномен синергии, которая эмпирически исследована и теоретически осмысленна, в частности, такими исследователями, как И. Ансофф [1; 2], Х. Итами [3], В. Ропелла [4], Х. Виссема [5]. Данные авторы рассматривают синергию в первую очередь, исходя из конечного результата, производимого сторонами деловых взаимодействий в организациях. И именно большего результата, чем получилось бы вследствие простого сложения результатов индивидуальной деятельности отдельных сторон взаимодействий. Суть данного феномена может быть выражена формулой $1 + 1 > 2$.

В России феномен синергии на теоретическом уровне является объектом исследования лишь некоторых ученых, например, это отражено в работах А.А. Богданова [6] и А.И. Пригожина [7]. При этом особую значимость имеет использование синергии как ресурса в повседневной управленческой практике, в частности, в управлении организациями. Это обусловлено тем, что организации как формы организованности создаются для достижения определенной цели. Поэтому необходимо, чтобы все подразделения организации работали как единая целостность, то есть все усилия членов организации имели функционально согласованную направленность, подчиняясь единой цели. В этом случае функционально согласованные взаимодействия различных частей организации способны породить качественный скачок в результатах ее деятельности. В этом проявляет себя эффект синергии.

Для управления в современных условиях является существенно важным иметь объективную научно обоснованную информацию о степени функциональной согласованности взаимодействий между подразделениями организации при ее деятельности для достижения конечной цели. И соответственно, понимания уровня синергийного взаимодействия между подразделениями организации. Это может быть обеспечено наличием соответствующего диагностического инструментария. Поэтому автором данной работы была разработана социологическая методика для оценки факторов синергийного взаимодействия между подразделениями организации (далее – ОФСВ) [8]. Для усовершенствования искомой методики автором была осуществлена ее модификация. С целью апробации модифицированной методики ОФСВ была проведена социологическая диагностика с ее использованием в одной из новосибирских производственных организаций, итоги которой представлены ниже.

Для оценки уровня согласованности взаимодействий (а значит, уровня синергийного взаимодействия) между подразделениями организации выделено шесть факторов синергийного взаимодействия и дополнительный, интегрирующий все эти факторы седьмой показатель. Оценка каждого фактора производилась членами диагностируемых подразделений организации по пятибалльной шкале (фактически же это четырехбалльная шкала) со следующими критериями оценки: от 1,0 до 2,0 баллов – «неудовлетворительно»; от > 2,0 до 3,0 баллов – «удовлетворительно»; от > 3,0 до 4,0 баллов – «хорошо»; от > 4,0 до 5,0 баллов – «отлично». Оценка уровня согласованности взаимодействий между подразделениями организации производилась попарно последовательно между всеми ними. Результаты мнений всех членов каждого подразделения суммировались и определялось среднеарифметическое значение оценки уровня согласованности взаимодействий с каждым другим подразделением. Разница между оценкой уровня согласованности взаимодействий между каждой диагностируемой парой подразделений от 1 балла и выше определялась как проявление организационной патологии. При опросе членов диагностируемых подразделений каждый задаваемый вопрос имел два варианта: выяснялось мнение опрашиваемых о согласованности взаимодействий с другим подразделением с точки зрения достижения: а) цели своего подразделения и б) цели всей организации. Модификацией первоначального варианта методики ОФСВ был переход на пятибалльную шкалу и введение двух вариантов задаваемых вопросов.

Для апробации модифицированной методики оценки факторов синергийного взаимодействия был выбран коммерческий департамент организации в составе следующих подразделений: отдел маркетинга, отдел сбыта, отдел продаж и отдел снабжения.

При оценке согласованности взаимодействия между подразделениями «Отдел сбыта» и «Отдел снабжения», согласно полученным данным, выяснилось, что для достижения цели каждого из подразделений она составляет 5 баллов или близко к этому значению; а для достижения общеорганизационной цели колеблется между значениями от 4 до 5 баллов. Причем разница в оценках между подразделениями для обеих вариантов вопросов – не более 0,5 баллов. Это позволяет оценить уровень согласованности взаимодействий между данными подразделениями как имеющий тенденцию приближаться к отличному и наличие близких точек зрения относительно взаимного вклада в производительную деятельность и для всей организации, и для каждого подразделения.

Диагностика согласованности взаимодействия между подразделениями «Отдел сбыта» и «Отдел продаж», согласно полученным данным, выявила «разброс» оценок от несколько больших, чем 3 балла до несколько больших, чем 4 балла взаимного влияния для достижения цели каждого из подразделений; «разброс» оценок взаимного влияния для достижении общеорганизационной цели составляет примерно на 0,5 баллов выше (от 3,5 баллов до 4,5). Но в некоторых случаях разница в оценках взаимной согласованности взаимодействий составляет от 0,1 до 0,95 (высокие значения разницы взаимных оценок относятся к их влиянию на согласованность внутренних взаимодействий, и в этом выявилась фактически функциональная производственная претензия к другому подразделению). В целом уровень согласованности взаимодействий между данными подразделениями требует серьезного анализа и принятия соответствующих управленческих решений со стороны руководства департамента.

Полученные результаты диагностики согласованности взаимодействия между подразделениями «Отдел продаж» и «Отдел снабжения» продемонстрировали следующие значения: «разброс» оценок от несколько больших, чем 3 балла до несколько больших, чем 4 балла взаимного влияния для достижения цели каждого из подразделений; «разброс» оценок взаимного влияния для достижении общеорганизационной цели составляет от 3,3 до 4 (причем, в основном оценки ниже четырех баллов). Разница в оценках взаимной согласованности взаимодействий составляет от 0 до 0,8 (причем более высокие различия во взаимных оценках относятся к их влиянию на согласованность внутренних взаимодействий; соответственно, в данном случае фактически выявилась функциональная производственная претензия к другому подразделению). В целом уровень согласованности взаимодействий между данными подразделениями требует серьезного анализа и при-

нятия соответствующих управленческих решений со стороны руководства.

Результаты оценки согласованности взаимодействий между подразделениями «Отдел продаж» и «Отдел маркетинга» следующие: от 4,2 балла до 5 баллов (причем этих значений или близких к ним – большинство) взаимного влияния для достижения цели каждого из подразделений; «разброс» оценок взаимного влияния для достижении общеорганизационной цели составляет от 4,3 до 5 (причем, этих значений или близких к ним – большинство). Разница в оценках взаимной согласованности взаимодействий составляет от 0 (причем эти значения или 0,1 повторяются чаще всего) до 0,3. В целом уровень согласованности взаимодействий между данными подразделениями можно оценить как имеющий тенденцию приближаться к отличному, а уровень функционального взаимопонимания можно оценить как отличный.

Результаты диагностики уровня согласованности взаимодействия между подразделениями «Отдел маркетинга» и «Отдел снабжения» показывают данное взаимодействие как особенное в сравнении с взаимодействием между всеми другими отделами департамента. Дело в том, что все члены этих двух подразделений единодушно оценили взаимодействие между своими отделами в 3 балла, т.е. как удовлетворительное. В этом случае будет уместен следующий комментарий: деятельность данных подразделений устроена так, что сферы их функционирования слабо соприкасаются и взаимодействие между ними сведено к минимуму. Возможно, руководителю департамента нужно подумать о привлечении отдела маркетинга не только к исследованию потенциальных покупателей, но и к анализу имеющихся поставщиков. Это, в свою очередь, могло бы способствовать повышению эффективности деятельности отдела снабжения. И в то же время повысить уровень согласованности взаимодействия между данными подразделениями.

Полученные результаты диагностики согласованности взаимодействия между подразделениями «Отдел маркетинга» и «Отдел продаж» выявили следующее: для достижения цели каждого из подразделений оценки составляют от 3,3 балла до 4 баллов (причем чаще ближе к этому значению); для достижения общеорганизационной цели оценки также колеблются между значениями от 3,3 балла до 4 баллов (причем чаще ближе к этому значению). Разница в оценках взаимной согласованности взаимодействий составляет от 0 (причем эти значения или 0,1 и 0,2 повторяются чаще всего) до 0,5. В целом уровень согласованности взаимодействия между данными подразделениями требует уделить этому значительное внимание со стороны руководства. В данном случае можно порекомендовать руководителю департамента организовать взаимодействие данных отделов так, чтобы максимально использовать их потенциал.

На основании проведенной апробации модифицированной методики ОФСВ стало очевидно следующее:

1. Вариант пятибалльной шкалы делает для респондентов более удобной работу с диагностическим инструментарием (методикой).

2. Вариативность задаваемых вопросов с ориентацией значимости взаимодействий, исходя из цели подразделения и цели организации, делает методику более информативной для заказчика искомой диагностики.

Таким образом, поставленная автором при апробации модифицированной методики ОФСВ, цель выполнена: проведенное эмпирическое социологическое исследование организации позволило получить изначально запланированный методический результат – реально работающий инструмент для социологической диагностики организаций.

Литература:

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.
2. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 416 с.
3. Itami H. with Roehl T.H. Mobilizing Invisible Assets. – Cambridge: Harvard University Press (Mass.), 1987. – 186 p.
4. Ropella W. Synergie als strategisches Ziel der Unternehmung. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. – 333 s.
5. Виссема Х. Менеджмент в подразделениях фирмы. Предпринимательство и координация в децентрализованной компании. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 288 с.
6. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 1. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
7. Пригожин А.И. Современная социология организаций: учеб. – М.: Интерпракс, 1995. – 296 с.
8. Крейк А.И. Социальная синергия в организациях как фактор их эффективности: дисс. … канд. социол. наук. – Новосибирск: НГАЭУ, 2000. – 167 с.

Current Sociological Diagnostics of Synergies Between Divisions in the Organization

Kreyk A.I.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The improvement of sociological tools for diagnosing a unique intangible resource – synergy is relevant. The purpose of this study is to test the modified author's FEVS method. To do this, the author set himself the following goals: a) to diagnose the selected unit of the organization using a modified FEVS technique; b) on the basis of the diagnostics performed, identify the applied capabilities of the sought tools. The study demonstrated the scientific and applied potential of developing synergistic topics in sociology. The main result of the study is the possibility of using a modified FES methodology as a sociological tool for diagnosing organizations. Conclusion: the diagnostic tools used by the author provide up-to-date additional information in comparison with the initial version of the method. The value of the study is that the author's never-before-used diagnostic sociological toolkit was successfully tested.

Key words: synergy, management of organizations, coordinated interactions, diagnostic tools, sociological methodology

УДК 331

Межрегиональные миграционные процессы: оценка вклада цифрового разрыва

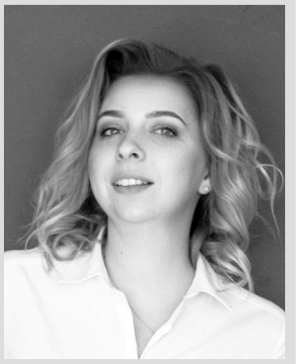
Ларионова Н.И.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и эконометрики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Бурганова Л.А.
Доктор социологических наук, профессор кафедры
государственного управления и социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

Сафиуллина А.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и эконометрики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Кукушкина О.Ю.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

В работе исследуется роль цифрового разрыва в формировании миграционных потоков в российских регионах. Основные методы исследования: эконометрическое моделирование, картографирование, группировка, статистический анализ. Модели строились на основе региональных данных Росстата. В статье тестируются гипотезы о воздействии цифрового разрыва первого и второго уровня на межрегиональную трудовую миграцию. Гипотезы исследования проверяются с помощью оценивания моделей с фиксированными и случайными эффектами на панельных данных. В модели включены переменные, характеризующие уровень цифровизации домохозяйств, экономическое развитие, рынок труда и экономический кризис. Результаты анализа могут быть использованы для разработки миграционной политики.

Ключевые слова: цифровой разрыв, цифровизация, трудовая миграция, межрегиональная миграция

Факторы, определяющие внутреннюю межрегиональную миграцию, довольно давно представляют интерес для исследователей. Детерминанты миграционных потоков в существующей литера-

туре обычно исследуются либо на макро-, либо на микроуровне. Неоклассические макроэкономисты определяют основные факторы миграции как разницу в заработной плате, различия в условиях занятости в разных местах и затраты на миграцию. Неоклассические микроэкономисты сосредотачиваются на рациональном решении людей максимизировать свой доход или их ожидаемую положительную чистую прибыль от пространственной мобильности. Однако, основная идея о том, почему люди мигрируют, заключается в том, что они принимая решения, взвешивают затраты и выгоды от выбора места жительства и переезжают, когда выгоды превышают затраты. При этом территории могут характеризоваться как положительным, так и отрицательным набором характеристик.

Основываясь на обзоре литературы, можно сделать вывод, что в большинстве исследований по миграции изучались межрегиональные или межмуниципальные потоки с упором на экономические детерминанты (доход, безработица, разница в заработной плате) как ключевые переменные, влияющие на решение о переезде.

В ряде более современных работ подчеркивается важность неэкономических факторов при принятии решений о миграции [1; 2]. Эмпирические исследования демонстрируют, что на миграционное поведение также сильно влияют социальные сети, экологическая обстановка, характерная для территории [2; 3]. Следует учитывать, что в последние годы возрастает значимость новых факторов, таких как, например, влияние окружающей среды, цифровизация и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что склонность людей к переезду обычно связана с балансом между получением доступа к лучшим жизненным возможностям в другом месте и потребностью в стабильности, привязанной к месту. Возможно, на этот баланс влияет более полная информация, предоставляемая интернетом, не в последнюю очередь информация, касающаяся основных мотивов миграции. Актуальным для этой дискуссии является представление о том, что интернет меняет конфигурацию доступа к другим территориям и регионам [4; 5], что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) создают новые условия, в которых люди могут управлять своей жизнью [6]. В сочетании с расширенными сетями личных контактов через цифровые медиа, социальные сети способности людей принимать более обоснованные решения о миграции могут возрасти.

Недавнее качественное тематическое исследование свидетельствует о том, что интернет помогает людям в поисках новой работы, лучшего образования и нового жилья, а также в установлении социальных контактов в более широком диапазоне и для больших дистанций, чем раньше [7]. Новое исследование по международной миграции показывает, что интернет играет решающую роль в создании новых возможностей, образа жизни и желаемого местоположения, подпитывая стремление и желание переехать [8; 9].

Например, в исследовании деятельности по поиску работы и мобильности рабочей силы Б. Стивенсон [10] продемонстрировал, что использование интернета на самом деле активизировало деятельность людей по поиску информации, заставляя их читать больше объявлений, подавать заявки на большее количество вакансий и расширять поиск за пределами своего местного рынка труда.

Интернет позволяет людям иметь более расширенную в социальном и пространственном отношении сеть друзей, родственников, знакомых и коллег, с которыми они могут связаться, когда обдумывают свои мечты или намерения переехать [11]. Таким образом, интернет вполне может выступать в качестве движущей силы пространственной мобильности, делая рынки труда, жилья, товаров и услуг более гибкими и доступными.

Определение цифрового разрыва. Дискуссия о цифровом разрыве началась в 1990-х гг. В то время интернет и персональные компьютеры еще не были широко доступны [12]. Экономически развитые регионы, как правило, имели более высокий уровень использования ИКТ [13], а семьи с высоким социально-экономическим статусом чаще имели доступ к интернету [14]. Согласно литературным данным, цифровое неравенство представляет собой дихотомическую переменную, используемую для различия между теми, у кого есть доступ к ИКТ, и теми, у кого нет доступа к нему [15]. Это называется цифровым разрывом первого уровня.

С начала XXI в. популяризация ИКТ сделала интернет легко доступным. Поскольку разрыв в доступе к ИКТ в значительной степени стал падать, академический интерес к цифровому разрыву сместился к различиям в том, как они используются. Можно сказать, что люди различаются по своим цифровым навыкам. Хотя разрыв во владении цифровыми технологиями сократился, отсутствие доступа к экранным технологиям по-прежнему создает цифровой разрыв первого порядка для наиболее обездоленных групп [16].

Чтобы лучше измерить и сравнить различия в навыках и компетенциях в использовании ИКТ, многие ученые пытались сделать их поддающимися количественной оценке [17]. Таким образом, разница в навыках и использовании интернета и других ИКТ называется цифровым разрывом второго уровня.

Не все группы населения в равной степени пользуются интернетом из-за цифрового разрыва первого и второго уровня. Это приводит к возникновению различий в офлайн-выгодах, получаемых от использования интернета, и является цифровым разрывом

третьего уровня [17]. Таким образом, цифровые разрывы возникают, когда существует неравенство в доступе к преимуществам, предоставляемым цифровыми технологиями. В данном исследовании рассматриваются цифровые разрывы первого и второго уровня.

Цель исследования – выявить влияние цифрового разрыва первого и второго уровня на межрегиональную миграцию в России.

Мы рассматриваем взаимосвязь между распространением и использованием информационно-коммуникационных технологий и мобильностью рабочей силы между российскими регионами. Хотя многие факторы могут влиять на решения о передвижении, мы проверяем, может ли разный уровень оснащенности ИКТ и компетенций в цифровой сфере повлиять на выбор внутренних перемещений россиянина. Мы стремимся исследовать, перемещаются ли потоки населения из районов с более низким уровнем цифровизации в районы с более высоким уровнем цифровизации, с учетом социальных и экономических факторов, влияющих на перемещение населения.

Наш анализ вписывается в поток эмпирических работ [18–22], которые исследуют основные детерминанты внутренней межрегиональной миграции страны.

Мы используем следующие спецификации модели:

$$lnEmm_{it} = \beta_0 + \beta_1 PC_{it} + \beta_2 Internet_{it} + \beta_3 UseInt_{it} + \beta_4 Control_{it} + \varepsilon_{it}$$

$$lnImm_{it} = \beta_0 + \beta_1 PC_{it} + \beta_2 Internet_{it} + \beta_3 UseInt_{it} + \beta_4 Control_{it} + \varepsilon_{it}$$

$$Migr_{it} = \beta_0 + \beta_1 PC_{it} + \beta_2 Internet_{it} + \beta_3 UseInt_{it} + \beta_4 Control_{it} + \varepsilon_{it}$$

Зависимые переменные представлены следующими показателями: логарифм числа прибывших из других регионов (а – *Imm*), логарифм числа выбывших в другие регионы (б – *Emm*); миграционный прирост (*Migr*), рассчитанный на уровне регионов.

К переменным, характеризующим цифровой разрыв первого уровня, были отнесены:

– процент домашних хозяйств, у которых есть персональный компьютер (*PC*);

– процент домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (*Internet*);

– население каждый день или почти каждый день, использовавшее сеть Интернет (*UseInt*).

Вектор *Control* включает набор социально-экономических переменных. Некоторые переменные преобразуются в логарифмическую форму для регрессионного анализа. Контрольные независимые переменные были выбраны в соответствии с наиболее часто используемыми в исследованиях миграции показателями [20; 22]:

– среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций/индекс потребительских цен (*lnWage*);

– уровень безработицы (*Unemp*);

– логарифм валового регионального продукта, дефлированный по 2016 году (*lnGRP*);

– средние цены на вторичном рынке жилья/индекс потребительских цен (*Price*);

– удельный вес городского населения в общей численности населения (*City*).

Мы используем официальные данные на региональном уровне от Федеральной службы государственной статистики для 2016–2020 гг.: «Регионы России. Социально-экономические показатели», «Выборочное федеральное наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей».

Главный исследовательский вопрос, который мы пытаемся решить, заключается в том, приводит ли рост использования ИКТ к внутренней межрегиональной миграции в пределах российских регионов и в какой степени.

Ожидается, что регионы с относительно более высоким уровнем распространения и использования ИКТ будут испытывать приток населения, а регионы с низкими уровнями данных показателей его отток.

Пространственный анализ миграционных потоков. На рисунке 1 показано пространственное распределение показателей миграции за 2020 г.

Регионы, окрашенные темным цветом, демонстрируют более высокие показатели миграционных потоков, светлым – более низкие. Республика Северная Осетия – Алания, Еврейская автономная область, Ленинградская область, Москва демонстрируют наибольшие значения по исследуемым

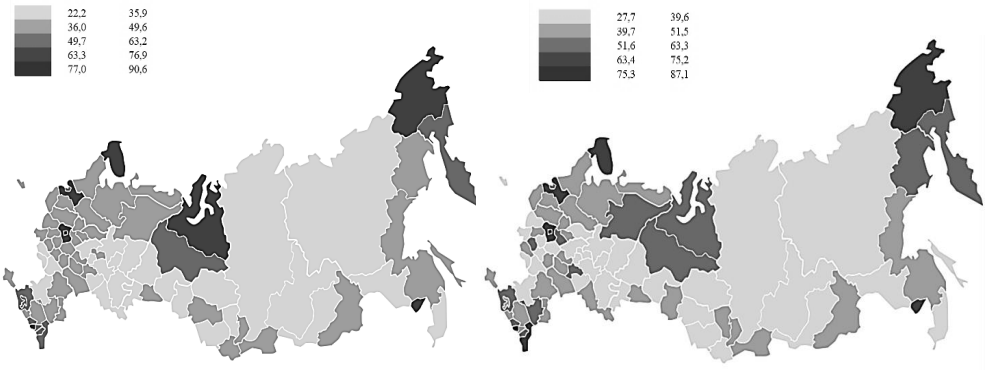

Рис. 1. Распределение числа прибывших из других регионов (а – *Imm*), выбывших в другие регионы (б – *Emm*)

показателям. Наименьшие значения характерны для Пермского края, Республики Саха, Республики Башкортостан, Приморского края и Тюменской области без автономных округов.

Если говорить о миграционном приросте (рис. 2), то практически на всей территории России он был отрицательным на протяжении всего рассматриваемого периода. Положительные значения наблюдаются в Центральном, Северо-Западном и Южном федеральном округах. При этом к регионам с положительным приростом относятся достаточно развитые с экономической точки зрения: Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Краснодарский край, Республика Татарстан.

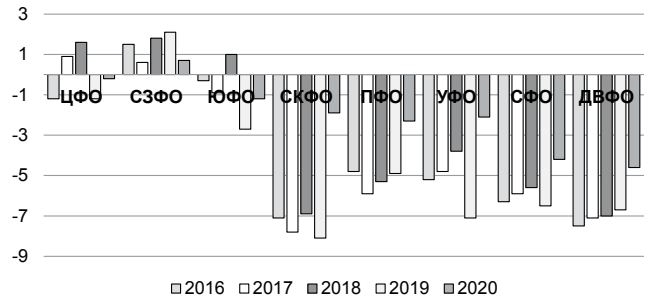

Рис. 2. Динамика миграционного прироста по федеральным округам

Центральный федеральный округ и Северо-Западный федеральный округ характеризуются большой величиной миграционных потоков с преобладающей величиной въезжающих (рис. 3). Лидером по отрицательному миграционному приросту выступает Северо-Кавказский федеральный округ, при этом он находится на третьем месте по количеству въезжающих, но на первом по количеству уезжающих, ситуация улучшается только в 2020 г. Приволжский федеральный округ характеризуется самыми низкими показателями движения населения, как уезжающих, так и приезжающих.

На рисунке 4 представлены картограммы по пространственному распределению интернета. Интернет выбран по двум причинам: во-первых, так как это более дифференцированный и динамичный по регионам показатель цифровизации, во-вторых существующая литература рассматривает именно данную переменную как существенную для миграции.

К лидерами как по охвату интернетом, так и по частоте его использования можно отнести: Магаданскую область, Москву, Чеченскую Республику, Ямало-Ненецкий авт.округ, Ханты-Мансийский авт.округ. К аутсайдерам по этим показателям относятся: Новгородская область, Республика Марий Эл, Рязанская область, Республика Мордовия, Тверская область.

В таблице 1 представлены оценки, полученные методом наименьших квадратов взаимосвязи между показателями миграционного прироста, логарифмом въехавших в регион, логарифмом выехавших из региона, цифровым разрывом первого и второго уровней, экономическими и социальными условиями, характеристиками рынка труда, что дает возможность оценить взаимосвязи между миграционными потоками и цифровизацией в России.

Полученные данные свидетельствуют о наличии статистически значимой взаимосвязи между цифровым разрывом первого уровня и количеством приезжающих в регион и выезжающих из региона. Можно считать, что наличие интернета и персонального компьютера является фактором эмиграции, который оказывает влияние на решения по месту жительства, выступая в качестве подталкивающего фактора к переезду из региона. Можно предположить, что это происходит из-за расширения информации. Кроме того, для иммигрантов значимо наличие интернета, что способствует их постоянной связи с родственниками, оставшимися на родине, и делает переезд более простым. Циф-

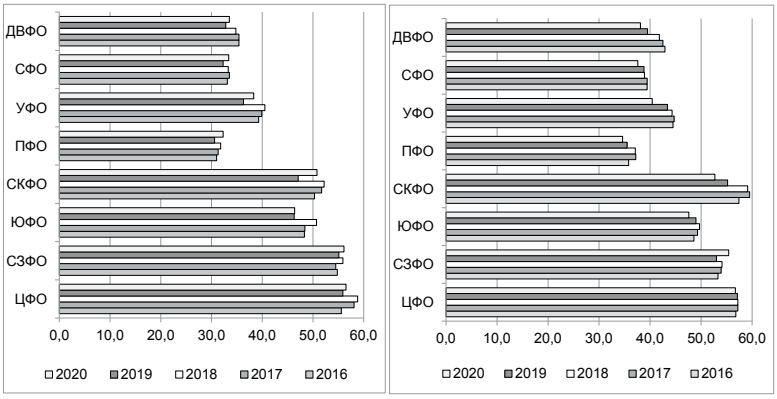

Рис. 3. Динамика числа прибывших из других регионов (а – *Imm*), выбывших в другие регионы (б – *Emm*) по федеральным округам

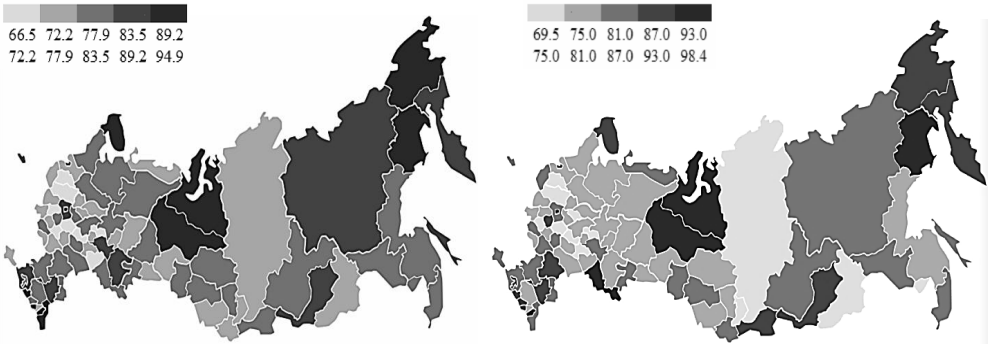

Рис. 4. Пространственное распределение активных пользователей интернета (а), широкополосного интернета (б)

Таблица 1

Оценка влияния цифрового разрыва на миграцию

Переменные	*Migr*		*lnImm*		*lnEmm*	
	Коэффициенты	Стандартные ошибки	Коэффициенты	Стандартные ошибки	Коэффициенты	Стандартные ошибки
UseInt	0.019	0.014	-0.001	0.001	-.0003	0.001
Internet	0.035	0.024	0.001*	0.001	0.002*	0.002
PC	-0.004	0.002	0.001	0.001	0.001*	0.109
Unemp	-0.112*	0.100	-0.011	0.002	-0.012**	0.004
lnWage	0.015*	0.010	0.052*	0.034	-0.049	0.062
lnGRP	0.544**	0.164	0.074*	0.059	-0.111**	0.054
lnPrice	-0.088*	0.042	-0.005***	0.001	0.002**	0.001
City	0.006	0.002	0.005	0.003	-0.006***	0.003
R^2	0.61		0.32		0.31	

Примечание: *p*-значение < 0,01 – ***; 0,05 – **; 0,1 – *.

ровой разрыв второго уровня не показал статистической значимости.

Уровень экономического развития, измеряемый ВРП на душу населения, является статистически значимым и действует как фактор притяжения (для региона назначения), показывая, что люди склонны переезжать в более богатые регионы. Кроме того, этот показатель действует как фактор отталкивания (для региона отправления), население склонно уезжать из неразвитых регионов. Безработица статистически значима и отрицательно связана с количеством уезжающих. Таким образом, она оказывает негативное влияние на отток населения и может рассматриваться как отталкивающий фактор, заставляющий людей переезжать из регионов с более высоким уровнем безработицы в регионы, характеризующиеся большими возможностями трудоустройства на рынке труда. В свою очередь иммигранты склонны выбирать местом своего назначения регионы с низкими уровнями безработицы. Доля городского населения оказывает отрицательное влияние на зависимую переменную – логарифм уезжающих, показывая, что жители стремятся покинуть мало урбанизированные территории. Другой значимой для миграционного процесса переменной рынка труда является заработная плата, низкие доходы населения заставляют людей переезжать в регионы с более высокими уровнями заработка. Рынок жилья также оказывает влияние на миграционные потоки. Таким образом, наши результаты подтверждают утверждение о том, что цифровизация и, в частности, цифровой разрыв первого уровня играет роль в формировании миграционных потоков.

В этом исследовании анализируется роль цифровизации с учетом других социально-экономических факторов в перемещении населения между российскими регионами. Ключевая новизна нашего исследования заключается в анализе роли цифрового разрыва в миграционном приросте, количестве прибывших и количестве выбывших на данных по российским регионам.

Наши выводы показывают, что для миграционных потоков значим цифровой разрыв первого уровня, тогда как значимость цифрового разрыва второго уровня не была доказана. Тем не менее наши выводы согласуются с данными других исследований, которые доказывают, что распространение интернета способствует миграции, что позволяет нам утверждать, что в России процесс цифровизации может повлиять на решение о переезде.

Анализ внутренней межрегиональной миграции в России помогает понять и количественно оценить притягивающие и отталкивающие факторы для мобильности рабочей силы, что может быть использовано при формировании социальной, миграционной и экономической политики.

Литература:

1. Graeme H. Population geography // Progress in Human Geography. – 2007. – Vol. 31(1). – P. 77–88.
2. Golledge R.G. A behavioural view of mobility and migration research // Professional Geographer. – 1980. – Vol. 32(1). – P. 14–21.
3. Fischer P.A., Malmberg G. Settled people don't move: on life course and immobility in Sweden // International Journal of Population Geography. – 2001. – Vol. 7. – P. 357–371.

4. Lundholm E. Are movers still the same? Characteristics of interregional migrants in Sweden 1997–2001 // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. – 2007. – Vol. 98 (3). – P. 336–348.
5. Muhammad S., Ottens H.F.L., De Jong T. Modelling the impact of telecommuting on future urbanisation in the Netherlands // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. – 2008. – Vol. 99(2). – P. 160–177.
6. Dutton W.H. The fifth estate emerging through the network of networks // Prometheus. – 2009. – Vol. 27 (1). – P. 1–15.
7. S. Kesselring Pioneering mobilities: new patterns of movement and motility in a mobile world // Environment and Planning A. – 2006. – Vol. 38. – P. 269–279.
8. Thulin E., Vilhelmson B., Virtual practices and migration plans: a qualitative study of urban young adults // Population, Space and Place. – 2014. – Vol. 20(5). – P. 389–401.
9. Burrell J., Anderson K. "I have great desire to look beyond my world": trajectories of information and communication technology and use among Ghanians living abroad // New Media and Society. – 2008. – Vol. 10. – P. 203–224.
10. Stevenson B. The Internet and job search // Studies of Labor Market Intermediation. National Bureau of Economic Research. – Cambridge. MA, 2009. – P. 67–86.
11. Larsen J., Urry J., Axhausen K. Networks and tourism: mobile social life // Annals of Tourism Research. – 2017. – Vol. 34(1). – P. 244–262.
12. DiMaggio P., Hargittai E., Celeste C. Digital Inequality: from Unequal Access to Differentiated use[M]. Social Inequality // Russell Sage Foundation. – 2004. – P. 355–400.
13. Wijers G.D.M. Determinants of the digital divide: a study on IT development in Cambodia // Technology in Society. – 2010. – Vol. 32 (4). – P. 336–341.
14. Guo C., Wan B. The digital divide in online learning in China during the COVID-19 pandemic // Technology in Society. – 2022. – Vol. 71. – DOI: 10.1016/j.techsoc.2022.102122
15. Cruz-Jesus F., Vicente M.R., Bacao F. The education-related digital divide: an analysis for the EU-28 // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 56. – P. 72–82.
16. Gómez D.C. Technological capital and digital divide among young people: An intersectional approach // Journal of Youth Studies. – 2019. – Vol. 22(7). – P. 941–958.
17. Van Deursen A.J.A.M., Helsper E.J. The Third-Level Digital Divide: Who Benefits Most from Being online? Communication and Information Technologies Annual // Emerald Group Publishing Limited. – 2015. – URL: https://www.researchgate.net/publication/287277656_The_Third-Level_Digital_Divide_Who_Benefits_Most_from_Being_Online
18. Lamonica G., Zagaglia B. The determinants of internal mobility in Italy 1995–2006: a comparison of Italians and resident foreigners // Demographic Research. – 2013. – № 29. – P. 407–440.
19. Piras R. A long run analysis of push and pull factors of internal migration in Italy. Estimation of a gravity model with human capital using homogeneous and heterogeneous approaches // Papers in Regional Science. – 2017. – Vol. 96 (3). – P. 571–602.
20. Sardadvar S., Vakulenko E. Does migration depress regional human capital accumulation in the EU's new member states? Theoretical and empirical evidence // Jahrbuch für Regional Wissenschaft/ Review of Regional Research. – 2021. – Vol. 41. – P. 95–122.
21. Sardadvar S, Vakulenko E. Estimating and interpreting internal migration flows in Russia by accounting for network effects // Socio-Economic Planning Sciences. – 2020. – Vol. 69. – P. 1–14.
22. Fratesi U., Percoco M. Selective migration, regional growth and convergence: evidence from Italy // Regional Studies. – 2014. – Vol. 48. – P. 1650–1668.

Interregional Migration: Assessment of the Digital Divide Contribution

Larionova N.I.
Kazan (Volga Region) Federal University
Burganova L.A.
Kazan National Research Technological University
Safiullina A.M., Kukushkina O.Y.
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper examines the role of the digital divide in the formation of migration flows in Russian regions. Main research methods: econometric modeling, mapping, grouping, statistical analysis. The models were built on the basis of regional data of Rosstat. The article tests hypotheses about the impact of the digital divide of the first and second levels on internal labor migration. The research hypotheses are tested by evaluating fixed and random effects models on panel data. The models include variables characterizing the level of digitalization of households, economic development, the labor market, and the economic crisis. The results of the analysis can be used to develop migration policy.

Key words: digital divide, digitalization, labor migration, interregional migration

УДК 316.42

Молодежь и цифровое потребление в контексте социализации новых поколений

Мухаметшин Р.М.
Аспирант кафедры общей и этнической социологии
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета

Актуальность данного исследования обусловлена формированием нового, еще мало изученного феномена – цифрового потребительского контента и поиске путей формирования новых способов взаимодействия общества с молодежью в рамках данного феномена. Многие исследователи задаются вопросом, как влияют цифровые технологии на молодежь. Опираясь на результаты опросов общественного мнения, автор демонстрирует, каким образом доступ к широкому спектру контента влияет на формирование ценностей, убеждений и поведения нового поколения. Целью исследования является анализ роли социальных сетей, онлайн-платформ и других цифровых ресурсов в процессе становления личности молодого человека. Для этого решается ряд задач, в том числе: выявление интересов молодежи в сфере использования интернет-ресурсов; определение структуры цифрового потребления; выявление факторов цифровой социализации молодежи. Новизна данного исследования заключается в представленных выводах о том, как цифровой мир оказывает влияние на молодежь, на ее представления об обществе, в котором она существует. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных выводов в обосновании адаптивной модели цифровой социализации молодежи.

Автор приходит к выводу, что влияние цифровых технологий на социализацию молодёжи имеет как положительные, так и негативные последствия, а цифровое потребление оказывает значительное влияние на социализацию молодежи и требует дальнейших научных исследований и внимания со стороны общества.

Ключевые слова: цифровизация, реальность, виртуальность, молодежь, социальные сети, онлайн-платформы, социализация

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи. Молодые люди используют смартфоны, планшеты, ноутбуки и другие гаджеты, постоянно находясь в онлайн-пространстве. Целью нашей исследовательской работы является выявление того, как влияет цифровое потребление на социализацию нового молодого поколения, на формирование его ценностей и поведенческих моделей. В данной работе будут представлены тренды потребительского поведения молодых людей в цифровом пространстве.

Молодежь и цифровое потребление являются актуальными темами в научном мире. С развитием технологий и доступностью интернета молодежь все больше времени проводит в сети. Так, по результатам исследований было выявлено, что доля молодых людей, ежедневно выходящих в сеть Интернет, превысила 90 %, а практически не пользующихся интернетом оказалась менее 1 % [1, с. 180], что свидетельствует о повышенном уровне потребления контента различных форматов. Этот феномен вызывает вопросы о влиянии цифрового потребления на психологию и поведение молодежи, а также об эф-

фективности использования цифровых технологий в образовании и культуре. Анализ этой темы позволит не только понять положение современного поколения, но также поможет выработать рекомендации для создания более эффективных стратегий взаимодействия с молодежью в цифровой среде. Это делает разработку данной темы важным направлением для дальнейших исследований и позволяет понять, какие изменения могут произойти в обществе в будущем.

Цифровое потребление имеет значительное влияние на процесс социализации современного поколения. С развитием технологий и увеличением доступности интернета молодые люди сталкиваются с огромным количеством информации, развлечений и возможностей для общения. Материалы опроса российской молодежи старше 18 лет, проведенного онлайн-панелью «Анкетолог» на выборочной совокупности 1800 чел., о том, в каких социальных сетях больше всего присутствуют респонденты, позволили получить следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какими социальными сетями и/или мессенджерами Вы пользуетесь?» [2]

Варианты использования социальных сетей молодежью	Доля ответивших, %
WhatsApp	87
Вконтакте	74
YouTube	64
Инстаграм (*Instagram*[1])	61
Telegram	54
Одноклассники	45
Viber	40
Фейсбук (*Facebook*[1])	32
ТикТок (*TikTok*)	24

Как видно из представленных данных, в лидерах оказались такие мессенджеры, как *WhatsApp*, *Вконтакте*, *YouTube*. Показатели опрошенных молодых россиян свидетельствуют о том, что они поддерживают отечественную платформу *Вконтакте*, хотя сразу за ней по полярности идет *Instagram*[1]. Учитывая тот факт, что данная сеть признана в России экстремистским источником информации, молодежь тем не менее продолжает ею активно пользоваться. Заметно хуже себя чувствуют *Facebook*[1] и *Tik Tok* в связи с запретом данных платформ на территории России.

В целом результаты опроса свидетельствуют о том, что социальные сети становятся площадкой для развития коммуникативных навыков. Молодежь учится выражать свои мысли кратко и точно, умеет аргументировать свою точку зрения, обсуждать важные для себя темы. Правильное использование соцсетей может помочь расширить круг общения, развить личные качества и даже найти новые возможности для развития. Однако важно помнить и об опасностях, которые могут подстерегать их в виртуальном мире, и научиться умело ими управлять.

Нужно выяснить, что именно интересует молодежь в интернете. Мы поставили целью выяснить, для чего больше всего молодежь использует интернет, с чем соприкасается в сети, что позволит сформировать целостную картину о ее цифровой социализации. В аспекте изучения российской молодежи, можно отметить проведенное в апреле 2023 г. репрезентативное всероссийское исследование «Цифровая социализация и цифровая компетенция российской молодёжи» [3], в ходе которого были получены следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Результаты репрезентативного исследования «Цифровая социализация и цифровая компетенция российской молодёжи» [3]

Варианты использования сети Интернет молодёжью	Доля ответивших, %
Как средство общения	76
Для самообразования, расширения кругозора	63
Для получения новостей	61
Для поиска информации об отдыхе и развлечениях	53
Как источник массовой культуры (кино, сериалы, музыка, литература)	52
Для хобби и увлечений	47

Нужно отметить, что уровень цифровой грамотности у молодого поколения высокий. Учитывая большой процент молодежи, высоко оценивающей свои цифровые навыки, мы можем ожидать дальнейшего роста использования передовых цифровых услуг и инструментов, связанных с интернетом. Если взять общий процент опрошенных молодых людей, которые полагаются на социальные сети при получении новостей, эта тенденция скорее всего сохранится, потенциально увеличивая влияние этих платформ на общественное мнение и распространение информации.

Сектор использования интернета молодым поколением широк – от развлечения до социально значимых интересов и проектов. Зачастую интернет используется как источник получения новостей и информации о значимых событиях в обществе, стране и мире. При этом нужно отметить положительный факт того, что молодежь находит оптимальный баланс между развлечениями и самообразованием в интернете, тем самым обеспечивая себе всестороннее развитие. Так, на поиск информации об отдыхе

[1] Соцсети «*Facebook*» и «*Instagram*» запрещены в России, принадлежат корпорации *Meta*, признанной экстремистской.

и развлечениях в интернете указали 53 % респондентов, что в процентном соотношении меньше, чем показатель использования образовательно-развивающего материала – 63 %. Такие данные говорят о том, что молодежь стримится к самосовершенствованию и обогащению своего внутреннего мира. Также необходимо подчеркнуть важность использования социальных сетей во взаимодействии с молодежью как в работе государственных и муниципальных структур, так и в деятельности педагогов в процессе обучения молодежи, для эффективного распространения информации и образовательного контента с целью увеличения положительного результата.

Социализация молодежи через присутствие в социальных сетях играет очень важную роль в ее жизни. Сети помогают молодым людям развивать навыки общения, устанавливать новые связи и находить единомышленников. Благодаря социальным сетям они могут следить за новостями, участвовать в обсуждениях различных тем, получать информацию о событиях и акциях. Также социальные сети предоставляют возможность показать себя и свои достижения, что способствует повышению самооценки и уверенности.

Однако важно помнить, что постоянное присутствие в социальных сетях и интернете может привести к зависимости. Обратимся к результатам проведенного опроса россиян [4], результаты которого приведены в таблице 3.

Нам интересна группа людей в графах от 18–24 и 25–34 года. Самый большой показатель в процентном соотношении демонстрируют именно эти две графы, что свидетельствует о том, что молодежь находится в зоне повышенного присутствия в интернете, а это уже может оказывать негативное влияние на психическое и физическое здоровье. Поэтому необходимо соблюдать здравый баланс и использовать социальные сети рационально.

Одним из основных аспектов влияния цифрового потребления на социализацию молодежи является изменение способов коммуникации. Современные технологии позволяют молодым людям поддерживать связь с друзьями и знакомыми, обмениваться информацией и участвовать в различных онлайн-сообществах. Это может как усиливать социальные связи, так и приводить к изоляции от переизбытка внимания к виртуальному миру, при этом чрезмерная зависимость от цифровых технологий способна послужить причиной потери реальных контактов.

Актуальность виртуального мира возрастает с каждым днем, а «цифровая социализация молодежи строится на социальных установках и ориентирах развития человека в виртуальном мире…» [5, с. 63]. Виртуальный мир и мир реальный взаимосвязаны, однако в какие-то моменты реальный начинает уступать виртуальному, особенно в мировоззрении молодежи. Поэтому важно обсуждать эти проблемы с молодежью и обучать ее правилам безопасного и этичного поведения в интернете.

Помимо этого, цифровое потребление оказывает влияние на формирование ценностей и мировоззрения молодежи. Стремительное распространение информации в интернете может приводить к сбивчивости взглядов и недостаточной критической оценке получаемой информации. Молодые люди могут стать уязвимыми перед влиянием оспариваемых и неоднозначных идей, а также подвергаться воздействию цифровых медиа и рекламы.

Подходя к заключению о проведенной исследовательской работе, можно резюмировать следующее. Потребление в цифровом пространстве имеет как положительные, так и отрицательные аспекты с точки зрения влияния на социализацию молодежи. С целью эффективного адаптационного развития в сегодняшнем обществе важно обратить внимание на молодежь для того, чтобы продемонстрировать ей возможности инструментов анализа и критического мышления, рассказывать о той или иной информации, которая поглощается большими объемами в сети Интернет.

Выделим ряд ключевых аспектов, которые были выявлены в данной статье:

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Вы пользуетесь интернетом? Если да, то как часто?» (в процентах от всех опрошенных) [4]

Варианты ответов	Возраст опрошенных				
	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Провожу в интернете более четырех часов ежедневно	86	50	39	29	13
Ежедневно менее четырех часов в день	10	42	48	47	31
Несколько раз в неделю	2	3	3	10	10
Несколько раз в месяц	0	2	1	3	4
Редко, но не менее одного раза в полгода	0	1	1	0	1
Практически не пользуюсь	2	2	8	11	41

▪ Социальные сети. Из представленных результатов социологических исследований можно сделать вывод, что молодые люди проводят большую часть своего времени в социальных сетях, таких как *Вконтакте*, *Telegram*, *Instagram*[1] и др. Главная функция данных сетей

[1] «*Instagram*» запрещены в России.

– это коммуникация. Важным фактором является формирование социально-коммуникативных навыков, формирование взглядов на мир.

▪ Онлайн-образование. Мир современных технологий предлагает новые способы получения знаний и самообразования. Такой способ не имеет в себе ограничений, он предлагает обширный взгляд на информацию. Таким образом, у молодого человека выстраивается свое представление о мире, которое влияет на поведенческие модели, и формируется система компетентностей.

▪ Воздействие медиа. Широко известные площадки стриминговых платформ, видеотрансляций и видеохостинга имеют существенное воздействие на молодежь. Цифровое потребление, сконцентрированное на видеоплощадках *VK* видео и *YouTube*, обладает большим обхватом зрителей, на которых осуществляется влияние транслируемых материалов. Молодежь ретранслирует все принятое на себе и становится носителем ценностей, полученных изданными источниками, что меняет ее поведение и интересы.

▪ Интернет-активизм. Молодежь использует цифровые технологии для активизма и выражения своих взглядов на социальные, политические проблемы. Молодежь образует различные сообщества в пространстве виртуального мира, где есть свои внутренние правила и законы. Существующие социальные движения, дискурсы и все то, что относится к активному присутствию в интернете, приобретает свой специфический облик. В связи с этим мы можем утверждать, что цифровое потребление молодежи внесло свои коррективы в практики социальной активности нового поколения.

В целом, цифровое потребление оказывает значительное влияние на социализацию молодежи и формирование ее ценностей и поведенческих моделей, поскольку оно предоставляет доступ к широкому кругу информации, общению и развлечениям, которые, в свою очередь, могут моделировать мировоззрение и поведение.

Направление исследований о социализации молодежи в цифровом пространстве требует более длительного и глубокого мониторинга и наблюдения за проблемой. Работа над поставленной целью позволит охарактеризовать новый тип личности, который формируется в виртуальном пространстве. Понимание того, какие изменения нужно внести в образовательную и воспитательную систему, чтобы молодежь могла адекватно функционировать в цифровом мире, является одной из приоритетных задач современного общества. Также важны различные исследования, для оценки влияния цифровых технологий на психологическое состояние и поведение молодежи. Только таким образом мы сможем обеспечить успешную социализацию молодежи в цифровом пространстве и защитить ее от негативного воздействия различных онлайн-угроз.

Литература:

1. Максимова О.А., Лаукарт-Горбачева О.В. Информационно-сетевые ресурсы в повседневных практиках цифрового поколения: структура и особенности потребления // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 179–182.
2. Анкетолог: Институт общественного мнения. – URL: https://iom.anketolog.ru/2021/10/19/rol-socsetej-v-zhizni-rossiyan (дата обращения: 30.05.24).
3. Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи: текущие результаты исследований. – URL: https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-socialnyh-nauk/kafedra-sociologii/sociologicheskaya-masterskaya/cifrovaya-socializaciya-i-cifrovaya-kompetentnost.html (дата обращения: 21.05.2024).
4. Цифровой детокс – 2023 // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego (дата обращения: 21.05.2024).
5. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи // Социология. – 2023. – № 3. – С. 59–66.

Youth and Digital Consumption in the Context of Socialisation of New Generations

Mukhametshin R.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The relevance of this study is conditioned by the formation of a new, still poorly studied phenomenon – digital consumer content and the search for ways to form new ways of interaction between society and youth within the framework of this phenomenon. Many researchers ask how digital technologies affect young people. Based on the results of public opinion polls, the author demonstrates how access to a wide range of content affects the formation of values, beliefs and behaviour of the new generation. The aim of the study is to analyse the role of social networks, online platforms and other digital resources in the process of young people's identity formation. For this purpose, a number of tasks are solved, including: identifying the interests of young people in the use of Internet resources; determining the structure of digital consumption; identifying the factors of digital socialisation of young people. The novelty of this study lies in the conclusions provided about how the digital world influences young people, their perceptions of the society in which they exist. The practical significance of the work is due to the possibility of using the findings in substantiating an adaptive model of digital socialisation of young people.

The author concludes that the impact of digital technologies on the socialisation of youth has both positive and negative consequences, and digital consumption has a significant impact on the socialisation of youth and requires further research and attention from society.

Key words: Digital, reality, virtuality, youth, social media, online platforms, socialisation

УДК 316.344; 316.422

Теоретические подходы к стратификации пожилых онлайн-покупателей*

Олумекор М.
Научный сотрудник Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Онлайн-торговля стала важной частью социально-экономической жизни России. Однако исследования показывают, что пожилые люди в меньшей степени участвуют в онлайн-покупках, чем молодежь. Это неравенство имеет очень важные последствия для развития современного общества. Поэтому в данной статье рассматриваются различные подходы к объяснению социальной стратификации пожилых людей в онлайн-шопинге в России. Выявлено, что существуют две основные причины неравного участия пожилых покупателей в онлайн-шопинге. Первая причина связана с их неравными знаниями об онлайн/ИТ-продуктах и услугах, в то время как вторая причина связана с текущим строительством онлайн-инфраструктуры. По мере продвижения России к цифровому обществу становится все более важным решать проблемы и обеспечивать, чтобы пожилые люди были полноправными участниками этого общества. В работе приводятся результаты, которые могут использовать компании, надеющиеся привлечь пожилых потребителей, и политики работающие над проблемой преодоления социального неравенства.

Ключевые слова: социальная стратификация, интернет, цифровизация, онлайн-торговля, электронная коммерция, Россия, пожилые покупатели, потребительское поведение, неравенство

Движение к цифровизации социально-экономической системы общества активизировалось практически во всех странах мира, а развитие онлайн-торговли товарами и услугами стало приоритетным не только для предприятий и потребителей, а также и для социально-экономической системы в целом. В соответствии со «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», российское правительство стремится создать «информационное общество – общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [1]. Российское общество также ускоряется в достижении этой цели. В результате как федеральные, так и региональные власти уделяют большое внимание улучшению качества социальных онлайн-услуг.

Что касается пожилых людей в России, то их потребительское поведение явно отличается от поведения молодых людей. Данные Делойта [2] показывают, что, хотя 61 % людей в возрасте от 26 до 35 лет покупают товары онлайн по крайней мере раз в месяц, только 41 % людей старше 55 лет совершают онлайн-покупки и с возрастом их число сокращается. Чтобы понять социальную стратификацию пожилых людей, мы сначала обсудим ведущие социологические теории, которые легли в основу нашего анализа.

Во-первых, с точки зрения теории социального класса, капитал является важнейшим фактором, определяющим мотивацию людей к использованию товаров и услуг. Согласно П. Бурдье [3; 4], на поведение потребителей влияет владение капиталом и контроль над ним. В обществе потребления существует четыре основных типа капитала: культурный, состоящий из знаний, навыков, вкусов и предпочтений, социальный капитал, состоящий из сетей и связей, экономический капитал, состоящий из денег и других видов активов, и символический

* **Благодарности:** исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».

капитал, состоящий из таких вещей, как признание и престиж. П. Бурдье утверждал, что капитал является основным инструментом приобретения контроля в обществе и непосредственно ответственен за расслоение общества. Еще одной значимой теорией является теория социального влияния [5]. Социальное влияние является одним из наиболее часто анализируемых факторов, формирующих поведение индивида в сети. Согласно В. Венкатешу и Ф.Д. Дэвису [6], социальное влияние важно потому, что люди часто ведут себя определенным образом, если считают, что близкие им люди одобряют такое поведение.

Кроме того, сетевая теория информационных технологий играет важную роль в социологии. Согласно М. Кастельсу [7; 8], сети — это наборы взаимосвязанных узлов, которые в настоящее время являются новой парадигмой, формирующей человеческое общество. Сети являются основными движущими силами современной культуры, экономики и политики не только на местном, но и на глобальном уровне. Благодаря интернету и распространению глобализации сети стали организующей основой обществ и состоят из горизонтальных и вертикальных структур. В то время как горизонтальные сети соединяют узлы со схожими функциями или характеристиками, вертикальные сети соединяют узлы с различными функциями или характеристиками.

Теория социальной идентичности также объясняет мотивацию людей. Г. Тайфел и Дж. Тернер [9] показали, что люди стремились ассоциировать себя с определенной социальной группой, которую называют «внутренней группой», в то же время противопоставляя себя другим, которые являются «внешней группой». Люди часто заинтересованы в развитии позитивной социальной идентичности, которая помогает повысить их самооценку, и они рассматривают себя через призму своей группы. Они также перенимают общие характеристики этой группы, что в итоге влияет на принятие ими решений. Иногда это может привести к предвзятости, формированию стереотипов и конфликтам.

Следует также указать на работы российских исследователей, в которых также анализировалось социальное расслоение людей. Примечательным является исследование Т.И. Заславской [10], которая показала, что социально-экономическое положение людей является наиболее важным фактором, определяющим их социальную стратификацию. В других исследованиях использовалась неовеберианская концепция жизненных шансов для анализа социальной стратификации в России [11], позволившая выявить, что такие факторы, как возраст, состояние здоровья, состав семьи и региональное развитие, могут играть очень важную роль в социальной стратификации российского общества [12]. Кроме того, исследования также показывают, что пожилые люди являются неравноправными участниками онлайн-покупок [13; 14].

Основываясь на всех вышеупомянутых подходах, мы выделяем пожилых онлайн-потребителей в отдельную группу на основе двух основных критериев стратификации: знание онлайн-продуктов и услуг в области информационных технологий (*IT*) и построение онлайн-инфраструктуры (рис. 1).

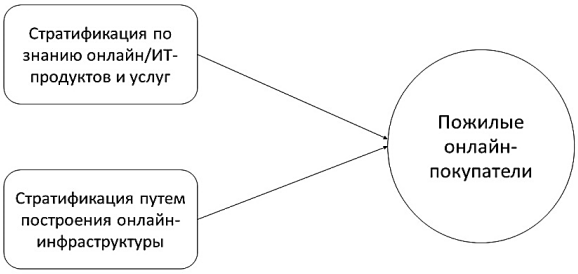

Рис. 1. Стратификация пожилых людей в онлайн-торговле

Стратификация по знанию онлайн/ИТ-продуктов и услуг. Следуя определению С.Е. Гасумовой [15], мы определяем знание онлайн/ИТ-продуктов и услуг среди пожилых людей как владение знаниями, навыками и умениями, необходимыми для организации информационных процессов с использованием современных технических устройств, таких как смартфоны и компьютеры с доступом в интернет. Согласно результатам работ М. Кастельса [8], знание информации и доступ к ней являются основной системой стратификации в сетевом обществе, пожилые люди сталкиваются с уникальными историческими вызовами. Это происходит главным образом потому, что они родились во времена, предшествовавшие распространению интернета и других ИТ-продуктов и услуг, что систематически отделяет их от других членов общества. Необходимо помнить, что первая онлайн-транзакция по совершению покупок была проведена в Соединенных Штатах Америки только в 1994 г. И хотя онлайн-шопинг появился в России в конце 1990-х гг., он не был популярным до начала 2000-х гг., времени, когда большинство пожилых людей уже стали взрослыми среднего возраста.

Это можно сравнить с уровнями разговорного языка носителей языка и говорящими на языке, который для них не является родным. В то время как носители языка, как правило, могут счесть, что говорить на родном для них языке не составляет труда, люди, не являющиеся носителями языка, должны приложить определённые усилия для изучения языка, чтобы иметь хоть какой-то шанс его понять. Поэтому, чтобы получить представление о том, как пользоваться онлайн-инструментами и сервисами, пожилым людям часто требуются специализированное обучение и дополнительные ресурсы для продолжения этого обучения. Это систематически создает неравноправную структуру в обществе, где

одна группа людей (молодежь) в значительной степени владеет онлайн-инструментами или сервисами, в то время как другая группа (пожилые люди) с трудом ими пользуется. Кроме того, поскольку пожилые люди, как правило, завершили свое образование задолго до того времени, когда интернет и онлайн-покупки стали очень популярными, они скорее всего не прошли обучение, не получили знания о продуктах, связанных с ИТ, в российской школьной системе, что еще больше отделяет их от остального населения. Это ставит пожилых людей как группу в неравноправное положение по сравнению с другими возрастными группами в мире, который становится все более цифровым. Предыдущие исследования, проведенные в России, подчеркивали влияние информационного неравенства на российское население [16].

Стратификация путем построения онлайн-инфраструктуры. Мы определяем онлайн-инфраструктуру как технические и нетехнические онлайн-системы, включая дизайн веб-сайтов, мобильных или настольных приложений и связанных с ИТ продуктов или гаджетов. Долгосрочные исследования доказывали, что нынешнее построение онлайн-инфраструктуры создает систему неравенства по отношению к пожилым людям. В процессе старения пожилые люди претерпевают физические изменения, такие как деградация зрения, слуха и когнитивных способностей. Это заставляет их предъявлять особые требования к адаптации доступа к системам онлайн-покупок и использования их, тем самым выделяя эту социальную группу от других социальных групп в обществе. Например, Хоторн [17] утверждал, что нынешний дизайн интерфейса ИТ-продуктов и услуг недоступен для пожилых людей, что убедительно доказано примерами, приведенными выше. Другие исследования показали, что пожилым людям может потребоваться другой размер компьютерных иконок и более персонализированный дизайн веб-сайта [18; 19], тем не менее существует широкий научный консенсус в отношении того, что существующая инфраструктура интернет-магазинов в первую очередь предназначена для привлечения и удержания молодежи, тем самым намеренно или непреднамеренно дискриминируя пожилых людей [13; 20]. В результате пожилые люди не могут пользоваться онлайн-продуктами и услугами, потому что их потребности не удовлетворяются, а люди, отвечающие за онлайн-инфраструктуру, не могут сделать ее доступной для пожилых людей, потому что чувствуют, что они в ней не заинтересованы.

Таким образом, мы характеризуем потребительское онлайн-поведение пожилых людей как важный социально-экономический феномен, а самих пожилых потребителей как отдельную социальную группу в системе социальной стратификации онлайн-потребления, которая требует особого внимания научных исследований.

Литература:

1. Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. – 2017. – Vol. 3. – № 24. – P. 71–76.
2. Deloitte. Consumption in Russia – 2019. – URL: https://www2.deloitte.com/ru/en/pages/consumerbusiness/ articles/2019/consumption-in-russia.html (дата обращения: 19.01.2020).
3. Bourdieu P. The Forms of Capital // The Sociology of Economic Life. – New York: Routledge, 2011. – P. 46–58.
4. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. – Harvard University Press, 1987. – 640 p.
5. Fishbein M., Ajzen I. Belief, attitude, intention, and behavior: An introduction to theory and research. – Addison-Wesley, 1975. – 578 p.
6. Venkatesh V., Davis F.D. A Theoretical Extension of the Technology Acceptance Model: Four Longitudinal Field Studies // Manage Sci. – 2000. – Vol. 46. – № 2. – P. 186–204.
7. Castells M. A Network Theory of Power // Int J Commun. – 2011. – Vol. 5. – P. 773–787.
8. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // The network society: a cross-cultural perspective. – Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. – P. 3–45.
9. Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / ed. Worchel S., Austin W.G. Monterey. – California: Brooks/Cole Publishing Co, 1979. – P. 33–37.
10. Zaslavskaia T.I. The Social Structure of Contemporary Russian Society // Sociol Res. – 1998. – Vol. 37. – № 1. – P. 5–31.
11. Аникин В.А. Социальные классы новой России – Неравные и разные // Социологические исследования. – 2020. – № 2. – P. 31–42.
12. Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры Российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 22–32.
13. Olumekor M., Polbitsyn S. Online Consumer Behaviour: Opportunities and Challenges for the Elderly // Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship 2021. – Academic Conferences International Ltd, 2021. – P. 1190–1195.
14. Олумекор М. Социальная стратификация пожилых онлайн-покупателей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2024. – Vol. 10. – № 1. – P. 39–52.
15. Гасумова С.Е. Отношение пожилых людей к сети Интернет и мобильной телефонной связи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 3(27). – P. 161–171.

16. Чугунов А.В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 320 с.
17. Hawthorn D. Possible implications of aging for interface designers // Interact Comput. – 2000. – Vol. 12. – № 5. – P. 507–528.
18. Kurniawan S.H. et al. Personalising web page presentation for older people // Interact Comput. – 2006. – Vol. 18. – № 3. – P. 457–477.
19. Lindberg T., Näsänen R., Müller K. How age affects the speed of perception of computer icons // Displays. 2006. – Vol. 27. – № 4–5. – P. 170–177.
20. Olumekor M., Polbitsyn S.N. A review of the development of electronic commerce in Russia and its implications for small businesses // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. – 2022. – Vol. 16. – № 1. – P. 143–148.

Theoretical Approaches for the Stratification of Older Online Buyers

Olumekor M.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Online shopping has become an important part of the socioeconomic life of Russia and other countries in the world. However, research shows that older-aged people participate less in online shopping than younger-aged individuals. This inequality has very important implications for the development of modern societies. Therefore, this article examines various approaches for explaining the social stratification of older people in online shopping in Russia. It is revealed that there are two main reasons for the unequal participation of older buyers in online shopping. The first reason is due to their unequal knowledge of online/IT products and services, while the second reason is due to the current construction of online infrastructure. As Russia moves towards a digital society, it becomes more important to address these challenges and ensure that older people are full participants of society. This article provides a vital resource for businesses hoping to attract older consumers and policymakers working to reduce social inequality.

Key words: social stratification, internet, digitalisation, online shopping, electronic commerce, Russia, older buyers, consumer behaviour, inequality

УДК 37.014.54

Реализация государственной молодежной политики в университете: ключевые приоритеты и критерии ее эффективности

Островкин Д.Л.
Кандидат исторических наук,
проректор по социальной и воспитательной работе
Уральского государственного лесотехнического университета
(Екатеринбург)

Сандлер Д.Г.
Доктор экономических наук, доцент,
первый проректор по экономике и стратегическому развитию
Уральского федерального университета имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В настоящий момент реализация государственной молодежной политики, состоящей из большого числа направлений, различных по содержанию, становится одним из основных приоритетов работы университета. Вместе с тем в исследовательской литературе до сих пор не рассматривался вопрос о приоритетности реализации ключевых направлений деятельности, которые могут стать драйверами развития образовательной организации высшего образования, а также возникающими противоречиями в процессе их исполнения. В качестве информационной базы в работе использовалось экспертное анкетирование, проведенное со 145 проректорами российских университетов из 52 субъектов РФ. Фокус цели исследования был сосредоточен на разработке практических рекомендаций реализации молодежной политики, изучении степени и характера ее влияния на основные направления деятельности вуза, что, в свою очередь, позволит конкретизировать критерии эффективности заявленной политики. В качестве основных итогов содержатся выводы о специфике и значимости молодежной политики, перспективные направления ее реализации с точки зрения рейтинговых позиций вуза, экономической эффективности и стратегического планирования деятельности университета, а также сопоставительные данные о финансовой поддержке выделенных направлений. Кроме того, практическая значимости и новизна исследования состоят в том, что авторы на основе экспертной оценки впервые в научной литературе предприняли попытку выделения практических критериев, необходимых для использования оценки эффективности молодежной политики в университете как части управленческой деятельности по достижению стратегических целей развития вуза.

Ключевые слова: молодежная политика, университет, вуз, экономика, стратегия

Реализация молодёжной политики является важным аспектом социальной политики любого государства. В первую очередь, она направлена на создание условий для успешной социализации молодёжи, её самореализации в различных сферах деятельности и наиболее полной реализации творческого потенциала. Значение молодёжной политики заключается и в том, что она способствует

формированию активного гражданского общества, повышению качества жизни населения и развитию экономики страны. О важности осуществления системной молодежной политики еще раз подчеркнул Президент России Владимир Путин на заседании Госсовета по развитию этой сферы, назвав ее «стратегически важной» [1].

В свою очередь, молодежная политика представляется существенным направлением для реализации в университетской жизни. Организация высшего образования выполняет роль не только в обогащении молодого человека учебными знаниями, но и взаимодействуя с ним в период выбора траектории дальнейшего развития, создает условия для успешного формирования личности человека с его уникальными способностями и талантами. В связи с этим актуальность исследования обусловлена повышением социальной ответственности вузов в части реализации молодежной политики в университете, которая является важнейшим инструментом формирования приверженности молодых людей общенациональным и традиционным ценностям российского общества, их вовлеченности в общественно-политическую, социокультурную и профессиональную деятельность.

На сегодняшний день учредитель наибольшего количества вузов в стране в лице Министерства науки и высшего образования РФ проводит целенаправленную политику по выстраиванию единых подходов к молодежной политике и воспитательной работе в российских университетах, которые выражены в этапах на рисунке 1.

Кроме того, в конце 2022 г. был опубликован ряд нормативных поручений, влияющих на сферу молодежной политики. Так, был издан Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2], который отмечает, что важным элементом, формирующим систему ценностей, является работа со студенческой молодежью, в конце 2022 г. на заседании Госсовета Президентом РФ были даны поручения, направленные на повышение эффективности молодёжной политики в стране [3].

Таким образом, все вышеперечисленные подходы демонстрируют, что в России разработка и реализация направлений молодежной политики происходит на всех уровнях власти. В связи с этим целью данной статьи является выработка практических рекомендаций реализации молодежной политики в университете как инструмента развития гражданско-патриотического, духовно-нравственного воспитания молодежи. Кроме того, авторская гипотеза состоит о том, что эффективная реализация молодежной политики в вузе может являться существенным обстоятельством, влияющим на социальную ответственность университетов и развитие профессиональных компетенций студентов. Практическая значимость исследования заключается в анализе установок проректоров российских вузов в отношении реализации ключевых направлений молодежной политики, их сопоставительная оценка поддержки на уровне государства, а также определение критериев ее эффективности. Отметим, что данная работа является продолжением ранее начатым авторами исследований по выявлению роли молодежной политики в стратегическом развитии университетов.

Проблемы реализации молодежной политики традиционно находятся в фокусе многих исследователей. Однако, в основном, рассматриваются с точки зрения социопедагогической направленности. Так, авторы обращают внимание на трансформацию среды и смысловых конструкций в сознании молодежи [4], а также указывают на резкие изменения в жизненных планах и факторных моделях при принятия решений молодежи по отношению к изменениям внешней среды [5; 6]. Исследователи справедливо указывают, что на сегодняшний день существует ряд проблемных вопросов в реализации государственной молодежной политики и призывают к поиску их решения. Среди которых: частая смена управленческих структур и отсутствие системности в её реализации [7], разнородность общественных объединений и организаций в этой области за последние десятилетия, что порождает разнонаправленный характер проектов и программ [8]. Кроме того, авторы отмечают несовершенство органов управления [9], а также недостаточную проработанность нормативно-правовой базы [10].

При этом исследователи едины в своих выводах о том, что молодежный ресурс является одним из главных драйверов на пути решения модернизационных задач внутри российского общества [11].

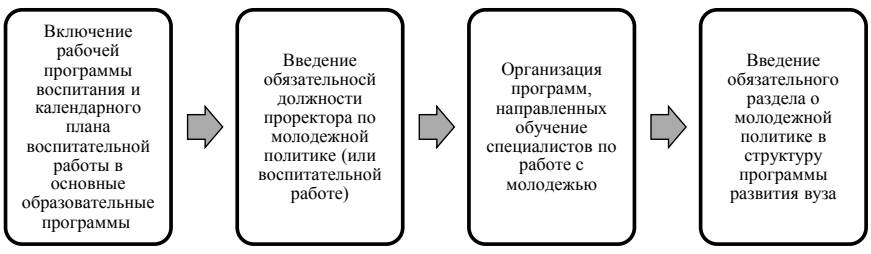

Рис. 1. Ключевые вехи повышения роли моложеной политики в вузах в период 2020–2023 гг.

Однако особый интерес для нашего исследования представляют работы, раскрывающие специфические особенности реализации молодежной политики на уровне образовательной организации высшего образования. В основном исследователи рассматривают цели, результаты и проблемы реализации молодежной политики

на примере конкретных университетов, представляют ключевые мероприятия и проекты, реализуемые в вузе, делятся примерами успешных кейсов [12–14]. Особенность данных работ заключается в том, что, хотя они и носят практико-ориентированный подход, но чаще всего представляют собой описательный характер, не подразумевая глубокую аналитическую часть, не раскрывают проблемы и противоречия, существующие в данной сфере. Часть авторов рассматривают молодежную политику в вузе в контексте социальной ответственности университета, которая, по их мнению, выражается в его вкладе в развитие общества и предполагает добровольное разделение с государством ответственности за социально-экономическое развитие региона, решение наиболее острых и актуальных социальных проблем, удовлетворение жизненно важных социальных потребностей населения [15; 16]. Кроме того, университет должен стремиться создать условия для развития личностных качеств студентов, проявления более высокого уровня социальной активности, полной самореализации в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни [17], беря на себя ответственность за развитие системы социальных и профессиональных ценностей, консолидацию общества, формирование и реализацию гражданских инициатив [18].

Таким образом, актуальность работы предопределил ключевой фактор, связанный с тем, что пока вне объективного поля исследователей остается вопрос о выявлении ключевых направлений молодежной политики, оказывающих воздействие на конкурентоспособность университета, а также определение ключевых критериев ее эффективности на уровне образовательной организации.

В рамках проведенной работы авторами было проведено анкетирование руководящего состава вузов РФ с целью исследования тенденций и стратегий реализации молодежной политики в российских университетах.

В анкетировании приняли участие 145 проректоров по различным направлениям деятельности университета (молодежная политика, образовательная деятельность, финансово-экономическая деятельность, научная деятельность), из 52 субъектов России в период с октября по декабрь 2023 г. Опрос проводился в электронной форме через сеть Интернет, однако это не повлияло на содержание и качество полученных данных. Выборка исследования формировалась как целевая, на основе экспертных оценок топменеджмента российских вузов.

При составлении опроса авторами использовались вариативные вопросы с возможностью выбора ответа, «открытым» выбором, а также проведением ранжирования и выставления оценок. Предоставления различных вариантов при ответе на заданные вопросы, совокупно с экспертным мнением руководителей вузов, позволили получить репрезентативные и объективные результаты исследования.

При проведении исследования авторами были использованы общенаучные (анализ, синтез, обобщение, систематизация, сравнение и сопоставление) и специальные исследовательские методы (факторный анализ и анализ причинно-следственных связей, общий статистический анализ и анализ нормативно-правовых актов, произведено моделирование последствий применения предложенных рекомендаций). Таким образом, использованные базовые статистические подходы и методика обработки данных обеспечивают наглядность итоговых результатов и репрезентативность проведенного исследования.

Одним из главных результатов проведенного анкетирования стал анализ стратификационных направлений молодежной политики, которые являются наиболее актуальными, по мнению респондентов, для реализации в университете в рамках повышения рейтинговых позиций вуза, экономической эффективности и стратегического планирования деятельности университета (рис. 2). Определение ключевых приоритетов и направлений показывают акценты, связанные с мышлением руководящего состава вузов и их возможные траектории преломления реализации в будущем.

Таким образом, по мнению руководящего состава отечественных вузов, на сегодняшний момент ТОП-5 направлений молодежной политики, способных наиболее полно влиять на развитие университета, выглядит следующим образом: патриотическое воспитание, спорт и здоровый образ жизни, молодежная наука, студенческие инициативы, а также социальные лифты и молодежное предпринимательство.

При этом неоценённым направлением, по нашему мнению, является добровольчество, потому как

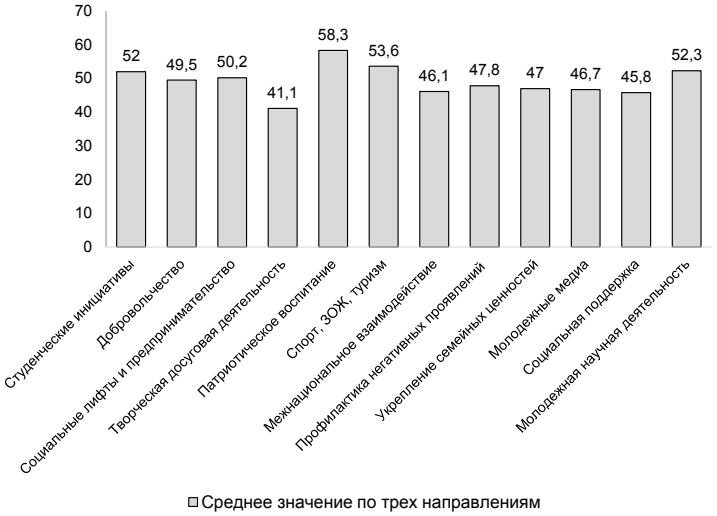

Рис. 2. Актуальные направления молодежной политики для реализации в университете

оно является тем самым скрытым экономическим инструментом и влияющим на «третью миссию вуза». К примеру, по данным Российского центра развития добровольчества, вклад добровольцев в ВВП России превышает 16 млрд руб. в год. Таким образом, за счет волонтерской работы удается экономить значительную часть государственного бюджета страны [19]. Такие же эффекты волонтерская деятельность привносит и на уровень университета.

Отметим, что представленные направления молодежной политики в достаточной мере коррелируются с основными разделами грантового конкурса, проводимого Росмолодежью. В связи с этим будет немаловажным сравнить экспертную оценку актуальных направлений молодежной политики и оказанной финансовой поддержки в их рамках. Дополнительно отметим, что в 2023 г. в рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов среди вузов 184 университета стали победителями, а общий объем распределенного между ними финансирования составил почти 900 млн руб. Всего с 2011 г. в рамках грантовых конкурсов Федерального агентства по делам молодежи было выделено более 15 млрд руб. [20].

Проводя анализ таблицы 1, можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, ТОП-5 направлений молодежной политики, по мнению экспертного сообщества, и степени их финансовой поддержки со стороны государства практические совпадают, но при этом имеют количественное различие. Так, на направления, представленные на четвертом и пятом месте в рамках опроса (студенческие инициативы, развитие социальных лифтов и предпринимательства), приходятся 342 млн руб., а на направления с первой по третью позиции – 221,5 млн руб. Во-вторых, из этого следует ключевое противоречие – сильная диспропорция в объемах поддержки по различным сферам молодежной политики. Например, на суммарную финансовую поддержку направлений, связанных с развитие социальных лифтов, студенческих инициатив и молодежной науки приходится 44,2 % общих ассигнований. Таким образом, на остальные десять направлений остается чуть больше половины. Считаем, что такой дисбаланс может создать «перекосы» в уровне развития отдельных сфер молодежной политики и повлиять на степень вовлеченности в них.

В современных условиях является важным не только выявление приоритетных направлений молодежной политики, но и оценка их результативности, поэтому значительным результатом нашего исследования стал анализ критериев, которые необходимо использовать для оценки уровня эффективности молодежной политики, по мнению респондентов (рис. 3).

Заметим, что любые критерии оценки не могут быть исчерпывающими, а могут дополняться, исходя из специфики вуза. Данные критерии могут

Таблица 1

Сравнительный анализ направлений молодежной политики и их финансирования в рамках грантового конкурса Росмолодежи

Направление	Ранг по напр.	Финансирование, руб.	Ранг по финанс.
Студенческие инициативы	IV	144 855 000	II
Добровольчество	VI	40 890 000	X
Развитие социальных лифтов и предпринимательства	V	197 177 000	I
Творческая и культурно-досуговая деятельность	XII	89 662 000	IV
Патриотическое воспитание	I	52 760 000	VIII
Спорт, ЗОЖ, туризм	II	68 678 000	V
Межнациональное взаимодействие	X	59 489 000	VII
Профилактика негативных проявлений в молодежной среде	VII	21 042 000	XII
Укрепление семейных ценностей	VIII	33 065 000	XI
Молодежные медиа	IX	50 563 000	IX
Социальная поддержка молодежи	XI	64 527 000	VI
Молодежная наука	III	100 000 000**	III

** финансирование осуществлялось в рамках конкурса студенческих научных объединений Минобрнауки.

служить минимальным набором показателей и использованы профильными проректорами и структурами, отвечающим за работу с молодежью. Особую ценность он представляет в контексте того, что исследование выявило проблему, что на сегодняшний день разработанная система индикаторов и механизмов, которые оценивают уровень молодежной политики, имеется лишь в 12,2 % образовательных организаций (рис. 4).

Зачастую оценка эффективности проводится путем проведения самоанализа и анкетирования (по 26,3 %) либо имеет субъективное мнение со стороны руководящего состава университета (19,1 %). При этом респонденты отметили, что только в 31 % университетах различная оценка эффективности закреплена приказом ректора либо иным распорядительным актом, в 58,7 % случаях таких задокументированных критериев не существует, а 15,2 % не имеют информации об этом.

В результате руководящему составу университетов можно дать следующие рекомендации относительно мер включения молодежной политики в стратегическое развитие вузов.

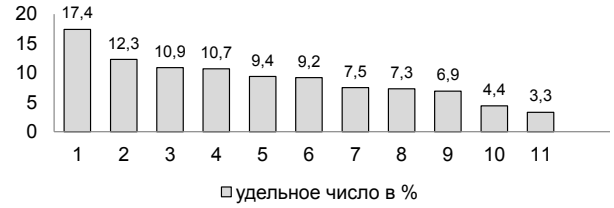

Рис. 3. Критерии оценки уровня эффективности молодежной политики в университете

1. Доля молодежи, вовлеченной в деятельность общественных организаций;
2. Количество федеральных и региональных социально значимых проектов, реализуемых в вузе;
3. Доля проактивной и патриотически настроенной молодежи;
4. Доля молодых людей в возрасте до 35 лет, охваченных социальными программами, реализующимися в вузе;
5. Доля молодежи, участвующей (или ставшей победителями) в грантовой деятельности по направлениям молодёжной политики;
6. Доля социальных мест притяжения, их вместимости (коворгинги, Точка кипения, Доброцентр, зоны отдыха и т.д.) и количества обучающихся по очной форме обучения;
7. Доля молодых людей, разделяющих и поддерживающих ценности, закрепленные в Указе Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809;
8. Количество правонарушений, совершенных молодежью в течение года;
9. Доля волонтеров-общественников, имеющих верифицированный профиль на площадке *Dobro.ru*;
10. Доля молодых людей, начавших заниматься молодежным предпринимательством, стартап-проектами;
11. Доля молодежи, принимающей участие в выборах в различные органы власти.

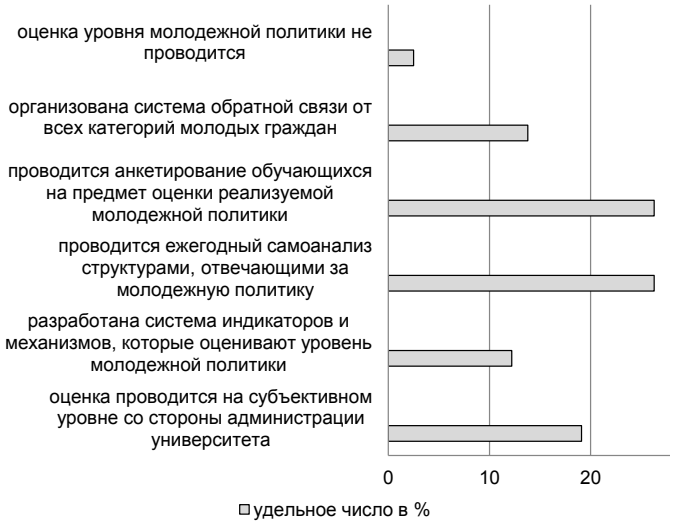

Рис. 4. Способы оценки уровня развития молодежной политики

Во-первых, предпосылкой для установления более целенаправленной молодежной политики будет развитие работы по установлению целевых индикаторов эффективности.

Во-вторых, одним из инструментов решения этой задачи выступает корреляцией задач развития вуза в соответствии с поручениями Президента по итогам заседания Государственного Совета РФ. Среди них:

• создание условий для эффективной самореализации молодежи, в том числе на развитие инфраструктуры молодежной политики, направленной на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан, поддержку молодежных общественных объединений;

• разработка системы содействия занятости молодежи, включая сезонную занятость студенческих отрядов в вузе;

• содействие развитию предпринимательской инициативы молодежи, создание бизнес-инкубаторов, профильных центров и программ;

• формирование программы по профилактике негативных социальных явлений в молодежной среде;

• выработка эффективных мер для помощи молодым людям, находящимся в трудной жизненной ситуации;

• поддержка обучающихся, проявивших активную гражданскую позицию и участвующих в общественно полезной деятельности;

• включение добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве показателя в перечень показателей эффективности деятельности.

В-третьих, необходимо проведение стратегических сессий, дискуссионных форматов для коммуникации представителей различных политик внутри университета в целях расширения перечня механизмов реализации молодежной политики и более быстрых, а также эффективных цепочек взаимодействия.

В рамках проведенного исследования были рассмотрены основные блоки наиболее актуальных направлений молодежной политики для реализации в университете по данным экспертного анкетирования, не углубляясь в сами возможные проекты. Ключевое противоречие, выявленное в статье, заключается в трех основных факторах. Во-первых, осуществляемая в достаточном денежном выражении политика государства не в полной мере учитывает равномерную финансовую поддержку различных направлений, что, в свою очередь, могло бы послужить эффективным механизмом интеграции в стратегическую деятельность вуза. Во-вторых, отсутствие четко установленных критериев оценки уровня эффективности молодежной политики в университете на уровне учредителя, по сравнению с другими направлениями деятельности университета, создает субъективность при оценке рассматриваемой работы. В-третьих, сложившееся мнение в отношении реализации молодежной политики, заключающееся в том, что оценку уровня ее реализации не возможно измерить, становится сдерживающим фактором для стратегического развития, и инкорпорации с иными направлениями деятельности вуза.

Вместе с тем большой объем информации, представленный авторами, способен изменить отношение к данной сфере. Уйти от простого набора разрозненных мероприятий к долгосрочному пла-

нированию за счет актуализации деятельности в рамках приоритетности направлений, установить прогнозные тренды и ввести критерии ее эффективности. Можно сделать вывод, что переход к качественным и измеримым проектам может стать реальным стимулом в развитии молодежной политики, в частности, и вуза в целом.

Литература:

1. Путин на Госсовете назвал молодежную политику стратегически важной темой. – URL: https://tass.ru/obschestvo/16665365 (дата обращения: 23.02.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 23.02.2024).
3. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421 (дата обращения: 23.02.2024).
4. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 10–30.
5. Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 83–94.
6. Шаповалова И.С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. – 2021. – Т. 29. – № 4. – С. 902–932.
7. Меркулов П.А., Бакалдина Е.С., Елисеев А.Л. Государственная молодёжная политика в современной России: инструменты интеграции молодёжи в общественные практики // Власть. – 2015. – № 10. – С. 27–32.
8. Певная М.В. Управление российским волонтёрством: сущность и противоречия // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 69–77.
9. Ромм Т.А., Богданова Е.В. Воспитание. Волонтерство. Молодежь. – Новосибирск: Издательство СО РАН; НГТУ, 2015. – 382 с.
10. Подьячев К.В., Халий И.А. Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 2. – С. 263–276.
11. Тренды молодежной политики в зеркале социальных наук и технологий / Под общ. ред. д-ра пед. наук А.В. Пономарева, канд. филос. наук Н.В. Поповой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 260 с.
12. Седых В.Е. Основные направления реализации государственной молодежной политики в вузе // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16. – № 1. – С. 191–194.
13. Абуталипова Л.Н., Суляев Н.И. Современная молодежная политика в вузе // Высшее образование в России. – 2015. – № 5. – С. 86–90.
14. Попков В.М., Бугаева И.О., Живайкина А.А., Лойко В.С., Андриянова Е.А. Молодежная политика медицинского вуза: концептуальный подход и практика реализации // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2018. – № 14 (1). – С. 100–106.
15. Ниязова М. В. Функции ВУЗа как социально ответственного института // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 2 (26). – URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1942;
16. Kosarenko N.N., Kulakov V.V., Ostroushko A.V., Murkshtis M.Y., Nevskiy S.A. The Formation of Social and Cultural Immunity of University Students: Educational Governance Mechanisms // IEJME-Mathematics Education. – 2016. – № 11(8). – P. 3037–3047.
17. Pugacheva N.B., Kirillova T.V., Ovchinnikova I.G., Kudyashev N.K., Lunev A.N., Pavlova O.A., Kashina S.G., Valeyev, A.S. The Mechanism of State-Public Management of Vocational Education in the Region // International Review of Management and Marketing. – 2016. – Vol. 6. – Iss. 2S. – P. 6–11.
18. Petrova T.N., Kirillova O.V., Sokolova S.G., Pugacheva N.B., Galimullina A.F., Maksimova O.G., Antonova T.V. & Kozhanov V.V. Education as the Management of Research Universities Students' Socialization // International Review of Management and Marketing. – 2016. – № 6. – P. 23–33.
19. Вклад добровольцев в ВВП России равняется 16 млрд рублей в год. – URL: https://www.tatar-inform.ru/news/vklad-dobrovoltsev-v-vvp-rossii-ravnyaetsya-16-mlrd-rubley-v-god-636742 (дата обращения: 16.01.2024).
20. Установлены размеры грантовых фондов для каждой площадки конкурса Росмолодёжь. – URL: https://fadm.gov.ru/news/ustanovleny-razmery-grantovykh-fondov-dlya-kazhdoy-ploshchadki-konkursa-rosmolodyezh-granty/ (дата обращения: 16.01.2024).

Implementation of the State Youth Policy at the University: Key Priorities and Criteria for its Effectiveness

Ostrovkin D.L.
Ural State Forestry Engineering University (Yekaterinburg)
Sandler D.G.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

At the moment, the implementation of the state youth policy, consisting of a large number of areas of different content, is becoming one of the main priorities of the university. At the same time, the research literature has not yet considered the issue of prioritizing the implementation of key areas of activity that can become drivers of the development of an educational organization of higher education, as well as emerging contradictions in the process of their implementation. The expert questionnaire provided by 145 vice-rectors of Russian universities from 52 regions of the Russian Federation was used as an information base when writing the work. The focus of the research was focused on the development of practical recommendations for the implementation of youth policy, the study of the degree and nature of its impact on the main activities of the university, which, in turn, will allow to specify the criteria for the effectiveness of the stated policy. As the main results, the publication contains conclusions on the specifics and importance of youth policy, promising directions for its implementation in terms of the university's rating positions, economic efficiency and strategic planning of the university's activities, as well as comparative data on financial support for the selected areas. In addition, the practical significance and novelty of the study lies in the fact that the authors, based on expert assessment, for the first time in the scientific literature, attempted to identify practical criteria necessary for using the evaluation of the effectiveness of youth policy at the university as part of management activities to achieve strategic goals of university development.

Key words: youth policy, university, university, economics, strategy

УДК 316.346.32

Досуговая практика «вписка» как результат медиатизации повседневности

Равочкин Н.Н.
Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева;
профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова (Кемерово)

Актуальность исследования связана с усложнением структуры досуговых потребностей молодежи в реалиях современного мира, когда де-факто наблюдается умножение вариантов организации и проведения представителями наиболее активной социальной группы своего свободного времени. Цель исследования заключается в рассмотрении воздействия новых медиа и процессов медиатизации на становление и популяризацию досуговой практики «вписка». Производится содержательный анализ понятия «вписка». Прослежено развитие представлений о заявленной форме вечеринок. Приведены сущностные черты «вписок». На основе обобщения результатов современных социологических исследований автором выделены разновидности изучаемых досуговых практик. Научная новизна проведенного исследования определяется авторским уточнением трактовки категории «вписка», а также фиксацией социологического содержания обозначенной досуговой практики, которая к тому же рассматривается в тесной связи с процессами медиатизации повседневности.

Ключевые слова: досуг, социальные сети, молодежь, вписка, эмоции, повседневность, медиатизация

В последние десятилетия стало очевидным, что под влиянием процессов дигитализации и усилением роли медиа осуществляется формирование новой социокультурной реальности, вместе с которой происходят закономерные трансформации личности и наблюдается становление «человека медиатизированного». В самом общем виде медиадискурс можно понимать как фрейм или интерпретационную схему, которая применяется для объяснения описанных в СМИ событий и процессов. Процесс формирования фрейма осуществляется поэтапно, включает в себя стадии информационного ввода, построения когнитивной схемы и ее последующего влияния на выбор поведенческих паттернов. Истоки усиления роли и значения медиа, увеличения их детерминационных и объяснительных возможностей по отношению к трансформациям повседневности обусловлены количественными и качественными изменениями самих медиа и происходящей медиатизацией самого общества. В качестве основных средств влияния на изменения рутинных практик со стороны медиа можно выделить следующие: медиатизация событий, формирование повестки дня, контекстная реклама, трансмедийный познавательно-развлекательный сторителлинг, контентная сериальность, мобильность потребительских медиапрактик, «смомбизм», геймеризация. Современные медиа достаточно давно вышли за пределы функционала информирования различных групп и аудиторий, выступая надежным средством моделирования реальности. Новые медиа выступают инструментом репрезентации объяснительных схем, при помощи которых личность интерпретирует те или иные события. Медиа же является основным средством популяризации того или иного образа жизни или стиля поведения. Иными словами, медиа выступают значимым институтом социализации личности, они сопровождают человека в труде, в быту, в процессе обучения и отдыха. С усилением процессов дигитализации мы-медиа стали неотъемлемой частью по-

вседневности, причем одной из важнейших частей, оказывая влияние на мировосприятие индивидов и целых групп, выбор поведенческих паттернов, образ жизни и повседневные практики [1].

О влиянии медиа написано много, вместе с тем не до конца изученной является проблема формирования современных повседневных практик под влиянием СМИ. Между тем на сегодняшний день Россия и весь мир сталкивается с онтологическими трансформациями именно образа жизни как такового. Соответственно, возникает необходимость более детального изучения влияния медиа на трансформации повседневных практик, что обусловливает актуальность выбранной темы исследования. Под влиянием медиа формируется новая система аксиологем, совершенно иной образ жизни, основанный на стремлении к развлечениям, самореализации посредством эксцентричности, меняются привычные трудовые практики и формы досуга. Одной из наиболее дискуссионных форм досуга молодых людей, сформированной под влиянием медиа и транслируемых ими западноевропейских образцов, в последние годы являются «вписки», «голые вечеринки», «хоум вечеринки» [1].

Появление «вписок» относится к концу 80-х гг. прошлого столетия. Изначально под ними понимались локации, где путешествующие автостопом люди могли переночевать и привести себя в порядок перед новым этапом индивидуально выверенного туристического маршрута, причем данный ночлег предоставлялся абсолютно бесплатно. В самом деле, нельзя не признать, что основная нацеленность обозначенных практик была на оптимизацию финансовых затрат путешествующих.

Самоочевидно, что с течением времени «вписки» приобрели дополнительные значения и в современных реалиях употребляются в следующих вариантах:

1) «вечеринки подростков (часто либо малознакомых, либо незнакомых между собой), устраиваемые в квартире или в частном доме, принадлежащем участнику либо арендованном, без присутствия взрослых» [2, с. 140];

2) спонтанные вечеринки разной продолжительности, но непременно «без каких-либо запретов» [3, с. 93];

3) «общественное событие, ограниченное местом и временем и обычно поддерживаемое стационарным оборудованием» [4, с. 125];

Приведенные выше дефиниции акцентируют внимание преимущественно на участниках вечеринок, характере их организации, протяженности.

В зарубежной литературе подходы к пониманию вечеринок представлены следующими:

1) вечеринка как событие повседневности, инструмент ее упорядочивания и структурирования, как «укоренившаяся в культуре практика» [5, p. 60];

2) вечеринка как рефлексивная практика, где подростков объединяют традиционные и современные ритуалы к организации праздничного мероприятия;

3) вечеринка как проявление субкультуры и средство индивидуально самореализации личности [6, p. 519–520].

По сути, «вписку» можно определить в качестве повседневной, в превалирующем большинстве случаев, стихийной практики, чаще всего с участием молодежи, нацеленной на личностную рефлексию и формирование тематических сообществ, разделяющих те или иные ценности на основе плюрализма ритуалов. Культура проведения вечеринок формируется в рамках субкультуры, отражает ее ценности, которые могут существенно отличаться от принятых в рамках национальной культуры, следствием чего может выступать нарушение моральных социально одобряемых норм участниками мероприятия.

Как правило, организаторами рассматриваемых досуговых практик выступает молодежь, которая желает «прикоснуться к взрослой жизни». Причем приобщение к последней осуществляется посредством алкоголя, наркотиков и секса – тех атрибутов, которые, по мнению молодых людей и подростков, способны разнообразить и разукрасить повседневность. Немаловажно добавить, что инициаторами «вписок» могут быть и взрослые люди, интенции которых, наоборот, связаны с попытками реконструкции молодости и лучших лет, когда «все было по-настоящему». Вечеринки подобного рода зачастую проводятся на съемных квартирах, тем не менее общежития и собственная жилплощадь также выступают идеальными локациями для рассматриваемых досуговых практик. Сегодня в медиа существует огромное количество специализированных групп, где желающие «вписаться» обговаривают детали встречи [3, с. 93].

Вечеринки могут быть как запланированными, собираемыми посредством размещения информации в социальных сетях, так и спонтанными, могут длиться определенный ограниченный временный период, зависящий, к примеру, от времени аренды жилья, так и неопределенное время. В интернет-сообществах, посвященных «вписками», зачастую можно найти фотоотчеты и видеоматериалы о состоявшихся мероприятиях, на которых довольно-таки часто к сценам употребления спиртных напитков и запрещенных веществ добавляются изображения обнаженных людей [2, с. 141].

На сегодняшний день в России сформировалось несколько видов «вписок» [4, с. 127–128]:

1. «Вписка на стороне», под которой принято понимать домашнюю вечеринку, на которой большинство или абсолютно все участники не знакомы между собой. Закономерно, что подобным мероприятиям присуща максимальная непредсказуемость, саспенс [4];

2. «Легион», или домашняя вечеринка, куда принято приходить парами, что является некоторой га-

рантией в части безопасности и предсказуемости события. При этом именно предсказуемость существенно снижает привлекательность мероприятия в глазах молодежи [4];

3. «Подводная лодка» – вечеринка, участники которой не имеют права ее покидать, нередко отключают мобильные телефоны;

4. «Хастл», или «толкотня», которая происходит благодаря огромному количеству гостей. Подобные ивенты позволяют познакомиться со множеством интересных людей, но всегда важно помнить, что «вписка» – это «внерациональный тип социальных связей, укорененных в визуальной сфере: она помнит только то, что видит, и забывает, как только некто выпадает из ее поля зрения» [7, с. 355]. Иными словами, социальные взаимосвязи, установление которых осуществлялось на «вписке», носят краткосрочный характер, чаще всего заканчиваются непосредственно после завершения совместного времяпровождения, и «человек медиатизированный» вновь возвращается в мир интернет-коммуникаций. Сами «вписки» не способны вернуть человека в среду социальных коммуникаций;

5. «Флэт» – домашняя вечеринка, которая, как правило, проходит в дневное время, объединяет участников по интересам, например, для прослушивания и обсуждения любимой музыки;

6. «Шаффл» – домашняя безалкогольная вечеринка в узком кругу любителей компьютерных, настольных игр;

7. Музыкальные вечеринки предполагают собрание молодых людей для прослушивания современной музыки и танцев. Как отмечает ряд исследователей, музыкальные вечеринки представляют собой один из наиболее популярных видов досуга современного города [8].

Популярность «вписок» может объясняться следующими факторами:

1. «Раньше дети играли во дворе, обретали там новых друзей, обучались навыкам общения, примеряли на себя различные социальные роли. Сегодня они общаются опосредованно, через социальные сети, которые стали эрзацем, заменителем дворового общения. Встречи на вписках ни к чему не обязывают участников, они не несут никакой ответственности и многих это устраивает. <...> Для большинства участников вписок это возможность уйти от проблем, выйти за пределы повседневной жизни, забыть о проблемах в общении с родителями. Кто-то напивается, кто-то уходит в монастырь, все это тоже способы уйти от реальности, как и вписка» [9]. Отсюда следует, что «вписки» могут категорироваться в качестве действенного варианта ретризма.

2. Философскую аргументацию в пользу популярности вписок можно связать не столько с внешними атрибутами, сколько с фокусировкой на атмосферу и содержательную часть вечеринок, поскольку все они являются неповторимыми продуктами, олицетворяющими культурный уровень самоорганизации и самотворения, свидетельствуя о вполне позитивных эмоциях и беспритворной радости [10].

Как видим, оба фактора популярности вечеринок связаны непосредственно с медиа: в первом случае последние, виртуальное взаимодействие воспринимается как средство подмены реальности, отражает существенные изменения досуговых практик молодых людей в результате усиления процессов дигитализации. Как отмечает Д.Б. Литвинцев, «популярность вписок объясняется разрывом социальных связей в первую очередь в больших городах и исчезновением дворовой культуры» [4, с. 126].

Во втором случае популярность «вписок» объясняется непосредственно функционированием мы-медиа, современные средства коммуникации становятся средством популяризации тех или иных досуговых практик, в том числе и практик проведения вечеринок. Социальные сети становятся основным способом информирования о вписках, а также инструментом их продвижения. Иными словами, в кругу молодых людей участие во «вписках» рассматривается как знак принадлежности к группе «избранных», наиболее продвинутых, наиболее передовых, смелых, инициативных и т.д.: «домашняя вечеринка в загородном доме — это воплощение привилегированного образа жизни меньшинства в ушедшей эпохе» [4, с. 125]. Т.е. на особенности формирования досуговых практик современности оказывает влияние все то же стремление к самореализации на основании приобретения и приобщения к модным вещам и аксессуарам, которое лежит в основе потребительской модели поведения.

Тем же стремлением к развлечениям, наслаждению может объясняться и употребление алкоголя на вечеринках. Как полагают исследователи, регулярное посещение вечеринок выступает частью гедонистического образа жизни, основанного на стремлении к удовольствию, характерному, как было выявлено раннее, для современной российской молодежи, в связи с чем в процессе реализации жизнедеятельности, направленной на поиск удовольствий, алкоголь становится одним из основных предметов потребления [5, p. 519].

В свою очередь, Р.С. Гранин рассматривает «вписки» как личностные интенции к «перерождению из материалистической неподлинной жизни в иную, высшую реальность» [3, с. 94]. Пожалуй, следует напомнить, что архаическая инициация имела место быть именно в период полового созревания, когда подросток должен был доказать свои способности и возможности стать полноправным членом общества. Особой популярностью пользуются вечеринки у современных подростков. В качестве признаков сакральности можно назвать стремление к преодолению разного рода табу: групповой «дионисси-

ский» характер происходящего, алкогольный трип в мир потустороннего, стихийных разгул с порчей имущества и т.д. Как отмечает Д.Б. Литвинцев, вечеринка – «это достаточно приватное событие, которое становится для подростков площадкой для различных излишеств, нарушений, девиаций и экспериментов» [4, с. 126]. «Вписка» становится для молодых людей средством доказательства собственной взрослости, средством обретения персонализации.

Древние формы инициации нередко были сопряжены с рисками, смертельными угрозами для тех, кто проходил этот обряд. Случаются реальные смерти от передозировок алкоголем и наркотиками и на «вписках», что также выступает свидетельством того, что вечеринки сегодня становятся средством приобщения к миру взрослых, инициации, которая может повлечь за собой негативные социальные и психологические последствия. Говоря о коллективном опьянении, употреблении алкоголя как неотъемлемой составляющей вечеринок, следует отметить, что последнее – «один из творческих способов превратить родительскую столовую в пространство для подростковых домашних вечеринок» [4, с. 128]. Практику употребления алкоголя целесообразно рассматривать не иначе, как действенный многогранный инструмент не банального антагонизма пары «отцы – дети», но и в качестве средства конструирования идентичности и обретения самостоятельности благодаря нахождению и укреплению связей в ингруппе «приверженцев вечеринкам», олицетворяющих идеалы дружбы, свободы, смелости и успешности.

Употребление алкоголя является, по словам отдельных ученых, современным ритуалом, который занимает центральное место в социализации, подчеркивает, насколько экстраординарно событие в жизни личности [5, p. 518]. Необходимо добавить, что в последние десятилетия практики употребления алкоголя распространены не только среди мужчин, но и среди женщин: «алкоголь – одинаково важный символ как для мальчиков, так и для девочек» [11, p. 145].

8. Молодые девушки сегодня стали активными участниками общественных мероприятий, вечеринок с употреблением алкоголя и, как и молодые мужчины, «приобщаются к культуре употребления алкоголя и интоксикации в погоне за удовольствием, принадлежностью к группе и дружескими связями» [12, p. 60]. В результате активного вовлечения девушек в проведение «вписок», употребление алкоголя последнее утратило статус исключительно мужского ритуала, но стало составляющей более широкого феномена, нового образа жизни, связанного с весельем, гедонизмом [13, p. 67]. При этом именно употребление алкоголя приводит к осуждению «вписок» со стороны взрослых, которые часто полагают, что такие встречи являются пространством для взаимодействия маргиналов [8].

Однако сущность «вписок» не сводится исключительно к распитию алкоголя, употреблению наркотиков, экспериментам, для многих подростков вечеринки становятся средством сосредоточения повседневности, формирования новых ее смыслов [5, p. 518]. «Вписки» становятся пространством для дружеского общения, знакомства, интересного времяпровождения. В процессе проведения мероприятий молодые люди принимают на себя различные социальные роли: молодые люди в большей степени склонны к проведению времени за беседами и распитием алкогольных напитков, девушки – к принятию на себя роли хозяйки, спутницы [14]. Все это позволяет сделать вывод, что «вписки» представляют собой пространство для самореализации личности, аффективных практик, связанных с ощущением комфорта, удовольствия, безопасности.

9. При этом важно подчеркнуть, что «тусовка – это предельно персонализированное сообщество, здесь нет и не может быть общего проекта: ведь в этом случае такое сообщество оказалось бы связанным дисциплинарными нормативами или идеологией “общего дела”» [7, с. 356], а «вписка» по своей сути представляет собой неприятие социально одобряемых норм, требований, ценностей, бунт против них, что сопровождается нарушением моральных норм. Как отмечают исследователи, молодые люди по своей природе отличаются бунтарским поведением и стремлением нарушать нормы. В процессе проведения вечеринок некоторые стратегии поведения приемлемы, другие – нет. Более того, есть стратегии поведения, которые приемлемы исключительно на мероприятии, соответственно, молодые люди «пользуются моментом» для того, чтобы проявить свои истинную сущность на «вписках» [8].

«Вписка» – это не столько пространство для единения, формирования социальных общностей, но скорее пространство для самореализации, в котором находят свое отражение проявления различных социальных идентичностей, каждая из которых является равной другой. Иными словами, «вписка», безусловно, может приводить к установлению краткосрочной общности, социальных связей, но, по своей сути, она является мероприятием, участие в котором принимает персонализированный «медиатизированный» человек, мода на которое сформировалось под влиянием современных медиа, соответственно, любое ощущение общности, вовлеченность в деятельность социального объединения чаще всего имеет краткосрочный характер.

Вечеринка как мероприятие, в котором принимают участие крайне индивидуализированные, персонализированные молодые люди, не может рассматриваться как бесконфликтное пространство, наоборот, на «вписках» все личностные различия на-

ходят свое яркое отображение, что усиливает споры, дискуссии, приводит к образованию краткосрочных социальных общностей, придерживающихся одинаковых убеждений. Употребление алкоголя, крайний индивидуализм приводят к негативным последствиям «вписок», к которым можно отнести конфликты, проявления насилия, агрессии, жестокости.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что сегодня под влиянием медиа трансформируются досуговые практики молодых людей. Сущностными характеристиками рассмотренных в настоящей работе вечеринок являются их медийность, информирование посредством социальных сетей, а также публикация «отчетов» о проведенных «вписках», т. е. появление указанной досуговой практики связано с медиа, само их проведение и последующая публикация фото-, видеоконтента отражает стремление личности к постоянной фиксации собственного медиаприсутствия. Рост популярности «вписок» также связан со становлением медиасоциальной реальности, прежде всего сокращением значимости и численности социальных контактов, распадом социальных общностей, групп. При этом вечеринки, по своей сути, могут рассматриваться как своеобразный обряд инициации, ритуал, посредством которого молодые люди доказывают собственную взрослость, зрелость, выражают свой бунт против существующих норм морали. Иными словами, «вписка» как относительно новый в историческом плане социокультурный феномен, практика, с одной стороны, формируется под влиянием современных медиа и становления социомедийной реальности, с другой – отражает свойственное молодым людям стремление к самоутверждению, бунту.

Как уже было указано, одним из следствий становления социомедийной реальности выступает становление «человека медиатизированного», отличительными характеристиками которого являются наличие медиаментальности, двойственной онлайн- и оффлайн-социальности, медийной культуры, приоритет виртуальной социальности, зависимость от рейтинговых позиций, гаджетов, медиаамбассадоров, ориентация на оценки, а не события, ограниченность свободы, а также необходимость постоянной фиксации присутствия в медиапространстве.

Становление новой реальности сопровождается онтологическими изменениями производственной деятельности и досуговых практик. Одним из следствий изменения досуга молодых людей становится появление «вписок» – вечеринок, мероприятий, предназначенных для молодых людей. Организация «вписок» осуществляется посредством социальных сетей и для новых медиа, где публикуются фото- и видеоконтент, «отчеты». Популярность вечеринок обусловлена их освещением в СМИ, т.е. обладание статусом медийности, значимости, а также снижением значимости, важности социальных контактов, распадом социальных общностей и коллективов. При этом «вписки» являются своеобразным средством инициации, ритуалом, который молодые люди проходят для того, чтобы доказать собственную готовность стать взрослыми. Важнейшими атрибутами таких вечеринок являются употребление алкоголя, нарушение социально принятых и одобряемых социальных норм и требований как проявления бунта молодых людей. Иными словами, «вписка», с одной стороны, представляет собой отражение становления социомедийной реальности, с другой – выступает средством инициации, ритуала, известного человечеству с древнейших времен. Можно сделать вывод, что личностные изменения современности при этом не меняют глубинные личностные структуры. Разумеется, полученными результатами проблематика изменения социальных практик, повседневности в условиях новой социомедийной реальности не ограничивается, работа в данном направлении будет продолжена.

Литература:

1. Равочкин Н.Н., Попов Е.А. Концептуализация понятия «досуговые практики» в современной социологии // Социодинамика. – 2023. – № 2. – С. 20–32.
2. Шульгина Е.В. «Вписки»: сексуальная агрессия подростков // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – № 4 (24). – С. 139–147.
3. Гранин Р.С. «Вписка» как социокультурный феномен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. – 2020. – № 3. – С. 93–96.
4. Литвинцев Д. Б. Роль «третьего места» в практиках молодежного досуга: домашняя вечеринка (хоум-пати) как социальное мероприятие // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 124–137.

5. Barton A., Husk K. I don't really like the pub […]": Reflections on young people and pre- loading alcohol // Drugs and Alcohol Today. – 2014. – Vol. 14. – № 2. – P. 58–66.
6. Demant J., Østergaard J. Partying as everyday life: investigations of teenagers' leisure life // Journal of Youth Studies. – 2007. – Vol. 10. – № 5. – P. 517–537.
7. Мизиано В.А. «Тусовка» как социокультурный феномен // Художественная культура XX века: Сб. статей. – М.: ТИД «Русское слово-РС», 2002. – С. 352–363.
8. Rodrigues M.C., Couto A.C.P.O., de Campos E.A., Rezende F.H.F., Ricardo N.S. The leisure practice of the youth in the "Gigante Crocodilo Prime" in Brazil // Research, Society and Development. – 2023. – Vol. 12. – № 8. – URL: https://rsdjournal.org/index.php/rsd/article/download/42411/34722/454756
9. Сергеев А. «Первое правило вписки – не засыпать первым»: организатор вечеринок рассказал, чем может все закончиться. – URL: https://spbdnevnik. ru/news/2018-11-21/pervoe-pravilo-vpiski-ne-zasypat-pervym-organizator-vecheri nok-rasskazal-chem-mozhet-vse-zakonchitsya
10. Воля к вписке (философия). – URL: https://author.today/post/66420
11. Østergaard J. Mind the gender gap // Nordic Studies on Alcohol and Drugs. – 2007. – Vol. 24. – № 2. – P. 127–148.
12. Atkinson A.M., Sumnall H. Isn't it mostly girls that do pre-drinks really? Young men and women's accounts of pre-loading in the UK // Drugs Education Prevention & Policy. – 2019. – Vol. 26. – № 1. – P. 60–69.
13. Aubrey M., Chatterton P., Hollands R. Youth culture and nightlife in Bristol. – University of Newcastle upon Tyne, 2001. – 99 p.
14. Herold M.D., Hunt G. Hunt G. Drinking comfortably? Gender and affect among Danish pre-partiers // The International Journal of Drug Policy. – 2020. – Vol. 81. – № 1. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0955395919301951

Leisure Practice «Fitting in» as a Result of Mediatization of Everyday Life

Ravochkin N.N.
Kuzbass State Technical University named T.F. Gorbachev,
Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov (Kemerovo)

The relevance of the study is associated with the complication of the structure of the leisure needs of young people in the realities of the modern world, when de facto there is a multiplication of options for organizing and spending the free time of representatives of the most active social group. The purpose of the study is to examine the impact of new media and mediatization processes on the formation and popularization of the leisure practice "vpiska". A meaningful analysis of the concept of "inscription" is carried out. The development of ideas about the declared form of parties is traced. The essential features of the "entries" are given. Based on a generalization of the results of modern sociological research, the author has identified the types of leisure practices being studied. The scientific novelty of the study is determined by the author's clarification of the interpretation of the category "inscription", as well as the fixation of the sociological content of the designated leisure practice, which is also considered in close connection with the processes of mediatization of everyday life.

Key words: leisure, social networks, youth, fitting in, emotions, everyday life, mediatization

УДК 316.346

Кинематограф и патриотическое сознание российского студенчества (на примере вузов Республики Татарстан)

Тузиков А.Р.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного управления, социологии, истории Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета

Зинурова Р.И.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета

Киноиндустрия играет важную роль в формировании гражданского сознания студенческой молодежи, способствует проникновению в молодежную среду образов, медиаэффектов, которые запускают направленное мышление, формирование ценностных ориентаций, мировоззренческих и мотивационных установок, поведенческих практик.

Целью исследования является выявление степени влияния конкретных жанров и видов кинопродукции на патриотическое сознание студенчества. Для достижения цели поставлены следующие задачи: обоснование актуальности гражданско-патриотического сознания молодежи, библиографический обзор проблемы, спецификация жанров кинопродукции в контексте влияния на патриотическое сознание студенческой молодежи, выявление рейтинга фильмов, популярных среди студенчества.

Значимость и результативность работы состоит в том, что впервые на большом эмпирическом массиве мнений определен рейтинг кинофильмов, значимых для исследуемой проблематики патриотического воспитания студенческой молодежи.

Ключевые слова: патриотическое сознание, жанры кинопродукции, рейтинг кинофильмов

Наличие гражданско-патриотического сознания молодежи – показатель социального здоровья общества и показатель развития человеческого потенциала страны. Это и одна из главных задач и результатов деятельности всей системы образования, включая высшую школу. В последние три года резко обострилось противостояние с коллективным Западом (санкции, поставки оружия Украине); началась специальная военная операция и крайнего напряжения достигла информационно-когнитивная война. Поэтому в современных обстоятельствах особенно возрастает значимость патриотического воспитания студенчества как самой активной части нашей молодежи. В процессе форматирования гражданско-патриотического сознания большую роль продолжает играть кинематограф. Киноиндустрия играет важную роль в формировании гражданского сознания студенческой молодежи, способствует проникно-

вению в молодежную среду образов, медиаэффектов, которые запускают направленное мышление, представления о героях и антигероях, «своих» и «чужих», формирование ценностных ориентаций, мировоззренческих и мотивационных установок, поведенческих практик. Молодежь по фильмам открывает для себя мир и формирует свои жизненные ориентиры.

Самыми известными цитатами, связанными с ролью кинематографа, являются слова В.И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [1]. Для научного исследования важной является оценка Мартина Скорсезе: «Кино удовлетворяет извечную потребность коллективного бессознательного – потребность людей в общих воспоминаниях» [1]. Рассматриваемая тема не относится к числу популярных, хотя данная проблематика нашла свое отражение в ряде работ. Так, М.А. Ариян, М.В. Золотова, Ю.Н. Карпова [3] сфокусировали свое внимание на потенциале использования кинопродукции патриотической направленности в процессе изучения иностранного языка. Д.В. Зернов, Н.В. Шалютина [4] предметом исследования выбрали изучение зрительской мотивации к просмотру фильмов о Великой Отечественной войне. В.В. Капустин [5] посвятил свое исследование анализу отношения военнослужащих и гражданской молодёжи к современной кинопродукции. О.А. Куликова [6] изучила отношение молодежи Москвы к теме патриотизма в отечественном кинематографе.

Важным концептом в плане исследования проблем патриотизма студенчества является, по мнению авторов, концепт патриотического сознания, позволяющий при его операционализации измерять основные характеристики данного феномена.

Патриотическое сознание молодежи неразрывно связано с такими параметрами, характеризующими коллективные представления как идентичность, образ своей страны (ее прошлого, настоящего и возможного будущего), эмоциональность (отношение к символам и чувство гордости) и деятельность (что готов сделать для страны). Кинематографическая продукция самым непосредственным образом влияет на указанные параметры. Однако не совсем понятно, какие именно фильмы входят в «информационное поле» современного студенчества в нынешних обстоятельствах молодежного «кризиса доверия» к официальным медиа. Целью исследования является выявление степени влияния конкретных жанров и видов кинопродукции на патриотическое сознание студенчества.

В основу авторского исследования была положена методика массового опроса с использованием электронных опросных форм. Тип выборки – стратифицированная. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышала 2,5 %. Это позволяет считать полученные результаты статистически значимыми и надежными. Всего было опрошено 1500 представителей студенческой молодежи в Республики Татарстан (только граждан России) из г. Казань и городов Волжско-Камского кластера (Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск).

На сознание и социальное настроение студенческой молодежи наибольшее влияние оказывают фильмы, насыщенные не только спецэффектами, но и глубоким смыслом, а также исторической значимостью. Среди современных новинок отечественного кинематографа студенты выделили несколько жанров, обладающих наиболее высокой способностью заинтересовать и повлиять на молодежь (рис. 1).

В отечественной кинопродукции, которую смотрят представители студенческой молодежи, лидируют фильмы по произведениям русской литературной классики – 40,2 % (рис. 2), что стоило ожидать, так как русская литература по-прежнему остается на страницах школьных учебников, русская классика часто и качественно экранизируется, а в последние годы на экранах появляются биографические истории русских писателей и поэтов, что привлекает дальнейшее внимание к их произведениям. Лишь 15,5 % студентов указали, что совсем не интересуются такими фильмами. Разницу между этими двумя противоположными взглядами закрывают те, кто интересуется в незначительной степени (24,9 %, но ведь все же интересуются), а также 19,4 % тех, кому трудно что-либо сказать об этом. Возможно, они просто не знают экранизированных произведений, считая, что это оригинальные сценарии. Тем более что в последнее время очень популярны костюмированные фильмы в исторических декорациях, при этом они не отражают русскую классику, а действительно написаны современными сценаристами для привлечения зрителя зрелищностью.

День Победы является важнейшим идентификационным символом современной России. Среди мероприятий, которые традиционно проводятся перед праздничным Днем Победы, важное место занимает

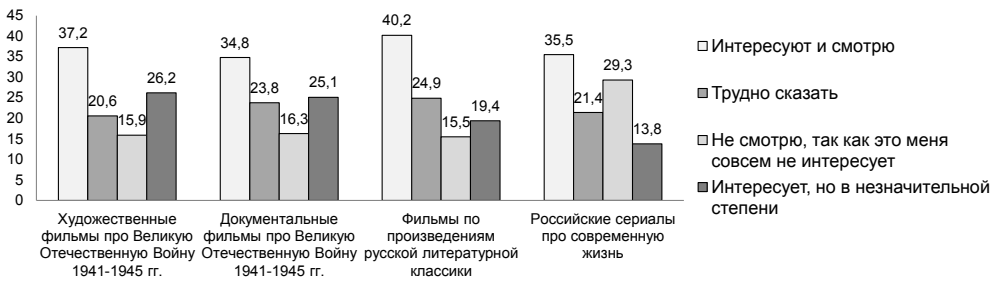

Рис. 1. Жанровые предпочтения в продукции кинематографа, %

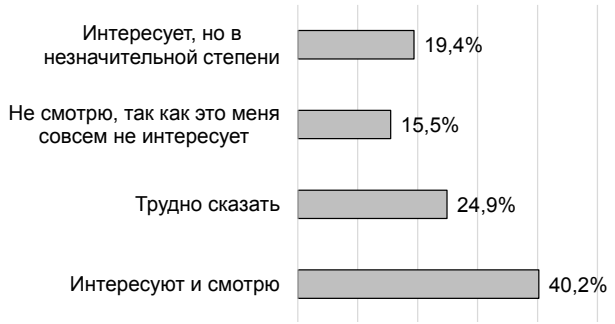

Рис. 2. Популярность фильмов по произведениям русской классики

просмотр художественных и хроникально-документальных фильмов о Великой Отечественной войне. Такие фильмы способствуют сплочению общества. Это говорит о том, что память о победе сохраняется и передается из поколения в поколение. Неслучайно, что следующим жанром по популярности с небольшой разницей в долях оценки являются художественные фильмы про Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

37,2 % респондентов интересуются таким жанром кинофильмов и смотрят их с интересом, еще 26,2 % интересуются в незначительной степени. Возможно, среди таких ответов присутствуют ответы студентов, видевших военные фильмы с родителями, в школьной программе посещения кинотеатров, то есть в тех случаях, когда взрослые создавали условия для просмотра и обсуждения героических страниц военной истории нашей Родины. Затруднились четко выразить свое отношение к военным художественным фильмам 26,2 % респондентов, в то время как 15,9 % студентов не интересуются и не смотрят фильмы в этом жанре (см. рис. 3).

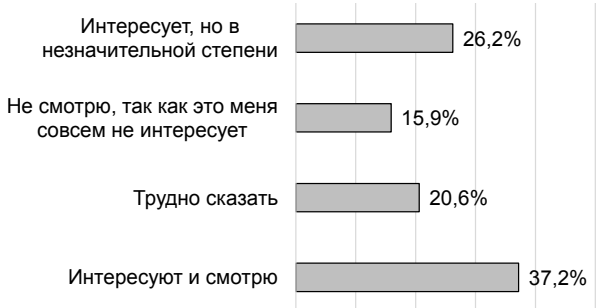

Рис. 3. Отношение к фильмам про Великую Отечественную войну

Документальные фильмы про Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. – это особый жанр, в большей степени вызывающий понимание у студентов, интересующихся историей. Такие фильмы обычно показывают в рамках школьной программы, а в последние годы появилось телевизионные и интернет-каналы, создающие специально подобранную документалистику с интересным авторским текстовым сопровождением, анализом исторических событий, привлечением качественных архивных материалов и недоступных источников. 34,8 % респондентов интересуются таким жанром военной документалистики и смотрят их с интересом, еще 25,1 % интересуются в незначительной степени (см. рис. 4).

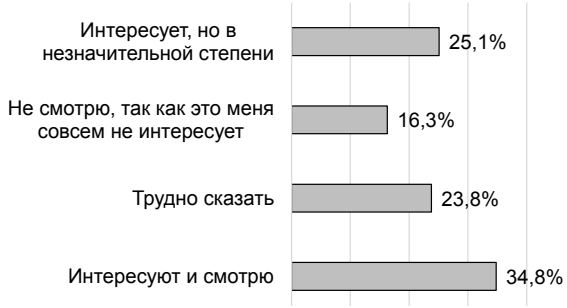

Рис. 4. Отношение к документальным фильмам про Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

Самые полярные ответы мы получили о российских сериалах про современную жизнь. Если 35,5 % респондентов интересуются таким жанром, как сериалы про жизнь сегодня и смотрят их с интересом, то 29,3 % не смотрят их вообще. Предполагаем, что у студенческой молодежи слишком насыщенная жизнь и на подобные просмотры просто нет времени. Кроме того, проблемы, поднимаемые в сериалах, не являются крайне актуальными для студентов по возрасту. Так мы объясняем, что сериалы оказались на последнем месте (см. рис. 5).

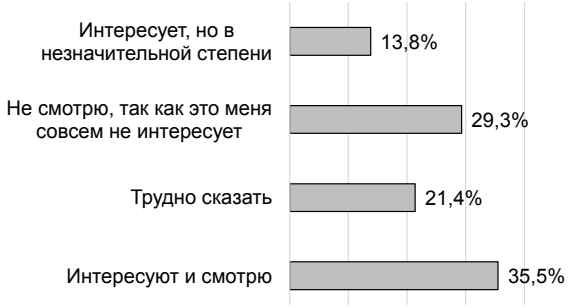

Рис. 5. Отношение к российским сериалам про современную жизнь

В ходе опроса студентам было предложено назвать три фильма, которые они посмотрели в любой период своей жизни и запомнили. При этом авторы методики не накладывали ограничений по жанру и стране-производителю. Большинство названий фильмов неоднократно повторялись, что говорит о поколенческом интересе к определенной тематике. Наиболее часто респонденты отмечали 27 фильмов, среди которых 12 отечественных и 15 зарубежных. Рейтинг фильмов представлен в таблице 1.

Мы выделили 4 жанра кинофильмов, определяемых для рекламы в кинопрокате и экспертным мнением авторского коллектива, и распределили по ним количество фильмов: комедии (9), драмы (7), фэнтэзи (6), боевики (5).

Самым популярным выбором студентов оказались комедии, причем среди них присутствуют российские, советские, западные кинокартины. При этом из комедий одну из картин «В бой идут

Таблица 1

Рейтинг фильмов

Название	Категория	Рейтинг
Интерстеллар	Фэнтези, западный	6,5 %
1+1	Комедия западный	6,4 %
Гарри Поттер	Фэнтези, западный	6,0 %
Брат	Драма, российский	3,8 %
Лёд	Драма, российский	3,8 %
Т-34	Боевик, российский	3,8 %
Иван Васильевич меняет профессию	Комедия, советский	3,3 %
Титаник	Драма, западный	3,3 %
Любовь и голуби	Комедия, советский	3,1 %
А зори здесь тихие	Драма, советский	3,1 %
Бойцовский клуб	Боевик, западный	3,0 %
Мастер и Маргарита	Фэнтэзи, российский	3,0 %
Зеленая миля	Драма, западный	2,8 %
Человек-паук	Комедия, западный	2,3 %
Движение вверх	Драма, российский	2,3 %
Дюна	Фэнтези, западный	2,3 %
Форсаж	Боевик, западный	2,2 %
Хатико	Драма, западный	2,2 %
Москва слезам не верит	Комедия советский	2,2 %
Волк с Уолл-стрит	Комедия, западный	2,1 %
Сумерки	Фэнтези, западный	1,9 %
Операция «Ы» и другие приключения Шурика	Комедия, советский	1,8 %
Голодные игры	Боевик, западный	1,6 %
В бой идут одни старики	Комедия, советский	1,5 %
Джентльмены	Боевик, западный	1,4 %
Холоп	Комедия, российский	1,3 %
Властелин Колец	Фэнтези, западный	1,3 %

одни старики» мы посчитали комедией. Несмотря на грустные ноты сюжета, фильм оставляет чувство света и убежденность в непобедимости советских летчиков. Диалоги героев наполнены юмором.

Всего же респонденты назвали три военных фильма: «Т-34» (3,8 %), «А зори здесь тихие» (3,1 %), «В бой идут одни старики» (1,5 %). Как мы видим, все популярные среди студентов военные фильмы – отечественные. Лидером популярности среди российских фильмов является и фильм «Брат», вот уже два десятилетия не сходящий с экранов. Сергей Бодров так объяснил секрет популярности образа его главного героя: «…Хочется быть на него похожим? Не знаю, мне лично хочется. Другой вопрос, вот смог бы ты так же, так как он? У меня вообще странное к нему отношение, он и похож на меня и не похож, и проще чем-то, и взрослее вроде. Ну, в общем, действительно брат» [7]. В тоже время на популярных интернет-киноплощадках типа ИВИ в коллекциях фильмов, рекомендуемых молодежи в обзоре, присутствует только один фильм «Блиндаж» [8].

Роль кинематографа в современном обществе очень велика, и с расширением его возможностей она только возрастает. Воздействуя на эмоции зрителя, кинематограф формирует у него конструктивную картину мира и создает разграничения, показывая гражданам, где «свой», а где «чужой». Включение специально отобранных кинофильмов в программы патриотического воспитания образовательных учреждений имеет большой потенциал и формирует направленный эстетический, нравственный и интеллектуальный вкус у студентов.

Литература:

1. Цитаты о кино. – URL: https://ru.citaty.net/temy/kino/
2. Ариян М.А., Золотова М.В., Карпова Ю.Н Отечественный художественный фильм как средство формирования патриотических качеств у студентов на занятиях по иностранному языку // Язык и культура. – 2023. – № 63. – С. 100–120.
3. Зернов Д.В., Шалютина Н.В. Отношение молодежи к фильмам о Великой Отечественной войне: ожидания от просмотра и жанровые предпочтения. – URL: https://journals.ssau.ru/semiotic/article/view/24044/pdf
4. Капустин В.В. Опыт исследования современного кино и его роль в патриотическом воспитании граждан России // Социально-гуманитарные знания. – 2022.– № 4.– С. 35–46.
5. Куликова О.А., Рабовичева А.С. Отношение молодежи Москвы к теме патриотизма в отечественном кинематографе // Вестник университета. – 2022. – № 12. – С. 180–187.
6. Никова М.А. Формирование патриотизма у российского студенчества: автор. дисс. … канд. соц. наук. – М., 2004. – 24 с.
7. Сергей Бодров. Цитаты. – URL: https://ru.citaty.net/avtory/sergei-bodrov/
8. Фильмы для молодежи смотреть онлайн. – URL: https://www.ivi.ru/collections/movies-for-youth

Cinematography and Patriotic Consciousness of Russian Students (Using the Example of Universities in the Republic of Tatarstan)

Tuzikov A.R., Zinurova R.I.
Kazan National Research Technological University

The film industry plays an important role in the formation of the civic consciousness of student youth, promotes the penetration of images and media effects into the youth environment that trigger directed thinking, the formation of value orientations, ideological and motivational attitudes, and behavioral practices.

The purpose of the study is to identify the degree of influence of specific genres and types of film production on the patriotic consciousness of students. To achieve the goal, the following tasks were set: substantiation of the relevance of the civic-patriotic consciousness of young people, a bibliographic review of the problem, specification of film genres in the context of the influence on the patriotic consciousness of student youth, identification of the rating of films popular among students.

The significance and effectiveness of the work lies in the fact that for the first time, based on a large empirical array of opinions, a rating of films that are significant for the studied issues of patriotic education of student youth has been determined.

Key words: patriotic consciousness, film genres, film ratings

УДК 316.422.42

Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ

Усманов Г.Р.
Аспирант кафедры общей и этнической социологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена анализу концепции «общества риска» Ульриха Бека. В статье рассматривается то, как рост индивидуализации и вездесущность глобальных рисков требуют переоценки традиционных норм и перехода к более рефлексивным, самодостаточным подходам к жизни. Подчеркивается значение этого перехода для переопределения социальной сплоченности, когда возникают новые формы солидарности, основанные на общей озабоченности сложными, взаимосвязанными проблемами. В статье также представлено более детальное понимание «общества риска» как поворотного шага в современности, предвещающего будущее, в котором адаптивность, предвидение и совместные действия определяют состояние человека.

Ключевые слова: Ульрих Бек, общество риска, индивидуализация, рефлексивная модернизация

Ульрих Бек предлагает новый взгляд на современность, определяя ее через две трансформационные стадии. Первая стадия разрушает ткань традиционных обществ, переходя в индустриальную эпоху, которая отменяет вековые нормы и ценности. Трансформация, названная «классической модернизацией», заложила основу для глубоких общественных изменений. После Второй мировой войны началась вторая волна модернизации, которая усилила черты своей предшественницы и привела к появлению того, что У. Бек называет «обществом риска» – эпоха, отличавшаяся приверженностью к рациональности, научному прогрессу и стремлением к контролю, парадоксальным образом породила огромное количество кризисов, охватывающих экологические, структурные и культурные аспекты [1, p. 22].

Переход к «обществу риска» знаменует собой изменение приоритетов общества – от распределения богатства к распределению «плохого» или рисков. В этом контексте угрозы, с которыми сталкивается общество, переходят от природных катаклизмов к тем, которые порождены человеческой деятельностью, например, экономическая нестабильность, терроризм, экологические проблемы и т.д. [2, p. 19]. Данный переход подчеркивает преобразующее воздействие человеческих действий и политических решений, открывая мир, где риски, которые раньше ограничивались природой или человеческим мастерством, теперь исходят от наших собственных коллективных решений и действий.

У. Бек иронизирует, утверждая, что наши усилия по снижению рисков непреднамеренно порождают новые, непредвиденные проблемы. Эта ирония иллюстрирует более широкое представление о современном прогрессе: нейтрализуя определенные угрозы, он одновременно порождает новые, бросая вызов границам, которые когда-то разделяли классы, нации и поколения. В рамках этой концепции У. Бек предлагает фундаментальный сдвиг в фокусе внимания общества от традиционных проблем справедливости и распределения ресурсов к преимущественному акценту на безопасности и снижении рисков. По его мнению, сдвиг означает переход от обществ, исторически связанных потребностями и нехваткой ресурсов, к обществам, объединенным общим отношением к риску и заботой о нем. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о новом виде солидарности, основанной не на изобилии, а на совместном освоении неопределенной и зачастую опасной современной жизни [3, p. 83].

В основе анализа У. Бека лежит идея о том, что наш современный мир неразрывно связан новой со-

лидарностью, определяемой общим опытом риска, несмотря на его материальное процветание. Солидарность знаменует собой значительный сдвиг в обществе, когда основная проблема заключается в коллективном решении и управлении всепроникающими и непредсказуемыми рисками, определяющими нашу эпоху, а не сводится исключительно к материальному неравенству.

В так называемой «второй современности», которую описывает У. Бек, мы наблюдаем глубокую трансформацию, определяемую всплеском индивидуализации. Трансформация происходит по мере того, как институты теряют свою власть, а границы социальных классов размываются, в результате чего индивиды оказываются в эпицентре борьбы с жизненными рисками и неопределенностями. Период модернизации требует большей уверенности на фоне распада устоявшихся ценностей, способствуя глобальной взаимосвязи, где индивидуализация и глобализация выступают как взаимосвязанные движущие силы новой эпохи.

У. Бек также описывает сценарий, в котором индивиды, постепенно отчуждаясь от вековых социальных структур, оказываются без новых институциональных якорей, что порождает усиленную форму индивидуализма, который становится краеугольным камнем характера «второй современности» и коренным образом меняет то, как люди взаимодействуют, интерпретируют и ориентируются в сложностях жизни. Былая опора на общинные, классовые или групповые решения исчезает, и наступает эпоха, когда индивидам приходится прокладывать собственные курсы, неся ответственность за построение собственных жизненных смыслов и путей. Масштабная трансформация затрагивает все жизненные измерения, перестраивая общественные институты, личный образ жизни и отношения, порождая «индивидуализированное общество». Здесь личная самостоятельность и выбор приобретают беспрецедентную значимость. У. Бек воспринимает этот переход как смещение от коллективных структур к «индивидуальному агентству», знаменующему новую эпоху, в которой личная свобода сочетается со значительной ответственностью. Появление «институционализированного индивидуализма» предвещает вновь обретенные свободы и влечет за собой новые тяготы, поскольку индивидам приходится справляться с последствиями своего независимого выбора на фоне неопределенности и риска [4, p. 63].

Сокращение традиционных институтов означает не просто изменение индивидуальных жизненных траекторий; оно указывает на более широкие метаморфозы в общественных структурах, делая акцент на эмпирической политике индивидуального существования. Двойное восхождение индивидуализации и генерирования рисков сигнализирует о реконфигурации общественных норм, подталкивая индивидов к восприятию своей жизни как автономного проекта в непредсказуемой среде. По мере того, как эра «произведенных рисков» проникает в различные сферы жизни общества, люди вынуждены адаптироваться, перестраивать свои подходы и менталитет для того, чтобы двигаться по миру, отягощенному новыми неопределенностями и ответственностью. Смена парадигмы предвещает критический момент в эволюции общества, знаменуя собой трансформационный момент, когда сущность индивидуальной и коллективной идентичности будет переосмыслена в условиях глобализации [5, с. 943].

В мире, который описывает У. Бек, можно наблюдать изменения в том, как мы работаем и живем, подстегиваемые растущими рисками и рушащимися уверенностями, которые когда-то давало индустриальное общество. Прошли те времена, когда работа и карьера шли по предсказуемому, стандартизированному пути. Теперь мир работы стал непредсказуемым и изменчивым, в «обществе риска», по У. Беку, перестраивается сама структура повседневной жизни. Так, появление удаленной работы и цифровых платформ произвело революцию на рынке труда, изменив характер трудовых договоров и поставив под сомнение ожидания относительно гарантий занятости. Можно утверждать, что эти изменения имеют далеко идущие последствия, способствуя возникновению у многих чувства неполной занятости и испытывая на прочность традиционные системы социальной защиты [6, p. 288].

В новом мире люди оказываются в меняющихся социальных отношениях и обязанностях, им приходится самостоятельно решать свои проблемы и строить свое будущее. У. Бек отмечает, что раньше люди беспокоились не только о физических угрозах: теперь они также сталкиваются с кардинальными изменениями в сфере занятости, доверия к институтам, приверженности традициям и самой ткани их личной жизни. У. Бек называет этот новый тип модернизации «рефлексивным». «Рефлексивная модернизация» возникает изнутри суматохи индустриального общества, сигнализируя о растущем признании наших ограничений в овладении силами природы, технологии и самого общества. Речь идет о том, чтобы стать более самосознательными и рефлексивными, бросая вызов и отдельным людям, и институтам, чтобы переоценить и переосмыслить себя перед лицом этих изменений. По мере того, как «общество риска» перестраивает основы мира, нам предлагается деконструировать старые социальные структуры и осторожно собирать новые, ориентируясь в неопределенном будущем со смесью опасений и надежд [7, p. 16].

Эпоха «рефлексивной модернизации» сигнализирует о глубокой и всеобъемлющей трансформации всего спектра общественных структур – от

нашей идентичности до семьи, экономических систем, государственного управления, трудовых отношений. Даже мелочи повседневного существования подвержены этой масштабной реконфигурации. У. Бек противопоставляет «рефлексирующих индивидов» прошлого, которые ориентировались в мире, где знания считались конкретными и доступными, и «рефлексирующих индивидов» сегодняшнего дня, которые оказались на переднем крае «общества риска». Сегодня эти индивиды вынуждены принимать быстрые и обоснованные решения в условиях отсутствия традиционных указателей и ориентиров, постоянно адаптируясь к изменчивой среде, в которой социальные, личностные и институциональные конструкции находятся в вечном движении [8, p. 60].

У. Бек утверждает, что угрозы и риски в «обществе риска» не имеют пространственных, временных или социальных ограничений и затрагивают все общества и социальные классы. Глобальные результаты текущих угроз выходят за пределы национальных границ и превращают «общество риска» в «общество глобального риска» [9, p. 182]. Поэтому противостояние этим угрозам и вызовам требует глобального, транснационального взгляда. Исходя из этого, он считает, что важнейшим аспектом «общества риска» является космополитизация, что означает внутреннюю глобализацию изнутри национальных обществ. Космополитизация существенно трансформирует повседневное сознание и идентичность [10, p. 93]. Глобальные вызовы и тревоги становятся частью локального повседневного опыта и моральной жизни людей. Глобальные риски сформировали всеобъемлющее видение человечества. По мнению У. Бека, если «первая современность» была национальной, то «вторая» – транснациональной или космополитической [11, p. 264].

Таким образом, теория «общества риска» – это не столько теория риска в современном обществе, сколько социальная теория нового социального мира. Хотя процесс модернизации принес современному человеку ощутимые достижения и прогресс, как отмечает Ульрих Бек, параллельно с ними современное общество столкнулось с беспрецедентными кризисами и угрозами. В отличие от «первой современности», преобладающим и определяющим элементом нового мира стали риски и побочные эффекты человеческой деятельности, которые сегодня усложняют многие аспекты человеческой жизни. Риски и угрозы придали миру особый характер и, следовательно, привели к глубокой трансформации социальных сил и отношений. Результатом этого процесса стало господство над современным обществом чувства недоверия, тревоги и неопределенности.

Литература:

1. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage, 1992. – 260 p.
2. Beck U. The reinvitation of politics: towards a theory of reflexive modernization / Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – P. 1–55.
3. Beck U. World Risk Society. – Cambridge: Polity Press, 1999. – 199 p.
4. Beck U., Williams J. Conversion with Ulrich Beck. – Cambridge: Polity Press. 2004. – 240 p.
5. Минабутдинов И.В. «Общество риска» современности как результат процесса глобализации // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ: матер. Межд. конф. 26 марта 2020 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 941–944.
6. Beck U. The cosmopolitan condition // Theory Cult. Soc. – 2007. – № 24. – P. 286–290.
7. Beck U., Bonss W., Lau C. The theory of reflexive modernization // Theory Cult. Soc. – 2003. – № 20. – P. 1–33.
8. Rossi I. Reflexive modernization / Pioneer in Cosmopolitan Sociology and Risk Society / ed. by U. Beck. – Cham: Springer International Publishing, 2014. – P. 59–64.
9. Beck U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 269 p.
10. Beck U. The Cosmopolitan Vision. – Cambridge: Polity Press, 2006. – 201 p.
11. Beck U. Varieties of second modernity and the cosmopolitan vision // Theory Cult. Soc. – 2016. – № 33. – P. 257–270.

Ulrich Beck's Concept of «Risk Society»: a Theoretical Analysis

Usmanov G.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article is devoted to the analysis of Ulrich Beck's concept of «risk society». The article considers how the growth of individualization and the omnipresence of global risks require a reassessment of traditional norms and a transition to more reflexive, self-sufficient approaches to life. The significance of this transition for rethinking social cohesion is emphasized: new forms of solidarity based on shared concern for complex, interconnected problems are emerging. The article also presents a more detailed understanding of the «risk society» as a key step in modernity, heralding a future in which adaptability, foresight and cooperative action define the human condition.

Key words: Ulrich Beck, risk society, individualization, reflexive modernization

УДК 316.4

Роль наставника при формировании индивидуального образовательного маршрута молодого педагога

Фатхуллина Л.З.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии науки и социальной работы
Казанского национального исследовательского технологического университета

Низамова А.Х.
Старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что одной из эффективных форм введения молодого специалиста в профессиональную деятельность является наставничество. В статье с позиции междисциплинарного подхода раскрыты особенности взаимодействия наставника с молодым педагогом на различных этапах индивидуального образовательного маршрута. Анализ теоретических положений показал важность адаптационных процессов в становлении педагога в профессии. Цель работы заключалась в выявлении сложностей, с которыми сталкивается наставник на различных этапах индивидуального образовательного маршрута наставляемого. На основе результатов, полученных в ходе социологического исследования, автор приходит к выводу о необходимости разработки персонализированных программ наставничества для молодых специалистов.

Ключевые слова: наставник, молодой педагог, индивидуальный образовательный маршрут, адаптация, передача опыта

На современном этапе наставничество является эффективным инструментом в поддержке и развитии молодых педагогов. Рассматриваемый формат работы подразумевает взаимодействие между опытным и начинающим специалистом. Доверие, возникающее между индивидами в процессе коммуникации, представляет собой вторичный феномен по отношению к уже существующей способности людей взаимодействовать на базе общей профессиональной деятельности и общих ценностей [1]. Различные виды, формы, методы, средства педагогического взаимодействия и их сочетание позволяют оптимально организовать процессы наставничества, исход которых напрямую связан с успешностью, продуктивностью, мобильностью и необходимостью того или иного аспекта и субъекта деятельности [2].

В современных условиях «наставник» – это консультант, поддерживающий педагогического партнера. Основная его цель – оказать помощь молодому педагогу развить профессиональные навыки, обменяться опытом и найти оптимальные пути решения профессиональных задач. Наставники должны обладать такими чертами, как высокая компетентность в области педагогики и психологии, умение анализировать педагогические ситуации и выполнять поставленные цели. Молодой специалист, в свою очередь, должен быть открытым для

новых знаний и опыта, готовым к анализу и саморефлексии педагогической практики. Это сотрудничество эффективно для обоих участников: молодой педагог получает возможность перенимать опыт и получать обратную связь; опытный педагог развивает навыки менторства.

Можем сказать, что выстроенная и эффективно действующая система наставничества может стать действенным инструментом повышения привлекательности педагогического труда.

Традиционная трактовка понятия «наставник» подразумевает специалиста, готового делиться своим опытом и знаниями. Данной тематике уделено достаточно внимания в научной литературе (Н.Н. Исланова, О.Б. Кутузова, Ф.Ш. Мухаметзянова, Л.Н. Нугуманова, Г.Н. Подчалимова, И.В. Сорокина, А.З. Хурамшина, С.И. Яковенко и др.) [3–5].

Профессиональная социализация молодых специалистов происходит на следующих этапах: довузовский (школьное образование, профориентционные мероприятия, выбор будущей профессии); вузовский (высшее образовательное учреждение, ступени образования); трудоустройство (период адаптации в профессии); профессиональная деятельность (совершенствование компетенций). Отмечается, что развитие наставничества необходимо на всех уровнях образования [6]. При этом взаимоотношения «наставник – молодой педагог» строятся на принципах добровольности, индивидуализации и персонализации, вариативности, системности, стратегической целостности. Исследования выявили, что программа наставничества будет эффективно реализовываться в той образовательной организации, где данную программу на контроле держит администрация, заинтересованная в адаптации молодого педагога; кроме того, важен сформированный благоприятный социально-психологический климат в коллективе [7; 8].

Современная система образования требует от образовательного процесса постоянных изменений и корректировок в связи с внедрением информационных технологий и изменением образовательных стандартов. Педагоги должны быть мотивированы, постоянно повышать уровень квалификации и осваивать цифровые технологии. Для успешной адаптации молодого педагога необходим индивидуальный образовательный маршрут (далее – ИОМ), который обеспечивает возможность отслеживания результатов работы с наставником. ИОМ способствует профессиональному развитию педагога в условиях единого образовательного процесса, а также устранению профессиональных дефицитов с учетом индивидуальных особенностей [9].

Определение роли наставника в становлении личности педагога существенно, так как в основе диады «наставник – молодой педагог» лежат принципы доверия, диалога и конструктивного партнерства. Взаимодействие осуществляется через неформальное общение и эмоциональную связь участников. Все эти факторы способствуют ускорению процесса передачи социального опыта, быстрому развитию новых компетенций, органичному становлению полноценной личности.

Для выявления особенностей работы наставника с молодым педагогом на разных ИОМ был проведен онлайн-опрос, в котором приняли участие наставники, представляющие муниципальные районы Республики Татарстан, включая два городских округа. Выборочная совокупность – 368 чел. Исходя из полученных результатов, портрет опрошенных наставников выглядит следующим образом: возраст 50–59 лет (45 %), большинство из них (55 %) трудятся в общеобразовательной школе, педагогический стаж которых превышает 30 лет.

Ответы респондентов на вопрос: «На каких этапах реализации индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) наставляемого Вы, как наставник, испытываете затруднения?» представлены на рисунке 1.

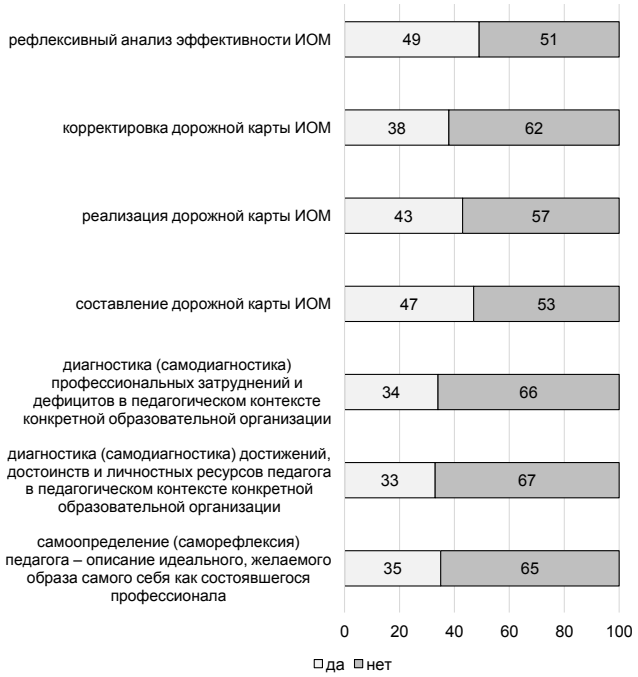

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На каких этапах реализации индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) наставляемого Вы, как наставник, испытываете затруднения?», %

Как видим из рисунка 1, распределение ответов оказалось следующим: затруднения у наставников вызывают этапы: «рефлексивный анализ эффективности ИОМ» (49 %), составление дорожной карты ИОМ» (47 %) и «реализация дорожной карты ИОМ» (43 %); наименьшие затруднения выявлены на этапе «диагностика (самодиагностика) достижений, достоинств и личностных ресурсов педагога в педагогическом контексте конкретной образовательной организации» (33 %).

Указанные факты свидетельствуют о том, что на всех этапах индивидуального образовательного маршрута наставник испытывает затруднения. Это связано с тем, что на данных этапах продолжает идти становление личности и ее социально-профессиональное самоопределение. Успешность адаптации молодого специалиста в образовательном учреждении зависит от передачи опыта и преемственности между поколениями.

На рисунке 2 представлены ответы на вопрос: «По каким критериям, на Ваш взгляд, следует оценивать результативность персонализированной программы наставничества?».

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «По каким критериям, на Ваш взгляд, следует оценивать результативность персонализированной программы наставничества?», %

Отметим, что среди критериев, по которым можно судить об эффективности персонализированной программы наставничества, можно выделить: «повышение уровня мотивированности и осознанности наставляемого в вопросах саморазвития и профессионального самообразования» (91 %), «эффективность реализации образовательных и культурных проектов совместно с наставляемым» (89 %), «результативность реализации персонализированной программы наставничества» (88 %); менее информативны два показателя – «процент обучающихся наставляемого, успешно прошедших ВПР/ОГЭ/ЕГЭ» (40 %) и «динамика участия обучающихся в олимпиадах» (31 %).

Отметим необходимость мониторинга за реализацией программы наставничества, он дает возможность отслеживать данный процесс, динамику взаимодействий между наставником и наставляемым, при этом показывая удовлетворенность наставника результатами своей работы и удовлетворенность наставляемого темпами адаптации в образовательном учреждении. Мониторинг программы наставничества должен включать два этапа: 1) качество персонализированной программы наставничества; 2) профессиональный рост участников взаимодействия и положительная динамика результатов профессиональной деятельности.

Таким образом, результаты нашего исследования показали сложности, с которыми сталкиваются наставники в процессе работы с молодыми педагогами на различных этапах индивидуального образовательного маршрута. При этом считаем необходимым продолжать разрабатывать персонализированные программы наставничества, которые оказывают молодому педагогу своевременную адресную помощь в процессе адаптации в образовательном учреждении и в профессии целом.

Литература:

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2006. – 730 с.
2. Фатхуллина Л.З. Оптимизация профессиональной ориентации на основе междисциплинарного подхода // Управление устойчивым развитием. – 2016. – № 1. – С. 71–76.
3. Кутузова О.Б., Сорокина И.В. Модель многофункционального наставничества педагогов в школе // Современный ученый. – 2023. – № 2. – С. 234–240.
4. Хурамшина А.З., Игошин В.Ю., Бобырев Н.Д. Исследование ценностно-смысловых ориентаций учителей к профессиональной деятельности с учетом педагогического стажа работы // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-1. – С. 481–485.
5. Подчалимова Г.Н., Белова С.Н. Построение и реализация индивидуального образовательного маршрута учителя в условиях цифровой трансформации дополнительного профессионального образования // Человеческий капитал. – 2022. – Т. 2. № 12. – С. 63–73.

6. Мухаметзянова Ф.Ш., Исланова Н.Н. Наставничество как механизм поддержки профессионального развития педагогов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 5. – С. 58–64.
7. Нугуманова Л.Н. Наставничество в процессе профессиональной адаптации педагога: проблемные зоны и перспективы // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 6 (135). – С. 18–26.
8. Нугуманова Л.Н. Педагогическое наставничество в Республике Татарстан: реализация регионального проекта // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2021. – № 4. – С. 51–55.
9. Нугуманова Л.Н., Шайхутдинова Г.А., Яковенко Т.В. Индивидуальный образовательный маршрут как технология непрерывного профессионального развития педагога // Вестник НЦБЖД. – 2021. – № 3. – С. 19–26.

The Role of the Mentor in the Formation Individual Educational Route for a Young Teacher

Fatkhullina L.Z.
Kazan National Research Technological University
Nizamova A.Kh.
Kazan State University of Architecture and Engineering

The relevance of the research topic is due to the fact that one of the effective forms of introducing a young specialist into professional activity is mentoring. From the perspective of an interdisciplinary approach, the article reveals the features of interaction between a mentor and a young teacher at various stages of an individual educational route. Analysis of theoretical provisions showed the importance of adaptation processes in the development of a teacher in the profession. The purpose of the work was to identify the difficulties that a mentor faces at various stages of the mentee's individual educational route. Based on the results obtained during the sociological study, the author comes to the conclusion that it is necessary to develop personalized programs for working with young professionals.

Key words: mentor, young teacher, individual educational route, adaptation, transfer of experience

УДК 316

Факторы социально-трудовой адаптации и мотивации молодежи в современных условиях

Хизбуллина Р.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

Доробов М.С.
Аспирант кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

В статье приводится попытка теоретического обобщения постулатов зарубежной классической социологической мысли (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Р. Мертон) как результат осмысления социального феномена адаптации. Представлены научные позиций отечественных авторов об особенностях социальной, социально-профессиональной и трудовой адаптации. На основе эмпирических данных авторского социологического опроса молодежи г. Казани (14–35 лет; n = 475) определен ряд условий социально-трудовой адаптации молодежи и возникающих адаптационных барьеров в социально-трудовой среде. В работе также приведены некоторые данные социологического исследования «Молодежь и карьера в России: амбиции, возможности, барьеры», представленные «ВЦИОМ-СПУТНИК», демонстрирующие социально-трудовые мотивы в процессе трудоустройства. Сформулировано понимание приоритетности экономических и неэкономических факторов социально-трудовой адаптации среди молодежи, а также роли мотивационных и адаптационных мероприятий в процессе социально-трудовой адаптации молодых специалистов.

Ключевые слова: адаптация, социально-трудовая адаптация, молодежь, факторы адаптации, мотивация, трудоустройство

Адаптация является особым социальным феноменом, который может быть рассмотрен с позиций теоретико-методологического и эмпирического знания, базирующегося на принципах, соответствующих социологическому научному представлению.

Исходя из взглядов М. Вебера, адаптацию можно трактовать как результирующую ряда действий по инклюзии индивида в социальный прогресс. Другой социолог, Р. Мертон, сформулировал структуру адаптации, способы и условия ее понимания как рационального поведения в условиях существующих/заданных в социуме норм. Согласно представлениям Э. Дюркгейма, адаптация является интериоризационным механизмом трансформации и приспособления внутренних структур в сознании индивида к существующим представлениям об общественных нормах.

Опираясь на мысль отечественного социолога Л.В. Корель, одним из критериев адаптации можно считать формирование внутреннего социально-психологического состояния адаптанта с наличествова-

нием конкретных решений как внешнего ответа на экзогенную социальную проблему [1].

Как справедливо указывает Г.П. Юркевич, социальная адаптация в рамках научного знания выражается хотя и многообразно, но противоречиво. поскольку процедура ее измерения и интерпретации поливариантна [2].

Отечественный исследователь в области социально-трудовой адаптации С.Н. Богачев отмечает, что под влиянием социально-экономических условий трансформируются виды и основания трудовой деятельности, общественного труда, социально-экономических потребностей и запросов, мотивов, ценностей и пр. [3]. Современными молодыми исследователями (А.А. Ибрагимова, Д.А. Горбачев Э.Р. Нуруллина, А.А. Кубышкина) отмечается необходимость рационализации основных проблематик управления персоналом в организации [4; 5]. Соответственно, исследование особенности адаптации различных социальных групп актуально в период трансформаций современного общества. В данной связи целесообразно рассмотреть социально-трудовую адаптацию молодежи как социальной группы (под которой в социологии понимается поколение людей, проходящих стадии социализации через усвоение образовательных, социально-трудовых, социально-профессиональных и других социальных функций [6; 7]).

Методология и методы. Одними из основополагающих принципов социологического осмысления особенностей адаптации является верификация и квантификация результатов с их последующим научным осмыслением. Эмпирической базой представленной работы выступили данные авторского социологического опроса, проведенного среди молодежи г. Казани (анкетирование молодежи 14–35 лет, $n = 475$ (целевая), октябрь–январь 2023–2024 гг.; количество респондентов сформировано с учетом доверительной вероятности = 97 %; доверительный интервал (погрешность) составил 5 %). Задачи опроса состояли в определении факторов мотивации к трудоустройству, условий социально-трудовой адаптации молодежи и возникающих адаптационных барьеров. В работе также приведены данные социологического опроса (формализованное телефонное интервью), представленного «ВЦИОМ-СПУТНИК» – «Молодежь и карьера в России: амбиции, возможности, барьеры» (2019–2021 гг., $n = 1600$ чел.) [8].

Результаты авторского опроса показали, что для 76 % респондентов уровень предлагаемой заработной платы является приоритетным условием при принятии решения о трудоустройстве. Вместе с тем 51 % респондентов в возрастном диапазоне 18–29 лет (46 % опрошенных в возрасте 30–35 лет) отметили, что предложение от работодателя о трудоустройстве («*job offer*») с перспективами карьерного и финансового роста могут быть условием рассмотрения молодым соискателем реальной возможности трудоустройства в данной организации, даже в случае предлагаемой стартовой экономической мотивации меньше ожидаемого уровня. Полученные в результате опроса данные в некоторой степени коррелируют с результатами, представленными ВЦИОМ, где на вопрос о приоритетности факторов при трудоустройстве респондентами был указан «размер заработной платы» – 73 % (в возрасте 18–24 лет), 78 % – в возрасте 25–34 лет (см. рис. 1).

Что касается неэкономических факторов социально-трудовой мотивации и адаптации, которые затруднительно привести к единому знаменателю, но известно, что сегодня в большинстве организаций предусмотрена их реализация через социальную поддержку молодых специалистов посредством социальных программ (корпоративное обучение, наставничество и пр.).

Респондентами определено, что, несмотря на приоритет экономического фактора при трудоустройстве и реализации трудовой деятельности в целом, неэкономические мероприятия, хотя и не являются первоочередными, но отмечены в качестве условий, мотивирующих к трудоустройству в организации, практикующей подобные меры поддержки, а также является существенным подспорьем в вопросе ускорения вхождения в новую социально-профессиональную и трудовую среду организации (51 % утвердительных ответов респондентов).

Возможность профессиональной самореализации в организации, как и в случае с результатами, демонстрируемыми ВЦИОМ, также является одним из значимых условий адаптации, на что указали 56 % опрошенных, поскольку понимание перспектив собственной профессиональной состоятельно-

Рис. 1. Приоритетные факторы в процессе трудоустройства молодежи [8]

сти раскрывает потенциал для профессионального роста, признания и уверенности, как социально-психологической компоненты в процессе адаптации молодого специалиста.

Известно, что социально-трудовая адаптация зачастую сопровождается некоторыми адаптационными барьерами, которые депривируют данный процесс, 31 % опрошенных указали, что одним из таких адаптационных барьеров может стать трудность инклюзии в новый коллектив. Одно из пояснений сформулированных опрошенными к вопросу о трудностях вхождения в новый коллектив как адаптационного барьера состояло в следующем: социально-трудовая адаптация может пройти быстрее и комфортнее в молодежной среде трудового коллектива, где большая часть коллег относится по возрастной характеристике к категории «молодежь». Следовательно, в рамках результатов опроса отметим, что социально-демографические характеристики коллектива как показатель при оценке факторов социально-трудовой адаптации является значимым для современной молодежи.

Далее, согласно данным опроса, среди факторов социально-трудовой адаптации наличие опытного наставника в организации из числа старшего поколения может стать одним из условий нивелирования депривационных трудовых барьеров в процессе социально-трудовой адаптации молодого специалиста 43 % опрошенных согласны, что наличие наставника, обладающего трудовым опытом и профессиональными навыками и относящегося к старшему поколению, облегчает социально-трудовую адаптацию молодого работника.

Подводя итог, обозначим, что, согласно полученным результатам, экономический фактор, хотя и продолжает сохранять лидирующие позиции в вопросе трудоустройства и мотива к труду, неэкономические факторы адаптации, как, например, социально-психологический климат, корпоративная культура, система наставничества, социальные программы развития карьерного и профессионального роста и др. остаются условиями, способствующими вхождению молодежи в социально-трудовую среду организации и детерминирующими процесс их социально-трудовой адаптации.

Дальнейшие исследования социально-трудовой адаптации и мотивации молодежи являются актуальными для современного социологического знания, поскольку позволяют дополнить понимание особенностей адаптации как социального феномена, а также процессов, опосредующих социально-трудовое поведение молодежи в современных условиях.

Литература:

1. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
2. Юркевич Г.П. Теория социальной адаптации в истории социологических учений // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 10. – С. 101–116.
3. Богачев С.Н. Социально-трудовая адаптация в условиях социально-экономической трансформации современного российского общества: на примере Архангельского филиала ОАО «Ростелеком»: дисс. … канд. соц. наук. – СПб., 2012. – 186 с.
4. Горбачев Д.А., Ибрагимова А.А. Управление персоналом. Проблемы и их характеристика // Проблемы развития предприятий: теория и практика: Сб. статей X Межд. науч.-практ. конференции, Пенза, 17–18 апреля 2023 г. / Под науч. ред. В.И. Будиной. – Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-тет, 2023. – С. 174–176.
5. Кубышкина А.А. Социально-экономические проблемы молодежи в современных условиях // Тинчуринские чтения – 2023 «Энергетика и цифровая трансформация»: Материалы Межд. молод. науч. конф. В 3-х т. Т. 3. / Под общ. ред. Э.Ю. Абдуллазянова. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-тет, 2023. – С. 397–399.
6. Накашидзе Д.Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе // Science Time. – 2016. – № 8 (32). – С. 102–106.
7. Хизбуллина Р.Р. Молодой специалист: особенности социально-профессиональной социализации: автор. дисс. … канд. соц наук. – Казань, 2012. – 23 с.
8. Молодежь и карьера в России: амбиции, возможности, барьеры // ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/molodezh-i-karera-v-rossii-ambicii-vozmozhnosti-barery (дата обращения: 10.03.2024).

Factors of Social and Labor Adaptation and Motivation of Young People in Modern Conditions

Khizbullina R.R., Dorobov M.S.
Kazan State Power Engineering University

The article provides an attempt to theoretically generalize the postulates of foreign classical sociological thought (E. Durkheim, M. Weber, R. Merton) as a result of understanding the social phenomenon of adaptation. The scientific positions of domestic authors on the features of social, socio-professional and labor adaptation are presented. Based on empirical data of the author's sociological survey of young people of Kazan (14–35 years old; n = 475) identified a number of conditions for the social and labor adaptation of young people and emerging adaptation barriers in a social and labor environment. The work also provides some data from the sociological study «Youth and Career in Russia: Ambitions, Opportunities, Barriers», presented by «VCIOM-SPUTNIK», demonstrating social and labor motives in the process of employment. An understanding of the priority of economic and non-economic factors of social and labor adaptation among young people, as well as the role of motivational and adaptation measures in the process of social and tour adaptation of young specialists, was formulated.

Key words: adaptation, social and labor adaptation, youth, adaptation factors, motivation, employment

УДК 316.7

Современные взгляды на понятие девиантного поведения молодежи и феномен девиации

Южанинов В.С.
Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Краснодарского университета Министерства внутренних дел РФ

Актуальность выбранной темы заключается прежде всего в множественности подходов к термину «девиантое поведение», а также в разнообразии форм девиаций. В статье рассмотрены подходы современных отечественных авторов к пониманию девиантного поведения, а также предложена своя формулировка. Кроме этого, изучен феномен девиации как социальной проблемы современного российского общества и проведен анализ причин девиантного поведения молодежи. По результатам исследования сделаны выводы о необходимости дальнейшего изучения феномена девиации и необходимости выработки эффективных мер профилактики причин отрицательных девиантных проявлений в молодёжной среде.

Ключевые слова: девиантное поведение, молодежь, норма, отклонение, современные исследователи, общество

Последние три десятилетия трансформации постсоветского общества предопределили противоречивые изменения правосознания его граждан и особенно молодежи. Правосознание проявляется в индивидуальной оценке личностью правовой действительности, это есть результат последовательных процессов, сопровождающих индивида на протяжении всей жизни.

Разнообразные девиации в молодежной среде особым образом наполнили общество в условиях его модернизации, в последние несколько десятков лет наблюдается рост девиаций в молодежной среде на фоне неопределенности институционально-нормативной системы. В связи с этим данный процесс подвергается интенсивному изучению со стороны многих исследователей. Таким образом, проблема девиантного поведения подростков не теряет своей актуальности на протяжении многих десятилетий, более того, в современных условиях, она перестала быть только психолого-педагогической, она стала социальной [1].

Стоит отметить, что социальная девиантология изучает не только негативные отклонения, но и позитивные, которые также играют важную роль в общественной жизни. Позитивная девиантность может способствовать инновациям, положительным изменениям и развитию общества, так как она выходит за рамки установленных норм и стандартов, открывая новые возможности и перспективы. Изучение девиантности в целом позволяет лучше понять динамику социальных процессов, механизмы социальной адаптации и трансформации, а также способы решения конфликтов и проблем, связанных с отклонениями от социальных норм.

Вместе с тем негативная девиантность всегда привлекала внимание исследователей в первую очередь, поскольку именно последствия от отрицательных девиаций наиболее значимы и негативны, а их воздействия на становление, укрепление и существование социального организма особенно болезненны. Норма как отдельный тип социального института непрерывно связана с таким социальным феноменом, как девиантность, более того, последняя представляет собой искаженную иллюстрацию этих норм и правил, выраженную в действиях индивида. Если нет закрепленной или устоявшейся нормы, обычая, правила, то не может быть и какого-либо отклонения от них.

Негативные социальные девиации, несмотря на разнообразие форм их проявления, обладают общей

антисоциальной сущностью, а также схожими закономерностями зарождения, развития и существования. В связи с этим на сегодняшний день в рамках социальной девиантологии наиболее значимое и актуальное направление социологических исследований связано с необходимостью теоретического и прикладного изучения негативных социальных отклонений.

Еще на рубеже 1970-х гг. в нашей стране формируется научное направление, изучающее социологию девиантного поведения. Исследования отклоняющего поведения активно проводятся в данный период в ленинградской школе именитыми учеными: Я.И. Гилинским, И. Маточкным, В. Афанасьевым и др. Родоначальник советской девиантологии, ученый-криминолог и юрист Я.И. Гилинский открыл для советской науки социальные девиации, проводя исследования отклоняющегося поведения людей и его причин, которые на тот момент уже были популярны на Западе.

В постсоветский период, начиная с начала 1990-х гг., возрастает интерес именно к вопросам девиантного поведения молодежи. Социологи и правоведы активно исследуют девиантное поведение молодежи, ученые обращают внимание на такие девиации, как употребление алкоголя, наркотических средств, создание неформальных молодежных объединений, криминальных субкультур, а также проявление экстремизма и радикализма в молодежной среде. Также многие современные исследователи обращают внимание на невысокий уровень правосознания и культуры молодежи с девиантным поведением: отрицательное отношение к закону, общепринятым правилам и социальным нормам.

В это время исследователи уделяют немало внимания изучению «теоретико-методологических основ исследования девиации молодежи» [1]. В качестве стратегий девиантное поведение молодежи, как правило, исследуется делинквентное, аддиктивное и саморазрушающее поведение. Аддиктивное поведение – один из типов отклоняющегося поведения. «Саморазрушающее поведение – это деструктивная форма поведения молодежи, ведущая к социальной, физической, психологической дезадаптации и к деградации личности» [2, с. 42].

Итак, перейдем к определению. В общем понимании, девиантное поведение – поведение, идущее в разрез с существующими устоями, нормами и правилами.

Девиантность, в широком смысле этого слова, представляет собой отклонение от общепринятой и одобряемой большинством членов общества нормы, невыполнение или неприятие (отрицание), содержащихся в ней предписаний. Вместе с тем поведение, отклоняющееся от правил, может носить как деструктивный или отрицательный характер, так и созидательный или положительный, причем быть как групповым, так и индивидуальным. Стоит отметить, что положительные девиации не привлекают внимание общественности и ученых в тех же масштабах, что отрицательные.

Проявлению отрицательного девиантного поведения способствуют следующие факторы: романтизация криминала посредством массового искусства; общедоступность в средствах массовой коммуникации информации о криминальных субкультурах; ориентация молодежи на группы ровесников, а также негативные примеры поведения в их близком окружении. Чаще всего в коллективе молодые люди способны принять что-то новое для себя, но как показывает практика, это действует не всегда в положительную сторону для молодого человека и становится источником девиантных норм.

В исследованиях и публикациях постсоветского периода авторы делают акцент на проблемы природы девиантного поведения молодежи (Е.В. Змановская [3], Ю.А. Клейберг [4] и др.). Они исследуют девиантное поведение как отклоняющееся от правил и норм, принятых в обществе, «негативно влияющее на социализацию личности» [5, с. 292].

Так, Я.И. Гилинский, с именем которого связаны значительные теоретические и методологически разработки в области отечественной социологии преступности, дает определение девиантному поведению «как действию индивида, которое не соответствует установленным нормам в обществе… » [6, с. 7].

Е.И. Холостова предлагает девиантное поведение рассматривать как поведение, которое отклоняется от принятых в отдельных социальных группах или во всем обществе ценностей, норм, установок и ожиданий [7].

И. Вингендер вводит при описании сущности девиации такие модели, как «девиация как форма поведения или образ жизни и девиация как общественное суждение» [цит. по: 7].

Также С.Ю. Бородулина, В.Г. Степанов, М.В. Фирсов характеризуют девиантное поведение как социальные поступки индивида или сплоченной группы людей, не отвечающие общепринятым и установленным правилам, образцам, нормам, сформировавшимся в том или ином обществе или господствующей социальной группе, в результате чего эти правила, образцы, нормы ими нарушаются.

По мнению Г.И. Макартычевой, А.Ю. Егорова, Е.В. Змановской, девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией.

Позиция Л.В. Мардахаева по отношению к пониманию девиантного поведения отличается от обозначенных выше. Он считает, что девиантное поведение – есть ни что иное, как зависящее от возрастной группы индивида, негативное отклонение в его по-

ведении, не соответствующее и диссонирующее не только с законодательно закрепленными нормами, но и с ролевыми предназначениями, а также общепризнанными, социально одобряемыми обычаями, правилам, традициями, в том числе нормам морали.

Интересным представляется мнение врача-психиатора А.Г. Коняхина, который представляет шаблон поведенческого реагирования, связанного с нарушением соответствующих определенному возрастному периоду социальных норм и правил поведения, характерных для микросоциальных отношений (семейных, школьных) и малых половозрастных социальных групп, как девиантное поведение, которое, соответственно, ведет к социальной дезадаптации [8].

Таким образом, на сегодняшний день понятие девиантного поведения можно охарактеризовать нестандартностью и многогранностью подходов к его пониманию.

Девиантное поведение исследовалось разными школами с точки зрения понятий как аморальное поведение, антисоциальное, аддитивное, асоциальное, деструктивное, делинквентное, отклоняющееся и противоправное поведение [9].

На основе анализа различных подходов и интерпретаций понятия девиантного поведения молодежи (приведенных выше), мы предлагаем следующую его формулировку, которая означает не признаваемую и не одобряемую большинством членов общества, не соответствующую официально установленным и закрепленным законодательно нормам, и противоречащую исторически сложившимся в социуме традициям и обычаям систему действий, поступков, высказываний отдельных индивидов и малых социальных групп под воздействием тех или иных факторов, обуславливаемых отклонениями в ценностно-нормативной системе под воздействием процессов развития и социализации личности.

Также хотелось бы отметить, что именно исследование причин девиантного поведения молодежи в России в настоящее время чрезвычайно актуально. Молодежь – значительная общественная группа, имеющая характерные социальные черты, наличие которых определяется возрастными особенностями, а также экономическим и социально-политическим положением, образовательный, социокультурный и духовный мир которой находится в состоянии становления.

К причинам девиантного поведения молодежи современные исследователи относят: проживание в неблагополучной семье, неблагоприятное социальное окружение, злоупотребление наркотическими средствами и алкогольными напитками, безработица среди молодежи, отсутствие моральных ценностей, нарушение процесса социализации личности, нарушение деятельности системы социального контроля, личностные особенности, связанные с нарушением детско-родительских отношений, «наклеивание ярлыков» и др.

Начало 1990-хх гг. в России ознаменовано новой волной интереса как к исследованию девиантного поведения, так и к изучению возможностей контроля над девиацией. Значительно возрастает число центров изучения девиантности. В частности, в Санкт-Петербурге развивается отечественная школа социологии девиантности. Вследствие исследования девиантного поведения публикуется первый отечественный учебник по курсу социологии девиантности.

Самым ярким представителем и основателем Питерской школы социологии, как и всей современной социологической науки в нашей стране, обосновавшем и систематизировавшем учения о девиантности молодежи, а также его формах и причинах является Я.И. Гилинский.

Так, по мнению Я.И. Гилинского, социальное неравенство является важным источником девиатного поведения. Причиной девиатного поведения являются социально-экономические противоречия: противоречия между «относительно равномерно растущими потребностями индивида и значительно неравными средствами их удовлетворения, в первую очередь зависящими от социальной позиции индивидов и общественных групп, а также места в социальной структуре общества» [6, с. 26].

Мнение современных отечественных исследователей, изучающих феномен отклоняющегося поведения, можно условно объединить. Так, они сходятся во мнении, что к различным формам девиации в современном обществе складывается терпимое отношение – наблюдается толерантная позиция социума. О.А. Кармадонов отмечает, что в последнее время число девиаций, которые принимает общество и относится к ним без осуждения, значительно возросло, к ним можно отнести молодежные неформальные движения («готы», «панки» и т.д.), алкоголизм, проституцию, оккультизм, различные сексуальные отклонения [10].

Казанская школа представлена исследованиями А.Л. Салагаева, Ю.Ю. Комлева, И.Г. Ясавеева, Н.Х. Сафиуллина и др. В ряде работ этих исследователей отмечается, что девиантное поведение у современной молодежи прежде всего связано с тем, что у подростков пропал интерес к получению знаний, к науке, сдвинулись их ценностные ориентиры – социокультурные факторы, также в первоисточнике причин такого поведения они выделяют неблагополучное материальное положение, отсутствие работы – социально-экономические факторы, вследствие чего молодежь совершает противоправные, преступные действия.

Профессор Ю.Ю. Комлев, исследуя теоретико-методологические актуальные проблемы девиантного поведения, отметил, что к причинам антисоци-

ального поведения молодежи относятся социальные параметры личности, детерминанты и механизмы развития асоциального поведения, а также тенденции молодежного употребления наркотических средств и алкогольных напитков.

В Тюмени активно развивается центр девиантологии, в котором исследуют природу девиантности И.Л. Грошев, С.Г. Ольков, Э.Г. Юзиханова и др. В работах тюменских исследователей отмечается, что девиантное поведение, нарушающее признанные нормы, формируется в рамках постоянного нарастания зла, которое ведет индивида к деградации и гибели. Между тем идеальное состояние общественного организма – максимально долгая жизнь максимального количества здравствующих людей в максимально благоприятных условиях [9]. Профессор С.Г. Ольков, определил также математическое моделирование девиантных проявлений.

Т.А. Хагуров, один из наиболее ярких представителей Краснодарской школы, внес весомый вклад в изучение особенностей девиантного поведения, глубинных социокультурных факторов, влияющих на него, а также различных девиантных трансформаций. Так, Т.А. Хагуров определяет, что девиантность может быть как явной, так и латентной, вместе с тем выделяет основные формы и проявления девиантного поведения молодежи. Таковыми являются: *духовная патология,* связанная с поклонением злу (ритуальные жертвоприношения, магия, оккультизм, сатанизм, колдовство, спиритизм и т.п.). Исследователь отмечает, что указанная форма всегда наносит духовно-психологическую травму, приводит к утрате духовной и психологической свободы в рядах сектантских организаций, к разрывам правильных социальных связей и выпадению из социума; *аддиктивное (зависимое) поведение* – важный симптом данного поведения связан с утратой свободы, происходит разрушение социальных контактов; *девиантная экспрессивность и оскорбление ценностей* – проявляется в поведении молодежи от демонстрации использования ненормативной лексики до надругательств над священными символами, религиозными ценностями; *агрессивное поведение* состоит из четырех форм: защитная агрессия, инструментальная агрессия, игровая и деструктивная агрессия; *девиантное корыстное поведение* – это способы незаконного приобретения материальных благ: коррупция, ограбления, кражи, корыстный обман, мошенничество и т.п.; *сексуальные девиации* – супружеская неверность, половая распущенность проституция, гомосексуализм, сексуальное насилие и т.д.; *гендерная девиация* – транссексуализм и гендерная инверсия; *искажения действительности и ложь* – в современном обществе самые, распространенные, а также рутинные формы девинатного поведения – осуждение ближних и ложь, в особенности опасные формы девиаций, связанных с ложью – это мошенничество и корыстный обман; зависть и нарциссическое поведение и вызванные ими нарушения межличностных отношений, включая девиантные формы агрессии [11].

Вопрос познания сути и источников различных девиаций в молодежной среде, несмотря на его длительную историю исследования и большое количество посвященных ему трудов, подготовленных в многообразных сферах научного познания, до сих пор относится к группе наиболее актуальных, важных и в то же время трудных. Прежде всего это связано с тем, что современному российскому обществу не характерна социальная стагнация, оно постоянно развивается и изменяется, причем эти процессы затрагивают все сферы его деятельности (духовные, культурные, функциональные, структурные, процессуальные т.д.). Таким образом, значимость изучения данного вопроса состоит в том, что феномен девиантного поведения молодежи остается достаточно острым и в настоящее время требует дополнительного изучения.

В заключение отметим, что несмотря на то что феномен девиантного поведения начал исследоваться в социологическом аспекте еще в XIX в. Эмилем Дюркгеймом, спустя почти два столетия вопросы понятия и причин девиаций остаются не разрешенными в полной мере. Более того, на современном этапе появляются все новые подходы и точки зрения как на само понятие диванного поведения, так и на причины его возникновения, что, в свою очередь, порождает все новые исследования данного феномена. В нашем исследовании мы провели анализ различных концепций, определили точки их соприкосновения и отличия, на основании чего предложили, на наш взгляд, более полное определение «девиантного поведения», что не может не способствовать более правильному и конкретному пониманию феномена девиации. В свою очередь, углубленное и разностороннее изучение причин девиантного поведения необходимо в первую очередь для создания эффективных методик предупреждения и пресечения проявления отрицательных девиаций, в том числе в молодежной среде, а также для выработки эффективных мер контроля над ними.

Таким образом, в настоящее время продолжаются теоретические и эмпирические исследования девиантного поведения, идет поиск концептуальных основ познания девиации в современных условиях, а широкий спектр мнений анонсирует актуальность выбранной тематики.

Литература:

1. Крайнов В.И. Теоретические подходы к проблеме девиантного поведения и девиации молодежи // Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 214–221.
2. Вакула И.М. Модели девиантного поведения молодежи и его профилактика: социальноправовой аспект // Философия права. – 2019. – № 1(88). – С. 42–46.
3. Гилинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С. 70–73.
4. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – 290 с.
5. Пташко Т.Г., Рослякова С.В., Черникова Е.Г. Особенности социализации современных подростков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 292–296.
6. Гилинский Я.И. Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: уч. пособие. – СПб.: Филиал Института социологии РАН, 1993. – 167 с.
7. Холостова Е.И. Глосарий социальной работы. – М: «Дашков и К», 2017. – 800 с.
8. Коняхин А.Г. Нарушение поведения у детей // Начальная школа плюс До и После. – 2007. – № 2. – С. 78–82.
9. Ольков С.Г. Общественные болезни. – Тюмень: Высш. шк. МВД РФ, 1996. – 330 с.
10. Кармадонов О.А. Социальная девиация как фактическая ценностно-нормативная модель // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 6. – С. 148–160.
11. Хагуров Т.А. Девиантология – социология и психология зла. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 412 с.

Modern Views on the Concept of Deviant Behavior of Young People and the Phenomenon of Deviation

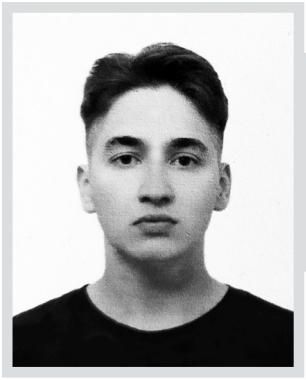
Yuzhaninov V.S.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The relevance of the chosen topic lies primarily in the multiplicity of approaches to the term "deviant behavior", as well as in the variety of forms of deviations. The article examines the approaches of modern Russian authors to understanding deviant behavior, and also offers its own formulation. In addition, the phenomenon of deviation as a social problem of modern Russian society has been studied and the causes of deviant behavior of young people have been analyzed. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the need for further studies of the phenomenon of deviation and the need to develop effective measures to prevent the causes of negative deviant manifestations in the youth environment.

Key words: deviant behavior, youth, norm, deviation, modern researchers, society

УДК 332.1

Российский и зарубежный опыт регулирования инвестиций в инновации

Абдуллин А.А.
Аспирант Института управления, экономики и финансов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Целью статьи является анализ российского и зарубежного опыта регулирования инвестиций в инновации, основных механизмов и инструментов, используемых правительствами для стимулирования инновационного развития. В статье рассмотрены нормативно-правовая база, финансовые инструменты и институциональные структуры, поддерживающие инвестиции в инновации в различных странах.

По результатам исследования были обозначены роли в стимулировании корпоративных инвестиций в инновации государственной политики и программ государственной поддержки, включая налоговые стимулы, субсидии и гранты. В статье представлены лучшие международные практики таких зарубежных стран, как США, Великобритания, Франция, чтобы определить эффективные стратегии государственного регулирования инвестиций в инновации.

Ценность статьи заключается в выявлении специфических особенностей финансирования инвестиций в инновации в России по сравнению с ведущими зарубежными странами, а также особенностей государственной инновационной политики в России.

Ключевые слова: инновации, инвестиции, НИОКР, государственное регулирование

Широко используемый в практике термин «инновационная деятельность» на данный момент не имеет четкого нормативного определения. В Федеральном законе от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ст. 11) упоминается инновационна деятельность наряду с научной и научно-технической деятельностью [1], однако ее содержание в этом законе не раскрывается, и порядок финансирования не предусмотрен, в отличие от научной и научно-технической деятельности (ст. 15) [1].

Косвенным образом об инновационной деятельности сообщается в статье 8 указанного закона [1], где говорится о договорах (контрактах) на создание, передачу и использование научной и (или) научно-технической продукции, оказании научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг между научной организацией, заказчиком и иными потребителями научной и (или) научно-технической продукции. В Постановлении Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы», приведено следующее определение этого вида деятельности: «Инновационная деятельность – процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки» [2].

Инновационная активность может и должна измеряться в первую очередь по величине вложений в НИОКР. Различные мировые исследования компаний на российском рынке, проведенные разными независимыми источниками, такими как *McKinsey*, эксперты Корнельского университета (США), бизнес-школа *INSEAD* (Франция) и Всемирная организация интеллектуальной собственности, отмечают, что порядка 70 % российских компаний никогда не

занимались инновационной деятельностью. В свою очередь, по данным Межведомственного аналитического центра, в России только 3,6 % компаний тратят на инновации более 10 % выручки. При этом повышенные инвестиции в исследования и разработки осуществляются преимущественно в химической отрасли, машиностроении и металлургии [3].

Согласно исследованию *SBS-Consulting* [3], по состоянию на 2020 г. в Российской Федерации в НИОКР инвестируется примерно 1,1 % ВВП, причем структура финансирования НИОКР кардинально отличается от развитых стран: 68 % таких инвестиций осуществляется за счет государственных средств (табл. 1).

Начиная с 2020 г. многие компании, в том числе российские, столкнулись с серьезными внешними вызовами, которые потребовали активизации и интенсификации инновационной деятельности. Успешная инновационная деятельность – это грамотное сочетание трех элементов: она должна стать для компании приоритетом, в нее необходимо вложение соответствующих ресурсов, вложенные инвестиции должны превратиться в результаты. Согласно информации *BCG (Boston Consulting Group*), несмотря на негативные тенденции, сопровождающие *COVID-19* во всех областях и сферах жизни, в 2021 г. количество компаний, в которых инновации входят в тройку приоритетов, увеличилось на 10 % (это самый высокий показатель, начиная с 2005 г.) [4].

Однако только половина таких компаний осуществляют инвестирование в инновации. Согласно результатам опроса компаний – последовательных новаторов (тех, которые не только готовы внедрять инновации, но и инвестируют в них), 31 % из них указали на главную трудность реализации инноваций – это отсутствие прочной связи («цикла благотворного сотрудничества») между разработкой продукта и выполнением функций по использованию и тиражированию инновационного продукта. Особые надежды возлагаются на инновационную инфраструктуру [5].

Таблица 1

Доля инвестиций в НИОКР за 2020 г. по странам [3]

Показатели	Россия	США	Южная Корея	Япония	Китай
Доля инвестиций в НИОКР					
(% от ВВП)	1,1	3,5	4,8	3,3	2,4
в том числе (% от общей суммы):					
Иностранные источники	2	7	–	1	–
Государственные средства	68	20	22	15	20
Средства компаний	29	66	77	78	77
Другие национальные источники	1	6	1	6	2

В результате опроса 529 высокотехнологичных предприятий России, проведенного в конце 2020 г. НИУ ВШЭ [6], было выявлено, что в связи с пандемией *COVID*-19 они столкнулись с прямыми экономическими последствиями, изменением стратегий и бизнес-моделей, изменением приоритетов инновационной деятельности, структуры и интенсивности процессов кооперации в создании знаний и технологий. Выявлено, что инновационные предприятия России успех своей деятельности также связывают с наличием эффективной инновационной инфраструктуры [6].

Со стороны государства жизненно важно осуществлять законодательное регулирование и поддержку инвестиционной активности в экономике. По нашему мнению, основными направлениями такой поддержки должны являться:

– разработка и реализация национальных программ и проектов в области инноваций;

– создание специальных инвестиционных инструментов для поддержки проектов инноваций;

– формирование инвестиционных инициатив для инвесторов, которые развивают инновационные проекты;

– создание специализированных инвестиционных фондов, которые будут инвестировать в инновационные проекты;

– разработка системы мотивации для инвесторов, которые инвестируют в инновации.

В России инвестиции в инновации регулируются на законодательном уровне, в том числе Федеральным законом от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [1] и Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [7]. Данные законы определяют принципы и основные направления развития инновационной инфраструктуры и предоставления государственной поддержки предпринимательской деятельности в области инноваций.

Кроме того, подзаконными нормативными актами Правительства РФ и нормативными документами регионального уровня определены конкретные программы инновационного развития и государственные меры поддержки инновационной деятельности. Налоговые стимулы для компаний, осуществляющих инновационную деятельность, прямо определены Налоговым кодексом РФ.

Одним из главных направлений регулирования инвестиций в инновации является установление таких механизмов поддержки, которые позволяют привлечь инвестиции в новые технологии и инновационные проекты. В этом отношении в России были предложены механизмы поощрения вло-

жений в инновации, такие как налоговые льготы, различные государственные программы и проекты и привлечение иностранных инвестиций. Также в России был разработан механизм создания инновационных платформ, таких как Национальная инновационная платформа и Российский инновационный фонд, которые обеспечивают государственную поддержку для новых технологий и инновационных проектов.

Зарубежный опыт регулирования инвестиций в инновации основан на использовании инструментов государственной политики, которые помогают привлечь инвестиции в новые технологии и инновационные проекты.

Например, Великобритания имеет очень детально разработанную программу предоставления финансовой поддержки инвесторам, которые хотят вложить средства в инновационные проекты. Также Великобритания признает преимущество инвестиций в инновации, поэтому правительство предоставляет налоговые льготы для инвесторов, чтобы поддержать инвестиции в инновации.

Франция также имеет программу по поддержке инвестиций в инновации. Правительство предоставляет налоговые льготы для инвесторов и предлагает гранты и привилегии для инвестиций в инновации. В этой стране правительство стремится создать благоприятную среду для инвестиций в инновации [8].

Например, Европейская комиссия разрабатывает программы поддержки инноваций, такие как Европейская инновационная сеть, которая охватывает бизнес-инкубаторы, технологические парки, железнодорожные операторы и других стейкхолдеров [8].

Одним из примеров опыта является программа Европейского союза «Горизонт Европы», которая предоставляет финансовую поддержку инновационным проектам в различных секторах экономики.

США предлагает широкий спектр инвестиционных программ, которые поддерживают инвестиции в инновации. Они включают в себя предоставление налоговых льгот и грантов, создание специализированных центров по поддержке инвестиций и разработку программ, призывающих инвесторов вложить деньги в инновации [9].

Для привлечения инвестиций в инновации в США используются субсидии, налоговые льготы, государственные закупки и лицензии. Кроме того, благодаря инструментам политики правительства США были созданы программы и проекты, направленные на поддержку новых инновационных инициатив, такие как «Инновационный американский план» и «Программа поддержки инноваций» [10].

В США также существуют две программы поддержки инноваций, разработанных *Small Business Administration* (*SBA*): *Small Business Innovation Research (SBIR) и Small Business Technology Transfer (STTR)*. Эти программы предоставляют средства для исследований и разработок новых технологий и инновационных продуктов [5].

Важно отметить, что эффективное регулирование инвестиций в инновации крайне важно для развития экономики и общества. Российские и зарубежные рынки предоставляют множество различных вариантов государственной поддержки инвестиций в инновации, которые могут помочь поощрить инвесторов и предпринимателей. Правильно и взвешенное использование этих инструментов может помочь реализовать потенциал инновационных инвестиций, способствовать развитию национальной экономики в целом и различных секторов экономики в частности, тем самым, принести пользу всему обществу.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. от 21 июля 2011 г.) // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановлении Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» – URL: https://base.garant.ru/179112/ (дата обращения: 06.04.2024).
3. Роль университетов России в инновационном цикле. – URL: https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/be8/be86d6fca345e0a53e8efcc8907dd2c9.pdf (дата обращения: 06.04.2024)
4. Global Wealth Grew by Double Digits to $530 Trillion in 2021, Despite Continued Crises. – URL: https://www.bcg.com/press/9june2022-global-wealth-grew-double-digits-to-530-trillion (дата обращения: 06.04.2024).

5. Юсуфов Р. Пять ключевых трендов в развитии блокчейна // Финам. – 2020. – 13 февраля. – URL: https://www.finam.ru/analysis/cryptonews/pyat-klyuchevyx-trendov-v-razvitii-blokcheiyna-20200213-11170/ (дата обращения: 06.04.2024).
6. Эффекты пандемии COVID-19 для инноваций в российском хайтеке. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/473020313.pdf (дата обращения: 06.04.2024).
7. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 195-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. от 21 июля 2011 г.) // СПС КонсультантПлюс.
8. Europe's fintech opportunity // McKinsey, 2020. – URL: https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/europes-fintech-opportunity (дата обращения: 06.04.2024).
9. Global 500 2023 Report – Brand Finance. – URL: https://brandfinance.com/insights/global-500-2023-report-published (дата обращения: 06.04.2024).
10. Рынок слияний и поглощений в России в 2019 г. // Официальный сайт КПМГ. – URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/02/ru-ru-ma-survey-2019.pdf (дата обращения: 06.04.2024).

Russian and Foreign Experience in Regulating Investments in Innovation

Abdullin A.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of the article is to analyze the Russian and foreign experience in regulating investments in innovation, highlighting the main mechanisms and tools used by governments to stimulate innovative development. The article examines the regulatory framework, financial instruments and institutional structures supporting investment in innovation in various countries.

According to the results of the study, the roles in stimulating corporate investment in innovations of public policies and government support programs, including tax incentives, subsidies and grants, were identified. The article presents the best international practices of such foreign countries as the United States, Great Britain, and France in order to determine effective strategies for government regulation of investments in innovation.

The value of the article lies in identifying the specific features of financing investments in innovation in Russia in comparison with leading foreign countries, as well as the features of the state innovation policy in Russia.

Key words: innovation, investment, R&D, government regulation

УДК 338.24

Реализация экосистемного взаимодействия в едином цифровом пространстве промышленности*

Абросимова О.М.
Младший научный сотрудник
Института финансово-промышленной политики
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Абдикеев Н.М.
доктор технических наук, профессор, директор
Института финансово-промышленной политики
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Актуальность исследования вопросов функционирования единого цифрового пространства промышленности определяется основными направлениями экономического развития, обозначенными в Стратегии научно-технологического развития РФ. Указ Президента России «О национальных целях развития РФ» ставит задачу обеспечения технологической независимости и создания новых рынков по направлениям экономики данных и цифровой трансформации, что подчеркивает важность изучения методов взаимодействия в цифровом пространстве. Целью статьи является определение направлений совершенствования экосистемного взаимодействия в цифровом пространстве промышленности. Задачами исследования являются анализ методов взаимодействия в рамках экосистемы цифрового пространства промышленности, анализ рекомендаций ОЭСР и консалтинговых компаний по формированию цифрового пространства. Таким образом, на основе систематизации методов экосистемного взаимодействия был сделан вывод о возможных направлениях развития цифрового пространства промышленности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое пространство промышленности, экосистема, промышленная политика, управление промышленным развитием

Концепция Минпромторга России «4.0 RU» создала долгосрочную основу для формирования единого цифрового пространства, чтобы улучшить координацию работы промышленных предприятий. Единое цифровое пространство строится через полноценное и обоснованное внедрение цифровых технологий на различных этапах производства. Это позволяет ускорить вывод новых продуктов на рынок, повысить гибкость производства, улучшить качество продукции, сформировать условия для роста эффективности процессов и вывести промышленность на новый уровень.

Однако сложность задачи заключается в том, что сейчас больше внимания уделяется отдельным решениям, а не созданию единого пространства. Крупные технологические компании и государственные органы разных стран, отвечающие за промышленную политику, фокусируются на собственных отдельных решениях, игнорируя отсутствие единых стандартов взаимодействия. Отдельные решения по цифровизации предприятий не способны обеспечить эффективное функционирование цифрового пространства в рамках отрасли [1].

Кроме того, проблема определения институтов и масштаба их влияния на структуру и эффектив-

*** Благодарности.** Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

ность экосистем, применяющих цифровые подходы, пока не нашла своего решения. В этой связи важно создать институциональные условия для диджитализации производственных и инвестиционных моделей и внедрения сквозных цифровых технологий в систему функционирования производственных предприятий на основе сотрудничества и обмена успешным межотраслевым опытом цифровизации инфраструктуры и производственных систем предприятий промышленности.

Важность формирования единой цифровой экосистемы в своем выступлении в 2023 г. подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин, отметив, что обеспечение цифрового суверенитета не уходит с повестки дня [2]. В феврале 2024 г. Президент поставил задачу к 2030 г. сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики, таким образом будет реализовываться проект «Экономика данных» [3]. Этим обуславливается актуальность рассмотрения методов взаимодействия в рамках единого цифрового пространства промышленности.

Единое цифровое пространство становится формой реализации процессов интеграции и координации в промышленности, основанной на известных типах бизнес-моделей. При этом необходимо соблюдение определённых условий, включающих в себя цифровую трансформацию, цифровую инфраструктуру, само цифровое пространство и потенциал экономики предложения.

Экосистемный подход к управлению может опираться на структуру экосистемы, обеспечивающую реализацию бизнес-моделей и равноправие участников, включая нерыночные стратегии государства. Действия участников единого цифрового пространство могут осуществляться в различных формах, но наиболее востребованы цепочки поставок и консорциумы для экосистемного подхода.

Методы экосистемного взаимодействия в цифровом пространстве рассматривались российскими и зарубежными учеными в различных исследованиях. Анализируя эти исследования, можно выявить несколько групп методов взаимодействия в цифровом пространстве промышленности:

1. Взаимодействие в рамках развития экосистем. Представляет собой формирование горизонтальных (со смежными технологиями) и вертикальных (между различными уровнями: продукт, средство управления, предприятие, объединенный комплекс и др.) связей в различных отраслях и на различных географических рынках, т.к. цифровизация позволяет соединить предприятия в различных регионах страны [4; 5].

2. Взаимодействие посредством цифровых платформ. Цифровая платформа – это «единая информационно-коммуникационная инфраструктура для взаимодействия заинтересованных участников с целью достижения социального и/или экономического эффекта» [6]. Подразумевается взаимодействие посредством инфраструктуры, инструментов и институциональных условий, разработанных для развития экосистем.

3. Расширенное взаимодействие и сотрудничество промышленности и государства. Промышленность должна быть направлена прежде всего на развитие национальной безопасности и технологического суверенитета государства. В этих условиях расширяются пути взаимодействия государства и бизнеса для достижения стратегических целей, поставленных главой государства.

4. Развитие кластеров в экосистемах. Цифровой кластер представляет собой «совокупность экономических субъектов, взаимодействие которых основано на цифровых коммуникационных технологиях, снижающих трансакционные издержки и имеющих относительно устойчивый характер» [7]. Кластер является ключевым звеном в цифровой экосистеме промышленности. Активное внедрение компаний в кластеры способствует эффективному формированию логистических цепочек создания стоимости внутри страны [8].

5. Методы инновационного взаимодействия. Для достижения целей технологического суверенитета посредством выпуска конкурентоспособной высокотехнологичной и/или наукоемкой продукции компании организуют совместные исследования и разработки совместно с научными организациями и университетами [9].

6. Метод взаимодействия посредством технологии Интернета вещей (*Internet of Things, IoT*). Развитие Индустриального интернета вещей (*IIoT*) позволяет осуществлять трансформацию «экономических, производственных и общественных процессов, практически полностью исключающее из части технологических действий и операций участие человека и позволяющее повысить эффективность российской региональной экономики» [10, с. 1505], а также технологическую поддержку «по принципу “от устройства до платформы” с помощью технологий от одного поставщика *IT*-услуг (компаний-агрегаторов)» [10, с. 1516].

Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по формированию цифрового пространства государства [11] включают в себя три ключевых аспекта (рис. 1).

Рассматривая эти аспекты более подробно, заметим:

Рис. 1. Формирование цифрового пространства государства по рекомендациям ОЭСР

Источник: составлено авторами на основе [11].

1) Постановка целей предполагает принятие мер по устранению существующих «цифровых разрывов», поддержку экономики данных, которая позволяет использовать открытые данные для обеспечения прозрачности, более эффективного предоставления услуг.

2) Координированная работа с технологиями в различных областях политики (промышленная, научно-технологическая) и на разных уровнях управления (федеральный, региональный, отраслевой). Создание организационных и управленческих структур для эффективной координации и интеграции усилий для достижения лучших результатов политики и услуг.

3) Укрепление потенциала. Государство обозначает четкие планы использования ресурсов для достижения определенных целей и осуществляет мониторинг результатов. Следует создать необходимые институциональные условия, включая нормативно-правовую базу, чтобы не только использовать возможности цифрового взаимодействия, но и снизить сопутствующие риски (кибератаки и нарушения конфиденциальности данных участников цифровой экосистемы) [11].

Рекомендации *McKinsey* по формированию цифрового пространства сосредоточены на реформировании корпоративной культуры, принципов работы организаций, участвующих в цифровизации [12].

Согласно исследованию *Deloitte*, государство может эффективно использовать экосистемы для достижения целей цифровой трансформации, в т.ч. в сфере промышленности. Во время пандемии *COVID*-19 правительства многих стран обратились к частному сектору и научно-образовательным университетским центрам для решения целого ряда задач: от разработки лекарственных препаратов до создания устойчивой информационно-технологической инфраструктуры, способной выдержать резкий рост спроса на электронные государственные услуги [13]. Таким образом, экосистемные разработки внешних организаций оказались полезными для оперативного внедрения цифровизации в условиях турбулентности при пандемии.

Эксперты *PwC* тоже подчеркивают преимущества экосистемного подхода. Термин «правительство как платформа» используется для обозначения единой базовой инфраструктуры общих цифровых систем, технологий и процессов, на основе которых можно легко разрабатывать ориентированные на пользователя государственные услуги [14].

На основе проанализированных материалов можно заключить, что направлениями совершенствования экосистемного взаимодействия в едином цифровом пространстве промышленности включают в себя внедрение инновационных решений для повышения эффективности производства предприятий и отраслей, развитие цифровых компетенций персонала, внедрение стандартов безопасности персональных и коммерческих данных для обеспечения кибербезопасности и минимизации возможного ущерба от кибератак.

Таким образом, единое цифровое пространство должно обеспечить безопасность, конфиденциальность и защиту данных на протяжении всего жизненного цикла технологии. Для продвижения целостного подхода к безопасности и конфиденциальности следует упорядочить процессы оценки и аутентификации. Следует рассмотреть новые решения в таких областях, как непрерывный мониторинг, идентификация, аутентификация и управление учетными данными, а также криптография, которые поддерживают переход от защиты устройств к защите самих данных и обеспечивают передачу данных только авторизованным пользователям. При необходимости требования и решения должны разрабатываться совместно с промышленными предприятиями в соответствии с потребностями государства, используя возможности инноваций и экономию от масштаба для создания экономически более эффективных продуктов в области безопасности и конфиденциальности.

Литература:

1. Абдикеев Н.М. Единое цифровое пространство для эффективного функционирования промышленности. – URL: https://versia.ru/edinoe-cifrovoe-prostranstvo-dlya-yeffektivnogo-funkcionirovaniya-promyshlennosti (дата обращения: 20.04.2024).
2. Путин высказался за формирование единой цифровой экосистемы на пространстве ЕАЭС. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17843173 (дата обращения: 20.04.2024).
3. Послание Президента Федеральному Собранию 29.02.2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585 (дата обращения: 20.04.2024).

4. Колмыкова Т.С., Ковалев П.П., Уколова Л.А. Эволюция цифровых экосистем в финтехе // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 4(55). – С. 16–24. – DOI 10.22394/1997-4469-2021-55-4-16-24.
5. Демкович Н.А., Абаев Г.Е., Яблочников Е.И. Многоуровневое моделирование цифровых производств. – URL: https://ritm-magazine.com/ru/public/mnogourovnevoe-modelirovanie-cifrovyh-proizvodstv (дата обращения: 20.04.2024).
6. Коптева Л.А., Шабалина Л.В. Цифровые платформы как инструмент цифровой трансформации промышленных предприятий // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 2. – URL: https://esj.today/PDF/03ECVN223.pdf
7. Тагаров Б.Ж. Цифровой кластер как новая форма экономической концентрации // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 327–340. – DOI: 10.18334/ce.15.2.111726.
8. Пудовкина О.Е., Иваев М.И., Сафронов Е.Г., Нарыжная Н.Ю. Кластеризация в промышленности как потенциал для развития технологичной экономики // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 323–336. – DOI: 10.18334/ce.18.2.120385.
9. Мамедов М.А., Мамедов Т.Ф. Становление и развитие цифровых экосистем на базе технологических и телекоммуникационных компаний в России // Финансы и управление. – 2022. – № 3. – DOI: 10.25136/2409-7802.2022.3.38053.
10. Городнова Н.В. Индустриальный интернет вещей в России: сущность и перспективы // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 1503–1522. – DOI: 10.18334/vinec.12.3.115150.
11. OECD Recommendation on Digital Government Strategies. – URL: https://www.oecd.org/gov/digital-government/recommendation-on-digital-government-strategies.htm (дата обращения: 20.04.2024).
12. Digital by default: A guide to transforming government. – URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/industries/public%20and%20social%20sector/our%20insights/transforming%20government%20through%20digitization/digital-by-default-a-guide-to-transforming-government-final.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
13. Seven pivots for government's digital transformation. – URL: https://www.deloitte.com/global/en/our-thinking/insights/industry/government-public-services/government-digital-transformation-strategy.html (дата обращения: 22.09.2023).
14. The Journey to Digital Government 5.0. – URL: https://www.pwc.com/m1/en/publications/documents/the-journey-to-digital-government-part-one.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

Ecosystem Interaction Implementation in the Unified Digital Space of Manufacturing Industry

Abrosimova O.M., Abdikeev N.M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the study of the issues of functioning of the unified digital space of industry is determined by the main directions of economic development outlined in the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation. The Decree of the President of Russia "On the National Development Goals of the Russian Federation" sets the task of ensuring technological independence and creating new markets in the areas of data economy and digital transformation, which emphasizes the importance of studying the methods of interaction in the digital space. The purpose of the article is to identify areas for improving ecosystem interaction in the digital space of industry. The objectives of the study are to analyze the methods of interaction within the ecosystem of the digital space of industry, to analyze the recommendations of the OECD and consulting companies on the formation of digital space. Thus, based on the systematization of ecosystem interaction methods, the conclusion was made about possible directions of development of the digital space of industry.

Key words: digitalization, digital space of industry, ecosystem, industrial policy, industrial development management

УДК 342.7

Защита персональных данных в виртуальной и дополненной реальности: правовой аспект

Александрова А.С.
Магистрант Юридического института
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева

Цель статьи – формирование подходов к правовому регулированию обработки персональных данных в условиях распространения технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR). Автор указывает на повышенный интерес и быстро растущую в обществе популярность технологий виртуальной и дополненной реальности, которые позволяют получить реалистичные впечатления, стирающие грани между физическим и цифровым мирами. Вследствие быстрой интеграции этих технологий в повседневную жизнь возникают весьма сложные вопросы, связанные с защитой персональных данных пользователей. Необходимость повышения уровня защиты персональных данных в условиях распространения технологий виртуальной и дополненной реальности в ближайшем будущем поставит новые задачи в сферах правотворчества и правоприменения.

Актуальность исследования заключается в том, что при использовании технологий VR/AR безопасность персональных данных пользователей может подвергаться серьезным рискам. Автором обоснована необходимость расширения возможностей пользователей по управлению персональными данными при использовании устройств VR/AR, а также целесообразность принятия государством упреждающих мер для защиты персональных данных своих граждан. Автором произведен анализ и сравнение видов персональных данных лиц, использующих технологии VR/AR, а также степень роста угроз конфиденциальности в случае возможной утечки информации. Также была проанализирована существующая в Российской Федерации нормативная основа обеспечения защиты персональных данных и выявлена необходимость реализации дальнейших правовых инициатив в этой сфере.

Предложен комплекс мер, направленных на обеспечение неприкосновенности частной жизни пользователей технологий виртуальной и дополненной реальности.

Ключевые слова: правовое регулирование, информационные технологии, персональные данные, конфиденциальность, виртуальная реальность, дополненная реальность, неприкосновенность частной жизни

Виртуальная реальность (*VR, virtual reality*) и дополненная реальность (*AR, augmented reality*) являются весьма актуальными цифровыми технологиями в настоящее время. С их развитием связываются перспективы цифровизации многочисленных сторон общественной и частной жизни. Технологии виртуальной и дополненной реальности сходны в том, что с их помощью человек помещается в искусственную обстановку, заменяющую или дополняющую действительность. Помимо общих черт у *VR* и *AR* есть и отличия, в основном состоящие в специфике их технической реализации.

Суть виртуальной реальности заключается в том, что при помощи технических средств происходит воспроизведение обстановки, имитирующей реальный мир. Помимо визуализации реального мира,

действия в виртуальной реальности могут осуществляться с применением имитации соответствующих физических действий, например, езды на автомобиле, катания на американских горках, плавания на лодке, прыжка с парашютом и многого другого. Для погружения в виртуальную реальность используется специальное оборудование – очки или шлемы, с помощью которых виртуальному миру придается максимально возможная на сегодня реалистичность. С помощью технологий дополненной реальности (*AR*) происходит наложение цифрового изображения на объекты реального мира путем использования определенных компонентов, таких как звуковые эффекты, сенсоры, визуальное восприятие [1].

Виртуальная и дополненная реальность схожи тем, что предоставляют человеку возможность воспринять как реальность вещи, существующие исключительно в цифровой форме. Отличает же их следующее – с помощью технологий виртуальной реальности создается совершенно новый мир, отчужденный от действительности, в то время как дополненная реальность добавляет некоторые цифровые элементы в реальный мир.

Развитие перечисленных технологий в ближайшей перспективе может осложнить реализацию гарантий неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных. Правовая основа обработки персональных данных, созданная в Российской Федерации, в целом обеспечивает необходимый уровень их защиты. Однако уникальный характер технологий виртуальной и дополненной реальности может потребовать законодательных новаций и регуляторных инициатив.

Основным правовым актом, регулирующим защиту персональных данных в Российской Федерации, является Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», принятый в 2006 г. (далее – Закон о персональных данных). В соответствии с ключевыми положениями Закона, операторы обязаны получать согласие субъектов на обработку их персональных данных, принимать меры для защиты персональных данных от несанкционированного доступа или разглашения, а также предоставлять субъектам доступ к их персональным данным [2].

Применение Закона о персональных данных в условиях широкого распространения технологий виртуальной и дополненной реальности – сложный процесс. С одной стороны, персональные данные по определению включают в себя информацию, относящуюся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу. Следовательно, и информация, собираемая с помощью *VR/AR*-технологий, также может быть отнесена к категории персональных данных.

С другой стороны, уникальные характеристики данных виртуальной/дополненной реальности, включая их иммерсивный и интерактивный характер, могут не в полной мере учитываться в правовом регулировании.

В отличие от действительности, в виртуальной реальности все данные о действиях и поведении людей могут храниться и подвергаться обработке в цифровой форме. Все происходящее в виртуальной реальности регулируется оператором, который отвечает за сохранность информации и технически может распоряжаться ей так, как посчитает нужным. Следует также учитывать, что при использовании систем виртуальной реальности образуется объем данных, превышающий поток информации в традиционных интернет-коммуникациях. Виртуальная реальность позволяет людям выражать эмоции и испытывать ощущения, которые невозможно выразить при общении с помощью мессенджеров, электронных писем и обычных двухмерных вебстраниц. Поскольку виртуальная реальность ощущается практически как реальный мир, у пользователя может возникнуть иллюзия доверительного общения, которое невозможно в открытом общественном пространстве. В такой ситуации человек способен раскрыть тайны своей частной жизни, рассчитывая на полную конфиденциальность [3].

Органы публичной власти уже обеспокоены возможностью утраты контроля над цифровыми аспектами жизни граждан. Широкий резонанс получил призыв Президента Российской Федерации о защите аватаров граждан России в метавселенной: «Государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара внутри формирующихся метавселенных» [4].

Поскольку люди могут действовать в виртуальной реальности в виде аватаров с персональными идентификаторами, обоснован вывод, что информация, составляющая виртуальную реальность, может содержать персональные данные. Данные человека, который находится в виртуальной или дополненной реальности, можно разделить на общие данные, по которым можно определить личность человека, и на связанные, по которым невозможно точно определить личность человека без общих данных [5].

Общие данные – это информация, непосредственно раскрывающая личность человека, использующего технологии виртуальной или дополненной реальности, которая может быть собрана, записана, накоплена, систематизирована, сохранена и т.д. К таким данным, как минимум, относится виртуальное изображение пользователя – аватар, представляющий собой графическое изображение, создаваемое на основе восприятия человеком самого себя в реальном мире, имеющего сходство с его телом, чертами лица, одеждой и даже манерой поведения.

Тем самым человек сам предоставляет данные о себе, что в большинстве случаев может привести к раскрытию его личности. Помимо графического представления могут также добавляться имя человека, его пол и возраст, то есть биографические данные, а также могут фиксироваться данные о времени, в течение которого человек использовал *VR/AR* устройства [6].

Значительное количество данных обрабатывается во время воспроизведения физического присутствия в *VR* или *AR*. Для этого необходима информация о биометрических данных, которые считываются со специальных устройств в режиме реального времени. К таким устройствам относятся:

– устройства, которые могут фиксировать и отслеживать отпечатки пальцев и движения рук;

– устройства, которые могут отслеживать движения сразу в трех направлениях (*3DoF*);

– устройства, отслеживающие движения всего тела (*6DoF*);

– устройства, отслеживающие движение зрачка и взгляда в целом;

– устройства, которые могут измерить активность деятельности мозга (технология *BCI*), чтобы отследить восприимчивость человека к тем или иным действиям.

Пока не представляется возможным сделать так, чтобы сведения о личности, создаваемые в результате пребывания в виртуальной или дополненной реальности, не считывались. Человеку свойственно генерировать поток данных в любой момент времени. Он производит движения руками и ногами, поворачивается, качает головой, издает звуки и т.д. Информация об этих событиях считывается автоматически, поэтому возникает риск обработки весьма чувствительной информации о человеке [7].

К связанным данным относится информация, которая не содержит описательных сведений о человеке (например, имя пользователя, логин, пароль, *PIN*-код, платежная информация, *IP*-адрес и т.д.). Как указывалось выше, связанные данные, в отличие от общих данных, сами по себе не могут быть использованы для получения информации о физиологических данных человека, но при этом они необходимы для идентификации и аутентификации в информационной системе. Полученные данные используются исключительно для взаимодействия пользователя с его учетными записями, паролями и аккаунтами.

В случае получения неправомерного доступа к связанным данным непосредственной угрозы для утечки информации о личности нет. Однако данные о действиях и предпочтениях личности в виртуальном мире могут быть использованы против нее в случае объединения с другой информацией о человеке. Чтобы избежать таких случаев, недостаточно введения специальных правовых норм, запрещающих объединять различную информацию о человеке, которая может навредить ему в случае ее утечки. Существующие социальные нормы, направленные на запрет объединения баз персональных данных, далеко не всегда соблюдаются, а их санкции в силу мягкости обычно не рассматриваются как серьезное препятствие для правонарушителей.

Поэтому баланс социальных и технических мер, направленных на защиту персональных данных, следует сместить в сторону технического регулирования. Выход видится в применении технических норм: оптимизации сбора персональных данных и предоставлении больших возможностей по управлению ими самим гражданам.

Следует минимизировать объем полученных данных. Полученные данные необходимо обрабатывать только на тех устройствах, надежность которых не вызывает сомнений, а также не допускать их передачу через информационно-телекоммуникационные сети. Также имеет смысл устанавливать различные уровни доступа к таким данным. Действуя подобным образом, можно повысить уровень защищенности персональных данных и снизить вероятность, что данные человека станут доступны третьим лицам без его согласия.

Расширение возможностей пользователей по управлению персональными данными при использовании устройств *VR/AR* означает необходимость реализации следующих мер:

1. Ознакомление в обязательном порядке с политикой конфиденциальности. Политика конфиденциальности представляет собой документ, в котором указывается, какие персональные данные собираются, для чего они нужны и каким способом обрабатываются. Ознакомление с политикой конфиденциальности должно стать необходимым условием при использовании технологий, предполагающих столь масштабный сбор личных данных [8].

2. Получение согласия на обработку персональных данных. Чтобы уменьшить риск утечки данных и обеспечить их максимальную сохранность, необходимо усовершенствовать форму согласия на обработку персональных данных для иммерсивных трехмерных систем. Форма получения согласия, насколько это возможно, должна быть интегрирована в информационную систему, обеспечивающую доступ к технологиям *AR/VR*.

3. Обязательное использование двухфакторной аутентификации. Суть двухфакторной аутентификации заключается в том, что проверка личности производится в два этапа. Сначала пользователю необходимо ввести свои логин и пароль, затем еще раз подтвердить право на доступ к информационной системе, введя уникальный код, полученный по смс-сообщению, электронной почте или с помощью специального ПО. Этот процесс является дополнительной гарантией безопасности и будет способствовать

повышению уровня защиты данных от несанкционированного доступа.

4. Регулярное и в некоторых случаях принудительное обновление программного обеспечения устройств. Цифровой мир и технологии очень быстро совершенствуются, добавляются новые функции и параметры, улучшающие работу устройств и упрощающие взаимодействие с ними, поэтому важно следить за выходом новых обновлений и регулярно вносить изменения в устройства виртуальной и дополненной реальности. Поэтому для обновления программного обеспечения, имеющего критическую важность для защиты данных в системах *AR/VR*, допустима установка ПО без согласия пользователя. Однако информация о принципиальной возможности такого обновления должна быть однозначно и недвусмысленно доведена до сведения пользователей до начала эксплуатации информационной системы.

Применяя вышеуказанные способы защиты информации, можно обеспечить сохранность персональных данных, сведя к минимуму возможность утечки конфиденциальных сведений.

По мере развития технологий виртуальной/дополненной реальности и их интеграции в повседневную жизнь потребность в эффективной защите персональных данных будет расти. Поэтому необходимо постоянное взаимодействие законодателей, органов исполнительной власти, производителей устройств, а также объединений потребителей для обеспечения соответствия нормативного регулирования защиты персональных данных уровню развития информационных технологий.

Литература:

1. Волков В.Э. Публично-правовое регулирование цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность: учеб. пособие. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2023. – 118 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3452.
3. Дремлюга Р.И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 9. – С. 39–49.
4. В Совете Федерации обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных. – URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/ (дата обращения: 09.03. 2024).
5. Афанасьева Е. А. Правовое регулирование виртуальной и дополненной реальности (обзор) // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации: Ежегодник. Сер. «Правоведение». Вып. 1. / Ответ. ред. Е.Г. Афанасьева. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. – С. 166–172.
6. Иллюзия конфиденциальности в дополненной и виртуальной реальности. – URL: https://rdc.grfc.ru/2021/09/illuzia_konfidenzialnosti_v_dopolnennoy_i_virtualnoy_realnosti/?ysclid=llsogiw54v93131147 (дата обращения: 14.03.2024).
7. Смолин А.А., Жданов Д.Д., Потемин И.С., Меженин А.В., Богатырев В.А. Системы виртуальной, дополненной и смешанной реальности: учеб. пособие. – СПб.: Ун-тет ИТМО, 2018. – 59 с.
8. Риски безопасности и конфиденциальности в виртуальной и дополненной реальности. – URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/security-and-privacy-risks-of-ar-and-vr?ysclid=lj8z4dbivp784970524 (дата обращения: 10.03.2024).

Legal Regulation of Personal Data Protection in Virtual and Augmented Realities

Aleksandrova A.S.
Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The purpose of the article is to form approaches to the legal regulation of personal data processing issues in the context of the spread of virtual and augmented reality (VR/AR) technologies. The author points to the increased interest and rapidly growing popularity of virtual and augmented reality (VR/AR) technologies in society, which allow you to get realistic impressions that blur the lines between the physical and digital worlds. Due to the rapid integration of these technologies into everyday life, very difficult issues arise related to the protection of users' personal data. The need to increase the level of personal data protection in the context of the proliferation of virtual/augmented reality technologies in the near future will pose new challenges in the areas of law-making and law enforcement.

The relevance of the study lies in the fact that when using VR/AR technologies, the security of users' personal data may be exposed to serious risks. The author justified the need to expand the capabilities of users to manage personal data when using VR/AR devices, as well as the adoption by the state of proactive measures to protect the personal data of its citizens. The author analyzes and compares the types of personal data of persons using VR/AR technologies, as well as the degree of growth of privacy threats in the event of a possible information leak. The existing regulatory framework for ensuring the protection of personal data in the Russian Federation was also analyzed and the need for further legal initiatives in this area was identified.

The author proposed a set of measures aimed at ensuring the privacy of users of virtual and augmented reality technologies.

Key words: legal regulation, information technology, personal data, confidentiality, virtual reality, augmented reality, privacy

УДК 331.1

Актуальные вопросы систематизации принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях

Врублевская М.В.
Директор Департамента стратегического планирования и развития, старший преподаватель Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Калинина О.В.
Доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

В современных условиях вопросы систематизации принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях являются актуальными в связи с необходимостью повышения эффективности системы образования и качества подготовки специалистов. Цель статьи – на основе анализа различных научных источников предложить собственный вариант систематизации принципов управления человеческими ресурсами вуза. Рассматриваются различные подходы к систематизации принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях. Авторы анализируют и сравнивают точки зрения различных исследователей, выделяя особенности того или иного подхода. В результате предложен авторский подход к систематизации принципов управления человеческими ресурсами вуза с разделением их на общие, функциональные, морально-этические, социальные.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, высшее образование, принципы управления, эффективность управления, качество образования

В современном мире высшее образование играет ключевую роль в формировании интеллектуального, культурного и профессионального развития личности. Высшие учебные заведения (вузы) являются центрами образовательной системы, где происходит подготовка специалистов для различных сфер деятельности. Одним из основных факторов успешности вуза является качество управления человеческими ресурсами, которое должно основываться на определенных принципах.

Несмотря на высокую значимость принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях, в научной литературе на данный момент не существует единого подхода к их систематизации. Это связано в первую очередь со сложностью и многогранностью процесса управления человеческими ресурсами в системе высшего образования. Работа сотрудников вуза включает в себя множество аспектов – это не только преподавание и научная деятельность, но и административная работа, поддержание инфраструктуры, обеспечение безопасности и многое другое. Каждый из этих аспектов требует своего подхода к управлению человеческими ресурсами и своих принципов. Изложенное выше актуализирует работу по систематизации и уточнению принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях.

Принципы управления человеческими ресурсами сегодня рассматриваются как объективные правила, основные положения и нормы управленческого поведения, соответствующие требованиям экономического законодательства [1, с. 5].

Необходимо отметить, что вопросы систематизации принципов управления человеческими ресурсами достаточно активно исследуются в современной литературе. Разные авторы предлагают различные подходы к определению содержания данных принципов.

Так, некоторые авторы считают, что основными принципами должны быть: ориентация на цели учебного заведения, уважение к личности, справедливость и равенство, участие сотрудников в принятии решений, развитие персонала, эффективность и результативность, гибкость и адаптивность [2, с. 1012].

Д.Н. Рыхтик в своей статье выделяет три ключевых принципа управления человеческими ресурсами: комплексность, мотивация и методическое обеспечение. Особенностью ее подхода является акцент на управлении персоналом, способным создавать инновационные продукты, что имеет важное значение для высших учебных заведений [3, с. 134].

Е.А. Понасова, И.А. Фомина предлагают ряд принципов управления человеческими ресурсами высшего учебного заведения, актуальных для современных условий [4, с. 135]. Всего ими выделяется 19 основных принципов, среди которых можно выделить следующие: переход от повышения квалификации к развитию человеческих ресурсов; мотивация работников к общему и профессиональному обучению как внутри, так и вне вуза; обеспечение гибкой и открытой системы отбора и внедрения новых идей; стимулирование квалификационных и творческих качеств деятельности персонала. Эти принципы направлены на преобразование существующих организаций в более гибкие и адаптивные структуры, способные использовать современные инструменты мотивации и развития персонала для обеспечения устойчивого развития в условиях постоянных инноваций.

Ю.А. Масалова разделила принципы управления человеческими ресурсами вуза на две группы – общие и частные. К общим принципам управления человеческими ресурсами в системе высшего образования она отнесла: принцип научной обоснованности управления, принцип системного подхода к решению управленческих задач, принцип оптимальности управления, принцип гибкости управления, принцип регламентации, принцип формализации. К частным принципам – принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации, принцип иерархичности и обратной связи, принцип демократизации, принцип перманентного повышения качества, принцип соответствия [5, с. 93]. Подобный подход позволяет систематизировать и упорядочить процессы управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях, а также выделить ключевые факторы и методы, обеспечивающие эффективность управления. Общие принципы обеспечивают основу для управления, в то время как частные принципы уточняют и конкретизируют подходы в зависимости от специфических условий и требований системы высшего образования.

Похожий подход к разделению принципов управления человеческими ресурсами вуза на общие и частные представлен в работе И.Ю. Пекера [6, с. 99]. Среди общих принципов управления человеческими ресурсами вуза автор выделяет: научность, плановость, комплексность (системность), непрерывность, нормативность, экономичность, заинтересованность, ответственность и др. К частным принципам управления персоналом относит: соответствие функций управления целям учебного заведения, индивидуализация работы с кадрами, демократизация работы с кадрами, информатизация кадровой работы, обеспечение ее уровня, достаточного для принятия обоснованных решений, подбор кадров для первичного рабочего коллектива с учетом психологической совместимости и др.

С точки зрения управления человеческими ресурсами высшего учебного заведения, по мнению Н.В. Пилипчук, основное значение приобретают принцип прогрессивности и принцип научности. Среди других важных принципов управления человеческими ресурсами вуза автор выделяет концентрацию, параллельность, специализацию, адаптивность, непрерывность, ритмичность, прямоточность, обратную связь и необходимое разнообразие [7, с. 75].

Проанализировав приведенные подходы и ряд других научных источников нами предлагается собственный подход к систематизации принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях. По нашему мнению, наиболее приемлемым является разделение принципов управления человеческими ресурсами высшего учебного заведения на следующие группы: общие, функциональные, морально-этические, социальные (рис. 1).

Выбор данных групп систематизации обусловлен тем, что каждая из них включает в себя определенные аспекты управления персоналом, которые необходимо учитывать при разработке стратегии управления человеческими ресурсами. Общие принципы представляют собой универсальные подходы к управлению персоналом, которые применимы в любой сфере деятельности. Функциональные принципы относятся к специфическим задачам и функциям управления человеческими ресурсами, таким как найм, обучение, мотивация и удержание сотрудников. Морально-этические принципы включают в себя уважение к личности сотрудников, соблюдение прав трудящихся и этические нормы поведения.

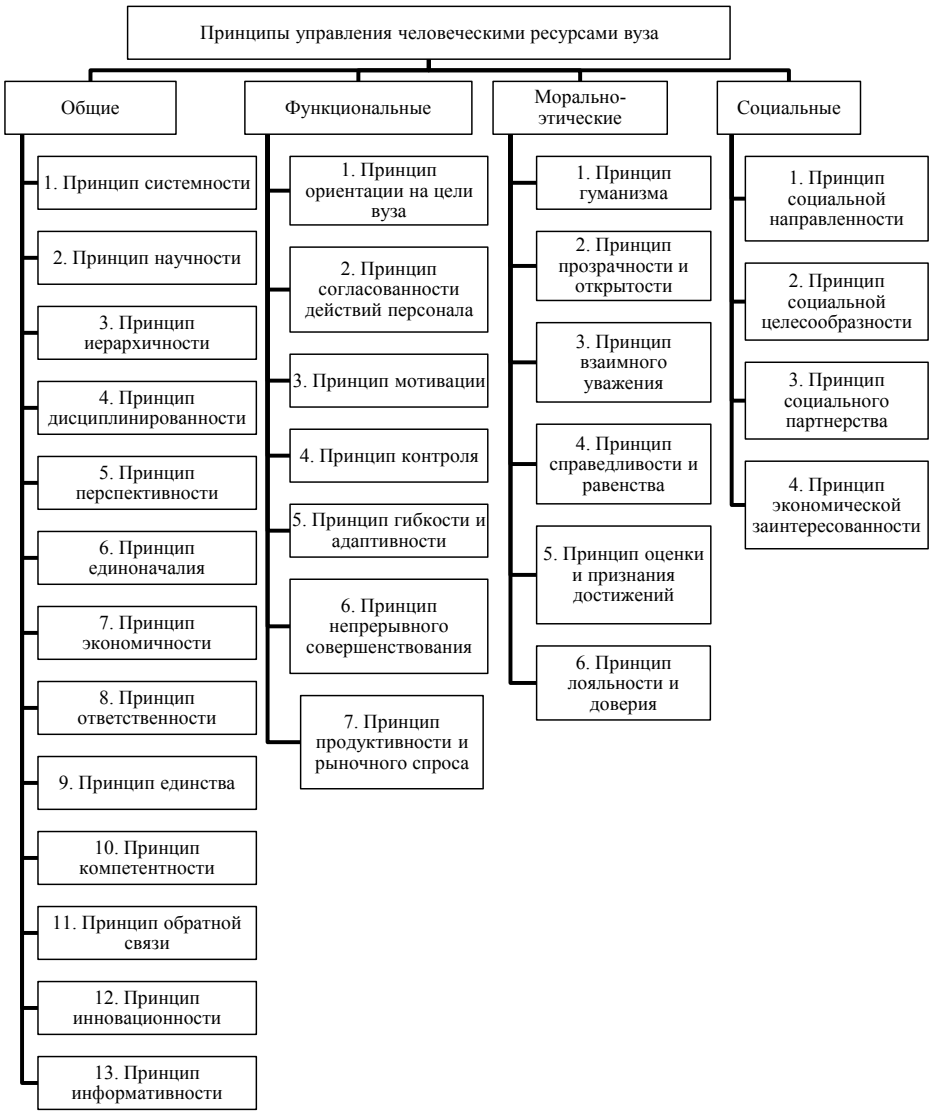

Рис. 1. Авторский подход к систематизации принципов управления человеческими ресурсами в высших учебных заведениях

Социальные принципы управления человеческими ресурсами связаны с учетом социальных аспектов, таких как разнообразие, равенство возможностей, корпоративная социальная ответственность. Такое разделение позволяет учитывать разнообразные аспекты управления персоналом и разрабатывать комплексные подходы к управлению человеческими ресурсами.

Раскроем содержание каждого принципа более подробно.

Общие принципы:

1. Принцип системности. Этот принцип заключается в использовании системного подхода к менеджменту персонала, что способствует обеспечению единого порядка в вузе. Система менеджмента персонала должна рассматриваться как одно целое, вмещающее комплекс взаимозависимых, взаимодополняющих элементов. В результате, эффективное взаимодействие всех компонентов должно создавать эффект синергии.

2. Принцип научности. Система менеджмента персоналом вуза всегда должна основываться на научной основе, поскольку механизм управления персоналом должен соответствовать новейшим теоретическим принципам и обеспечиваться новыми разработками в сфере управления.

3. Принцип иерархичности предусматривает определение в целесообразных пределах проблем централизации и децентрализации, компетенций и ответственности (на всех этапах управления персонала). У каждого субъекта управления должно быть достаточно знаний, чтобы эффективно исполнять материальные, моральные, организационные, правовые требования в рамках функциональных полномочий в целях достижения вузом желаемого социального и экономического результатов. Следовательно, принцип иерархичности отражает характер отношений, появляющихся между субъектами на разных уровнях управляющего процесса.

4. Принцип дисциплинированности. Наличие порядка в вузе напрямую зависит от правил поведения и четкого выполнения персоналом установленных норм. Поэтому руководству вуза следует разработать и внедрить кодекс поведения для сотрудников и студентов; обеспечить контроль за соблюдением установленных норм; применять меры дисциплинарного воздействия к нарушителям; регулярно проводить разъяснительную работу о важности соблюдения правил поведения. В случае нарушения дисциплины или невыполнения работниками своих обязанностей руководству следует применять к ним справедливые санкции.

5. Принцип перспективности. Система управления человеческими ресурсами вуза должна быть организована таким образом, чтобы сотрудники были заинтересованы в работе на долгосрочную перспективу. Для этого нужно постоянно повышать стандарты работы и искать новые способы мотивировать сотрудников к новаторству. Это создаст благоприятную рабочую атмосферу и приведёт к улучшению качества образовательных услуг.

6. Принцип единоначалия. Эффективная система управления человеческими ресурсами не предполагает наличия двойного подчинения. Администрация

вуза должна чётко ставить задачи сотрудникам и следить за их выполнением. А сотрудники должны выполнять эти задачи. Такой подход обеспечивает слаженную работу коллектива и исключает ситуации, когда непонятно, кто за что отвечает.

7. Принцип экономичности. Чтобы повысить качество учебного процесса в вузе, нужно эффективно использовать человеческие ресурсы, стараться минимизировать затраты времени и сил. Управление человеческими ресурсами – это социальный процесс. Согласно принципу экономичности, все этапы этого процесса должны приводить к значимым экономическим результатам. Однако иногда экономические эффекты проявляются не сразу, а спустя некоторое время.

8. Принцип ответственности следует рассматривать с двух сторон. Во-первых, ответственность администрации вуза за качественное управление человеческими ресурсами. Во-вторых, ответственность работников за выполнение своих обязанностей. За каждую функцию должна быть предусмотрена определённая ответственность. Поэтому администрация вуза должна установить чёткие правила, нормы и системы материальных и других обязательств работников.

9. Принцип единства подразумевает, что все действия и решения, связанные с управлением человеческими ресурсами вуза, должны быть согласованы и направлены на достижение общих целей и задач вуза. Все подразделения и сотрудники вуза должны работать, используя общие подходы, методы и инструменты управления.

10. Принцип компетентности предполагает, что как руководство, так и сотрудники вуза обладают необходимыми знаниями, навыками и определенным опытом, отвечающим требованиям должности. Важным элементом является использование творческого подхода к выполнению определенных задач.

11. Принцип обратной связи. В процессе управления необходимо получать информацию о работе подсистем, чтобы понимать, насколько успешно достигаются поставленные цели. Это помогает оценить текущую ситуацию и спрогнозировать развитие вуза в будущем. Анализируя полученную информацию, руководство вуза определяет эффективность каждого компонента системы. Такой подход позволяет предотвратить потенциальные проблемы и угрозы, которые могли бы возникнуть неожиданно.

12. Принцип инновационности. В вузе существует два типа процессов – традиционные и инновационные. Для достижения желаемого экономического результата руководство вуза должно создать внутреннюю среду, в которой сотрудники ориентируются на инновации. Поэтому инновационные процессы в вузе должны иметь приоритет, поскольку они определяют активизацию труда работников. Это дает вузу конкурентные преимущества, которые позволят занять правильное место на рынке образования.

13. Принцип информативности. Для эффективного управления человеческими ресурсами необходимо использовать современные информационные технологии для сбора, передачи, обработки, хранения и распространения информации. Все это делается для того, чтобы своевременно принимать управленческие решения, касающиеся кадровых вопросов.

Функциональные принципы:

1. Принцип ориентации на цели вуза. Управление человеческими ресурсами должно быть направлено на достижение стратегических и тактических целей учебного заведения. Система управления человеческими ресурсами должна быть направлена на долгосрочное развитие и устойчивость вуза, обеспечивая стабильное функционирование и развитие в долгосрочной перспективе.

2. Принцип согласованности действий персонала обеспечивает соответствие выполнения всех задач целям вуза. Каждый работник должен быть компетентным в своих правах, обязанностях и ответственности. Для эффективного стратегического развития руководство вуза должно создать соответствующую микросреду, в которой все должно способствовать соблюдению принципа. В то же время желаемый результат достигается благодаря регулярным отчетам сотрудников руководству вуза.

3. Принцип мотивации. Мотивацию следует рассматривать как динамический процесс, обеспечивающий внедрение системы путем организованного целенаправленного воздействия на человека с целью достижения целей вуза. Применение этого принципа основано на использовании моральных и материальных стимулов, поскольку мотивация работника к трудовой или умственной деятельности должна быть подкреплена соответствующим вознаграждением, включающим необходимые человеческие ценности.

4. Принцип контроля следует рассматривать как осуществление постоянной оценки соответствия выполняемой работниками работы определенной задаче. Соблюдение этого принципа охватывает все фазы процесса управления. Именно правильная реализация этого принципа определяет, выделяются ли дополнительные материальные и финансовые ресурсы для выполнения определенных задач. Следовательно, этот процесс является непрерывным и включает в себя постоянное регулирование различных видов деятельности вуза, чтобы избежать дополнительных затрат.

5. Принцип гибкости и адаптивности заключается в способности системы управления человеческими ресурсами вуза адаптироваться к изменениям как во внешней, так и во внутренней среде.

6. Принцип непрерывного совершенствования. Система управления человеческими ресурсами

должна постоянно совершенствоваться с учетом новых требований и вызовов. Необходимо оценивать последние изменения на рынке труда и технологии и идти на шаг впереди для достижения наилучших результатов. Поэтому сотрудники вуза должны быть сориентированы и подготовлены к постоянным изменениям.

7. Принцип продуктивности и рыночного спроса. Все действия и решения, связанные с управлением персоналом, должны быть направлены на достижение максимальной продуктивности и эффективности работы в условиях изменяющихся рыночных требований. Подход к управлению персоналом должен быть направлен на развитие профессиональных навыков сотрудников, повышение квалификации и поддержку инноваций. Кроме того, важно учитывать текущие потребности рынка труда и создавать условия для соответствия персонала вуза новым требованиям.

Морально-этические:

1. Принцип гуманизма. Следование этому принципу включает признание и интерпретацию человека как высшей ценности. Руководство и сотрудники вуза должны соблюдать взаимопонимание, доброжелательность и взаимную поддержку. Это возможно только в том случае, если руководство относится к своим сотрудникам соответствующим образом. Поэтому руководство вуза должно базироваться на гуманистических принципах, бережно относиться к каждому работнику и одновременно быть образцом для подчиненных.

2. Принцип прозрачности и открытости. Важной предпосылкой благоприятной микросреды в вузе является то, чтобы сотрудники имели равный доступ к информации и знаниям отдельных сотрудников. Управление должно быть открытым и прозрачным, чтобы сотрудники чувствовали доверие к администрации и были уверены в своих возможностях и перспективах.

3. Принцип взаимного уважения основан на положительном отношении к ценностям вуза и личности каждого работника. Уважение к достоинству и разуму сотрудников играет важную роль для вуза. Соответственно, руководство вуза не должно игнорировать личностные качества своих работников, их следует признавать и ценить. Это, несомненно, станет значительным стимулом для других подчиненных и приведет к достижению лучших результатов.

4. Принцип справедливости и равенства. Этот принцип основывается на объективной оценке выполняемой сотрудниками работы. Система оплаты труда должна быть основана на объективных критериях, таких как квалификация, опыт работы, сложность выполняемой работы, и учитывая другие факторы, не зависящие от пола, возраста или других личных характеристик сотрудника. Сотрудники должны иметь равные возможности для продвижения по службе, основанные на их профессиональных достижениях и потенциале, а не на личных связях или других факторах, не связанных с их работой.

5. Принцип оценки и признания достижений. Успехи сотрудников должны быть признаны и вознаграждены, чтобы стимулировать их к дальнейшему развитию и достижению целей.

6. Принцип лояльности и доверия. Все сотрудники должны быть уверены в том, что их работа ценится и уважается руководством вуза. Этот принцип подразумевает создание уважительного и доверительного отношения между руководством вуза и персоналом. Для успешного управления человеческими ресурсами важно обеспечить коммуникацию, прозрачность в принятии решений, а также поддержку и признание достижений сотрудников. Ключевыми задачами в рамках данного принципа могут быть разработка программ мотивации и стимулирования персонала, проведение анкетирования и обзоров удовлетворенности сотрудников, а также организация мероприятий по укреплению командного духа и корпоративной культуры.

Социальные принципы:

1. Принцип социальной направленности. Соблюдение принципа требует соответствующей социальной ориентации вуза. Кроме собственных интересов, управленческая деятельность должна всегда учитывать интересы общества, определенной отрасли, определенной организации. Принцип социальной ориентации означает не только приоритет учета общественных интересов, но и равную ответственность руководителей и служащих перед законом, независимо от их социального или имущественного положения.

2. Принцип социальной целесообразности заключается в том, чтобы принимать решения и действовать таким образом, чтобы это было полезно и выгодно не только для самого вуза, но и для общества в целом. Это означает, что управление человеческими ресурсами должно быть направлено на развитие не только профессиональных качеств сотрудников, но и их социальных навыков, а также на создание благоприятной атмосферы в коллективе.

3. Принцип социального партнерства заключается в создании условий труда, в которых работники вуза работают максимально продуктивно. Он предполагает взаимодействие между администрацией вуза, преподавателями, сотрудниками и студентами на основе взаимного уважения, доверия и сотрудничества. Помимо оказания материальной поддержки сотрудникам вуза, руководство должно обеспечить их социальную защиту.

4. Принцип экономической заинтересованности. Этот принцип предусматривает выплату вознаграждения персоналу за своевременный и добросовестный труд. Руководство заинтересовано в обеспечении экономического роста вуза путем

интенсификации учебно-воспитательного процесса. Соответственно, работников мотивируют гибкие системы оплаты труда. В основе принципа лежит материальная заинтересованность работника.

Таким образом, чтобы добиться успеха в быстро меняющихся рыночных условиях, все принципы управления человеческими ресурсами высшего учебного заведения должны быть реализованы в комплексе, поскольку они составляют основу организационных, экономических, социально-психологических и правовых отношений, возникающих в контексте управления персоналом. Сам процесс управления не является феноменом самотечным, поскольку использование вышеприведенных принципов вводит его в определенные рамки, то есть указывает на определенный вектор движения и задает конечную цель. Без соблюдения принципов управление человеческими ресурсами вуза является хаотичным и делает невозможным предвидение каких-либо последствий принятия тех или иных решений относительно кадровой деятельности. Поэтому предложенная систематизация принципов управления человеческими ресурсами указывает на правильную тактику в процессе формирования как общей стратегии развития вуза, так и его кадровой стратегии в частности.

Литература:

1. Масалова Ю.А. Управление качеством человеческих ресурсов вуза. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 177 с.
2. Чекалина Е.В. Научные подходы к управлению персоналом образовательных организаций // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 4(153). – С. 1011–1013.
3. Рыхтик Д.Н. Концептуальные аспекты трансформации процесса управления человеческими ресурсами высшего учебного заведения в рамках международных ресурсных ограничений // Экономические науки. – 2023. – № 10(227). – С. 116–127.
4. Понасова Е.А., Фомина И.А. Совершенствование управления человеческими ресурсами высших учебных заведений // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 9. – С. 133–144.
5. Масалова Ю.А. Особенности формирования механизма управления качеством человеческих ресурсов в системе высшего образования // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 4. – С. 91–96.
6. Пекер И.Ю. Управление человеческими ресурсами в университете: рекрутинг научно-педагогических работников // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. – № 3. – С. 97–101.
7. Пилипчук Н.В. Управление человеческими ресурсами вуза в условиях формирования экономики знаний: монография. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. – 261 с.

Topical Issues of Systematization of the Principles of Human Resource Management in Higher Education Institutions

Vrublevskaya M.V., Kalinina O.V.
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

In modern conditions, the issues of systematization of the principles of human resource management in higher education institutions are relevant due to the need to improve the effectiveness of the education system and the quality of training specialists. The purpose of the article is to propose our own version of the systematization of the principles of human resource management of the university based on the analysis of various scientific sources. The article discusses various approaches to the systematization of the principles of human resource management in higher education institutions. The authors analyze and compare the points of view of various researchers, highlighting the features of a particular approach. As a result of the article, the author's approach to the systematization of the principles of human resource management of the university is proposed, dividing them into general; functional; moral and ethical; social.

Key words: human resource management, higher education, management principles, management efficiency, quality of education

УДК 316

Трудовая миграция современной молодежи

Доробов М.С.
Аспирант кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

Хизбуллина Р.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

Представленная статья обобщает некоторый эмпирический опыт определения особенностей, факторов и причин трудовой миграции молодежи с позиции социологического знания и на основе результатов социологических исследований, мониторинга ВЦИОМ, Федеральной службы государственной статистики (Росстат). На основе вторичного анализа данных рассмотрены мотивы молодёжной трудовой миграции. В итоге определена необходимость дальнейшего изучения особенностей и факторов трудовой миграции молодежи как феномена, опосредующего процесс выбора молодежью миграционных траекторий и влияющего на трансформацию социальных, экономических, демографических структур территорий, включенных в процессах трудовой миграции.

Ключевые слова: молодежь, миграция, труд, факторы трудовой миграции, рынок труда

Теме трудовой миграции в социологической науке посвящено большое количество научных работ, однако в современных условиях развития общества вопросы трудовой миграции различных социально-демографических групп сохраняют свою актуальность.

В представленной статье основное внимание уделено молодежи как социально-демографической группе. По мнению современных отечественных авторов, для молодых людей миграция определяется не только экономическими факторами, но может играть опосредующую роль в процессе перехода к самореализации как устойчивой социальной идентичности [1].

В научной литературе под миграционной активностью понимается процесс пространственного движения населения, которое ведет к территориальному перераспределению человеческих ресурсов [2]. В правовых актах встречается следующее определение трудовой миграции: распределение и перераспределение трудовых ресурсов в территориальном и отраслевом масштабе, обусловленное неравномерным экономическим развитием регионов, национальными и иными причинами [3].

Механизм регулирования трудовых миграционных потоков молодежи целесообразно рассматривать, базируясь на понимании детерминационных факторов и мотивов. Стоит также отметить, что процесс трудовой миграции молодежи оказывает существенной влияние на профессиональное, трудовое и социальное развитие (или, наоборот, стагнацию) регионов-реципиентов и регионов-доноров миграции. Трансформации подвергается конъюнктура молодежного рынка труда и равновесная ставка заработной платы [4].

Часть факторов, обуславливающих трудовую миграцию молодежи, согласно предложенных отече-

ственными исследователями в области демографии, экономики, социологии и смежных наук, можно привести к следующему виду. Во-первых, экономическими детерминантами миграционных потоков выступают:

– состояние локальных рынков труда;

– кадровая необходимость или кадровый голод;

– процессы социально-экономической стагнации регионов или их научно-производственное развитие.

Во-вторых, инфраструктура, которая может рассматриваться одновременно в качестве детерминанты привлекательности принимающего региона (территории) и как депривационного фактора для региона-донора. Инфраструктура как один из факторов трудовой миграции молодежи включает в себя не только доступ к объектам социально-экономического значения (банки, магазины/торговые центры, спортивные комплексы, предприятия общественного питания и пр.), но и может выступать в качестве системы объектов трудоустройства и профессионально-трудового развития молодежи [5].

В-третьих, конкуренция на рынке труда. Отметим, что не только трудовая, но и интеллектуальная миграция определяется зачастую как процесс выезда ученых и квалифицированных кадров для работы за пределы своей страны, а также может быть рассмотрена в рамках трансграничной миграции в мегаполисы из малых городов/сел/посёлков (отметим, что малые города также могут выступать в качестве реципиентов, если речь идет о миграции из близлежащих поселков, приграничных населенных пунктов). Согласимся с тезисом, приведенным отечественным исследователем М.М. Лебедевой, что одной из причин интеллектуальной миграции является возможность достижения высоких конкурентных преимуществ на рынке труда в тех регионах/городах, где наблюдается динамичное развитие и активное использование современных информационных технологий, удовлетворяющих потребностям населения в рамках различных социально-экономических процессов [6, с. 21].

Анализ особенностей межрегиональной трудовой миграции молодежи, по данным Федеральная службы государственной статистики (Росстат) в 2019 г., показывает, что доля молодежи среди занятого населения, трудоустроенного за пределами своего субъекта, выше, чем среди занятого населения, работающего на своей территории, а средний возраст занятых составил 38,8 лет [7] (см. рис. 1).

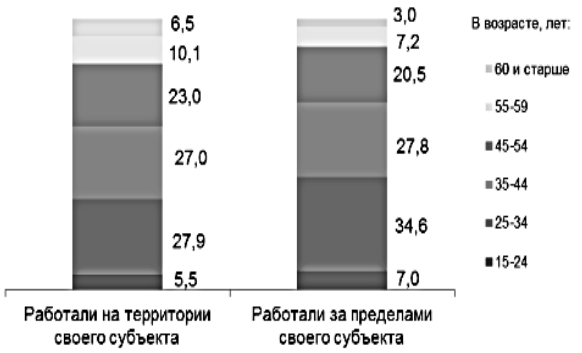

Рис. 1. Структура занятого населения по возрасту и месту нахождения работы в 2019 г., % [7]

Согласно данным доклада «Трудовая миграция и занятость/безработица среди молодежи», представленного в июне 2021 г. в рамках третьей сессии «Подходы к восстановлению экономики в странах СНГ путем создания рабочих мест», организованной Бюро Международной организации труда для стран Восточной Европы и Центральной Азии в ходе реализации проекта «Партнёрства в сфере занятости молодежи Содружества Независимых Государств», в числе прочих можно найти следующие данные в разрезе гендерных отличий проблем трудоустройства молодежи в ряде стран СНГ: безработица среди молодых женщин выше, чем среди молодых мужчин в возрасте 15–24 лет (см. рис. 2) [8].

Данные мониторинга образа российской молодежи, представленные ВЦИОМ, демонстрируют, что рейтинг проблем современной молодежи, по версии россиян, возглавляет трудоустройство – 39 %, его актуальность в наши дни в сравнении с 1991 г. стала выше в два раза (18 %) [9].

Ранее, в рамках социологического исследования при участии одного из авторов (Р.Р. Хизбуллиной), были определены факторы трудовой миграции талантливой молодежи в Республике Татарстан [10]. На рисунке 3 перечислены некоторые из них, где заработная плата также являлась опосредующей причиной молодежной миграции (см. рис. 3).

В результате анализа главных трендов рынка труда ВЦИОМ приводит мнения молодых людей 18-34 лет, которые полагают, что «у них получится найти равноценную работу с наименьшими усилиями» (18–24 лет – 69 %, 25–34 лет – 68 %), среди старшего поколения такой позиции придерживаются лишь 37 % [11]. По состоянию на март 2024 г. на смену места жительства ориентирован каждый

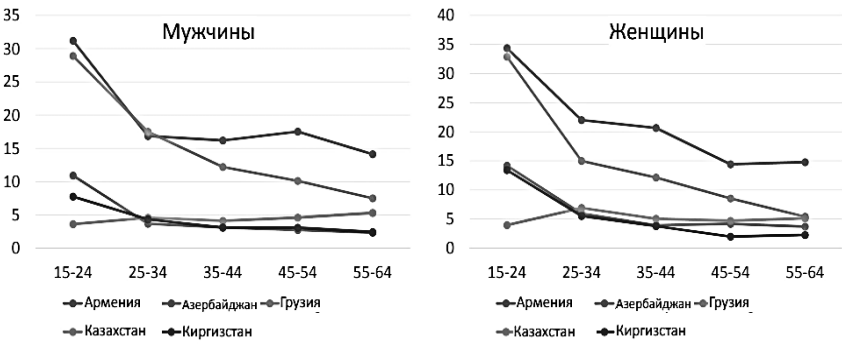

Рис. 2. Уровень безработицы молодежи в странах СНГ: гендерное распределение [8]

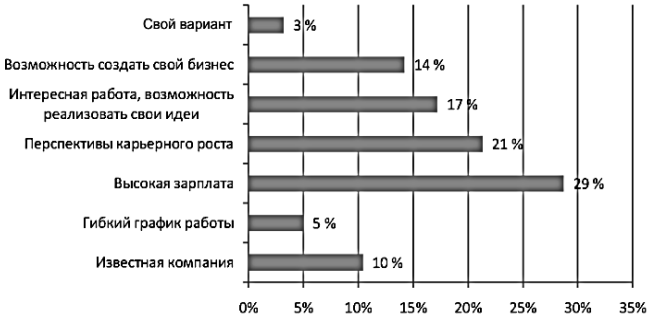

Рис. 3. Причины трудовой миграции талантливой молодежи, % к опрошенным респондентам [10]

второй респондент среди молодежи 18–24 лет. Эксперты ВЦИОМ отмечают, что основным фактором внутренней миграции выступает образование и перспективы «лучшей жизни» [12].

Обобщая данные, приведенные в рамках анализа результатов исследований, мониторинга состояния рынка труда и мотивов трудовой миграции молодежи, можно сделать вывод, что в перспективе рост ее миграционной активности может оказать влияние на социально-демографическую трансформацию структуры населения принимающих городов и территорий с активным миграционным оттоком молодежи.

Следовательно, необходимость социологического анализа трудовой миграции до сих пор сохраняет свою актуальность, поскольку факторы, опосредующие миграционные траектории, выбираемые молодежью, охватывают не только социальные дефиниции, но и экономические, демографические аспекты развития молодого поколения и формирования территорий.

Литература:

1. Шичкин И.А., Шубенкова Е.В. Достойный труд и миграция молодежи // Journal of Economy and entrepreneurship. – URL: http://www.intereconom.com/rekviziti/11-2022/200-45%20Шичкин%20Шубенкова%20=ПА=.pdf
2. Грачёва Н.А. Профориентация и миграция молодежи как важнейшие элементы развития регионального рынка труда // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – Т. 12, №. 3. – С. 67–76.
3. Трудовая миграция. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/trudovaya_migraciya/ (дата обращения: 01.04.2024)
4. Борисова А.А. Трудовая миграция российской молодежи: государственные программы поддержки возвратности // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 599–612.
5. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242.
6. Интеллектуальная миграция в современном мире: учеб. пособие / Под ред. М.М. Лебедевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 253 с.
7. О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения: 27.03.2024).
8. Эггер Ф., Роннас П. Трудовая миграция и занятость/безработица среди молодежи. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_803293.pdf (дата обращения: 11.03.2024).
9. Образ российской молодежи: мониторинг. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring (дата обращения: 18.03.2024).
10. Давлетшина Я.М., Мухаметзянова Л.К., Хизбуллина Р.Р. Причины и направления миграции талантливой молодежи в Республике Татарстан: результаты эмпирических исследований // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1(41). – С. 111–118.
11. Рынок труда: главные тренды. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rynok-truda-glavnye-trendy (дата обращения: 01.03.2024).
12. Почему молодежь переезжает – и хорошо ли это для страны? – URL: https://wciom.ru/expertise/pochemu-molodezh-pereezzhaet-i-khorosho-li-ehto-dlja-strany (дата обращения: 29.03.2024).

Labor Migration of Modern Youth

Dorobov M.S., Khizbullina R.R.
Kazan State Power Engineering University

The presented article summarizes some empirical experience in determining the features, factors and causes of labor migration of young people from the point of view of sociological knowledge and based on the results of sociological research, as well as monitoring by VCIOM, the Federal State Statistics Service, scientific research by cited domestic contemporary researchers in the field of studying youth migration. Based on a secondary analysis of the data, the motives of youth labor migration were considered. The result determined the need for further study of the features and factors of youth labor migration, as a phenomenon that mediates the process of youth choosing migration trajectories and, as one of its resulting – the transformation of the social, economic, demographic structures of the territories involved in the processes of labor migration.

Key words: youth, migration, work, labor migration factors, labor market

УДК 339.7

Китайский юань как мировая валюта

Каримова К.С.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Северо-Западного института управления – филиала Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Санкт-Петербург)

Целью данной статьи является оценка статуса китайского юаня как мировой резервной валюты. Для этого поставлены следующие задачи: проанализировать долю китайского юаня среди других мировых резервных валют, рост доли китайского юаня в международных расчетах и в мировом финансовом рынке, оценить перспективы становления юаня как полноценной мировой валюты.

Научная значимость работы заключается в определении перспектив распространения китайского юаня во внешнеторговых операциях между развитыми и развивающимися странами. Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в качестве базы аналитической работы экономиста-международника при построении инвестиционных стратегий и прогнозировании денежно-кредитной политики центральных банков.

Сформулирована гипотеза, что китайская власть не допустит становления юаня как полноценной мировой резервной валюты в силу рисков, вызванных интернационализацией валюты.

Рассмотрены причины включения китайского юаня в корзину специальных прав заимствования Международного валютного фонда и перспективы роста его роли как мировой резервной валюты.

Ключевые слова: мировая валюта, валютная политика, китайский юань, интернализация юаня, либерализация, протекционизм

В условиях роста американского государственного долга и замораживания валютных резервов, хранящихся в долларах, и усиления тенденции к многополярности происходит процесс снижения доверия к главной резервной валюте мира – доллару США. В связи с этим началась дедолларизация мировой экономики: развивающиеся страны избавляются от доллара в официальных резервах, в международных расчетах переходят на национальные валюты.

Снижение мировой финансовой системы от зависимости американского доллара поспособствовало расширению использования китайского юаня. Многие центральные банки развивающихся стран поменяли американский доллар на китайскую валюту в валютных резервах. В связи с этим валютная политика Китая стала одной из обсуждаемых тем не только в сообществе финансистов, но и политиков. В данных условиях перспективы использования китайского юаня как мировой валюты особенно актуальны.

В 2015 г. Народный банк Китая создал Китайскую международную платежную систему (*CIPS*) [1], тем самым ликвидировал последнее препятствие для использования китайского юаня в международных расчетах. Новая платежная система использует и китайские иероглифы, и английский язык, что ускоряет внедрение Китая в мировую платежную систему.

С помощью своп-соглашений в юанях можно не только привлекать необходимую ликвидность центральным банкам, но и интернационализировать китайскую валюту.

В то же время Китай не форсирует процесс интернационализации китайского юаня. Это связано с государственной политикой Китайской Народной

Республики [2], которая не готова к полной экономической открытости.

Экономика Китайской Народной Республики (КНР) ориентирована на экспортную составляющую, что заставляет монетарную власть страны удерживать китайскую валюту от роста. Китай проводит наращивание зарубежных инвестиций и не привлекает портфельные инвестиции в собственную страну, этим объясняются и политика Народного банка Китая по контролю курса юаня, и меры, направленные на его снижение.

Для иностранного инвестора стабильная валютная политика Китая – привлекательный фактор, снижающий валютные и транзакционные риски, в связи с этим Федеральная резервная система Соединенных Штатов Америки и центральные банки Европы принимают меры в отношении КНР с целью повышения конвертируемости его национальной валюты и использования ее как общепринятого средства платежа. Одновременно с этим Китай продолжает придерживаться стратегии закрытости экономики.

Китай с 2014 г. является ведущей страной по уровню внутреннего валового продукта по паритету покупательной способности (рис. 1) .

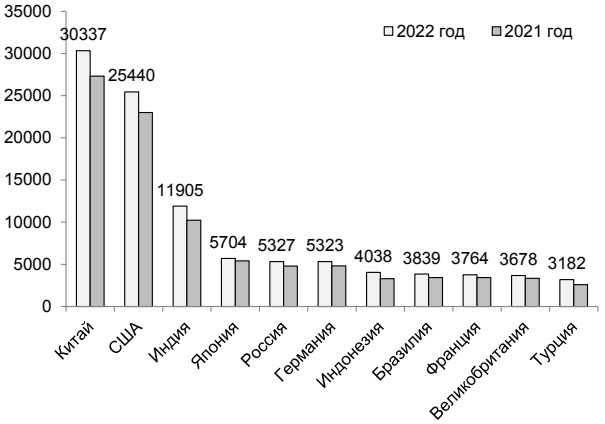

Рис. 1. ВВП по ППС ведущих стран мира, в млрд долл. [3]

Как видно на рисунке 1, ВВП Китая по уровню паритетной покупательной способности в 2022 г. увеличился на 3 млрд долл. Соединенные Штаты Америки, которые являются эмитентом самой распространенной мировой резервной валюты, отстают от Китайской Народной Республики на 5 млрд долл.

На рисунке 2 представлены доли основных мировых валют в международных расчетах по состоянию на март 2024 г. (*SWIFT*).

Как видно на рисунке 2, доля китайского юаня в марте 2024 г. составила 4,69 %, в то время как доли других мировых резервных валют, таких как американский доллар, евро, фунт стерлингов и японская иена составили 47,37; 21,93; 6,57 и 4,13 % соответственно [4].

Несмотря на то что экономика Китая обогнала американскую экономику по масштабу, юань до сих

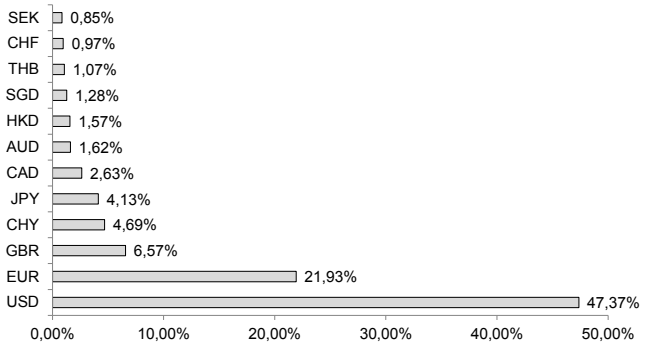

Рис. 2. Мировые валюты в международных расчетах в 2024 г., в % [4]

пор используется в межгосударственных контрактах в 10 раз меньше, чем американская валюта.

Доли китайского юаня и японской иены в международных расчетах практически равны, несмотря на то что ВВП по ППС Китая в 5,3 раз превышает ВВП по ППС Японии.

На рисунке 3 представлено изменение доли китайского юаня в международных расчетах в 2021–2024 гг.

Как видно на рисунке 3, доля юаня в международных расчетах начала резкий рост с марта 2023 г., что объясняется началом дедолларизации мировой экономики вследствие снижения доверия к доллару [5].

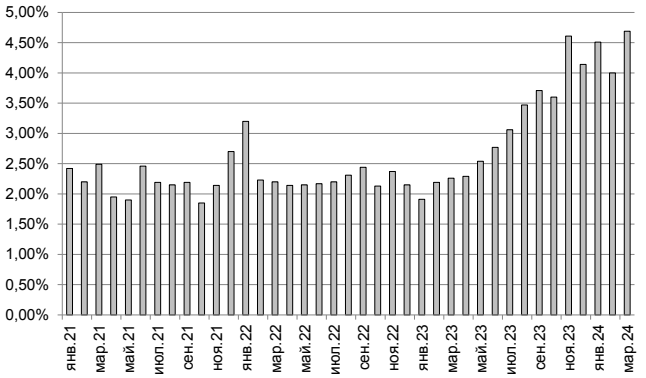

Рис. 3. Доля китайского юаня в международных расчетах, в % [4]

Федеральная резервная система США заблокировала валютные резервы развивающихся стран, ввела ограничения на ввоз долларов в Россию, в ответ российские власти перевели расчеты за газ на российские рубли [6]. Вследствие данных обстоятельств доверие к доллару США сильно снизилось и монетарные власти многих стран начали процесс юанизации – перекладывание собственных резервов в юани, что привело к повышению использованию юаня во внешнеторговых расчетах.

На рисунке 4 представлены доли основных мировых валют на финансовом рынке.

Как видно на рисунке 4, 84,13 % операций на финансовом рынке заключаются с использованием доллара США, и только 5,89 и 5,28 % – с использованием евро и китайского юаня соответственно [4]. Низкая доля юаня в мировом финансовом рынке

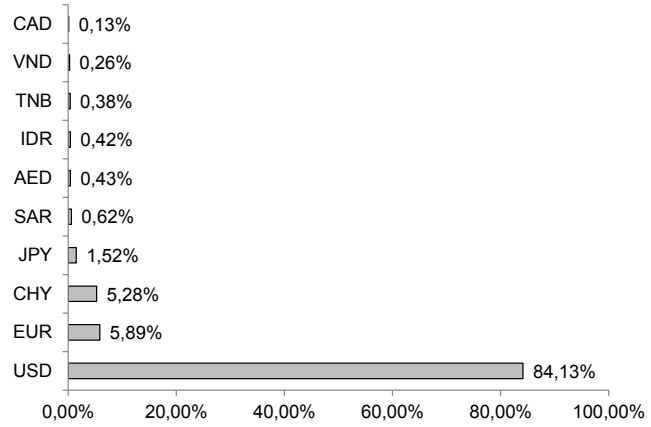

Рис. 4. Мировые валюты на финансовом рынке, % [4]

объясняется протекционисткими мерами со стороны Народного банка Китая.

В октябре 2016 г. Международный валютный фонд [5] включил китайский юань в корзину специальных прав заимствования. До этого в корзине валют были американский доллар, евро, японская иена и британский фунт стерлингов. Данное событие ознаменовало признание китайского юаня свободно используемой валютой и расширение его применения в международных операциях, а также включение экономики Китая в мировую валютную систему.

Включению китайского юаня в список валют, составляющих корзину специальных прав заимствования, предшествовало увеличение раскрытия информации Народным банком Китая о банковском секторе страны и валютном составе китайских резервов в Международном валютном фонде.

Согласно методологии специальных прав заимствования, основным критерием включения валюты в список международных резервных валют является роль эмитента данной валюты. Китай является крупнейшим экспортером мира, что явилось определяющим фактором при включении его валюты в список резервных валют.

Интернационализация китайского юаня и либерализация валютной системы Китая позволили включить китайский юань в состав резервных валют Международного валютного фонда. Интернационализация китайского юаня включала в себя повышение степени открытости счета операций с капиталом.

Признание китайского юаня свободно используемой валютой и международным резервным активом были сопряжены с новыми обязанностями Народного банка Китая, и он начал предоставлять валюту в рамках кредитов Международного валютного фонда. В случае обращения стран, входящих в список стран – эмитентов резервных валют, в Народный банк Китая с просьбой об обмене китайского юаня на другую свободно используемую валюту, Китай должен предоставить все возможности для обмена.

В то же время включение китайского юаня Международным валютным фондом в список резервных валют не означало немедленное распространение его использования в мировой валютной системе. Использованию юаня в международных расчетах в данное время препятствует денежно-кредитная политика Народного банка Китая. С целью увеличения конкурентоспособности китайской продукции Центральный банк Поднебесной искусственно занижает курс юаня, что приводит к частичной конвертируемости валюты.

Низкая доля китайского юаня в международных расчетах объясняется жестким контролем над движением капитала со стороны Народного банка Китая.

Несмотря на то что Китай имеет самую развитую экономику мира и по уровню ВВП по ППС давно обогнал Соединенные Штаты Америки, распространение его валюты – китайского юаня до сих пор несопоставимо мало по сравнению с долей доллара США в международных расчетах.

Сильный курс национальной валюты, с одной стороны, противоречит многолетней стратегии Китая о закрытости экономики и ограничении движения капитала, с другой стороны, статус мировой валюты подтверждает статус сверхдержавы. В связи с этим Народный банк Китая проводит монетарную политику, включающую в себя осторожную либерализацию валютной политики и строгую фиксацию обменного курса юаня.

Включение китайского юаня в список специальных прав заимствования свидетельствует о росте интернационализации валюты.

Китай также активизировал использование своей валюты в международных расчетах. Для этого он начал заключать своп-соглашения и выпускать облигации в юанях. Многие центральные банки ведущих стран мира стали формировать валютные резервы в китайских юанях.

Китай начал расширять использование китайской валюты, правительство Китая разрешило более гибкую валютную политику в отношении юаня, что позволило увеличить международные расчеты, проводимые в юанях. Тем не менее обращение китайской валюты до сих пор контролируется монетарной властью.

Очевидно, что Народный банк Китая не намерен использовать для собственной валюты режим свободного плавания – режим самостоятельного формирования курса на международном рынке. Рост обменного курса юаня негативным образом скажется на экспортной составляющей экономики. Центральный банк Китая проводит жесткую политику протекционизма в интересах китайских производителей.

Для распространения китайского юаня как общепринятого средства платежа во всем мире Китаю

недостаточно проводить экспортные и импортные операции в юанях. В дополнение к этому нужно увеличить инвестиции за рубеж в юанях.

Либерализация счета операций с капиталом позволит расширить использование китайского юаня как мировой резервной валюты.

В случае ослабления контроля за курсом со стороны Народного банка Китая китайский юань имеет все шансы занять роль главной мировой резервной валюты.

Литература:

1. CIPS. – URL: https://www.cips.com.cn/ (дата обращения: 27.04.2024).
2. Народный банк Китая. – URL:https://pvc.gov.cn/ (дата обращения: 27.04.2024).
3. Официальный сайт Всемирного банка. – URL: https://www.vsemirnyjbank.org.ru/ (дата обращения: 21.04.2024).
4. SWIFT. – URL: https://www.vsemirnyjbank.org.ru/ (дата обращения: 27.04.2024).
5. МВФ. – URL: https://www.imf.org/ (дата обращения: 21.04.2024).
6. Правительство РФ. – URL: https:// government.ru/ news/ (дата обращения: 27.04.2024).
7. Вавилов Н.Н. Китайская власть. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2021. – 663 с.
8. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. – М.: Ин-т ДВ РАН, Изд-во МБА, 2020. – 496 с.
9. Шаповалов В. Интернационализация юаня // Международные процессы. – 2020. – Т. 18, № 3 (62). – С. 85–95.

The Chinese Yuan As A Global Currency

Karimova K.S.
The North-West Institute of Management branch of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of this article is to assess the status of the Chinese yuan as a global reserve currency. To do this, the following tasks are set: to analyze the share of the Chinese yuan among other world reserve currencies, the growth of the share of the Chinese yuan in international settlements and in the global financial market, to assess the prospects for the formation of the yuan as a full-fledged world currency.

The scientific significance of the work lies in determining the prospects for the spread of the Chinese yuan in foreign trade operations between developed and developing countries. The practical significance of the work lies in the fact that the results of the study can be used as a basis for the analytical work of an international economist in building investment strategies and forecasting the monetary policy of Central banks.

The hypothesis is formulated that the Chinese government will not allow the yuan to become a full-fledged world reserve currency due to the risks caused by the internationalization of the currency.

The reasons for the inclusion of the Chinese yuan in the basket of special drawing rights of the International Monetary Fund and the prospects for the growth of its role as a global reserve currency are considered.

Key words: world currency, monetary policy, Chinese yuan, internalization of the yuan, liberalization, protectionism

УДК 379.85

Экологический туризм в регионах: проблемы и перспективы развития

Охрименко Е.И.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

Радыгина Е.Г.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства
Уральского государственного экономического университета
(Екатеринбург)

В статье обозначена актуальность развития экологического туризма как перспективного направления в туристической отрасли на современном этапе. Представлен обзор и анализ работ ученых, проводивших исследования в области изучения развития экологического туризма. В ходе исследования авторами были выявлены регионы, в которых наблюдается активное развитие экологического туризма, выявлены причины повышенного спроса посещения туристами этих регионов. В результате проведенного анализа обозначены основные проблемы, влияющие на развитие экологического туризма в регионах, из-за которых темп развития данного направления снижается.

По результатам проведенного исследования авторами разработаны и обоснованы мероприятия, которые окажут положительное влияние на решение выявленных проблем в рамках развития экологического туризма. Проведенная работа позволила авторам сформулировать обоснованный вывод о том, что для дальнейшего развития экологического туризма в регионах и своевременного решения проблем необходима поддержка не только со стороны государства и заинтересованных лиц, но и активное привлечение инвесторов.

Ключевые слова: экологический туризм, регионы, проблемы, финансирование, перспективы, природа, развитие

Туристическая индустрия – это быстроразвивающаяся отрасль современности. Люди любили путешествовать во все времена, из-за чего долгое время пользовался спросом выездной туризм, однако с 2016 г. начал расти спрос на внутренний туризм. В период с 2020 г. по 2022 г. включительно внутренний туризм начал своё активное развитие в России из-за складывающихся ситуаций на международном уровне. В связи с этим в нашей стране появились новые перспективные направления в туристической отрасли.

На сегодняшний момент можно выделить несколько видов туризма, среди которых достойное место занимает экологический туризм.

Экологический туризм – часть туризма в России, для которой основным туристским ресурсом являются естественная природная среда и её составляющие: элементы ландшафта, биологическая часть

экологических систем, пейзажи и прочие компоненты [1].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что экологический туризм является одним из перспективных направлений в туристической отрасли. Быстро растущий спрос на данное направление обусловлен тем, что люди хотят максимально сблизиться с природой, отдохнуть от городской суеты.

Сегодня можно отметить, что экологический туризм постепенно развивается и становится популярным в регионах нашей страны. Кроме того, в России экологический туризм относят к одному из развивающихся направлений в индустрии туризма.

Однако данное направление имеет ряд проблем, которые необходимо не только своевременно выявлять, но и разрабатывать соответствующие эффективные мероприятия для их решения.

Проведено немало исследований в области изучения развития экологического туризма в нашей стране. Многие современные учёные в области развития туристического бизнеса рассматривают проблемы, связанные с развитием экологического туризма. Среди них можно выделить следующих: Е.И. Охрименко [2, с. 127] при изучении проблемы развития экологического туризма акцентировала внимание на растущем спросе данного направления среди туристов, тем самым подчёркивала необходимость дальнейшего развития экотуризма в стране. В своих работах автор предлагает план развития экотуризма в стране, в котором приведены решения проблем, препятствующих этому. «Комплексный подход и сотрудничество между государством, местным населением и бизнесом будут способствовать успешному развитию экологического туризма на территории нашей страны» [2, с. 127].

А.Р. Дёмкина и О.В. Шулёпова [3, с. 47] рассматривали развитие экологического туризма с точки зрения дополнительного дохода как для представителей услуг, так и для государства в целом. В России есть уникальные природные места, которые не исследованы туристами, в связи с этим специалисты рекомендуют создать и развить новые туристические маршруты, благодаря чему может увеличиться доход предприятий туриндустрии, появятся новые рабочие места, что повлияет на снижение уровеня безработицы в стране.

В своих трудах Е.Б. Ивушкина обращает особое внимание на то, что экотуризм и его развитие оказывают положительное влияние на конкурентоспособность территорий. Экотуризм способен решить многие проблемы в представленной дестинации. Кроме того, автор утверждает, что именно общение с природой является отличительной чертой экотуризма [4, с. 11].

По мнению Т.С. Лихаревой, экологический туризм «также может стать драйвером экономического и социального развития провинциальных территорий, регионов, предоставляя новые рабочие места, развивая инфраструктуру, транспортную сеть, привлекая новых инвесторов» [5, с. 107–108].

К.А. Бойко в своих трудах обращает особое внимание на развитие различных видов экотуров. Также автор подтверждает необходимость постоянного развития природных территорий, а такая возможность рассматривается, в рамках развития экологического туризма. На самом деле, становится важным побуждать в людях желание не только общаться с окружающим миром флоры и фауны, но и вырабатывать стремление к их охране и процветанию [6, с. 37].

Исходя из работ специалистов в области туристической индустрии, можно выделить следующее: экологический туризм набирает популярность не только среди населения нашей страны. Большой интерес к данному направлению наблюдается со стороны иностранных гостей. Кроме того, экологический туризм можно отнести к одному из самых перспективных направлений в туриндустрии, поскольку с каждым годом отмечается увеличение спроса на данное направление.

Согласно данным новостного портала «Известия», спрос на туры на природу с начала 2023 г. вырос в среднем на 20 % по сравнению с 2022 г. Такие путешествия включают посещение заповедников или природных достопримечательностей, наблюдение за животными и природными явлениями [7].

Высокий спрос на данное направление вызван желаниями потребителей попробовать что-то новое для себя, провести отпуск не как обычно, отдохнуть на природе, не вредя ей. Также повышенный интерес связан с нестабильной политической ситуацией на международном уровне, из-за которой курс рубля является волатильным.

В 2023 г. рекордно вырос спрос на отдых:

1. В Мурманской области было продано туров в 10 раз больше по сравнению с 2022 г. 86 % гостей данной области едут ради посещения природных территорий, так как в данном регионе граничат арктическая тундра и лесные чащи, создавая при этом живописные места для северного отдыха. Так же туристы едут в данный регион для «охоты» за северным сиянием. «Только в Мурманской области можно посетить самый северный в России Полярно-альпийский ботанический сад – институт им. Н.А. Аврорина и увидеть посреди суровой зимы роскошные пальмы и цветущие орхидеи» [8].

2. В Адыгее туристов в 2023 г. было в 3,5 раза больше, чем в 2022 г. Данный регион богат своей живописной природной структурой. На территории республики находится 18 особо охраняемых природных территорий (ООПТ), занимающих более 14 % всей территории региона. В республике обустроено свыше 200 экологических троп и экскур-

сионных маршрутов. А также идет тесное взаимодействие с Кавказским биосферным заповедником. «Самыми популярными направлениями являются 30-й маршрут “Через горы к морю”. Его продолжительность 14 дней. Начало движения – у базы «Горная» в Адыгее, окончание – в Дагомысе. Большим спросом пользуется и маршрут “Тропа Леопарда” протяженностью более двух километров» [9].

3. На Сахалине туристический поток увеличился на 30 %. Остров Сахалин – это дальний регион страны, до которого достаточно трудно добраться. Несмотря на это, туристический поток в данный регион увеличивается за счёт привлекательности и необычности региона. Со стороны развития экологического туризма, здесь имеется большой потенциал. Привлекает туристов своими экологическими достопримечательностями, например, озеро Буссе, которое является по своей сути водоёмом с уникальной экосистемой. В этом озере туристы могут попробовать собственноручно выловить устриц [10].

Также лидирующие направления экотуризм занимает в республиках Дагестан, Карелия, Алтайском крае, на Байкале [7].

Активное развитие экологического туризма можно наблюдать в регионе Камчатки. Данный регион является удалённым по отношению к центральной России, из-за чего туры в этом направлении имеют высокую стоимость из-за авиаперелётов. Однако Камчатка не перестаёт развиваться в туризме, предлагая всем желающим попробовать свои силы в сёрфинге, побывать в долине гейзеров – одном из 6 крупных гейзерных полей в мире. Главными направлениями туризма на Камчатке являются: бёрдвотчинг, научно-познавательные экскурсии, восхождение на вулканы [10].

Важно отметить, что в 2023 г. «национальные парки посетили более 8,5 млн отдыхающих, а к 2024 г. планируется увеличить поток до 10 млн экотуристов в год» [11].

Несмотря на быстро растущий спрос по данному направлению, развитие экотуризма имеет ряд проблем, среди которых хотелось бы выделить четыре главные:

1. Плохо развитая инфраструктура. К сожалению, в России, в отличие от европейских стран, инфраструктура экологического туризма развита минимально. Тропы для пешего туризма оборудованы не полностью, средства размещения в природных условиях имеют ряд нерешённых вопросов, которые влияют на удобства туристов. Отмечена очень «низкая пропускная способность уязвимых (особенно северных) заповедных территорий» [10].

2. Низкая культура отдыха. К сожалению, не все туристы понимают и принимают правила отдыха экологического направления и тем самым могут нанести вред и ущерб природным экосистемам и живым организмам.

3. Не развита рекламная деятельность в продвижении экотуризма. Люди знают о предлагаемых турах на Камчатку, Алтай и в Дагестан, но стоимость может отталкивать потенциальных туристов. Однако большинство не знают о том, что отдохнуть на природе можно не только в этих регионах, но и в других не отстающих по природной красоте местах, таких как Республика Башкортостан, Тюменская область и др.

Важно отметить, что Республика Башкортостан богата своей живописной природой и удивительными местами со своей экосистемой. В Республике Башкортостан есть экологическая турбаза «Тенги», которую местные жители называют «зеленым объектом». «Туристам предлагают проживание в энергоэффективных купольных зданиях, которые снабжаются теплом и горячей водой по комбинированному варианту: от электричества и тепловых насосов. Это экспериментальный способ эксплуатации. В горной местности температура постоянно меняется, а тепловые насосы работают при температуре воздуха до минус 20-25 градусов» [12]. Также на территории региона существует объект, построенный на территории заповедника «Шульган-Таш», который предоставляет туристам места размещения в виде домиков с разным количеством мест, кафе с традиционными блюдами Башкирии. Привлекают туристов экотропы, одна из которых ведёт прямиком к Каповой пещере с настоящими наскальными рисунками первобытных людей. Данный проект окупился за три года своей эксплуатации [12].

В Тюменской области в 2023 г. была запущена грантовая программа по развитию экологического туризма региона. В рамках этой программы участники должны были представить проекты экологических троп региона к озеру Соленое, которое по своему гидрохимическому составу сопоставимо с Мертвым морем. По своей сути регион богат наличием мест для продвижения экологического туризма, например, дендропарк. Данное место будет интересным для туристов, любящих экзотику. «Здесь растут десятки разновидностей деревьев и кустарников, есть лиственничная и дубовая аллеи, маньчжурский орех, пробковое дерево или амурский бархат» [13].

4. Недостаточное финансирование со стороны государства в развитие экологического туризма. К сожалению, на 2024 г. по сравнению с 2023 г. государственное финансирование имеет отрицательную динамику не только по отношению к развитию экологического направления в туристической индустрии, но и в целом по туристической отрасли. «На развитие туризма в 2024 г. заложено 43,4 млрд руб. Это меньше, чем предполагалось год назад Федеральным законом о бюджете № 466 на 2023 г. Изначально на нацпроект “Туризм и индустрия гостеприимства” в 2024 г. предполагалось потратить

47,7 млрд руб. Таким образом, сокращение составит 9,2 %» [11]. Однако данная сумма будет разделена на развитие перспективных направлений в туризме, среди которых отмечен экологический туризм.

Таким образом, для решения приведённых выше проблем следует разработать проект, в котором в первую очередь стоит выделить место обучению правилам поведения и культуре отдыха в рамках экологических туров для потребителей услуг. С этой целью необходимо проводить организационные собрания для потенциальных туристов, акцентировать особое внимание на правила поведения в экологических турах.

Для студентов и школьников требуется разрабатывать тематические лекции об охране природы и важности соблюдения правил для того, чтобы не нарушить экосистемы местностей.

Для успешного развития экологического туризма необходимо улучшить рекламную компанию для обзора не только популярных направлений отдыха, но и набирающих популярность регионов с уникальными природными ресурсами. Следует предлагать экологические туры в различные по отдалённости регионы, так как каждая местность имеет свой антураж и свою уникальность.

Также для развития экологического туризма становится важным следующий момент – наладить инфраструктуру территорий. Необходимо сделать экологические тропы «удобными» не только для природы, но и для туристов разных категорий, в том числе и для людей с ограниченными возможностями. Для этого необходимо оборудовать дорожки экологическим материалом, который не нанесет вред экосистемам, но сделает удобным передвижение туристов.

Следует отметить, что с 1 сентября 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2023 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14]. В Законе обозначены основные критерии и особенности организации и осуществления туризма на особо охраняемых природных территориях. Например, осуществлять туризм на специально оборудованных для этого местах и маршрутах [14].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что экологический туризм как одно из направлений индустрии туризма в России активно развивается. В настоящее время развитию экологического туризма уделено больше внимания со стороны государства. В связи с этим стоит особо отметить, что был разработан Государственный бюджет для развития данного направления туризма на 2024–2026 годы. «На трехлетний период 2024–2026 гг. в Государственной программе “Развитие туризма” заложено 52 млрд руб. Из них 43 млрд руб. – на 2024 г.» [11]. К 2024 г. ожидается увеличение потока экотуристов до 10 млн чел. Так же ожидается развитие 24 новых территорий для продвижения экологического туризма в стране, среди которых 6 территорий будет находиться в Крыму [11]. Развитие экотуризма должно происходить плавно и равномерно, чтобы не наносить вред и непоправимый ущерб природным экосистемам, особо охраняемым природным территориям.

В ходе проведенного исследования, на наш взгляд, разработанные нами мероприятия окажут положительное влияние на решение обозначенных проблем в рамках развития экологического туризма. Важно отметить, что своевременная поддержка со стороны государства, заинтересованных лиц, а также инвесторов является необходимой для оперативного решения вопросов, связанных с развитием экологического туризма в регионах нашей страны.

Литература:

1. Экологический туризм в России. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экологический_туризм_в_России#cite_note-Косолапов-1
2. Охрименко Е.И. Современные тенденции и перспективы развития туризма в России: безопасность, транспортная логистика, сервис // Материалы XX Межд. науч.-практ. конференции. – Омск: ОмГТУ, 2023. – С. 124–128
3. Демкина А.Р., Шулепова О.В. Экологический туризм: региональный аспект // Мир Инноваций. – 2022. – № 1(20). – С. 47–51.
4. Ивушкина Е.Б., Самбиев З.Ш. Экотуризм в устойчивом маркетинге регионов // Научный альманах стран Причерноморья. – 2023. – № 1(33). – С. 10–17.
5. Лихарева Т.С. Особенности развития экологического туризма на базе особо охраняемых природных территорий // Сервис в России и за рубежом. – 2023. – Т. 17, № 3(105). – С. 104–113.
6. Бойко К.А., Симоненко С.О. Экологический туризм в России: понятие, признаки, виды // Лучшая научная статья 2024: сб. статей VI Межд. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 10 января 2024 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 35–37.
7. Мангры зовут: продажи туров на природу за год выросли на 20%. – URL: https://iz.ru/1593938/anastasiia-platonova/mangry-zovut-prodazhi-turov-na-prirodu-za-god-vyrosli-na-20

8. Экологический туризм. – URL: https://tourism.gov-murman.ru/documents/folder1/
9. В Адыгее обустроено более 200 экотроп и маршрутов в рамках развития экологического туризма. – URL: https://www.kuban.kp.ru/online/news/4711394/
10. Экологический туризм, цели, виды, направления экотуризма. – URL: https://cleanbin.ru/terms/ecological-tourism
11. Поток эко-туристов к 2024 году может увеличиться до 10 млн человек. – URL: https://presscentr.rbc.ru/press-conf_ecoturism
12. Как развивается экотуризм в Башкирии. – URL:https://rg.ru/2022/04/19/reg-pfo/v-bashkirii-ozhidaiut-bum-ekoturizma.html
13. Биолог, путешественник и экогид поделился местами для экотуризма в Тюменской области. – URL: https://www.tumen.kp.ru/online/news/4945647/
14. Установлены особенности туризма на особо охраняемых природных территориях и осуществления рекреационной деятельности в национальных парках. – URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/79598.html

Ecological Tourism in the Regions: Problems and Development Prospects

Okhrimenko E.I., Radygina E.G.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The article indicates the relevance of the development of ecological tourism as a promising direction in the tourism industry at the present stage. The paper provides an overview and analysis of the work of scientists who conducted research in the field of studying the development of ecological tourism. During the study, the authors identified regions in which there is an active development of ecological tourism. The reasons for the increased demand for tourists to visit the studied regions of our country are indicated. As a result of the analysis, the main problems affecting the development of ecological tourism in the regions are identified, due to which the pace of development of this direction decreases.

Based on the results of the study, the authors developed and substantiated measures that will have a positive impact on solving the identified problems in the framework of the development of ecological tourism. The study allowed the authors to formulate a reasonable conclusion that for the further development of ecological tourism in the regions and timely solution of problems, support is needed not only from the state and interested parties, but also active attraction of investors.

Key words: ecological tourism, regions, problems, financing, prospects, nature, development

УДК 351

Эффективность государственного и муниципального управления: сущностные особенности и проблемные аспекты

Снытkин Д.В.
Аспирант кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
Московского государственного университета спорта и туризма

Статья посвящена актуальной теме, связанной с выявлением особенностей и проблем в оценке эффективности государственного и муниципального управления. Именно от эффективности управления во многом зависит социальная удовлетворенность членов общества. Цель статьи: раскрыть особенности и значение эффективности управления как многозначной категории. Задачи статьи: рассмотреть эффективность управления как предмет исследования разных научных направлений и школ; обосновать необходимость применения в управлении новых, клиенто-ориентированных технологий; предложить авторское понятие «экосистема государственного развития»; показать значение бюджетной эффективности в деятельности учреждений публичного сектора.

Сформулированные в статье положения и практические рекомендации представляют определенный интерес и могут быть полезны руководителям разных уровней власти. Так, при оценке эффективности деятельности учреждений публичного сектора предложено учитывать не только традиционные, материальные факторы, но и нематериальные. Сделан вывод о том, что основной ориентир оценки эффективности бюджетных учреждений, организаций публичного сектора экономики – это улучшение качество жизни населения.

Ключевые слова: эффективность, государственное управление, качество управления, доверие, качество жизни, развивающееся общество

По теме изучения различных аспектов эффективности управления написано немало работ, проведены исследования на разных уровнях. Авторы рассматривают альтернативные подходы, предлагают различные инструменты, которые, по их мнению, будут способствовать повышению эффективности деятельности организаций и учреждений, а также собственно управления [1–9].

В работах современных исследователей проблема повышения эффективности управления бюджетными учреждениями не прослеживается единства в оценках данной категории. Изучению эффективности посвящены работы: Е.Д. Богатырева, О.А. Воскресенской, В.Г. Горба, А.А. Ефремова, Е.И. Добролюбовой, А.А. Ефремова, В.С. Комаровского, И.И. Мазура, Н.Г. Ольдерроге, С.Ю. Орловой, С.Е. Прокофьева, Н.Ф. Поповой, С.Н. Рябухина, Н.М. Сладковой, М.В. Фирсова, В.Д. Шапиро и др.

Эффективность управления, в широком понимании, является предметом исследования разных научных направлений и школ. На протяжении многих десятилетий проблемы эффективности, результативности, обоснованности, качества управления изучают специалисты разных профильных сфер, в том числе:

• в сфере экономики, оценивая экономическую эффективность;

• в сфере управления/менеджмента предприняты попытки оценить управленческую эффективность;

• в государственном и муниципальном управлении, оценивая управленческую и социальную эффективность. Исходя из специфики государ-

ственного управления, следует оценивать деятельность организаций, учреждений, результаты работы управленцев по степени удовлетворения потребностей общества (социума);

• в социальной сфере оценивается социальная эффективность, которая не ставит целью коммерциализацию результатов, а ориентирована на последовательное улучшение качества жизни, благосостояния людей. За счет реализации социальной политики индивидууму предоставляется определенная экономическая независимость, формируется базовое пространство свободы в сфере экономики;

• в сфере экологии, оценивая экологическую эффективность;

• в технологическом развитии (отставании), оценивая технологическую эффективность с учетом угроз для развития страны и общества [10] и др.

Проблема оценки эффективности – это, в том числе, и проблема анализа управленческой деятельности и принимаемых управленческих решений. Государственное управление, являясь реципиентом новых технологий, в условиях неопределенности и нестабильности внешней среды, адаптируется к изменениям, внедряя все новые инструменты и технологии в практическую деятельность. Наблюдается постепенная трансформация управления в государственном секторе и активное применение инновационных технологий, инструментов, подходов. Открытые инновации в управлении реализуются, в том числе через применение технологий: менеджмент участия, клиентоориентированный подход, предотвращение проблем (вместо ориентации на решение проблем), измерение результатов, оценка удовлетворенности человека – клиента – потребителя, а также система БОР – бюджетирование, ориентированное на результат [11], и др.

Опора на новые технологии, по нашему мнению, позволяет говорить о необходимости создания так называемой «экосистемы государственного развития» (ЭГР[1]), которая представляет собой адаптивную систему с обратной связью, действующую на принципах открытости, прозрачности, справедливости, состоит из взаимодействующих субъектов (социальной, институциональной, экономической, производственной, научной, образовательной и иных видов деятельности[2]), главной целью которой является улучшение качества жизни людей.

Государственное и муниципальное управление неразрывно связано с деятельностью бюджетных учреждений и организаций публичного сектора экономики. Оценка эффективности проводится на принципах бюджетной эффективности и с учётом специфики публичного сектора. Экономическая роль государства укладывается в выполнение трех основных функций публичного сектора: достижение эффективности, обеспечение справедливости, обеспечение экономического роста [1].

Публичный сектор экономики определяется прежде всего удельным весом государственных доходов и расходов в национальном доходе, валовом национальном продукте, валовом внутреннем продукте. Во многом от этих параметров и их соотношения зависит и эффективность деятельности учреждений и организаций. Миссия публичного сектора заключается в удовлетворении потребностей всех членов общества в общественных благах. Благо общественное, в отличие от частного, которое приносит пользу только собственнику, имеют возможность потреблять все желающие члены общества, часто независимо от действия принципа платности[3].

Оценивая деятельность бюджетных учреждений публичного сектора, следует обратить внимание на понятие и процедуру оценки «бюджетной эффективности». В соответствии с Концепцией повышения эффективности бюджетных расходов [12] и в рамках Бюджетного кодекса РФ, бюджетная эффективность оценивается как «относительный показатель эффекта для бюджета в результате осуществления государственной функции, реализации программы, инвестиционного проекта, определяемый как отношение полученного бюджетом результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [13].

Системный подход к оценке эффективности предполагает наличия множества элементов, в том числе аудиторские проверки. В сентябре 2021 г. Коллегия Счетной палаты РФ утвердила «Методические рекомендации по применению аудита эффективности». В документе сказано, что эффективность отражает меру результата, полученного за счет использования федеральных и иных ресурсов. «Эффективность показывает, обосновано ли использование ресурсов достигнутыми результатами» [14].

По состоянию на 2024 г., несмотря на многочисленные усилия и разнообразные исследования, в практике российского государственного и муниципального управления не существует универсального подхода к оценке эффективности и результативности деятельности.

Веками представители научных школ трактовали категорию «эффективность». В настоящем исследовании автор не ставит задачу проведения семантического анализа рассматриваемой категории. Поэтому обратимся к некоторым научным толкованиям. Так, например, английский экономист А. Смит (1723–1790) утверждал, что «экономическая жизнь подчиняется объективным закономерностям, не зависящим от воли или сознательных устремлений людей» [2]. В работах А. Смита даны рекоменда-

[1] Определение предложено автором.

[2] В скобках указаны виды деятельности, которые выполняют субъекты.

[3] При потреблении общественных благ действует «эффект безбилетника».

ции по эффективности государственной политики и управления, которые можно представить в формате его «знаменитых принципов демократического государства». К факторам успеха и эффективности полученных результатов автор принципа «невидимой руки» относил:

• чтобы понять корень проблемы, анализировать надо не только саму «проблему», но и систему в целом;

• учет последствий, «эффекта масштаба» обязательное условие применения принципов разделения труда;

• «экономическая политика может быть эффективной, только если руководствоваться принципом невмешательства государства в работу рыночного механизма» [2].

Г. Эмерсона (1853–1931) называют «пионером» в вопросах эффективности. Будучи специалистом по управленческому консалтингу, он рассматривал проблемы эффективности управления в национальном масштабе. Знаменитый отчет Эмерсона о возможной экономии миллиона долларов в день на использовании железных дорог вызвал неподдельный интересам к вопросам эффективности. Эмерсон оппонировал основателю первой научной школы Ф. Тейлору и предложил свою систему оценки, которая зиждется на «Двенадцати принципах производительности». Идея эффективного управления, по мнению Эмерсона, состоит в том, чтобы «избежать создания слишком большого количества начальников и при этом использовать при принятии решений советы экспертов» [3]. Будучи инженером по базовому образованию и имея довольно прогрессивные образовательные идеи (за которые был уволен из Университета Небраски), Эмерсон считал, что «Работать напряженно – значит прилагать к делу максимальные усилия; работать производительно – значит прилагать к делу усилия минимальные. Соблюдение универсальных принципов организации любой деятельности позволит вам достигнуть гораздо больших результатов при меньших затратах и усилиях» [3]. Инновационным на тот период, было введение в систему оплаты труда понятия «процент эффективности» и нормативов производительности сотрудников. Система Эмерсона известна во многих странах, о ней писали, что «успех деятельности определяется и измеряется степенью отклонения их организации от двенадцати принципов производительности» [15].

С позиции оценки результативности деятельности учреждений публичного сектора, считаем интересными положения исследований Л. Вальраса (1834–1910) [4] и В. Парето (1848–1923) [5]. Из общеизвестных положений ученых для изучения предмета нашего исследования интерес представляют критерии «Парето – оптимум» с общественной точки зрения и возможности «увеличить благосостояние хотя бы одного субъекта без причинения ущерба всем остальным» [6]. Именно Парето, изучая общественное благосостояние, ввел в научный оборот категорию «справедливость» как производную «эффективности». И в настоящее время мы проводим оценку не только эффективности экономической, но и социальной.

Мы разделяем мнение российского экономиста и социального философа М.И. Туган-Барановского (1865–1919), автора социальной теории распределения, в которой он утверждал, что «рост результативности и эффективности общественного труда сопровождается улучшением качества жизни населения» [7]. Что также имеет отношение к оценке эффективности деятельности учреждений публичного сектора, государственного и муниципального управления.

Американцы Т. Питерс и Р. Уотерман посвятили проблематике поиска ответа на вопросы свой труд «В поисках эффективного управления» [8]. По нашему мнению, основная идея концепции заключается в идентификации двух групп факторов, влияющих на деятельность системы управления. Питерс и Уотерман назвали их «свои» и «чужие». Группа № 1 («свои») факторы эффективности – то, что способствует достижению необходимых результатов, то есть из чего складывается «наша сила». Группа № 2 («чужие») факторы неэффективности – в чем заключаются наши слабости, недостаточная конкурентоспособность, низкая эффективность. Мы не считаем, что данный подход обладает новизной. По существу, «наша сила» и «чужие», по Питерсу и Уотерману, – это то же, что и сильные и слабые стороны в *SWOT*-анализе.

Исследование сущности эффективности управления, по нашему мнению, следует оценивать не только по классическим канонам, но и с учетом показателей качества, ценности, доверия, удовлетворенности потребителей и др. Общеизвестный факт, что «качество» категория сложная, многогранная, многоаспектная, при этом универсальная и часто субъективная. Проблемы качества интересуют многих. Потребители хотят получать, приобретать качественные продукты и полезности. Философы, социологи, инженеры, экономисты, политологи, управленцы десятилетиями изучают феномен под названием «качество». Можно выделить несколько профилей качества, связанных и отражающих ожидания клиента – потребителя услуги/товара. Так, например, профиль базового качества оценивается по совокупности обязательных параметров. И если госслужащий не уделяет надлежащее внимание базовым параметрам качества работы, то он рискует имиджем, репутацией, тем самым снижает уровень доверия общества к власти и оценку эффективности государственного управления. Профиль требуемого качества отражает функциональные характеристики

услуги или товара. В публичном секторе экономики именно эти показатели качества гарантируются потребителям. К ним можно отнести показатели количественные и качественные: скорость оказания услуги, рассмотрения заявления, обращения, жалобы, точность оказанной услуги, внимательное и доброжелательное отношение и пр. Профиль желаемого качества представляет наивысшую ценность предлагаемого продукта или оказываемой услуги. Учет желаемых параметров качества является индикатором потенциальных возможностей, создает благоприятные условия для роста доверия общества к государственному управлению, власти в целом, удовлетворенности потребителей.

Так как «качество» категория еще и философская, она тесно связана с ценностями, разделяемыми обществом, социумом, индивидами. В практике управления существует проблема соотношения качества с эффективностью. Интересно мнение Г. Гегеля (1770–1831), изучавшего социальное развитие личности, о том, что «качественная определенность системы управления связана с функциями, которые выполняет сама система и ее элементы» [9].

При оценке эффективности управления все чаще звучит термин «влияние», учитывают так называемые нематериальные факторы, в числе которых приоритетным можно назвать доверие общества к власти, субъектам, принимающим решения. Доверие – ключевая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом) [16].

Исследования показывают, что успех деятельности учреждений и публичного сектора, успех «самореализации» социума зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от «одного, распространившегося повсюду элемента культуры – уровня доверия, существующего в обществе» [16][4].

Культура доверия в обществе формируется на принципах взаимовыгодности складывающихся между субъектами, партнерами отношений и гармонизации интересов. Рассматривая эффективность государственного управления, деятельность бюджетных организаций, встает вопрос, а как измерить уровень доверия? Концептуально можно отметить, что уровень доверия в обществе характеризуется, в том числе уровнем экономической свободы, поступлением налогов, платежей в бюджеты различных уровней, налоговой нагрузкой и т.д. [16].

В исследованиях большинства ученых РФ оценка эффективности государственного и муниципального управления представлена, как правило, набором показателей, в том числе оценивается кадровый состав, финансирование служащих, целевое расходование бюджетных средств, исполнение законодательства в части контрактной деятельности, доля неэффективных расходов в организации государственного управления, наличие фактов злоупотребления госслужащими служебным положением, факты коррупции в органах власти и др. Эффективность оценивается путем соотношения: достижение целей – полученные результаты – оптимальное использование затраченных ресурсов. Что соответствует нормативно-правовым актам, принятым в РФ по вопросам оценки [17–19].

Названные показатели находят отражение в различных рейтингах, в том числе: рейтинг эффективности управления в регионах [18], состояния инвестиционного климата субъектов РФ [19], эффективности реализации промышленной политики [20], рейтинг эффективности проектного управления федеральных органов власти и регионов, рейтинг эффективности глав регионов, народный рейтинг «Оцени главу региона» по параметрам информационной открытости, доверия к власти, качества дорог и инфраструктуры, уровня жизни и др. [21].

Таким образом, оценка эффективности управления всегда сложный процесс, оценить который одним показателем невозможно. По итогам проведения рейтингов и оценок принимаются меры по повышению эффективности деятельности системы государственного управления, которые носят, как правило, законодательный и экономический характер.

Детализация трактовки категории «эффективность» с позиции экономической науки, позволяет сделать ряд выводов. Многие авторы за основу оценки эффективности берут оптимальную комбинацию факторов производства, в большинстве случаев, базовых возможностей. Изучив сущность эффективности управления, предлагаем при оценке эффективности деятельности учреждений и организаций публичного сектора учитывать не только традиционные, материальные факторы, но и нематериальные, в том числе: интеллектуальные активы и технологии; знаниевые, человеческие ресурсы; коммуникативные навыки и технологии.

Динамично развивающееся общество, его системы требуют адекватной реакции, новых подходов и стратегий в управлении, в том числе бюджетными учреждениями, с целью повышения эффективности деятельности и, как следствие, улучшения качества жизни населения.

[4] По распространенности доверия в современных иерархических структурах Фукуяма выстраивает классификацию человеческих обществ: к группе с высоким уровнем доверия он относит «избранные», «основанные на доверии» либеральные демократии (США, Германия, Япония), тогда как традиционалистские страны (Китай, Мексика), европейские «легковесы» (Франция, Италия), равно как и страны Восточной Европы и бывшего СССР он причисляет к обществам с низким уровнем доверия.

Литература:

1. Дьячкова А.В. Экономика общественного сектора: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 166 с.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. – 1056 с.
3. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. – М.: Экономика, 1992. – 224 с.
4. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. – СПб.: Экономикус, 2008. – 352 с.
5. Экономическая мысль в ретроспективе: [Пер. с англ.] / Марк Блауг. – М.: Акад. нар. хоз-ва: Дело, 1994. – 687 с.
6. Парето В. Трансформация демократии. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2011. – 207 с.
7. Туган-Барановский Д.М. Туган-Барановский Михаил Иванович: жизнь и идеи. – Волгоград: Издатель, 2015. – 320 с.
8. Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления: опыт лучших компаний / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст., с. 5-27, Л.И. Евенко. – М.: Прогресс, 1986. – 418 с.
9. Гегель Г. Наука логики. – М.: Соцэклиз, 1937. – 814 с.
10. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. // СПС Гарант.
11. Постановление Правительства РФ от 22.05.2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» // СПС Гарант.
12. Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах // СПС КонсультантПлюс.
13. Бюджетный кодекс Российской Федерации (БК РФ) от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
14. Методические рекомендации по применению аудита эффективности (утв. Коллегией Счетной палаты РФ (протокол от 28 сентября 2021 г. № 63К (1506)) // СПС Гарант.
15. Ирина Ф. Эффективность и производительность. – URL: https://www.ovf.ru/articles/harrington-emerson/effektivnost-i-proizvoditelnost.htm
16. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 271 с.
17. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 17.02.2023) // СПС КонсультантПлюс.
18. Политологи назвали лучшие и худшие регионы России по качеству управления. – URL: https://www.rbc.ru/politics/12/01/2022/61dd6d939a7947a9dce70e82
19. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating/
20. Названы самые эффективные промышленные регионы России. – URL: https://rg.ru/2023/07/10/nazvany-samye-effektivnye-promyshlennye-regiony-rossii.html
21. Народный рейтинг глав регионов Российской Федерации // Интернет-портал «Губернаторы.ru». – URL: https://governors.ru/rating.

The Effectiveness of Public and Municipal Management: Essential Features and Problematic Aspects

Snytkin D.V.
Moscow State University of Sports and Tourism

The article is devoted to an urgent topic related to the identification of features and problems in assessing the effectiveness of public and municipal management. It is the effectiveness of management that largely determines the social satisfaction of members of society. The purpose of the article is to reveal the features and importance of management efficiency as a multi-valued category. Objectives of the article: to consider the effectiveness of management as a subject of research in various scientific fields and schools; to justify the need for the use of new, client-oriented technologies in management; to propose the author's concept of "ecosystem of state development"; to show the importance of budgetary efficiency in the activities of public sector institutions.

The provisions and practical recommendations formulated in the article are of particular interest and may be useful to managers of different levels of government. Thus, when evaluating the effectiveness of public sector institutions, it is proposed to take into account not only traditional, material factors, but also non-material ones. It is concluded that the main guideline for evaluating the effectiveness of budgetary institutions and organizations of the public sector of the economy is to improve the quality of life of the population.

Key words: efficiency, public administration, quality of management, trust, quality of life, developing society

УДК 341, 342.7

Смертная казнь: мировая практика

Фарвазова М.Б.
Преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Закирова Э.Ф.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

В работе поднимается вопрос общемировой практики применения смертной казни. В последнее время в связи с глобальными угрозами терроризма растет гражданский запрос о правомерном наказании для совершивших особо тяжкие преступления. В нашем обществе часто встречается рассуждение на тему смертной казни, и каждый раз можно заметить, что противники или сторонники подобной практики выступают с вполне аргументированными тезисами. Целью данной статьи стало определение юридического статуса высшей меры наказания в странах мира и выявление распространенности такого вида наказания. В работе разбираются международные нормативные трактаты, относящиеся к России и ограничивающие использование смертной казни, а также изучается практика ее использования в США и КНР.

Ключевые слова: юридический статус, высшая мера наказания, мораторий на смертную казнь, особо тяжкие преступления, правовые международные соглашения

Говоря о правах человека, часто в общественном дискурсе затрагивается тема жизни. Это основополагающее право, представляющееся каждому человеку с рождения, является неотъемлемым и основным для каждого человека [1]. Смертная казнь как мера наказания имеет богатую историю и была распространена по всему миру с древних времен, проистекая из традиции правовой мести. Некоторые исследователи отмечают, что смертная казнь является наивысшей формой наказания, поскольку лишает человека самого ценного – жизни. Это отнимает у осужденного возможность исправиться и вернуться к нормальной жизни, что делает смертную казнь радикально отличающейся от других форм пресечения преступности [2].

По большому счету история этого наказания отражает постепенное формирование общественных механизмов, направленных не только на уменьшение количества вынесенных смертных приговоров, но и на их полное устранение. Это развитие происходило через несколько направлений:

1. Внедрение дополнительных процессуальных мер защиты в ходе расследования дел, предусматривающих возможность назначения смертной казни. Раньше смертная казнь могла проводится без строгого следования правилам, однако позднее её осуществление стало допустимым только после получения судебного приговора, при условии полного разбирательства в деле определенными специалистами.

2. Сокращение перечня преступлений, которые влекут за собой смертную казнь.

3. Ограниченный список лиц, к которым может быть применена смертная казнь.

4. Определение четких временных рамок этого наказания как вынужденной меры в ответ на общественное восприятие уровня преступности. Большинство законодательств, допускающих смертную казнь, подчеркивают её временный статус.

5. Усложнение процесса с момента вступления приговора в законную силу до его фактического исполнения.

Так, историческое развитие смертной казни показывает нам тенденцию к её постепенному отмиранию как формы уголовного наказания [3].

В этом контексте отказ от применения смертной казни вынуждает законодателей искать новые способы воздействия на лиц, совершивших преступления высокой степени тяжести. Согласно обновленным законодательным актам, такие нарушители теперь могут столкнуться с вердиктом, предусматривающим пожизненное заключение. Дебаты о введении моратория на исполнение смертной казни продолжают быть острой темой в России, особенно на фоне увеличения числа преступлений, в том числе террористического характера [2].

В начале XXI в. подходы к смертной казни значительно изменились, что проявилось в уменьшении количества вынесенных и реализованных смертных приговоров. В США до сих пор мнения касательно нецелесообразности использования смертной казни остаются спорными [4]. При этом именно в этом государстве произошел большой скачок в сторону либерализации правового поля, так как одним из первых штатов, отменившим смертную казнь, стал Мичиган в 1846 г. С европейскими странами дела обстояли сложнее, многие из них не вдавались в сомнения касательно того, что смертная казнь является приемлемым наказанием за определенные действия. Однако Португалия стала первопроходцем среди европейских стран, отказавшись от применения смертной казни в 1867 г., тогда как все остальные только в 1950 г. примкнули к этой идее и создали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Данный документ отменил все иные нормативные акты, которые ставили под сомнения важность жизни человека. Вопросы гуманизма должны быть первостепенными, когда речь заходит о юридических правах человека. В 1983 г. многие члены Совета Европы выразили поддержку Протоколу № 6 этой Конвенции. Идеи гуманизма тогда продолжали плотно наседать на старое понимание достойного наказания, многие идеи были переосмыслены, сам Протокол был пропитан простой идеей того, что смертная казнь не должна считаться чем-то позволительным и характерным в демократическом государстве, с оговоркой, что, речь идет не об участии в войне. 15 декабря 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, который должен был полностью ликвидировать любую практику умерщвления человека, на данный момент этот протокол ратифицировали 78 из 167 стран-участников. С 1994 г., чтобы стать членом Совета Европы, необходимо ввести мораторий на смертную казнь, а также подписать Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ставшего первым международным соглашением, закрепляющим отказ от применения смертной казни [1]. Таким образом каждый участник подчеркивает не просто свое согласие, но и на деле показывает свое отношение к подобным идеям.

Обсуждая тему смертной казни, часто подчеркивают ее негативные аспекты, включая отсутствие доказательств того, что она эффективно снижает уровень преступности, особенно в сравнении с наказанием в виде пожизненного заключения. Критика также касается несправедливости этой формы наказания из-за неоднородности в определении преступлений, подлежащих смертной казни. Были случаи, когда применение смертной казни осуществлялось не по юридическим законам, а по эмпирическому дискриминационному подходу. Таким образом, чаще могли быть жертвами неправомерных казней люди, угнетаемые за свои политические взгляды, сексуальную или классовую принадлежность, а также особого экономического положения [5].

Вообще, в некоторых странах, где практикуется смертная казнь, исполнение приговоров часто происходит в условиях строгой конфиденциальности. Зачастую даже близкие осужденного не получают информацию о предстоящей экзекуции. Существуют разнообразные методы проведения смертной казни, включая использование электрического стула, расстрел и введение смертельной инъекции. В ряде стран, включая Северную Корею, Саудовскую Аравию, а также Иран, и до настоящего времени проводятся публичные экзекуции [6].

Тенденция к уменьшению использования смертной казни на глобальном уровне утверждается проведением саммитов, организованных Советом Европы, а также мировыми конгрессами в таких городах, как Монреаль в 2004 г., Париж в 2007 г. и Мадрид в 2013 г. и т.п. Также это подтверждается участием многих государств в международных соглашениях, целью которых является прекращение практики смертной казни и внедрение моратория на ее использование в периоды мира. Активные действия на международном уровне привели к тому, что 51 из 56 государств – членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе отменили смертную казнь. Однако в Беларуси и США она все еще используется как наказание за преступления в мирное время. В других странах, несмотря на юридическую возможность вынесения таких приговоров, на практике они не исполняются [1].

Совет Европы активно выступает против смертной казни и за последние три десятилетия предпри-

нимал меры для ее запрета в Европе. В большинстве западных государств смертная казнь официально запрещена, что коррелирует с основными положениями Европейской конвенции о правах человека. Такой документ, проработанный Советом Европы, закрепляет принципы защиты прав человека. При этом стоит понимать, что несмотря на такие усилия по отмене смертной казни, всего лишь 4 года назад в более чем 50 странах было вынесено 1477 смертных приговоров, и к концу 2020 г. около 30 тыс. чел. ожидали их исполнения. Большинство смертных приговоров было зафиксировано в Саудовской Аравии, Иране и Пакистане [7].

Затрагивая особенности США стоит пояснить, что проблема смертной казни давно разделила общество и политическую арену. Взгляды на правомерность смертной казни часто служат критерием, по которому определяется политическая принадлежность к либералам или консерваторам. В текущей ситуации страна колеблется перед важным выбором: полностью отменить казнь или продолжить подобную практику. Аргументы обоих сторон остались практически неизменными: противники подчеркивают ее неэффективность в предотвращении убийств, в то время как сторонники считают, что без нее количество убийств было бы значительно выше [4]. При этом в США за последние 50 лет было казнено 1439 чел., причем методы исполнения приговора постоянно менялись, переходя от электрического стула к расстрелу и смертельной инъекции [7].

Ученые со всего мира, в том числе из Соединенных Штатов, убеждены в том, что смертная казнь не является эффективным средством уголовного воздействия. В начале XXI в. ряд исследований поддерживал идею о полезности смертной казни, но существуют научные работы, которые ставят под сомнение этот вывод [5]. При этом в отдельных штатах США продолжают использовать смертную казнь как метод наказания. Юридическая система США позволяет каждому штату следовать своему набору законов и стандартам, адаптированным к региональным особенностям. В связи с политическими изменениями и увеличением либерализации общества наблюдается тенденция к уменьшению использования таких мер. Например, Мэриленд отменил смертную казнь в 2016 г., а Колорадо, Орегон, Пенсильвания и Вашингтон объявили моратории в 2018 г. За ними последовали Нью-Гэмпшир и Калифорния, введшие запрет на смертную казнь в 2019 г. [4].

Интересной страной, практикующей высшую меру наказания, является Китай. В третьей главе Уголовного кодекса, посвященной наказаниям, не упоминаются определения или цели наказания. Вместо этого глава начинается с описания системы и разновидностей наказаний. Среди наказаний выделяют арест, надзор, временное лишение свободы и смертную казнь, принимаемую только к тем, кто совершил особо тяжкие преступления. Такое наказание обычно не применяется к лицам, не достигшим 18 лет, беременным женщинам и к лицам старше 75 лет. Особенностью Уголовного кодекса Китая является возможность отсрочки исполнения смертной казни на два года. В этот период ожидания исполнения приговора поведение осужденного может сыграть решающую роль: если его действия оцениваются как законопослушные, возможна замена наказания на пожизненное заключение или тюремное заключение на срок от пятнадцати до двадцати лет; если же раскаяние отсутствует, Верховный народный суд Китайской Народной Республики может подтвердить исполнение смертного приговора [8].

В контексте России стоит упомянуть, что в 1996 г. страна вошла в состав Совета Европы, подписав его Устав, и спустя два года, в 1998 г., присоединилась к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это принятие обязало Россию уменьшить количество приговоров к смертной казни. В дополнение Россия утвердила «Декларацию прав и свобод человека и гражданина», которая устанавливает полный запрет на использование смертной казни на её территории. Такой жест демонстрировал однозначное единство с мировыми порядками в вопросе важности гуманистических тенденций [2]. При этом в стране нет отмены смертной казни, существует лишь мораторий, который буквально «замораживает» возможность о вынесении подобных приговоров. Поэтому законодательно возможность такой практики присутствует, просто ее никто не использует, заменяя высшую меру наказания пожизненным сроком, как правило.

Приверженцы идеи отказа от смертной казни выделяют несколько ключевых аргументов против её восстановления:

1. В случае возобновления использования смертной казни Россия потеряет своё представительство в Совете Европы.

2. Всегда есть вероятность ошибки, особенно в уголовных делах. Так, в отечественной практике, а именно в СССР два человека были неправомерно приговорены к смертной казни за преступления, совершенные Андреем Чикатило. Принимая этот пример, не нужно лишний раз пояснять, что в этом случае гибель невиновного человека – трагедия не только для общества, но и для всей юридической системы.

3. Мотивирование смертью не делает преступников более послушными и не заставляет их искренне раскаиваться в содеянном. Если брать в расчет серийных маньяков, то большая часть из них являются психически больными людьми, слабо понимающими связь своей фантазии с реальностью.

4. Смерть для преступника не всегда действует как сдерживающий фактор для предотвращения его

злодеяний. Даже в тех странах, где законодательно предусмотрена смертная казнь, продолжают появляться нарушители закона, которые могут быть осуждены к высшей мере наказания. [9].

Необходимо заметить, что Российская Федерация не прошла процесс ратификации Протокола № 6, а также не подписала Протокол № 13 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, запрещающий смертную казнь [1]. Правовое поле России действительно имеет у себя формальную практику использовать смертную казнь, однако на данный момент такие приговоры не выносятся. Смертная казнь, как практика, отсутствует и упоминается только на бумажных носителях, когда речь идет о формулировке когда-то расписанных нормативных актов. Поэтому фактическая возможность возвращения такого наказания в России формально присутствует. Учитывая это, стоит рассмотреть и иную сторону аргументации. Так сторонники восстановления смертной казни выделяют следующие положительные аспекты:

1. Справедливость наказания для тех, кто совершил преступление осознанно и понимал возможные последствия.

2. Экономическая выгода: содержание пожизненно осужденных обходится бюджету Российской Федерации дорого.

3. Возможность предупреждения преступлений: осознание вероятности получения смертной казни может удержать человека от совершения серьезного преступления.

4. Защита граждан и общественных институтов.

5. Пожизненное заключение не дает гарантии того, что осужденный не будет освобожден условно-досрочно за примерное поведение или иные формы доказательства своей непричастности к старому образу жизни [9].

Итак, можно утверждать, что лишение жизни является часто встречающимся наказанием в некоторых странах мира, при этом большая часть государств либо постепенно отходят от этой практики, либо полностью отменили такой сценарий для преступников. При этом, несмотря на положительные тенденции, не стоит думать, что высшая мера наказания осталась далеко в прошлом. На данный момент – это реальность, а вопрос относительно целесообразности использования подобной меры осуждения до сих пор остается открытым и не имеет конечного общепринятого мнения.

Литература:

1. Иванов А.В. Проблемы отмены смертной казни в России в контексте международных обязательств // Московский журнал международного права. – 2015. – № 1. – С. 40–59.
2. Дюкарева А.А. К вопросу о смертной казни в России // Экономика. Право. Общество. – 2017. – № 2 (10). – С. 95–101.
3. Романовский Г. Б. Смертная казнь как вид уголовного наказания // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2016. – Т. 4, № 4 (16). – URL: https://esj.pnzgu.ru/page/37821 (дата обращения: 14.04.2024).
4. Квашис В.Е. Смертная казнь как политико-правовой феномен // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 2 (53). – С. 19–29.
5. Маслов В.А. О зарубежной практике применения смертной казни и химической кастрации как мер уголовно-правового воздействия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 58. – С. 709–736.
6. Хорев А.В. Смертная казнь в современном праве: статистика и тенденции ее развития // Общественные науки. Право. – 2015. – № 2 (34). – С. 75–81.
7. Кузнецов А.А., Левченко О.А. Современные проблемы применения смертной казни в России и мире // Наукосфера. – 2022. – № 4(1). – С. 202–207.
8. Чучаев А.И., Коробеев А.И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики: Ч. 1. // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, №2. – С. 119–133.
9. Пресняков Д.А. Смертная казнь и ее воздействие на преступность // Аллея науки. – 2019. – Т. 3, № 12(39). – С. 696–701.

Capital Punishment: Global Practice

Farvazova M.B., Zakirova E.F.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The paper raises the issue of global practice of the death penalty. Recently, in connection with global threats of terrorism, there is a growing civil demand for lawful punishment for those who have committed especially serious crimes. In the public discourse is often found reasoning on the topic of the death penalty. The purpose of this article is to determine the legal status of capital punishment in the countries of the world and to identify the prevalence of this type of punishment. The paper analyzes international normative treatises related to Russia and restricting the use of the death penalty, and studies the practice of its use in the United States and China.

Key words: legal status, capital punishment, moratorium on the death penalty, especially serious crimes, legal international agreements

УДК 35

Применение инструментов Public Relations в государственном и муниципальном управлении: современные тренды

Фугалевич Е.В.
Доцент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Родзевич В.Н.
Старший инспектор отдела по работе с обращениями граждан
и организаций Комитета по тарифам Санкт-Петербурга

В настоящее время развитие инструментария в сфере коммуникаций управленческих структур с население становится неотъемлемой частью функционала органов государственного и муниципального управления. В рамках данной статьи авторы хотели продемонстрировать, что активное внедрение инструментов Public Relations в государственном и муниципальном управлении – это необходимые требования современного общества, что способствует плодотворному взаимодействию населения, власти и бизнеса, повышению эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления в интересах граждан.

Ключевые слова: Public Relations, PR в государственном и муниципальном управлении, PR-инструменты, связь с общественностью, целевые группы общественности

Российская Федерация сегодня столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны недружественных стран во всех сферах своего развития. Так называемый санкционный режим оказывает влияние на внутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию в стране, что влияет на репутацию и имидж органов государственной и муниципальной власти. В связи с этим возникает потребность применения и развития современных *PR*-инструментов.

В современном мире общественное мнение играет ключевую роль в формировании имиджа государственных и муниципальных органов и их руководителей, в связи с этим PR-инструменты становятся неотъемлемой частью работы государственных и муниципальных структур, помогая им эффективно взаимодействовать с общественностью, управлять имиджем и разрешать кризисные ситуации.

Термин *public relations* (*PR*) впервые был употреблен Томасом Джефферсоном в его обращении к Конгрессу. Термин активно использовался в 1830-х гг., и в тот период времени значение его трактовалось как «действие во благо общества».

На сегодняшний день единого общепринятого определения понятия *PR* не существует, однако авторы статьи тяготеют к объяснению данного понятия, описанного таким автором, как А.Д. Кривоносова. Она в своих работах определяет PR как некую управленческую коммуникационную деятельность (набор социальных практик, инструментов), которая направлена на оптимизацию взаимодействий значимых сегментов социальной среды с социальными субъектами [1].

С середины 1990-х гг. российское общество кардинально изменилось. От этатического с централизованным управлением социально-экономической сферой общество двинулось к демократии или так называемому западноевропейскому типу, в связи с чем резко возросла потребность управленческой

деятельности, одной из составляющей которой является направление «связи с общественностью».

В последние годы начал развиваться государственный пиар, деятельность которого направлена на продвижение образов органов власти и государственных лиц, которые способствуют повышению их имиджа в глазах населения.

Президент РФ В.В. Путин в свое время сказал: «Демократия заключается в возможности непрерывного влияния на власть и процессы принятия ею решений. Соответственно, она должна иметь определенные механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникации и обратной связи».

Исходя из выше сказанного, под связью с общественностью или коммуникацией с общественностью можно понимать взаимодействие органов государственной и муниципальной власти с целевой аудиторией, целевыми группами общества, общественности (ЦГО), направленное на реализацию конституционных основ российского государства, а именно реализация права граждан на доступ к информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти, если таковая не составляет какую-либо тайну [2].

Связи с общественностью (СО) или коммуникации с общественностью (КО) – это вид социального управления, его цель заключается в том, что управляемую систему субъект управления приводит в желаемое состояние для него, где субъектом управления выступает сторона, принимающая управленческое решение, а объектом – сторона, на которую это решение направлено.

В данном случае важнейшим ресурсом выступает информация, т.е. некоторый набор данных, который необходим в процессе принятия и реализации управленческих решений.

СО (КО), как мы уже говорили, являются одной из форм социального управления, которая соотносится с целями деятельности государства. Цель государственного и муниципального управления – обеспечение скоррелированного взаимодействия всех ЦГО. В связи с этим можем сделать вывод, что государство является посредником между всеми общественными группами. Исходя из данной интерпретации, выделим некоторые задачи коммуникации с общественностью в органах государственной и муниципальной власти, которые представлены на рисунке 1.

Отметим, что коммуникации с общественностью в органах государственной и муниципальной власти представляются самостоятельной сферой государственного и муниципального управления, включающей в себя выстраивание коммуникативного пространства, аналитику, правотворчество, а также исследовательскую деятельность [3].

Отличительными чертами СО (КО) являются:

Рис.1. Задач *Public Relations* в органах государственной и муниципальной власти [3]

– вовлечение общественности в процессы принятия управленческих решений;

– информационный объем с использованием различных средств коммуникаций;

– ориентация на компромисс;

– достоверность.

Коммуникации с общественностью присущи такие функции, как функция контроля мнения и поведения общества; функция учета и анализа событий и реагирование на них; функция, направленная на создание взаимовыгодных отношений между социальными группами общества.

С появлением интернет-пространства и его составляющих взаимодействие между властью, бизнесом и обществом вышло на новый уровень.

Согласно Конституции Российской Федерации, важной обязанностью органов государственной и муниципальной власти является признание приоритета, соблюдения защиты прав и свобод человека (ст.ст. 2 и 18).

В недавнем прошлом, в процессе разрешения проблемных вопросов гражданину было необходимо пройти множество инстанций для получения определенного решения (ответа). С появлением и развитием информационных технологий гражданин может напрямую обратиться в компетентный орган власти для того, чтобы решить возникшую проблему.

We Are Social и Hootsuite ежегодно представляют отчеты *Global Digital*, в которых публикуется информация о социальных сетях и интернете вообще со всего мира. Согласно представленным данным, население земного шара достигло уже 8,01 млрд чел., интернет-пользователями из которых являются 64,4 %, на 2023 г. их число выросло на 1,9 % по сравнению с 2022 г. [4].

Пользователями социальных сетей являются 4,76 млрд чел., на 2023 г. их число выросло на 3 % по сравнению с 2022 г. [5].

Проводя исследование использования *digital*-среды, цифровой среды населением планеты за десятилетний период, мы можем наблюдать тенденции к росту использования данной среды (рис. 2).

Использование платформ является действенным инструментом интернет-продвижения. Оно способствует эффективной реализации интернет-коммуникаций с общественностью [3].

Его ключевое преимущество – оперативное взаимодействие, что ранее являлось проблемой, а также

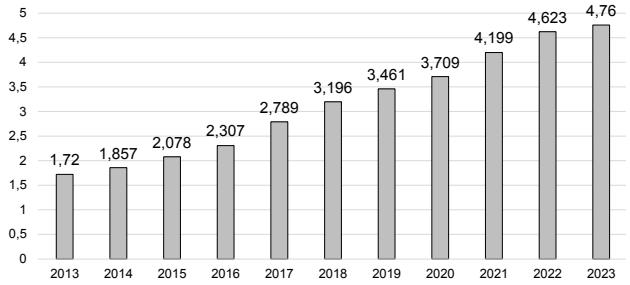

Рис. 2. Динамика изменений численности пользователей социалных сетей за 2013–2023 гг., млн чел. [5]

возможность быстрой обратной связи со стороны общественности, что поспособствует поддержанию положительного имиджа органов государственной и муниципальной власти.

Отметим, что положительный имидж и репутация органов государственной и муниципальной власти в настоящее время еще только формируется. Сложившиеся за многие годы стереотипы продолжают сказываться на имидже органов власти и его сотрудниках в связи с минимальной освещенностью их деятельности.

В 2022 г. были внесены поправки в Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в соответствии с которыми государственные и муниципальные органы власти должны создавать и вести социальные страницы в социальных сетях, список которых утверждается Правительством РФ, для размещения информации о своей работе [5; 7].

Во исполнение законодательства за последние пару лет присутствие государственных служащих значительно выросло и эволюционировало. Если раньше с деятельностью госсектора можно было ознакомиться в основном в новостях, то сейчас результаты их деятельность публично освещены и находится в свободном доступе в виде популярных пабликов, сообществ или аккаунов чиновников в сети Интернет, ведением которых занимаются квалифицированные специалисты (*PR*-специалисты/копирайтеры).

Согласно данным АНО «Диалог Регионы», на ноябрь 2023 г. количество официальных страниц государственных учреждений в социальных сетях выросло на 123 тыс. и достигло 220 тыс. Наиболее популярными платформами среди государственных и муниципальных органов власти стали ВКонтакте и Одноклассники, на их долю приходится 201,5 тыс. пабликов, а в социальной сети *Telegram* было создано более 18 тыс. каналов.

Активность пользователей социальных сетей свидетельствует, что граждане заинтересованы в открытости государственных и муниципальных органов власти, учитывая количество подписчиков на аккаунтах ВКонтакте. Также эти данные говорят об активном взаимодействии органов власти с общественностью путем ведения сообществ, в которых освещается деятельность властей.

Как говорилось ранее, ведением большинства аккаунтов высокопоставленных лиц занимаются подготовленные специалисты, главной задачей которых является грамотное выстраивание взаимоотношений с гражданами путем личной переписки, отслеживания региональных пабликов, которые освещают проблемы районов, городов и иных территориальных единиц, находящихся в ведомстве органов власти.

В качестве примера для подтверждения цепочки действий властей в социальных сетях, которые решают проблемы населения, можно рассмотреть Псковскую область. Губернатором области является Ведерников Михаил Юрьевич, исследуя его аккаунт ВКонтакте можно увидеть освещение деятельности в виде проведенных мероприятий и проследить неравнодушное отношение к гражданам и ситуациям в мире, которые затрагивают все слои населения. На территории Псковской области расположен город Великие Луки. В данном городе активно ведется паблик населения под названием «Подслушано Великие Луки», в котором каждый гражданин может опубликовать запись и описать проблемы, имеющиеся в город. Администрация города, следит за данным пабликам, но не всегда реагирует. В связи с чем записи пересылаются напрямую губернатору, и он в свою очередь поднимает вопрос о решениии проблем населения.

Социальные сети являются действительно эффективным инструментом в работе государственных и муниципальных структур, который не только помогает поддержать имидж служащих, но и способствует оперативному решению проблем разного характера. В случае, если администрация города не реагирует на жалобы населения, можно напрямую обратиться к руководству региона. Без представительства власти на различных платформах и аккаунтах большинство проблемных ситуаций оперативно не могли бы разрешится в силу несвоевременной осведомленности властей.

Социальные сети – это один из *PR*-инструментов, который позволяет органам государственной и муниципальной власти анализировать и оценивать проблемные ситуации, оценивать степень удовлетворенности населения деятельностью органов власти.

Отметим, что социальные сети можно представить с разных сторон:

– во-первых, с позиции, что власти рассматривают социальные сети как дополнительный канал для передачи официальной информации, а общение является односторонним, чтобы обеспечить максимально широкий охват аудитории [5];

– во-вторых, с позиции, способа взаимодействия власти и общества. диалог, общение становится инте-

рактивным, и официальные лица начинают получать информацию и комментарии от пользователей [5];

– в-третьих, с позиции некой транзакции в данном случае власти работают, взаимодействуют с гражданами в поле разработок планов, политик и т.д. [5].

Государственные институты сегодня вынуждены адаптироваться к новым способам взаимодействия с общественностью. Данные способы позволяют контролировать информационное пространство и устанавливать конструктивный диалог с населением.

А.Н. Расходчиков декоммунизирует разрыв в коммуникациях как препятствие для установления диалога между правительством и обществом из-за того, что действия властей не соответствуют темпам и масштабам развития интернет-технологий гражданами [6].

Как мы уже говорили, государственные и муниципальные структуры в настоящей момент имеют структурные подразделения, занимающиеся вопросами коммуникаций с общественностью (*PR*-службы). Эти службы осуществляют деятельность по доведению официальной информации о работе органов власти до целевой аудитории и налаживанию диалога между ними. Все это способствует формированию и развитию положительного имиджа органов власти, их руководителей и сотрудников через различные каналы коммуникации, одним из которых являются социальные сети.

Еще одним наиболее популярным и не менее важным *PR*-инструментом являются специальные мероприятия, перечень которых представлен на рисунке 3.

Рис. 3. Инструменты *Public Relations*

Представленные на рисунке мероприятия в совокупности с использованием социальных сетей приводят к ожидаемым результатам эффективного взаимодействия власти, бизнеса и общества в интересах населения и удовлетворению его потребностей.

В заключении отметим, что социальные сети играют огромную роль не только в жизни отдельных людей, но и в деятельности различных властных структур. Активное ведение платформ со стороны представителей органов власти способствует оперативному взаимодействию сектора B2G, благодаря которому достаточно быстро решаются проблемы населения. Помимо этого, общественность в свободном доступе может ознакомится с деятельностью органов власти для разрушения сложившихся стереотипов, повышения доверия и имиджа властей в глазах населения.

Таким образом, современные вызовы и тренды в социально-экономической и политической жизни общества требуют для повышения эффективности управления применения современных инструментов и технологи. Эффективность государственного и муниципального управления невозможна без применения *PR*-инструментов. Применения таких инструментов позволяет установить надежные связи между государством, бизнесом и обществом, что, безусловно, влияет на эффективность государственное и муниципальное управления и повышается доверия населения к власти, формируя положительный имиджа органов управления и укрепляя их репутацию.

Литература:

1. Борщевский Г.А. Связи с общественностью в органах власти: учеб. и практикум для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 261 с.
2. Кривоносов А.Д. Основы теории связей с общественностью. – СПб.: Питер, 2010. – 384 с.
3. Ачкасова В.А. [и др.]. Связи с общественностью в органах власти: учеб. и практикум для вузов / Под ред. В.А. Ачкасовой, И.А. Быкова. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 163 с.
4. DIGITAL 2022: Another year of bumper growth // We are social. – URL: https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/ (дата обращения: 18.05.2024).
5. Рослякова М.В. Социальные сети в деятельности органов исполнительной власти: адаптация к новым способам взаимодействия // Социодинамика. – 2022. – № 7. – С. 42–56.
6. Расходчиков А.Н. Информационно-коммуникационное взаимодействие власти и общества: в поиске эффективных технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 2. – С. 263–273.
7. Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СПС КонсультантПлюс.

Application of Public Relations Tools in State and Municipal Management: Current Trends

Fugalevich E.V.
Saint-Petersburg State University of Economics
Rodzevich V.N.
St. Petersburg Tariff Committee

Currently, the development of tools in the field of communication between management structures and the public is becoming an integral part of the functionality of state and municipal government. Within the framework of this article, the authors wanted to demonstrate that the active introduction of Public Relations tools in state and municipal management are necessary requirements of modern society, which contributes to fruitful interaction between the population, government and business, and increases the efficiency of state and municipal government in the interests of citizens.

Key words: Public Relations, PR in state and municipal management, PR tools, public relations, target groups of the public

УДК 657.631.6

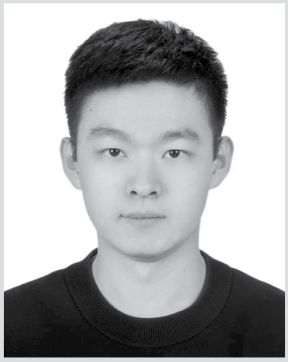
Аспекты внутреннего аудита организаций в Китае на основе концепции *ESG*

Харисова Ф.И.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры учета, анализа и аудита
Казанского (Приволжского) федерального университета

Хайруллина Л.И.
Старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ван Мэн
Магистр кафедры учета, анализа и аудита
Казанского (Приволжского) федерального университета

В условиях глобализации и усиления экологической ответственности актуальность развития внутреннего аудита в Китае обусловлена необходимостью интеграции ESG-принципов в корпоративную стратегию. Цель данного исследования – выявить роль внутреннего аудита в реализации ESG-инициатив и определить направления его совершенствования в контексте этих принципов. Авторы ставят задачу проанализировать текущее состояние и перспективы развития внутреннего аудита, особенно в аспекте соответствия и эффективности, в рамках управления ESG-рисками. Работа имеет значительную научную и практическую значимость, поскольку предлагает комплексный подход к адаптации внутреннего аудита под требования ESG, что является новизной в данной области. Основные результаты включают разработку рекомендаций по интеграции ESG-принципов в деятельность внутренних аудиторов, а также предложения по улучшению процессов управления рисками, контроля и корпоративного управления. Выводы исследования подчеркивают важность широкого доступа внутренних аудиторов к информации, в том числе нефинансовой, для повышения качества оценки и эффективности бизнес-процессов.

Ключевые слова: внутренний аудит, Китай, концепция, ESG, стандарты внутреннего аудита, экологическая ответственность, социальная ответственность, управление

В 2018 г. Счетное управление КНР пересмотрело нормативные акты, регулирующие внутренний аудит и издало обновленное «Положение о функционировании внутреннего аудита». В следующем году были опубликованы «Руководящие указания по функционированию внутреннего аудита в 2019 году», в которых были уточнены юридические аспекты этой деятельности, определены обязанно-

сти внутренних аудиторов, их независимость и порядок использования результатов аудита. Эти документы также содержат рекомендации по развитию подразделений внутреннего аудита.

Кроме того в «Указаниях по внедрению углубленного надзора за внутренним аудитом общественно-значимых организаций» обращено внимание на необходимость создания и совершенствования системы внутреннего аудита в организациях общественного значения. В Китае, в условиях быстрого экономического развития и углубления глобализации, роль внутреннего аудита становится все более заметной.

Концепция *ESG* (*Environment, Social and Governance*) играет решающую роль в гармонизации корпоративного, социального и экологического развития экономических субъектов. Через принцип (называемый также фактором) «*E*» (*Environment*/Окружающая среда) отражается то, как компании управляют природными ресурсами, следуют экологической политике и придерживаются принципа «зеленого» развития. Он включает в себя процессы снижения загрязнения, экономии энергии и сокращения выбросов, а также внедрения устойчивых методов производства.

В принципе (факторе) «*S*» (*Social*/Общество) уделено внимание тому, как компании контролируют социальные вопросы в производственном процессе, включая условия труда, гармоничное социальное развитие, защиту общественных интересов.

Через принцип (фактор) «*G*» (*Governance*/Управление) подчеркивается важность выполнения органами управления компании социальных и экологических обязанностей, включая прозрачность процессов принятия решений, предотвращение коррупции и повышение качества управления.

Эти принципы (факторы) *ESG* соответствуют национальной стратегии Китая по достижению «углеродной нейтральности» и устойчивого развития. Интегрируя принципы *ESG* в практику внутреннего аудита, компании могут не только повысить свою конкурентоспособность, но и внести свой вклад в достижение глобальных целей устойчивого развития. Для этого необходимо корректировать цели, содержание, методы внутреннего аудита и механизмы использования его результатов.

Внутренний аудит, направленный на стандартизацию и повышение эффективности деятельности предприятий, играет ключевую роль в выявлении рисков и проблем, что способствует стабильному и качественному развитию компаний, укрепляя их международную конкурентоспособность. Глубокий анализ финансовой отчетности, соблюдения нормативов, управления рисками и бизнес-процессов, обогащенный современными технологиями аудита, такими как анализ данных, облачные вычисления и искусственный интеллект, повышает точность и эффективность аудиторской работы. Результаты внутреннего аудита должны способствовать улучшению корпоративного управления, обеспечивая транспарентность и подотчетность, что в свою очередь укрепляет доверие стейкхолдеров. В Китае внутренний аудит демонстрирует рост независимости и важности, отражая зрелость и интернационализацию корпоративного управления. Интеграция *ESG*-принципов в аудиторскую практику требует от компаний эффективно реагировать на экологические и социальные вызовы, формируя положительный имидж и способствуя устойчивому развитию в контексте стремления Китая к углеродной нейтральности.

Для согласования вопросов внутреннего аудита и ESG рассмотрим сначала некоторые аспекты истории развития внутреннего аудита в Китае. В 1983 г. было издано «Уведомление Государственного Совета об утверждении запроса Счетной палаты на получение инструкций по ряду вопросов, касающихся проведения аудиторской работы» (*Guofa* [1983] № 130). Оно ознаменовало создание в Китае системы внутреннего аудита и его независимость от государственного (внешнего) аудита. В 1985 г. принятие «Временных положений о внутреннем аудите» и «Некоторых положений Государственного контроля о работе внутреннего аудита» обеспечило правовую основу внутреннего аудита. На этом этапе внутренний аудит был представлен как финансовый аудит. В 1995 г. Счетная палата пересмотрела эти регламенты и опубликовала «Положение о деятельности по внутреннему аудиту», обязав негосударственные экономические субъекты проводить внутренний аудит, требуя создание подразделений внутреннего аудита. Это способствовало распространению и повышению значимости внутреннего аудита в Китае.

Между 2003 и 2005 гг. Государственная аудиторская служба и Государственный Совет усилили внимание к внутреннему аудиту, особенно в отношении важных социально-значимых предприятий. В 2018 г. для того, чтобы соответствовать изменениям в экономическом развитии, были пересмотрены «Правила работы внутренних аудиторов в бухгалтерии».

Недавно, в 2023 г., Ассоциация внутренних аудиторов Китая опубликовала «Основные стандарты внутреннего аудита № 1101», содержащие требования к современному внутреннему аудиту и подчеркивающие роль внутреннего аудита в продвижении корпоративного управления, управления рисками и системы внутреннего контроля. Эти изменения не только демонстрируют зрелость системы внутреннего аудита Китая, но и подчеркивают ее ключевую роль в поддержке стабильного и устойчивого развития предприятий. Требования к продвижению внутреннего аудита составляют основу экономической политики Китая. С учетом глобализации экономики и возрастающей значимости принципов *ESG*, вну-

тренний аудит будет продолжать играть важную роль в повышении прозрачности, ответственности и конкурентоспособности предприятий.

Для компаний, стремящихся к устойчивому развитию и соблюдающих мировые стандарты, внутренний аудит и *ESG* (экологические, социальные и управленческие принципы) становятся все более тесно связанными. Внутренний аудит играет ключевую роль в проверке и подтверждении соблюдения принципов *ESG*, что не только повышает доверие заинтересованных сторон, но и способствует совершенствованию корпоративного управления.

Концепция «социально ответственных инвестиций», предложенная в XVIII в., зародилась в Европе и США, она является самым ранним прообразом концепции *ESG*. Она была разработана на основе недостатков традиционной теории максимизации прибыли акционеров. В целом идея заключалась в том, что предприятия не только несут ответственность перед акционерами, но и должны брать на себя соответствующие социальные обязанности по: защите окружающей среды, содействию общественному благосостоянию и благотворительности, а также защите уязвимых групп. С момента своего создания в концепции *ESG* тесно интегрируются три устойчивых элемента: окружающая среда, общество и управление корпоративной деятельностью. С ростом влияния концепции *ESG* по всему миру страны уделяют все больше внимания устойчивому развитию [1, с. 5]. В 2007 г. *Goldman Sachs* впервые применил концепцию *ESG* к инвестиционным решениям и определил количественные показатели соответствующих факторов перед оценкой рисков и доходности. Этот шаг привлек внимание инвестиционного сообщества. В 2020 г. Генеральный секретарь Си Цзиньпин предложил на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций цель «двойного углерода» [2, с. 9]. Впоследствии внимание в политике и практике Китая на область *ESG* значительно возросло.

Эти события не только отражают глобальное влияние концепций *ESG*, но и подчеркивают важную роль внутреннего аудита в содействии компаниям в достижении этих целей.

Факторы *ESG* оказывают все большее влияние на инвестиционные решения. Поскольку в мире все больше внимания уделяется устойчивому развитию, *ESG* становится приоритетом для многих стран. Факторы *ESG* в настоящее время широко учитываются при оценке инвестиционных рисков и доходности в Китае, где все более укрепляется политика, ориентированная на эту концепцию. Основная ценность *ESG* заключается в обеспечении низкоуглеродного развития, поддержке социального благосостояния и устойчивого развития, а также в получении признания мирового сообщества, что стало новым стандартом для бизнеса и инвестиций.

Важность *ESG* проявляется не только в содействии более устойчивому и справедливому будущему, но и в ее вкладе в улучшение корпоративного управления и прозрачности. По мере повышения внимания к корпоративной устойчивости и ответственности связь между внутренним аудитом и *ESG* становится сильнее. Внутренний аудит играет жизненно важную роль в проверке соблюдения компанией стандартов *ESG*, что важно для управления рисками и обеспечения прозрачности деятельности компании. Таким образом, внутренний аудит не только помогает компаниям соответствовать мировым стандартам, но также способствует повышению доверия заинтересованных сторон и оптимизации структур корпоративного управления.

Взаимодействие *ESG* и внутреннего аудита является ключевым для обеспечения устойчивости и эффективного управления в бизнесе. *ESG*-практики напрямую влияют на внутренний аудит, требуя от аудиторов инновационных подходов к оценке нефинансовых рисков и возможностей, включая социальное воздействие и экологическую ответственность. *ESG*-аудит позволяет компаниям идентифицировать и управлять экологическими, социальными и управленческими рисками, обеспечивая соответствие деятельности принципам *ESG* и целям устойчивого развития. Разработка систем показателей *ESG* необходима для отражения эффективности управления, охраны окружающей среды и социальной ответственности. Внутренний аудит должен интегрировать *ESG* в свои процедуры, проводя всестороннюю оценку *ESG*-практик и их влияния на финансовые и операционные результаты, что способствует улучшению и внедрению лучших практик. Стандарты аудита *ESG* должны быть разработаны для обеспечения соответствия и эффективности, согласно международным требованиям. Результаты внутреннего аудита следует регулярно пересматривать и корректировать в соответствии с развивающимися тенденциями *ESG* и накопленной практикой для того, чтобы отражать актуальные лучшие практики и стандарты. Таким образом, внутренний аудит способствует достижению *ESG*-принципов компании, улучшая управление рисками и укрепляя доверие стейкхолдеров.

Усиливая внимание к трем принципам *ESG* внутренний аудит может не только повысить доверие заинтересованных сторон и улучшить корпоративное управление, но и способствовать устойчивому развитию предприятий. Для адаптации к этой новой реальности необходимо скорректировать цели внутреннего аудита, включив в них принципы *ESG*. Это означает, что цели аудита должны отражать не только финансовые показатели, но и охватывать нефинансовые аспекты, связанные с экологической, социальной и корпоративной ответственностью.

Основное содержание внутреннего аудита должно выходить за рамки традиционных финансовых

проверок и расширяться для оценки практик *ESG* и их влияния на долгосрочную устойчивость и репутацию компании. В то же время внутренний аудит должен продолжать развиваться путем интеграции стандартов *ESG* и использования анализа данных и других современных технологий для оценки рисков и возможностей, связанных с *ESG*.

Применение результатов внутреннего аудита должно стать основой для стратегических и операционных корректировок компании, закладывая основу для долгосрочного корпоративного успеха путем улучшения показателей *ESG* и повышения прозрачности отчетности. Такой подход не только повышает качество корпоративного управления рисками и принятия решений, но и соответствует глобальным тенденциям и требованиям устойчивого развития.

Внутренний аудит должен включать в себя оценку устойчивости бизнес-модели компании и её способности адаптироваться к изменениям в области *ESG*. Необходимо разработать и внедрить обучение и развитие навыков внутренних аудиторов в области *ESG*. Важно отслеживать и обновлять *ESG*-стратегии в соответствии с текущими трендами и лучшими мировыми практиками. Эти шаги помогут поддерживать актуальность и эффективность внутреннего аудита, как действенного инструмента поддержки устойчивого развития и корпоративной ответственности.

Внутренний аудит эволюционировал от финансового аудита к аудиту операционной деятельности, раскрываясь путем оценки и повышения эффективности процессов управления рисками, внутреннего контроля и корпоративного управления. Со временем цели внутреннего аудита трансформируются, отражая изменения в бизнес-процессах и управленческих подходах. Так, *ESG*-рейтинги становятся всё более значимыми для внутреннего аудита листинговых компаний, хотя единое понимание концепции *ESG* ещё не сформировано. Цели *ESG* должны сосредоточиться на взаимосвязи экономических показателей с экологической, социальной и управленческой ответственностью, а также на балансе между краткосрочными и долгосрочными целями. Государственная политика также оказывает значительное влияние на эффективность *ESG*, требуя от компаний выполнения экологических, социальных и управленческих обязательств. В то же время концепция *ESG* охватывает широкий спектр областей. Следовательно, необходимо системно развивать цели внутреннего аудита по всем направлениям *ESG*: окружающая среда, общество и управление.

Вопрос о необходимости коррективов содержания внутреннего аудита в контексте *ESG* затрагивает аспекты его стандартизации. В 2013 г. Китайская Ассоциация Внутренних Аудиторов пересмотрела «Основные стандарты внутреннего аудита», расширив сферу внутреннего аудита и добавив много практического контента, что является важной вехой в развитии его практики. Современный внутренний аудит в Китае охватывает различные виды, включая, например, аудит доходов и расходов, экономической ответственности, стоимости проектов и специальный аудит. Их содержание имеет разную направленность. Они играют определенную роль в увеличении стоимости компании, и по-прежнему важны. Однако в этих видах внутреннего аудита недостаточно реализуются требования качественного и устойчивого развития предприятий. Для внедрения концепции *ESG* в систему внутреннего аудита необходима дальнейшая стандартизация содержания внутреннего аудита, акцент внимания на эффект от реализации национальной энергетической стратегии, реализации требований охраны окружающей среды, координации развития предприятий добывающей и перерабатывающей промышленности, а также связанные с этими направлениями доходы и расходы. Концепции ценностей *ESG* могут определять направление высококачественного развития предприятий, предлагая новые идеи для последующего расширения содержания внутреннего аудита. Кроме того, стабильные условия работы, полноценные механизмы внутреннего контроля и надежные системы управления обеспечивают предприятиям основу для предотвращения крупных рисков, что также станет предметом внутреннего аудита в рамках концепции *ESG*.

Касаемо потребности в совершенствовании методов внутреннего аудита на нее существенно влияет расширение масштабов аудита, что приводит к недостаточности традиционных методов.

Внедрение *ESG* во внутренний аудит открывает его новые возможности, требуя адаптации методов аудита к экологическим, социальным и управленческим воздействиям на деятельность компании. По мере расширения масштабов и диверсификации содержания аудита процедуры аудита усложняются. Для того, чтобы справиться с этими изменениями возникает острая необходимость в обновлении методов внутреннего аудита. Применение цифровых технологий, например, технологии дистанционного цифрового аудита, повышает результативность сбора, анализа и обработки бизнес-данных, тем самым улучшая качество аудита. Посредством интеллектуального анализа данных, экономико-математических и других методов аналитических процедур можно превратить собранные данные в ценную информацию и посредством улучшения методов аудита улучшить его качество.

В 2021 г. Генеральный аппарат ЦК КПК и Генеральный аппарат Госсовета Китая опубликовали «Заключение о создании и совершенствовании долгосрочного механизма решения проблем, выяв-

ляемых в аудите». В нем прописаны обновленные требования к использованию результатов аудита.

Новый порядок решения выявляемых в ходе аудита проблем и его рабочий механизм способствуют лучшему использованию результатов аудита. Раньше внутренние аудиторы посвящали порой необоснованно много времени проектам доходов и расходов, вопросам бюджета, итоговым отчетам и по-разному могли трактовать вопросы о содержании надзора за реализацией корпоративных стратегий и направлений, принятии и внедрении руководящих решений, возможностях корпоративного устойчивого развития и способности предотвращать риски. Вследствие этого результаты аудита применяются не всегда эффективно. Базируясь же на концепции ESG, можно сместить фокус стратегии внутреннего аудита, помочь предприятиям надлежаще стандартизировать внутренний контроль, сбалансировать интересы всех сторон и содействовать предприятиям в достижении целей устойчивого развития. С одной стороны, лучшее использование результатов аудита требует эффективной коммуникации и обратной связи. Для этого необходимо продолжать углублять интеграцию и координацию различных видов контроля, таких как внешний и внутренний аудит, дисциплинарная проверка и внутренний контроль, а также совершенствовать механизм динамичного взаимодействия, механизм обмена информацией и освещения проблем. С другой стороны, трансформация результатов аудита требует раскрытия *ESG*-информации. Включение результатов внутреннего аудита в концепцию *ESG* логично начать с трех принципов: общество, окружающая среда и управление, используя, например, такие каналы, как государственные регулирующие органы, добывающие и перерабатывающие предприятия, дочерние предприятия, клиенты. Касаемо аудита социальной ответственности компаниям рекомендуется регулярно публиковать отчеты об оценке социальной ответственности, своевременно реагировать на потребности заинтересованных сторон, динамично корректировать стратегии развития, для того, чтобы гарантировать выполнение социальных обязанностей, соответствующих целям надлежащего корпоративного управления.

На основании изложенного в статье, для дальнейшего развития внутреннего аудита в контексте ESG рекомендуется:

а) обеспечить комплексность внутреннего аудита и внедрить инновационные методы работы, поскольку они особенно важны при рассмотрении влияния концепции *ESG*. По мере того, как внутренние аудиторы корпораций все активнее интегрируют методы *ESG* с целью обеспечения экономической безопасности, экологичности и баланса интересов, меняются также цели и содержание проверок. Современные аудиты фокусируются не только на экономическом аспекте, но также включают экологическую и социальную ответственность, которые являются ключевыми факторами корпоративной устойчивости. Применение технологии цифрового аудита и оптимизация механизмов обратной связи еще больше повышают эффективность результатов аудита, позволяя компаниям принимать меры на основе результатов аудита, тем самым улучшая качество управления. Реализация инициатив *ESG* имеет решающее значение для содействия общему развитию предприятий, повышению качества и достижению долгосрочной устойчивости. В связи с этим во внутреннем аудите необходимо внедрять инновации, чтобы адаптироваться к этим новым вызовам и возможностям.

б) совершенствовать технологию внутреннего аудита и повышать его эффективность. После интеграции *ESG* с внутренним аудитом его методы и технология должны быть адаптированы для улучшения внутреннего аудита и операционной деятельности предприятий. Использование технологий больших данных для сбора и анализа информации, а также переход от традиционного выездного внутреннего аудита к комбинированному подходу с дистанционным аудитом, позволит сократить затраты и повысить эффективность аудита. Внедрение информационных систем для интеграции рабочих процессов, содержания аудита и процедур обеспечит создание адаптированной системы внутреннего аудита и мощную техническую поддержку для реализации *ESG*-подходов.

в) формировать команду внутренних аудиторов и повышать их компетентность. Современный внутренний аудитор играет ключевую роль в бизнес-операциях, однако его профессионализм требует повышения. Необходимо расширить компетенции аудиторов за пределами финансов и бухгалтерского учета, включая знания в области государственных стратегических политик и программ и др. В условиях развития *ESG*, внутренние аудиторы должны соответствовать новым высоким стандартам. Для этого каждое подразделение, в том числе служба внутренних аудиторов, должно регулярно проводить обучение по *ESG*-концепции.

г) усилить контроль со стороны государственных (внешних) аудиторов и полнее использовать результаты взаимодействия с регулирующими органами. Хотя подразделение внутреннего аудита не обладает такой же независимостью, как государственный (внешний) аудит, он может более эффективно интегрировать *ESG*-принципы в свои цели. Правительства и отраслевые регулирующие органы должны признавать значимость соблюдения *ESG* принципов в процессах оценки и надзора, использовать аудиторские отчеты, подготовленные по результатам консультаций по *ESG* и использовать их в качестве важного источника информации для надзора, спо-

собствовать интеграции *ESG*-концепции в аудит, как ключевого элемента надзора и тем самым поддерживать качественное развитие компаний.

Литература:

1. Tang Kaitao, Ning Jiali, Wang Lei, ESG Rating of Listed Companies and Audit Report Decision-making: Based on the Perspectives of Information Generation and Information Disclosure // Journal of Shanghai University of Finance and Economics. – 2023. – № 2. – P. 107–121
2. Wang Yao, Zhang Yunmeng, Hou Deshuai, Can Corporate ESG Performance Affect Auditors' Opinion? // Audit and Economic Research. – 2022. – № 5. – P. 54–64
3. General Zhou Ze, Ding Xiaojuan, Xiao Ziyao, ESG Rating Divergence and Audit Risk Premium // Auditing Research. – 2023. – № 6. – С. 72–83.
4. Булыга Р.П., Сафонова И.В. Аудит бизнеса в формате ESG: диалектика развития базовых категорий верификации //Журнал «Учет. Анализ. Аудит». – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 6-20.
5. The IIA helps internal auditors deliver strategic advantage that drives organizational success. – URL: https://global.theiia.org/news/Pages/IIA-Introduces-Updated-Guidance-Framework.aspx

Aspects of Internal Audit of Organizations in China Based on the ESG Concept

Harisova F.I., Khayrullina L.I., Wang Meng
Kazan (Volga Region) Federal University

In the context of globalization and increasing environmental responsibility, the relevance of the development of internal audit in China is due to the need to integrate ESG principles into corporate strategy. The purpose of this study is to identify the role of internal audit in the implementation of ESG initiatives and identify areas for its improvement in the context of these principles. The authors aim to analyze the current state and prospects for the development of internal audit, especially in terms of compliance and efficiency, as part of ESG risk management. The work has significant scientific and practical significance, since it offers an integrated approach to adapting internal audit to ESG requirements, which is new in this area. Key results include the development of guidelines for integrating ESG principles into the activities of internal auditors, as well as proposals for improving risk management, control and corporate governance processes. The study's findings highlight the importance of auditors having broad access to information, including non-financial information, to improve the quality of assessment and the efficiency of business processes.

Key words: internal audit, China, concept, ESG, internal audit standards, environmental responsibility, social responsibility, governance

УДК 316.334.22, 349.2

Реальность применения сокращенной рабочей недели в России: от трудового законодательства к практическим примерам

Чаплашкин Н.В.
Кандидат социологических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса,
Заместитель генерального директора ФГБУ «Центр развития образования и международной деятельности («Интеробразование»)» (Москва)

Григорович Е.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В статье раскрываются основные аспекты введения в российскую трудовую практику сокращенного рабочего графика. Актуальность темы в настоящее время подтверждается не только запросами общества, но и объективным технологическим развитием общества. Работники организаций, независимо от форм собственности, ждут изменений подходов к организации рабочего времени и пространства. Вызовы времени способствуют переходу к более гибким формам занятости, в том числе к удаленной работе, а также к сокращению рабочего времени. Выявляются основные нормы российского трудового законодательства, позволяющие уже в настоящее время работать по гибкому графику, в том числе и по сокращенной рабочей неделе. Вопрос внедрения сокращенной рабочей недели рассматривается через призму исторической перспективы. Выделены проблемные вопросы введения сокращенной рабочей недели. На примерах практических экспериментов с сокращением рабочего времени структурированы основные варианты, возможные к использованию сокращенной рабочей недели в России.

Ключевые слова: четырехдневная рабочая неделя, сокращенная рабочая неделя, свободная занятость, неполное рабочее время, гибкий график, дистанционная занятость, трудовое законодательство

В России уже несколько лет с переменной активностью ведется обсуждение сокращения продолжительности рабочей недели. В частности, самым распространенным предложением, которое рассматривается на всех уровнях, начиная от работодателей и профсоюзов, заканчивая профильными министерствами и ведомствами и депутатами Государственной Думы, является переход на четырехдневную рабочую неделю. Идея сокращения продолжительности рабочей недели в России не нова. Процесс сокращения продолжительности можно де-факто разделить на несколько этапов, последний из которых начался в 2019 г., когда на 108-й сессии Международной организации труда в Женеве в своем выступлении Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев высказался о возможном переходе на четырехдневную рабочую неделю в России [1], и продолжается до текущего времени. В ближайшее время, судя по вялотекущему обсуждению, оценка перспектив и целесообраз-

ности законодательных решений по данному явлению будет продолжаться, и этот этап будет длиться достаточно продолжительное время.

Минтруд России по итогам исполнения поручений 2019 г. неоднократно заявлял, что «необходимости законодательно вводить четырехдневную рабочую неделю нет, акцентируя внимание на том, что нет необходимости именно в четком закреплении в трудовом законодательстве четырехдневной рабочей недели» [2; 3].

Российское трудовое законодательство, и правда, позволяет работодателям реализовывать гибкий график работы для сотрудников и рабочие недели с сокращенным количеством дней, в том числе и четырехдневные, а также комбинировать это с дистанционной занятостью [4].

Положения по неполной рабочей неделе в Трудовом кодексе РФ содержатся уже достаточно давно. Так, ст. 93 Трудового кодекса определено, что по соглашению сторон трудового договора работнику как при приеме на работу, так и впоследствии может устанавливаться неполное рабочее время (неполный рабочий день (смена) и (или) неполная рабочая неделя, в том числе с разделением рабочего дня на части).

В случае соглашения сторон неполное рабочее время работнику может устанавливаться как без ограничения срока, так и на любой согласованный сторонами трудового договора срок.

При этом при работе на условиях неполного рабочего времени оплата труда работника производится пропорционально отработанному им времени или в зависимости от выполненного им объема работ. Что, кстати, позволяет перейти на сокращение продолжительности рабочей недели с сохранением соответствующей заработной платы при сохранении производительности.

Данные положения, в частности, были предусмотрены с целью защиты работников и предотвращения нарушений трудового законодательства со стороны работодателей или увольнений в случае недостаточного финансирования или с целью сохранения ценного сотрудника.

Согласно изменениям, внесённым в данную статью в 2017 г. [5], стороны в трудовом договоре вправе указать любые условия, предусмотренные российским законодательством, причем как непосредственно при заключении договора, так и после. Данные изменения дают сторонам право в любое время пересматривать условие договора об установлении сотруднику неполного рабочего времени при условии обоюдного согласия сторон.

При этом Трудовой кодекс РФ устанавливает законодательно нормы рабочего времени относительно рабочей недели – «Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю» (ст. 91 Трудового кодекса) [4]. Нормы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, закреплены в ст. 94 Трудового кодекса и не должны превышать 12 часов при условии, что это предусмотрено «отраслевым (межотраслевым) соглашением и коллективным договором, а также при наличии письменного согласия работника» [4], что позволяет комбинировать внутри 40-часовой недели количество рабочих часов в день в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора, например, по 10 часов в день.

Одновременно с этим ст. 102 Трудового кодекса установлены положения работы в режиме гибкого рабочего времени: «При работе в режиме гибкого рабочего времени начало, окончание или общая продолжительность рабочего дня (смены) определяется по соглашению сторон» [4].

Это также позволяет установить четырехдневную рабочую неделю с 40-часовым рабочим графиком, но уже с 10-ю рабочими часами в день.

При этом трудовое законодательство претерпевает изменения не только в связи общемировыми тенденциями в сфере занятости (защита прав работников, сокращение рабочей недели, вовлеченность работников в трудовой процесс и т.д.), но и по объективным причинам, как это произошло в части удаленной (дистанционной) занятости.

О дистанционной занятости разговоры на разных уровнях также шли на протяжении нескольких лет, начиная с 2010-х гг., когда было предложено законодательно закрепить в Трудовом кодексе РФ соответствующие положения, а желания и возможности работников начали совпадать с желаниями и возможностями работодателей [6].

2020 г. ознаменовался значительными переменами в трудовых установках экономически активного населения не только в России, но и во всем мире. Связанный с пандемией *COVID*-19 переход на гибкие формы занятости, в том числе массовый переход на удаленную занятость, показал, что традиционная занятость с рабочим местом в организации и с законодательно установленной 40-часовой продолжительностью рабочей недели не является критичной для организации труда работников многих сфер.

Эти позволило с новой силой задуматься о возможности сокращения рабочей недели. Более эластичными в этом плане кажутся сферы, где перевод на дистанционную работу занятых уже был осуществлен: IT, консалтинг, юридические услуги, финансы и страхование, торговля посредством электронных сервисов продаж и т.д.

В то же время пандемийные ограничения оказались показательными. В связи с тем, что некоторые сферы практически полностью завязаны на бесперебойной работе экономики страны и обеспечении населения жизненно необходимыми продуктами и услугами, такие как розничная торговля продуктами питания, аптеки, а также предприятия, реализующие

товары первой необходимости, непрерывные производства, медицинские учреждения, органы правопорядка и некоторые органы власти, то большинство их не только не было затронуто ограничениями, но и продолжало работать в прежнем режиме [7].

Но возможность работать удаленно не равно возможности работать по сокращенному рабочему графику.

Так, если образование в пандемию спокойно перешло на удаленный формат работы, то переход на четырехдневную рабочую неделю учителей в принципе пока не возможен. Учителя и преподаватели скорее всего, если перейдут на четырехдневную рабочую неделю, то только после изменения всего образовательного процесса, потому что тогда и учащихся придется переводить на четыре дня обучения, что не просто лишит их одного дня занятий, но и увеличит нагрузку по освоению соответствующих образовательных программ.

Особняком стоят и работодатели. Если у работников имеется желание при условии сохранения заработной платы, то работодатели не все готовы включаться в обсуждение, не видя выгоды для себя.

Так, по результатам опроса исследовательского центра портала *Superjob*, проведенного в 2023 г., идею введения четырехдневной рабочей недели поддерживает почти половина (49 %) граждан России. Почти 2/3 (64 %) опрошенных россиян уверены, что смогли бы выполнить за четыре рабочих дня столько же работы, сколько и за пять. Против введения – чуть больше четверти (28 %) опрошенных россиян [8]. При этом количество противников четырёхдневной недели – самое низкое значение за последние четыре года, например, в 2022 г. таковых было 32 %.

Однако по результатам опросов представителей работодателей в большинстве российских компаний (87 %) возможность перехода на четырехдневную неделю даже не обсуждалась, а еще в 5 % организаций сочли 4-дневную рабочую неделю недопустимой [9].

Но все-таки перевод на четырехдневную рабочую неделю трудящихся даже на непрерывных производствах хоть теоретически и возможен, тем не менее в настоящих реалиях столкнется с нехваткой трудовых ресурсов, которые должны будут обеспечить непрерывность.

Да, часто можно услышать, что основными препятствиями, из-за которых переход на четырехдневную рабочую неделю в России в ближайшее время невозможен, это дефицит работников и демографические процессы. Так, снижение рождаемости в 90-х гг. XX в. привело к уменьшению численности трудоспособного населения в текущем периоде, который продолжится еще несколько лет [10; 11].

Однако нынешняя социально-политическая реальность в стране показывает, что проблемы внедрения сокращенной рабочей недели лежат несколько в другой плоскости.

С начала 2022 г., в связи с началом специальной военной операции (далее – СВО), небывалым санкционным давлением и политикой импортозамещения российское производство встало совсем на другие рельсы.

Многие организации и предприятия, даже если и раньше не были никак не связаны с оборонной промышленностью, столкнулись с тем, что работникам пришлось переходить на ненормируемый увеличенный рабочий график, в частности, это касается как предприятий ОПК, так и добывающей отрасли, машиностроения, электроники и электротехники и т.д. [12].

Вот тут как раз и сказывается дефицит рабочих кадров, который образовался в последнее время из-за демографических проблем. Также в период СВО из экономики производства ушло несколько сот тысяч человек экономически активного населения в рамках мобилизационных мероприятий [13], что не могло не оказать своего влияния.

Сторонники перехода на четырехдневную рабочую неделю ссылаются на исторический опыт. Общество на протяжении веков идет по пути сокращения рабочей недели и рабочего дня – и это сопровождается ростом производительности труда.

Еще в 1930 г. классик экономической науки Джон Мейнард Кейнс в своем эссе говорил, что благодаря техническому прогрессу и увеличивающемуся благополучию в XXI в. люди будут работать по 15 часов в неделю [14].

Большинство развитых стран на своем историческом пути пришли сначала к десятичасовому рабочему дню, потом к восьмичасовому (при шестидневной рабочей неделе). А сейчас, согласно международной Декларации о будущем труда, которую приняли в Женеве в 2019 г. [15], и Конвенции МОТ № 1 [16], принятой еще в 1919 г., рабочее время не должно превышать 8 часов в день и 48 часов в неделю.

В настоящее время в большинстве развитых стран средняя продолжительность рабочей недели составляет менее 40 часов, в развивающихся – 40–48 часов, но и у одних, и у других чаще всего это пятидневная рабочая неделя [17].

Если посмотреть на российскую действительность, то 40-часовая рабочая неделя – это реальность последних 30 лет. Данная норма была внесена в трудовое законодательство только в 1992 г. [18].

При этом именно Советская Россия на европейском континенте была первой, кто сократил продолжительность рабочего дня до 8 часов. Восьмичасовой рабочий день в России появился после Октябрьской революции в 1917 г. Так, 29 октября (11 ноября) 1917 г. Советским правительством был издан декрет «О восьмичасовом рабочем дне» [19]. Рабочее время, согласно Декрету, не должно было превышать 8 часов в день и 48 часов в неделю.

Восьмичасовые смены в европейских странах начали вводить только после массовых многодневных забастовок с 1919 г. И именно в том же году была принята самая первая Конвенция МОТ, упомянутая ранее [16].

Начиная с 1928 г., в разные годы существования Советского государства длительность рабочего дня менялась, но в целом длительность рабочей недели не превышала 42 рабочих часов [20].

В 1928-1933 гг. был даже осуществлен переход к семичасовому рабочему дню и 42-часовой рабочей неделе. В начале 30-х годов XX века была введена пятидневная рабочая неделя с 41 рабочим часом. В 1956–1960 гг. рабочий день в СССР был вновь сокращён до 7 часов (в ряде отраслей и производств – даже до 6 часов) при шестидневной рабочей неделе.

Начиная с 1967 г., к 50-летию Октябрьской революции, был вновь осуществлён переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями при 42-часовой неделе. При этом либо продолжительность рабочего дня немного превышала 8 часов, либо рабочие часы свыше 40 (5 дней по 8 часов) складывались в дополнительный рабочий день – субботу.

С 1971 г. в течение 20 лет вплоть до 1992 г. официально была закреплена 41-часовая рабочая неделя.

Стоит отметить, что в 1940 г., в связи с начавшейся II мировой войной и напряжённой международной обстановкой, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю», который увеличивал продолжительность рабочей недели до 48 часов при шести рабочих днях и одним выходным [21].

Так что тенденция к снижению рабочего времени в перспективе – закономерность. А с учетом технологического скачка и развития информационных технологий – закономерность, которая будет продолжаться.

Это наблюдается не только в России – тренд к уменьшению количества рабочих часов виден практически во всех странах Европы. Некоторые страны Америки, Азии и даже Африки также проводят эксперименты по уменьшению количества рабочих часов, в том числе и переход на четырехдневную рабочую неделю.

Можно даже сказать, что Россия пока находится на задворках апробирования сокращения рабочего времени.

С точки зрения историзма количество таких экспериментов – с разным количеством рабочих часов и дней – растет в прогрессии. Если в середине прошлого века они носили разовый характер, то с середины 2000-х гг. компании стали массово проводить такие эксперименты.

Это прежде всего, конечно, связано с развитием информационных технологий как непосредственно в IT сфере, так и в таких сферах, как банкинг, финансы и т.д.

Эксперименты с сокращением рабочего времени неоднородны в своей массе. В настоящее время реализуются различные практики, а также различные варианты с сохранением заработной платы или ее сокращением:

– сокращение продолжительности трудовой недели с учетом сокращения продолжительности рабочего дня («пятидневка с сокращенными рабочими днями»);

– сохранение количества рабочих часов в неделю, но с сокращением числа рабочих дней («четырехдневка с удлиненным рабочим днем»);

– сокращение числа рабочих дней с сокращением продолжительности рабочей недели («чистая четырехдневка» с 8-часовым рабочим днем).

Для понимания масштабов кратко ознакомимся с текущей ситуацией в мире.

В качестве примеров стран первой группы можно привести страны Западной Европы с развитой социальной политикой, в частности, страны Скандинавии [22] и, например, Объединенные Арабские Эмираты [23].

Во второй группе имеются примеры разного масштаба как на уровне отдельных компаний, так и на общестрановом уровне, в частности, реформа рынка труда в Бельгии [24], переход на сокращённую неделю в Гамбии [25] и некоторые другие.

Третий вариант экспериментов – переход на четырехдневную неделю с сокращением количества рабочих часов – в настоящее время наиболее востребован.

Так, по этому варианту с начала 2000-х гг. провели эксперименты уже десятки стран, при этом ни в одной стране полностью не введена 4-дневная рабочая неделя, многие из перечисленных ниже стран экспериментируют с ней и в настоящее время.

С 2022 г. в ряде стран Европы и Америки реализуются проекты некоммерческой организации «4 *Day Week Global*» – эксперименты проводятся в странах с развитой экономикой, в основном в частном бизнесе: США и Канаде, странах Западной Европы, Новой Зеландии и Австралии и т.д. [26].

В ряде стран к сокращению рабочей недели пытаются перейти органы власти, как, например, в Испании [27] или Греции [28], в некоторых – эту идею лоббируют профсоюзы, например, в Германии [29], в некоторых инициаторами являются работодатели – Япония [30].

А что же на постсоветском пространстве?

Немного своим путем пошел в этом плане Казахстан. С 1 июля 2023 г. в рамках изменений трудового законодательства работники организаций Казахстана могут чередовать свой рабочий график. В зависимости от потребности работника, по согласованию с работодателем, предусматривается возможность

чередования четырехдневной, пятидневной и шестидневной рабочей недели [31].

Но данные нововведения не были востребованы на рынке труда. По результатам опроса исследовательского центра портала *HeadHunter* (*hh.kz*), проведенного через месяц после вступления в силу изменений, никто из 83 компаний, принявших участие в опросе, не перешел на предложенный вариант с чередованием четырехдневки: 69 % даже не рассматривают такую возможность, 3 % видят подобную перспективу, но точно не в ближайшее время [32]. Большинству компаний осуществить переход не дает специфика работы: у кого-то это бесперебойное производство, предоставление услуг первой необходимости. И даже спустя почти год переход на альтернативный график работы в стране не становится массовым явлением.

В России, как уже ранее говорилось, трудовое законодательство позволяет работодателям вводит сокращённые рабочие недели. Массового перехода также не наблюдается, хотя краткосрочные эксперименты проводились.

Так, если брать для рассмотрения последние годы, то во время пандемии *COVID*-19 ряд компаний отправляли своих сотрудников, чаще всего административно-управленческий персонал, не только на удаленную работу, но и на четырехдневную рабочую неделю с целью сохранить финансовые показатели на приемлемом уровне и не допустить сокращения штата.

В апреле 2020 г. нефтехимическая компания «Сибур» на 3 месяца ввела четырехдневку для административных работников и для своего офиса в Москве (1/3 всего персонала) с сокращением зарплаты на 20 %, но для сохранения финансовой устойчивости остальные сотрудники продолжали бесперебойную работу компании [33].

Аналогично поступили и в РЖД [34]. Вместе с тем для российских железных дорог это уже не в новинку. РЖД отправляло своих сотрудников на неполную рабочую неделю несколько раз с конца 2013 г. из-за экономической ситуации и уменьшения объема перевозок [35].

Эксперименты с четырехдневкой в России проводились и ранее, но связано это было как раз большей частью с проблемами в экономике и бедственным положениям некоторых отраслей в различные кризисные годы.

В 2009 г. одно из подразделений корпорации *Mirax*, занимающееся проектированием, перевело офисных сотрудников на неполную рабочую неделю с сокращением заработной платы. Эта мера не коснулась строительного блока, отдела продаж и служб, обеспечивающих функционирование офисов компании [36]. Положительный эффект данной меры иногда вспоминают и в настоящее время в контексте перехода на четырехдневную рабочую неделю.

Как видно из указанных примеров, в экспериментах, связанных с сокращением рабочей недели в связи с плохим положением компаний, даже сама формулировка сокращенной рабочей недели говорит за себя – «неполная рабочая неделя», и почти всегда это временная вынужденная мера, чтобы выйти из кризиса.

Предлагаемые форматы сокращенной рабочей недели с сохранением заработной платы, обсуждаемые в последнее время, – это варианты полной рабочей недели с сокращением количества рабочих дней и часов.

Один из самых известных в российской практике эксперимент такого формата проводится в Совкомбанке. Банк организовал эксперимент с коворкингом (рабочее офисное пространство вне основного офиса без организации постоянных рабочих мест) в Турции для своих IT-сотрудников в 2022 г. В коворкинге действовала 4-х дневная рабочая неделя с сохранением заработной платы. Позднее эксперимент масштабировали и открыли коворкинг в Сочи и Красной Поляне, планируется открытие еще одного офиса на Алтае, а в 2023 г. количество сотрудников, переведенных на такой режим работы, выросло в 3 раза [37].

По итогам эксперимента не только результаты работы показали положительную динамику – 96 % сотрудников выполняли и даже перевыполняли (20 %) пятидневную рабочую норму, сам проект стал знаковым для российского рынка труда.

Опыт Совкомбанка очень показателен, и можно предположить, что после окончания тяжелого кризисного периода в нашей экономике, все больше и больше компаний независимо от сфер деятельности будет приходить к сокращению продолжительности рабочей недели не в качестве антикризисной меры, а желания работников и работодателей в определенной точке будут совпадать.

Литература:

1. 108-я сессия Международной конференции труда. – URL: http://government.ru/news/36975/ (дата обращения: 14.05.2024).
2. Минтруд заявил об отсутствии необходимости вводить четырехдневную рабочую неделю. – URL: https://tass.ru/obschestvo/18394179 (дата обращения: 14.05.2024).

3. Минтруд не увидел предпосылок для введения четырехдневки в России. – URL: https://www.interfax.ru/russia/769347 (дата обращения: 14.05.2024).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изменениями // Российская газета. – 2001. – № 256.
5. Федеральный закон от 01.07.2017 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2017. – № 144.
6. Чаплашкин Н.В. Фриланс как новое социальное явление и его последствия: дисс. ... канд. соц. наук. – М., 2013. – 206 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025?index=2 (дата обращения: 14.05.2024).
8. Противников 4-дневной рабочей недели становится все меньше. – URL: https://www.superjob.ru/research/articles/114173/protivnikov-4-dnevnoj-rabochej-nedeli-stanovitsya-vse-menshe/ (дата обращения: 14.05.2024).
9. Введение 4-дневной рабочей недели поддерживает каждый второй россиянин. – URL: https://www.superjob.ru/research/articles/113433/vvedenie-4-dnevnoj-rabochej-nedeli-podderzhivaet-kazhdyj-vtoroj-rossiyanin/ (дата обращения: 14.05.2024).
10. Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529 (дата обращения: 14.05.2024).
11. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709 (дата обращения: 14.05.2024).
12. Шойгу заявил, что российские предприятия ОПК в разы нарастили выпуск вооружений. – URL: https://tvzvezda.ru/news/202312261322-6H72R.html (дата обращения: 14.05.2024).
13. Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001 (дата обращения: 14.05.2024).
14. Кейнс Д.М. Экономические возможности наших внуков // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 60–69.
15. Международная организация труда: сайт. Декларация столетия МОТ о будущем труда. – URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_715175.pdf
16. Сборник правовых актов Международной организации труда, действующих в Российской Федерации / Сост. С.П. Маврин. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 430 с.
17. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). – URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LGHRS_D (дата обращения: 14.05.2024).
18. Закон Российской Федерации от 25.09.1992 г. № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // Российская газета. – 1992. – № 219.
19. Декрет Совета Народных Комиссаров (О восьмичасовом рабочем дне) от 11 ноября (29 октября) 1917 г. // Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1917. – № 2.
20. Мельников В.Ю. Роль государства в обеспечении прав и свобод человека. – Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2020. – 492 с.
21. Закон СССР от 07.08.1940 «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. – № 28 (91).
22. Всемирная организация здравоохранения: сайт. Long working hours increasing deaths from heart disease and stroke: WHO, ILO. – URL: https://www.who.int/news/item/17-05-2021-long-working-hours-increasing-deaths-from-heart-disease-and-stroke-who-ilo (дата обращения: 14.05.2024).
23. UAE cuts working week to four-and-a-half days and moves weekend. – URL: https://www.theguardian.com/world/2021/dec/07/uae-cuts-working-week-and-shifts-weekend-back-a-day (дата обращения: 14.05.2024).
24. 4 Day Work Week in Belgium. – URL: https://4dayweek.io/country/belgium (дата обращения: 14.05.2024).
25. Gambia's new 4-day work week. – URL: https://www.foxnews.com/world/gambias-new-4-day-work-week (дата обращения: 14.05.2024).
26. Countries with a 4 Day Work Week. – URL: https://4dahttps://4dayweek.io/countries (дата обращения: 14.05.2024).
27. Spain to launch trial of four-day working week. URL: https://www.theguardian.com/world/2021/mar/15/spain-to-launch-trial-of-four-day-working-week (дата обращения: 14.05.2024).
28. Greeks Strike to Protest Threat of Being Duped by Four-Day Week. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-10/greeks-strike-to-protest-threat-of-being-duped-by-four-day-week (дата обращения: 14.05.2024).
29. Germany's largest trade union pushes for shorter working hours for 3.9 million workers. – URL: https://www.independent.co.uk/news/business/news/germany-working-hours-trade-unions-push-better-pay-workers-a7992906.html (дата обращения: 14.05.2024).
30. Japanese companies navigate workplace revolution as job hunters get choosier. – URL: https://asia.

nikkei.com/Spotlight/The-Big-Story/Japanese-companies-navigate-workplace-revolution-as-job-hunters-get-choosier?del_type=1&pub_date=20240424190000&seq_num=3&si=16102235 (дата обращения: 14.05.2024).
31. 4-дневная рабочая неделя в Казахстане появится с июля 2023 года. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/4-dnevnaya-rabochaya-nedelya-kazahstane-poyavitsya-iyulya-497206/ (дата обращения: 14.05.2024).
32. Ни одна компания в Казахстане не перешла на четырехдневную неделю. – URL: https://newtimes.kz/obshchestvo/173305-ni-odna-kompaniya-v-kazahstane-ne-pereshla-na-chetyrehdnevnuyu-nedelyu (дата обращения: 14.05.2024).
33. ПАО «Сибур Холдинг» – официальный сайт. «Сибур» вернул офисный персонал на пятидневку. – URL: https://www.sibur.ru/ru/press-center/articles-interviews/Siburvernulofisnyypersonalnapyatidnevku/ (дата обращения: 14.05.2024).
34. Глава РЖД предложил ввести в компании неполный рабочий день. – URL: https://www.rbc.ru/business/01/04/2020/5e849b4e9a79476c13f03695?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 14.05.2024).
35. Якунин: РЖД перевели на неполную рабочую неделю 27% сотрудников. – URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2013/12/04/n_5791249.shtml (дата обращения: 14.05.2024).
36. Mirax переходит на короткую неделю. – URL: https://www.infox.ru/news/15/21839-mirax-perehodit-na-korotkuu-nedelu (дата обращения: 14.05.2024).
37. ПАО «Совкомбанк» – официальный сайт. Совкомбанк подвел итоги эксперимента с четырехдневной рабочей неделей в коворкинге: 97% руководителей отметили положительный эффект. – URL: https://sovcombank.ru/articles/novosti-kompanii/sovkombank-podvel-itogi-eksperimenta-s-chetirehdnevnoi-rabochei-nedelei-v-kovorkinge-97-rukovoditelei-otmetili-polozhitelnii-effekt?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 14.05.2024).

The Reality of Using a Shortened Working Week in Russia: From Labor Legislation to Practical Examples

Chaplashkin N.V.
Center for the Development of Education and International Activities («Interobrazovanie») (Moscow)
Grigorovich E.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reveals the main aspects of the introduction of a shortened work schedule into Russian labor practice. The relevance of the topic is currently confirmed not only by the public social need, but also by the requirements of technological development of society. Employees of organizations, regardless of their forms of ownership, are waiting for changes in approaches to the organization of working time and space. The challenges of the time contribute to the transition to more flexible forms of employment, including remote work, as well as to a reduction in working hours. The article reveals the main norms of the Russian labor legislation, which currently allow working on a flexible schedule, including a shortened working week. The issue of the introduction of a shortened working week is considered through the prism of a historical perspective. The problematic issues of introducing a shortened working week are highlighted. Using the example of national practice of experiments with shortening working hours, the main options that can be used when implementing a shortened working week in Russia are structured.

Key words: four-day workweek, shortened workweek, free employment, part-time employment, flexible working, distance employment, labor legislation

Сведения об авторах

Абдикеев Нияз Мустякимович – доктор технических наук, профессор, директор Института финансово-промышленной политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Абдуллин Аяз Аделевич – аспирант Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: trytoinvent@yandex.ru

Абросимова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник Института финансово-промышленной политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: omabrosimova@fa.ru

Александрова Анна Сергеевна – магистрант Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева
443011, Самара, ул. Потапова, 64 Тел.: +7(846) 334-54-02 e-mail: anna.alex2000@yandex.ru

Анучина Ольга Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: socio-olga@mail.ru

Асадуллин Мурад Ренатович – кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимский университет науки и технологии
450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32 Тел.: + 7 (347) 229-96-16 e-mail: asadullin-murad@yandex.ru

Ахметьянова Замира Асраровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: zamira9@yandex.ru

Бачуринская Ирина Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: basia@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I
190031, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 9 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: aabes@inbox.ru

Бурганова Лариса Агдасовна – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: labourg@yandex.ru

Ван Мэн – магистр кафедры учета, анализа и аудита Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: wm13869225196@mail.ru

Вафина Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Виноградова Екатерина Юрьевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: e-mail: katerina@usue.ru

Врублевская Мария Викторовна – директор Департамента стратегического планирования и развития, старший преподаватель Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: vrublevskaya@spbstu.ru

Вьюгина Мария Андреевна – аспирант кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: manya_911@mail.ru

Гатауллин Анас Газизович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Гилаев Ринат Ильдусович – оперуполномоченный отделения уголовного розыска отдела полиции ГУ МВД России по Красноярскому краю
662500, Красноярск, ул. Дзержинского, 18 Тел.: +7(391) 245-90-78 e-mail: rinat.gilaev@mail.ru

Гилязова Айсылу Махмутовна – ассистент кафедры внутренних болезней Института фундаментальной медицины и биологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Григорович Елена Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: evgrigorovich@fa.ru

Гудков Николай Валерьевич – аспирант кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, руководитель группы контракт-менеджмента АО «ГК «Электрощит» – ТМ Самара»
443011, Самара, ул. Потапова, 64 Тел.: +7(846) 334-54-02 e-mail: nikolay_gudkoff@mail.ru

Демидова Светлана Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов Финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: demidovapsk@gmail.com

Дмитриева Татьяна Александровна – ассистент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: sta775@yandex.ru

Доробов Мизроб Сухробович – аспирант кафедры социологии, политологии и права КГЭУ
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: mizrob13.15@mail.ru

Дунин Олег Николаевич – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: ondunin@mail.ru

Ефлова Мария Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Закирова Эльвира Фариловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: dilyara-zakirova@mail.ru

Зинурова Раушания Ильшатовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, директор института управления инновациями КНИТУ (КХТИ)
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: rushazi@rambler.ru

Ибятов Ильнар Мухаррямович – аспирант Кафедра конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: ibyatov_i@mail.ru

Иванов Антон Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета
420097, Казань, ул. Шмидта, д. 35 а Тел.: +7(843) 236-93-16 e-mail: rggu-kazan@mail.ru

Ивашиненко Нина Николаевна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: ivni@mail.ru

Ильиных Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: larisakira@bk.ru

Калинина Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: ovkalinina@spbstu.ru

Каплаух Юлия Дмитриевна – бакалавр кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: kaplayx.y@mail.ru

Каримова Ксения Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
199178, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, д.57/43 Тел.: +7 (812) 335-94-94 e-mail: tarasova-ks@ranepa.ru

Кашбразиев Ринас Васимович – доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: rvkashbraziev@fa.ru

Квон Гульнара Магсумовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета Уральский государственный экономический университет
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: sung2002@mail.ru

Кириллова Лариса Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса, заведующая кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: e-mail: ili.sa@mail.ru

Клейн Дмитрий Александрович – аспирант кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
614990, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 23 Тел.: +7 (342) 217-96-17 e-mail: dakleyn@mail.ru

Корнева Ольга Анатольевна – аспирант кафедры управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
190031, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 9 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: k.o.a.15.10.87@mail.ru

Крейк Альфред Иосифович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: alfredkreyk@mail.ru

Кукушкина Ольга Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: kukushkina.oy@gmail.com

Ларионова Наталия Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: natasha-lari@mail.ru

Ларионова Нина Борисовна – старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Лимарь Анна Сергеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: (4722) 55-71-13 e-mail: ani.limar@yandex.ru

Малаев Владимир Валентинович – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: vladimirmalaev@yandex.ru

Мамонтов Алексей Вячеславович – студент факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Михайлова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71 Тел.: +7(4722) 55-71-13 e-mail: mihailova140361@yandex.ru

Мухаметшин Рашид Маратович – аспирант института социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: rashid.maratovich@mail.ru

Низамова Аида Ханифовна – старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: nizamova_a_h@mail.ru

Низамутдинов Ирек Камилевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: irek.nizamutdinov@gmail.com

Оборин Матвей Сергеевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; профессор Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
614070, г.Пермь, бульвар Гагарина, д.57 Тел.: 7 (342) 282-57-45 e-mail: recreachin@rambler.ru

Озаровская Анастасия Викторовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научного центра УрО РАН
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24 Тел.: +7 (8212) 24-22-64 e-mail: avon726@gmail.com

Олумекор Майкл – научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 Тел.: +7(343)375-44-44 e-mail: molumeor@urfu.ru

Островкин Денис Леонидович – кандидат исторических наук, проректор по социальной и воспитательной работе Уральского государственного лесотехнического университета
620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 37 Тел.: +7 (343) 221-21-00 e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

Охрименко Елена Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: oelenai@yandex.ru

Патокина Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: natpatok@gmail.com

Поздеева Ольга Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: e-mail: ogp@usue.ru

Помощикова Надежда Владимировна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1 Тел.: +7(4912) 27-21-12 e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкова
650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28 Тел.: +7 (3842) 58-30-14 e-mail: nickravochkin@mail.ru

Радыгина Евгения Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: radygina@bk.ru

Родзевич Валерия Николаевна – старший инспектор отдела по работе с обращениями граждан и организаций Комитета по тарифам Санкт-Петербурга
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 14/52 Тел.: +7 (812) 576 29 04 e-mail: lerik.rodzevich@gmail.com

Рыбушкин Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Рябцев Евгений Игоревич – адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Казанского юридического института МВД России
420018, Казань, ул. Магистральная, 35 Тел.: +7 (843) 277-80-77 e-mail: evgeniy-ryabtsev@mail.ru

Рязанова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: grimmdim@mail.ru

Сабиев Сулиман Шамсудинович – старший преподаватель кафедры публичного и уголовного права Российского нового университета
105005, Москва, ул. Радио, д. 22 Тел.: +7 (495) 925-03-83 e-mail: sabiev-suliman@rambler.ru

Сабитова Надия Михайловна – доктор экономических наук, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Садреев Руслан Раитович – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ»
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: tisbi@tisbi.ru

Садриева Дамира Наильевна – соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Сандлер Даниил Геннадьевич – доктор экономических наук, доцент, первый проректор по экономике и стратегическому развитию Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 Тел.: +7(343)375-44-44 e-mail: info@urfu.ru

Сафиуллина Алина Маратовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Сныткин Дмитрий Васильевич – аспирант кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского государственного университета спорта и туризма
117519, г. Москва, ул. Кировоградская, д.21, корп.1 Тел.: +7 (495) 388-78-33 e-mail: snytkindv@mail.ru

Суворова Светлана Владимировна – директор ООО «Институт правовой защиты»
443095, Самара, ул. Георгия Димитрова, д. 1А Тел.: +7(843)238 15 93 e-mail: suvorovasvetlana.ipz@mail.ru

Султанов Радик Абдулкеримович – адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
420018, Казань, ул. Магистральная, 35 Тел.: +7 (843) 277-80-77 e-mail: Sultanov_radik@mail.ru

Теодорович Михаил Леонидович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 Тел.: +7(831) 462-30-90 e-mail: unn@unn.ru

Тузиков Андрей Римович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления, социологии, истории института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Усманов Галяэддин Рафаилович – аспирант кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: gal.usmanov@gmail.com

Фарвазова Мария Борисовна – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: mfarvazova@bk.ru.

Фатхуллина Лилия Зинуровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: lialfa@rambler.ru

Финкельштейн Эльвира Рашидовна – аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, заместитель начальника отдела исполнения административного законодательства Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД МВД по РТ, майор полиции
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: elabashova@mvd.ru

Фугалевич Елена Владимировна – доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: e-mail: fugalevich_elena@mail.ru

Хазиев Артур Радикович – аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: e-mail: khaziev.artur@gmail.com

Хайруллина Лилия Ирековна – старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: lixa@bk.ru

Харисова Фирдаус Ильясовна – доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: firdavsun@mail.ru

Хизбуллина Радмила Радиковна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: mine_post@inbox.ru

Хузина Альфия Флюровна – младший научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Хурматуллина Алсу Махмутовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Чаплашкин Николай Владимирович – кандидат социологических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Заместитель генерального директора ФГБУ «Центр развития образования и международной деятельности («Интеробразование»)»
119021, г. Москва, Большой Чудов пер., 8, стр. 1 Тел.: +7 (499) 246 31 10 e-mail: kalyan82@rambler.ru

Чепаров Роман Дмитриевич – аспирант юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: cheparov98@mail.ru

Шавалеева Чулпан Мансуровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: chulpan212@mail.ru

Шакиров Инсаф Ильгамович – студент юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: mr.ins_shakirov@mail.ru

Шлычков Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, главный редактор Рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии»
420015, Казань, ул. К.Маркса, 53а Тел.: +7 (843) 238-15-93 e-mail: vestnik_eps@mail.ru

Южанинов Василий Сергеевич – старший преподаватель Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
350005, Краснодар, ул. Ярославская, д.128 Тел.: +7(861) 258-42-20 e-mail: vsyuzhaninovvs@list.ru

Юн Лариса Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: e-mail: yun.lara@yandex.ru

Юсупова Агния Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: agnya@yandex.ru

Для заметок